

РУССКИЙ ЯЗЫК

Под редакцией Л. Л. Касаткина

*Учебник для студентов учреждений
высшего профессионального образования*

4-е издание, переработанное

Москва
Издательский центр «Академия»
2011

Авторы:

Л.Л.Касаткин («Фонетика и орфоэпия», «Графика и орфография»);

Е.В.Клобуков («Морфология»);

Л.П.Крысин («Введение в науку о русском языке», «Лексическая семантика и лексикология», «Фразеология», «Лексикография»);

П.А.Лекант («Синтаксис»);

М.Р.Львов (раздел «Речь» в главе «Введение в науку о языке»);

Н.А.Николина («Состав слова и словообразование»);

М.Ю.Федосюк («Введение в науку о языке», кроме раздела «Речь»)

Редактор-организатор *М.Л.Каленчук*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е.Л.Бархударова*;

доктор филологических наук, профессор *Е.И.Диброва*

Русский язык: учебник для студ. учреждений высш.
Р89 проф. образования / [Л.Л.Касаткин, Е.В.Клобуков,
Л.П.Крысин и др.] ; под ред. Л.Л.Касаткина. — 4-е изд.,
перераб. — М.: Издательский центр «Академия», 2011. —
784 с. — (Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-7997-4

Учебник создан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 050100 — Педагогическое образование (профиль «начальное образование», квалификация «бакалавр»).

Учебник представляет собой полную картину анализа русского языка. Он включает все понятия и сведения о языке, необходимые для изучения будущим учителям начальной школы. В разделах «Фонетика», «Морфология», «Лексика», «Словообразование», «Орфография» и др. авторы излагают материал, отдавая дань традиции, на высоком научном уровне, но при этом доступно и лаконично, с интересными примерами, что облегчает усвоение самых трудных разделов учебника.

Большое значение приобретает факт изложения программного материала в русле расширения общей эрудиции и повышения культуры будущих педагогов.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть рекомендован для широкого круга лиц, заинтересованных в повышении культуры речи.

УДК 808.2-56(075.8)
ББК 81.2Рус-923

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым
способом без согласия правообладателя запрещается*

© Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. и др., 2011

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2011

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2011

ISBN 978-5-7695-7997-4

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемый вашему вниманию систематический курс русского языка адресован будущим учителям младших классов и написан в соответствии с действующей программой по русскому языку для факультетов начальных классов педагогических вузов.

Ознакомление детей младшего школьного возраста с теоретическими основами науки о русском языке должно быть непосредственно связано с работой по развитию правильности, точности и выразительности детской речи, с развитием у детей языкового вкуса. Эти задачи могут быть успешно решены лишь в том случае, если сам учитель имеет глубокие знания, ясно представляет себе русский язык как систему, свободно владеет нормами литературного языка, культурой устной и письменной речи. Поэтому русский язык как учебная дисциплина занимает в подготовке учителя начальных классов одно из центральных мест.

Концепция и структура данного курса апробирована в течение многих лет в практике преподавания русского языка студентам факультета начальных классов Московского педагогического государственного университета. Поскольку русский язык — единственный лингвистический курс на факультетах подготовки учителей младших классов, он является интегративным курсом: включает в себя не только сведения об устройстве и функционировании системы русского литературного языка, но и элементы общего и сравнительного языкознания, теории речевой деятельности, диалектологии, стилистики, истории языка.

Изучение курса начинается с рассмотрения общих вопросов языкознания, связанных с сущностью языка, закономерностями его развития и функционирования. Далее излагаются сведения по лексике, фонетике, словообразованию, морфологии и синтаксису русского языка с учетом профессиональной направленности обучения учителей начальных классов.

К языковым явлениям, которые невозможно объяснить с точки зрения синхронии, дается краткий исторический комментарий, позволяющий осветить процесс развития языка, объяснить внутреннюю логику и системную обусловленность языковых факторов.

§ 1. Предмет и разделы языкознания

Открывая эту книгу, вы приступаете к теоретическому изучению русского языка. Ее цель — познакомить вас с основами научного описания структуры русского языка и его функционирования в речи. (Возможно еще и практическое изучение языка, цель которого — научить человека говорить на новом для него языке или усовершенствовать его владение тем языком, с которым он уже знаком, но сейчас речь идет не об этом.) Таким образом, вы вступаете в сферу **я з ы к о з н а н и я** — науки, изучающей человеческий язык в целом и отдельные языки мира как его индивидуальные представители. Заметим, что наряду с термином **языкознание** для обозначения этой науки используются и два других термина: *лингвистика* (от лат. *lingua* 'язык')¹ и — несколько реже — *языковедение*.

Прежде чем начать теоретическое изучение непосредственно русского языка, очень важно уяснить себе, что представляет собой человеческий язык вообще и каким образом он устроен, как связаны между собой язык и сознание человека, язык, история и культура того народа, который на этом языке говорит. Кроме того, необходимо представлять себе, как возник человеческий язык, каким образом и под влиянием каких причин он изменяется, в чем состоят сходство разных языков и различия между ними, как эти языки можно изучать и классифицировать. Поиск ответов на эти и другие, связанные с ними, вопросы входит в задачи **о б щ е г о я з ы к о з н а н и я** — раздела языкознания, изучающего свойства, присущие любому человеческому языку.

Наряду с общим существует и частное **я з ы к о з н а н и е** — изучение отдельных языков (например, русского, немецкого или английского) или группы языков (например, славянских языков, в число которых наряду с русским входят украинский, белорусский, болгарский, польский, чешский

¹ Здесь и далее в справках об источниках происхождения терминов используются следующие условные сокращения: *лат.* — латинский язык, *греч.* — древнегреческий язык.

и целый ряд других языков, или германских языков, к которым помимо немецкого и английского относятся также нидерландский, шведский, датский, исландский и другие языки).

Общее и частное языкознание неразрывно связаны. Все сведения, которыми располагает общее языкознание, получены лингвистами в результате изучения отдельных языков, т. е. благодаря частному языкознанию. И наоборот: чтобы заниматься частным языкознанием (например, русистикой, к изучению которой вы и приступаете), необходимо располагать важнейшими общими сведениями о языке, т. е. владеть основами общего языкознания. Познакомить вас с этими основами и является целью данного раздела нашего учебника.

Существуют и другие, не менее важные, варианты деления языкознания на разделы. Один из них, на котором мы сейчас и остановимся, принимает во внимание то, какие именно элементы языка подвергаются рассмотрению.

Важнейшей единицей языка является слово. Совокупность слов данного языка именуют его словарным составом. Изучением словарного состава языка занимается раздел языкознания, который называется лексикологией (от греч. *lexikos* 'словесный' + *logos* 'учение').

Любое слово состоит из звуков. Звуковой строй языка изучается еще одним разделом языкознания — фонетикой (от греч. *phōnētikos* 'звуковой').

В составе любого слова можно выделить корень, а в некоторых случаях еще и приставки, суффиксы, окончания, т. е. кратчайшие значимые единицы языка — морфемы. Изучение морфемного состава слова и законов образования слов — предмет раздела языкознания, который называется словообразованием.

В большинстве языков слова объединяются в большие разряды, которые именуются частями речи. При этом многие слова обладают способностью изменяться, приобретая различные формы (так, русские прилагательные изменяются, например, по родам, числам и падежам, а русские глаголы — поклонениям, временам, лицам и числам). Исследованием частей речи и закономерностей словоизменения занимается морфология (от греч. *morphē* 'форма' + *logos* 'учение').

Слова в речи соединяются друг с другом, образуя словосочетания и предложения. Изучением строения словосочетаний и предложений занимается синтаксис (от греч. *syntaxis* 'составление').

Словообразование, морфологию и синтаксис объединяет то, что они, в отличие от лексикологии и фонетики, направле-

ны на изучение не столько состава языковых единиц, сколько законов их построения. Поэтому их обычно объединяют в один более крупный раздел, который называется грамматика (от греч. *grammatikē technē* 'искусство письма').

Все только что сказанное мы можем изобразить в виде следующей схемы:

ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

§2. Знаковый характер языка

Язык нередко характеризуют как основное средство общения между людьми. Это утверждение абсолютно верно. Под общением принято понимать процесс взаимодействия между членами человеческого общества, при котором происходит передача информации, а также воздействие на поведение и эмоции людей. И, разумеется, язык играет в подобном взаимодействии важнейшую роль. Вместе с тем данная характеристика еще не может служить определением языка, поскольку она не включает в свой состав целый ряд очень важных его признаков.

В этом и двух следующих параграфах мы подробно проанализируем эти признаки и таким образом установим, в чем заключается сущность языка.

Прежде всего, необходимо отметить, что язык состоит из знаков. Под знаком принято понимать материальный объект, который преднамеренно используется для обозначения какого-либо другого объекта, признака или ситуации. Комментируя это определение, следует подчеркнуть, что оно содержит указания на следующие три важнейших свойства знака.

1. Знаки — это материальные объекты, т. е. объекты, которые могут быть восприняты при помощи органов чувств. В человеческом обществе широко распространены знаки, рассчитанные на восприятие с помощью зрения (например, сигналы светофора, знаки дорожного дви-

жения, нотное письмо, математические символы) или с л у х а (например, звуковые сигналы, издаваемые автомобилями, звонок телефона, означающий «вас вызывает другой абонент», зуммер, звучащий после снятия телефонной трубки и сигнализирующий о том, что соединение с телефонной станцией осуществлено и можно набирать номер, прерывистый сигнал, означающий «вызываемый абонент занят»). Более периферийное положение занимают знаки, предназначенные для восприятия с помощью о с я з а н и я. Здесь в качестве примера можно привести азбуку Брайля — рельефно-точечный шрифт для письма и чтения слепых, изобретенный французским педагогом Луи Брайлем.

2. Знаки непременно должны обозначать д р у г и е о б ъ е к т ы, признаки или ситуации, т. е. сущности, не тождественные самим этим знакам. Так, при нормальных обстоятельствах стоящий на подоконнике горшок с цветком знаком не является. Однако, когда, как это было в фильме «Семнадцать мгновений весны», между обитателями квартиры и ее потенциальными посетителями имеется договоренность о том, что цветок выставляется на подоконник в случае, если явочная квартира не провалена, горшок с цветком, безусловно, становится знаком.

3. Знаки используются для обозначения объектов, признаков или ситуаций п р е д н а м е р е н н о. С этим утверждением согласны не все ученые. Однако, если не принимать во внимание данный признак, придется признать, что тучи на небе являются знаком приближающегося дождя (а может быть, знаком перемены погоды, наступления осени, необходимости взять с собой зонтик, отмены запланированной прогулки и т. п. — список возможных «значений» туч в этом случае легко продолжить), закончившаяся в авторучке паста — знаком того, что ее владелец много писал (или того, что ему нужно отдохнуть, а может быть, напротив, пойти в магазин, купить новый стержень и продолжить работу), бледность нашего собеседника — знаком его болезни (а может быть, усталости, сильного волнения или того, что лучше отложить разговор) и т. п. Дело в том, что, наблюдая те или иные предметы или явления, люди способны делать самые разные и нередко весьма многочисленные выводы о причинах и возможных последствиях наличия этих объектов, и потому квалификация подобных предметов и явлений как знаков может привести к непомерному расширению объема понятия «знак». Учитывая сказанное, удобнее именовать знаками лишь такие объекты, которые преднамеренно используются для обозначения ка-

ких-либо других объектов, а в остальных случаях говорить не о знаках, а о признаках или симптомах.

Нетрудно заметить, что знак является двусторонней единицей: он состоит из материального объекта и передаваемого с помощью этого объекта содержания. При этом материальную сторону знака обычно именуют **планом выражения** (либо, иначе, **формой**, или **означающим**) знака, а выражаемое этим знаком содержание — **планом содержания** (либо **содержанием**, или **означаемым**) знака.

Теперь в доказательство того, что язык действительно состоит из знаков, представим себе следующую ситуацию: ваш собеседник произнес на русском языке предложение *Я простудился*. Очевидно, что это предложение представляет собой не что иное, как воспринимаемую органами слуха последовательность звуков, причем данная последовательность важна не сама по себе, а потому, что с ее помощью человек преднамеренно заставляет вас представить себе ситуацию, которую можно описать примерно следующим образом: 'Говорящий в настоящее время болен, поскольку в какой-то момент, предшествовавший общению, его организм подвергся переохлаждению'. Совершенно очевидно, что это, как и любое другое, предложение языка является знаком.

К сказанному следует добавить, что знаки, которые, в свою очередь, составлены из более мелких знаков, принято называть **сложными знаками**, а те знаки, компоненты которых не являются знаками, — **простыми знаками**. Легко заметить, что предложения, как правило, представляют собой сложные знаки, поскольку состоят из более простых знаков — слов. В рассматриваемом нами предложении два более простых знака — слова: последовательность звуков, обозначаемая буквой *я*, обозначает говорящего, а последовательность звуков, соответствующая цепочке букв *простудился*, — пребывание в болезни, наступившей в результате переохлаждения организма.

Однако и слово — это, как правило, сложный знак, поскольку оно, в свою очередь, состоит из кратчайших значимых единиц — морфем. Так, в составе слова *простудился* (*про-студ-и-л-ся*) можно выделить приставку *про-*, выражающую идею проникновения насквозь, корень *-студ-*, выражающий идею холода, суффикс *-и-*, свидетельствующий о принадлежности данной формы к прошедшему времени или инфинитиву, суффикс *-л-*, выражающий значение прошедшего времени, значимое отсутствие окончаний *-а* или *-о* (или, как принято говорить, нулевое окончание), выражающее

значение мужского рода (в противном случае было бы *простудилась* или *простудилось*), и, наконец, возвратный суффикс *-ся*, выражающий идею направленности действия на самого его производителя.

Морфема — это уже не сложный, а простой знак. Разумеется, любую морфему можно разложить на составляющие ее звуки, однако каждый из таких звуков (например, звуки, обозначаемые буквами *с, т, у, д* в корне *-студ-*) сам по себе не передает никакого содержания. Таким образом, звуки — это уже не знаки, а те элементы, из которых строится план выражения языковых знаков.

Говоря о знаках вообще, мы уже отмечали, что разные знаки могут быть рассчитаны на восприятие с помощью различных органов чувств, и прежде всего с помощью слуха, зрения или осязания. Что же касается знаков человеческого языка, то все они предназначены для восприятия посредством слуха, т. е. являются **з в у к о в ы м и** знаками.

Только что сказанное может вызвать возражения. Ведь, как известно, языковое общение возможно и в письменной форме, а в этом случае используются буквы, т. е. не звуковые, а графические знаки, которые рассчитаны совсем не на слуховое, а на зрительное восприятие. Отвечая на это возражение, следует прежде всего подчеркнуть, что исконная форма существования любого языка — звуковая. Человеческий язык возник около 500 тысяч лет назад, тогда как письменность начала зарождаться лишь примерно 5 тысяч лет тому назад. Любой язык может и мог существовать и до создания для него письменности, а владение каким-либо языком совсем не обязательно предполагает умение читать и писать на этом языке (именно так владеют своим родным языком маленькие дети или неграмотные люди).

Главное даже не в этом. Знаки письменности не тождественны знакам естественного человеческого языка: письмо — это совершенно отдельная, изобретенная людьми, искусственная знаковая система, которая предназначена для графической фиксации звуковой речи с целью сохранения ее во времени или передачи на значительное расстояние. Выше было показано, что звук не является языковым знаком, поскольку за отдельными звуками не закреплено никакого содержания. Совершенно иначе, однако, обстоит дело с минимальной единицей письма — буквой. Буквы — это знаки, поскольку каждая из них служит для обозначения звуковых единиц языка.

Если же говорить не о письме, а непосредственно о языке, то основной вывод, к которому мы пришли в этом парагра-

фе, заключается в том, что язык — это не просто средство общения между людьми, а такое средство, которое состоит из звуковых знаков.

§ 3. Системный характер языка

Остановимся еще на одном очень важном свойстве языка. Оно заключается в том, что язык представляет собой систему.

С и с т е м о й (от греч. *syztēma* 'целое, составленное из частей, соединение') принято называть целостный объект, который состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных частей. При этом те части, из которых строится система, называют **э л е м е н т а м и** (от лат. *elementum* 'первичная материя') этой системы.

То обстоятельство, что все элементы языка, будучи теснейшим образом связанными друг с другом, образуют неразрывное целое, осознавали многие лингвисты, однако само понятие «система» вошло в науку лишь в начале XX в. Появление этого понятия позволило ученым обнаружить важные черты сходства в устройстве неживых объектов, живых организмов и человеческих сообществ, т. е. соответственно объектов физического, биологического и социального миров.

В качестве простейшего образца системы удобно рассмотреть один из объектов физического мира, например стол. Нетрудно убедиться, что, представляя собой единое целое, стол в то же время состоит из отдельных элементов: крышки, ножек и перекладин, которые соединяют ножки, причем все эти элементы определенным образом связаны между собой. Если нарушатся связи между элементами (например, отвалится крышка стола) или изменится состав элементов (например, вместо четырех ножек останутся только три), первоначальные свойства системы неминуемо переменятся. Аналогичным образом, как системы, устроены и многие хорошо знакомые всем нам предметы физического мира, например авторучка, тетрадь или рубашка.

Нетрудно увидеть, что точно такими же целостными объектами, которые состоят из многочисленных взаимосвязанных и взаимообусловленных частей, являются и всевозможные биологические организмы, будь то растения, животные или люди. Системы представляют собой и любые социальные объекты, начиная с семьи, дружеской компа-

нии или трудового коллектива какого-либо предприятия и кончая нацией, населением государства или даже всего земного шара.

Одна из важнейших особенностей любой системы заключается в том, что свойства каждого из ее элементов в значительной степени обусловлены характером их отношений с другими элементами данной системы. Для того чтобы продемонстрировать это, сначала вновь обратимся к простейшему примеру системы — столу. Как уже говорилось, основными элементами стола являются его крышка, ножки и перекладки. Могут ли все эти элементы быть совершенно произвольных форм и размеров? Разумеется, нет — в противном случае детали стола просто не подойдут друг к другу и не смогут составить единого целого. Таким образом, свойства элементов стола во многом зависят от того, как каждый из них относится к другим элементам той системы, в состав которой он входит.

Примерно так же обстоит дело и с языковыми элементами. В доказательство сказанного приведем несколько примеров.

1. Попытаемся сформулировать, что означает русское слово *стул*. На первый взгляд кажется, что, определяя лексическое значение этого слова, вполне достаточно сказать: *стул* — это предмет мебели, предназначенный для сидения. Нужно ли при этом добавлять, что стул имеет квадратную форму сиденья, четыре ножки и, как правило, жесткий? Очевидно, что нет, поскольку легко представить себе и стул с полукруглым или мягким сиденьем, и даже стул, имеющий три или две ножки (именно стулья всего лишь с двумя ножками, каждая из которых опирается на свое собственное горизонтальное основание, широко распространены сейчас в качестве школьной и вузовской мебели). Во всех этих случаях предмет мебели, предназначенный для сидения, все равно будет именоваться стулом.

И в то же время построенное нами определение действительно требует дополнений: ведь в русском языке существует еще и слово *кресло*, которое тоже обозначает предмет мебели, предназначенный для сидения, но при этом отличающийся от стула. Это отличие состоит в наличии у кресла подлокотников. Поэтому наше определение, безусловно, следует уточнить следующим образом: *стул* — это предмет мебели, предназначенный для сидения и не имеющий подлокотников.

Исчерпывающе ли такое определение? Разумеется, нет. Ведь имеется еще и русское слово *табурет*, которое тоже обозна-

чает предмет мебели, предназначенный для сидения и не имеющий подлокотников. Как известно, стул отличается от табурета наличием спинки, и этот признак необходимо тоже включить в определение лексического значения слова *стул*.

Таким образом, получилось: *стул* — это предмет мебели, предназначенный для сидения, имеющий спинку и не имеющий подлокотников. Однако и это определение не может нас удовлетворить. Вспомним такие слова, как *скамья* или *диван*, которые тоже обозначают предметы мебели, предназначенные для сидения. Скамья и диван так же, как и стул, могут иметь спинку и не иметь подлокотников. Однако они в отличие от стула предназначены для сидения не одного, а нескольких человек, и это, разумеется, тоже должно быть отражено в нашем определении.

В результате всех наших рассуждений получилось определение, которое, по-видимому, уже не вызовет возражений: *стул* — это предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и не имеющий подлокотников.

Подведем итоги. Как выяснилось, у стула как у предмета реального мира имеется достаточно большое количество признаков, таких, например, как форма сиденья, его мягкость или жесткость, количество ножек и т. п. Однако для лексического значения слова *стул* важны далеко не все признаки, присущие стулу, а только те, которые позволяют отличать значение слова *стул* от значений других слов (*кресло*, *табурет*, *скамья*, *диван*), входящих в систему данного языка. Иными словами, лексические значения слов любого языка находятся в тесной зависимости от значений других слов — элементов системы данного языка.

2. Попробуем ответить на вопрос: сколько предметов обозначает существительное, если оно имеет форму множественного числа?

Вопрос может показаться чрезмерно простым. Легко предположить, что если слово не относится к тому разряду существительных, который лингвисты обычно именуют существительными *pluralia tantum* 'только множественные', т. е. не принадлежит к числу слов типа *сани*, *именины* или *дрова*, которые вообще не имеют формы единственного числа, то во множественном числе оно обозначает более одного предмета. На самом деле, однако, все обстоит гораздо сложнее, поскольку применительно к разным языкам правильные ответы на этот вопрос будут звучать по-разному.

Дело в том, что содержание грамматической категории множественного числа (равно как, впрочем, и любой иной

грамматической категории) зависит от того, каким другим категориям в системе данного языка она противопоставлена. Для системы современного русского языка, в котором множественному числу противостоит лишь число единственное, только что приведенный ответ верен. Однако существуют языки, в которых множественное число противопоставлено не только единственному, но и двойственному, а в более редких случаях еще и тройственному и даже четверному числу, и в них содержание множественного числа иное.

Противопоставление трех чисел: единственного, двойственного и множественного — существовало, например, до XIII в. в древнерусском языке. Если речь шла об одном предмете, говорили и писали *братъ, другъ, конь*, если предметов было два — *брата, друга, коня*, если же количество предметов превышало два, следовало говорить и писать *брати, друзи, кони*. Так, встретив в летописи фразу *ту ся брата разлучиста* «тут братья разлучились», читатель понимал, что братьев было два; о трех или большем количестве братьев летописец написал бы *ту ся брати разлучишиа*.

Если множественное число противопоставлено в языке не только единственному, но и двойственному, то это не может не отразиться на его содержании. В подобных языках формы множественного числа существительных обозначают количество предметов, которое превышает не один, а два. Если же в языке противопоставлены друг другу единственное, двойственное и тройственное числа, то естественно, что формы множественного числа в этом языке обозначают количество предметов, превышающее три.

Таким образом, содержание не только слов, как это было показано в нашем первом примере, но и элементов грамматики языка зависит от их отношения к другим элементам данной языковой системы.

3. Возьмем любое русское существительное, например *дом*, и на его примере рассмотрим одну важную особенность системы падежных окончаний русских существительных. Совершенно очевидно, что каждое из окончаний существительных несет информацию о том падеже, в котором стоит данное слово. Так, если основа слова сочетается с окончанием *-а* (*дóма*), то перед нами родительный падеж (здесь и далее для краткости мы будем говорить только о единственном числе), если стоит окончание *-у* (*дóму*), то это падеж дательный, окончание *-ом* (*дóмом*) является показателем творительного падежа, а окончание *-е* (*о дóме*) — падежа предложного.

Но вот в форме *дом* к основе не присоединено никакого формально выраженного окончания. Возникает вопрос: каким образом при отсутствии окончания мы все же узнаем, что *дом* — это форма именительного или винительного падежа? Может быть, наличие основы без какого-либо окончания — это всегда признак именительного падежа? Очевидно, что нет. Вспомним такие не имеющие категории падежа части речи, как наречия (например, *тут* или *так*), частицы (например, *вот* или *ведь*), предлоги (например, *от* или *над*), чтобы убедиться, что отсутствие окончания далеко не всегда указывает на именительный падеж.

Проблема здесь, как и во всех уже рассмотренных случаях, заключается в отношениях между элементами языковой системы. У только что упомянутых слов *тут*, *вот* или *от* никаких иных форм, которым каждое из них было бы противопоставлено, нет. Что же касается формы *дом*, то в единственном числе она противопоставлена формам *дома*, *дому*, *домом*, *о доме*, что и позволяет рассматриваемой форме выражать то падежное значение, которое не закреплено за всеми остальными перечисленными формами, а именно значение именительного и винительного падежей. Применительно к подобным случаям принято говорить о значимом отсутствии окончания, или о нулевом окончании.

Интересно отметить, что случаи значимого отсутствия средств формального выражения знаков, или, если так можно выразиться, «нулевые знаки», встречаются не только в человеческом языке, но и в некоторых других знаковых системах. Вспомним, например, систему знаков, которая обычно используется в автомобилях-такси. Горящий зеленый огонек означает «такси свободно», однако никакого антонимичного зеленому «красного огонька» таксомоторы не используют. Содержание «такси занято» принято передавать с помощью значимого отсутствия включенного зеленого огонька, противопоставленного в этой простейшей знаковой системе его наличию.

Следовательно, не только лексические и грамматические значения, но и такие формальные единицы языка, как морфемы, находятся в зависимости от других элементов языковой системы, в состав которой они входят. Это еще раз подтверждает тезис о том, что многие свойства элементов языковой системы обусловлены характером их отношений с другими элементами данной системы.

Еще одно важное свойство любой системы — это ее м н о г о у р о в н е в о е с т р о е н и е. Оно проявляется в том,

что каждый из элементов системы, в свою очередь, тоже состоит из элементов и представляет собой систему. Такую систему обычно называют **подсистемой**.

Иллюстрируя многоуровневое строение любой из систем, обратимся вначале к нашему примеру со столом. Как уже говорилось, элементами стола являются крышка, ножки и перекладины. Если, однако, рассмотреть любой из этих элементов в отдельности, то можно увидеть, что и он представляет собой целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, т. е. подсистему. Так, например, элементами, из которых состоит ножка стола, могут быть определенным образом связанные между собой древесные волокна. Но и каждое древесное волокно, в свою очередь, образовано из более мелких элементов — клеток, а каждая клетка — из еще более мелких частей, таких, как ядро, оболочка и т. п.

Что же касается языка, то он представляет собой очень сложно организованную систему, которая включает в свой состав большое число подсистем. Именно поэтому, говоря об устройстве языка, его нередко называют **системой систем**.

Выше, в § 1, уже говорилось о таких разделах языкознания, как лексикология, фонетика и грамматика. Каждый из этих разделов изучает одну из подсистем, входящих в общую систему языка: лексикология занимается системой слов, или лексической системой, фонетика исследует систему звуковых единиц, или фонетическую систему, предметом грамматики является система грамматических единиц языка и т. д. Однако и каждая из только что упомянутых подсистем включает в свой состав более мелкие подсистемы. Так, в лексическую систему языка входят, например, подсистемы синонимов, антонимов и омонимов, в фонетическую систему — подсистемы гласных и согласных; в грамматическую систему — подсистемы частей речи, членов предложения и т. д.

Известно, что язык имеет иерархическое строение: более крупные единицы языка складываются из единиц более мелких, а те, в свою очередь, — из еще более мелких. Так, предложения состоят из слов, слова — из морфем, а морфемы — из звуковых единиц, которые называются фонемами (подробнее о фонемах см. в § 136). Подсистемы языка, состоящие из однородных единиц, которые находятся в иерархических отношениях с другими единицами языка, принято называть **уровнями** или **ярусами** языка. Учитывая сказанное, принято выделять следующие основные уров-

ни языка: фонемный, морфемный, лексический (т.е. уровень слов) и синтаксический (т.е. уровень предложений).

Таким образом, язык представляет собой целостное образование, которое состоит из большого числа сложным образом связанных между собой и взаимообусловленных элементов, т.е. является системой.

§ 4. Язык и другие знаковые системы

Обобщая все сказанное в двух предыдущих параграфах, можно прийти к выводу, что язык представляет собой не просто систему, а систему знаков. Однако это не единственная знаковая система, которая используется при общении людей.

Все знаковые системы принято делить на естественные и искусственные. Естественные знаковые системы — это системы, которые возникли и развиваются естественным путем, вне зависимости от целенаправленной деятельности человека. Наряду с языком в их число входят жестикация — значимые телодвижения, главным образом движения головы или рук, и мимика — значимые движения мышц лица.

Искусственными знаковыми системами называют системы, которые были изобретены самими людьми. В их число входят, например, сигналы светофора, знаки дорожного движения, форменные знаки различия военнослужащих, а также системы символической записи, используемые в музыке (нотное письмо), математике (цифры; знаки +, -, ×, :, =; обозначения корня, логарифма, интеграла и т.п.), астрономии, физике, химии и целом ряде других наук.

Поскольку все знаковые системы, как естественные, так и искусственные, имеют между собой много общего, в конце XIX в. возникла и начала свое развитие наука, направленная на исследование общих свойств любых знаков и знаковых систем. Она называется семиотика (от греч. *zēmeion* 'знак'). Лингвистика и семиотика находятся в достаточно сложных отношениях друг с другом: с одной стороны, человеческий язык — лишь одна из знаковых систем, и потому лингвистика логически подчинена семиотике, которая изучает все знаковые системы, с другой же стороны, язык представляет собой наиболее важную, сложную и глубоко изученную знаковую систему, поэтому семиотика в

своих основных понятиях и методах опирается на лингвистику.

По мере развития семиотика постоянно расширяет сферу своих исследований. Так, есть все основания рассматривать как знаковые системы средства передачи информации, используемые в различных видах искусства. На этом основании возникла семиотика искусства, анализирующая особенности «языков» кино, театра, живописи, музыки и, разумеется, художественной литературы.

Несомненно, велика роль знаков и в культуре каждого из народов: особенности поведения людей, их обычаи, одежда, устройство жилища и т. п. Изучением всех этих вопросов занимается семиотика культуры.

Рассматривая специфические черты культуры разных народов с семиотической точки зрения, можно заметить, например, что наряду с такими жестами, которые одинаковы у всех людей, существуют и «национальные» жесты. Так, здороваясь, в Китае раньше было принято пожимать руки не друг другу, а самому себе, индийцы в этой ситуации складывали ладони перед грудью, а лапландцы терлись носами. Современные французы при встрече нередко целуют друг друга в щеку, латиноамериканцы обнимаются, а поляки, здороваясь с женщинами, целуют им руку.

Известно также, что большинство народов выражают согласие кивком головы, а возражение — поворотами головы из стороны в сторону. У болгар, однако, принята иная жестовая система: понятие «да» у них выражается покачиванием головы налево и направо (этот жест напоминает знакомый всем русским жест со значением «Как тебе не стыдно!»), а понятие «нет» — кивком, который у большинства других народов означает «да».

Знаковую функцию выполняет и одежда. Даже в очень жаркое время года невозможно представить себе дипломатический прием, участники которого были бы одеты в джинсы и летние рубашки, равно как и наоборот: пляж с посетителями, одетыми в черные костюмы и вечерние платья. В Европе в знак траура принято надевать черную или темную одежду, тогда как в Индии и некоторых других странах Востока, напротив, белую. Все дело в том, что одно из назначений одежды — знаковое: одежда выражает социальное положение человека и его отношение к тому событию, на котором он присутствует.

Говоря о семиотике культуры, уместно вспомнить и то, что, проводя политические и экономические реформы, образцом для которых послужили страны Западной Европы,

Петр I приказал дворянам брить бороды, разрешив ношение бород только крестьянам, купцам, мещанам и духовенству. Разумеется, отмена ношения дворянами бород не имела никакого практического значения и носила чисто знаковый характер. В XVII и XVIII вв. непременным атрибутом дворянина был напудренный парик с косичкой, однако уже в начале XIX в. парики стали восприниматься как признак пожилого возраста и консерватизма взглядов их владельцев. В 1837 г. Николай I строго запретил носить бороды государственным служащим: дело в том, что в условиях подъема революционного движения на Западе борода представлялась ему приметой вольномыслия. В дальнейшем этот запрет был отменен, однако бороды и усы не разрешалось носить слугам, за исключением кучеров и дворников. Разумеется, понять причины всех этих запретов и разрешений можно, только если учесть, что прическа, борода и усы так же, как и одежда, имеют знаковую функцию.

Все эти примеры еще раз иллюстрируют ту существенную роль, которую играют знаки в жизни человеческого общества, и соответственно важное значение семиотики как науки о знаках и знаковых системах.

§ 5. Средства общения у животных

Семиотика занимается исследованием и тех знаковых систем, посредством которых общаются животные. Подобные средства общения необходимы практически любому представителю животного мира для того, чтобы, во-первых, защищаться от нападения или вторжения на свою территорию посторонних особей, а во-вторых, необходимым образом воздействовать на поведение других членов семьи или стаи. Знаковые системы, которые используют представители животного мира, можно условно именовать «языками» животных.

Знаки, которые используют животные, бывают рассчитаны на восприятие при помощи различных органов чувств: обоняния, зрения, осязания и, наконец, слуха. Так, исследователи поведения волков отмечают, что с помощью знаков, воздействующих на обоняние, — выделений мочи и помета — волчьи стаи помечают принадлежащую им территорию. Для выражения угрозы или, наоборот, дружелюбия звери активно используют такие визуальные знаки, как постановка ушей, положение корпуса и хвоста или подъем шерсти на различных участках тела. В некоторых случаях информация передается волками при помощи прикосно-

вений. И наконец, важную роль в общении волков играют звуковые знаки. В их число входят рычание, выражающее мягкий протест против действий другого волка, и лай, означающий протест решительный. С помощью особого рода фырканья волки предупреждают своих щенков об опасности, например о появлении человека. Услышав фырканье волчицы, щенята моментально разбегаются и затаиваются. Скуление означает у волков стремление установить контакт с партнером по группе, а в условиях зоопарка, кроме того, и с людьми, которые обслуживают животных. Наконец, одновременный вой нескольких волков исследователи расценивают как обозначение стремления волков сплотиться в единую группу.

Похожие знаковые системы были зафиксированы и при наблюдениях за обезьянами. Так, химические сигналы, при помощи которых стаи обезьян помечают принадлежащую им территорию, — это, как правило, выделения из сальных или потовых желез животных, которые они наносят на окружающие деревья. Важную роль в общении обезьян играют визуальные знаки. Вот что писал по этому поводу американский ученый Дж. Б. Шаллер, исследовавший поведение горилл: «В пределах группы гориллы координируют поведение главным образом при помощи движений и поз. Например, вожак, с решительным видом покидающий место отдыха группы, дает знать не только что он уходит, но и направление, в котором он намерен двигаться. Горилла, желающая, чтобы ее почистили, просто подставляет нужную часть тела другому животному. Каждая горилла все время следит за остальными членами группы и делает то же, что и они». Дж. Б. Шаллер описывает и некоторые другие визуальные знаки, которыми пользуются гориллы. Так, пристальный взгляд в глаза у обезьян (как, впрочем, и у многих других животных) — это выражение угрозы, а повторяющиеся кивки головой, напротив, означают «Я не имею враждебных намерений». Тактильные знаки, которыми пользуются обезьяны, — это всевозможные дружеские объятия и прикосновения или, наоборот, толчки и укусы в случае недовольства партнером по общению. Используют животные и акустические сигналы: звуки, предупреждающие об опасности или призывающие членов стаи собраться вместе.

Следует отметить, что степень сложности языка каждого из видов животных зависит не только от уровня развития их мозга, но и от того, насколько жизненно важно для данного вида общение с другими особями. Языки животных, проживающих вне стай, значительно беднее, чем у тех ви-

дов, которые живут стаями. Примером нестайных животных могут служить такие птицы, как соловьи или кукушки. Именно поэтому и разнообразные весенние трели и щелканье соловья, и монотонное кукование кукушки имеют всего лишь два значения: для других самцов это сигнал о том, что данная территория уже занята, а для самок — сообщение о возможности создать семью.

Очень интересны наблюдения исследователей над средством общения пчел — насекомых, которые, как известно, просто не могут существовать вне большой группы — пчелиного роя. Уже давно было замечено, что, вернувшись в улей, пчела, которая обнаружила богатый источник нектара, начинает совершать своеобразные танцующие полеты по улью. При этом к ней присоединяются другие пчелы. Прodelывая подобные «танцы», пчела-разведчица периодически производит серии виляющих движений брюшком, которые повторяют другие пчелы, и время от времени делится с ними капельками собранного нектара. Окончив танец, пчелы улетают за добычей. Ученым удалось установить, что с помощью длительности и ритма совершаемых движений танцующая пчела передает другим пчелам информацию о расстоянии от улья до источника нектара, а посредством направления движений — о том, в какую сторону следует лететь. Понятно, что для пчел, живущих роем, подобный способ передачи информации крайне важен.

Стихийно вырабатываются и знаки у домашних животных при их общении с человеком. Ориентируясь на звуки или движения, которые производят домашние животные, их владельцы легко понимают, в каких случаях животное сообщает о том, что оно голодно, а в каких хочет поиграть или просится погулять.

Результаты опытов по целенаправленному обучению общению с человеком прирученных обезьян также представляют значительный интерес. Первая такая попытка была предпринята еще в 1916 г., когда владелец молодого орангутана Уильям Фернисс попытался обучить своего питомца некоторым английским словам. Ценой огромных усилий Ферниссу удалось научить своего питомца произносить всего два слова: «папа» и «кап», что в переводе с английского означает «чашка», однако оба эти слова орангутан употреблял правильно. Впоследствии, умирая от простуды, обезьяна неоднократно произносила слово «кап», когда хотела пить. Основываясь на этом и подобных ему опытах, в ходе которых обезьяны не могли усвоить более двух — четырех слов, ученые пришли к выводу о таком принци-

альном отличии мозга обезьяны от человеческого мозга, которое не позволяет обезьянам овладеть речью.

Однако этот вывод убедительно опровергли американские исследователи Аллен и Беатрис Гарднеры. Они предположили, что неспособность обезьян научиться говорить объясняется не особенностями их мозга, а устройством голосового аппарата, с помощью которого животные просто не могут произносить звуки человеческой речи. Неслучайно те слова, которым все-таки удавалось обучить обезьян, такие, как «папа» и «кап», — это очень простые для произношения цепочки звуков, не требующие каких-либо сложных движений языка, на которые обезьяны не способны. Приобретя в 1966 г. 11-месячную самку шимпанзе по имени Уошо, Гарднеры решили обучать ее не звуковой речи, а жестовому языку американских глухонемых, который называется «амслен» (American Sign Language). Результаты эксперимента превзошли все самые смелые ожидания: за время обучения Уошо не только запомнила более 150 слов-жестов, но и научилась складывать из них простейшие фразы, которые нередко использовала в самых неожиданных ситуациях. Подобное поведение Уошо, а затем и других подопытных обезьян, которых начали обучать амслену, стало убедительным свидетельством достаточно высокого уровня развития их мозга.

Выяснилось, в частности, что обезьяны умеют расширять смысл усвоенных ими знаков. Так, выучив жестовый знак, который означал «открой ящик с игрушками», Уошо самостоятельно научилась употреблять его в значении «открой дверь», «открой крышку кастрюли» и даже «открой водопроводный кран». Однажды, находясь в клетке, Уошо стала просить пить, однако работавший рядом служитель по имени Джек долгое время не обращал на ее жесты внимания. Когда Джек наконец взглянул на разъяренную обезьяну, обнаружилось, что к жесту со значением «пить» Уошо добавляет какой-то другой, незнакомый служителю жест. Исследователи объяснили ему, что этот второй жест имел значение «грязный». Таким образом, Уошо расширила значение жеста «грязный» до смысла «плохой» и, обращаясь к служителю, «говорила»: «Грязный Джек, дай пить!»

Оказалось далее, что обезьяны обладают способностью создавать новые знаки, комбинируя знаки, уже известные. Так, другая подопытная обезьяна, Люси, увидев лебедя, стала обозначать его комбинацией жестов «вода-птица». Та же обезьяна называла лимоны, апельсины и другие цитру-

совые «запах-фрукт», редиску, которая, видимо, отличалась своим острым вкусом, — «плакать-боль-еда», а арбуз — «конфета-пить» или «пить-фрукт».

На основе выученных жестов обезьяны самостоятельно научились строить сообщения типа «Дай сладкий» или «Подойди открой» и даже делать выводы. Юджин Линден, описавший опыты над обезьянами в своей книге «Обезьяны, человек и язык», рассказывает, что обезьяна Люси, обнаружив у него на ноге ссадину, просигнализировала ему жестами «Тебе больно». Другая обезьяна, Коко, впервые увидев на улице лошадь, в рот которой были вставлены удила, показала жестами «Лошадь плохо», а когда ее попросили уточнить, о чем идет речь, пояснила: «Зубы плохо».

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что знаковые системы играют важную роль не только в деятельности человека, но и в жизни животных. Степень сложности «языков» животных зависит от характера тех сообщений, которые им необходимо передавать друг другу: наиболее простыми средствами общения располагают нестайные животные, более сложными знаковыми системами — животные, которые живут стаями, наконец, еще более сложные системы вырабатываются у животных при необходимости их общения с человеком.

Вместе с тем есть одна черта, которая принципиально отличает знаковые системы животных от человеческого языка: используя имеющиеся у них средства общения, животные могут информировать друг друга или человека о своем состоянии или потребностях, которые имеют место лишь в текущий момент. Средства общения животных не рассчитаны на то, чтобы передавать информацию о прошлом или прогнозировать будущие события. Таким образом, принципиальная особенность средств общения животных — это их тесная связь с наличной ситуацией.

§ 6. Отличие языка от других знаковых систем

Сопоставление человеческого языка с другими системами знаков, используемыми человеком или животными, позволяет нам обнаружить одно важное свойство, которое отличает язык от всех прочих знаковых систем. Для того чтобы сделать это, попытаемся ответить на вопрос: можно ли изложить содержание какого-либо из предыдущих параграфов посредством не языка, а любой другой знаковой системы, например с помощью мимики или жестикуляции?

Разумеется, ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. В отличие от языка наши обычные мимика и жестикуляция способны передавать лишь весьма ограниченный круг сообщений. При помощи мимики мы можем выражать главным образом различные эмоции; что же касается жестов, то они дают возможность информировать собеседников о местоположении предметов, их форме или размерах, выражать согласие (кивками головы), несогласие (поворотами головы из стороны в сторону), незнание или недоумение (пожиманием плечами), угрозу (демонстрацией кулака), передавать ряд других сообщений, однако совершенно очевидно, что этого явно недостаточно для того, чтобы жестикуляция могла заменить естественный язык.

Совершенно аналогично обстоит дело и со многими искусственными знаковыми системами, такими, как сигналы светофора, нотное письмо или математические символы. Каждая из подобных систем предназначена для передачи сообщений лишь в рамках той строго определенной узкой предметной области, для которой она была разработана (регулирование дорожного движения, обозначение музыкальных звуков, описание математических закономерностей и т. д.), и быть носителем всех тех многочисленных разновидностей содержания, которые могут быть переданы при помощи естественного языка, не способна.

О знаковых системах, используемых животными, уже говорилось — языки животных тесно привязаны к наличной ситуации и передавать информацию о чем-то, что находится вне непосредственного поля зрения общающихся, не могут.

Таким образом, в отличие от других знаковых систем человеческий язык обладает **универсальностью**, т. е. способностью выражать практически неограниченные типы содержания.

Разумеется, тезис об универсальности человеческого языка не следует абсолютизировать. С одной стороны, при желании передать с помощью языка некоторые виды сообщений мы все же испытываем определенные сложности. Вспомним, например, сожаление, которое высказывал Ф. И. Тютчев в связи с невозможностью достаточно точно изобразить словами душевное состояние человека. «Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь», — писал он в стихотворении «Silentium!». При помощи языка невозможно без существенных потерь передать и содержание музыкального, хореографического или, например, живописного

произведения. «Вы объяснили музыку словами. / Но, видно, ей не надобны слова — / Не то она, соперничая с вами, / Словами изъяснялась бы сама. / И никогда (для точности в науке) / Не тратила бы времени на звуки», — сказано об этом в стихотворении Новеллы Матвеевой «Музыка».

С другой стороны, звуковой язык не единственная известная нам универсальная знаковая система. Вспомним, что глухонемые разных стран располагают достаточно развитыми специальными жестовыми языками, которые позволяют им передавать друг другу всю необходимую информацию по зрительному, а не слуховому каналу.

Все это не отменяет, однако, рассматриваемого нами тезиса о том, что язык обладает гораздо большей универсальностью, чем подавляющее большинство других известных нам знаковых систем. Поэтому, подводя итоги всему сказанному выше о человеческом языке, мы можем определить язык как средство общения между людьми, которое представляет собой естественную универсальную систему звуковых знаков.

§ 7. Структура языка

Важной характеристикой любой, в том числе и языковой, системы является **с т р у к т у р а** (от лат. *structura* 'строение, расположение'), т. е. совокупность отношений между элементами системы. Рассматривая структуру какого-либо объекта, принимают во внимание, в каких отношениях между собой находятся все его элементы, но не учитывают свойства самих этих элементов.

Воспользуемся уже знакомым нам простейшим примером системы — столом и попытаемся описать его структуру. Очевидно, что в этом случае нам придется отвлечься от конкретных свойств (материала, формы, цвета, размеров) элементов, из которых состоит стол, и зафиксировать только, что к некоторому элементу описываемого объекта, именуемому «крышкой», прикреплено четыре элемента, именуемых «ножками», причем ножки, в свою очередь, соединены попарно с помощью элементов, именуемых «перекладинами». Подобное описание, разумеется, даст нам некоторое общее представление о столе, хотя служить характеристикой какого-либо конкретного стола со всеми присущими ему свойствами оно не сможет.

Примерно таким же образом обстоит дело и в случае языковой системы. И тем не менее многие свойства эле-

ментов языковой системы предопределены их отношениями с другими элементами данной системы. Но если это так, то, описывая, в каких отношениях друг к другу находятся элементы какого-либо языка (т. е. характеризуя структуру этого языка), мы уже передаем некоторую информацию и о свойствах самих элементов. Именно поэтому описание структуры языка даже и при отсутствии характеристики свойств составляющих ее элементов может нести достаточно важную информацию о рассматриваемом языке, хотя информация эта будет, разумеется, далеко не исчерпывающей.

Проиллюстрируем сказанное. Выше нами было дано весьма упрощенное описание системы русских слов, обозначающих предметы мебели, предназначенные для сидения (на самом деле таких слов в русском языке, конечно, гораздо больше, а система, которую они образуют, значительно сложнее). Напомним, что в нашем описании эта система состоит из четырех элементов — слов со значениями: (1) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и не имеющий подлокотников' (*стул*); (2) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и подлокотники' (*кресло*); (3) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, не имеющий спинки и подлокотников' (*табурет*) и (4) 'предмет мебели, предназначенный для сидения нескольких человек' (*скамья* или *диван*). Если в своем описании мы не стали бы упоминать, за какой последовательностью звуков закреплено каждое из перечисленных значений, то это и было бы характеристикой структуры рассматриваемой системы. Разумеется, часть важной информации о русском языке была бы в этом случае утрачена, однако другая, тоже важная, часть сохранилась бы. Дело в том, что, если бы стул, кресло, табурет и скамья именовались в русском языке не так, как они именуются, а как-либо иначе, многое в русской системе наименований предметов мебели все же осталось бы неизменным.

К сказанному уместно добавить, что системы слов, которые обозначают предметы мебели, предназначенные для сидения, в большинстве европейских языков имеют точно такую же структуру, как и в русском. Разумеется, сами слова, называющие стул, кресло, табурет и скамью, в русском, английском, немецком и французском языках по своему звучанию, как правило, не совпадают, и это означает, что рассматриваемые системы отличаются друг от друга. Однако если мы отвлечемся от звучания рассматриваемых слов и сосредоточим свое внимание исключительно на смысло-

вых отношениях между ними, то легко убедимся, что во всех упомянутых языках совокупности этих отношений, т. е. структуры, сходны. В этих структурах одинаково противопоставлены друг другу слова, обозначающие: (1) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и не имеющий подлокотников' (русск. *стул*, англ. *chair*, нем. *Stuhl*, фр. *chaise*); (2) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, имеющий спинку и подлокотники' (русск. *кресло*, англ. *armchair*, нем. *Sessel*, фр. *fauteuil*); (3) 'предмет мебели, предназначенный для сидения одного человека, не имеющий спинки и подлокотников' (русск. *табурет*, англ. *stool*, нем. *Schemel*, фр. *taburet*) и (4) 'предмет мебели, предназначенный для сидения нескольких человек' (русск. *скамья*, англ. *bench*, нем. *Bank*, фр. *banс*).

И в то же время подобные структурные совпадения в лексических системах разных языков имеют место далеко не всегда. Рассмотрим, например, русские и английские слова, которые обозначают конечности человека. Для русского языка характерно противопоставление прежде всего двух слов: *рука* и *нога* (разумеется, есть еще и другие слова, такие, как *кисть*, *локоть*, *плечо*, *ступня*, *колени*, но они не входят в противопоставление *рука* : *нога*, поскольку называют отдельные части руки или ноги). Между тем в английском языке точных смысловых эквивалентов для русских слов *рука* и *нога* нет: говоря по-английски о руке, непременно нужно указать, какая ее часть имеется в виду. Если речь идет о кисти, то по-английски это *hand*, если же имеется в виду часть руки от кисти до плеча, то она называется *arm*. Аналогичным образом русскому слову *нога* соответствуют, с одной стороны, английское *foot*, что означает 'ступня', а с другой — *leg*, называющее часть ноги от ступни до бедра.

Таким образом, если минимальная структура наименований человеческих конечностей в русском языке содержит только два противопоставленных друг другу слова: *рука* и *нога*, то в структуре английского языка противопоставленных слов как минимум четыре: 'кисть' — 'часть руки от кисти до плеча' — 'ступня' — 'часть ноги от ступни до бедра'. Иными словами, двухкомпонентная система наименований конечностей человека в русском языке не совпадает по своей структуре с английской системой, поскольку последняя состоит не из двух, а из четырех компонентов.

Для того чтобы познакомиться еще с одним несовпадением структур разных языков, обратимся к следующей таблице. В ней приведены прилагательные, которые обознача-

ют цвета в русском и английском языках, а также в языках шона (на нем говорят в Зимбабве и некоторых других странах Африки) и басса (это один из языков Либерии).

Русский	Английский	Шона	Басса
<i>красный</i>	<i>red</i>	<i>cips'uka</i>	<i>ztzu</i>
<i>оранжевый</i>	<i>orange</i>		
<i>желтый</i>	<i>yellow</i>	<i>cicena</i>	
<i>зеленый</i>	<i>green</i>		<i>hui</i>
<i>голубой</i>	<i>blue</i>		
<i>синий</i>			
<i>фиолетовый</i>	<i>purple</i>	<i>cips'uka</i>	

Рассматривая эту таблицу, нетрудно, прежде всего, убедиться, что если в структуре русского языка противопоставлены друг другу семь прилагательных со значением цвета, то в структуре английского языка таких прилагательных только шесть: русским словам *голубой* и *синий* соответствует лишь одно английское слово — *blue*. Разумеется, это не значит, что англичане и американцы не различают голубой и синий цвета или не в состоянии их назвать. При необходимости обозначить по-английски голубой цвет можно сказать *light blue* 'светло-синий' или *pale blue* 'бледно-синий', а о синем цвете сказать *dark blue* 'темно-синий' или *bright blue* 'ярко-синий'. Но только при необходимости, подобно тому, как мы при необходимости точно обозначать цвета (если, например, нам нужно описать расцветку какой-нибудь ткани или обоев) можем говорить о *темно-красном*, *желтовато-зеленом* или *зеленовато-голубом*. Что же касается разграничения голубого и синего цветов, то структура русского языка предписывает различать их всегда.

Если обратиться теперь к представленному в таблице языку шона, то нетрудно увидеть, что в его структуре противопоставлены только три цветовых прилагательных. Следовательно, если не стоит задача быть предельно точным и описывать оттенки цветов, то носитель языка шона крас-

ный, оранжевый и фиолетовый цвета назовет одним и тем же словом — *círs'uka*, говоря о желтом и желтовато-зеленом, употребит прилагательное *císepa*, а голубой, синий и голубовато-зеленый обозначит прилагательным *císeta*. Еще проще система обозначения цветов в языке басса, для структуры которого характерно противопоставление друг другу всего лишь двух прилагательных.

Подчеркивая, что структура является очень важной характеристикой языковой системы, выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857–1913) указывал на некоторые черты сходства между языком и шахматами. Разумеется, для шахматной игры важно, что фигура под названием «конь» действительно представляет собой маленькую фигурку с изображением головы коня. Однако главное свойство, которым должен обладать шахматный конь, — это его способность отличаться своим видом от всех других шахматных фигур. Поэтому, если фигура коня будет случайно потеряна, ее без особого ущерба для игры можно заменить каким-либо другим предметом, например катушкой из-под ниток или монетой, — главное только, чтобы этот предмет не совпадал по своему внешнему виду ни с одной из остальных шахматных фигур, иначе изменится сама структура игры.

Аналогичным образом, говоря о структуре языка, мы анализируем лишь то, в каких отношениях друг с другом находятся элементы языка, не принимая во внимание конкретные свойства самих элементов. Итак, с т р у к т у р а — это совокупность отношений между элементами системы, с и с т е м а же включает в свой состав и структуру, и совокупность самих элементов.

§ 8. Синтагматические и парадигматические отношения в языке

Язык представляет собой сложно организованную систему, каждый из элементов которой находится в определенных отношениях с очень большим количеством других элементов. Рассматривая эти отношения, принято разграничивать синтагматические и парадигматические отношения.

Под синтагматическими отношениями (от греч. *syntagma* 'нечто соединенное') понимают отношения, возникающие между последовательно расположенными элементами языка при их сочетании друг с другом. Это,

так сказать, «горизонтальные» отношения, т. е. отношения между данной языковой единицей и единицами, находящимися (или способными находиться) справа и слева от нее.

Иллюстрируя сказанное, рассмотрим слово *внести*. Любой человек, владеющий русским языком, легко определит, что, будучи употребленным в предложении, данное слово должно сочетаться, с одной стороны, с подлежащим, обозначающим производителя действия, с другой стороны, с прямым дополнением, обозначающим предмет, по отношению к которому производится действие, а с третьей, с обстоятельством, обозначающим место, являющееся конечной точкой действия, например: *Рабочие внесли мебель в комнату; Агроном внес удобрения в почву; Автор внес исправления в статью* и т. п. Отношения, возникающие между словом *внести* и теми словами, с которыми оно сочетается, и есть синтагматические отношения.

Разумеется, в синтагматических отношениях с другими элементами языковой системы находятся не только слова, но и другие единицы языка, например морфемы и звуки. Так, русский корень *нес* может, с одной стороны, сочетаться не только с приставкой *в-* (как в слове *внести*), но и с приставками *от-* (*отнести*), *при-* (*принести*), *у-* (*унести*), *за-* (*занести*), *пере-* (*перенести*) и т. п., а с другой стороны, не только с суффиксом *-ти*, но и с суффиксами *-л-* (*внесла*), *-енн-* (*внесенный*), *-ш-* (*внесший*) и т. п. Мягкий согласный звук [н'], входящий в состав этого корня, может, в свою очередь, сочетаться не только с последующим [и'] (как в слове *внести* [вн'и'с'т'и]), но и с такими звуками, как [э] (*нет* [н'эт]), [у] (*муж* [н'ух]), [о] (*внёс* [вн'ос]), [а] (*внял* [вн'ал]), однако не может — с [ы] (в русском языке звук [ы] после мягких согласных не употребляется).

Парадигматические отношения (от греч. *paradeigma* 'пример, образец') возникают между единицами языка, объединенными в памяти носителя языка и связанными отношением противопоставления. О них можно сказать, что это «вертикальные» отношения, т. е. отношения, связывающие данную языковую единицу с единицами, которые могли бы выступать на ее месте.

Вновь обратимся к нашему примеру — слову *внести*. Хранясь в сознании носителя языка, это слово ассоциативно связано в его памяти, во-первых, со словами, близкими или противопоставленными ему по значению (т. е. с синонимами типа *втащить* или *затащить*, с антонимом *вынести*, а также с такими близкими по значению словами, как *привезти*, *притащить*, *доставить* и т. п.), во-вторых, с од-

нокоренными словами, принадлежащими той же или другим частям речи (*нести, принести, унести, занести, нестись*, а также *несение, ноша, носилки, носитель, взнос* и т. п.), в-третьих, со словами, имеющими ту же приставку (*ввести, вбежать, вдеть, включить* и т. п.), в-четвертых, с другими формами того же самого слова (*внес, внесла, внесло, внесли, внесу, внесешь, внесет, внесем*) и т. д. Эти, а также другие подобные им отношения называются парадигматическими.

Совокупность языковых единиц, связанных между собой парадигматическими отношениями, принято называть **парадигмой**. Этот термин наиболее часто используют в морфологии, где морфологической парадигмой и именуют группу форм одного и того же слова. Так, среди только что приведенных примеров, иллюстрирующих парадигматические отношения в языке, была упомянута морфологическая парадигма спряжения глагола *внести*: *внесу, внесешь, внесет, внесем, внесете, внесут* — и парадигма форм прошедшего времени глагола: *внес, внесла, внесло, внесли*. Аналогичным образом можно говорить о парадигме склонения существительных: *ноша, ноши, ноше, ношу, ношей, о ноше* и т. д. — и о других морфологических парадигмах.

§ 9. Взаимоотношение языка и мышления

Неотъемлемое свойство каждого человека — это его способность мыслить. Мышлением называется высшая форма отражения человеческого сознанием действительности, которая состоит в познании связей и отношений между явлениями, а также в прогнозировании будущих событий. Поскольку, с одной стороны, и мышление, и язык представляют собой порождение человеческого мозга, а с другой — любая мысль может быть передана окружающим именно при помощи языка, ни у кого из лингвистов и философов не вызывает сомнений утверждение о том, что язык и мышление теснейшим образом связаны друг с другом. И в то же время среди ученых пока еще нет единства в вопросе о том, в чем именно состоит эта связь.

Некоторые из исследователей придерживаются точки зрения, в соответствии с которой связь между языком и мышлением проявляется в том, что человек способен мыслить только при помощи языка. Эти ученые считают, что единицы человеческого мышления тождественны единицам

языка и потому в процессе мышления в мозгу человека возникают слова и предложения, которые мыслящий просто не произносит вслух. Из подобного утверждения естественным образом вытекает гипотеза о том, что мышление национально, поскольку каждый из людей мыслит не просто так, а на каком-либо определенном языке.

Какие соображения можно привести в доказательство этой точки зрения? Прежде всего, это данные самонаблюдения, или, как принято говорить в науке, и н т р о с п е к ц и и (от лат. *introspectare* 'смотреть внутрь'). Попробуйте мысленно ответить на вопрос: «О чем я сейчас думаю?», и вы убедитесь, что ваш ответ действительно будет словесным, например: «Сейчас я думаю о том, чем буду заниматься сегодня вечером». Помните, как именно подобным мысленным диалогам с самим собой предавался Николенька Иртеньев в повести Л. Н. Толстого «Отрочество»: «Склонность моя к отвлеченным размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей, я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чем я думал. Спрашивая себя: о чем я думаю? — я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю, и так далее. Ум за разум заходил...»

Но подобный проигрываемый в уме диалог с самим собой (так же, как и мысленный диалог с другими людьми) не единственная форма нашего мышления. По этой причине только что приведенный аргумент не доказывает, что человек способен мыслить только при помощи языка, — он свидетельствует лишь о том, что среди различных форм мышления мышление с помощью языка (я з ы к о в о е м ы ш л е н и е) тоже возможно.

В качестве другого аргумента сторонники рассматриваемой точки зрения ссылаются на данные ряда экспериментов. При их проведении испытуемым предлагали решать некоторые мыслительные задачи и одновременно пытались зафиксировать с помощью точных приборов мельчайшие движения их языка и губ. Такие движения действительно были обнаружены, и это дало почву для утверждения о том, что в процессе обдумывания чего-либо люди не только мысленно произносят слова, но даже совершают органами речи малозаметные движения, которые этим словам соответствуют. Однако соответствие зафиксированных движений реальным словам доказано не было, поэтому проведенные эксперименты позволяют говорить лишь о том, что думаю-

щий человек не остается совершенно неподвижным. Очевидно, что с помощью аналогичных опытов можно было бы зафиксировать движения, совершаемые в процессе мышления не только органами речи, но и глазами, мышцами лица или, например, рук.

Гораздо более убедительно выглядит другая точка зрения, согласно которой человек может мыслить как при помощи языка, так и посредством зрительных, слуховых и других чувственных образов.

О том, что человеческое мышление далеко не всегда базируется на языковых знаках, свидетельствуют самые разные аргументы. Одним из них могут служить наблюдения над неподготовленной устной речью. Говоря (в особенности долго) «без бумажки», человек иногда делает паузы, подыскивая нужное слово, нередко заполняет эти паузы звуками э-э..., ж-ж-ж... или даже такими не несущими смысловой нагрузки словами, как *вот, значит, так сказать*, он может перебивать сам себя, заменяя уже произнесенное слово более удачным или обрывая начатое предложение, чтобы построить его по-другому. Означает ли все это, что говорящему нечего сказать? Разумеется, нет. В этом случае он просто испытывает затруднения при попытке подобрать слова для мыслей, которые, по-видимому, представлены в его мозгу совсем не словами или, во всяком случае, не только словами.

Сказанное можно было бы проиллюстрировать многочисленными примерами расшифровок магнитофонных записей устной речи, но мы ограничимся следующим «лингвистическим» анекдотом. Рассказывают, что однажды в кондитерский магазин пришел пожилой мужчина, который попросил продать ему «два склероза». «Какие еще склерозы?» — спросила раздраженная продавщица. «Склерозы — это мои любимые пирожные, — объяснил мужчина. — Я всегда их у вас покупаю». Пирожных с таким названием в магазине, конечно, не оказалось, огорченный покупатель вышел на улицу и задумчиво произнес: «Наверное, я просто забыл, как называются эти пирожные. И какой же у меня эклер!»

Выводы, которые можно сделать из этой истории, вполне очевидны. Разумеется, герой нашего анекдота достаточно хорошо представлял себе и то, какие пирожные он собирается купить, и то, из-за какой болезни страдает забывчивостью. Но только образы и пирожных, и болезни функционировали в его мышлении совсем не в форме слов, а слова, которые должны были соответствовать этим образам, перепутались.

Второй аргумент в пользу того, что человек далеко не всегда мыслит при помощи языка, связан с вопросом о том, способны ли мыслить глухонемые от рождения, т. е. люди, которые, если они не прошли специального обучения, попросту не владеют человеческим языком. Для того чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить глухонемого Герасима из «Муму» И. С. Тургенева. Рассказ свидетельствует о том, что Герасим достаточно хорошо ориентировался в окружающей действительности и вел себя вполне осознанно, т. е. хотя и не владел языком, но, безусловно, мыслил.

И еще один аргумент. Представим себе мыслительную деятельность шахматиста, обдумывающего очередной ход. Можно ли вообразить, что в его мышлении имеется не зрительный образ шахматного поля и расположенных на нем фигур, которые в поисках лучшего хода шахматист мысленно по-разному передвигает, а всего лишь перечень названий этих фигур со словесными обозначениями тех клеток поля, на которых эти фигуры находятся? Представим себе конструктора, обдумывающего, скажем, новую модель автомобиля. Как происходит такое обдумывание: в форме мысленных манипуляций зрительными образами различных частей автомобиля или путем построения громоздких словесных описаний этих частей? Представим себе творческую деятельность художника или композитора. Мыслит ли каждый из них словесными текстами, описывающими в первом случае, как будет выглядеть будущая картина, а во втором — как будет звучать новое музыкальное произведение? По-видимому, нет. Гораздо логичнее предположить, что художник в этом случае мыслит зрительными, а композитор — слуховыми образами.

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что во многих случаях люди, возможно сами того не осознавая, мыслят не с помощью языка, а посредством чувственных (главным образом зрительных и слуховых) образов. Но и языковое мышление, т. е. мышление при помощи непроницаемых вслух слов и предложений, тоже возможно. К этой форме мышления человек обращается тогда, когда он обдумывает что-либо услышанное или прочитанное, мысленно прогнозирует свой будущий разговор с кем-либо, пытается найти лучший способ убедить будущего собеседника в правоте своей точки зрения или представить себе, как бы он ответил на вопрос, который ему зададут.

Наше мышление в большинстве случаев протекает не в словесной форме. Это обстоятельство хорошо объясняет, почему при необходимости передать другим какие-либо доста-

точно сложные мысли бывает так трудно добиться, чтобы окружающие поняли вас абсолютно правильно. Для того чтобы сделать это, говорящий не может просто произнести вслух те слова, из которых состоит его мысль. Ведь передаваемая мысль состоит не из слов, а из образов, и, следовательно, ему важно подобрать такие языковые средства, под влиянием которых в сознании адресатов возникнут образы, как можно более сходные с теми, которые имеются у говорящего.

Все сказанное не отменяет справедливости утверждения о том, что язык и мышление теснейшим образом связаны друг с другом. Однако главное в этой связи состоит в другом. Являясь орудием человеческого общения, язык представляет собой важнейшее орудие для передачи и накопления знаний и главное средство развития человеческого мышления.

Для того чтобы убедиться, что это так, представим себе человека, который живет среди людей, однако с детства лишен возможности общаться с ними посредством языка. Разумеется, с течением времени он, как и тургеневский Герасим, научится в определенных пределах понимать окружающий мир и ориентироваться в различных ситуациях. Однако знания такого человека будут ограничены жесткими рамками его собственного жизненного опыта, а мышление — способностью решать лишь те конкретные задачи, которые ставит перед ним его жизнь. Не владея никаким языком, такой человек не будет иметь возможности познакомиться ни с опытом окружающих его людей, ни тем более со знаниями, которые накопили предшествующие поколения и о которых благодаря языку мы обычно узнаем из книг.

Усложним ситуацию и представим себе человека, не только не владеющего языком, но и живущего вне человеческого общества. И знания, и мышление такого человека будут, разумеется, во много крат беднее, чем у «безъязычного» человека, который живет среди людей. Между прочим, случаи, когда люди с детских лет оказывались изолированными от общества, науке известны. Время от времени ученые получали возможность вести наблюдения над людьми, в детском возрасте украденными у родителей дикими животными, которые не убили их, а стали выращивать, как своих детенышей. Именно такой случай был зарегистрирован и описан в Индии, где в 1920 г. в волчьем логове вместе с волчатами были обнаружены две девочки. Первая из них, которой было около двух лет, вскоре умерла, а вторая, на вид семи- или восьмилетняя, прожила около десяти лет. Первое время девочка (ее называли Камалой) боялась людей

и сильного света. Днем она спала, сидя на корточках лицом к стене. Девочка могла ходить только на четвереньках, опираясь на руки и колени, а бегала с опорой на руки и ступни. Пила она лакая, а пищу принимала только с пола, из рук не брала.

Через два года Камала научилась стоять, а через шесть лет — ходить, но бегала по-прежнему на четвереньках. В течение первых четырех лет она выучила только шесть слов, а через семь лет — сорок пять. Она полюбила общество людей, стала бояться темноты и научилась есть руками и пить из стакана. Однако к семнадцати годам ее умственное развитие было как у четырехлетнего ребенка.

Нетрудно понять, почему интеллект Камалы сохранил столь низкий уровень. Вначале девочка не имела возможности общаться с людьми, и потому ее жизненный опыт ограничивался лишь тем, чему она могла научиться у волков. Когда же Камала оказалась среди людей, она не смогла в достаточной степени овладеть языком, и в результате ее знания и мышление не смогли получить развития.

Впрочем, для того чтобы оказаться в ситуации, похожей на только что описанную, совсем не обязательно попадать в среду диких животных. Время от времени на свет, к сожалению, появляются дети, лишенные не только слуха, но и зрения, — слепоглухонемые. Без специального обучения такие дети не могли бы общаться с окружающими с помощью не только звукового, но и жестового языка. И, разумеется, в этом случае их мышление оставалось бы практически на нулевом уровне. Однако в настоящее время существуют и уже давно используются методики, по которым слепоглухонемых от рождения детей обучают в специальных интернатах звуковой речи, а также чтению и письму с помощью рельефно-точечной азбуки Брайля. Интеллектуальный уровень выпускников таких интернатов не отличается от интеллектуального уровня здоровых людей. Известно, что некоторые из них даже смогли защитить диссертации или стали писателями. Однако такая возможность появилась у них лишь после того, как эти люди овладели языком.

Суть взаимоотношений между языком и мышлением состоит в том, что язык представляет собой не только основное средство человеческого общения, но и важнейшее орудие познания. Он позволяет людям накапливать знания, передавая их от человека к человеку и от одного поколения людей к другому, и потому является главным из средств развития человеческого мышления.

§ 10. Язык и речь

Выше (§ 3–9) была дана характеристика языка как особой системы знаков — языковых единиц, образующихся, изменяющихся и сочетающихся по определенным правилам. Иначе говоря, языковая система представляет собой сложнейший структурный механизм, предназначенный для выражения мыслей, волевых импульсов и чувств, т. е. для общения людей. Однако, чтобы этот механизм привести в действие, чтобы общение осуществилось, необходимы определенные усилия общающихся.

Языковая система реализуется в процессе ее функционирования, т. е. в языкопользовании, в речи.

Речь — это деятельность людей, использующих средства языка для общения, для передачи определенной информации, для побуждения к действию и т. п. Речь, как правило, служит составной частью трудовой, познавательной, бытовой и иных видов деятельности человека. По речи — устной и письменной — судят о степени владения языком, а также об интеллектуальном развитии человека.

Свойства, признаки речи легче всего выявляются в сопоставлении со свойствами языковой системы.

Язык — знаковая система, одно из средств общения (коммуникации), речь же — само общение. Язык — абстрактная система, речь же материальна, она воспринимается слухом и зрением. Речь — это реализация языка: язык проявляет себя только в речи. Язык дискретен (прерывист) в своих единицах, речь же стремится к слиянию своих единиц в речевом потоке — в тексте.

Язык есть иерархическая, уровневая структура, речь же разворачивается линейно, т. е. представляет собой последовательность слов, предложений. Речь зависит от жизненных ситуаций и может быть оценена с точки зрения истинности и ложности. Она всегда преднамеренно направлена к какой-то цели, языку же это не свойственно. Язык статичен, речь динамична. Речь вариативна, вызывается потребностями жизни, зависит от коммуникативной целесообразности, которая и определяет выбор тех или иных языковых средств.

При всех различиях речь неотделима от языка. Так, Л. В. Щерба не считал возможным отрывать от системы языка речевую деятельность (говорение и понимание) и языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого).

Нередко используется термин **речевая деятельность**, подчеркивающий тот факт, что речь — процесс, в котором могут быть выделены отдельные его элементы — речевые действия. В этом смысле можно говорить о быстрой речи и медленной, громкой и тихой, взволнованной и спокойной, почтительной и насмешливой и т. п.

Если речевая деятельность — понятие абстрактное, обобщенное, то речевое действие — понятие конкретное, связанное с конкретной ситуацией и обладающее законченностью.

Термин «речь» шире термина «речевая деятельность» в том смысле, что под речью понимают не только процесс, но и результат: текст, созданный в речевой деятельности (в речевом действии), также называется речью. Поэтому правомерны такие сочетания: *речь деловая, речь художественная, речь содержательная, речь правильная, анализ устной речи учащихся* и т. п.

Нередко бывает, что человек, хорошо знающий большое количество слов и заучивший все правила грамматики, тем не менее речью владеет плохо, так как речь его не развита: средства языка не активизированы, механизмы речи не освоены. Последние усваиваются только в практической деятельности, т. е. в речи, в коммуникации. Это механизмы восприятия речи (аудирования), выражения собственных мыслей — говорения, механизмы чтения — восприятия графически зафиксированной чужой речи и письма — выражения мысли с помощью графических знаков.

§ 11. Реализация функций языка в речи

Общие функции языка в процессе коммуникации в речи часто сочетаются друг с другом, так как общение нередко требует выражения не только мысли, но и эмоций, и воли. Примером такого сочетания могут служить многие газетные тексты. Вместе с тем общие функции языка в речи конкретизируются в зависимости от определенных задач общения и обстоятельств, его сопровождающих. Особенно это относится к функции **общения**: речь произнесенная или записанная служит средством организации совместного труда в коллективе, средством коммуникации в обществе, в стране, наконец, средством связи поколений.

В одних случаях (на производстве, в быту), при непосредственном общении людей, речь представляет собой двусторонний или многосторонний процесс: она предполагает

ет коммуникатора, т. е. того, кто говорит или пишет, и перцепиента — лицо, воспринимающее речь. При этом в процессе коммуникации роли могут постоянно меняться.

Соответственно различаются в речи диалог, монолог, а также внутренние монологи и диалоги.

В других случаях, при отсутствии обратной связи, речь выступает в функции сообщения (односторонний акт) и в функции сохранения информации: ср., например, ведение протокола и протокол, который хранится в архиве.

Необходимо отметить и функцию выражения мысли: в речи — устной, письменной или внутренней — мысль не только формулируется, но и формируется. В функции выражения мысли речь занимает огромное место в жизни человека: человек мыслит всегда, за исключением глубокого сна.

С функцией выражения мысли связана еще одна функция речи — познавательная. В сущности все человеческое познание заключено в речевые формы: книги, журналы, другие записи, устные доклады и лекции. Учебная деятельность — это чтение, записи, пересказы, сообщения, т. е. также виды речевой деятельности. Сами понятия изучаемых наук, как правило, обозначаются языковыми единицами — словами и словосочетаниями.

Наконец, выделяется еще одна функция речи — планирующая, регулятивная: человек устно, письменно или мысленно планирует свои действия, анализирует и оценивает поступки свои и других людей.

Закономерности речи и ее функции не зависят от национальных особенностей языков, от социального положения общающихся: они универсальны.

§ 12. Речь и мышление

В большинстве речевых функций проявляется теснейшая связь речи и мысли. Речь неотделима от мысли: «...речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» (Выготский Л.С. Мышление и речь. — М.; Л., 1934. — С. 311).

Очень важен переход с мыслительного кода на языковой.

В отвлеченном речевом мышлении важнейшая роль принадлежит понятиям, в которых обобщены существенные свойства явлений. Понятия обозначаются словами и слово-

сочетаниями, в которых они обретают необходимую для общения материальную оболочку. Знание слов, обозначающих понятия, помогает человеку оперировать этими понятиями, т. е. мыслить. Овладение языковыми средствами: необходимым запасом слов и грамматических форм, механизмами словоизменения и словосочетания — создает предпосылки для дальнейшего усложнения познавательной деятельности, для развития мышления.

Известный психолог Н. И. Жинкин писал: «Речь — это канал развития интеллекта... Чем раньше будет усвоен язык, тем легче и полнее будут усваиваться знания». Знания — информационный материал мышления; только наличие богатого, разнообразного, лично и социально значимого содержания может обеспечить успешное развитие и мышления, и речи человека.

Отождествление мышления и речи неправомерно. В каких-то отношениях мышление шире, чем речь, оно опирается не только на язык. Наряду с понятийным, логическим, речевым мышлением различают практическое, конкретно-действенное и наглядно-образное мышление. Мыслительные коды (пока) защищены от постороннего вторжения, которое могло бы угрожать субъекту.

Но в каких-то отношениях и речь шире мышления: она вариативна, она передает не только понятийное содержание, но и эмоции; она обладает выразительностью, достигаемой с помощью интонаций, пауз и пр.; она стилистически окрашена и социально дифференцирована — различаются литературная речь, жаргоны, просторечие, диалекты.

Работа мысли, усложняясь в связи с наблюдениями и другими видами познавательной деятельности, требует обогащения и усложнения речи: иными словами, мыслительная работа стимулирует речь. Но и обогащение речи, усвоение новых средств языка в свою очередь оказывает положительное воздействие на развитие мышления. Важно, чтобы новые языковые средства, которые усваивает человек, наполнялись реальным содержанием. Это обеспечивает связь мышления и речи. Например, ученик начальных классов употребляет в пересказе прочитанного слова *зимородок*, *трясогузка*. Он никогда не видел этих птиц, не знает их признаков, понятия не сформированы в его сознании, однако он бойко называет этих птиц в своем рассказе, не делая при этом никаких языковых ошибок. К. Д. Ушинский, называвший такие слова «словами-пустышками», считал все же, что такое «опережающее» усвоение слов полезно, так как оно вынуждает ребенка рано

или поздно усвоить и понятие — наполнить слово содержанием. С этим мнением можно согласиться, не забывая, однако, и такого предупреждения И. П. Павлова: «Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы должны постоянно помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми...» (Павлов И. П. Условный рефлекс // Избр. труды. — М., 1954. — С. 325).

В речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем. Иными словами, наблюдается обратное воздействие речи на мышление. Языковое оформление мысли на этапах подготовки к речевому высказыванию способствует большей четкости, ясности, стройности, последовательности самой мысли. Этому способствуют отработанные, отшлифованные многими поколениями формы языка — синтаксические структуры, морфологические формы, словообразовательные модели, стилистические фигуры. Поэтому языковое выражение мысли рассматривается не только как упорядочивание, структурирование аморфной мысли, но и как средство умственного развития.

§ 13. Внутренняя речь

В соответствии с функциями и механизмами речи различается речь внешняя и внутренняя.

Внутренняя речь, или мысленная, — это языковое оформление мысли без ее высказывания, устного или письменного. Как правило, она монологична. Она протекает с большей скоростью, чем внешняя, материализованная речь. Она имеет разные степени языковой оформленности в зависимости от ее цели. Так, подготавливая на уровне внутренней речи, т. е. «про себя», предложение для записи, мы строим его строго по правилам грамматики, используя различные конструкции, например придаточные предложения, обособленные второстепенные члены, выверяем правильность падежных окончаний, личных окончаний глагола, используем все необходимые предлоги, союзы, иногда даже намечаем знаки препинания.

Однако, просто обдумывая свои действия, без намерения их описать, размышляя, предаваясь воспоминаниям, без намерения высказывания, мы не придерживаемся столь строго правил языка, и в нашей внутренней речи большую роль

играют образы и схемы, представления окружающего мира, выполняющие, подобно словам, роль знаков.

Глубинные структуры внутренней речи все более утрачивают вербальные формы. Существует гипотеза, согласно которой на самых глубоких уровнях код внутренней, мыслительной речи почти полностью утрачивает черты национального языка, становится по преимуществу интернациональным.

В жизни современного человека внутренняя речь играет весьма важную роль как средство теоретической, познавательной деятельности: человек «про себя» обобщает и осмысливает информацию, постоянно через рецепторы поступающую из внешнего мира, «про себя» читает и перерабатывает почерпнутые из книг сведения, «про себя» решает задачи, принимает решения и пр.

Поскольку внутренняя речь предназначена только для самого себя и сам мыслящий субъект понимает себя буквально с полуслова, она фрагментарна, отрывочна, очень динамична, лишена строгой грамматической оформленности. Из-за этого, кстати, происходят известные каждому учителю ситуации: ученик уверен, что он знает материал урока, потому что на уровне своей внутренней речи он сам себя понимает: он действительно уловил некоторые связи в изучаемой теме. Но рассказать этот материал связно, последовательно, как этого требуют условия урока, он не может из-за разрыва между внутренней речью и внешней, устной. Ученику ясна логика его мысли, но он плохо оформляет ее во внешней речи, и его ответ оказывается неполным, бессвязным, недостаточным, трудно понимаемым.

Поскольку внутренняя речь трудно поддается исследованию, уместно будет назвать научные методы. Простейший метод, доступный каждому, — с а м о н а б л ю д е н и е, которое может быть массово организованным, под руководством специалиста. Второй метод — и с с л е д о в а н и е р е ч е в ы х о ш и б о к говорящего, пишущего, наборщика на линотипе или компьютере и т.п. Третий метод — построение гипотез, моделирование изучаемых процессов и последующая п р о в е р к а г и п о т е з. Тем не менее достоверных, точных сведений о механизмах и кодах внутренней речи пока, к счастью, немного. Что, впрочем, не мешает некоторым рекомендациям: тренировать память, механизмы выбора слов, последовательного, логичного мышления, решения нестандартных задач, шлифовки, совершенствования структур внутренней речи.

§ 14. Внешняя речь

Этот вид речи легко доступен исследованию, предназначен преимущественно «для других», для восприятия и понимания. Поэтому она имеет обширную шкалу степеней качества: от ситуативной, необработанной до произведений культуры и искусства. Внешняя речь классифицируется по своим признакам и целям на устную и письменную, монологическую и диалогическую, имеют место разные стили речи, из которых составляются тексты, различающиеся по жанрам, по ритмической организации, они делятся на стихи и прозу и т. п.

По механизмам, способам кодирования устная речь подразделяется на:

1) говорение, т. е. отправление речевых акустических сигналов, несущих информацию;

2) слушание (аудирование), т. е. восприятие акустических речевых сигналов и их понимание.

Письменная речь включает в себя:

3) письмо, т. е. «зашифровку» речевых сигналов с помощью комплексов графических знаков;

4) чтение, т. е. «расшифровку» графических знаков, их комплексов и понимание их значений.

Во всех видах перекодирования процесс ориентирован на фонемы в их различительной функции, а в механизмах письма и чтения учитывается фонематический принцип русской графики.

При говорении мысль говорящего кодируется с помощью акустических комплексов — звучащих слов, словосочетаний, предложений. При этом должны строго соблюдаться фонетические и орфоэпические правила.

При слушании (аудировании) происходит обратный процесс: воспринятые собеседником акустические комплексы декодируются с учетом хорошо известных ему правил, переводятся в смысловые, знаковые единицы — в слова, и происходит понимание воспринятой речи.

Аналогичные процессы перевода содержания мысли, выраженного в языковых формах, на условные письменные, графические знаки происходят при чтении и письме. Причем как при чтении, так и при письме устная, произносимая, акустическая стадия не является обязательной и может быть пропущена (и почти всегда опускается взрослыми людьми): при чтении «про себя» комплексы графических знаков, обозначающие слова, их формы и связи переводятся непосредственно в мыслительные единицы, в

понятия и представления, образы и схемы и читающий усваивает содержание текста. У опытного писца мысленная речь сразу, минуя акустическую стадию, кодируется с помощью графических знаков, причем этот процесс находится под контролем сознания и в случае затруднения может быть проверен с помощью правил. Языковое, грамматическое, графическое и орфографическое оформление речи происходит на внутреннем уровне, без проговаривания.

Нетрудно заметить, что в рассмотренных четырех видах речевой деятельности: говорении, слушании, письме, чтении — наиболее важным является достижение конечной цели общения — передачи значений, содержания речи. Эта же цель достигается не только в непосредственном общении, но и тогда, когда речь выполняет познавательную функцию, функцию сохранения информации, связи между поколениями и др.

§ 15. Речь устная и письменная

Различия между устной и письменной речью не ограничиваются лишь способом кодирования; устная и письменная речь различаются и по механизмам их порождения, по преимущественному использованию тех или иных языковых средств, по выразительным возможностям.

Устная речь первична по отношению к письменной — и исторически, и в процессе реализации письменного текста. Однако взаимоотношения устной и письменной речи в жизни современных людей весьма сложны: наблюдается возрастание роли речи письменной и влияние последней на устную речь, что не всегда приводит к ее обогащению.

Сравним эти два вида речи.

1. По степени употребительности явно преобладает устная речь; однако количество зафиксированных устных текстов (звукозаписи) пока невелико по сравнению с письменными текстами — книгами, журналами, рукописями и пр. Письменная речь всегда принималась как правильная, образцовая, и ее изучали лингвисты; устная речь стала изучаться сравнительно недавно.

2. По характеру порождения устная речь всегда менее подготовлена, чем письменная, в ней больше непосредственности, стихийности, больше случайного.

Письменная речь — это обычно речь подготовленная. Она более строгая, сложная по форме и более полная по содер-

жанию, она последовательно подчинена литературной норме; в ней четче и точнее выбор слов, крупнее и сложнее предложения и т. д. В устной речи синтаксис проще, часто встречаются оговорки, повторы, эллипсисы, междометия, незаконченные и присоединительные конструкции и пр.

3. Устная речь обладает средствами звуковой выразительности: интонацией, темпом, высотой и тембром, паузами, логическими ударениями, силой звучания. Кроме того, устная речь может сопровождаться жестами, мимикой. Письменной речи все это не свойственно, и потому она менее выразительна, чем речь устная (в какой-то степени эти недостатки восполняются использованием знаков препинания, шрифтовых выделений — курсива, петита и пр.).

4. Различны и нормы устной и письменной речи: к устной речи предъявляются орфоэпические требования, к письменной — орфографические, пунктуационные, а к рукописному варианту еще и каллиграфические.

В современном обществе наблюдается быстрое развитие варианта устной речи, опирающейся на письменную (озвученная письменная речь): доклады, выступления, телепередачи, звуковые письма и прочие тексты, которые до их устной реализации, как правило, составляются письменно и поэтому обладают многими свойствами письменной речи: подготовленностью, полнотой и правильностью, сохраняя при этом достоинства устной речи — звуковую выразительность, сопровождение мимикой и жестами.

§ 16. Монолог и диалог

Внешняя речь подразделяется также на **монолог** и **диалог**. Монологическую речь говорящий или пишущий адресует одному или, чаще, многим слушателям или читателям, причем не всегда получая информацию о том, как речь воспринимается (т. е. не всегда есть обратная связь).

Монолог — развернутый вид речи, он подчинен одной теме, имеет определенный замысел и композицию, обладает относительной законченностью (доклад, лекция, статья, рассказ и пр.). Монолог подготавливается заблаговременно: составляется его план (если не письменный, то хотя бы мысленный), подбирается материал и располагается в определенной последовательности в соответствии с замыслом и планом, нередко текст составляется начерно и редактируется, совершенствуется. Монолог мало зависит от ситуации, от условий, обычно он не поддерживается и не направляется

вопросами и ответами собеседников. Поэтому он требует определенного речевого опыта, а также значительных волевых усилий говорящего или пишущего.

Предметом обучения является по преимуществу монолог: учащимся прививают навыки пересказывать прочитанный текст, рассказывать связно и последовательно, писать сочинения, готовить доклады. Монолог используется также как средство развития логического мышления и проверки знаний на экзаменах по разным предметам: даже решение экзаменационной математической задачи является, в сущности, монологом-рассуждением, например исследование уравнений или доказательство геометрической теоремы.

Диалог — это разговор двух или нескольких человек (разговор нескольких лиц иногда называют полилогом). Диалог, как правило, ситуативен, т. е. связан с обстановкой, в которой протекает речь. Каждая новая реплика в диалоге опирается на предыдущие, и элементы предыдущих реплик способствуют пониманию последующих; важную роль играют невербальные средства: жесты, мимика, умолчания, указания на окружающие предметы, интонация и пр.; часто используются обращения, междометия, звукоподражания и т. п. Отдельные реплики в диалоге чаще всего не могут быть поняты посторонним человеком, поэтому диалог при записи нуждается в комментариях, что и делается обычно в художественных произведениях.

И диалог, и монолог всегда направлены на адресата, общение двустороннее, оно осуществляется между говорящим и слушающим. Поэтому имеет право на существование и такая точка зрения: монолог — фикция, монолога не существует, ибо даже если нет слушающего (или читающего) рядом, то говорящий или пишущий все же обращается к воображаемому собеседнику — к определенному или к массе предполагаемых собеседников.

Мастерство монолога и диалога изучает и обслуживает риторика, определяющая свою цель в наши дни как «поиск оптимальных алгоритмов общения в различных условиях».

§ 17. Текст — продукт речевого действия

Напомним, что речь мы понимаем и как процесс, и как результат. В последнем случае это текст, который может быть письменным, устным и мысленным.

Текст подчинен единой теме, которая излагается говорящим или пишущим в соответствии с его авторским замыслом. Например, писатель, создавая текст рассказа, выражает в нем свою позицию — отношение к персонажам рассказа, к их поступкам. Текст — это языковая ткань произведения (художественного, публицистического и др.). Работа автора над текстом — это поиски формы, наиболее точно передающей замысел автора и коммуникативное задание.

Текст разворачивается в логической последовательности, выражаемой языковыми средствами, например причинно-следственными, временными и другими союзами. Текст членится на компоненты: по тематическому, содержательному принципу — на микротемы, подтемы, разделы, главы; по синтаксическому принципу — на сверхфразовые единства, сложные синтаксические целые (ССЦ). Для удобства восприятия авторы делят текст также на абзацы, выделяя их на письме. Обычно абзац совпадает с ССЦ, т. е. компонентом текста, имеющим более или менее выраженную внутреннюю структуру. Особыми средствами (знаками, расположением) выделяется прямая речь — монологи, диалоги, отдельные реплики. В устной речи компоненты текста выделяются паузами и интонацией.

Компоненты текста во взаимосвязанности составляют его композицию, обеспечивающую наилучшее понимание текста слушателем или читателем, вызывающую заинтересованность.

В последние десятилетия возникла новая отрасль языкознания — лингвистика текста: она изучает структуру компонентов текста, связи между предложениями внутри компонента. Эти связи выделяются на основе логики и смысла; на основе композиционного авторского замысла; на основе выделения темо-рематической структуры компонента; на основе синтаксических связей между предложениями в компоненте (с помощью союзов, местоименных замен, синонимов, повторов, типов связей — цепной и параллельной и пр.).

В зависимости от содержания и от своей внутренней организации тексты делятся на коммуникативно-смысловые типы: повествование, описание и рассуждение. Своеобразие текста зависит и от функционально-стилистической установки: художественный текст, публицистический текст, научный текст, а также от соответствия тем или иным литературным жанрам: стихи и проза; лирика, эпос и драма; басня, сонет и т. п.

§ 18. Анализ речевого действия

В системе речевой деятельности могут быть выделены отдельные речевые действия, или акты, или высказывания. Каждое речевое действие подчинено своей задаче в рамках выполняемой трудовой, познавательной или иной деятельности и имеет свою внутреннюю структуру. Поэтому при анализе речевого действия выделяются те факторы, которые обуславливают речевую интенцию, т.е. намерение, и те, которые определяют реализацию речевой интенции. Если речевое действие рассматривать в его динамике, в развертывании, в ходе его порождения, то могут быть выделены следующие этапы подготовки и реализации речевого действия, высказывания.

Исходный момент — речевая ситуация, т.е. такое стечение жизненных обстоятельств, которое побуждает человека к высказыванию, главным образом с коммуникативной целью. Основные виды речевых ситуаций: в процессе коллективного труда необходимо обратиться с вопросами к товарищам, коллегам, посоветоваться, поддержать с ними связь; проведены наблюдения, завершено исследование, необходимо подвести итог и составить отчет, представить или прочитать доклад; необходимо написать письмо другу; есть намерение поделиться впечатлениями; необходимо отвечать на занятиях; встретились друзья, приветствуют друг друга и разговаривают и многое другое. Перечисленные ситуации предполагают высказывания коммуникативного характера. Примером ситуации, когда речевое действие служит целям сохранения информации, может быть ведение стенограммы обсуждения какого-либо вопроса; примером сообщения — составление библиографических аннотаций и пр.

Ситуации могут быть естественными и искусственными. Естественными являются те ситуации, которые создают необходимость речевых высказываний ради достижения общей цели деятельности — трудового процесса, познавательного труда и т. п. Искусственные ситуации создаются ради самого высказывания, в целях обучения, тренировки, например при обучении иностранному языку.

Речевая ситуация определяет коммуникативную задачу, намерение, служит основой анализа этапов подготовки и реализации речевого действия: докоммуникативного, коммуникативного и посткоммуникативного. Анализ в данном случае проводится в терминах теории коммуникации:

говорящий, он же коммуникатор, он же адресант — слушающий, он же перцепиент, он же адресат.

§ 19. Докоммуникативный этап

Этот этап — внутренний, его составляющие реализуются в кодах внутренней речи. Он охватывает ступени от возникновения мотива и до структурирования предстоящего высказывания, до его материализации, т. е. до реализации в акустическом или в графическом коде.

Речевая ситуация порождает мотивы высказывания. Мотивация любого действия человека, в том числе речевого, перерастает в потребность совершения этого действия, иногда в непреодолимо сильную потребность. Так, писатель, глубоко возмущенный какой-либо несправедливостью, не может не выступить с протестом. Пример такой мотивации — статья Л. Н. Толстого «Не могу молчать!», в которой он гневно протестует против смертных приговоров.

Другой пример: человек не может не высказать своего восхищения картинами родной природы, он пишет стихотворение. Рождается новое лирическое произведение — это тоже речевое действие.

Третий пример: в процессе труда нужна срочная помощь товарища и к нему обращена речь — просьба о помощи и разъяснение, в чем эта помощь должна состоять.

Четвертый пример: исследователь сделал открытие, у него появляется потребность об этом сообщить людям, он делает устное сообщение о своем открытии, пишет отчет или статью.

Осознанные мотивы становятся целями высказываний.

Речевая интенция (намерение) не исчерпывается формированием мотивов, потребностей, целей; это подготовительная ступень речевого действия, на которой человек должен принять ряд решений. Так, говорящий должен с большой степенью вероятности предполагать, что его высказывание даст желаемый результат и стоит ли, следовательно, говорить. Это вероятностное прогнозирование на основе прошлого опыта, на основе учета обстановки. Говорящий знает по своему опыту или по опыту других людей, какие результаты могут принести те или иные высказывания. В зависимости от сложившейся ситуации он должен решить, к кому будет обращена речь, будет ли сопровождать ее жестами и мимикой, громко или тихо произнесет, с какой интонацией, в каком темпе и т. п.

У развитого в речевом отношении человека, с быстрыми реакциями, эти подготовительные решения протекают с большой скоростью.

Все эти решения завершаются созданием внутреннего плана высказывания, который может иметь различную степень обобщенности или конкретности.

Никакое интеллектуальное действие человека не может совершиться без плана; это полностью относится и к речевому действию. Вопрос состоит лишь в том, насколько этот план полон, оптимален. План высказывания определяет его содержание и форму: более полный, продуманный, подготовленный план способствует улучшению качества речи. Возможности составления обдуманного плана возникают при подготовке к докладу, лекции, сочинению, написанию статьи и пр.

Реализация речевой интенции в огромной степени зависит от таких факторов, как наличие достаточного материала для высказывания (информации), материала существенно значимого, и от степени владения языком: богатого словарного запаса, хорошо развитого механизма построения синтаксических конструкций, фонетических, орфоэпических умений и навыков, средств выразительности, в письменном варианте — орфографических и пунктуационных навыков и пр. Знание языка должно быть активным, речевые умения и навыки должны срабатывать точно и быстро, от этого зависит успех речевого действия.

Семантико-грамматическое структурирование речевого высказывания (наименее изученная ступень речевого действия) — это выбор слов, расположение их в нужной последовательности и их связывание, т. е. грамматическое маркирование. Все это подготавливается во внутреннем плане.

Существует несколько вариантов объяснения этих процессов. По Н. И. Жинкину, происходит выделение, во-первых, логических субъектов и предикатов, во-вторых, предметных признаков. Так, в предложении *Девушка, сидевшая на скамейке, задумалась о чем-то* логическое и грамматическое подлежащее совпадают. То же надо сказать и о сказуемом; остальные слова служат раскрытию их признаков, причем *сидевшая на скамейке* — это единый смысловой блок. Согласно теории Н. И. Жинкина, в основе процесса составления высказывания лежат два противодействующих механизма: с одной стороны, упреждающий синтез устного или письменного текста, т. е. опережающее составление предложения до его произнесения или записи; с другой стороны, инертность слов и их сочетаний и отрицательная ин-

дукция. Инертность слов, т. е. их пассивность, неактивизированность, приводит к повторам и неточному выбору слов и сочетаний. Отрицательная индукция связана с необходимостью распределять внимание между отдельными действиями в рамках речевого действия в целом: например, в письменной речи разложение слов на буквы, начертание каждой из них, проверка орфограмм и пр. Все это препятствует расширению объема упреждающего синтеза, приводит к неполноте и неточности выражения мысли, к языковым неправильностям.

Согласно другой теории — теории актуального членения предложения, исходным элементом высказывания служит та его часть, которая содержит уже известное, не новое (тема); затем разворачивается новая информация (ядро, или рема). Так, в высказывании *Иван Иванович не любил читать книги* тема — *Иван Иванович*: о его существовании было известно собеседникам и до высказывания. О нем сообщается нечто новое (рема): *он не любил читать книги*. Этот принцип может быть перенесен и на более крупные высказывания.

Поскольку вне словесного, языкового материала высказывание не может быть построено, то выделение смысловых блоков высказывания происходит одновременно с языковым оформлением: выбором слов, их расположением и маркировкой, т. е. использованием грамматических связей (для русского языка это окончания слов — падежные, личные, родовые, числовые, временные, а также предлоги, союзы и частицы).

Механизмы выбора слов и грамматического оформления изучены пока мало. По-видимому, выбор слов в механизмах памяти осуществляется методом проб и ошибок, путем отбрасывания слов, которые не выражают с достаточной точностью намеченное содержание; в оперативной речевой памяти действует механизм «оценки» подбираемых слов. Предполагается также, что слова в памяти человека сохраняются не разрозненно, а в систематизированном виде, например в виде тематических блоков, что ускоряет и облегчает выбор нужного слова. Причем слова, которые неоднократно использовались, индупцированы, тонус их выше, поэтому говорящий имеет тенденцию их повторного употребления (см.: Павлов И. П. Павловские среды. — М.; Л., 1949. — Т. 2. — С. 478). В выборе слов определенную роль играют словесные ассоциации, которые образуются на основе предшествующего опыта и сохраняются в памяти. Так, слово *здоровье* ассоциируется, как показало исследова-

ние, у большинства людей со словами *хорошее, крепкое, отличное, плохое* и пр. Следовательно, при необходимости употребить слово *здоровье* и определить его характер наиболее вероятно сочетание *хорошее здоровье* и т. п.

По данным А. А. Леонтьева, ассоциативный выбор слов достигает 70 % (Словарь ассоциативных норм русского языка. — М., 1976). Установлено также, что в условиях самоконтроля говорящий и особенно пишущий отвергают привычные, стандартные ассоциации и подыскивают новые, наиболее выразительные и точные слова.

Все это происходит на уровне мыслительных кодов и с большой скоростью, на основе практического опыта и контролируется механизмом языкового чутья (интуиции).

§ 20. Коммуникативный и посткоммуникативный этапы

Названный этап распадается на две ступени, имеющие решающее значение в акте коммуникации: материализацию внутренне подготовленного высказывания и его восприятие перцепиентом. Предполагается звуковое или графическое (устное или письменное) оформление. Модель кодового перехода: мыслительные единицы — единицы внутренней речи — их фонемное оформление — переход на звуковой, произносимый код (в устном варианте) или на графический код (в письменном варианте) — отправление сигнала в виде акустического комплекса или написания текста.

Специфика данного этапа речевого действия состоит в том, что это этап материализованный, открытый, подверженный контролю и критике. В известном смысле на всех предыдущих этапах осуществления речевого действия еще были возможны варианты, изменения, возможен был даже отказ от высказывания, речевое действие могло и не совершиться. Этап звукового, или графического, оформления — самый ответственный этап, определяющий положительный или отрицательный результат высказывания.

В сущности, на звуковом или графическом оформлении высказывания можно было бы остановиться: казалось бы, речевое действие совершилось. Но для полноты картины необходимо рассмотреть еще два этапа, чтобы получить полный цикл речевого действия.

О результате речевого высказывания судят по его восприятию и по реакции на него, или обратной связи.

Восприятие речи, т.е. аудирование и чтение, проходит следующие стадии:

- восприятие акустического «потока», очищение его от помех;
- расчленение его на фонетические слова (начало узнавания);
- узнавание слов по их фонемному составу, путем сравнения с хранящимися в памяти эталонами;
- этап антиципации (догадки) в том случае, если для какого-либо слова в памяти не оказалось эталона: догадка по ситуации общения, по контексту;
- расшифровка маркировки, порядка слов и осознание грамматических связей внутри предложения (и за его пределами);
- понимание целостного значения предложения или компонента текста, общего плана высказывания, его частей и пр.;
- поиск и — в случае успеха поиска — понимание второго плана смысла, иносказания, скрытого замысла;
- понимание, осознание мотивов высказывания, его конечных целей; понимание позиции говорящего;
- понимание и оценка выбора языковых средств говорящим, формы его речи, оценка языкового мастерства собеседника.

Анализ механизма восприятия письменной речи требует лишь нескольких поправок, связанных с кодовым переходом от графических комплексов к акустическим.

Понимание содержания воспринятой речи редко достигает 100 %. К тому же понимание (особенно понимание второго плана смысла) бывает вариативным; как правило, варианты понимания — явление нежелательное, но в некоторых случаях диапазон вариативности понимания бывает необходим, например при восприятии лирического стихотворения. Понимание имеет два уровня: языковой и содержательный. Первый без второго возможен, второй без первого — нет. Для принимающего речь важна активность, желание понять речь говорящего.

Механизм восприятия речи не во всем ясен; в каком-то смысле он симметричен процессу подготовки высказывания, но о зеркальном отображении здесь говорить нельзя: нет полного совпадения этапов и ступеней порождения и восприятия речи. Восприятие речи подчиняется собственным законам, так что существует «грамматика приема речи», «лингвистика получателя речи».

В устном диалоге восприятие непосредственно следует за высказыванием, но в письменной речи восприятие все-

гда отсрочено, иногда на весьма длительное время. Это затрудняет осуществление речевого действия, так как лишает говорящего возможности наблюдать реакцию воспринимающего речь.

Посткоммуникативным этапом речевого действия обычно называют обратную связь. Действительно, во многих случаях она представляет собой последствия факта общения. Но в то же время без нее речевой акт неполон.

Обратная связь — заключительный элемент цикла, обычно это новое, ответное высказывание. Наиболее полно обратная связь осуществляется в диалоге: говорящий не только видит выражение лиц, поступки, поведение собеседников, но получает ответ в виде нового речевого действия. Это позволяет первому говорящему сразу же оценить результат своего речевого действия, узнать, насколько выполнен замысел, и соответственным образом строить свое дальнейшее поведение: дополнить высказывание, промолчать, продолжить разговор. В монологической устной речи обратная связь также носит непосредственный характер: так, лектор следит за реакцией аудитории, оживляет свою речь шуткой или интересным примером, если видит признаки падения интереса. В письменной речи обратная связь — это письма автору, обсуждение книги, отклики на радиопередачи и пр.

§ 21. Возникновение и развитие речи у ребенка

Первые речевые действия ребенка вызываются потребностью общения с близкими. В возрасте от 1 года до 1 года 3–6 мес. в «речи» ребенка могут быть выделены первые слова-предложения: начинается *я з ы к о в о й* период его развития. Эти слова бывают фонетически искажены: *дя* вместо *дай*, *и-и* вместо *личко*, нередко вместо слова произносится ударный слог: *ко* вместо *молоко*, *ма* вместо *мама*, *ки* вместо *киска*. Но это уже слова: они обладают постоянным значением, употребляются регулярно, фонетически стабильны.

Общение ребенка с близкими наблюдается и до появления первых слов: это эмоциональное общение на основе положительных эмоций, выражающееся в улыбке, в гулении, — от 2 до 5–6 мес. и лепете — до 8–10 мес. Но на этом этапе общение еще не стало языковым, хотя и гуление, и особенно лепет, и попытки подражания речи взрослых тренируют речевой аппарат, подготавливают ребенка к диффе-

ренциации звуков. Слушая речь окружающих, ребенок накапливает опыт восприятия речи.

Известный лингвист А. Н. Гвоздев, крупнейший исследователь детской речи, выделял в развитии речи детей до 7 лет следующие периоды: I период — употребление предложений, состоящих из «слов-слов» и «слов-корней»: от 1 года 3 мес. до 1 года 8 мес. — однословные предложения, до 1 года 10 мес. встречаются предложения из нескольких «слов-слов». II период — усвоение грамматических связей в предложении: начинают употребляться полные слова, но без окончаний или с неправильными окончаниями — до 2 лет 1 мес.; появляются первые окончания и предлоги, т. е. средства грамматической связи в предложении, — до 3 лет. III период — овладение грамматической системой родного языка, совершенствование грамматического строя речи, обогащение словаря (Г в о з д е в А. Н. Вопросы изучения детской речи. — М., 1961. — С. 466). В исследовании А. Н. Гвоздева приводятся точные сведения о том, на какой возрастной ступени появляется в речи ребенка та или иная грамматическая форма, тот или иной тип синтаксической конструкции.

Период овладения речью, особенно возраст от двух до пяти, вызывает изумление: на протяжении всего двух-трех лет ребенок, не имеющий опыта интеллектуальной деятельности, не зная никаких правил и не испытывая в них никакой необходимости, овладевает сложнейшей системой грамматики, склоняет и спрягает, образует словосочетания, почти не делая ошибок в согласовании и управлении, строит простейшие варианты всех типов предложений. Установлено, что ребенок до 6 лет легко усваивает все то, что относится к системе языка и ее закономерностям, и с огромным трудом усваивает исключения, непродуктивные формы. Ребенок нередко сам создает новые слова в точном соответствии со словообразовательными моделями русского языка.

Итак, причиной возникновения первых речевых действий у ребенка является потребность общения. Та же причина действует не только в раннем возрасте, но на протяжении всей жизни: это закономерность речевого развития человека. Что же касается появления в речи ребенка все новых средств языка, то он заимствует их из воспринимаемой речи окружающих людей. Ребенок сам не создает языка, хотя в его речи встречаются иногда многочисленные «детские» слова: собака — *гав-гав*, машина — *би-би* или *бибика* и т. п., однако эти вспомогательные средства языка полностью исчезают к концу дошкольного возраста.

Еще К. Д. Ушинский писал: «Дитя усваивает язык подражанием». Действительно, роль имитации в усвоении языка значительна, но это не слепое подражание. К тому же оно касается лишь формы, а содержание речи вытекает из жизненного опыта ребенка, из потребностей его жизни, выражения его мысли. Одно лишь слушание речи взрослых ребенком не может стать решающим фактором овладения языком: нужна речевая активность, ибо язык усваивается в процессе речевой деятельности. Это тоже закономерность речевого развития ребенка, действующая на всех возрастных этапах. Пытаясь выразить свою мысль в языковых формах, допуская на первых порах ошибки, ребенок, опираясь на все новые и новые слышимые образцы речи взрослых, постепенно овладевает правилами языка, начинает говорить все свободнее. Иными словами, богатая и разнообразная речевая деятельность — залог успешного усвоения языка.

§ 22. Факторы речевого развития человека

Психолог Н. И. Жинкин, исследовавший механизмы речи человека, показал, как это происходит: «При передаче сообщения вводится (в мозг человека. — *Авт.*) два вида информации — а) о предмете и явлениях действительности и б) о правилах языка, на котором подается сообщение. Последний вид информации вводится в неявной форме, так как правила языка применяются, но о самих правилах ничего не говорится... Развитие речи есть не что иное, как введение в мозг ребенка языка в неявном виде, то есть через речь» (Ж и н к и н Н. И. Коммуникативная система человека и развитие речи в школе // Проблемы совершенствования содержания и методов обучения русскому языку в IV–VIII классах. — М., 1969. — С. 103). Ребенок не просто запоминает языковые единицы — слова, словосочетания, предложения, он улавливает а н а л о г и и в языке, связывает аналогии значений с аналогиями форм. Так, уже на ранних ступенях речевого развития ребенок научается пользоваться уменьшительно-ласкательными суффиксами, образуя с их помощью слова. Достаточно ребенку 5 лет слышать названия плодовых деревьев *яблоня*, *вишня*, как он образует слово *грушня*; слышать названия грибов *подберезовик*, *подосиновик*, как он спрашивает: «А как называется гриб под елкой?»

Восприятие чужой речи опережает собственную речь ребенка: он понимает речь взрослых раньше, чем сам начи-

нает говорить. Иными словами, усвоение языковых единиц и закономерностей (правил) языка происходит на основе неявной информации о языке. Отсюда следует вывод об огромном значении речевой среды в развитии речи; это тоже одна из закономерностей усвоения языка, которая не прекращает действовать на протяжении всей жизни человека.

Какова речь родителей — диалектная, просторечная, — так на первых порах будет говорить и ребенок. Но позднее, оказавшись в новой речевой среде, он усвоит новые слова, формы, произношение. В возрасте 3–6 лет современный ребенок находится уже под сильным влиянием художественной литературы. В школе на его речь начинает целенаправленно влиять, наряду с организованной, правильной речевой средой, изучение теории языка — грамматики, фонетики, орфографии, позднее основ стилистики, лексикологии, фразеологии. Само понятие речевой среды в школе изменяется: роль речи родителей в числе слагаемых речевой среды значительно понижается, авторитет школы постепенно повышается, и дети сами отказываются от диалектной и просторечной лексики, от диалектного произношения и отдельных оборотов речи.

Языковое чувство формируется в раннем детстве, и нередко бывает чрезвычайно трудно исправить те недостатки речи, которые заложены в дошкольном возрасте. Более того, существуют барьеры возможностей речевого развития, связанные с физиологическим созреванием нервных центров. Так, в возрасте около 3 лет в основном заканчивается анатомическое созревание речевых областей мозга. Физиологи утверждают, что функции центральной нервной системы наиболее легко поддаются тренировке именно в период их естественного формирования. Без тренировки развитие этих функций задерживается и даже может остановиться навсегда. В одной из книг В. А. Сухомлинского рассказано о мальчике, который провел дошкольные годы на железнодорожном разъезде, его воспитывала совершенно глухая бабушка, которая не могла с ним говорить. В результате ребенок не овладел речью, не удалось развить его речь и в школе. Нередко причиной недоразвития речи ребенка являются дефекты речи, например заикание. На этой почве развивается застенчивость ребенка, он мало говорит, становится замкнутым, молчаливым, а в результате отстает в речевом развитии. Низкое речевое развитие неизменно сказывается и на интеллектуальном развитии ребенка, подростка, юноши.

Речь — результат согласованных действий многих областей головного мозга: механизмов, воспринимающих речь, обеспечивающих понимание услышанных слов и предложений, механизмов, формирующих содержание ответа, и механизмов, обеспечивающих «программы движений, которые нужны для артикуляции звуков и звукосочетаний речи, отсюда идут команды на речевые мышцы» (К о л ь ц о в а М.М. Ребенок учится говорить. — М., 1973. — С. 28). Координация деятельности этих механизмов требует длительных тренировок, пока восприятие речи и собственная речь не начнут взаимодействовать, что внешне выражается в быстрых, четких речевых реакциях, в хорошем произношении, в богатстве и выразительности речи. Речевая активность — важнейшее качество формирующейся личности, она является не только залогом успешного интеллектуального развития, но и составной частью социального становления, социальной активности личности. Конечно, имеется в виду не болтливость, не пустословие или графомания. Речевая активность человека выражается в готовности в различных жизненных ситуациях быстро сориентироваться и ответить на вопрос, шуткой разрядить напряженность, полемизировать, выступить на собрании без предварительной подготовки, написать заметку в газету, письмо, объяснить доходчиво какой-то материал, прочитать лекцию, вести личный дневник.

Мы обратились к раннему возрасту, чтобы вскрыть закономерности возникновения и развития речи у человека, показать факторы, определяющие это развитие. Но закономерности не прекращают своего действия и в школе, причем не только в начальных, но и в старших классах; они действуют и в жизни взрослого человека, ибо обогащение языка и совершенствование речевых умений человека не прекращаются.

Факторы речевого развития человека	Начало их действия
1. Потребность эмоционального общения с близким человеком 2. Положительные эмоции Первые два фактора перемещаются в сферу эстетического развития 3. Тренировка физиологических механизмов речи	Возраст 2–3 мес., гуление То же С первых месяцев жизни

Факторы речевого развития человека	Начало их действия
4. Фактор речевой (языковой) среды: восприятие речи 5. Потребность содержательного обобщения (коммуникативная потребность) 6. Потребность номинации и обобщения 7. Речевая активность 8. Изучение языковой теории («осознательное» практически усвоенной системы языка)	С первых месяцев жизни 10–15 мес., первые слова-предложения То же С первых месяцев жизни В школе
Далее — потребности по видам ведущей деятельности: учебно-познавательные, социальные, профессиональные и пр.	

§ 23. Периодизация речевого развития человека

ДОШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ

Согласно психологической периодизации, предложенной А. К. Марковой (Маркова А. К. Психология усвоения языка как средства общения. — М., 1974. — С. 13–33), выделяются следующие возрастные периоды.

Младенческий возраст — до 1 года (доинтеллектуальная стадия). Установление и поддержание эмоционального контакта со взрослыми, т. е. развитие экспрессивной функции речи. В конце периода — первые проявления номинативной функции речи, называние предмета. Первые акты общения, коммуникации, т. е. социальная функция.

Ранний (преддошкольный) возраст — от 1 года до 3 лет. Усвоение символической и обобщающей роли слова. Слово становится средством не только общения, но и познания окружающего мира. В коммуникативной функции речь связывается с практической деятельностью ребенка — игрой, познанием окружающих предметов, усвоением способов пользования ими.

Усвоение слогового состава слов, затем их звукового состава. Но в собственной речи ребенок еще пользуется не всеми звуками, воспроизводя звуковой состав слова неточно. Бы-

строе накопление словаря: по данным разных исследователей, в 2 года — от 30 до 100 слов, в 3 года — от 300 до 1000 слов.

С двухлетнего возраста начинается грамматическое оформление слов.

Дошкольный возраст — от 3 до 6 лет. Наряду с функцией общения развивается функция обобщения и познавательная функция. К 4–5 годам появляется планирующая, регулирующая функция. Ребенок объясняет свои действия, а также чужие; появляется эгоцентрическая речь (ребенок разговаривает как бы сам с собой).

Ведущая деятельность дошкольного возраста — игра. Игра создает ситуации общения (диалог), ситуации планирования действий, оценки, анализа и обобщения.

Активное накопление языковых средств. В 4 года ребенок имеет, по разным данным, в своем словаре от 1 до 4 тысяч слов; в 6–7 лет — от 3 до 7 тысяч слов, знает отдельные фразеологические единицы, у него уже сложился определенный круг словесных ассоциаций. К 5 годам ребенок усваивает основные грамматические правила, не содержащие исключений; в возрасте 5–6 лет усваиваются некоторые случаи, не входящие в правила (исключения). К концу периода, т. е. к поступлению в школу, ребенок уже пользуется всеми основными формами речи; некоторые дети умеют читать и писать (до 10 %).

ШКОЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ

Школьный возраст — от 6–7 до 17 лет. В этом возрасте совершенствуются все функции речи, особенно обобщающая. Речевая деятельность — говорение, восприятие речи, письмо, чтение — становится средством учения, познавательной деятельности, в средних классах — средством приобщения к общественной деятельности, в старших классах — средством профессионального самоопределения.

Новое, что появляется в речевом развитии и в усвоении языка:

а) речь все более переходит в сферу волевых действий, ситуативная речь уступает место организованной речи: составление предложений, рассказов, ответы на вопросы учителя, пересказы прочитанного и пр.; усиливается ее обобщенный и отвлеченный характер;

б) вводятся понятие языковой нормы, понятия «можно» и «нельзя», «хорошо» и «плохо», т. е. происходит элементарная дифференциация стилей: начинается использование

тех или иных параллельных языковых средств в зависимости от условий высказывания;

в) вводятся в действие два новых вида речевой деятельности — чтение и письмо, что не только обогащает и разнообразит ее, но и постепенно приобщает школьников к богатствам письменно-книжной речи; последняя оказывает сильное влияние на детскую речь, преимущественно устную, которая постепенно сближается с речью письменной;

г) наконец, речь самих школьников и других людей, образцы художественной речи становятся объектом наблюдения, анализа, синтеза, обобщения, теоретического изучения; усваивается система языковых понятий и закономерностей языка. Теоретическое изучение языка, перенос языковых закономерностей на собственную речевую деятельность школьника способствуют развитию, обогащению речи, повышению ее общей культуры, орфографической и пунктуационной грамотности.

К завершению школьного курса юноши и девушки достигают определенного уровня речевого развития.

В школе изучается второй язык, создается двуязычие, позволяющее постоянно проводить сопоставление двух языков на разных уровнях — фонетическом, лексическом, грамматическом.

Речь служит в это время средством познавательной деятельности, средством коллективного труда, усвоения социальных ценностей, осознания собственной социальной роли, средством формирования и проявления собственной жизненной позиции, становления личности. Для многих подростков, юношей и девушек речь становится средством творческой деятельности — в области поэзии, театрального искусства.

ЗРЕЛОСТЬ

Это возраст от 18 лет и старше. На этом этапе продолжается совершенствование речи, ее культуры, использование ее в различных сферах деятельности человека, в первую очередь в производственной, профессиональной, поскольку обычно к 30-летнему возрасту у человека наступает время мастерства в избранной специальности.

Завершается становление индивидуального стиля юноши, девушки. Есть основания для введения понятия языковой личности.

Некоторые исследователи (например, Б. Г. Ананьев) пытались определить пик активности языкового развития: по-

видимому, для современного молодого человека он приходится на возраст около 21 года, после получения среднего образования. В то же время есть немало примеров яркого расцвета языковой активности и после этого возраста (творчество писателей, актеров).

Изложенная периодизация ориентирована на этапы возрастного развития человека и на сложившиеся в обществе формы приобщения его к социальной жизни. Возможны и другие периодизации, опирающиеся на собственно языковые процессы в развитии человека.

§ 24. Билингвизм

Большинство людей не ограничиваются знанием одного языка, они в той или иной степени приобщаются ко второму, неродном языку, а некоторые люди — к нескольким или даже многим языкам. Возникает двуязычие, или **б и л и н г в и з м**, а у отдельных лиц — полилингвизм. Человека, владеющего несколькими языками, называют полиглотом.

Человека, способного употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, называют **б и л и н г в о м**. Человек, способный пользоваться только одной языковой системой, только родным языком, может быть назван **м о н о л и н г в о м**.

В основе возникновения двуязычия лежат потребности **я з ы к о в ы х к о н т а к т о в** между народами — носителями разных языков.

Языковые контакты возникают в связи с общностью территории, на которой живут носители разных языков: примером могут служить Швейцария (немецкий, французский, итальянский языки), Канада (английский и французский).

Сильнейшим стимулом развития билингвизма является образование и — шире — культура в целом, объединяющая народы мира. Возникает понятие языковой политики государства. Так, в России государственным и языком межнационального общения признан русский язык.

Билингвизм возникает и вследствие политических и военных передвижений, торговых и культурных связей между разными странами и народами. Языковые контакты охватывают сотни миллионов людей в мире, они очень разнообразны — от прочтения несложного текста до создания произведений художественной литературы на неродном языке — и приводят к возникновению различных типов билингвизма.

Типы двуязычия подразделяют по разным основаниям. Так, по числу усвоенных действий различают **рецептивный** и **продуктивный** типы.

Рецептивный билингвизм обеспечивает только восприятие, нередко — восприятие лишь письменного текста: билингв может прочесть текст на втором языке со словарем или без словаря, но свободно говорить не умеет.

Продуктивный билингвизм предполагает не только чтение, но и свободную речь: билингв продуцирует речь на неродном языке, строит фразу, правильно произносит ее и пр.

По связи с мышлением различают **непосредственный** и **опосредованный** билингвизм. В первом случае билингв, продуцируя речь на неродном языке, не нуждается в своем родном языке, он думает, мыслит на втором языке. Это — высокий уровень овладения языком. Во втором случае билингв строит высказывание на родном языке про себя, в мыслях, а затем переводит на второй язык и произносит фразу вслух или же записывает ее.

На примере непосредственного билингвизма легче всего проследить физиологическую основу двуязычия: ею служат два динамических стереотипа, совместно локализованных и находящихся в отношениях взаимной отрицательной индукции.

По условиям возникновения различают **естественный** и **искусственный** типы билингвизма. Естественный билингвизм возникает чаще всего в раннем детстве под влиянием разноязычного окружения: например, в семье говорят по-татарски или по-башкирски, но во дворе может звучать русская речь. В отдельных случаях ребенок овладевает двумя языками практически одновременно: две языковые системы развиваются параллельно, не накладываясь одна на другую.

Искусственный билингвизм возникает в результате обучения, при этом второй язык по отношению к первому, родному находится в подчиненном положении, система родного языка оказывает влияние на усвоение второго языка, т. е. происходит **интерференция** родного языка: его звуковая система, грамматические формы влияют на соответствующие средства второго языка, приводя к ошибкам и акценту.

По степени родства языков различают **близкородственный** и **неблизкородственный** билингвизм. Пример близкородственного — русско-украинский билингвизм; неблизкородственного — русско-английский или русско-молдавский. Люди, имеющие большой опыт изу-

чения языков, отмечают, что близкородственные языки усваиваются легче лишь на первых этапах изучения, и рекомендуют изучать языки, резко различающиеся по своей типологии.

Изучение двуязычия, его типов и процессов формирования и развития создает научную основу обучения языкам.

Особенно большой интерес вызывает естественный ранний билингвизм, ибо он, как правило, не приводит к смешению двух одновременно формирующихся в сознании ребенка языковых систем и не порождает интерференции: ребенок, начавший говорить на двух языках, например на русском и немецком, в равной степени овладевает произносительными нормами обоих языков и говорит на неродном языке без акцента.

§ 25. Важнейшие тенденции развития речи

ЛЕКСИКА

Школьный период, т. е. возраст от 6–7 до 18 лет, в речевом развитии человека является решающим, во-первых, потому, что это период становления личности, во-вторых, потому, что в эти годы речевое развитие человека протекает не стихийно, а под влиянием системы обучения.

Развитие речи учащихся — это процесс, предполагающий постепенное обогащение словаря, усвоение всего многообразия словосочетаний, синтаксических конструкций, умений строить текст. Развитие речи предполагает не только количественное увеличение языковых средств, употребляемых в речевой деятельности индивида, но и — главное — их активизацию, гибкость использования, быстроту реакций, точность и правильность выбора языковых средств и построения речевых конструкций. Все это может быть сформировано лишь в разносторонней речевой практике, на протяжении всех лет дошкольного воспитания и обучения в школе. Поэтому могут быть выявлены **тенденции** в развитии словаря учащихся, грамматического строя речи, построения текста, в формировании стиля их речи.

В обогащении **л е к с и к и** основная тенденция — усвоение новых слов и значений, сочетаемости слов и рост активности слов. По данным разных исследователей, изучавших объем словаря человека, ребенок 3 лет пользуется в своей речи 100 словами, а некоторые дети используют до 1000 слов; в 4–5 лет — от 1 до 4 тысяч слов, в 6–7 лет — от

3 до 7 тысяч слов; ребенок 10 лет при переходе из начальной школы в средние классы использует в своей речи от 7 до 12 тысяч слов (засчитывается использование слова в естественных условиях, без прямого задания учителя, хотя бы один раз), у учеников старших классов знание слов колеблется в диапазоне 25–60 тысяч слов (считается не только общеупотребительная лексика, но и научные термины, топонимы, имена, иноязычные слова и пр.). Однако значительная часть лексики остается в пассивном словаре учащегося, так как условия его жизни и деятельности не требуют постоянной активизации огромного количества новых слов, усвоенных в курсе, например, истории. Поэтому активный словарь учащихся растет медленнее, чем словарь в целом, иными словами, доля пассивной части словаря в старших классах увеличивается.

Общей тенденцией в развитии словаря учащихся является рост разнообразия лексики и уменьшение повторяемости слов: учащиеся III класса делают в среднем примерно 8 повторов одинаковых слов на 100 слов текста, а десятиклассники — 5. Однако это «абсолютная» повторяемость; если же учесть, что в X классе объем словаря в 5 раз больше, чем в III, то окажется, что «относительная» повторяемость слов в старших классах становится выше. Учащиеся, понимая в основном значения членов синонимического ряда (например, *запрещать, воспрещать, возбранять*), употребляют обычно лишь один из них, стилистически нейтральный, так как слишком быстро прекращают или вообще не ведут отбор слов, поиск самого точного и выразительного слова.

В области фразеологии и основная тенденция состоит в росте употребления единиц литературного происхождения (например, *ахиллесова пята, мертвые души, темное царство, дубина народной войны* и т. п.) и особенно языковых «стандартов», свойственных языку газеты: *проведенные мероприятия, типичный представитель, сыграть роль* и т. п. Последние не делают речь выразительнее, и поэтому сама эта тенденция не может не вызвать определенной тревоги.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РЕЧИ

В области синтаксиса могут быть отмечены общая тенденция увеличения и внутреннего усложнения единиц — предложений, а также очень интенсивный рост подчинительных отношений на уровне словосочетания и сложного предложения.

Средние размеры употребляемых предложений (письменная речь): III класс — 6–7 слов, VII класс — 9 слов, X–XI классы — 12 слов в среднем и более.

По мере взросления школьников возрастает «разброс» этих показателей, по-видимому, как следствие формирования индивидуального стиля речи.

В устной речи в I классе около 4 слов в предложении, в остальных — на 1–2 слова меньше, чем в письменной. Таким образом, за время обучения в школе средние размеры предложений почти удваиваются.

Быстро растет глубина фразы, или глубина подчинительных рядов членов предложения: если в III классе подчиненные члены предложения, стоящие на четвертом и последующих местах после предикативных членов в ряду последовательного подчинения, составляют лишь 3 % всех словосочетаний, то их количество в старших классах возрастает примерно в 6–8 раз, т. е. процесс усиливается к старшим классам.

Пример глубины подчинительных отношений, или дистантные позиции подчиненных слов: *Я боюсь (предикативная группа — 1-я позиция), что прервется (2-я) та (3-я) нравственная (3-я) работа (2-я) над самосознанием (3-я) и самоопределением (3-я), которая (3-я) началась (3-я) для вас (4-я), по крайней (6-я) мере для многих (5-я) из вас (6-я), в гимназии (4-я) под влиянием (4-я) великих (6-я) книг (5-я) классического (7-я) мира (6-я), в общении (4-я) с Ксенофонтom (5-я), Платоном (5-я) и Софоклом (5-я)* (И. Ф. Анненский). Подобный анализ позволяет приблизительно определить и объем оперативной речевой (кратковременной) памяти индивида, и автоматизм синтаксических механизмов.

То же нужно сказать о соотношении простых и сложных предложений. Количество последних в речи старшеклассников неизменно увеличивается.

Быстро увеличивается также число распространенных второстепенных членов, выделяемых интонационно и обособляемых соответствующими знаками препинания.

Количество главных членов предложения снижается в связи с ростом размеров предложений, а второстепенных — возрастает. При этом употребление дополнений и определений растет наиболее интенсивно, обстоятельств — несколько медленнее.

Все приведенные данные свидетельствуют о быстром развитии подчинительных отношений в синтаксическом строе речи.

В употреблении слов, имеющих различный морфологический состав, тенденция состоит в том, что увеличивается число слов с производными основами: если в начальных классах они составляют около 25 % всего числа словоупотреблений, то в старших классах — 45–50 %. Старшеклассники предпочитают употреблять слова, имеющие усложненную словообразовательную структуру.

Тенденции в употреблении частей речи: несколько возрастает употребление служебных частей речи — предлогов и союзов, в связи с усложнением синтаксического строя речи изменяется соотношение частей речи: снижается доля глаголов, возрастает использование местоимений, имен прилагательных. Значительно увеличивается употребление форм косвенных падежей; среди глагольных форм существенно возрастает употребление причастий.

Все приведенные характеристики речи учащихся дают возможность сопоставлений с образцовыми текстами и определения того уровня, которого достигают молодые люди, оканчивающие среднюю школу. Так, по размеру употребляемых предложений картина приблизительно такова (по данным Б. Н. Головина, «Язык и статистика». — М., 1971) — средний размер предложений в авторских повествованиях: художественный стиль — 17 слов, научный стиль — 28 слов; в сочинениях учащихся X–XI классов — в среднем 12–14 слов.

Глубина подчинительных рядов также в 2–3 раза уступает образцовым текстам. Иными словами, юноши и девушки, оканчивающие школу, не останавливаются в своем речевом развитии, но и не достигают показателей, характерных для образцов литературного языка (индивидуальные различия очень велики — в среднем до 300 %).

Такая цель и не ставится: язык А. П. Чехова, К. Г. Паустовского, язык нашей прессы и научных трудов — это образцы, к которым стремится каждый человек, овладевающий своим родным языком.

Таковы краткие сведения из области теории речи и ее развития. Эти сведения позволяют увидеть применение языка в жизни людей. С позиций потребностей общения язык предстает как функционирующая система знаков, включенная в разнообразнейшие ситуации жизни миллионов людей, удовлетворяющая их потребности и сама вечно обогащающаяся и изменяющаяся.

XX век ознаменовался повышенным вниманием к исследованиям в области языковой прагматики. Это под-

тверждается успехами стилистики, теории устной речи, ее культуры, появлением функциональной грамматики, коммуникативного синтаксиса, психолингвистики, теории языковой личности, возрождением риторики (80-е гг.), введением ряда вузовских курсов: лингвистического анализа текста и пр.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

§ 26. Возникновение языка

Уже с древнейших времен людей интересовал вопрос о том, как возник человеческий язык. Поскольку язык появился в очень глубокой древности и ученые не располагают результатами наблюдений над какими-либо «возникающими» или «зарождающимися» языками, ответить на этот вопрос можно лишь путем логических рассуждений.

Все гипотезы о происхождении языка делятся на две группы. Гипотезы первой группы исходят из того, что язык был дан человеку извне: Богом или силами природы. Гипотезы второй группы утверждают, что язык был создан самим человечеством без участия каких-либо внешних сил. Имеется и промежуточная точка зрения, которая состоит в том, что Бог дал человеку дар речи, однако конкретные языки создали сами люди. Именно эта точка зрения получила отражение в Библии, где говорится: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как назовет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Быт. 2.19–20).

Сведения о возникновении и эволюции человека как вида, а также о закономерностях исторических изменений языков, которыми располагает современная наука, заставляют отдать предпочтение той точке зрения, которая утверждает, что человек создал свой язык сам. Однако и в рамках этой точки зрения еще с античных времен выдвигались различные теории, объяснявшие, как именно появился язык. Остановимся на самых известных из них.

1. В соответствии с теорией звукоподражания, которая была выдвинута еще древнегреческими фи-

лософами и получила поддержку в науке XIX в., язык возник из тех звуков, которые древний человек произносил, подражая пению птиц, шуму ветра, журчанию воды и другим звукам, слышимым им в природе.

Слова, возникшие на основе звукоподражания, действительно, есть в любом языке. При этом подобное происхождение имеют не только слова типа *гав-гав*, *ква-ква*, *мяукают* или *кукушка*. Как показывают исследования, древние звукоподражания лежат в основе и таких слов, как *ворона*, *воробей* и *жаворонок* (подражание звукам, похожим на *воркование*, которые издают эти птицы), *ключ* в значении 'источник', *остров* и *струя* (подражание клокотанию воды), *дуть*, *дым*, *пух*, *пухнуть*, *пыль* и *пылеть* (подражание звукам дуновения), *пучок* и *пучина* (подражание звуку чего-то лопающегося). Вместе с тем, во-первых, теорией звукоподражания можно объяснить происхождение лишь некоторых слов любого из языков; во-вторых, способность имитировать различные звуки окружающего мира предполагает достаточно высокое развитие речевого аппарата, чего у древних людей не было; наконец, в-третьих — и это самое главное — пытаюсь ответить на вопрос, как появился язык, теория звукоподражания не дает ответа на вопрос о том, почему он появился.

2. Теория междометий, которая тоже возникла в Древней Греции, а в XVIII в. получила поддержку выдающегося французского мыслителя Жан Жака Руссо, усматривает происхождение языка в тех произвольных возгласах, которые производили предки человека, выражая свои эмоции.

Междометия (*ах*, *ох*, *ай*, *эх*, *ого* и др.), т. е. слова, которые непосредственно выражают эмоции и волеизъявления человека, не называя их, существуют и во всех современных языках. Однако, во-первых, таких слов очень немного, а во-вторых, трудно согласиться с тем, что язык появился из-за потребности человека в выражении эмоций, а не по каким-либо более важным причинам.

3. В соответствии с теорией общественного договора, основы которой были заложены античными учеными и которая получила развитие в XVIII в. в трудах английского философа Адама Смита и Жан Жака Руссо, язык возник потому, что древние люди когда-то условились между собой, как пользоваться языком. Эта теория утверждает социальный характер языка, невозможность существования языка без общества. Однако трудно представить себе, чтобы люди, еще не владевшие языком, могли о чем-нибудь сознательно между собой договориться.

4. В XIX в. появилась еще одна теория происхождения языка — так называемая теория трудовых выкриков. С точки зрения ее сторонников, язык возник из возгласов, которые производили древние люди с целью синхронизировать свои движения в процессе коллективной трудовой деятельности. Эта теория так же, как и теория общественного договора, справедливо связывает появление языка с жизнью человеческого общества, а кроме того, еще и с трудовой деятельностью человека. Однако стремление синхронизировать коллективные усилия в процессе труда вряд ли можно считать основной причиной, по которой возник язык.

Попытаемся установить эту причину. Необходимо отметить, что трудовая деятельность человека, начиная с того времени, когда человек появился как биологический вид, принципиально отличается от любых видов деятельности животных. Труд человека — это, во-первых, труд с применением специальных орудий, во-вторых, труд коллективный и, наконец, в-третьих, труд прогрессирующий, постоянно совершенствующийся и усложняющийся. Можно предположить, что наиболее ранней формой коллективной трудовой деятельности первобытного человека была коллективная охота на крупных зверей.

Как уже говорилось, знаковые системы, предназначенные для общения, имеются и у животных. Все они, однако, тесно привязаны к наличной ситуации и не способны передавать информацию о прошлых или будущих событиях. Можно предположить, что основная причина возникновения человеческого языка не была обусловлена простой потребностью координировать действия отдельных людей в процессе охоты. Такую координацию, связанную с жестовыми или звуковыми сигналами типа «беги сюда», «беги туда», «бей» или «берегись», вполне можно было осуществлять и с помощью примитивной жестово-звуковой системы общения, которая имела у человекообразных обезьян.

Очевидно, что борьба за выживание требовала от первобытного человека постоянного усложнения коллективной трудовой деятельности, а такое усложнение вызывало необходимость в прогнозировании предстоящих трудовых действий, подготовке к ним и в обучении этим действиям членов племени. Понятно, что использовать в этих целях жестко привязанную к текущему моменту знаковую систему, подобную языку обезьян, было невозможно. Человек нуждался в принципиально ином средстве общения.

Предполагают, что такое средство общения зародилось в форме ритуального танца-пантомимы, который имитиро-

вал коллективную трудовую деятельность и был одновременно и формой первобытного искусства, и средством обучения труду. Подобные пантомимы сопровождались выкриками, которые постепенно превращались из простого выражения эмоций в способ обозначения тех или иных ситуаций. Постоянное усложнение трудовой деятельности требовало совершенствования акустических знаков, что в конечном итоге и привело к зарождению звукового языка. Это повлекло за собой превращение гортани и ротовой полости первобытных людей в богатый своими возможностями речевой аппарат человека. Развитие и совершенствование языка, в свою очередь, способствовали прогрессу форм трудовой деятельности и эволюции человеческого мышления.

Таким образом, возникновение языка было обусловлено появившейся в процессе постоянно усложнявшейся коллективной трудовой деятельности первобытных людей потребностью в таком средстве общения, с помощью которого можно было бы не только реагировать на наличную ситуацию, но и описывать будущие события. Появление языка стало важным стимулом для развития мышления, совершенствования труда, формирования и прогресса человеческого общества.

§ 27. Синхрония и диахрония в языке

С одной стороны, язык представляет собой систему, которая предназначена для общения людей и поэтому обладает достаточным постоянством и устойчивостью. Однако, с другой стороны, известно, что языки изменяются во времени. Сейчас мы говорим и пишем по-русски уже не совсем так, как говорили и писали при Пушкине, и совсем не так, как это было принято, например, в XIV в. Сочетание относительной стабильности и — одновременно — изменчивости языковой системы вызвало потребность в разграничении двух аспектов существования языка: синхронии и диахронии.

Под **с и н х р о н и е й** (от греч. *syn* 'вместе' + *chronos* 'время') принято понимать состояние языка в определенный момент его существования. Синхронное состояние языка — это не обязательно состояние современное. Рассматривая язык в синхронном аспекте, мы можем говорить и о русском языке конца 90-х гг. XX в., и о русском языке первой половины XIX или, например, конца XIV в. — в каждом из этих случа-

ев нас будет интересовать система языка в том относительно постоянном виде, какой она имела в упомянутое время.

В свою очередь, **д и а х р о н и я** (от греч. *dia* 'через' + *chronos* 'время') — это историческое развитие языковой системы, ее динамика. В сферу диахронии входит рассмотрение любых изменений языка во времени. К диахронии относится и, например, эволюция русской языковой системы в период с XIV по XX в., и, предположим, изучение тех изменений, которые произошли в русском языке в промежутке между 1985 и 1999 гг.

Для изучения языка разграничение синхронии и диахронии очень полезно: в одних случаях оно позволяет сосредоточиться преимущественно на постоянных свойствах языковой системы, а в других — на ее эволюции. При этом, однако, необходимо помнить, что синхрония и диахрония неразрывно связаны друг с другом, поскольку состояние языка в любой момент его существования — это всего лишь один из эпизодов развития языка. Именно поэтому диахроническое описание языка очень часто включает отдельные экскурсы в синхронию, а синхроническое описание, напротив, — обращения к диахронии.

Так, рассматривая изменения, которые произошли в языке на протяжении какого-либо исторического периода, т. е. в диахронии, лингвисты обычно учитывают и то, что представляла собой система языка в начале и в конце этого периода, т. е. сопровождают диахроническое исследование как минимум двумя синхроническими описаниями, или, как принято говорить, **с и н х р о н н ы м и с р е з а м и**.

И наоборот: описывая систему языка в синхронии, ученые нередко бывают вынуждены обращаться к истории отдельных ее частей. Элементы диахронического подхода при синхронном описании языка, прежде всего, бывают обусловлены вариантностью языковой системы. Так, характеризуя систему склонения существительных современного русского языка, необходимо, например, отметить, что многие существительные мужского рода в именительном падеже множественного числа допускают варианты формы: *инспекторы* и *инспектора*, *кондукторы* и *кондуктора*, *цехи* и *цеха*. При этом формы *инспекторы*, *кондукторы*, *цехи* воспринимаются как более старые, традиционные, а формы *инспектора*, *кондуктора*, *цеха* — как более новые. Однако утверждение о более старых и более новых вариантах языковых единиц — это уже отступление от чисто синхронистического подхода и обращение к элементам диахронии.

Кроме того, диахронические комментарии бывают необходимы для того, чтобы объяснить, почему языковая система в ее синхронном состоянии имеет именно такой, а не иной вид. Так, хорошо известно, что в современном русском языке глаголы в формах настоящего и будущего времени изменяются по лицам (*читаю, читаешь, читает* и т. д.), а в формах прошедшего времени — не по лицам, а по родам (*читал, читала, читало*). Разумеется, подобной констатацией можно было бы и ограничиться. Однако если стремиться к полноте описания языка, то упомянутое явление русской морфологии можно объяснить путем обращения к диахронии. Дело в том, что современные формы прошедшего времени глагола образовались из древнерусского перфекта — времени, формы которого состояли из вспомогательного глагола *быть*, который изменялся по лицам, и слов типа *читал*, которые в то время были причастиями и, подобно любым причастиям, изменялись по родам. По-древнерусски спрягали: *я есмь читалъ (читала, читало), ты еси читалъ (читала, читало), онъ есть читалъ (читала, читало)*. С течением времени вспомогательный глагол *быть* в формах перфекта перестал употребляться, а причастия типа *читал* стали восприниматься как формы прошедшего времени глагола, хотя и сохранили способность изменяться не по лицам, а по родам. Этим фактом, потребовавшим обращения к диахроническому аспекту языка, и объясняется одна из особенностей системы современного русского спряжения.

Таким образом, синхрония и диахрония представляют собой два разных, однако взаимосвязанных аспекта рассмотрения языковой системы.

§ 28. Генеалогическая классификация языков

По разным подсчетам, на земном шаре существует от 2500 до 5000 языков (указать более точную цифру не представляется возможным, поскольку не всегда удается однозначно разграничить самостоятельные языки и диалекты одного и того же языка). Наряду с ныне существующими, жи вы ми, известны и так называемые мертвые языки. Это языки, которые в настоящее время не используются в общении, однако сохранились благодаря письменным памятникам. В число мертвых языков входят, например, латынь и древнегреческий язык.

Наиболее распространенными языками мира являются китайский (на нем говорят свыше 1 миллиарда человек),

английский (420 миллионов), хинди и близкий ему урду (320 миллионов), испанский (300 миллионов). Русский язык занимает в этом ряду пятое место: его используют в общении 250 миллионов человек.

Уже давно было замечено, что некоторые языки мира обладают чертами сходства: похоже звучат многие слова, близкими по звучанию являются и некоторые окончания. Подобие слов при этом не связано с лексическими заимствованиями, поскольку в языках, о которых идет речь, сходством обладают не слова, обозначающие какие-либо новые предметы и явления, а такие слова, о которых с уверенностью можно сказать, что они существовали еще в глубокой древности. В их число входят, например, термины родства (*мать, сын, сестра, брат*), названия частей тела, числительные от одного до десяти, местоимения (*я, ты, тот, кто, что*), а также названия некоторых животных, растений и орудий труда (ср., например, сходство ряда слов из только что перечисленных групп в русском, английском, немецком и французском языках, которое иллюстрирует нижеследующая таблица). Что же касается окончаний, то известно, что они просто не могут заимствоваться одним языком из другого.

Русский язык	Английский язык	Немецкий язык	Французский язык
<i>мать</i>	<i>mother</i>	<i>Mutter</i>	<i>mère</i>
<i>сестра</i>	<i>sister</i>	<i>Schwester</i>	<i>sœur</i>
<i>нос</i>	<i>nose</i>	<i>Nase</i>	<i>nez</i>
<i>три</i>	<i>three</i>	<i>drei</i>	<i>trois</i>
<i>я</i>	<i>I</i>	<i>ich</i>	<i>je</i>
<i>волк</i>	<i>wolf</i>	<i>Wolf</i>	<i>loup</i>

Такое сходство между языками дает основания для того, чтобы говорить об их родстве: очевидно, что в прошлом эти языки представляли собой единый язык (этот язык принято называть **п р а я з ы к о м** или **я з ы к о м - о с н о в о й**). Впоследствии носители праязыка в силу тех или иных причин разделились на несколько языковых коллективов, а языки этих коллективов постепенно изменились, хотя и сохранили некоторые черты сходства.

На основе наблюдений над родственными отношениями языков строится **г е н е а л о г и ч е с к а я к л а с с и ф и к а ц и я я з ы к о в** (от греч. *genealogia* 'родословная'). В соответствии с ней все языки объединяются в **с е м ь я**, т. е. большие совокупности языков, находящиеся друг с дру-

гом в достаточно отдаленном родстве. Внутри семей выделяются группы, в которые входят языки, состоящие в более близком родстве. Языковые группы иногда именуют ветвями. Группы могут, в свою очередь, делиться на подгруппы, которые включают близкородственные языки.

Генеалогическая классификация охватывает языки всех континентов земного шара. Однако человеку, изучающему русский язык (да и любому образованному жителю России), необходимо знать в деталях не всю эту классификацию, а главным образом ту ее часть, которая касается его родного языка, изучаемых иностранных языков, а также языков тех народов, которые соседствуют или находятся в языковом родстве с носителями только что упомянутых родного и иностранного языков.

Приведем наиболее важные для запоминания элементы генеалогической классификации языков.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Это одна из крупнейших языковых семей. В ее основе лежал праиндоевропейский язык, который уже к 3-му тысячелетию до н. э. распался на отдельные языки. В соответствии с одной из гипотез, первоначальной территорией, на которой жили индоевропейские племена, была Центральная Европа, вероятно, бассейн рек Вислы, Эльбы и Одера. В связи с постоянным ростом численности населения и поиском удобных территорий для проживания отдельные племена индоевропейцев мигрировали. В результате в настоящее время территория распространения индоевропейских языков простирается от Атлантического океана на западе до Центральной Азии на востоке и от Скандинавии на севере до Средиземного моря на юге. К этому следует добавить, что в последние 500 лет область распространения индоевропейских языков еще больше увеличилась, поскольку такие языки, как английский, испанский, французский, португальский и нидерландский, стали использоваться практически на всех материках.

О том, что представлял собой индоевропейский праязык, можно судить только гипотетически, реконструируя отдельные его элементы на основе сопоставления известных индоевропейских языков. В состав индоевропейской семьи входят многие языки Европы и Азии, в том числе и русский язык. По этой причине она будет описана наиболее подробно. Назовем основные группы и некоторые из языков, которые включает индоевропейская семья.

Славянские языки образовались из единого для всех славян праславянского языка, который существовал с 3-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э. Предполагают, что в IV–III вв. до н. э. праславянские племена жили на территории между реками: Вислой — на западе, Днепром — на востоке, Припятью — на севере и Днестром — на юге. В дальнейшем территория, занимаемая славянами, расширилась, а контакты между отдельными группами славянских племен ослабли, в результате чего произошло разделение славян на восточных, южных и западных. Позднее восточно-, южно- и западнославянский праязыки распались на отдельные славянские языки, которые в генеалогической классификации языков входят соответственно в восточнославянскую, южнославянскую и западнославянскую подгруппы.

Восточнославянская подгруппа состоит из трех близкородственных языков: русского, украинского и белорусского, которые до XIV в. составляли единый древнерусский язык. Все три языка имеют письменность, восходящую к кириллице.

Южнославянская подгруппа включает следующие языки: болгарский (распространен в Болгарии); македонский (распространен в Македонии, Болгарии и Греции); сербохорватский (распространен в Сербии и Хорватии; сербский и хорватский варианты этого языка различаются главным образом письменностью: у сербов письмо на основе кириллицы, у хорватов — на основе латиницы); словенский (распространен в Словении). Письменность болгарского, македонского и, как уже говорилось, сербского языков восходит к кириллице; хорватская и словенская письменность — к латинице.

К южнославянской группе принадлежит и мертвый старославянский язык. Старославянский язык — это язык древнейших дошедших до нас славянских письменных памятников X–XI вв. Его возникновение было связано с миссионерской деятельностью уроженца византийского города Солунь (ныне Фессалоники в Греции) Кирилла (до пострижения в монахи он носил имя Константин) и его брата Мефодия.

История возникновения старославянского языка такова. В конце 862 г. моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать в Моравию (в настоящее время это одна из областей Чехии)

миссионеров, которые вели бы христианское богослужение на родном для ее жителей языке, а не на латыни. Как известно, латынь была официальным языком римско-католической церкви, тогда как восточно-православная церковь, центром которой и являлась Византия, считала целесообразным вести церковную службу на родных языках верующих.

Византийский император Михаил поручил Кириллу и Мефодию осуществить перевод основных христианских богослужебных книг на язык славян. Для этого Кирилл создал славянский алфавит и вместе с братом приступил к работе над переводами. Поскольку в районе Солуни жили славянские племена, говорившие на одном из южнославянских диалектов, этот диалект и лег в основу языка переводов Кирилла и Мефодия, а впоследствии и их учеников. Однако различия между отдельными славянскими языками и диалектами были в то время невелики, и потому, получив распространение среди южных, западных и восточных славян, старославянский язык был им хорошо понятен.

Следует подчеркнуть, что старославянским языком называют лишь язык древнейших славянских письменных памятников. В дальнейшем на основе старославянского языка у каждого из славянских народов, исповадовавших православную религию, возникли свои собственные варианты языка, который использовался в богослужении. Эти варианты, отразившие некоторые особенности отдельных славянских языков, принято называть церковнославянским языком. Старославянский язык, а вслед за ним и русская разновидность церковно-славянского языка оказали заметное влияние на формирование русского литературного языка.

Не вполне ясен вопрос, какой из славянских алфавитов изобрел Кирилл. Старославянские тексты были написаны двумя азбуками: одни — глаголицей, которую, видимо, создал Кирилл и которая в дальнейшем вышла из употребления, а другие — кириллицей. Эта последняя названа в честь Кирилла, хотя, по всей вероятности, была изобретена его учениками. Кириллица стала основным алфавитом восточных и большинства южных славян (западные славяне в силу ряда исторических причин оказались связанными с римско-католической церковью и потому стали пользоваться латиницей). В 1708–1710 гг. Петр I упростил начертание кириллических букв, сделав их более похожими на латинские. Этот шрифт, получивший название

гражданской азбуки (в отличие от азбуки церковно-славянской), и лег в основу той графики, которую используют восточные и южные (за исключением хорватов и словенцев) славяне.

Западнославянская подгруппа включает следующие языки: чешский (распространен в Чехии), словацкий (распространен в Словакии), польский (распространен в Польше), а также кашубский (распространен в Польше, на побережье Балтийского моря) и лужицкий (распространен в Германии, в окрестностях г. Бауцена, Котбуса и Дрездена). Все западнославянские народы используют графику на основе латиницы.

Балтийская группа

В настоящее время в балтийскую группу входят только два живых языка: литовский и латышский.

Германская группа

Живые языки, входящие в германскую группу, делятся на две подгруппы.

Северогерманская, или скандинавская, подгруппа включает языки: датский, шведский (распространен в Швеции и Финляндии), норвежский, исландский и др.

В западногерманскую подгруппу входят языки: английский (распространен в Великобритании, Ирландии, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, а также ряде стран Азии и Африки), нидерландский (или голландский; распространен в Нидерландах и — под названием фламандский — в Бельгии), африканс (или бурский; по происхождению — язык переселенцев из Голландии в Южную Африку, где в настоящее время и распространен), немецкий (распространен в Германии, Швейцарии и Австрии), идиш (или новоеврейский; язык евреев Европы и Америки, сложившийся в X–XIV вв. у переселенцев в Германию на основе диалектов немецкого языка) и др.

Романская группа

В ее состав входят следующие языки: французский (распространен во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде, а также в ряде стран Африки), итальянский (распро-

странен в Италии и Швейцарии), и с п а н с к и й (распространен в Испании, Латинской Америке и Северной Африке), п о р т у г а л ь с к и й (распространен в Португалии, Бразилии, Анголе, Мозамбике), р у м ы н с к и й, м о л д а в с к и й (близок к румынскому, разновидностью которого иногда и считается) и др.

В романскую группу входит и мертвый язык — л а т и н с к и й (или л а т ы н ь) — государственный язык Древнего Рима, существовавший с III в. до н. э. После падения в V в. н. э. Римской империи на основе латыни начали образовываться отдельные романские языки, которые окончательно обособились к IX в.

Кельтская группа

В настоящее время языки кельтской группы (наряду с английским языком, который, как уже говорилось, принадлежит к германской группе) распространены в Великобритании и Ирландии. В их число входят и р л а н д с к и й, ш о т л а н д с к и й (или г е л ь с к и й; распространен в Шотландии) и в а л л ь и й с к и й (или у э л ь с к и й; распространен в Уэльсе) языки.

Греческая группа

В греческую группу входит всего лишь один живой язык — н о в о г р е ч е с к и й. Есть еще мертвый язык, входящий в эту группу, — д р е в н е г р е ч е с к и й, он был в употреблении с XIV в. до н. э. до IV в. н. э.

Албанская группа

Эта группа так же, как и следующая, армянская, включает только один язык — а л б а н с к и й.

Армянская группа

В группу входит а р м я н с к и й язык.

Индийская группа

К индийской группе принадлежат языки: х и н д и (государственный язык Индии) и у р д у (государственный язык Пакистана) — две разновидности одного языка, различающиеся главным образом своей письменностью: хинди

использует староиндийский, а урду — арабский алфавит, общее наименование для хинди и урду — х и н д у с т а н и; бенгальский (или бенгали; распространен в Народной Республике Бангладеш и в западной Индии); цыганский язык (первоначально цыгане жили в Индии, из которой в течение V–X вв. н.э. постепенно переселились в Переднюю Азию, Европу, а затем и в Америку, Австралию и Новую Зеландию) и др.

Мертвый язык индийской группы — санскрит — письменно-литературный язык древней Индии (III в. до н.э. — VII в. н.э.).

Иранская группа

В эту группу входят языки: персидский (или фарси; распространен в Иране и ряде других стран Азии); пуштунский (или афганский язык; распространен в Афганистане и Пакистане); дарий (распространен в Афганистане); курдский язык (распространен в Турции, Иране, Ираке и Сирии).

К иранской группе относятся также таджикский язык, на котором говорят в Таджикистане и других государствах Средней Азии, а на территории России — осетинский язык.

Наряду с индоевропейской семьей, которую мы только что охарактеризовали, генеалогическая классификация языков выделяет и целый ряд других языковых семей. Перечислим наиболее важные из этих семей и назовем (без членения на группы и подгруппы) некоторые из языков, которые в эти семьи входят.

ФИННО-УГОРСКАЯ (УГРО-ФИНСКАЯ) СЕМЬЯ

Финский, эстонский и венгерский языки. На территории России: карельский (распространен на северо-западе России — в Республике Карелия); коми-зырянский (распространен на севере европейской части России — в Республике Коми, а также на севере Сибири); коми-пермяцкий (распространен в Коми-Пермяцком автономном округе России, на северо-востоке Кировской и Пермской областей и в различных районах Сибири); удмуртский (распространен на северо-востоке европейской части России — в Республике Удмуртия); марийский и два мордовских языка — эр-

зьянский и мокшанский (распространены в Поволжье и на востоке европейской части России); **мансийский и хантыйский** языки (распространены в Сибири).

ТЮРКСКАЯ СЕМЬЯ

Турецкий язык, а также **азербайджанский, туркменский, киргизский, узбекский и казахский** языки. На территории России — **татарский, башкирский и чувашский** языки (распространены в Поволжье) и языки некоторых народов Сибири: **хакацкий, тувинский, якутский** и др.

МОНГОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ

Монгольский язык. На территории России — **бурятский и калмыцкий** языки.

СЕМИТО-ХАМИТСКАЯ СЕМЬЯ

Арабский язык (распространен в Ираке, Сирии, Ливане, Израиле, Иордании, Кувейте, Саудовской Аравии, Египте, Судане, Ливии, Тунисе, Алжире и других странах); **амхарский язык** (распространен в Эфиопии); **ассирийский** (или **айсорский**) язык (язык изолированных этнических групп в странах Ближнего Востока и некоторых других государствах); и **врит** (официальный язык Израиля; возрожден на основе вышедшего к середине 1-го тысячелетия до н. э. из употребления, мертвого древнееврейского языка) и др.

КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ

Кавказские языки обладают некоторыми чертами сходства, однако их родство и соответственно принадлежность к одной языковой семье не доказаны. Возможно, что во многих случаях черты подобия обусловлены единством географического распространения и давними контактами между носителями этих языков. В число кавказских языков входят: **абхазский, адыгейский, чеченский, ингушский, дагестанские языки (аварский, даргинский, лакский и др.), грузинский язык** и др.

§ 29. Типологическая (морфологическая) классификация языков

Генеалогическая классификация не является единственной возможной классификацией языков. Хорошо известно, что многие родственные языки в результате своего исторического развития стали существенным образом отличаться друг от друга по своему устройству и, наоборот, языки, не состоящие в отношениях родства, могут быть устроены похожим образом. Именно поэтому в начале XIX в. почти одновременно с генеалогической классификацией лингвисты начали разрабатывать и типологическую классификацию языков (от греч. *typos* 'отпечаток, образец' + *logos* 'учение'), т. е. классификацию языков на основании их устройства.

Понятно, что для того, чтобы построить типологическую классификацию, необходимо принять за основу устройство языка на каком-нибудь одном из его ярусов. Если такой основой будет, например, фонетический ярус, то языки должны быть подвергнуты классификации в зависимости от особенностей состава гласных и согласных звуков, структуры слога или характера ударения. Если взять за основу лексический ярус, то потребуются учитывать характер отношений между словами и их значениями и, в частности, количество имеющих в каждом из языков многозначных слов, синонимов или омонимов. Если это будет уровень синтаксический, то типологическая классификация должна учитывать особенности каждого из языков в построении предложения.

Наиболее показательным при описании устройства языка является, однако, морфологический уровень. По этой причине, хотя современное языкознание и располагает фонетическими, лексическими и синтаксическими классификациями языков, наиболее важной и известной является типологическая классификация языков, построенная на морфологической основе. Именно поэтому типологическую классификацию, о которой сейчас пойдет речь, можно именовать еще и классификацией морфологической.

Принципы типологической классификации языков, заложенные немецкими учеными братьями фон Шлегелями: Фридрихом (1772–1829) и Августом (1767–1845), были усовершенствованы их соотечественником Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835). В дальнейшем эта классификация неоднократно подвергалась всевозможным уточ-

нениям и детализации, однако те основы, которые были заложены В. фон Гумбольдтом, сохранили свою актуальность до наших дней.

В основу типологической (морфологической) классификации языков положены характерные для каждого из языков особенности морфемного состава слова: учитывается, во-первых, то, каким образом слово строится из морфем, а во-вторых, как образуются разные его формы. На этом основании принято разграничивать четыре основных типа языков. Однако каждый из этих типов редко бывает представлен в чистом виде: многие языки сочетают в себе свойства одновременно нескольких типов. Потому четыре морфологических типа языков представляют как бы четыре полюса, к каждому из которых в определенной степени тяготеют разные языки мира. Охарактеризуем эти типы.

ИЗОЛИРУЮЩИЕ (ИЛИ АМОРФНЫЕ) ЯЗЫКИ

Слова в языках этого типа неизменяемы, т. е. не имеют окончаний и состоят из одних основ (а иногда даже из одних корней). В результате этого связи между словами в предложении получают выражение только благодаря порядку слов, а такие значения, как значения числа, времени или падежа, выражаются путем присоединения к данному слову других, вспомогательных, слов. Именно о таких языках выдающийся российский языковед Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) писал: «В них, например, категория множественного числа выражается словами *много, все*; категория времени — словами, как *когда-то, давно*; отношения, обозначаемые у нас предлогами, — словами, как *зад, спина*, например *а спина б = а за б*».

Поскольку связи между словами в этих языках не получают формального выражения и в результате слова оказываются как бы изолированными друг от друга, языки этого типа и получили название «изолирующие». Слова в этих языках не изменяют своей формы. Отсюда и другое название этого типа — «аморфные» (от греч. *amorphos* 'бесформенный').

К изолирующему, или аморфному, типу принадлежат китайский, вьетнамский, малайский, бирманский и некоторые другие языки Юго-Восточной Азии.

Приведем в качестве иллюстрации предложение на китайском языке с его пословным переводом:

Ча	во	бу	хэ
↓	↓	↓	↓
'чай'	'я'	'нет'	'питье' = 'Чая я не пью'.

Как видим, это предложение состоит из неизменяемых слов, потому и конкретные значения этих слов, и связи между ними определяются только благодаря контексту. От контекста зависит и то, обозначает некоторое слово предмет или действие. Так, китайское слово *мо* в зависимости от того, в какой позиции оно будет употреблено в предложении, может обозначать и действие 'молотъ', и предмет, которым мелют зерно, 'жернов'.

Отдаленное сходство с высказываниями на языках изолирующего типа имеют те предложения русского языка, которые состоят из неизменяемых слов, связанных между собой примыканием, например: *А потом кенгуру прыг назад*. По законам изолирующих языков строятся иногда и фразы иностранцев, которые не овладели русской грамматикой, типа *Завтра я идти музей* или *Моя твоя не понимаю*.

АГГЛЮТИНАТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Агглютинативные языки в отличие от только что рассмотренных языков изолирующих располагают достаточно большим количеством служебных морфем: приставок и суффиксов (служебные морфемы в отличие от морфем корневых принято называть *аффиксами*). Однако аффиксы агглютинативных языков обладают гораздо большей самостоятельностью и независимостью, чем это знакомо нам, например, по русскому языку, который к агглютинативному типу не принадлежит. Для агглютинативных языков характерен такой способ образования слов и форм слов, который носит название *агглютинация* (от лат. *agglutino* 'приклеивать'). Он состоит в следующем.

Во-первых, каждый аффикс в агглютинативных языках способен выражать только одно грамматическое значение. Так, если в русском языке окончание *-ам*, например, в словоформе *рукам* одновременно является показателем и множественного числа, и дательного падежа, то в агглютинативных языках, например в татарском, один аффикс будет указывать на множественное число и совсем другой — на дательный падеж¹, ср. некоторые падежные формы татарского слова *кул* 'рука':

¹ Для простоты изложения здесь и далее мы не используем те названия падежей, которые приняты в татарской грамматике, заменяя их приближительными русскими эквивалентами.

Ед. число

И. *кул* 'рука'

Р. *кул-ның* 'руки'

Д. *кул-га* 'руке'

В. *кул-ны* 'руку'

Мн. число

И. *кул-лар* 'руки'

Р. *кул-лар-ның* 'рук'

Д. *кул-лар-га* 'рукам'

В. *кул-лар-ны* 'руки'

Как видим, все формы татарских существительных во множественном числе строятся по стандартному правилу: к корню сначала добавляется аффикс множественного числа *-лар-*, а затем — тот же падежный аффикс, что и в единственном числе; никаких аффиксов, которые одновременно указывали бы и на множественное число, и на падеж, нет.

Во-вторых, одно и то же грамматическое значение в агглютинативных языках всегда выражается одним и тем же аффиксом. Если, например, в русском языке в зависимости от типа склонения показателями дательного падежа единственного числа существительных могут служить окончания *-е* (*стене*), *-у* (*столу*) или *-и* (*лошади*), то в агглютинативных языках не существует ни разных типов склонения существительных, ни разных спряжений глаголов, поскольку любое грамматическое значение всегда бывает выражено только одним способом. Так, в татарском языке, как уже было показано, значение множественного числа существительных неизменно выражает аффикс *-лар*, а значение дательного падежа — аффикс *-га*.

К сказанному необходимо добавить, что, присоединяясь к разным основам, один и тот же аффикс может для удобства произношения изменять свое звучание подобно тому, как в русском языке приставка *под-* по-разному произносится в словах [пóт]л^ись, [пат]л^ись^ивать и [пад]б^ить. Так, например, после основы *ут* 'огонь' татарский аффикс дательного падежа *-га* произносится и записывается как *-ка*: *утка* 'огню', а после основы *жир* 'земля' — как *-гә* (произносится приблизительно как русское *-гя*): *жиргә* 'земле'. Однако во всех этих случаях перед нами не разные аффиксы, а фонетические варианты одного и того же аффикса *-га*.

В-третьих, в агглютинативных языках не встречаются исторически обусловленные чередования типа русских чередований *к/ч* (*рук-а* — *руч-ка*); *з/ж* (*бег-у* — *беж-ишь*); *с/ш* (*прос-и*ть — *прош-у*).

И наконец, в-четвертых, морфемы в агглютинативных языках никогда не сливаются друг с другом, как это бывает, например, в русском

языке, в котором границы между отдельными морфемами обычно не имеют четкого характера, ср. русское слово *детский*, в котором последний согласный корня *дет-* и первый согласный суффикса *-ск-* произносятся как один звук [ц].

К агглютинативному типу относятся языки тюркской, монгольской, угро-финской и некоторых других языковых семей.

Необходимо отметить, что в некоторых из агглютинативных языков аффиксы могут занимать позицию не после корня (что характерно, в частности, для татарского языка, из которого мы до сих пор приводили примеры), а перед корнем. Именно таким образом обстоит дело, например, в языке суахили, на котором говорят во многих государствах Центральной и Восточной Африки. Так, слово *watasipokuja* означает на суахили 'если они не придут'. Поделим это слово на морфемы (*wa-ta-si-po-ku-ja*) и прокомментируем, что означает каждая из них:

wa — приставка со значением 3-го лица множественного числа;

ta — приставка со значением будущего времени;

si — приставка со значением отрицания;

po — приставка со значением условного наклонения;

ku — приставка — показатель глагола;

ja — корень со значением 'приход'.

В русском языке, который, как уже говорилось, не принадлежит к числу агглютинативных, черты, свойственные агглютинации, проявляются при образовании форм прошедшего времени, ср.: *чита-л-я, чита-л-а, чита-л-о, чита-л-и*. Как видим, в этих формах значение времени и значение рода получают выражение отдельно друг от друга, каждое из упомянутых значений выражается при помощи стандартных, не имеющих синонимов, аффиксов и при этом соединение аффиксов не вызывает каких-либо исторических звуковых чередований в корне. Такие же элементы агглютинации можно обнаружить в русском языке и при образовании форм единственного и множественного числа повелительного наклонения (*вез-и* и *вез-и-те*), а также при образовании возвратных глаголов (*читать* и *читать-ся*).

ФЛЕКТИВНЫЕ ЯЗЫКИ

Флективные языки (от лат. *flexio* 'сгибание, переход') отличаются от языков агглютинативных большей спаянностью и взаимозависимостью морфем. Для флективных языков характерен такой способ образования слов и форм слов, который носит название ф *у* з и я (от фр. *fusion* 'сплавление',

лат. *fusio* 'литье'). Четыре основные особенности фузии противоположны перечисленным выше четырем признакам агглютинации. Эти особенности состоят в следующем.

Во-первых, каждый аффикс во флективных языках может выражать одновременно несколько грамматических значений; ср. русское слово *рукам*, где окончание *-ам* в одно и то же время указывает и на множественное число, и на дательный падеж.

Во-вторых, одно и то же грамматическое значение в разных словах может выражаться разными аффиксами; ср. три разных окончания русского дательного падежа существительных: *-е* (*стене*), *-у* (*столу*), *-и* (*лошади*) — или разные окончания личных форм глаголов I и II спряжения: *несу, несёшь, несёт, несём, несёте, несут* и *спешу, спешимъ, спешит, спешим, спешите, спешат*.

В-третьих, для флективных языков характерны исторически обусловленные чередования звуков; ср.: *пеку* — *печёшь*, *друг* — *друзья* — *дружный*, *носить* — *ношу*, *приготовить* — *приготавливать*.

И наконец, в-четвертых, морфемы во флективных языках могут сливаться друг с другом, как это бывает, например, в русском языке, когда один и тот же звук оказывается одновременно принадлежащим двум соседним морфемам; ср.: *све[ц]кий* (= *свет-ск-ий*), *приду* (= *при-ид-у*), *расти* (= *раст-ти*).

К флективному типу относятся языки индоевропейской языковой семьи.

Среди флективных языков, в свою очередь, принято выделять два подтипа: синтетические и аналитические языки.

В синтетических языках (от греч. *synthesis* 'соединение, составление') хорошо развито словоизменение: в этих языках различные грамматические значения получают выражение преимущественно внутри слова, главным образом при помощи суффиксов и окончаний. В число синтетических языков входят русский, польский, чешский, немецкий, литовский и некоторые другие языки.

В аналитических языках (от греч. *analytikos* 'расчлененный') грамматические значения в большинстве случаев получают выражение за пределами слова: при помощи порядка слов, предлогов и других служебных слов, а также интонации. К аналитическим языкам относятся английский, французский, итальянский, испанский, болгарский

и некоторые другие. Иллюстрируя различия между синтетическими и аналитическими языками, сравним следующие русские предложения и их переводы на болгарский язык.

Русск. *Радка ждала свою сестру.* — Болг. *Радка чакаше сестра си.* Слово *сестра* в этом предложении является прямым дополнением. Однако если в русском языке грамматическое значение дополнения выражено синтетически — при помощи окончания винительного падежа *-у*, то в болгарском языке на это же самое значение указывает лишь порядок слов: неизменяемое слово *сестра* стоит после сказуемого и потому воспринимается не как подлежащее (которое должно было бы предшествовать сказуемому), а как дополнение.

Русск. *Это книги моего брата.* — Болг. *Ето книгите на брат ми.* Слово *брата* в этом предложении является несогласованным определением при слове *книги*: *книги (чь?) брата*. Но если в русском языке связь между словами *книги* и *брата* выражена синтетически — с помощью окончания родительного падежа *-а*, то в болгарском языке на связь между теми же словами указывает аналитическое средство — предлог *на* (*книгите на брат*).

Отнесение русского языка к языкам синтетическим свидетельствует лишь о том, что синтетические средства выражения грамматических значений используются в нем чаще, чем средства аналитические. Однако это не исключает употребления в русском языке и аналитических средств. Ср. синтетическую форму сравнительной степени прилагательного *красивее* и аналитическую, использующую служебное слово, *более красивый* или, например, синтетическую форму будущего времени совершенного вида *напишу* и аналитическую форму будущего времени несовершенного вида, в которой участвует вспомогательный глагол, *буду писать*. Справедливо и обратное утверждение: принадлежность того или иного языка к числу аналитических не исключает использования этим языком и синтетических средств.

ИНКОРПОРИРУЮЩИЕ (ИЛИ ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИЕ) ЯЗЫКИ

Особенностью языков этого типа является то, что различные объекты обозначаемых действий, а также обстоятельства, в которых эти действия совершаются, могут выражаться не специальными членами предложения — до-

полнениями и обстоятельствами, а аффиксами, входящими в состав глагола. Иногда и субъект действия, который в языках другого типа бывает выражен отдельным членом предложения — подлежащим, может получать выражение в составе глагола-сказуемого. Учитывая, что все члены предложения в инкорпорирующих языках могут оказаться включенными в состав одного слова, иногда говорят, что в этих языках функционируют особые единицы — слова-предложения. Указанной особенностью рассматриваемых языков и объясняются оба их названия: *и н к о р п о р и р у ю щ и е*, т.е. 'включающие в свой состав' (от лат. *incorporo* 'включать, вставлять, вводить'), и *п о л и с и н т е т и ч е с к и е*, т.е. 'много соединяющие' (от греч. *poly* 'много' + *synthesis* 'соединение, составление').

К полисинтетическому типу относятся языки индейцев Северной Америки, а также чукотский, корякский и камчадалский языки, на которых говорят коренные жители Чукотского полуострова и Камчатки.

Приведем примеры. Слово *iniáludam* на языке индейцев американского штата Орегон, который называется чинук, означает 'я специально дал ей это'. Разделим это слово на морфемы (*i-n-i-á-l-u-d-am*) и поясним, что означает каждая из морфем:

i — аффикс со значением прошедшего времени;

n — аффикс со значением 1-го лица единственного числа;

i — аффикс, обозначающий объект действия 'это';

á — аффикс, обозначающий второй объект действия 'она';

l — аффикс, означающий, что второй объект является не прямым, а косвенным, т.е. что имеется в виду не 'она', а 'ей';

u — аффикс, означающий, что действие направлено от говорящего (т.е. что говорящий не берет, а именно дает что-то);

d — корень со значением 'давать';

am — аффикс, указывающий, что действие было произведено не просто так, а с определенной целью, специально.

В этом слове нам встретилось несколько морфем, которые выражают непривычные для носителей русского языка грамматические значения, например аффикс *u*, означающий, что действие направлено от говорящего, или аффикс *am*, указывающий на целенаправленность произведенного действия. Однако главное, на что следует обратить внимание, — это входящие в состав глагольной формы аффиксы, обозначающие объекты действия: *i* — 'это' и *á* — 'она'. Именно эти аффиксы являются специфической особенностью инкорпорирующих языков.

Приведем еще один пример — слово *inikwihl'minih'isita*, означающее 'несколько маленьких огней горели в доме', из языка нутка (на нем говорят американские индейцы, живущие в Британской Колумбии). Вот что означают отдельные морфемы, входящие в состав этого слова:

<i>inikw</i>	—	<i>ihl'</i>	—	<i>minih'</i>	—	<i>is</i>	—	<i>it</i>	—	<i>a</i>
↓		↓		↓		↓		↓		↓
'огонь, гореть'		'дом'		мн. ч.		уменьш. суффикс		прош. время		изъяв. накл.

Как видим, в состав этого слова входит не только корень со значением 'огонь, гореть', но и аффикс со значением 'дом', который указывает на место действия и в результате играет роль обстоятельства.

Таким образом, основные классы в типологической классификации языков составляют: (1) изолирующие, или аморфные, языки; (2) агглютинативные языки; (3) флективные языки, в число которых входят русский и другие индоевропейские языки, и, наконец, (4) инкорпорирующие, или полисинтетические, языки.

§ 30. Внешние факторы развития языков

Хорошо известно, что с течением времени языки изменяются. Быстрее всего обновляется их словарный состав — при желании этот процесс легко может заметить любой носитель языка; гораздо медленнее меняются фонетический строй и грамматическая система.

Трудно предположить, что каждый из языков претерпевает изменения стихийно, в некоем случайном и непредсказуемом направлении. Поскольку язык, как уже было показано, тесно связан с жизнью общества, можно утверждать, что перемены в нем бывают направлены на то, чтобы он лучше обслуживал потребности общения внутри того языкового коллектива, который на данном языке говорит.

Как происходят языковые изменения? Любые из них первоначально возникают в индивидуальной речи. Стремясь к удобству говорения или, наоборот, к достижению более точного понимания адресатом, носитель языка может допускать в своей речи отдельные отклонения от общепринятых в данном языковом коллективе способов выражения. Если подобные отклонения соответствуют тенденциям развития языка и облегчают общение, они могут получить постепен-

ное распространение в речи других людей и в дальнейшем войдут в систему языка.

Среди факторов, обуславливающих языковые изменения, принято различать причины внешние и внутренние. В н е ш н и е причины языковых изменений связаны с характерными особенностями языкового коллектива, использующего данный язык, и с теми историческими событиями, которые этот языковой коллектив переживает. Есть основания предполагать, что под влиянием типичных для данного языкового коллектива особенностей общения каждый язык в ходе своей эволюции постепенно развивает и совершенствует те черты, которые присущи одному из четырех охарактеризованных в предыдущем параграфе морфологических типов.

Так, если язык принадлежит однородному по своему составу и многочисленному по количеству носителей языковому коллективу, то в нем получают все большее развитие черты ф л е к т и в н о с т и и с и н т е т и з м а. Примером именно такого направления эволюции может служить русский язык. Однородность языкового коллектива, благодаря которой все люди способны достаточно хорошо понимать друг друга, позволяет образовывать большое количество слов, передающих тончайшие нюансы смыслов (ср., например, тонкие смысловые различия между такими однокоренными словами, как *дом*, *домик*, *домишко*, *домица*, *домище* или *мальчик*, *мальчишка*, *мальчонка*, *мальчуган*), и в то же время не препятствует сложным правилам образования форм слов, при которых одно и то же грамматическое значение в разных словах способно выражаться разными аффиксами, а в корнях могут происходить исторические чередования (ср., например, разные способы образования форм множественного числа у таких русских существительных, как *дом* — *дом-а*, *стол* — *стол-ы*, *друг* — *дру[з'-я]* и *гражданин* — *граждан-е*).

В то же время если языковой коллектив, использующий флективный язык, смешивается с каким-либо другим языковым коллективом и становится неоднородным, то все те сложности в устройстве флективной языковой системы, о которых говорилось выше, становятся препятствием для общения и в результате в языке постепенно получают развитие черты а н а л и т и з м а: количество аффиксов сокращается, а многие грамматические значения начинают выражаться при помощи служебных слов.

Именно подобные изменения претерпел в процессе своего развития английский язык. Он возник на основе языка

древнегерманских племен, которые в V–VI вв. переселились на Британские острова, где жили носители языков другой группы — кельтской. С конца VIII в. Англия подвергалась набегам скандинавов, говоривших на родственном английскому, но все же ином языке, похожем на нынешний датский или шведский, а в 1066 г. была завоевана норманнами — носителями языка романской группы, близкого современному французскому. Принимая во внимание тот факт, что на протяжении своей истории английский язык постоянно смешивался с другими языками, нетрудно понять, почему он приобрел черты аналитизма. Они проявляются в том, что английский язык не располагает такими рядами выражающих тонкие оттенки смысла однокоренных слов, которые подобны только что упомянутому русскому ряду *мальчик, мальчишка, мальчонка, мальчуган*, английские существительные и прилагательные не изменяются по падежам, а многие (хотя далеко не все) грамматические значения выражаются не внутри слова, а либо порядком слов, либо служебными словами.

В число аналитических входит, как уже говорилось, и французский язык. Легко понять, почему это так, если вспомнить, что он образовался на основе синтетического по своему грамматическому строю латинского языка после завоевания Римской империи германскими племенами на той территории, где коренное население говорило на галльском языке, принадлежавшем к кельтской группе. Как видим, и здесь развитию синтетизма способствовали контакты между разными языками.

Достаточно длительное существование языка в условиях неоднородного языкового коллектива может вызвать его превращение в язык *и з о л и р у ю щ е г о* т и п а. В этом случае язык утрачивает все формы словоизменения, а грамматические значения начинают выражаться в нем исключительно порядком слов или служебными словами. Очевидно, именно такой путь развития прошел некогда китайский язык, который уже в древности был изолирующим.

Иными особенностями языковых коллективов обусловлено появление *и н к о р п о р и р у ю щ и х* языков. Как показывают наблюдения, такие языки характерны для очень малых, изолированных языковых коллективов (отдельных племен американских индейцев, коренных жителей Чукотского полуострова и Камчатки). Члены подобных коллективов настолько хорошо осведомлены обо всех текущих событиях, что для обмена информацией им ока-

зывается достаточно коротких и емких слов-предложений, в которых глагольные основы соединяются с аффиксами, обозначающими объекты и обстоятельства действия.

Рассматривая закономерности развития языков, следует сказать о двух противоположных явлениях: дифференциации и интеграции языков. **Д и ф ф е р е н ц и а ц и я** (от лат. *differentia* 'различие') — это разделение некогда единого языка на несколько разных родственных языков. Причиной дифференциации бывает обычно распадение исходного языкового коллектива на некоторое количество разных коллективов. Так, именно в результате ослабления контактов внутри постоянно разраставшегося и заселявшего всё новые территории языкового коллектива, говорившего на различных диалектах единого индоевропейского праязыка, происходила постоянная дифференциация этого языка, которая в конечном итоге и послужила причиной образования большого количества разных языков, принадлежащих к индоевропейской языковой семье.

И н т е г р а ц и я (от лат. *integratio* 'восстановление, восполнение') — это, напротив, объединение нескольких разных языков в один язык вследствие слияния народов — их носителей. Как правило, результатом интеграции языков становится победа одного из двух взаимодействующих языков и выход из употребления второго языка, от которого в языке-победителе остаются лишь некоторые элементы. При этом победителем может оказаться как язык народа, пришедшего на данную территорию и смешавшегося с ее коренным населением, так и язык исконного населения территории.

Если победителем становится язык-пришелец, то проникшие в него элементы языка коренного населения принято называть **с у б с т р а т о м** (от лат. *sub* 'под' + *stratum* 'слой, пласт'). Если же побеждает язык исконного населения территории, то приобретенные им элементы языка-пришельца именуют **с у п е р с т р а т о м** (от лат. *super* 'над' + *stratum* 'слой, пласт').

Примером победы языка-пришельца над исконными языками может служить латинизация территорий, завоеванных Римской империей, в результате чего коренное население Галлии, Иберии, Дакии стало говорить на чужом для него латинском языке, из которого впоследствии образовались родственные латыни языки: французский, испанский и румынский. В каждом из них сохранились и отдельные элементы языков исконного населения — субстрат. Так, у коренного населения нынешней Франции — галлов была

не привычная нам десятиричная, а двадцатеричная система счета. Система галльских числительных оказала влияние на числительные французского языка. Именно галльским субстратом объясняется происхождение современных французских слов *quatre-vingt* 'восемьдесят' (буквально 'четырежды двадцать') или *quatre-vingt-dix* 'девяносто' (буквально 'четырежды двадцать — десять').

Победу языка исконного населения над языком-пришельцем можно проиллюстрировать на примере болгарского языка. Название *болгáры* образовано от слова *бѹлгары* — так именовались тюркоязычные племена, завоевавшие заселенные южными славянами территории на Балканском полуострове. В результате завоевания возобладали, однако, не язык пришельцев, а славянский язык.

Другой пример — судьба языка скандинавов-норманнов. Захватив в X в. Северную Францию (завоеванная территория стала называться Нормандией), они утратили свой язык и стали говорить на французском (или, точнее, старофранцузском) языке. В XI в. норманнами были завоеваны Британские острова, и в результате победителем вновь оказался не тот язык, с которым пришли норманны, а язык коренного населения — английский. От французского языка, на котором говорили норманны, в английском языке остались лишь отдельные элементы, которые, как уже говорилось, называются суперстратом.

§ 31. Внутренние факторы развития языков

Как было показано в предыдущем параграфе, язык развивается главным образом под влиянием потребностей того языкового коллектива, который на нем говорит. Однако существуют и в н у т р е н н и е причины языковых изменений, т. е. такие факторы развития, которые заложены в самой системе языка.

Внутренние причины языковых изменений связаны с наличием органически присущих устройству языка и его функционированию противоречий, борьба между которыми и способна вызывать перемены в языке. Подобные противоречия в лингвистике принято называть а н т и н о м и я м и (от греч. *antinomia* 'противоречие в законе'). Важнейшие из антиномий, способных вызывать языковые изменения, — это антиномия говорящего и слушающего, антиномия системы и нормы, антиномия кода и текста и антиномия регулярности и экспрессивности.

Антиномия говорящего и слушающего состоит в том, что интересам говорящего отвечает максимальная экономия усилий при говорении, которая проявляется во всевозможных сокращенных и неполных способах передачи информации. В то же время интересам слушающего соответствует, наоборот, достаточная полнота выражения, которая гарантирует, что все услышанное будет понято им правильно.

Изменения в языке могут отвечать либо интересам говорящего, либо интересам слушающего. В первом случае происходят упрощения в произношении слов и построении предложений, а также образование сокращенных наименований (типа слов *военкор* 'военный корреспондент', *главковерх* 'верховный главнокомандующий', *земотдел* 'земельный отдел', характерных для русского языка первых десятилетий XX в.), во втором случае — напротив, распространение полных форм слов и предложений, и в частности образование описательных наименований типа *инженер по технике безопасности*, *заместитель директора по кадрам* или *управление по борьбе с организованной преступностью*.

Антиномия системы и нормы обусловлена тем, что потенциальные возможности языковой системы всегда богаче, чем тот набор языковых знаков и правил их соединения, который принят данным языковым коллективом. Так, система русского языка позволяет образовывать причастия будущего времени (типа **напишущий*, **построящий*)¹ или такие формы деепричастий, как **тря*, **могя*, **жгя*, в то время как нормой русского языка подобные формы не приняты.

В одних случаях антиномия системы и нормы может разрешаться в пользу системы, и тогда в языке снимаются запреты на употребление некоторых потенциально возможных единиц. Именно подобным снятием запретов можно объяснить все большее распространение в современном русском языке форм именительного падежа множественного числа существительных на *-á* (*-я*): в настоящее время получили распространение не только исконные формы слов *пека́ри*, *це́хи*, *сле́сари*, *се́кторы*, *проже́кторы*, но и новые: *пекаря́*, *цеха́*, *слесаря́*, *сектора́*, *прожектора́*. В других слу-

¹ Звездочка (*), или так называемый астериск (от греч. *aster* 'звезда'), который ставится перед началом слова или языкового выражения, обозначает в лингвистике гипотетические, реально не зафиксированные в речевом общении единицы.

чаях антиномия, о которой идет речь, разрешается в пользу нормы, и тогда некоторые языковые единицы, допускаемые системой, но не соответствующие норме, выходят из употребления. Именно в результате разрешения рассматриваемой антиномии в пользу нормы в русском языке XX в. вышли из употребления склоняемые формы фамилий украинского происхождения на *-ко*, *-енко*. Если в художественной литературе XIX в. можно было встретить формы типа *у Шевченки*, *к Даниленке*, *с Никитенкой*, то в настоящее время норма победила систему и требует употребления форм *у Шевченко*, *к Даниленко*, *с Никитенко*.

Антиномия кода и текста состоит в противоречии между набором языковых единиц и правил их соединения (кодом) и текстом, который из этих единиц строится. Чем больше в коде единиц, тем короче текст, и наоборот.

В тех случаях, когда антиномия разрешается в пользу упрощения текста, код усложняется за счет новых единиц, зато текст становится короче. Так, появление в русском языке конца XX в. ряда новых заимствований усложняет код и в то же время является средством сокращения текста. К примеру, слово *бárтер* значительно короче описательного обозначения того же самого понятия — *прямой обмен товарами или услугами*, слово *грант* короче описательного выражения *дополнительное финансирование научных исследований, предоставляемое на конкурсной основе*, а слово *импичмент* короче выражения *лишение полномочий высших должностных лиц в связи с допущением ими грубых нарушений закона*. Напротив, если антиномия кода и текста разрешается в пользу упрощения кода, текст становится длиннее. Именно по причине упрощения кода на наших глазах из русского языка уходят такие термины родства, как *шурин*, *деверь*, *золовка*, *сноха*, заменяясь более громоздкими описательными обозначениями *брат жены*, *брат мужа*, *сестра мужа* или *жена сына*.

Наконец, антиномия регулярности и экспрессивности проявляется в противоречии между информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция требует использования регулярных, стандартных языковых средств, которые делают речь однозначной и точной. Вместе с тем такая речь лишь в минимальной степени способна передавать эмоции. Эмотивная функция языка, напротив, базируется на использовании непривычных для адресата, нестандартных языковых средств.

Именно эмотивная функция языка является причиной обогащения языка такими образными выражениями, как *золотая осень, говор волн, град пухля, или фразеологизмами (держать камень за пазухой, довести до белого каления, закинуть удочку и др.)*.

§ 32. Язык и общество

Являясь важнейшим средством общения людей, язык тесно связан с жизнью человеческого общества. Эта связь проявляется двояко. С одной стороны, в силу объективных, не зависящих от воли людей причин в языке получают отражение многие черты жизни того коллектива людей (языкового коллектива), который на данном языке говорит, а изменения в жизни этого коллектива с неизбежностью влекут за собой изменения в языке. С другой стороны, общество может оказывать сознательное и планомерное воздействие на язык.

О тесной связи между языком и обществом свидетельствует, прежде всего, само происхождение человеческого языка. Основная причина возникновения языка — это потребность первобытных людей в общении, которая была обусловлена началом коллективной трудовой деятельности (см. подробнее § 26). Таким образом, зарождавшееся человеческое общество создало язык, а язык, в свою очередь, обусловил возникновение и развитие этого общества.

Любые исторические изменения в жизни общества вызывают изменения в языке. Эта закономерность особенно заметна в области лексики. Так, социальные перемены в жизни России, происшедшие после октябрьской революции 1917 г., привели к выходу из активного употребления таких слов, как *губерния и губернатор, уезд, волость, градоначальник, полиция, жандармерия, господин* (в функции обращения), *дума* (в значении 'выборное учреждение, имеющее законодательные функции') и т. п. Напротив, появились новые слова: *райсовет* 'районный совет депутатов трудящихся', *райком* 'районный комитет', *комсомол, колхоз, совхоз, товарищ* (в функции обращения) и др. Изменения в политической и экономической жизни России конца 1980-х — 1990-х гг. повлекли за собой устаревание только что упомянутых слов. В то же время получили широкое распространение такие слова, как *мэрия и мэр, префектура и префект, брокер, дилер, инвестор, спонсор, маркетинг*; вновь вернулись в активный словарный состав слова *губернатор, дума и господин*.

Еще одно проявление связи между языком и обществом — это расслоение языка на подсистемы, которые используются разными социальными группами, входящими в состав некоторого языкового коллектива. Это явление называется социальным расслоением языка. К числу подобных подсистем входят, во-первых, территориальные диалекты — варианты языка, которые употребляются в качестве средства общения людьми, проживающими на определенных территориях в сельской местности (см. подробнее § 42), а во-вторых, профессиональные и социальные жаргоны — варианты языка, употребляемые при общении между членами отдельных профессиональных или социальных групп (например, жаргоны летчиков, моряков, военнослужащих, молодежный жаргон — см. подробнее § 44).

Что же касается другой стороны вопроса — сознательно-го воздействия общества на язык, то оно проявляется в языковой политике — совокупности принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в государстве. В сферу языковой политики входит официальное закрепление за одним или несколькими языками страны статуса государственных, т. е. таких, которые должны использоваться в высших органах государственной власти и управления, в официальном делопроизводстве, переписке учреждений и предприятий, а также в тех средствах массовой информации, которые предназначены для территории всей страны.

Другие направления языковой политики — это создание алфавитов для языков тех народов, которые не имеют письменности, совершенствование и официальное утверждение правил орфографии и пунктуации, разработка и издание нормативных словарей и справочников, а также разнообразная деятельность, направленная на повышение культуры населения страны в области владения языком.

§ 33. Язык и культура

Культура (от лат. cultura 'возделывание, обрабатывание') — это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человеческим обществом. Говоря о культуре какого-либо народа, подразумевают его нравы и обычаи, язык и письменность, характер труда и его продуктов, особенности одежды и поселений, постановку воспитания, общественно-политическое устройство, науку, технику и

искусство — словом, все проявления социальной деятельности данного народа.

Одним из аспектов связи между языком и обществом является взаимная связь между языком и культурой любого из народов. С одной стороны, совершенно очевидно, что без языка как важнейшего средства общения между людьми были бы невозможны развитие материальной и духовной культуры народа и их передача от одного поколения к другому. А с другой стороны, многие особенности культуры и образа жизни народа получают отражение в его языке.

Проиллюстрируем сказанное. Прежде всего, в каждом из языков существует большая группа слов, которые обозначают предметы и явления, присущие культуре только данного народа. Подобные слова, как правило, не имеют соответствий в других языках, и потому их совокупность называют *безэквивалентной лексикой*. В русском языке к безэквивалентной лексике принадлежат такие наименования предметов и явлений традиционного русского быта, как *щи, рассольник, окрошка, блины, баранки, оладьи, сарафан, ушанка, варежки, балалайка, хоровод, частушки*. Сюда же следует отнести и некоторые слова и выражения, вошедшие в русский язык уже в XX в.: *дом отдыха, парк культуры и отдыха, самодеятельность, маршрутное такси, многотиражка, электричка* и др.

Ярким отражением культуры народа являются входящие в состав его языка фразеологические единицы. Для русского языка это, например, такие выражения, как *узнать всю подноготную, турусы на колесах, точить ласы, бить баклуши, мал золотник, да дорог*.

Еще одно важное свидетельство тесной связи между языком и культурой представляет собой тот факт, что разные языки неодинаково описывают одни и те же явления действительности. Известно, например, что в арабском языке имеется много слов для обозначения разных пород лошадей и в то же время отсутствует обобщающее слово со значением 'лошадь вообще'. Означает ли это, что, различая отдельные породы лошадей, арабы не осознают, что все это разновидности одного и того же животного? Разумеется, нет. Дело в том, что именно так в арабском языке отразилась важная особенность материальной культуры арабов: для их хозяйственной деятельности лошадь настолько важна, что весьма маловероятны такие ситуации общения, в которых пришлось бы говорить о «лошади вообще», не имея в виду никакой конкретной породы.

Между прочим, похожим образом обстоит дело с названиями некоторых домашних животных и в русском языке. Так, словом *корова* по-русски обозначается самка быка, словом *бык* — самец коровы, а словом *теленки* — детеныш коровы. Однако единого обобщающего слова, которым можно было бы одновременно назвать и корову, и быка, и теленка, в русском языке нет, потому что для русского крестьянского быта маловероятны ситуации, в которых пришлось бы говорить не о корове, быке или теленке, а о любом из этих животных вообще. Точно так же нет в русском языке и обобщающего наименования для домашней птицы, самка которой называется *курица*, самец — *петух*, а детеныш — *цыпленок*.

Если помнить, что язык отражает особенности культуры и быта народа, то не должен вызывать удивления и тот факт, что в языке ацтеков — одного из индейских народов, который проживает в Мексике, — существует всего лишь одно слово, которое обозначает и снег, и лёд, и холод. Дело в том, что для климата, в котором живут ацтеки, все перечисленные явления нетипичны и потому их редко приходится упоминать в речи и нет необходимости разграничивать.

Особенности культуры разных народов получают отражение и в словах, которые обозначают отношения родства. Так, в узбекском языке существуют совершенно разные слова, которые называют старшего и младшего братьев. Аналогичным образом по-разному называются старшая и младшая сестры. Очевидно, такое четкое разграничение старших и младших в семье является важным для традиционной узбекской семейной культуры. В древнерусском языке существовало два слова, обозначавших дядю: дядя со стороны отца назывался *стрый*, а дядя со стороны матери — *вуй*. С течением времени характер семейных отношений у русских, по-видимому, переменялся, разграничение стрый и вуй перестало быть важным и оба эти слова вышли из употребления. Зато русский язык по-прежнему различает родителей мужа — *свёкра* и *свекровь* и родителей жены — *тестя* и *тёщу*. Между тем для английской культуры это различие, очевидно, оказалось несущественным: и свёкор, и тесть по-английски называются одинаково — *father-in-law* (буквально 'отец по закону'), а свекровь и теща — *mother-in-law* ('мать по закону').

Очевидно, что особенности культуры народа могут получать отражение и в грамматическом строе языка. Именно эмоциональностью, открытостью в выражении чувств, свойственными русским, объясняют обычно такую особенность

русской грамматики, как обилие слов с суффиксами субъективной оценки, которые дают говорящему возможность выражать свое эмоциональное отношение к обозначаемым предметам и явлениям (ср. русские слова *морозец, букетик, дружок, лужица, пылинка, головушка, березонька, письмецо, домина, голосище, легонький, плохонький, рядышком, пешочком, помаленьку* и др.).

Разумеется, далеко не все черты, отличающие данный язык от другого, можно объяснить влиянием культуры, однако в целом связь между особенностями языка и культурой данного народа очевидна.

§ 34. Функции языка

Определив в предыдущих параграфах, что представляет собой язык, и проанализировав характер его связей с мышлением, обществом и культурой, мы можем теперь подробно рассмотреть различные аспекты назначения языка в человеческом обществе, или его **ф у н к ц и и**.

Из определения языка как важнейшего средства общения между людьми можно сделать вывод, что самая главная функция языка — это функция **о б щ е н и я**, или **к о м м у н и к а т и в н а я** функция (от лат. *communis* 'сообщать, беседовать'). Общение между людьми, однако, может преследовать самые разные цели. В их число может входить, во-первых, обмен различными типами сообщений, а во-вторых, воздействие на поведение или эмоциональное состояние адресатов. По этой причине в рамках общей, коммуникативной, функции языка необходимо выделить целый ряд более частных функций. Остановимся на наиболее важных из них.

(1) Прежде всего, разумеется, люди используют язык для того, чтобы обмениваться информацией, т. е. сведениями о действительности и происходящих в ней событиях. Эту функцию языка можно назвать **и н ф о р м а ц и о н н о й** (от лат. *informatio* 'разъяснение, изложение').

(2) Рассматривая вопрос о взаимоотношении языка и мышления, мы выяснили, что язык используется еще и как средство хранения знаний и их передачи от одного человека к другому и из одного поколения в другое. Учитывая сказанное, можно утверждать, что вторая важная функция языка — это **п о з н а в а т е л ь н а я**, или **к о г н и т и в н а я** (от лат. *cognosco* 'познавать, узнавать'), функция.

(3) При помощи языка люди не только обмениваются сообщениями, но и воздействуют на поведение своих адресатов, побуждая их совершить те или иные действия или, напротив, воздерживаться от них. Это дает возможность говорить еще об одной функции языка — функции воздействия, или волюнтаривной (от лат. *voluntas* 'воля, желание, намерение') функции.

(4) Язык может использоваться еще и для выражения эмоций говорящего. Именно этой цели служат междометия, такие экспрессивно окрашенные слова и выражения, как, например, *дочурка, глупышка, комнатенка, балбес, забулдыга, трепач, белая ворона, согнуть в бараний рог, после дождика в четверг*, а также особое интонационное оформление высказывания. Поэтому еще одна функция языка — это функция эмотивная (от лат. *emoveo* 'возбуждать, волновать').

(5) Далеко не всегда основная цель языкового общения людей состоит в передаче информации, воздействии на поведение или выражении эмоций. Представим себе беседу между случайными попутчиками в поезде или застольный разговор в гостях. И в том и в другом случае люди вступают в контакт главным образом не для обмена какими-либо важными сведениями, а ради самого общения. Необходимо отметить, что подобное «общение для общения» играет в человеческом обществе очень важную роль. Оно направлено на то, чтобы устанавливать и поддерживать контакт между людьми, который со временем может быть использован и в каких-либо практических целях. Между прочим, именно установление и поддержание контакта с собеседником являются основной целью многочисленных высказываний, предписываемых нам этикетом, т. е. правилами поведения: приветствий при встрече, прощания при расставании, выражения благодарности, извинения, поздравлений или, наоборот, соболезнований. Во всех перечисленных случаях язык используется в контактоустанавливающей, или фатической (от лат. *fateor* 'показывать, обнаруживать'), функции.

(6) Нередко в процессе общения говорящему приходится давать комментарий по поводу своих собственных слов и выражений. В одних случаях это бывает связано с необходимостью разъяснить слова, которые могут оказаться непонятными собеседнику (например: *Он работает риэлтером, то есть продает и покупает квартиры*), в других — с потребностью выразить свое отношение к используемым в речи языковым выражениям (в этом последнем случае

обычно употребляются конструкции *так сказать, если можно так выразиться, как говорится, что называется, так называемый, как теперь говорят* и др.). Использование языка с целью охарактеризовать сам язык или отдельные его элементы — это еще одна функция языка, которую называют *метаязыковой функцией* (от греч. meta- 'после'; метаязыком называется специальный язык, предназначенный для описания самого языка).

(7) Наконец, язык может употребляться для эстетического воздействия на адресата. В этом случае влияние на чувства и эмоции адресата оказывает не только содержание, но и форма текста, то, какие языковые выражения и как в нем использованы. Основная сфера проявления этой функции языка, которую называют обычно *эстетической* (от греч. aisthētēs 'чувствующий'), — художественная литература и искусство.

В работах по общему языкознанию нередко выделяют и некоторые другие, более частные функции языка. Однако важнейшие функции языка — это те, которые были перечислены выше: ведущая — функция общения, или коммуникативная, и подчиненные ей: (1) информационная, (2) познавательная, (3) функция воздействия, (4) эмотивная, (5) контактоустанавливающая, (6) метаязыковая и (7) эстетическая.

§ 35. Языки международного общения

С древних времен потребности в экономических, политических и культурных контактах между народами вызывали нужду в языке для межнационального общения. При этом роль международного языка может играть как какой-либо из естественных языков мира, так и искусственно созданный язык. В древнюю и средневековую эпохи в разных регионах мира в качестве международных использовались различные естественные языки. На Дальнем Востоке роль языка межнационального общения играл китайский язык, в Центральной Азии и Индокитае — санскрит, в государствах мусульманского мира — арабский язык, а в Европе — латынь и древнегреческий.

В XVII–XVIII вв. ученые неоднократно предпринимали попытки создать для межнационального общения искусственные языки, которые основывались бы на строгих законах логики и могли бы служить не только для общения, но и для научного познания. Одним из первых, кто выдвинул идею разработки подобного «философского языка», был вы-

дающийся французский мыслитель Рене Декарт (1596–1650), а первым ученым, кто попытался реализовать ее на практике, — немецкий философ, математик и языковед Готфрид Лейбниц (1646–1716). Искусственные философские языки того времени очень часто базировались на системах символической записи, напоминающих математические или логические формулы, и оказались значительно менее удобными для практического применения, чем естественные языки.

В 1880 г. католический прелат И. Шлейер опубликовал проект искусственного языка «воляпюк», в основу которого были положены элементы естественных европейских языков. Грамматический строй этого языка был несколько проще, чем у естественных языков, причем ни одно из правил не имело исключений. Что же касается лексики, то она базировалась главным образом на видоизмененных английских словах, а также на некоторых словах латинского, немецкого и французского языков. Для того чтобы представить себе эту лексику, достаточно сказать, что само название «воляпюк» было образовано из слов этого языка: *vol* ‘мировой’ (из английского *world* ‘мир’) и *rūk* ‘язык’ (из английского *speak* ‘говорить’). Несмотря на некоторый успех, которым пользовалось в конце XIX в. изобретение И. Шлейера, воляпюк оказался все же слишком сложным для того, чтобы получить достаточно широкое распространение.

Более удачным оказался искусственный язык эсперанто, изобретенный в 1887 г. польским врачом-окулистом Людвигом (Лазарем Марковичем) Заменгофом (1859–1917). Свое название язык получил от псевдонима, под которым Л. Заменгоф опубликовал проект языка: слово *esperanto* означает на этом языке ‘надеющийся’. Лексика языка эсперанто базируется на имеющих международную известность романских, а отчасти также германских и славянских корнях, а грамматика содержит всего 16 не допускающих исключений правил. Так, все существительные имеют в языке эсперанто окончание *-o*, а все прилагательные — *-a*; например: *palaco* ‘дворец’, *palaca* ‘дворцовый’, *lakto* ‘молоко’, *lakta* ‘молочный’, *kampo* ‘поле’, *kampa* ‘полевой’. Множественное число существительных и прилагательных образуется одинаково — при помощи элемента *-j*: *lando* ‘страна’ — *landoj* ‘страны’, *bona* ‘хороший’ — *bonaj* ‘хорошие’. Существует всего два падежа: именительный и винительный, причем у существительных и прилагательных они имеют одинаковые окончания. Как подчеркивал Л. Заменгоф, эсперанто был задуман как вспомогательный язык для того, чтобы облегчить общение между народами, и ни в коей мере

не претендует на то, чтобы заменить или вытеснить какой-либо из естественных языков мира.

За сто с лишним лет своего существования язык эсперанто получил достаточно широкую известность и популярность. Во многих странах существуют организации эсперантистов, которые, используя этот язык, поддерживают контакты с иностранными коллегами, проводят конференции, выпускают журналы, издают оригинальную литературу, в том числе и поэтические произведения, а также переводы на эсперанто сочинений писателей-классиков (на этот язык были переведены, например, произведения А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, У. Шекспира, М. Сервантеса, Р. Тагора, Омара Хайяма).

Но за пределами круга энтузиастов и любителей широкого применения эсперанто не получил. Некоторые лингвисты подвергают этот язык критике, доказывая, что в отдельных своих элементах он не проще, а сложнее такого естественного языка, как английский: в английском языке в отличие от эсперанто одно и то же слово может выступать и как существительное, и как прилагательное без всякого добавления окончаний, причем ни существительные, ни прилагательные не изменяются по падежам.

Однако ограниченность сферы применения эсперанто объясняется не этим. Как показала практика, для роли международных языков больше подходят не искусственные языки, а те из естественных языков мира, которые имеют высокий престиж как языки политики, науки и культуры, обладают хорошо развитыми стилистическими подсистемами, а также системами научных терминов и которыми, кроме того, владеют достаточно большое количество людей. Естественные языки, широко используемые на всей территории земного шара в качестве средства международного общения, принято именовать **м и р о в ы м и я з ы к а м и**. Этот статус, как правило, получает юридическое оформление в важнейших международных организациях. В настоящее время в число мировых языков входят английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский языки, которые определены как официальные и рабочие языки Организации Объединенных Наций.

§ 36. Связь языкознания с другими науками

Теперь, когда мы рассмотрели наиболее важные вопросы общего языкознания и проанализировали различные аспекты устройства языка и его функционирования в речи, у нас

появилась возможность обратиться к вопросу о связи языкознания с другими науками.

Прежде всего, необходимо отметить, что языкознание вместе с литературоведением входит в состав ф и л о л о г и и (от греч. *phileo* 'люблю' + *logos* 'слово'). Так называется совокупность наук, изучающих язык, литературу и культуру народа преимущественно через посредство текстов.

Языкознание тесно связано с ф и л о с о ф и е й — наукой, изучающей наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Понятно, что к сфере ведения философии имеют непосредственное отношение те из проблем языкознания, которые касаются проявлений в языке общих свойств окружающей нас действительности. Это такие проблемы, как сущность и устройство языка, его связь с мышлением, взаимоотношение языка и общества, происхождение языка и закономерности его эволюции. Все эти вопросы решаются лингвистами с опорой на основные положения философии, а полученные результаты являются достоянием не только языкознания, но и философии.

Поскольку язык представляет собой знаковую систему, языкознание тесно связано с с е м и о т и к о й — наукой, исследующей общие свойства различных знаков и знаковых систем. Языкознание, с одной стороны, черпает из семиотики общие понятия и принципы изучения знаковых систем, а с другой — обогащает семиотику результатами наблюдений над одной из наиболее важных и сложных знаковых систем — языком.

Существование и развитие языка тесно связано с жизнью общества, его историей, политическим устройством, социальной структурой, культурой. Это обуславливает связь между языкознанием и с о ц и о л о г и е й — наукой об устройстве и закономерностях развития общества. На стыке между языкознанием и социологией возникла даже особая научная дисциплина — с о ц и а л ь н а я л и н г в и с т и к а, или с о ц и о л и н г в и с т и к а. Она изучает механизмы воздействия различных социальных факторов на язык и ту роль, которую играет язык в жизни общества.

То обстоятельство, что язык, с одной стороны, является средством сохранения и развития культуры народа, а с другой стороны, своими особенностями отражает эту культуру, обуславливает связь между языкознанием и э т н о г р а ф и е й — наукой, изучающей бытовые и культурные особенности народов мира.

Язык находится в тесной связи с мышлением человека, законы и формы которого изучаются л о г и к о й. Вза-

имная связь между языкознанием и логикой проявляется в том, что, с одной стороны, исследуя язык, лингвистика опирается на многие логические категории, такие, как «понятие», «суждение», «умозаключение». А с другой стороны, изучая мышление, логика анализирует его основные единицы, которые могут получить выражение лишь при помощи языка (неслучайно и само название логики происходит от греческого *logos* 'слово'). Начиная с античных времен, когда лингвистика еще не выделилась в качестве самостоятельной науки, и кончая нашими днями, многие открытия в области логики способствуют обогащению наших представлений о языке, и наоборот, логики нередко опираются в своих работах на наблюдения лингвистов.

Владение языком неразрывно связано с деятельностью человеческого сознания, направленной на отражение действительности и управление поведением человека. Эту деятельность изучает психология, с которой лингвистика тоже тесно связана. На стыке между языкознанием и психологией возникла новая научная дисциплина — психолингвистика, изучающая психические механизмы, которые лежат в основе речевой деятельности человека, т. е. его говорения и понимания речи других людей.

Речевая деятельность человека происходит в результате определенных процессов в его речевом аппарате, органах чувств, а главное — в нервных клетках головного мозга. Подобными процессами занимается физиология — наука о жизнедеятельности организма. Связь между языкознанием и физиологией проявляется прежде всего в том, что лингвистика изучает физиологическую деятельность речевого аппарата человека, направленную на образование звуков речи, а также процессы восприятия речи органами слуха. В последнее время возникли возможности для наблюдений над связью между речевой деятельностью человека и функционированием его мозга. В результате на стыке между языкознанием и физиологией мозга возникла новая научная дисциплина — нейролингвистика, изучающая связь между речевой деятельностью человека и работой головного мозга.

Речевая деятельность включает производство и восприятие звуков речи, обладающих определенными физическими характеристиками. Раздел физики, изучающий физические характеристики звуков, называется акустика. В изучении физических характеристик звуков человеческой речи проявляется связь между языкознанием и акустикой.

Диахронические исследования языка тесно связаны с историей. С одной стороны, данные истории могут проливать свет на причины тех или иных языковых изменений. С другой же стороны, лингвистика помогает историкам читать, а иногда и расшифровывать древние письменные памятники или определять время их создания.

Языкознание, как и все другие научные дисциплины, связано с математикой — наукой, изучающей количественные отношения и пространственные формы действительного мира. С помощью методов математической статистики удастся исследовать особенности словарного состава языка, частоту встречаемости тех или иных языковых явлений в речи, а также, например, особенности различных стилей. Кроме того, математические, и в частности алгебраические, методы могут применяться при анализе структуры языка. В середине XX в. на стыке между языкознанием и математикой возникла новая научная дисциплина — математическая лингвистика, разрабатывающая математический аппарат для формального описания элементов человеческого языка и некоторых других знаковых систем.

Наконец, следует упомянуть связь языкознания с кибернетикой — наукой, изучающей общие закономерности процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе. Благодаря успехам кибернетики появились и постоянно совершенствуются электронно-вычислительные машины — компьютеры, которые наряду с решением иных задач начинают все шире использоваться для хранения и обработки текстов, накопления, поиска и передачи информации, обучения людей тем или иным дисциплинам, автоматического перевода с одного языка на другой. Поскольку во всех этих аспектах деятельности компьютеров важное место занимает обработка текстов на естественном языке, активное участие в разработке программ для ЭВМ принимают и лингвисты.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина Т.И. Введение в языкознание. — М., 2008 и др. изд.

Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим...: Очерки о человеческом общении. — М., 1982 и др. изд.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М., 2007 и др. изд.

Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. — М., 1991.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. — М., 1997.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. — М., 1986.

Леонтьев А.А. Путешествие по карте языков мира. — М., 1990 и др. изд.

Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. — М., 1981.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. — М., 1987 и др. изд.

Норман Б.Ю. Русский язык в задачах и ответах: сборник задач. — М., 2011.

Норман Б.Ю. Теория языка: Вводный курс. — М., 2009 и др. изд.

Панов Е.Н. Знаки, символы, языки: Коммуникация в царстве животных и в мире людей. — М., 1983 и др. изд.

Плунгин В.А. Почему языки такие разные? — М., 1996 и др. изд.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М., 1996 и др. изд.

Успенский Л.В. Слово о словах: Очерки о языке. — Л., 1982 и др. изд.

Фолсом Ф. Книга о языке. — М., 1974.

Шаллер Дж. Б. Год под знаком гориллы. — М., 1968.

Якушин В.В. Гипотезы о происхождении языка. — М., 1984 и др. изд.

Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». — М., 1996.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966 и др. изд.

Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В.Н.Ярцева. — М., 2003 и др. изд.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976 и др. изд.

Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. — 2-е изд. — М., 1997.

Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. М.В.Панов. — М., 2006.

Энциклопедия для детей. — Т. 10: Языкознание. Русский язык / Гл. ред. М.Д.Аксенова. — М., 1998 и др. изд.

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 37. Русский язык — национальный язык русского народа

Русский национальный язык сложился в XVI–XVII вв. в связи с образованием Московского государства. Основу его составили московский и прилегающие к нему местные говоры, которые совмещали в себе черты как южных, так и северных диалектов.

Дальнейшее развитие русского национального языка было связано с его нормализацией и формированием в XVIII–XIX вв. литературного языка. Литературный язык объединил в себе черты северных и южных русских говоров: в фонетической системе согласные соответствовали согласным северных говоров, а произношение гласных было ближе к южным говорам (в литературном произношении утвердилось аканье — в противоположность оканью северных говоров). В лексике больше совпадений с северными диалектами (*петух*, а не *кочет*, как в южных говорах, *волк*, а не *бирюк*, *изба*, а не *хата* и т. п.), а в грамматике — отказ от многих архаичных черт, собственных грамматическим системам северных говоров.

Значительное влияние на формирование русского национального языка оказал язык старославянский. Это объяснялось тем, что старославянский язык — язык с давней литературной традицией, обладавший развитыми словарем и грамматикой. Его влияние на русский язык было, несомненно, благотворным. В русский национальный язык, и особенно в литературную его форму, вошли заимствования из старославянской лексики (*нрав*, *влачить*, *невежда*, *глава*, *страж* и мн. др.), русские причастия с суффиксом *-ач(ий)* были вытеснены причастиями с суффиксом *-ащ(ий)* (*горящий*, *стоящий* вместо *горячий*, *стоячий* и т. п. — эти слова перешли в разряд прилагательных); синтаксис русского языка также испытал на себе влияние старославянского языка.

В ходе своего формирования и развития русский национальный язык заимствовал элементы и из других, неродственных языков, какими были, например, французский, немецкий, английский и др.

Эти заимствования также обогащали словарь русского языка, делали его более разнообразным и гибким (подробнее об этом см. в разделе «Лексикология», § 75–82).

§ 38. Значение русского языка как средства межнационального и международного общения

Это значение определяется той ролью, которую играл и играет в истории человечества русский народ — творец и носитель языка. Русский язык — единый язык русской нации, но одновременно это и язык межнационального и международного общения. Этим языком пользуются в общении между собой многочисленные народы, населяющие Россию: татарину и осетину, якуту и кабардинцу легче договориться друг с другом при помощи русского языка, который в этом случае и служит средством межнационального общения. Кроме того, на территории России русский язык является языком всех видов официального общения — делопроизводства, законодательства, административного управления, судопроизводства и т. д. Не ущемляя прав национальных языков тех народов, которые населяют Россию, русский язык является средством коммуникации, облегчающим человеку установление социальных и межличностных контактов в различных сферах деятельности и повседневной жизни.

Русский язык изучается в качестве иностранного во многих странах мира. Он является одним из рабочих языков в ряде международных организаций и учреждений, в частности в Организации Объединенных Наций.

Русский язык — это язык богатейшей художественной литературы, мировое значение которой исключительно велико.

§ 39. Русские писатели о богатстве и выразительности русского языка

Русский язык — один из наиболее развитых языков мира, что выражается в богатстве и разнообразии его словаря и грамматики. Он всегда был предметом гордости русских писателей.

М. В. Ломоносов находил в русском языке «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского» и, кроме того, «богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков». Доказывая своим современникам полную пригодность русского языка для науки, философии и художественной литературы, М. В. Ломоносов обращал внимание на исключительное богатство его словаря: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи... Кто от часу далее в нем [русском языке] углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море...»

А. С. Пушкин характеризовал русский язык как язык «гибкий и мощный в своих оборотах и средствах», «перемчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам». Он высоко ценил народную русскую речь, ее «свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений» и главное преимущество русского литературного языка видел в его близости к языку народному.

Высоко ценя русское слово, его выразительность, И. С. Тургенев, для которого, по его же признанию, «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» русский язык был единственной опорой и надеждой, восклицал: «Народ, у которого такой язык, — народ великий».

О богатстве русского языка говорил и М. Горький: «Русский язык неисчерпаемо богат и всё обогащается с быстротой поражающей...»

ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ

Языки имеют национальные границы. Каждый язык своеобразен. Язык данного народа, взятый в совокупности присущих ему черт, отличающих его от других языков, называется **общенародным** или **национальным**. Мы можем говорить, например, о русском общенародном языке в отличие от общенародного немецкого или французского.

Общенародный (национальный) язык не един по своему составу. И это понятно: ведь им пользуются люди, разли-

чающиеся по своему социальному положению, роду занятий, месту рождения, возрасту, полу, уровню культуры и т. п. Все эти различия людей находят отражение в языке, в характере его применения.

Кроме того, одна из разновидностей общенародного языка используется обществом как основное средство коммуникации: в печати и кино, на радио и телевидении, в науке и культуре и просто в общении культурных людей используется язык л и т е р а т у р н ы й. Литературный язык — эта такая разновидность общенародного языка, которая отличается от всех других разновидностей двумя важнейшими свойствами — обработанностью и нормированностью.

Первоначально эта разновидность использовалась преимущественно как язык художественной литературы, отсюда и ее название: литературный язык. В современных обществах функции литературного языка необычайно широки и многообразны, поэтому понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы» не совпадают.

Общество в лице писателей, общественных деятелей, деятелей культуры и образования сознательно культивирует литературную форму языка, отбирая в нее все лучшее, что есть в языке общенародном (поэтому и говорят об обработанности этой разновидности языка).

Употребление выразительных средств в литературном языке регулируется единой и общеобязательной н о р м о й.

Норма стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка. Она определяет, что правильно и что неправильно, она рекомендует одни языковые средства и способы выражения как «законные» и отвергает другие как противоречащие литературной традиции, правильности языка.

Литературная норма складывается в результате длительной речевой практики многих поколений образованных, культурных людей.

Норма исторически изменчива, но меняется она чрезвычайно медленно: медленность темпа ее изменения способствует устойчивости литературного языка. Чем больше культурных ценностей накоплено на языке (рукописей, книг, магнитофонных записей и т. д.), тем настоятельней необходимость сохранить эти ценности для последующих поколений. Сохранить их можно при условии устойчивого, стабильного литературного языка, который был бы понятен разным сменяющим друг друга поколениям людей, говорящих на нем (подробнее о русском литературном языке см. § 40).

Критерии единства и общепонятности для всех членов общества — основные требования, предъявляемые к литературному языку. Этими свойствами не обладают другие разновидности общенародного языка — территориальные и социальные диалекты, профессиональные жаргоны. Они присущи более или менее ограниченным группам людей; кроме того, и функции таких средств общения, как диалекты и жаргоны, гораздо беднее, чем функции литературного языка.

Так, местный (или территориальный) диалект, будучи распространенным на ограниченной территории, имеет обычно только устную форму и обслуживает узкую сферу общения: его используют в семье, в кругу односельчан (подробнее см. § 42).

Профессиональный жаргон принят только среди людей данной профессии, да и то, как правило, при их общении на деловые, производственные темы. В иных же ситуациях, при общении с людьми, не владеющими данной профессией, а особенно при использовании письменной формы языка, человек прибегает к помощи литературных языковых средств. В противном случае, если он захочет оставаться в пределах профессионального жаргона, он рискует тем, что собеседник или адресат просто не поймет его и речевое общение не состоится (см. § 44).

§ 40. Русский литературный язык

Сложившись на базе русской народной речи во всем ее многообразии, литературный язык вобрал в себя все лучшее, все наиболее выразительное из тех средств, которые присущи народной речи. И современный русский литературный язык, который представляет собой вполне сформировавшуюся коммуникативную систему, продолжает черпать выразительные средства — слова, обороты, синтаксические конструкции — из диалектов, просторечия, профессиональных жаргонов. В этом процессе норма играет роль фильтра: она пропускает в литературное употребление все ценное, что есть в живой речи, и задерживает все случайное и временное.

Современный русский литературный язык многофункционален: он используется в различных сферах общественной и индивидуальной деятельности человека для разных коммуникативных целей — передачи информации, освоения опыта, выражения эмоций, побуждения к действию и т. п. Основные сферы использования русского литератур-

ного языка: печать, радио, телевидение, кино, наука, образование, законодательство, дипломатия, юриспруденция, дело-производство, бытовое общение культурных людей.

В соответствии с многообразными функциями средства литературного языка функционально разграничены: одни из них более употребительны в одних сферах общения, другие — в иных и т. д. Такое разграничение языковых средств также регулируется нормой. Зависимость литературной нормы от условий, в которых используется литературный язык, называется ее коммуникативной целесообразностью. То, что целесообразно употреблять в газете, не годится в лирическом стихотворении; научный оборот неуместен в обиходной речи; разговорная конструкция недопустима в официальном письме и т. д.

Таким образом, в едином и общеобязательном для всех его носителей литературном языке все средства оказываются разграниченными — в зависимости от сферы и от целей общения. В соответствии с этим литературный язык делится на функциональные разновидности. Наиболее общим и в то же время наиболее очевидным является деление литературного языка на книжную и разговорную разновидности.

КНИЖНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Книжный язык — достижение и достояние культуры. Он основной хранитель и передатчик культурной информации. Все виды непрямого (дистантного) общения осуществляются средствами книжного языка. Научные труды, художественную и учебную литературу, дипломатическую и деловую переписку, газетно-журнальную продукцию и многое другое нельзя себе представить без книжно-литературного языка. Функции его огромны и с развитием цивилизации еще более усложняются.

Современный русский книжно-литературный язык — это мощное орудие общения. В нем есть все средства, необходимые для разнообразных целей коммуникации, и прежде всего для выражении абстрактных понятий и отношений. Сложные связи, прослеживаемые учеными в материальном и духовном мире, описываются научным языком. Устная, разговорная речь для этого не годится: невозможно передавать из уст в уста синтаксически громоздкие тексты, насыщенные специальной терминологией и сложные в смысловом отношении. Свойство книжно-письменной речи сохранять текст и тем самым усиливать способность литературного

языка быть связью между поколениями — одно из главных свойств книжного языка.

Функциональные стили книжно-литературного языка

Поскольку книжный литературный язык обслуживает разные стороны жизни общества, он подразделяется на функциональные стили — такие разновидности книжного языка, которые свойственны различным сферам человеческой деятельности и обладают определенным своеобразием в использовании языковых средств.

Выделяются следующие функциональные стили современного русского книжно-литературного языка: научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический.

Каждый функциональный стиль реализуется в речевых жанрах — конкретных видах текстов, обладающих, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими жанры друг от друга, а с другой — общностью, которая обусловлена тем, что определенные группы жанров принадлежат к одному функциональному стилю (например, такие речевые жанры, как статья закона, деловое письмо, инструкция, заявление, принадлежат к официально-деловому стилю).

Научный стиль, свойственный научной сфере человеческой деятельности, отличается отвлеченностью, строгой логичностью изложения, значительным числом специальных терминов, определенными особенностями синтаксиса (преобладание сложных предложений с разветвленными синтаксическими связями). В этом стиле используется преимущественно книжная или стилистически нейтральная лексика. Отчетливо выражена тенденция к однозначности употребляемых слов и терминов. Некоторые словесные сочетания используются в научном стиле особенно часто и поэтому приобретают свойства оборотов-клише: *анализ данных показывает; рассмотреть проблему; на основании приведенных фактов; из сказанного следует* и т. п.

В научном стиле можно выделить такие речевые жанры: статья, монография, диссертация, учебник, рецензия, обзор, аннотация, научный комментарий текста, доклад на специальную тему, лекция и некоторые другие.

Образцы научного стиля.

Математическое ожидание случайной величины X связано своеобразной зависимостью со средним арифметическим наблюден-

ных значений случайной величины при большом числе опытов. Эта зависимость того же типа, что и зависимость между частотой и вероятностью, а именно, при большом числе опытов среднее арифметическое наблюдаемых значений случайной величины приближается (сходится по вероятности) к ее математическому ожиданию (В е н т ц е л ь Е. С. Теория вероятностей).

Аллергия — это измененная реактивность организма, которая проявляется в нарушении обычного течения общих или местных реакций, чаще при повторном поступлении в организм веществ, называемых аллергенами. Реакции эти могут быть повышены по сравнению с нормой, то есть усилены и ускорены, — гиперергия, или понижены, то есть ослаблены и замедлены, — гипергия, или могут совсем отсутствовать — анергия, как это наблюдается, например, при абсолютном иммунитете (Большая медицинская энциклопедия).

Любое изменение в облучаемом объекте, вызванное ионизирующим излучением, называется радиационно-индуцированным эффектом. В принципе радиационно-индуцированные эффекты могут быть как вредными, так и полезными. Крайний случай вредных последствий облучения — это лучевое поражение организма в результате чрезмерных доз ионизирующей радиации. Вместе с тем ионизирующие излучения с успехом применяются для диагностики и лечения некоторых заболеваний (Наука и жизнь. — 1986. — № 9).

В науке мы неизменно наблюдаем: чем фундаментальнее открытая закономерность, тем короче ее можно сформулировать. Так, например, для формулировки основного закона механики о равновесии инерционных сил с обычными силами Ньютону понадобилось всего четыре буквы. Для описания квантовой закономерности фотоэффекта Эйнштейну нужны были только три буквы (К а п и ц а П. Л. Альберт Эйнштейн // Вопросы философии. — 1980. — № 6).

О ф и ц и а л ь н о - д е л о в о й стиль используется в сфере деловых и официальных отношений между людьми и учреждениями, в области права, законодательства. Официально-деловой речи присущи точность формулировок (которая исключала бы неоднозначность понимания), некоторая безличность и сухость изложения (*выносятся на обсуждение*, а не *мы выносим на обсуждение*; *отмечаются случаи невыполнения договора* т. п.), высокая степень стандартности, отражающей определенный порядок и регламентированность деловых отношений.

В связи с этими свойствами официально-делового стиля большую роль в нем играют устойчивые, клишированные обороты: *вменить в обязанность*, *ввиду отсутствия*, *при-*

нять меры, за неимением, по истечении срока и т. п. Яркой приметой делового стиля являются сочетания с отглагольными существительными: *установление контроля, устранение недостатков, осуществление программы, проверка исполнения* и т. п.

Здесь выделяется значительное число речевых жанров: закон, резолюция, коммюнике, дипломатическая нота, договор, инструкция, объявление, рапорт, объяснительная записка, жалоба, заявление, различные виды судебно-следственной документации: протокол, обвинительное заключение, акт экспертизы, приговор и т. п.

Образцы официально-делового стиля.

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного и языкового превосходства. 3. Никто не может быть принужден к выражению мнений и убеждений или отказу от них. 4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (из статьи 29 Конституции Российской Федерации).

Ввиду отсутствия на складе требуемой аппаратуры дирекция в настоящее время не имеет возможности удовлетворить заявку вашего предприятия (из деловой переписки учреждений).

Прошу предоставить мне отпуск на три дня без сохранения содержания (из заявления).

Публицистический стиль характерен прежде всего для средств массовой информации — газет, радио, телевидения. Он используется также во всех случаях, когда наряду с передачей определенного содержания необходимо воздействовать на читателя или слушателя: внушить ему какие-либо идеи, побудить к той или иной деятельности и т. п.

Сочетанием двух функций языка — информационной и агитационной (побудительной) — и отличается публицистический стиль от научного и официально-делового. Эта отличительная черта обуславливает основное лингвостилистическое свойство публицистических текстов: соединение экспрессивных, стилистически окрашенных средств и средств нейтральных.

Агитационная направленность публицистического стиля находит выражение в использовании экспрессивно-оценочной лексики и фразеологии: *труженик, вояж, пособник, злодеяния, работать с огоньком, дать отпор* и т. п., в ориента-

ции на современные значения слов и на новизну метафор, образных сравнений, в простоте и доступности синтаксиса.

Информационная функция воплощается в таких чертах публицистического стиля, как подчеркнутая документальная точность сообщаемого (например, в жанре последних известий), официальность, выражающаяся, например, в употреблении научной, официально-деловой и общественно-политической терминологии, в широком использовании аббревиатур (ООН, НИИ, СМИ, ТВ и т. п.).

Можно выделить такие жанры публицистического стиля: информация о последних новостях, доклад на политические, экономические и тому подобные темы, корреспонденция, газетный очерк, репортаж, интервью, спортивный комментарий, выступление на митинге или собрании и некоторые другие.

Образцы публицистического стиля.

В навигацию день год кормит. Время, когда караваны судов могут доставить северянам все необходимое для жизни, коротко. Авиация для плановых перевозок грузов — теперь чересчур дорогое удовольствие. Между тем в этом году навигация под угрозой провала. За этим, казалось бы, чисто хозяйственным вопросом — проблема выживания северян. Он напрямую связан не только с социально-экономическими, но и политическими реалиями Крайнего Севера (из корреспонденции. — «Известия», 25 июня 1993 г.).

Нынешних деловых людей деревни уже не устраивают «товарно-денежные» отношения в существующей форме. Так что же? Может быть, это отрицание плана вообще? Ничего подобного. Деловые люди не отвергают план как таковой; они требуют увязывать его с поставкой техники, удобрений, стройматериалов. Они стоят за план как форму истинно товарно-денежных отношений. За план, который был бы взаимно обязательным и для колхоза и для промышленных и снабжающих организаций (В. Можяев. Запах мяты и хлеб насущный).

Бразильцы начали игру осторожно, отдав «Милану» инициативу и не форсируя событий. В течение первого тайма итальянцы наращивали давление и имели довольно заметное преимущество. Однако гол первыми забили футболисты «Сан-Паулу», когда после быстрой кинжальной контратаки разбросали защиту «Милана» и Палинья нашел верное место в штрафной чемпионки Италии (из спортивного комментария. — «Сегодня», 14 декабря 1993 г.).

Церковно-религиозный стиль близок к публицистическому, так как в нем значителен агитационный момент: проповедуя слово Божие, священники стремятся

воздействовать на сознание слушателей и убеждать их в существовании непреложных религиозных истин, которыми должен руководствоваться человек в повседневной жизни. Однако в отличие от публицистики здесь используются не просто экспрессивно окрашенные лексические и фразеологические средства, а слова и выражения, принадлежащие высокому стилю, нередко архаичные (и благодаря этому возвышенно-торжественные): *благодарение, благодать, благодарение, боговдохновенный, дарованный, ибо, дабы, призреть, пришествие, тицета, уповать* и т. п.; некоторые устарелые формы слов: *отче, сыне, Божие* (вместо *Божье*), *диакон, изыди, пред* (вместо *перед*), *древо* и др.; формы, свидетельствующие о прямом обращении говорящего к слушающим: местоимения 2-го лица *ты* (и *Ты*, если это обращение к Богу), *вы*, формы повелительного наклонения глагола и некоторые другие.

В синтаксисе характерными чертами являются, например, такие, как постпозиция определения, выраженного прилагательным: *слово Божие, род человеческий, Царь Небесный* и т. п., нанизывание однотипных конструкций, что усиливает воздействие высказывания, ср.: *Самые большие знамения, самые удивительные чудеса никогда не могли поколебать сердце, которое ожесточилось, которое замкнулось в себе, которое отказалось от веры, не желало верить* (из проповеди).

Церковно-религиозный стиль также жанрово многообразен: в нем достаточно легко выделяются такие жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь; жанрово различаются и разнообразные виды текстов богослужения (акафист, ектенья, псалом и др.) и богословской литературы. Несомненным стилистическим и жанровым своеобразием (даже в самых современных ее переводах) отличается главная книга христианства — Библия, совмещающая в своих текстах черты различных речевых жанров церковно-религиозного стиля.

Образцы церковно-религиозного стиля.

П о у ч е н и е

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославили их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была

втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Евангелие от Матфея. 6, 1-4).

М о л и т в а

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, и на небе; Хлеб наш насущный дай нам на сей день; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не вводи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь (Евангелие от Матфея. 6, 9-13).

П р о п о в е д ь

Мы гости о этом мире. Мы гости на короткое, на очень короткое время, пришедшие из тайны и уходящие в тайну. Но Господь открывает нам, что эта короткая жизнь имеет для нас огромное значение, потому что она есть школа вечности. Здесь наша душа, наша личность, наша совесть — все, что есть в нас божественного, все это здесь растет и воспитывается.

И как страшно человеку, который промотал свое время, потратил его на пустяки, на вещи ничтожные и жалкие. Он оборачивается, и оказывается, жизнь уже прошла в мелочных заботах, в пустой, бесплодной болтовне, в каких-то ложных делах, о которых даже, может быть, не стоило и думать, — время проходит.

Есть слова: убить время. Правильные слова, хоть и страшные. Потому что время — это наша жизнь. И если мы убиваем, напрасно тратим время, мы убиваем свою собственную жизнь. Проверяйте себя, думайте об этом, старайтесь, чтобы ничто не проходило напрасно, в праздности, в бесполезности, в бездарности (из проповеди протоиерея Александра Меня).

РАЗГОВОРНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Используется в различных видах бытовых отношений людей при условии непринужденности общения. Разговорную речь от книжно-письменной отличает не только форма (это устная и притом преимущественно диалогическая речь), но и такие черты, как неподготовленность, незапланированность, самопроизвольность (ср., например, с чтением доклада, текст которого написан заранее), непосредственность контакта между участниками общения.

Разговорная разновидность литературного языка в отличие от книжно-письменной не подвергается целенаправленной нормализации, но в ней есть определенные нормы как результат речевой традиции. Эта разновидность литературного языка не столь четко членится на речевые жанры. Однако и здесь можно выделить различные речевые осо-

бенности — в зависимости от условий, в которых происходит общение, от взаимоотношений участников разговора и т. п.; сравните, например, беседу друзей, сослуживцев, разговор за столом, разговор взрослого с ребенком, диалог продавца и покупателя и др.

Образцы разговорной речи.

— А сколько ей лет-то? — Девятнадцать. Вот щас, в феврале будет девятнадцать. — А-а. — А я ей говорю: ты смотри там осторожно, потому что... знаешь, разные люди бывают, ты никого в Ленинграде не знаешь, и пошла, и пошла. А она смеется в трубку и мне токо (только) все «да» да «нет». А оказывается, там этот молодой человек рядом стоял... (из разговора за чаем); — Тридцать пятый у вас есть тапочки? — Рядом. — А вот эти сапоги только красные? — Нет, вот коричневые такие есть. — А на войлоке сорок третий есть? — Нет (диалог покупателя и продавца); у газетного киоска: — Скажите, «Новый мир» третий был? — Нет еще. — А второй? — Продан.

(Примеры взяты из кн.: Русская разговорная речь: Тексты. — М., 1978. — С. 98, 278, 285.)

§ 41. Язык художественной литературы

Язык художественной литературы иногда ошибочно называют литературным языком; некоторые ученые считают его одним из функциональных стилей литературного языка. Однако в действительности для художественной речи характерно то, что здесь могут использоваться все языковые средства, и не только единицы функциональных разновидностей литературного языка, но и элементы просторечия, социальных и профессиональных жаргонов, местных диалектов. Отбор и употребление этих средств писатель подчиняет эстетическим целям, которых он стремится достичь созданием своего произведения.

В художественном тексте разнообразные средства языкового выражения сплавляются в единую, стилистически и эстетически оправданную систему, к которой неприменимы нормативные оценки, прилагаемые к отдельным функциональным стилям литературного языка.

То, как в художественном тексте сочетаются разнообразные языковые средства, какие стилистические приемы использует писатель, как он «переводит» понятия в образы и т. д., составляет предмет стилистики художественной речи. Наиболее ярко и последовательно принципы и методы этой научной дисциплины отражены в трудах академика В. В. Вино-

градова, а также в работах других отечественных ученых — М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского, В. А. Ларина, Г. О. Винокура и других.

§ 42. Территориальные диалекты русского языка

На европейской части России — древнейшей территории расселения русского народа — выделяются три группы территориальных диалектов: севернорусское и южнорусское наречия и среднерусские говоры. Эти диалекты отличаются от литературного языка и друг от друга рядом особенностей в фонетике, словаре и грамматике.

Севернорусское наречие распространено к северу от Москвы, на территории Ярославской, Костромской, Вологодской, Архангельской, Новгородской и некоторых других областей. Ему присущи следующие особенности:

1) *о к а н ь е* — различие звуков *о* и *а* не только под ударением, но и в безударном положении, например: *водá* (ср. литературное произношение *вада́*), *пошѐл*, *молоко́* и т. п.;

2) произношение звука *г* взрывного — такого же, как в литературном языке, но отличного от того, как произносится этот звук в южнорусских говорах (см. ниже);

3) произношение глагольных форм типа *знаешь*, *знает*, *знаем* как *знáешь*, *знáет* или *знашь*, возникшее в результате выпадения звука *й* между гласными;

4) твердый звук *т* в глагольных формах типа *идѐт*, *поют* (черта, объединяющая северные диалекты с литературным языком и отличающая их от южнорусских диалектов, см. ниже);

5) совпадение формы творительного падежа множественного числа существительных с формой дательного падежа: *пошли за гриба́м да за ягода́м* (вместо литературных форм *за гриба́ми*, *за ягода́ми*). Кроме того, в некоторых северных говорах встречается цоканье (или *ч о́ к а н ь е*) — неразличение звуков *ц* и *ч*; произносят *цасы* вместо *часы*, *доць* вместо *дочь* или наоборот: *кури́ча* вместо *курица́*.

Южнорусское наречие распространено к югу от Москвы, на территории Смоленской, Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Тамбовской, Воронежской и некоторых других областей. Ему присущи следующие особенности:

1) **а канье** — неразличение звуков *о* и *а* в неударных слогах: *вада́, вѣдавѣ́з, сады́, се́давѣ́д* (так же произносятся неударные *о* и *а* и в литературном языке);

2) произношение звука *г* щелевого (произнесите с голосом звук *х*, и у вас получится щелевой *г*); на письме этот звук, чтобы отличать его от *г* взрывного, принято изображать греческой буквой *γ* (гамма): *γоры, нѣγи*;

3) мягкий звук *т* в глагольных формах 3-го лица: *идѣть, поють*.

Это общие черты южнорусских диалектов. Кроме того, некоторые южные говоры имеют дополнительные особенности: мягкое произношение согласного *к* после мягких согласных в словах типа *Танька, бочка* (т. е. *Танькя, бочкя*); **яканье**, т. е. произношение *а* после мягкого согласного на месте *е* в безударных слогах: *нясѹ, бяда́, вядро́*; употребление слов типа *дело, место, сообщенье* как существительных женского рода (*такая дела, не твоя эта места, прямая сообщения*) и некоторые другие.

Среднерусские говоры занимают промежуточное положение между северно- и южнорусскими и по своей территории (они расположены между районами распространения северного и южного наречий), и по основным чертам: в них наличествуют и севернорусские и южнорусские диалектные особенности. Так, здесь господствует **аканье** (черта южных говоров), *г* взрывное и *т* твердое в глаголах (черты, свойственные северным говорам). Кроме того, среднерусским говорам присущи и такие черты, которые отличают их как от северных, так и от южных диалектов, что приближает их к литературному языку (заметим, что на базе фонетики именно среднерусских говоров сформировались основные черты русского литературного произношения). Это, например, **яканье**, т. е. произношение звука *и* на месте *е* и *а* (на письме — *я*) в первом предударном слоге после мягкого согласного: *питѹх* (петух), *питя́к* (пятак); произношение *ш* долгого мягкого на месте орфографического *щ* или сочетаний *сщ, сч* (например, в словах *щука, счастье, расщелина*) и *ж* долгого мягкого на месте сочетаний *жж, зж* в корне (например, в словах *жужжать, брызжет*).

Есть в территориальных диалектах и лексические особенности. Например, приспособление, которым берут сковородку, в одних местах (так же как и в литературном языке) называют *сковородником*, в других — *чапельником*, в третьих — *чепелѣй*, или *цаплей*, или *печникѣм*. В некоторых северных говорах о корове говорят, что она *мукает*, в других — *мырчит*; в говорах к югу от Москвы то же самое дей-

ствие обозначают глаголом *реветь*: *корова ревет* (в литературном языке в этом случае употребляется глагол *мычать*).

Диалекты, распространенные на европейской территории России, отражают древнейшее состояние русского языка. Поэтому изучение их чрезвычайно важно: оно помогает установить особенности, которыми древнерусский язык отличался от современного русского, проследить различные стадии и этапы развития русского языка.

§ 43. Просторечие

Просторечие — еще одна разновидность общенародного русского языка. В отличие от местных диалектов, которые территориально ограничены, просторечие не имеет прикрепленности к какому-то определенному месту — это речь городского малообразованного населения, не владеющего нормами литературного языка.

Просторечие сложилось в результате смешения разноречия в условиях города, куда издавна переселялись (в поисках работы и т. п.) люди из различных сельских районов России.

Поскольку в последние десятилетия уровень образования населения в нашей стране повысился и лиц без образования или с начальным образованием становится все меньше, круг носителей старого городского просторечия сужается; это в основном представители старших возрастных групп. Вместе с тем наряду с языковыми чертами, традиционно присущими просторечию, появляются новые особенности, проникающие в просторечие из социальных и профессиональных жаргонов (см. § 44). Поэтому в ныне существующем русском просторечии есть два слоя, две разновидности: старое, традиционное просторечие, связанное с диалектами, и новое, питаемое социальными и профессиональными жаргонами. Но обе эти разновидности обладают некоторыми общими свойствами, отличающими их и от литературного языка, и от территориальных диалектов. Так, по сравнению с литературным языком, где существует сознательно культивируемая норма, и с территориальными диалектами, в которых сильна определенная традиция в использовании языковых средств, просторечие а н о р м а т и в н о: здесь возможно все, что разрешается языковой системой (см. § 31 — о соотношении системы и нормы), без какого бы то ни было нормативно обусловленного отбора.

Укажем некоторые характерные черты современного русского просторечия (отмечая как традиционные, так и новые явления):

1) в области произношения: а) смягчение согласных перед мягкими согласными (это встречается и у носителей литературного языка, но в просторечии представлено гораздо шире): *кон'феты*, *кон'верт*, *черес' пять минут*, *кир'нич* и под.; б) твердое произношение *р* в словах *капризный*, *принцесса* и под. (т. е. *капр'зный*, *прин'цесса* и т. п.); в) вставка звука *ј* или *ь* между соседними гласными внутри слова, т. е. произношение *шпи'ён* вместо *шпион*, *пи'янино*, *ка'каво*, *ради'во* и т. п.; г) вставка гласного внутри сочетаний согласных: *жизинь*, *рубель* (*жизнь*, *рубль*); д) ассимиляция согласных в глагольных формах типа *бои'шься*, *нра'вишься* — эти формы произносятся как *боисся*, *нрависся*; е) диссимиляция (расподобление) согласных: произношение *дилектор* вместо *директор*, *колидор* вместо *коридор*, *транвай* вместо *трамвай* и под.;

2) в области морфологии: а) «выравнивание» основ при спряжении глаголов: *хочу*, *хочешь*, *хочет*, *хочем*, *хочете*, *хочут*; *пеку*, *пекёшь*, *пекём* и т. п.; б) употребление ряда существительных среднего рода либо как существительных женского рода (*с'зем всю повидлу*), либо как существительных мужского рода (*Какой ябл'ок кислый!*); в) смешение разных падежных форм одного слова: *у сестре*, *у маме* (вместо *у сестры*, *у мамы*) — *к сестры*, *к мамы* (вместо *к сестре*, *к маме*); г) окончание *-ов* в родительном падеже множественного числа у существительных, которые в литературном языке в этой форме не имеют окончания или имеют другое: *много дел'ов*, *нет мест'ов*, *пришел от сосед'ев*; д) склонение некоторых несклоняемых иноязычных слов: *без паль'та*, *кина не буд'ет*, *ехали мет'ром* и под.;

3) в области синтаксиса: а) полная форма прилагательного или причастия в составе именного сказуемого: *Я на это не соглас'ная* (вместо *не согласна*); *Ты мне нуж'ный*, *не уходи*; *Обед уже сготовлен'ный*; б) употребление деепричастий на *-миши* (которые и сами по себе просторечны) в функции сказуемого: *Он выпим'ши*; *Так не спам'ши и поехал*; в) употребление дательного падежа вместо родительного с предлогом *у* в конструкциях типа *Мне живот бо'лит* (вместо *у меня*); *Ей сегод'ня неприятность случи'лась* (вместо *у нее*); г) несклоняемость числительных: *Я с двенадцать лет работаю*;

4) в области лексики: а) использование терминов родства в функции обращения к незнакомому человеку:

папаша, мамаша, дочка, сестренка, браток и под. (*Папаша, садитесь; Дочка, помоги мне улицу перейти*); в последнее время в этой же функции стали употребляться слова *мужчина* и *женщина*; б) употребление существительных с суффиксами уменьшительности для выражения вежливости: *Чайку не желаете? Вам височки прямые или косые?*; в) замена некоторых наименований, которые ложно понимаются как грубые: *отдыхать* вместо *спать*, *выражаться* вместо *ругаться*, *кушать* вместо *есть* и т. п.; г) широкое использование эмоциональной лексики, причем многие слова могут употребляться в неопределенном, «размытом» значении: *наяривать, шпарить, откалывать, чесать* и под. (ср.: *Дождь шпарит; Смотри, как он «барыню» шпарит; Он с утра до вечера на гитаре шпарит; Она по-английски здорово шпарит*) и некоторые другие.

§ 44. Социальные и профессиональные жаргоны (арго)

Социальные и профессиональные жаргоны, или арго, — это речь людей, составляющих определенные обособленные социальные группы, или же людей, которых объединяет общая профессия.

Жаргоны не представляют собой целостной системы. Грамматика в них та же, что и в общенациональном языке. Вся их специфика заключена в лексике: многие слова в жаргонах имеют специальный смысл, есть и такие, которые по форме отличаются от слов общеупотребительных. В целом для жаргонной речи характерна высокая степень метафоричности выражений.

Так, например, в жаргоне летчиков низ фюзеляжа называется *брюхом*, учебный самолет — *божьей коровкой*. Если самолет увлекается вверх силой воздушного потока, то он *вспухает*, если его нос резко опускается вниз, то самолет *клюет*. Фигуры высшего пилотажа также имеют метафорические наименования: *бочка, горка, петля* и т. п.

Моряки называют *дедом* совсем не того, кто на судне старше других по возрасту, а старшего механика; капитана они зовут *кеп* (кэп), моториста — *мотыль* и т. д.

Есть подобные особенности в речевом обиходе медиков, железнодорожников, горняков и представителей многих других профессий. Это профессиональные жаргоны. Они используются людьми одной профессии главным образом при общении на производственные темы,

т. е. темы, связанные с осуществлением определенного вида деятельности. За пределами профессиональной среды такой жаргон непонятен и поэтому не используется.

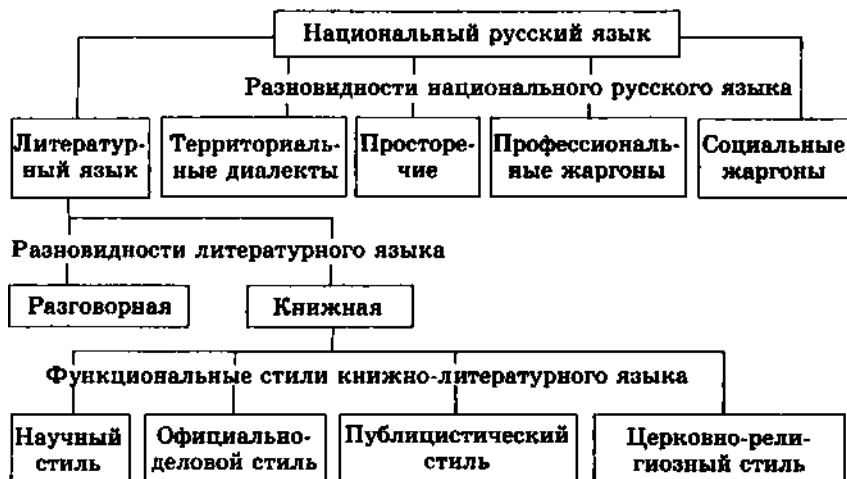
Специфичной, особой может быть и речь какой-либо социальной обособленной группы людей. В дореволюционной России существовали тайные корпоративные аргы. Каждое такое арго было понятно сравнительно узкому кругу людей, объединенных общим делом или ведущих одинаковый образ жизни. Например, были нищенское и воровское арго, арго офеней — бродячих торговцев мелким товаром, коробейников. Офени составляли одновременно и профессионально, и социально замкнутую группу. Случалось, что на коробейников нападали, отбирали у них товар и деньги, их деятельность иногда преследовалась властями. Поэтому коробейники вынуждены были всячески скрывать свои намерения и действия от посторонних, доверяясь только друг другу и поддерживая тесные связи лишь между собой. Помогал им в этом специально выработанный «язык», непонятный окружающим (товар по-офенски назывался *шивар*, вместо *отнять* офени говорили *отгюхтитъ*, вместо *бояться* — *скудаться* и т. п.). Некоторые элементы нищенского, воровского и офенского арго сохранились и в наше время, а кое-какие слова перешли в общий оборот, потеряв жаргонную окраску и претерпев семантические изменения: *двурушник* (у нищих так назывался тот, кто собирал милостыню обеими руками), *липа* (фальшивка), *жулик*, *шустрый* и др.

В отличие от прошлого в структуре современного русского языка нет таких арго, которые создавались бы со специальной целью зашифровать способ общения, сделать его непонятным для непосвященных (как это было, например, в «языке» офеней). Более характерны сейчас такие групповые, социально ограниченные жаргоны, которые отражают специфические объединения людей по «интересам»: ср. особенности речи болельщиков, автолюбителей, коллекционеров и т. п. Так, например, *банка* у футбольных болельщиков означает «гол», *лошадь* в жаргоне автолюбителей значит «лошадиная сила» (*мотор на тридцать лошадей*). Определенными жаргонными особенностями отличается речь людей, чья деятельность преследуется законом или осуждается общественной моралью: браконьеров, воров, наркоманов, проституток и др. (ср.: *поплыть* «начать испытывать действие наркотика» — в речи наркоманов, *телевизор* «вид рыболовной снасти с подсветкой, привлекающей рыбу» — в речи браконьеров и т. п.).

Во многих языках существовали и существуют сейчас школьные и студенческие жаргоны (иногда их называют общим термином: молодежный жаргон). Есть такие жаргоны и в современном русском языке. Они, так же как и другие социально и профессионально ограниченные разновидности языка, специфичны главным образом в области лексики (*стипа* 'стипендия', *шпора* 'шпаргалка', *хвост* 'не сданный вовремя экзамен' и т. п.). Однако по сравнению с большинством профессиональных и социальных арго молодежный жаргон имеет яркую отличительную черту: для него (точнее, для тех, кто им пользуется) характерна игра со словом и в слово, сознательное переименование его формы и смысла с целью создания выразительных, эмоционально окрашенных средств (например: *керосинка* 'нефтяной институт', *предки* 'родители', *клёво* и *фирма* 'высшие положительные оценки' и т. п.).

Некоторые элементы социальных и профессиональных арго и жаргонов попадают в просторечие и даже в литературный язык (в основном в устно-разговорную его разновидность), формируя так называемый общий жаргон, элементы которого утрачивают связь с породившей их социальной средой. Таковы, например, слова и обороты *навалом* 'много', *трёл* 'пустой разговор', *катить бочку на кого-нибудь* 'несправедливо обвинять в чем-либо' и т. п. Однако в целом жаргоны имеют ограниченную сферу употребления: их используют преимущественно в «своей» социальной и профессиональной среде.

Социальная и функциональная дифференциация русского языка

Культура речи — это умение, во-первых, правильно говорить и писать и, во-вторых, употреблять языковые средства в соответствии с целями и условиями общения.

Правильной признается речь, которая согласуется с нормами литературного языка — произносительными, грамматическими, лексическими. Эти нормы предписывают, например, говорить *вада*, а не *вода*, *горы*, а не *юры*, *идёт*, а не «идеть», *класть* и *положить*, а не «ложить» и «покласть», *пошли за грибами*, а не «пошли за грибам» и т. д.

Однако правильность — лишь первая (но при этом совершенно необходимая) ступень подлинной речевой культуры. Можно говорить или писать правильно, но однообразно, бесцветно, вяло. Такой речи недостает выразительности. Она достигается умелым и уместным употреблением языковых средств разных стилей. Владение выразительными средствами языка и умение использовать их в зависимости от ситуации и цели общения — второе, помимо правильности, условие культурной речи.

Чтобы это условие соблюдалось, надо иметь ясное представление о стилистической градации языковых единиц, об их различном предназначении. Так, книжные слова уместны в жанрах книжно-письменной речи — научной статье, докладе, тексте закона, газетной корреспонденции — и мало употребляются в бытовых ситуациях общения. Например, в бытовой речи неуместны слова *идентичный* вместо *одинаковый*, *таковой* вместо *этот* или *такой*, *нежели* вместо *чем*, *ибо* вместо *потому что*. Особенно вредит бытовому языку «канцелярит» (термин К. Чуковского) — неуместное употребление канцелярских слов и оборотов («*В части сена у нас дела неважные*», «*Надо заострить вопрос о мясе*», «*Школьник как таковой обязан соблюдать дисциплину*» и т. п.).

С другой стороны, автор научного сочинения или человек, составляющий деловой документ, войдет в противоречие со стилистическими нормами русского литературного языка, если начнет употреблять такие слова и обороты, как *докопаться*, *остолбенеть*, *верзила*, *выискивать*, *закатить выговор*, *вокруг да около*, *аж* (вместо *даже*), *как бы не так* и т. п.

Стилистическая целесообразность употребления языковых средств, их соответствие потребностям и целям общения — важные принципы культуры речи. Эти принципы лежат в основе и нормализаторской деятельности лингвистов.

тов — при разработке ими справочников и пособий по стилистике и культуре речи, в пропаганде лингвистических знаний в печати, по радио и телевидению. Школьное обучение русскому языку также направлено на формирование у учащихся подлинной речевой культуры.

Культура речи — часть общей культуры человека. По тому, как человек говорит или пишет, можно судить об уровне его духовного развития, о его внутренней культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю. О русских народных говорах. — М., 1975.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1993.

Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 1.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. — М., 1989.

Русский язык: Энциклопедия. — 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1997.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л. П. Крысина. — М., 2003.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЛЕКСИКОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 45. Слово как объект лингвистического изучения

Языковеды изучают слово с различных точек зрения: по его звуковому составу и морфологическому строению, по грамматическим свойствам, по происхождению и историческим связям с другими словами и т. п. Но наиболее существенным свойством слова — в отличие, например, от звука, морфемы, синтаксической конструкции — является единство его звуковой оболочки и его значения. Изучением этого единства, а точнее говоря, способности определенных звуковых комплексов, образующих слова, выражать те или иные значения, занимаются лексическая семантика и лексикология.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

§ 46. Предмет лексической семантики

Лексическая семантика (от греч. *sēmantikos* 'обозначающий') — наука о значении слова, структуре этого значения, о закономерных смысловых соотношениях между словами и группами слов.

Лексическая семантика состоит из двух разделов — семасиологии и ономазиологии.

Семасиология изучает лексическое значение в направлении от знака к выражаемому этим знаком смыслу; при семасиологическом анализе исследователь задается вопросом: что значит данное слово? Например, в результате семасиологического анализа устанавливается, что слово *рука* в русском языке имеет несколько значений: 'одна из двух верхних конечностей человека' (*правая рука болит*), 'почерк' (*узнаю его руку*), 'сторона, направление' (*по левую*

руку от дороги), 'тот, кто оказывает протекцию кому-либо' (*У него рука в министерстве*) и некоторые другие.

Ономасиология изучает отношения между словесным знаком и его смыслом в противоположном направлении — от смысла к его выражению с помощью языковых знаков (слов и словесных сочетаний); при ономасиологическом анализе исследователь задается вопросом: как выражается данный смысл в данном языке? Например, при выяснении вопроса о том, как обозначаются в русском языке части человеческого тела, слово *рука* в первом его значении будет фигурировать как способ называния одной из двух верхних конечностей человека (способы обозначения других частей тела: *нога, голова, туловище, шея* и др.). Все остальные значения слова *рука* в этом случае нас не должны интересовать, так как они не имеют отношения к смыслу 'части человеческого тела'.

Ономасиология иначе называется наукой о номинативе, т. е. о назывании предметов и понятий. Главным средством номинации являются слова. Однако, прежде чем говорить о номинативной и иных функциях слова, необходимо определить место его среди других языковых единиц.

§ 47. Слово как единица языка

Слово — основная значимая единица языка. Оно принадлежит лексико-семантическому уровню языка и состоит из единиц низших уровней — фонем и морфем: фонемы образуют морфемы, а морфемы складываются в слово. Например, в слове *вода* выделяется четыре фонемы: /в/, /о/, /д/, /а/; первые три из них образуют корневую морфему *вод-* (которая повторяется во всех родственных словах: *водный, наводнять* и т. п.), а четвертая — окончание именительного падежа единственного числа существительных женского рода (ср.: *вод-ы, вод-у* и тому подобные формы, в которых корневая морфема та же, а окончания другие).

Объединяя, с одной стороны, в своем составе единицы более низких уровней языковой структуры, морфологического и фонологического, слово, с другой стороны, входит в качестве составляющей в единицу более высокого уровня, синтаксического, — в синтаксическую конструкцию. Хотя синтаксическая конструкция — абстрактное понятие, отвлеченное от выражения ее в виде реальных словосочетаний или предложений (на это указывает и само слово *кон-*

струкция), многообразные синтаксические конструкции языка воплощаются всегда в конкретных сочетаниях слов и в предложениях. Слово в разных своих формах участвует в построении различных словосочетаний и предложений; ср.: *теплая вода, пить воду, Ополосни руки водой* и т. п.

В отличие от фонемы, которая играет только смысловозначительную роль (ср.: *слон — злой, том — дом*), но сама значения не имеет, слово представляет собой двустороннюю языковую единицу и является знаком (см. § 2): у него есть означающее — звуковая или письменная форма и означаемое — смысл.

§ 48. Лексическое значение слова и понятие

Основная функция слова — **на з ы в а т ь** вещи, действия, свойства. Например, *книга, бежать, красный* — названия предмета, действия и признака. Эта функция слова называется **н о м и н а т и в н о й** (от лат. *nomen* 'имя').

Слово может называть конкретные предметы, т.е. объекты материального мира, воспринимаемые нашими органами чувств: *яблоко, ручей, молния, автомобиль, земля* и т. п., служить обозначением конкретных действий и свойств: *идти, резать, копать, белый, шершавый, краснота* и т. п.

Такие слова составляют **к о н к р е т н у ю** лексику.

Слово может называть и такие объекты, действия и свойства, которые не воспринимаются нашими органами чувств: *мысль, мнение, знать, различать, требовать, уметь, упрямый, целесообразный* и т. п. Это **а б с т р а к т н а я**, **о т в л е ч е н н а я** лексика.

И в случае наименования конкретного предмета, и в случае наименования абстрактного объекта слово называет не какой-то данный, единичный предмет, а обобщенное представление об этом предмете, понятие.

П о н я т и е — это отражение в сознании человека класса каких-либо однородных предметов в виде совокупности существенных признаков этих предметов.

Говоря, например, *стол*, мы имеем в виду не какой-либо реальный стол, с теми или иными его особенностями (например, с полированной поверхностью или с расшатанной ножкой), а **к л а с с** предметов (внутри этого класса могут быть разновидности, которые получают уточняющие наименования: *письменный стол, кухонный стол, обеденный стол* и т. п.).

Произнося слово *бежать*, мы не прикрепляем это слово к какому-либо данному лицу, совершающему соответствующее действие в реальных обстоятельствах, — мы обобщенно представляем себе это действие, в отвлечении от конкретных условий, в которых оно может происходить.

В некоторых случаях, однако, возникает потребность называть единичный, уникальный объект. Для этого служат слова типа *Москва, Урал, Пушкин, Горький, Россия, Гималаи* и т. п.

Способность слова не только называть данный предмет или данное действие, но и служить обозначением *п о н я т и я* — важное свойство слова, без которого общение между людьми и существование самого языка были бы невозможны (ведь в противном случае для каждой единичной вещи, для каждого действия, признака и т. п. требовалось бы бесконечное число слов).

Способность слова называть понятия делает возможным обозначение не только таких объектов, конкретных или абстрактных, которые реально существуют, но и таких, которые являются лишь результатом человеческого воображения; ср., например, слова *леший, ведьма, кикимора, русалка*: ими обозначаются не реально существующие, а мифические существа, представление о которых формируется у человека под влиянием различных верований, сказок и т. п.

Способностью называть понятия обладают в языке не все слова, а лишь полнозначные, или *з н а м е н а т е л ь н ы е* (*книга, идти, красный, холодно* и т. п.). *С л у ж е б н ы е* слова — предлоги, частицы, союзы, а также междометия — понятий не обозначают (ср. *в, на, за, вот, то, и, но, ой* и т. п.). Предлоги и союзы служат для выражения отношений между словами и частями предложения: *книга на столе; встал и пошел; говорят, что он не придет*; частицы и так называемые модальные слова — для выражения отношения говорящего к предмету речи, для оценки своих действий и своей речи или действий и речи собеседника: *Неужели ты не мог сделать это раньше?; Видно, мы заблудились*; междометия — для непосредственного выражения чувств: *Ой, мне больно!*

Не являются обозначениями понятий и местоимения (*ты, он, этот, кто-нибудь* и т. п.), их функция состоит в замене полнозначных слов, являющихся названиями понятий, или указании на предмет (*этот, те* и т. п.).

§ 49. Лексическое и грамматическое значение слова

Слова имеют лексические и грамматические значения. Лексические значения изучаются лексикологией, грамматические значения изучаются грамматикой — морфологией и синтаксисом.

Лексическое значение слова — это отражение в слове того или иного явления действительности (предмета, события, качества, действия, отношения и т. п.).

Грамматическое значение слова — это характеристика его как элемента определенного грамматического класса (например, *стол* — существительное мужского рода), как элемента словоизменительного ряда (*стол, стола, столу* и т. д.) и как элемента словосочетания или предложения, в котором слово связано с другими словами (*ножка стола, Положи книгу на стол*).

Лексическое значение слова **индивидуально**: оно присуще данному слову и этим отграничивает данное слово от других, каждое из которых имеет свое, также индивидуальное значение.

Грамматическое значение характеризует, напротив, целые разряды и классы слов; оно **категориально**.

Сравним слова *стол, дом, нож*. Каждое из них обладает собственным лексическим значением, обозначая разные предметы. В то же время они характеризуются общими, одними и теми же грамматическими значениями: все они принадлежат к одной части речи — существительному, к одному грамматическому роду — мужскому и имеют форму одного и того же числа — единственного.

Важный признак грамматического значения, отличающий его от значения лексического, — **обязательность выражения**: мы не можем употребить слово, не выразив при этом его грамматических значений (с помощью окончаний, предлогов и т. п.). Так, произнося слово *стол*, мы не только называем определенный предмет, но и выражаем такие признаки этого существительного, как род (мужской), число (единственное), падеж (именительный или винительный, ср.: *В углу стоял стол. — Вижу стол*). Все эти признаки формы *стол* суть ее грамматические значения, выражаемые так называемой нулевой флексией.

Произнося словоформу *столом* (например, в предложении *Загородили проход столом*), мы с помощью окончания **-ом** выражаем грамматические значения творительного

падежа (ср. окончания, служащие для выражения других падежных значений: *стол-а, стол-у, стол-е*), мужского рода (ср. окончание, которое имеют в творительном падеже существительные женского рода: *вод-ой*), единственного числа (ср. *стол-ами*). Лексическое же значение слова *стол* — 'предмет домашней мебели, представляющий собой поверхность из твердого материала, укрепленную на одной или нескольких ножках, и служащий для того, чтобы ставить или класть что-нибудь на него' — во всех падежных формах этого слова остается неизменным. Кроме корневой основы *стол-*, которая и обладает указанным лексическим значением, нет никаких других средств выражения этого значения, подобных средствам выражения грамматических значений падежа, рода, числа и т. п.

§ 50. Денотативное и сигнификативное значение слова

Лексическое значение может рассматриваться в двух аспектах. С одной стороны, слово соотносится с конкретным объектом действительности, именуя его в речи. Например, в предложении *Положи книгу на стол* имеется в виду единственный конкретный предмет, обозначаемый словом *стол*. Такой предмет, называемый данным словом, является *д е н о т а т о м* этого слова (от лат. *dēnotātum* 'обозначаемое'), а соответствующее значение слова — *д е н о т а т и в н ы м* значением.

С другой стороны, слово соотносится с понятием — обобщенным отображением в нашем сознании класса объектов (см. предыдущий параграф). Например, в словарном толковании: «*Стол* — предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках» (О ж е г о в С. И., Ш в е д о в а Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1997) — имеется в виду обобщенное представление о предмете, именуемом при помощи слова *стол*. Отражение в сознании разных свойств объекта в виде обобщенного понятия называется *с и г н и ф и к а т о м* слова (от лат. *significātum* 'обозначаемое'), а соответствующее значение слова — *с и г н и ф и к а т и в н ы м* значением.

§ 51. Родо-видовые отношения между словами

Обозначая объекты действительности, слова могут в своих значениях отражать отношения между этими объекта-

ми. Одно из таких отношений, характеризующее связи между предметами, действиями, свойствами, — отношение **р о д а и в и д а**.

Слова могут различаться по характеру выражаемых ими лексических значений. Одни слова обозначают виды предметов, действий, свойств, а другие служат обобщающими наименованиями этих видов, называют совокупности однородных в том или ином отношении предметов, действий или свойств. Например, слова *стол, стул, шкаф, диван* — это названия различных видов мебели; слово *мебель* и является обобщающим наименованием для перечисленных предметов. Такое обобщающее слово называется **г и п е р о н и м о м** (от греч. *hureg-* ‘над’, ‘сверх’ и *опута* ‘имя’). Слова же, которые объединяются обобщающим наименованием, являются по отношению к нему **г и п ó н и м а м и** (от греч. *huro-* ‘под’, ‘внизу’ и *опута* ‘имя’).

В ряду *приблизиться, подойти, подбежать, подползти* глагол *приблизиться* обладает наиболее общим значением ‘перемещаясь, стать ближе к чему-либо’; он является гиперонимом по отношению ко всем другим словам ряда, которые конкретизируют это общее значение: они указывают на способ приближения — шагом (*подойти*), бегом (*подбежать*), ползком (*подползти*). Слово *чувство* является обобщающим наименованием (гиперонимом) по отношению к наименованиям таких разновидностей чувств (гипонимам), как *гнев, радость, тоска, восторг* и др.

Отношения между словами, одни из которых обозначают некоторый класс объектов, действий, свойств, а другие — разновидности объектов, действий, свойств внутри этого класса, называются **р о д о - в и д о в ы м и**. Знание родовых отношений между словами и сочетаниями слов необходимо для построения логически правильных высказываний на данном языке.

§ 52. Мотивированность (внутренняя форма) слова. Слова мотивированные и немотивированные

Рассмотрим слова *дорога* и *придорожный*. К первому из них мы не можем подобрать в русском языке какого-либо другого слова, от которого существительное *дорога* произошло; нельзя объяснить (исходя из фактов современного языка), почему *дорога* называется *дорогой*. (Заметим, что в других языках то же самое понятие обозначается с помощью иных слов:

в немецком это *Weg*, во французском *chemin* или *route*, в английском *way* и т. д.) *Дорога* — это не производное слово (подробнее о понятии производности и непроизводности см. в разделе «Словообразование»). Оно не мотивировано никаким другим словом, его значением.

В слове же *придорожный* такая мотивировка есть; оно означает 'находящийся у дороги' (*придорожный столб, придорожная канава*), и это значение вытекает из строения слова: *при-дорож-н-ый*, из его смысловой соотнесенности со словом *дорога*.

Рассмотрим другой пример — слово *осел* в двух его значениях: 1) 'вьючное животное', 2) 'тупой упрямец' (о человеке). Почему животное называется *ослом*, объяснить нельзя: это название не мотивировано. Причина же того, почему тупого и упрямого человека называют ослом, понятна: человек сравнивается с ослом по таким признакам, как тупость и упрямство. Второе значение слова *осел* мотивировано первым.

Мотивированность — такая соотнесенность данного слова с другим словом, при которой смысл первого может быть объяснен путем обращения к форме и (или) смыслу второго.

Слова мотивированные имеют внутреннюю форму. Внутренняя форма — это соотнесенность морфемного состава слова и его значения с морфемным составом и значением других слов языка.

Внутренней формой (и, следовательно, мотивированностью) обладают также звукоподражательные слова: *бахнуть, клацать, шуршать, шелест, скрежет*. Мотивирующими в данном случае выступают не другие слова, а явления физического мира, звуковые свойства которых передаются этими словами.

В ходе развития языка вследствие происходящих в нем структурных изменений внутренняя форма некоторых слов может затемняться и даже утрачиваться: связь слова с другими словами, послужившими основой для образования данного, перестает осознаваться говорящими.

Так, современные носители русского языка не связывают структуру и значение глагола *стрелять* со словом *стрела* (первоначально стреляли главным образом стрелами), в слове *чернила* не ощущают «следов» прилагательного *черный*, не видят никакой связи между словами *окно* и *око* (а исторически такая связь существует) и т. п. Восстановлением подобных утраченных связей, воссозданием внутренней формы слов занимается этимология (см. с. 235–236).

§ 53. Коннотация слова

Коннотация (от лат. *connotāre* 'иметь дополнительное значение') слова — это устойчивая ассоциация, возникающая у носителей данного языка при произнесении или восприятии того или иного слова. Например, рассмотренное в предыдущем параграфе слово *осел* устойчиво ассоциируется у носителей русского языка с тупым упрямством. У близкого же ему по значению слова *ишак* — иная коннотация: это слово ассоциируется со способностью безропотно выполнять тяжелую и не приносящую радости работу (отсюда просторечный глагол *ишачить*). Слово *свинья* имеет несколько ассоциаций: с телесной толщиной, с нечистоплотностью, с неблагодарностью, с хамством (ср. выражения типа *толстый, как свинья* — о человеке, *выпачкался, как свинья*, *поступить по-свински* и др.).

Следует подчеркнуть некоторые характерные свойства коннотации.

Во-первых, коннотация сопровождает слово в его прямом значении, но, называя некоторый дополнительный признак обозначаемой реалии, она не входит в значение. Так, в словарном толковании слова *осел* в его прямом значении нет указания на тупое упрямство этого животного: «Осёл... 1. Животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами». Не содержит указанных выше признаков «телесная толщина», «нечистоплотность», «неблагодарность», «хамство» и толкование слова *свинья* в его прямом значении: «Свинья... 1. Парнокопытное нежвачное [домашнее] животное с крупным телом и короткими ногами» (оба толкования — из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

Во-вторых, коннотации отражают не индивидуальную, а коллективную, принятую в данном языковом сообществе оценку предмета: названные выше ассоциации слов *осел*, *ишак*, *свинья* присутствуют в языковом сознании всех (или, во всяком случае, большинства) говорящих по-русски.

В-третьих, на основе устойчивых ассоциаций слова могут возникать образные, переносные его значения, которые фиксируются толковыми словарями: «Осёл... 2. перен. О тупом упрямце, глупце (прост. бран.)»; «Ишак... 2. Человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу (прост.)», — а также словообразовательные производные, по смыслу соотносимые именно с коннотациями, а не с основным значением слова: *свинский* 1) грязный, не-

культурный, 2) подлый; *свинство* 1) низкий поступок, подлость, 2) грязь, полное отсутствие порядка; *свинтус* — тот, кто поступил, поступает по-свински; *свинаячить* 1) вести себя по-свински, 2) разводить грязь, устраивать беспорядок (обычно в помещении).

В-четвертых, коннотации часто бывают национально специфическими: в одном языке слово (и соответствующее ему понятие) может иметь те или иные устойчивые ассоциации, а в другом языке обозначение того же самого понятия либо не сопровождается никакими дополнительными смыслами, либо эти смыслы совсем иные.

Например, русское слово *вода* может употребляться образно для обозначения речи (выступления, доклада), лишенной содержания; такое употребление чуждо французскому слову *eau*, которое в прямом своем значении соответствует русскому *вода*. Рассматривая этот пример, Л. В. Щерба замечал: «Из этого ... вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд».

Слово *сокол* в русском языковом сознании связано с такими свойствами, как бесстрашие, благородство. На этой основе родилось переносное употребление этого слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*falcon*) таких ассоциаций нет, поэтому употребить слово *falcon* по отношению к авиаторам для француза такая же нелепость, как для русского сказать о летчиках: *наши славные воробы*.

Слово *корова* ассоциируется с такими свойствами, как толщина (телесная) и неповоротливость; поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отношению к человеку, преимущественно к женщине, что совершенно непонятно и невозможно для индусов, в национальных традициях которых — поклонение корове как священному животному, и, следовательно, устойчивые ассоциации у слова, обозначающего корову, не могут быть отрицательными.

§ 54. Предикатная и непредикатная лексика.

Актанты и сирконстанты

В зависимости от того, какого рода объекты и отношения обозначают слова, их принято делить на **предикатные** и **непредикатные**. **Предикатные** слова — это слова, обозначающие разного рода **ситуации**,

а непредикатные — слова, обозначающие конкретные предметы.

Под ситуацией понимается такой фрагмент действительности, в котором можно выделить одного или нескольких «участников» (независимо от того, является ли участником лицо, неодушевленный предмет или какое-либо понятие). Так, в ситуации сна — один участник: тот, кто спит; в ситуации чтения — два участника: тот, кто читает, и то, что читают (*Мальчик читает книгу*); в ситуации обучения — три участника: тот, кто обучает, тот, кого обучают, и то, чему обучают (*Отец обучил меня слесарному делу*); в ситуации купли-продажи — четыре участника: продавец, покупатель, товар, цена (*Старик продал нам мешок картошки за сто рублей*), и т. д.

Типичные участники подобных ситуаций — субъект (тот, кто совершает действие), объект (то, на что направлено действие), инструмент (то, с помощью чего совершается действие, например: *резать ножом*) и другие — получили название **актантов** (от лат. ago 'привожу в действие'). Актанты обозначают таких участников ситуации, без учета которых название этой ситуации — в виде предикатного слова — не может быть правильно понято или употреблено. Очевидно, например, что глагол *читать* нельзя правильно осмыслить, если не учитывать объект, на который направлено действие, обозначаемое глаголом. Если при описании ситуации купли-продажи пренебречь четвертым «участником» этой ситуации — тем, сколько стоит товар, — то эта ситуация не может быть названа глаголами *купить* или *продать*, скорее, здесь подойдут глаголы *дать* или *подарить*.

Большую часть предикатной лексики составляют глаголы и те существительные (в том числе отглагольные), которые обозначают действия, процессы, отношения, т. е. разного рода ситуации. Предикатными являются также слова некоторых других частей речи: прилагательные сравнительной степени (*больше, выше, легче, старше* и т. п. — с помощью такого рода словоформ устанавливается связь между двумя участниками ситуации и их сравнение по величине, росту, возрасту, массе и т. п.), союзы (например: *поэтому, так как* — эти союзы связывают причину со следствием), предлоги (*за, над, перед, под* и др.; в словосочетаниях типа *консультация перед экзаменом* предлог реализует два актанта, которые обозначают события, распределенные во времени) и некоторые другие.

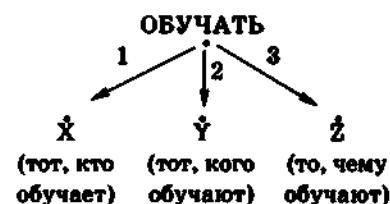
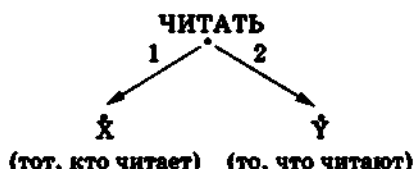
Актанты предикатных слов образуют определенную структуру: каждый актант занимает свое «место» в соот-

ветствии со степенью его обязательности для осмысления данного слова, с невозможностью опустить его при истолковании лексического значения. Чем более обязателен актант, тем меньший номер имеет он в актантной структуре слова.

Актантная структура представляет собой граф, в вершине которого находится предикатное слово с исходящими из него нумерованными стрелками, соединяющими слово с именами актантов.

Стрелки обозначают связи данного предикатного слова с его актантами. Такие связи называются семантическими и валентностями предикатного слова.

Примерами подобных графов могут служить актантные структуры указанных выше глаголов *спать*, *читать*, *обучать*, *продать* (или *купить*). Для того чтобы смысл каждого актанта мог быть выражен обобщенно (вне зависимости от лексического выражения актанта), вводятся переменные X, Y, Z и т. д.

В предложении актанты выражаются в виде слов или словосочетаний, синтаксически зависящих от предикатного слова, занимающего позицию сказуемого или какого-либо иного члена предложения.

Есть такие предикатные слова, у которых не все актанты могут быть выражены в виде синтаксически зависимых

членов. Очевидно, например, что в ситуации, обозначаемой глаголом *промахнуться*, один из «участников» — цель (например, мишень, если речь идет о стрельбе, или мяч, если имеется в виду футбол), но сказать по-русски **промахнуться в мишень* или **промахнуться по мячу* нельзя, это неправильно (правильно: *стрелял в мишень, но промахнулся* или *бил по мячу, но промахнулся*).

Другие предикатные слова могут с разной обязательностью выражать актантные смыслы в предложении в зависимости от значения этих слов. Так, у названного выше глагола *читать*, употребленного в актуальном значении, обычно выражаются оба актанта — субъект и объект (*Мальчик читает книгу*), а при употреблении этого глагола в потенциальном значении второй актант не выражается: *Мальчик уже читает* (= умеет читать; о различии актуального и потенциального значений см. § 62).

От актантов необходимо отличать **сирконстанты** (от франц. *circonstance* 'обстоятельство, условие') — имена тех обстоятельств, при которых та или иная ситуация имеет место. Сирконстанты обозначают такие фрагменты ситуаций, учет которых необязателен при осмыслении и употреблении слова, обозначающего эту ситуацию. Так, например, читать книгу можно за столом, сидя на диване, утром, вечером, у окна, при свете настольной лампы и т. д.; очевидно, что ни одно из указанных обстоятельств не может повлиять на правильное осмысление глагола *читать*.

В отличие от предикатных слов **непредикатные** слова, обозначая конкретные предметы (а не ситуации), не имеют актантов. Таковы, например, слова *стол, книга, мальчик, дерево* и т. п. Те элементы предложения, которые могут быть синтаксически подчинены таким словам (ср.: *моя книга, стол у окна, маленький мальчик, дерево на опушке леса*), отражают неактантные смысловые связи слов, например смыслы принадлежности (*моя книга*), места (*стол у окна, дерево на опушке*), возраста или роста (*маленький мальчик*) и т. п.

§ 55. Структура лексического значения

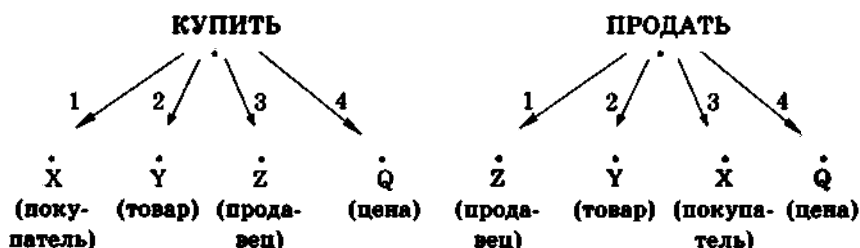
Лексическое значение слова можно представить в виде набора смысловых компонентов, или сем, — «кусочков смысла». Например, значение слова *мужчина* содержит следующие семы: 'человек', 'взрослый', 'мужской пол'. Если

мы сравним это слово со словами *женщина* и *мальчик*, то убедимся, что некоторые смысловые компоненты у всех трех слов общие, а некоторые индивидуальны, присущи значению какого-то одного слова: *женщина* 'человек', 'взрослый', 'женский пол'; *мальчик* 'человек', 'невзрослый', 'мужской пол'.

Описание лексического значения слова путем установления смысловых компонентов этого значения получило в лингвистике название **компонентного семантического анализа**.

Компонентный анализ удобен при изучении лексических значений таких слов, которые составляют более или менее замкнутые тематические группы, где важно как раз соотношение разных слов друг с другом по их лексическим значениям. Таковы, например, группы терминов родства, слов, обозначающих участки цветового спектра, и некоторые другие. Однако при описании иных типов лексических значений компонентный анализ оказывается недостаточным — главным образом из-за того, что с его помощью можно установить лишь набор смысловых компонентов, а отношения между этими компонентами, их место, иерархия в структуре лексического значения остаются невыясненными. Между тем эти отношения весьма существенны при описании лексических значений слов, близких по смыслу, или различий в лексических значениях одного и того же слова.

Например, глаголы *купить* и *продать* имеют один и тот же набор смысловых компонентов (которые являются их актантами — см. об этом выше): покупатель, товар, продавец, цена. Однако они очевидным образом отличаются друг от друга по смыслу, описывая ситуацию купли-продажи как бы с разных позиций — покупателя (*купить*) и продавца (*продать*). Эта разница отражена в актантной структуре глаголов: то, что у глагола *купить* является содержанием первого актантного места (X), у глагола *продать* соответствует третьему актанту, и наоборот (X и Z как бы меняются местами).

Лексические значения каждого из этих глаголов могут быть описаны примерно так: *X купил Y у Z за Q* = «лицо X приобрело в собственность за стоимость Q товар Y у лица Z»; *Z продал X Y за Q* = «лицо Z передало в собственность за стоимость Q товар Y лицу X». (Глаголы *купить* и *продать* представляют собой типичные конверсивы — см. об этом ниже, § 69.)

Рассмотрим другой пример — с разными употреблениями глагола *прорезать*. Сочетания *прорезать дыру в мешке* и *прорезать мешок* очень близки по смыслу, обозначая одну и ту же ситуацию — деформацию мешка с помощью острого инструмента. Но все же между этими сочетаниями есть различие в смысловых акцентах: в первом случае (*прорезать дыру в мешке*) акцент сделан на том, что образовалась дыра, а во втором (*прорезать мешок*) — на том, что нарушена целостность мешка. Это различие, естественно, должно быть отражено в описании лексических значений глагола *прорезать*. Но сделать это можно только с помощью синтаксически упорядоченных толкований, а не с помощью компонентного анализа, поскольку смысловые компоненты, или «участники» ситуаций (актанты), в обоих случаях одни и те же (лицо, объект, инструмент, отверстие). Эти толкования примерно таковы: *прорезать дыру в мешке* = «нарушая острым инструментом целостность мешка, сделать в нем отверстие»; *прорезать мешок* = «делая в мешке отверстие острым инструментом, нарушить его целостность». Компоненты толкований одни и те же, но синтаксическое строение толкований различно — в соответствии с теми смысловыми акцентами, которые выражаются рассмотренными словосочетаниями.

Таким образом, мы приходим к выводу, что наряду с анализом лексического значения по составляющим это значение смысловым компонентам при описании семантических свойств слова необходимо прибегать к полному, синтаксически упорядоченному толкованию лексического значения (в разделе «Лексикография» мы вернемся к понятию толкования и рассмотрим требования, которые к нему предъявляются).

§ 56. Дифференциальные и интегральные смысловые компоненты (семы)

Рассмотрим ряд слов: *береза, дуб, ель, осина, тополь, пихта, сосна*. Все они обозначают породы деревьев. Слово *дере-*

во — общее наименование (гипероним) по отношению к словам этого ряда, а каждое из слов ряда является гипонимом по отношению к слову *дерево* (о понятиях гиперонима и гипонима см. выше, § 51).

Каким образом устанавливаются подобные гиперогипонимические отношения? Чем, какими смысловыми компонентами различаются между собой слова, составляющие приведенный ряд?

Анализируя значения слов, называющих породы деревьев, мы находим в этих значениях общие для всех этих слов смысловые компоненты (семы) и специфические, присущие значению только данного слова. Общим смысловым компонентом для значений слов *береза*, *дуб*, *ель*, *осина*, *пихта*, *сосна*, *тополь* является смысловой компонент (сема) 'дерево': толкование каждого из этих слов невозможно без указания на то, что данный природный объект принадлежит к классу деревьев.

Ср. определения, которые даются перечисленным названиям в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997):

БЕРЕЗА — лиственное дерево с белой (реже темной) корой и с сердцевидными листьями; **ДУБ** — крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами — желудями; **ОСИНА** — лиственное дерево, родственное тополю; **ТОПОЛЬ** — дерево сем. ивовых с высоким и прямым стволом;

ЕЛЬ — вечнозеленое хвойное дерево сем. сосновых с конусообразной кроной; **ПИХТА** — вечнозеленое хвойное дерево сем. сосновых с мягкой плоской хвоей и с прямо стоящими шишками; **СОСНА** — вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и круглыми шишками.

Внимательный читатель заметит некоторую несоответственность приведенных толкований. Так, определяя значение слова *береза*, составители словаря указывают форму листьев, в толковании слова *дуб* указан характер древесины, а о листьях ничего не говорится; при слове *осина* не упомянуто ни то, ни другое, так же как и при слове *тополь*, где важным признаком считается высокий и прямой ствол; у *пихты* и *сосны* отмечены характерные признаки хвои и игл, а в толковании слова *ель* этого нет и т.д. Однако в данном случае можно пренебречь этой несоответственностью толкований слов, принадлежащих к одному классу предметов: нам важно выявить в значениях всех этих слов общие и различающиеся смысловые компоненты (семы).

Смысловой компонент (сема) 'дерево', присущий значениям всех рассматриваемых слов, называется интегральным смысловым компонентом или интегральной семой. Те же смысловые компоненты (семы), которыми значения слов — названий деревьев различаются между собой, называются дифференциальными смысловыми компонентами или дифференциальными семами.

В нашем примере явным образом выделяются две группы деревьев — лиственные (береза, дуб, осина, тополь) и хвойные (ель, пихта, сосна). Смысловой компонент 'лиственное дерево', присутствующий в толкованиях слов первой группы, является общим, интегральным для значений этих слов. Одновременно он служит отличительным признаком, противопоставленным смысловому компоненту 'хвойное дерево', общему для значений слов второй группы.

Таким образом, каждая из сем 'лиственное дерево' и 'хвойное дерево' является, с одной стороны, интегральной для слов «своей» группы и, с другой, дифференциальной, отличающей значения слов данной группы от значений слов, именующих деревья иной породы.

§ 57. Части лексического значения в их соотношении друг с другом

ПРЕСУППОЗИЦИЯ И АССЕРЦИЯ

Лексическое значение большинства слов неоднородно по своему составу. В нем принято выделять несколько «слов», которые качественно отличаются друг от друга и по-разному проявляются в составе высказывания.

Покажем неоднородность лексического значения на примерах.

Слово *холостяк* имеет приблизительно такое значение: 'взрослый мужчина, никогда не состоявший и не состоящий (сейчас) в браке'. Одни компоненты этого значения общи с компонентами значений других слов, называющих человека, например: 'взрослый', 'мужчина' (ср. слова *муж*, *отец*, *свекор*, *тесть*, *молодожен*, *вдовец* и некоторые другие, в значениях которых содержатся эти же компоненты); другие специфичны для значения именно слова *холостяк*, отличают его от иных слов этой группы (например, в значении слова *муж* содержится компонент 'состоящий в браке', в значении слова *молодожен* есть компонент 'недавно

вступивший в брак', а в значении слова *вдовец* — компонент 'переставший состоять в браке вследствие смерти/супруги' и т. д.).

Смысловые компоненты 'взрослый' и 'мужчина' составляют часть лексического значения слова *холостяк*, которая называется *п р е с у п п о з и ц и е й* (от лат. *praesuppositio* 'предположение').

Понятие пресуппозиции возникло в логике, где оно обозначает семантический компонент суждения, который должен быть истинным, чтобы суждение в данной ситуации имело истинное значение, в противном случае суждение будет бессмысленным. Например, суждение *Я знаю, что квадрат — это прямоугольник, все стороны которого равны* имеет истинное значение, потому что его пресуппозиция *квадрат — это прямоугольник, все стороны которого равны* истинна. Суждение же *Я знаю, что квадрат — это равнобедренный треугольник* бессмысленно, поскольку его пресуппозиция *квадрат — это равнобедренный треугольник* неистинна, и, следовательно, оно не может быть объектом знания (*Я знаю, что...*).

Со временем понятие пресуппозиции стало использоваться и в лексической семантике, где оно применяется к «неглавным» компонентам значения слова, которые как бы составляют необходимое условие его правильного осмысления и употребления. В лексической семантике термин «пресуппозиция» получил и формальное определение: это та часть лексического значения слова, которая не изменяется при употреблении данного слова с отрицанием. Поясним это примером.

В предложении *Он мне не отец* отрицание не «зачеркивает» не весь объем значения слова *отец*, а только определенную его часть. Значение слова *отец* толкуется примерно следующим образом: 'взрослый мужчина по отношению к своим детям'. В предложении *Он мне не отец* отрицается лишь то, что говорящий не является ребенком человека, о котором идет речь; тот же факт, что этот человек — взрослый мужчина, не подвергается отрицанию. Это пресуппозиционная часть значения слова *отец*.

Та часть лексического значения слова, которая изменяется при употреблении слова с отрицанием, называется утвердительной частью лексического значения или *у т в е р ж д е н и е м* (в семантике употребителен также иноязычный термин для обозначения этой части лексического значения — *а с с е р ц и я*, от лат. *assertio* 'утверждение').

Пресуппозицию лексического значения составляют обычно классифицирующие (по иной терминологии — интегральные) смысловые компоненты, относящие данный объект (предмет, процесс, действие, свойство) к тому или иному классу. Например, в значениях слов *береза*, *сосна*, *дуб*, *осина* присутствует классифицирующий смысловой компонент 'дерево', который не подвергается отрицанию в контекстах типа *Это не береза* (, *а осина*). Смысловые компоненты, с помощью которых значение каждого из перечисленных слов можно отличить от всех других слов этого ряда, составляют утвердительную часть значения (например, *береза* и *сосна* различаются тем, что одно — лиственное дерево, а другое — хвойное). Это дифференциальные смысловые компоненты.

МОДАЛЬНАЯ РАМКА

Лексическое значение может рассматриваться не только с точки зрения содержащегося в этом значении утверждения и того условия, при котором это утверждение имеет место (в соответствии с чем выделяются ассертивная и пресуппозиционная части значения), но и в иных аспектах. Например, в лексическом значении важно различать называние некоего факта и оценку этого факта говорящим (или другими участниками речевого акта).

Та часть лексического значения, которая содержит оценку обозначаемой словом ситуации, называется *модальной рамкой*.

Модальная рамка характерна для значений вопросительных, отрицательных, выделительных, усилительных частиц (*разве*, *едва ли*, *лишь*, *даже* и др.), предикативных наречий (*жаль*, *возможно*, *надо* и т. п.), оценочных прилагательных типа *целый* (*Прождали его целый день*) и некоторых других разрядов слов.

Рассмотрим понятие модальной рамки на примере описания лексического значения частицы *только*.

В предложении *Он принес только пять книг* не просто сообщается, что некто принес книги и этих книг пять, но и выражается оценка этой ситуации говорящим: говорящий считает, что пять книг — это мало: он ожидал, что принесут больше, чем пять (ср.: *Он принес целых пять книг*, где словом *целых* передается противоположная оценка ситуации: пять книг, с точки зрения говорящего, — это больше, чем он ожидал).

Эта оценка и составляет содержание модальной рамки. Если обозначить переменной *X* то слово, к которому по смыслу относится частица *только*, то значение сочетания *только X* можно описать приблизительно так:

только X = 'X, и говорящий считает, что это меньше, чем он ожидал'.

Кратко рассмотрев понятия ассерции, пресуппозиции и модальной рамки, мы убеждаемся, что лексическое значение слова представляет собой сложную структуру, анализ которой требует учета не только собственно выражаемого словом смысла, но и фигуры говорящего, который оценивает именуемый словом объект, и условий, при которых слово может быть правильно понято и употреблено.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

§ 58. Многозначность слова

Слова в языке могут иметь не одно, а два или несколько значений. Способность слова употребляться в более чем одном значении называется *многозначностью* или *полисемией* (от греч. *poly* 'много' и *эма* 'знак').

Так, например, прилагательное *глухой* имеет несколько значений; отличить их друг от друга можно по разности сочетаемости слова *глухой*: 1) *глухой старик* (= 'лишенный слуха или плохо слышащий'); 2) *глухой звук* (= 'неясно звучащий'); 3) *глухое недовольство* (= 'затаенное, скрытое'); 4) *глухая улица* (= 'тихая, без признаков жизни'); 5) *глухая стена* (= 'сплошная, без отверстий'); 6) *Он глух к моим просьбам* (= 'неотзывчив').

Одно из значений многозначного слова является *первичным*, исходным, а другое или другие — *вторичными*, появившимися в результате развития первичного значения. Так, в слове *глухой* первичное значение 'лишенный слуха или плохо слышащий' (*глухой старик*), а остальные значения являются вторичными. В глаголе *резать* значение 'разделять на части острым инструментом' (*резать хлеб, мясо*) первичное, а другие значения вторичные. Когда мы говорим *Веревка режет руки*, то уподобляем воздействие веревки воздействию острого инструмента — она *как бы* режет (причиняя боль и оставляя на руках след, но, конечно, не разделяя на части). Такое уподобление различных действий и состояний действию *резать* можно выявить и в других значениях глагола; ср.: *Яркий*

свет резал глаза; Лекарства не помогают, надо резать (= оперировать); *Вы меня без ножа режете* (= ставите в безвыходное положение); *резать студентов на экзамене* (= проваливать); *резать мяч* (= ударяя по летящему мячу, резко менять направление его полета) и т. п.

§ 59. Прямое и переносные значения слова

Среди вторичных лексических значений выделяются такие, которые возникают в слове в результате переноса данного наименования с одного предмета, действия, свойства на другие.

Например, называя чей-либо характер *мягким*, мы как бы сравниваем свойства характера со свойствами какого-либо материала (ср.: *мягкий воск, мягкая глина*) и переносим соответствующую характеристику — мягкость — с одного объекта на другие.

Значения, возникающие в результате подобного переноса, называются **п е р е н о с н ы м и**. Основное же значение слова, прямо именующее предмет, действие, свойство, называется **п р я м ы м**.

Важный отличительный признак прямого значения — его конкретность. Если слово имеет два или несколько значений и при этом одно из них конкретное, а другое (или другие) отвлеченное, то, как правило, конкретное значение является прямым, а все другие — переносными.

Так, в сочетании *мягкий воск* слово *мягкий* употреблено в своем прямом значении, а в сочетании *мягкий характер* — в переносном. В сочетании *начертить круг* реализуется прямое значение слова *круг*, а в сочетаниях *круг друзей, круг интересов* — переносное.

Следует иметь в виду, что длительное употребление слова в переносном значении может привести к тому, что это значение перестает ощущаться говорящими как вторичное и как переносное. Связь его с прямым значением затемняется, и оно приобретает полную самостоятельность, несовместимость с первичным значением слова. Именно такова природа значений слов *ручка* 'приспособление для письма', *ножка* (*ножка стола*), *спинка* (*спинка стула*), *перо* 'инструмент для письма' и некоторых других.

Переносное значение — самый типичный вид вторичных лексических значений. Однако не всякое вторичное значение возникает в результате сравнения одного предмета с другим и последующего переноса наименования. Вторич-

ным может быть и такое значение, которое возникает путем расширения или сужения, специализации значения первичного, исходного. Например, слово *шар* в его исходном значении называет геометрическое тело — часть пространства, ограниченную сферой. В более широком смысле это слово обозначает предмет такой формы (например, *бильярдный шар, земной шар*). Слово *стенка* в исходном значении 'небольшая стена', а во вторичном, специализированном значении это слово обозначает боковую сторону какого-либо сосуда,местилища, углубления (*стенки стакана, желудка, колодца*).

Многозначное слово в каждом из своих значений обычно имеет определенные особенности в сочетании с другими словами в предложении, а также характеризуется различными словообразовательными связями.

Например, когда глагол *идти* используется в его прямом значении, необходимо указание направления или способа движения: *иду домой, идем пешком, медленно* и т. п. Если же говорят о часах, то указывают лишь характер действия, но не направление: *часы идут хорошо, плохо*. Нельзя сказать 'Часы идут домой'. В значении 'быть к лицу' этот глагол должен иметь обязательное дополнение в дательном падеже без предлога: *Платье вам идет*. В значении 'расходиться' *идти* употребляется с дополнением в винительном падеже с предлогом *на*: *На костюме идет три метра*.

Если мы говорим о глухом человеке, то его физический недостаток называем *глухотой*; если же речь идет о глухом согласном звуке, то употребляют другое название свойства — *глухость*. Прилагательному *глухой* в значениях, которые проявляются в сочетаниях *глухая стена, глухой лес*, не может соответствовать ни то, ни другое существительное: не говорят 'глухота стены', 'глухота леса', говорят *лесная глушь*.

Это пример разных словообразовательных возможностей слова в разных его значениях.

Перенос названия может основываться на сравнении двух объектов по сходству *ф о р м ы* (*полотно дороги, глазное яблоко*) или *ф у н к ц и и* (*дворник 'человек, следящий за чистотой двора' и дворник 'очистительное устройство на переднем стекле автомобиля'*), на пространственной *с м е ж н о с т и* предметов (ср.: *В классе было светло. — Весь класс дружно встал*); название может также переходить с части на целое (*Это светлая голова*) или с общего на частное (*машина* в значении 'автомобиль').

Рассмотрим каждое из этих явлений более подробно.

§ 60. Метафора

Перенос названия с одного предмета, действия, свойства на другие на основе сходства их признаков (формы, цвета, функции и т. п.) называется **м е т а ф о р о й** (от греч. *metaphora* 'перенос').

Примеры метафорических значений: а) *головка лука, глазное яблоко, иголки сосны* — перенос на основании сходства **ф о р м ы** предметов; б) *нос лодки, хвост поезда, шляпка гвоздя* — перенос на основании сходства **р а с п о л о ж е н и я** предметов; в) *дворник* 'очистительное устройство на переднем стекле автомобиля'; *электрическое полотенце, сторож* 'приспособление, предназначенное для того, чтобы удерживать в посуде кипящее молоко' — перенос на основании сходства **ф у н к ц и й** предметов.

Для многих метафорических переносных значений характерен **а н т р о п о м о р ф и з м**, т. е. уподобление свойств окружающего физического мира свойствам человека. Сравните такие примеры: *злой ветер, равнодушная природа, дыхание весны, «Река играет»* (название рассказа В. Г. Короленко), *поток бежит, вулкан проснулся* и т. п. С другой стороны, некоторые свойства и явления неживой материи переносятся в мир человека: *холодный взгляд, железная воля, каменное сердце, золотой характер, груз пережитого, копна волос, клубок мыслей* и т. п.

Метафоры бывают **о б щ е я з ы к о в ы е**, когда то или иное метафорическое значение слова употребляется широко и известно всем говорящим на данном языке (*шляпка гвоздя, рукав реки, черная зависть, железная воля* и под.), и **и н д и в и д у а л ь н ы е**, созданные писателем или поэтом, характеризующие его стилистическую манеру и не ставшие распространенными; ср., например, метафоры С. А. Есенина: *костер рябины красной, березовый язык рожи, ситец неба, зерна глаз* и др., метафоры, созданные Б. Л. Пастернаком: *лабиринт лиры, кровавые слезы сентября, поросли (дождевых) капель, вокзал — несгораемый ящик разлук и встреч, булки фонарей и пышки крыш* и т. п.

§ 61. Метонимия

Перенос названия с одного предмета на другие на основе **с м е ж н о с т и** этих предметов называется **м е т о н и м и е й** (от греч. *metonymia* 'переименование').

Метонимические переносные значения нередко образуются по определенным регулярным типам: 1) материал — изделие из этого материала (золото, хрусталь могут обозначать и изделия из этих материалов: *У нее в ушах золото; На полках — сплошной хрусталь* и т. п.); 2) сосуд — содержимое сосуда (*съел две тарелки, выпил стакан*); 3) автор — произведения этого автора (*читаю Пушкина, знал наизусть всего Некрасова*); 4) действие — объект действия (*вклейка страницы — Из книги выпала вклейка, издание книги — иллюстрированное издание*); 5) действие — результат действия (*сооружение памятника — монументальное сооружение, утолщение кости — твердое утолщение*); 6) действие — средство или инструмент действия (*замазка щелей — свежая замазка, крепление снастей — лыжные крепления, передача движения — велосипедная передача*); 7) действие — место действия (*выход из дома — стоять у выхода, остановка движения — автобусная остановка*); 8) растение — плод этого растения (*абрикос, груша, слива, малина, смородина* и др.; ср.: *яблоня, но яблоко*); 9) животное — мех или мясо животного (*котик, норка, песец, лиса* и др.; ср.: *Охотник поймал лису. — Это какой мех — песец или лиса?*); 10) орган тела — заболевание этого органа (*У него желудок; У вас что, печень или сердце?* — преимущественно в разговорной речи) и некоторые другие.

Подобные переносы названия с одного объекта на другой вследствие своей регулярности характерны не для отдельных слов, а для целых классов слов, обладающих определенным значением ('материал', 'действие', 'орган тела' и т. п.). Поэтому окказионально, в конкретных речевых обстоятельствах в метонимическом значении какого-либо из указанных типов может быть употреблено в принципе любое слово, принадлежащее данному семантическому классу; ср.: *Весь берег смеялся* — имеются в виду люди, находившиеся на берегу; *Голова прошла* (имеется в виду головная боль); *Целую банку съели* (имеется в виду, конечно, содержимое банки: варенье, мед и др.) и т. п. В словарях такого рода метонимические смещения значений у слов *берег, голова, банка* и под. обычно не отмечаются.

Одним из своеобразных видов метонимии является синекдоха. С и н е к д о х а (от греч. *synekdochē* 'соотношение') — способность слова называть и часть чего-либо, и целое. Например, слова *лицо, рот, голова* обозначают соответствующие части человеческого тела. Но каждое из них может употребляться для называния человека: *Посторон-*

ним лицам вход запрещен; В семье пять ртов; Коля — светлая голова.

Синекдоха может выражаться в употреблении единственного числа существительного для обозначения совокупности, множества: *Студент нынче не тот пошел* (в смысле 'студенты') и т. п. Это свойственно главным образом публицистической и разговорной речи.

Некоторые характерные признаки человека — борода, очки, принадлежности одежды и т. п. — часто используются для обозначения человека, для обращения к нему; особенно характерно такое употребление слов для разговорной речи. Например: *Эй, борода, куда путь держишь? Я стою вот за синим плащом* (= за человеком в синем плаще). Ср.: — *Это верно, что дорого, — вздыхают рыжие палтоны* (А. Чехов).

Прием употребления названия характерной детали вместо названия целого нередко используется для подчеркивания места человека в ряду ему подобных; в таком случае слово-синекдоха обычно имеет при себе определение: *первая скрипка, всемирно известный тенор, вторая ракетка страны* (скрипка здесь в значении 'скрипач', тенор — в значении 'человек, обладающий тенором', ракетка — в значении 'теннисист').

Примеры противоположного характера — употребление слов с обобщенным или родовым значением для называния единичного, конкретного — менее многочисленны и не столь разнообразны. Так, слово *машина* может употребляться в значении 'автомобиль' (вид машин): *ехать в машине*; слово *начальство* — в значении 'начальник': *Иванов, тебя начальство вызывает*; слово *защита* — в значении 'защитник': *Защита, у вас есть возражения?* (в речи судьи, при обращении к адвокату) и т. п. В наибольшей степени такое словоупотребление характерно для профессионально-жаргонной речи; ср., например, *металл* в значении 'золото' в речи старателей, *инструмент* для обозначения топора или стамески в речи плотников (*Не тупи инструмент!*), *товар* для обозначения конкретного вида товара в речи торговых работников и т. п.

§ 62. Актуальное, узуальное и потенциальное значения слова

Некоторые типы лексических значений характерны не вообще для лексики русского языка, а для некоторых клас-

сов слов или определенных грамматических форм слова. Так, у глагольных форм несовершенного вида и настоящего времени обнаруживаются разные типы лексических значений: **актуальное, узואальное и потенциальное.**

Помните, как звучит начало стихотворения А.С.Пушкина «Бесы»? Вот оно:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Перед нами разворачивается картина зимней ночной дороги, безлюдной, тревожной. То, что описывает Пушкин, происходит как бы на наших глазах, и это впечатление в значительной мере создается с помощью глагольных форм *мчатся, вьются, освещает, еду...*

Такие действия, которые происходят «прямо сейчас», в данный момент, принято называть **актуальными** (от лат. *actualis* 'действительный, действительный'). В повседневной жизни подобные действия совершаются на каждом шагу. Поэтому многие глаголы могут быть употреблены в актуальном значении: *Идет дождь; Поезд отправляется от перрона; Запираю дверь; Он поднимает голову и смотрит на вошедших* и т. п. В поэтических описаниях природы использование глагольных форм настоящего времени несовершенного вида как раз и создает «эффект присутствия»:

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

(Н. Некрасов)

Снуют пунцовые стрекозы,
Летят шмели во все концы,
Колхозницы смеются с возу,
Проходят с косами косцы.

(В. Пастернак)

Наиболее часто в актуальном значении употребляются глаголы, обозначающие физические действия и процессы. Но если те же глаголы (в указанных формах: настоящего времени и несовершенного вида) употребить в сочетании с наречиями *всегда, обычно, вечерами* и т. п., то они будут выражать иное, не актуальное значение. Фразы типа: *Горнист всегда идет в голове колонны; Поезд до Казани обычно отправляется от первой платформы; Она никогда не запирает дверь* — сообщают о некоем порядке вещей, о том, что события происходят (или не происходят) с некоторой регулярностью. Это можно выразить и без употребления указанных обстоятельственных слов (*всегда, обычно* и т. п.), в особенности если речь идет о явлениях, хорошо известных каждому. Глагол в этом случае обозначает не действие, а свойство того, что выражено относящимся к нему существительным: *Урожай убирают осенью; От нагревания тела расширяются, а от холода сжимаются; Волга впадает в Каспийское море* и т. п.

Такое значение глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени называется *узуальным* (от лат. *usus* 'употребление; обычай, обыкновение'). Оно широко представлено, например, в народных пословицах: *Цыплят по осени считают; Снявши голову, по волосам не плачут; Под лежащий камень вода не течет* и т. п. В наблюдениях за тем, что происходит в природе, в формулировках естественных законов, «философских истин» также привычны глагольные формы с этим смыслом: *Осенью птицы улетают на юг; На зиму медведь забирается в берлогу; Вода замерзает при температуре ноль градусов; Количество, при его непрерывном накоплении, переходит в качество* и т. п.

Некоторые глаголы имеют только это, узуальное значение, а в актуальном смысле употребляться не могут. Это, например, глаголы *жить, водиться, обитать, находиться*, глаголы движения с приставкой *при-* и некоторые другие. Нельзя сказать: * — *Смотри, он живет* или * *Я вижу, как он обитает*; не говорят: * — *Смотри, он приходит* или * — *Смотри, приносят почту* (ср. вполне правильное: — *Смотри, разносят почту*).

Если сравнить глаголы *есть* и *съесть*, то мы обнаружим следующее различие в их употреблении. *Есть* употребляется и в актуальном, и в узуальном значениях: — *Смотри, он ест твой бутерброд* (актуальное значение), *Он мало ест* (узуальное значение); глагол же *съесть* — только в узуальном: *За обедом Коля съедает два вторых и выпивает стакан компота* (нельзя сказать: * — *Смотри,*

он съедает твой бутерброд, т. е. выразить с помощью формы *съедать* актуальное значение).

Наряду с актуальным и узуальным значениями выделяют еще одно значение, в котором могут употребляться глаголы, — *п о т е н ц и а л ь н о е*: оно указывает по некоторую возможность или способность. Ср.: *Он поднимает восемьдесят килограммов*; эта фраза может быть понята и в актуальном смысле (*Он поднимает восемьдесят килограммов и уходит с помоста*), и в потенциальном: он способен, в состоянии поднять вес, равный восьмидесяти килограммам.

Глаголы, обозначающие физические и умственные способности человека и животных, технические характеристики машин, в форме настоящего времени и несовершенного вида чаще употребляются в потенциальном значении. Например: *Он переплывает эту реку туда и обратно без отдыха* (= может переплыть, так как не раз делал это); *Такие задачи она решает быстро*; *Машина тратит на одну операцию миллионные доли секунды*; *Такой генератор обеспечивает энергией несколько цехов*.

§ 63. Перформативы

Класс слов, который мы собираемся рассмотреть в этом параграфе, сравнительно немногочислен. Это глаголы, обозначающие речевые действия: *обещать, просить, клясться, обвинять, предлагать, приглашать, требовать* и некоторые другие.

В лексическом значении этих глаголов наблюдается одна особенность, проявляющаяся в определенных грамматических условиях: если такой глагол употребляется в 1-м лице единственного или множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения, то он не просто обозначает соответствующее действие — он *р а в е н* этому действию.

Если человек произносит фразу: — *Обещаю больше этого не делать*, то это и есть сам акт обещания; если он говорит: — *Приглашаю вас в гости*, то это и есть само приглашение; «*Клянусь я первым днем творенья, Клянусь его последним днем!*» (М. Ю. Лермонтов) — это не только слова клятвы, но и сама клятва; *Отказываемся от всех предложений* — это и есть сам отказ и т. д.

Сказать в таких случаях значит совершить поступок.

Глаголы, способные в указанных грамматических формах не просто обозначать действие, а быть самим действи-

ем, называются **перформативами** (от латинского глагола *performato*, который в средневековой латыни значил 'действую').

Глаголы других классов такой особенностью не обладают. Например, сказав: *Я варю суп* или *Я еду на велосипеде*, — говорящий может и не совершать соответствующих действий; иными словами, **произнесение** формы первого лица настоящего времени и **выполнение действия**, обозначаемого этой формой, необязательно совпадают по времени.

И сами перформативные глаголы, будучи употребленными в других грамматических формах, — например, в прошедшем или будущем времени, в иных лицах и наклонениях, утрачивают эту свою особенность: *Сестра пообещала мне больше этого не делать; Вы клянетесь, что будете говорить правду? Пригласили бы вы нас в гости; Требуйте своевременного выполнения заказа!* и т. п. Глагольные формы *пообещала, клянетесь, пригласили бы, требуйте*, употребленные в этих предложениях, лишь обозначают соответствующие речевые действия, но сами такими действиями не являются.

Описание актуального, узуального и потенциального значений, перформативного употребления некоторых глагольных форм свидетельствует о том, что лексическое значение определенных групп слов выражается не вполне свободно: его реализация связана с условиями контекста. Эти условия могут касаться грамматических форм слова, а также его сочетаемости с другими словами в составе предложения.

§ 64. Свободные и несвободные значения слова

Слово в речи всегда связано с другими словами. В одних своих значениях оно легко сочетается с любым словом данного грамматического класса; такие значения называются **свободными**. Подавляющее большинство значений слов, составляющих лексику данного языка, принадлежит к свободным значениям. Например, слова *земля, человек, книга, бежать, белый, хорошо, весело* и др. имеют свободные значения: при выражении этих значений возможны самые разнообразные словесные сочетания (*идти по земле, копать землю, упасть на землю, лежать на земле, ...; человек идет, читает, спит, бежит, ...; весело смеяться, смотреть, разговаривать* и т. п.).

Некоторые лексические значения слов выражаются не столь легко и свободно; в таком случае говорят о несвободных значениях. Выделяются три типа несвободных значений: фразеологически связанные, синтаксически обусловленные и конструктивно обусловленные.

Фразеологически связанным называется такое значение слова, которое реализуется в сочетании с определенным и при этом ограниченным кругом слов. Например, фразеологически связанным является значение прилагательного *буланый*: оно выражается только при сочетании этого прилагательного со словами *лошадь, конь, жеребец* и некоторыми другими названиями лошадей (но нельзя сказать «буланая корова» или «буланый автобус»). В художественном тексте законы сочетаемости подобных слов могут намеренно нарушаться — ради эффекта особой выразительности; ср. пример в произведении М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *К подъезду подкатила открытая буланая машина*. Фразеологически связанные значения у слов *суший* (*суший пустык, сушая безделица, чепуха, ерунда, сушая правда* и немногие другие, но не «суший вопрос», «сушая истина»), *скоропостижно* (*умереть, скончаться*, но, например, не «скоропостижно закончиться»), *потупить* (*глаза, взгляд, взор*), *разинуть* (*рот, пасть*), *расквасить* (*нос, губы*, но не «расквасить голову, коленку») и т. п.

Синтаксически обусловленным называется такое переносное значение слова, которое реализуется этим словом лишь в определенной синтаксической позиции. Так, слово *шляпа* помимо прямого значения «головной убор с тульей и обычно с полями» имеет переносное: «вялый, безынициативный человек, растяпа». Переносное значение выражается в том случае, если слово *шляпа* находится в составе именного сказуемого или, реже, является дополнением (*А ты — шляпа! Он всегда был шляпой*); если же слово *шляпа* выступает в роли другого члена предложения, например подлежащего, то переносное значение слова не может быть выражено (нельзя сказать: «Шляпа вошел в комнату»).

Подобные синтаксические ограничения действуют при переносном употреблении (применительно к человеку) слов *осел, медведь, слон, змея, дуб, пила* (*Ну и пила же у него жена!*) и под.

Конструктивно обусловленным называется такое значение слова, которое выражается только в определенной конструкции. Так, глагол *плакаться* выражает свое

значение лишь в сочетании с предложно-падежным сочетанием «на + существительное в винительном падеже»: *плакаться на свою судьбу, на свое положение*. У глагола *отозваться* одно значение является свободным (*Я крикнул, но никто не отозвался*), а другое, переносное, — конструктивно обусловленным: оно реализуется только в сочетаниях *отозваться на что* или *отозваться о ком-чем* (*Он живо отозвался на мою просьбу; Все отзывались о ней с восхищением*).

Существительное *тяжесть* при употреблении его в составе словосочетания *под тяжестью тела* имеет значение 'вес', которым в других контекстных условиях оно не обладает. Ср.: *Воробей сел на ветку, и под тяжестью его тела с ветки осыпался снег*. Существительное *возраст* при употреблении его в конструкции *быть в возрасте* имеет смысл 'значительный возраст' (только о человеке): *Она уже в возрасте* = 'Она в п о ж и л о м возрасте'. В других контекстных условиях слово *возраст* не имеет этого значения.

§ 65. Сочетаемостьные возможности слова

В предложении слова связаны друг с другом грамматически и по смыслу. Грамматические связи обеспечивают грамматическую правильность предложения. Смысловые связи делают предложение правильным семантически. Различают два типа смысловых связей слов друг с другом: семантическая сочетаемость и лексическая сочетаемость.

Семантическая сочетаемость слова — это его способность вступать в сочетания с целыми классами слов, объединяемых общностью смысла. Например, глаголы *думать, полагать, радоваться, смеяться, грустить* и многие другие описывают различные состояния ч е л о в е к а; значит, и сочетаться они могут лишь с такими словами, которые обозначают человека (это и есть один из семантических классов): *мальчик, старик, прохожий, врач, учительница* и т. п. Слова, относящиеся к семантическому классу неодушевленных предметов или к классу «животные», с этими глаголами сочетаться не могут (нельзя всерьез сказать: «шкаф задумался», «коза грустит» и т. п.).

Лексическая сочетаемость слова — это его способность вступать в сочетания не с любым словом данного семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом 'совокупность животных': *стадо, табун, стая, свора, косяк*

и т. п. Названия животных сочетаются с этими словами избирательно: *табун лошадей, стадо коров, стая птиц, свора собак, косяк рыбы* (но нельзя сказать: «стадо лошадей», «табун птиц», «свора коров» и т. д.).

Столь же избирательна, лексически обусловлена сочетаемость слов, обозначающих виды продуктов, плодов, растений, со словами, входящими в семантический класс 'типичное количество' чего-либо. Ср.: *щепотка соли, горсть орехов, пучок моркови, букет цветов* (употребить одно количественное слово вместо другого здесь невозможно; нельзя сказать: «щепотка орехов», «горсть моркови» и т. п.).

Лексически ограничена сочетаемость глаголов *производить, совершать, проводить, оказывать* с существительными, обозначающими действие; можно сказать: *производить осмотр, совершать нападение, проводить собрание, оказывать помощь*, но не говорят: «производить помощь», «оказывать осмотр», «совершать собрание» и т. п.

Лексически обусловленная сочетаемость слова порождает так называемые идиоматичные (от греч. *idiōta* 'своеобразие') выражения данного языка, особенно трудные для усвоения теми, кто изучает этот язык как иностранный.

§ 66. Омонимы

Слова, совпадающие по форме, но не имеющие ничего общего по смыслу, называются омонимами (от греч. *homos* 'одинаковый', *onoma* 'имя'). Примеры омонимов: *лук*¹ 'растение' и *лук*² 'оружие для метания стрел', *бор*¹ 'сосновый лес' и *бор*² 'стальное сверло', *клуб*¹ 'сгусток дыма или пыли' и *клуб*² 'учреждение культуры'.

ТИПЫ ОМОНИМОВ

Различают полную и частичную омонимию. Слова, совпадающие друг с другом во всех своих формах, называются полными омонимами. Пары приведенных выше слов — это пары полных омонимов. Слова, у которых совпадает часть грамматических форм, называются частичными омонимами. Так, слова *завод*¹ 'промышленное предприятие' и *завод*² 'приспособление для приведения в действие механизма' совпадают в падежных формах единственного числа; формы же множественного числа имеет только *завод*¹ (ср.: *заводы и фабрики, металлургические заводы*), а *завод*² во множественном числе не употребляется.

От лексических омонимов, полных и частичных, следует отличать другие виды омонимии:

1) **фонетическую** — совпадение слов только по звучанию (*пруд — прут, везти — вести, код — кот, рог — рок, бал — балл* и т. п.); такие слова называются **омофо́нами**;

2) **графическую** — совпадение слов только по написанию, но звучащих по-разному: *за́мок — замо́к, па́рить (белье, овощи) — па́рить (в облаках), вы́читать (в книге) — вычи́тать (из одного числа другое), атлас (географический) — атла́с (вид ткани)*; отсутствие точек над *ё — все, мел, Лене* и под.; такие слова называются **омо́графами**;

3) **морфологическую** — совпадение слов, принадлежащих разным частям речи, в одной или нескольких формах: *три* (числительное) — *три* (повелительное наклонение глагола *тереть*), *печь* (глагол) — *печь* (существительное), *простой* (прилагательное) — *простой* (существительное), *корма* (задняя часть судна) — *корма* (мн. число слова *корм*) и т. п.; такие слова называются **омофо́рмами**.

Омонимии слов и форм слова нередко квалифицируют как помеху в языковом общении. В самом деле, услышав (или увидев написанными) слова *клуб* и *простой*, мы можем не понять, идет ли речь о клубе дыма или об учреждении культуры, о простоте чего-либо или о простом вагоне. Однако в естественной речи слова редко употребляются изолированно — обычно они сочетаются с другими, образуя контекст. По контексту же легко догадаться, какой смысл имеется в виду: *Этот фильм идет в клубах и домах культуры. — В клубах дыма блеснул огонь; Это совсем простой пример. — За простой вагонов взимается штраф.*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОМОНИМИИ И МНОГОЗНАЧНОСТИ

Омонимия отличается от многозначности тем, что разные значения одного слова сохраняют некоторую общность, что обнаруживается в толкованиях этих значений; у омонимов же значения не содержат ничего общего.

Вот, например, толкование разных значений глагола *заводить* (по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова): 1. *Ведя (то есть заставляя д в и г а т ь с я), доставлять куда-нибудь мимоходом, по пути. З. детей в школу.* 2. *Ведя, направлять куда-нибудь очень далеко, не туда, куда следует. З. в болото. Такие рассуждения могут далеко завести.* 3. *Оттаскивая в сторону конец чего-нибудь, ставить. З. невод.* 4. *Устраивать,*

организовать. 3. *новые порядки* (то есть делать так, чтобы новые порядки начали иметь место). 5. Приобретать, обзаводиться чем-нибудь (то есть начинать иметь). 3. *собаку*. 6. Начинать что-нибудь (что обозначается существительным). 3. *разговор*. 3. *знакомство*. 7. Приводить в движение, пускать в ход (механизм). 3. *часы*. 3. *мотор*.

В этих разных значениях обнаруживаются общие для них смысловые компоненты: 'движение' и 'начинать'. Ничего похожего нельзя найти в толкованиях омонимов. Ср.: *Завод*¹ — промышленное предприятие с механической обработкой сырья, а также крупное промысловое предприятие. *Металлургический з.* *Маслобойный з.* *З.-автат.* — *Завод*² — приспособление для приведения в действие механизма. *Часовой з.* *Игрушка с заводом* (по словарю С. И. Ожегова).

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОМОНИМОВ

Лексические омонимы возникают в результате различных процессов, происходящих в языке:

1) в результате совпадения по форме слова исконного и слова заимствованного: *клуб* (*дыма*) — исконное, родственное таким словам, как *клубиться*, *клубок*, *клубень*; *клуб* 'учреждение' заимствовано из английского языка (*club*); *лейка* 'приспособление для полива растений в огороде'; *лейка* 'тип фотоаппарата' заимствовано из немецкого языка; *брак* (супружество) — исконное, родственное глаголу *братъ*; *брак* 'дефект в работе' заимствовано из немецкого языка;

2) в результате совпадения по форме слов, заимствованных из разных языков или из одного языка, но в разных значениях: *рейд* 'набег' (из английского) — *рейд* 'водное пространство в гавани' (из голландского), *балка* 'овраг' (из тюркских языков) — *балка* 'толстый брус' (из немецкого), *фокус* (оптический — из латинского) — *фокус* 'трюк' (из немецкого); *нота* (музыкальная) и *нота* 'дипломатический документ' — оба омонима заимствованы из латинского языка, *мотив* 'мелодия' и *мотив* 'причина' — из французского языка и т. п.;

3) в результате расхождения значений многозначного слова в процессе его исторического развития; так, слова *завод*¹ и *завод*² восходят к общему источнику — глаголу *заводить* (*завод* 'промышленное предприятие' первоначально означало 'то, что учреждено, заведен о'); слово *живот* в древнерусском языке имело значения 'жизнь', 'часть тела', и в старом значении 'жизнь' это слово сохранилось в выражении (*биться*) *не на живот, а на смерть*;

4) в результате фонетических и морфологических процессов, происходящих в языке, или изменений в орфографии слов: *лук*¹ 'растение' в древнерусском языке имело форму *лоукъ*, а *лук*² 'оружие' — форму *ажкъ* (ж — «юс большой»); *мир*¹ 'вселенная' писалось через *и*, а *мир*² 'покой, тишина' — через *і* (*мір*; именно это, второе, слово *мир* — в названии романа Л. Н. Толстого «Война и мир»);

5) в результате словообразовательных процессов, в частности путем присоединения к одной и той же основе аффиксов с разными значениями; ср.: *задуть*¹ 'начать дуть' и *задуть*² 'погасить' (*Задул северный ветер. — Я задул свечу*), *перекрыть*¹ 'покрыть заново' и *перекрыть*² 'закрыть для движения' (*перекрыть крышу — перекрыть шоссе*).

§ 67. Паронимы

П а р о н и м ы — это слова, близкие по звучанию и строению, но имеющие разный смысл (от греч. *para* 'около' и *onyma* 'имя'). Обычно паронимами бывают слова, образованные от одного корня с помощью разных аффиксов. Например: *надеть* — *одеть*, *представить* — *предоставить*, *экономный* — *экономичный* — *экономический*, *сыто* — *сытно* и т. п.

Близость паронимических слов по звучанию и общность в них корня — источник ошибок в их употреблении. Хотя значат паронимы разное, в речи они иногда смешиваются. Так, говорят «одел пальто» вместо *надел пальто*. Между тем глаголы *надеть* и *одеть* различаются по смыслу следующим образом: надевают ч то, а одевают к о г о (*надеть пальто, шапку — одеть ребенка, больного*). На этом примере видно, что паронимы различаются не только по смыслу, но и по сочетаемости с другими словами. По разнице в сочетаемости можно разграничивать значения слов-паронимов.

Паронимы можно различать также по тем синонимическим соответствиям, которые есть у каждого из членов паронимической пары или паронимического ряда. Эти соответствия обычно не совпадают. Например, прилагательному *экономный* в таких сочетаниях, как *экономный хозяин*, соответствует близкое по смыслу *рачительный*, прилагательному *экономичный* (*экономичный способ литья*) — слово *выгодный*, прилагательному *экономический* — слово *хозяйственный* (ср.: *экономическая жизнь страны — хозяйственная жизнь страны; экономический кризис — хозяйственный кризис*).

От явления паронимии, существующего объективно, вследствие близости слов в их звуковом облике и морфологическом строении, следует отличать паронимазию (от греч. *para* 'около' и *onomazein* 'называю').

Паронимазия — это стилистический прием, заключающийся в намеренном сближении слов, сходных по звучанию или строению. При этом в одном контексте могут соседствовать как слова, родственные по морфологической структуре, так и слова, объединяемые на основании случайного сходства, созвучия. Например:

Служить бы рад — прислуживаться тошно (А. Грибоедов); *Одно дело — слушать, А другое — слышать* (М. Цветаева); *Из года в год негодная погода* (Л. Мартынов); *Достигается потом и опытом Безотчетная неба игра* (О. Мандельштам).

Паронимазия представлена главным образом в поэзии, а также в разных жанрах фольклора — пословицах, скороговорках, зачинах сказок и т. п. Например: *Мороз невелик, а стоять не велит; Карл украл у Клары коралл, а Клара у Карла украла кларнет; Жили-были старик со старухой.*

§ 68. Синонимы

Синонимы (от греч. *synonymos* 'одноименный') — слова, принадлежащие к одной и той же части речи, которые звучат и пишутся по-разному, а по смыслу тождественны или очень близки.

Примеры синонимов: *миг — момент, бранить — ругать, огромный — громадный, напрасно — зря, возле — около*. Синонимичными могут быть не только пары слов, но и целые ряды, например: *метель, метелица, вьюга, пурга, буран; кратко, коротко, сжато, лаконично, вкратце* и т. п.

ТИПЫ СИНОНИМОВ

Слова, которые тождественны по смыслу, называются **полными синонимами**. Примеры полных синонимов: *бросать — кидать, глядеть — смотреть, прекращаться — переставать, забастовка — стачка, подлинник — оригинал (рукописи, картины), одинаковый — тождественный, везде — всюду* и т. п.

Слова, которые близки, но не тождественны по смыслу, называются **неполными синонимами** или **квази-**

синонимам и (от лат. *quasi* 'почти, приблизительно'). У неполных синонимов значения совпадают в основном, а в частностях они могут различаться. Между квазисинонимами могут быть отношения включения и пересечения. Если значение одного из синонимов полностью «вкладывается» в значение второго и при этом в значении второго имеются еще некоторые смысловые компоненты, то между такими синонимами — отношение включения. Например, слова *нападение* и *агрессия* соотносятся именно таким образом: всякая агрессия является нападением, но не всякое нападение можно назвать агрессией (например, в словосочетании *нападение грабителей на прохожего* слово *нападение* нельзя заменить словом *агрессия*). Между этими квазисинонимами — отношение включения. Тем же самым отношением характеризуются пары слов *резать* — *кромсать*, *болеть* — *саднить*, *нести* — *тащить*, *высокий* — *рослый* и т. п.

Если значения квазисинонимов имеют общую часть и, кроме того, значение каждого из них отличается какой-то особенностью, то говорят о пересечении их смыслов. Так, *остричь* значит 'с помощью специального инструмента снять все волосы', *постричь* 'с помощью специального инструмента снять часть волос', *подстричь* 'с помощью специального инструмента снять немного волос'. *Жадный* значит 'одержимый страстью захватывать чужое', *скупой* 'одержимый страстью не отдавать свое'.

Не будучи вполне тождественными по смыслу, квазисинонимы часто различаются и по стилистической окраске: одни из них могут быть стилистически нейтральными, другие — книжными, третьи — сниженными (разговорными или просторечными). Нередко различие в стилистической окраске вызывается несходством в значениях. Например, в ряду слов *очи* — *глаза* — *гладельки* первое слово имеет высокую стилистическую окраску, второе (*глаза*) нейтрально, а третье (*гладельки*) принадлежит к стилистически сниженной лексике. Однако между этими словами есть и смысловые различия: *очами* можно назвать лишь большие, красивые глаза, *гладельками* — напротив, глаза маленькие или некрасивые, а средний член синонимического ряда, слово *глаза*, годится для всех случаев, когда необходимо обозначить орган зрения.

Стилистически нейтральный и наиболее общий по смыслу член синонимического ряда обычно осознается как главное слово в этом ряду. Его называют *доминантой* (от лат. *dominans* 'господствующий'). Таков, например, глагол *упасть* среди синонимичных ему слов (большинство

из них имеет разговорную или просторечную окраску): *упасть, свалиться, бухнуться, шлепнуться, бражниться, грохнуться, хлопнуться, трахнуться, полететь, ухнуть, загреметь* и др.

Синонимичным данному слову может быть не только другое слово (или другие слова), но и фразеологический оборот. Например: *бездельничать* — *бить баклуши, обманывать* — *водить за нос или втирать очки, умереть* — *сыграть в ящик, дать дуба* и т. п. Как правило, второй член в таких синонимических парах (фразеологический оборот) ярко окрашен, экспрессивен.

Многозначные слова нередко входят не в один, а в несколько синонимических рядов: в каждом из таких рядов слово участвует только одним своим значением. Так, слово *низкий* в значении 'малый по высоте' синонимично слову *невысокий*, квазисинонимично словам *приземистый, низкорослый, малорослый* (о человеке); в значении 'относящийся к нижнему звуковому регистру' составляет синонимический ряд со словами *густой, басовитый, басистый* (например, о голосе); в значении 'неудовлетворительный по качеству' слову *низкий* синонимично прилагательное *плохой* (ср.: *Продукты низкого качества. — Продукты плохого качества*); при обозначении определенного свойства человека *низкий* вступает в синонимические отношения со словами *подлый, бесчестный* и др.

Глагол *рассматривать* в прямом своем значении синонимичен глаголу *разглядывать* (*рассматривать брошку* — *разглядывать брошку*), а в переносном — глаголу *разбирать* (*рассматривать жалобу* — *разбирать жалобу*); глагол *писать* в значении 'изображать буквами на бумаге' квазисинонимичен глаголам *строчить, катать, царапать* (эти глаголы имеют более узкое значение, чем *писать*, и, кроме того, эмоционально окрашены), в значении 'создавать художественное произведение' этот глагол близок к слову *сочинять* (*Он написал новое стихотворение. — Он сочинил новое стихотворение*), а в значении 'создавать произведения изобразительного искусства' — к глаголу *рисовать* (*писать портрет* — *рисовать портрет*).

Синонимы и квазисинонимы могут различаться по своей сочетаемости с другими словами. Так, слова *коричневый* и *карий*, обозначая один и тот же цвет, имеют резко различную сочетаемость: прилагательное *коричневый* свободно связывается с названиями любых предметов (*коричневый карандаш, коричневые туфли, коричневое пальто* и т. п.), а прилагательное *карий* употребляется только для

обозначения цвета глаз. Дождь или снег могут *прекращаться* или *переставать*, а занятия, игры, уроки — только *прекращаться* (нельзя сказать: «Занятия перестали»). *База, основание, фундамент* являются синонимами в их переносных смыслах: *служить, быть базой (основанием, фундаментом) теории, гипотезы, учения* и т. п. Однако можно сказать: *Эта концепция положена в основу (в основание) новой теории* (но нельзя: «положена в фундамент, в базу теории»). Прилагательные *большой* и *высокий* в равной мере могут характеризовать рост человека: можно сказать и *большого роста*, и *высокого роста*, но в сочетании со словами *длина, высота, ширина, глубина* и т. п. возможно только слово *большой* (*большой длины*, но не «высокой длины» и т. п.).

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИНОНИМОВ

Синонимы возникают в результате различных процессов, протекающих в языке.

1. В результате «расщепления» одного лексического значения на два и более, т. е. в результате превращения однозначного слова в многозначное новое, развившиеся значения могут синонимизироваться со значениями других слов, существующих в данном языке. Так, в послереволюционное время у слова *прослойка* помимо прямого значения «тонкий слой, полоска между слоями чего-нибудь» (*прослойка крема в пирожном*) развилось переносное «общественная группа, часть общества, организации, отличающаяся какими-либо особенностями». В этом новом значении слово *прослойка* вступило в синонимические отношения со словами *группа, слой*. Глагол *перековаться* приобрел переносное значение «изменить свой образ мыслей и поведение в результате воспитания или самовоспитания» и стал близок по смыслу к таким глаголам, как *перевоспитаться, переделаться, преобразиться*. Существительное *участок*, развившее значение «область или отрасль какой-либо деятельности» (*На этом участке у нас отставание*), стало сближаться с такими словами, как *сфера, область, отрасль*.

2. В результате того, что разные значения одного слова разошлись и потеряли связь друг с другом, у каждого из возникающих таким путем омонимов появляются свои синонимические ряды. Так, слова *лавка*¹ (= скамья) и *лавка*² (разновидность торгового предприятия) некогда были единым словом. В современном же языке каждый из этих омонимов имеет собственные синонимические связи: *лавка*¹ — скамья, скамейка, *лавка*² — магазин — ларек — палатка

(в одном из значений этого слова). Прилагательное *лихой*, уже в древнерусском языке имевшее несколько значений, постепенно стало обозначать два совершенно различных качества: 1) 'плохой' (*лихая година*) и 2) 'смелый' (*лихой рубака*). Возникшие таким образом омонимы *лихой*¹ и *лихой*² входят в разные синонимические ряды: *лихой*¹ — *злой, тяжкий* (ср. такие несколько устаревшие словосочетания, как *лихой человек, лихая болезнь, лихое время*); *лихой*² — *смелый, удалой, молодецкий*. (Об истории развития противоположных значений слова *лихой* см. ниже, § 70.)

3. В результате заимствования иноязычных слов, близких по смыслу к исконным, могут возникать синонимические пары и ряды слов, в особенности на первоначальном этапе освоения иноязычного слова, когда оно еще не вполне определилось семантически и не размежевалось по значению со словами, уже существовавшими в языке. Так, в русском языке XVIII–XIX вв. слова *страх* и *паника*, *уют* и *комфорт* и некоторые другие составляли синонимические пары; в современном языке такими парами являются слова *область* и *сфера*, *всеобщий* и *глобальный*, *предварительный* и *превентивный*, *преобладать* и *превалировать* и др.

4. В результате словообразовательных процессов в языке могут появляться пары и даже целые ряды однокоренных синонимов. Например: *копание* — *копка*, *замораживание* — *заморозка*, *пилотирование* — *пилотаж*, *хронометрирование* — *хронометраж*, *гранение* — *огранка*, *оснащение* — *оснастка* и т. п.

5. В результате присоединения приставки *не-* к одному из членов антонимической пары (см. § 70), состоящей из двух качественных прилагательных или наречий, эта пара может преобразоваться в пару слов-синонимов: *низкий* — *высокий* → *низкий, невысокий*; *маленький* — *большой* → *маленький, небольшой*; *широховатый* — *гладкий* → *широховатый, негладкий*; *редко* — *часто* → *редко, нечасто* и т. п. В парах антонимов, принадлежащих к другим частям речи, подобное преобразование возможно лишь изредка, при наличии готовых слов с приставкой *не-*. Сравните примеры существительных: *враг* — *друг* → *враг, недруг*; *болезнь* — *здоровье* → *болезнь, нездоровье*; *беспорядок* — *порядок* → *беспорядок, непорядок*; в глаголах подобная синонимия может быть получена присоединением к одному из глаголов отрицательной частицы (не приставки!) *не*: *бодрствовать* — *спать* → *бодрствовать, не спать*; *промахнуться* — *попасть* → *промахнуться, не попасть*; *нарушать* — *соблюдать* (*правила*) → *нарушать, не соблюдать* (*правила*) и т. п.

Синонимы — это богатство языка. Чем более развита в языке система синонимических средств, тем полнее возможности *п е р и ф р а з и р о в а н и я* — выражения одной и той же мысли разными способами (от греч. *peri* 'около, вокруг, возле').

Например, о ласточке можно сказать, что она *вылетела* из гнезда, а можно — *выпорхнула* (но к большой и тяжелой птице, скажем к орлу, глагол *выпорхнуть* неприменим). О человеке большого веса можно сказать и *полный*, и *толстый*, и *грузный*, при этом в каждом из синонимических прилагательных свой оттенок смысла, подчеркивающий то объем (*полный*), то форму (*толстый*), то вес (*грузный*). Такой человек может *сесть* или *опуститься* на стул, а может и *плюхнуться*; в дверь он не *входит*, а *втискивается* или *протискивается*, голос его может *звучать*, *греметь*, *рокотать* (если это бас), *гудеть*, *сипеть* и т. д.

Особенно велики перифрастические возможности синонимов в составе словосочетаний и предложений. Ср. такие примеры: *редко пользоваться чем-либо* — *редко использовать что-либо* — *почти не пользоваться чем-либо* (*не использовать что-либо*); *Это рядом с моим домом* — *близко к моему дому* — *в двух шагах от моего дома*; *Он нехотя пошел в магазин.* — *Он с неохотой поплелся (потацился) в магазин* и т. п.

Синонимы позволяют избегать в связной речи одинаковых слов и оборотов и в то же время сохранять нужный смысл; ср.: *К зиме строительство должно быть закончено. Завершены будут и отделочные работы.*

Необходимость разнообразить лексику особенно настоятельна при передаче на письме прямой речи, диалога. Недопустимо в этом случае пользоваться только одним глаголом *сказать* (*говорить*) — его можно чередовать с такими глаголами, как *произнести*, *промолвить*, со словами, обозначающими способ или манеру говорения: *прошептать*, *пробормотать*, *прошамкать*, *крикнуть*, *закричать* и т. п. — или же выражающими чувства говорящего: *удивляться*, *изумляться*, *недоумевать*, *огорчаться* и т. п.

Ср. такие примеры (они взяты из кн.: *К а л и н и н А. В. Лексика русского языка.* — М., 1966):

— Когда ты думаешь вернуться? — *спросил* Кессельман у Осипова.

— Разве и Осипов едет? — *удивился* я.

- Еду, — спокойно сказал одному мне инспектор...
- Через неделю начнем забой, — произнес Кессельман...
- Есть чего будете? — спросил запасливый Егор.
- Прокормимся, — подмигнул мне инспектор...
- Мне как-то не по душе этот босаяцкий способ существования, — сознался я...
- Отсталые представления, — пояснил Егор...
- До Питера проживем! Собирайтесь, — заключил Осипов (И. Лиходеев);
- Только что на этом месте стояла моя ладья! — закричал одноглазый...
- Это возмутительно! — заорал одноглазый.
- Товарищи! — заверещал одноглазый...
- Держите грессмейстера! — ревел одноглазый (И. Ильф и Е. Петров).

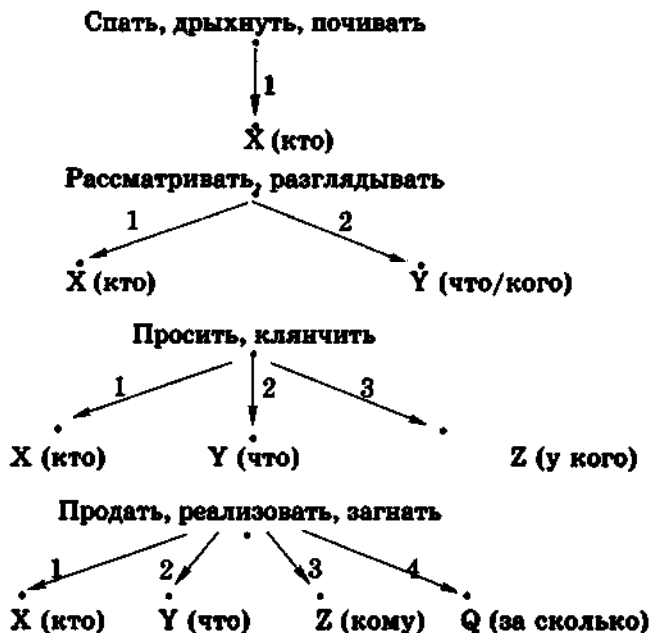
Основное назначение синонимов — делать речь выразительной, гибкой, передавать тонкие оттенки смысла, точно называть близкие, но все же различающиеся явления, свойства, признаки. Ср. синонимы и квазисинонимы в следующих примерах: *Белинский был образованнее всех своих товарищей (не учение, а именно образованнее)* (И. А. Гончаров); *Старику захотелось важных, серьезных мыслей; хотелось ему не просто думать, а размышлять* (А. П. Чехов); *Сияло солнце, вздыхала степь, блестя трава в бриллиантах дождя, и золотом сверкала река* (М. Горький); *Александр Иванович не ел, а питался. Он не завтракал, а совершал физиологический процесс введения в организм должного количества жиров, углеводов и витаминов* (И. Ильф и Е. Петров).

§ 69. Конверсивы

Среди синонимов, рассмотренных нами в предыдущем параграфе, можно выделить большой класс **п р е д и к а т н ы х** слов (см. § 54), которые имеют определенную **а к т а н т н у ю** **с т р у к т у р у** (§ 55). Важно подчеркнуть, что предикатные слова-синонимы имеют **о д и н а к о в у ю** **а к т а н т н у ю** **с т р у к т у р у**: одно и то же число «мест» соответствует одним и тем же валентностям слова. Например, *спать, дрыхнуть и почитать* имеют по одному актанту, выражающему субъектный смысл (кто спит, дрыхнет, почитает). Актантная структура глаголов *рассматривать* (в прямом его значении) и *разглядывать* содержит два актанта: на первой

валентности — субъект, на второй — объект (ср.: *Мальчики рассматривали (разглядывали) диковинного жука*). *Просить* и *клянчить* — примеры трехактантных глаголов: кто просит (клянчит) что у кого. *Продать, реализовать* и полужаргонное *загнать* — четырехактантные предикатные слова (кто продал (реализовал, загнал) что кому и за сколько).

Схемы, изображающие актантную структуру, у предикатных слов-синонимов одинаковы. Ср.:

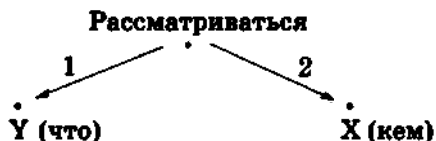
Сравним теперь глагольные формы *рассматривать* и *рассматриваться* в контекстах типа: *Комиссия рассматривает жалобы*. — *Жалобы рассматриваются комиссией* (так называемые активная и пассивная конструкции; см. раздел «Категория залога» в § 227). Они обозначают одну и ту же ситуацию, но как бы с разных точек зрения. В первом предложении сообщается, что комиссия занимается именно жалобами (а не чем-либо другим), а во втором — что жалобы находятся на рассмотрении именно комиссии (а не кого-либо еще).

Этой разнице в логических акцентах, выражаемых глагольными формами *рассматривать* и *рассматриваться*, соответствует различие их актантных структур: хотя число актантов у них одно и то же (два: тот, кто рассматривает, и то, что рассматривают), у глагольной формы *рассматривать*

первая валентность заполнена актантом, обозначающим субъект действия, а вторая — актантом, обозначающим объект действия:

У глагольной формы *рассматриваться* порядок актантов обратный: актанты как бы меняются местами (по сравнению с глаголом *рассматривать*):

Такие соотносительные актантные структуры, различающиеся содержанием одних и тех же валентностей, называются **о б р а щ е н н ы м и**. Обращенные актантные структуры характерны для пар слов, которые называются **к о н в е р с и в а м и**. Конверсивы — это предикатные слова, обозначающие одну и ту же ситуацию, но подчеркивающие в этой ситуации разные стороны и поэтому имеющие обращенную актантную структуру (сам термин «конверсивы» происходит от латинского глагола *convertere* ‘обращать, поворачивать’).

Глагольные формы *рассматривать* и *рассматриваться* — примеры конверсивов.

Конверсивы имеют в своей актантной структуре не менее чем два актанта: только в этом случае возможно **о б р а щ е н и е** актантных структур — смена актантными смыслами своих валентностей.

ТИПЫ КОНВЕРСИВОВ

Пары глагольных форм действительного и страдательного залогов (*рассматривать* — *рассматриваться*, *изучать* — *изучаться*, *наполнять* — *наполняться*, *строить* — *строиться* и т. п.) — одна из широко распространенных в русском языке разновидностей конверсивов. Их называют **г р а м м а т и ч е с к и м и** конверсивами, поскольку члены таких пар представляют собой грамматические формы одного слова. С помощью грамматических конверсивов одни

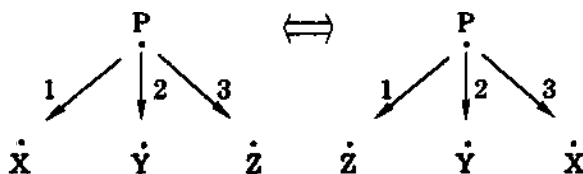
конструкции «обращаются» в другие с сохранением общего значения, но с подчеркиванием какой-то одной стороны описываемой ситуации; ср.: *Рабочие строят дом.* — *Дом строится рабочими*; *Вода наполняет бассейн.* — *Бассейн наполняется водой* и т. п.

Иногда конверсность значений возникает из-за различий в морфологической структуре однокоренных слов, например из-за разных приставок: *выиграть* — *проиграть* («Спартак» *выиграл* последний матч у «Динамо». — «Динамо» *проиграло* последний матч «Спартаку»). Но гораздо чаще конверсивы представляют собой разнокоренные слова. Например: *давать* — *брать* (Он *дает* мне уроки музыки. — Я беру у него уроки музыки), *входить* — *вмещать* (В цистерну *входит* сорок тонн нефти. — Цистерна *вмещает* сорок тонн нефти), *продать* — *купить* (Старик *продал* нам мешок картошки за сто рублей. — Мы *купили* у старика мешок картошки за сто рублей) и т. п.

В соответствии с различиями в актантной структуре конверсивов различают двухместные, трехместные и четырехместные конверсивы (актантные структуры с большим числом мест, способные подвергаться конверсным преобразованиям, чрезвычайно редки).

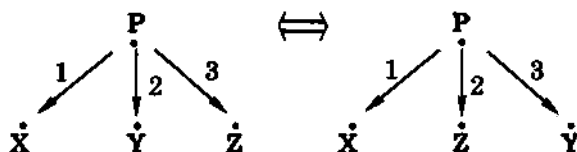
Двухместные конверсивы: большая часть глагольных пар действительного и страдательного залога (типа *рассматривать* — *рассматриваться*); *содержать* — *составлять* (Книга *содержит* восемь глав. — Восемь глав *составляют* книгу), *иметь* — *быть* (Он *имел* все необходимое. — У него *было* все необходимое), *вмещать* — *входить* (пример см. выше) и т. п.

Трехместные конверсивы: (а) конверсия первого и третьего актантных мест:

одолжить — *занять* (Он (X) *одолжил* мне (Z) *двести* рублей (Y). — Я (Z) *занял* у него (X) *двести* рублей (Y)); *снимать* — *сдавать* (Во время учебы в университете студент (X) *снял* комнату (Y) у одной старушки (Z). — Одна старушка (Z) *сдавала* студенту (X) комнату (Y), когда он учился в университете);

(б) конверсия второго и третьего актантных мест:

сообщать — информировать (*X сообщает Y Z.* — *X информирует Z об Y*); вынести — освободить (*X вынес Y из Z.* — *X освободил Z от Y*: *Рабочие (X) вынесли мебель (Y) из комнаты (Z).* — *Рабочие (X) освободили комнату (Z) от мебели (Y)*).

Конверсивами могут быть не только глаголы, но и слова других частей речи, принадлежащие к предикатной лексике, т. е. имеющие актантную структуру, и при этом их актантная структура содержит не менее чем две актантные валентности: отглагольные существительные (*выигрыш — проигрыш, купля — продажа*) и существительные, словообразовательно не связанные с глаголами (*причина — следствие*; ср.: *Лень — причина всех его неудач.* — *Все его неудачи — следствие его лени*), прилагательные сравнительной степени (*старше — моложе, легче — тяжелее*: *Брат старше меня на два года.* — *Я моложе брата на два года*; *Железо легче свинца.* — *Свинец тяжелее железа*), союзы (*потому что — поэтому*: *Он не поехал в командировку, потому что заболел.* — *Он заболел, поэтому не поехал в командировку*), предлоги (*под — над, перед — после*: *Под горой — озеро.* — *Над озером — гора*; *Перед обедом — прогулка.* — *После прогулки — обед*).

Конверсивы — важное языковое средство: с их помощью мы можем преобразовывать одни высказывания в другие, сохраняя смысл и расставляя необходимые логические акценты на тех частях высказывания, которые нам важно выделить, подчеркнуть, усилить.

§ 70. Антонимы

Слова, принадлежащие к одной и той же части речи и имеющие противоположные значения, называются **антонимами** (от греч. *anti* 'против' и *онима* 'имя'). Например: *горячий — холодный, горе — радость, враг — друг, мало — много, всегда — никогда*.

Антонимами могут быть лишь те слова, которые обозначают степень признака (например: *тихий — громкий, тяже-*

лый — легкий), противоположно направленные действия (*подниматься — опускаться, выходить — входить*), точки пространства и времени, расположенные как бы на разных полюсах пространственной и временной шкалы (*верх — низ, поздно — рано*). Слова, которые обозначают конкретные предметы, не имеют антонимов (*шкаф, бумага, варенье*).

Антонимические отношения в наибольшей степени свойственны качественным прилагательным и наречиям, в меньшей — существительным и глаголам (главным образом тем, которые содержат в своих значениях качественный признак). Противопоставляются как антонимы некоторые предлоги: *в — из (в комнату — из комнаты), к — от (к берегу — от берега), без — с (без друзей — с друзьями)* и некоторые другие.

Основой противопоставления слов-антонимов служат общие смысловые компоненты в их значениях. Иначе говоря, антонимичными могут быть признаны только такие значения, которые не просто различны, а с о о т н о с и т е л ь н ы и при этом п р о т и в о п о л о ж н ы друг другу. Так, признаки *тяжелый* и *легкий* характеризуют предметы по весу. Этот смысловой компонент — 'вес' — и является общим для значений обоих прилагательных: в первом приближении *тяжелый* можно истолковать как 'большой по весу', а *легкий* — как 'небольшой по весу'. Ср.: *тяжелый — зеленый, легкий — сухой*, где такого общего компонента нет, поэтому нет и основания для антонимии. Признаки *горячий* и *холодный* характеризуют предметы по температуре; смысловой компонент 'температура' является общим для значений этих двух прилагательных.

ТИПЫ АНТОНИМОВ

По характеру противопоставления своих значений антонимы подразделяются на несколько типов.

1. Антонимы, один из которых обозначает наличие признака, а второй — его отсутствие. Например: *наличие — отсутствие, движение — покой, живой — мертвый, здоровый — больной, влажный — сухой, зрячий — слепой, попасть — промахнуться, присутствовать — отсутствовать, спать — бодрствовать* и т. п. Значения этих антонимов при их истолковании обнаруживают различие на смысловой компонент 'не': *влажный* 'содержащий влагу', *сухой* 'не содержащий влаги'; *зрячий* 'способный видеть', *слепой* 'не способный видеть'; *спать* 'быть в состоянии сна', *бодрствовать* 'не быть в состоянии сна' и т. д.

2. Антонимы, один из которых обозначает начало действия или состояния, а другой — прекращение действия или состояния. Например: *войти* — *выйти*, *влететь* — *вылететь*, *включить* — *выключить*, *заснуть* — *проснуться*, *зацвести* — *отцвести* и т. п. Значения этих антонимов при их истолковании обнаруживают различие в смысловых компонентах 'начать' и 'перестать': *войти* (в дом) 'идя, начать находиться (в доме)'; *выйти* (из дома) 'идя, перестать находиться (в доме)'; *заснуть* 'начать спать', *проснуться* 'перестать спать', *зацвести* 'начать цвести', *отцвести* 'перестать цвести' и т. д.

3. Антонимы, один из которых обозначает большую величину признака, а другой — малую его величину. Например: *большой* — *маленький*, *высокий* — *низкий*, *глубокий* — *мелкий*, *длинный* — *короткий*, *толстый* — *тонкий*, *горячий* — *холодный*, *тяжелый* — *легкий*, *часто* — *редко*, *быстро* — *медленно*, *светло* — *темно* и т. п.

В значениях антонимов этого типа присутствует интуитивно ощущаемый смысловой компонент 'норма': когда мы характеризуем какой-то предмет как высокий или, напротив, как низкий, мы мысленно как бы сравниваем его с некоей «нормальной» величиной. Например, говоря *высокое дерево*, мы имеем в виду, что это дерево превышает некую нормальную высоту, характерную для этого вида деревьев; в словосочетании же *низкое дерево* мы отмечаем, напротив, отклонение от нормы в противоположную сторону (дерево, меньшее по высоте, чем обычно бывают деревья этого вида).

Если попытаться истолковать значения антонимов рассматриваемого типа, то окажется, что они различаются смысловыми компонентами 'больше (нормы)' — 'меньше (нормы)': *высокий* 'больше нормы по высоте', *низкий* 'меньше нормы по высоте'; *толстый* 'больше нормы по объему', *тонкий* 'меньше нормы по объему'; *тяжелый* 'больше нормы по весу', *легкий* 'меньше нормы по весу' и т. д.

К этому типу антонимов относятся не только качественные прилагательные и наречия (как можно было бы заключить по приведенным примерам), но и некоторые глаголы и существительные, в значения которых входят указанные смысловые компоненты 'больше' и 'меньше': *увеличиваться* — *уменьшаться*, *расти* — *падать* (например, о цене), *прибавить* — *убавить*, *жара* — *мороз*, *тепло* — *холод* и некоторые другие.

Антонимы указанных трех типов объединяют большую часть антонимически противопоставляемых слов. Есть и дру-

гие типы антонимов, менее распространенные в языке. Различия между такими антонимами может основываться, например, на противопоставлении по пространственной ориентации предмета (*верх — низ, левый — правый*), по вкусовым качествам пищи (*сладкий — горький*), по цвету предмета (*белый — черный*; заметим, что никакие другие прилагательные со значением цвета, кроме слов *белый* и *черный*, а также *светлый* и *темный*, не имеют антонимов: ср. слова *желтый, красный, коричневый, фиолетовый* и др.).

Помимо антонимов, противопоставляемых по какому-либо одному смысловому компоненту, существуют пары таких слов, которые различаются не только этим компонентом, но и другими. Такие слова называются квазиантонимами (ср. понятие квазисинонима в § 68). Например, прилагательные *бездонный* и *мелкий* различаются не только тем, что первое обозначает большую глубину, а второе — малую, но и степенью обозначаемого признака: *бездонный* 'очень большой глубины' (*бездонная пропасть, бездонный колодец*), *мелкий* же 'небольшой глубины' (компонента 'очень' в значении этого прилагательного нет; поэтому, кстати, можно сказать *очень мелкая река, очень мелкое место*, но нельзя «очень бездонная пропасть»). Так же различаются пары слов *лютый — легкий (мороз)*, *беспобудный — чуткий (сон)*, *наотрез (отказаться) — нерешительно, раскалится — остыть* (например, о печке) и т. п.

ВНУТРИСЛОВНАЯ АНТОНИМИЯ (ЭНАНТИОСЕМИЯ)

Своеобразной разновидностью антонимии является энантисемия (буквально: 'противоположность значений внутри слова') — совмещение противоположных значений в одном слове. Например: *бесценный* — 1) 'имеющий очень высокую цену' (*бесценные сокровища*) и 2) 'не имеющий никакой цены' (*бесценный товар*; это значение сейчас несколько устарело, но сохранилось в слове *бесценнок*: *купил за бесценнок*, т. е. очень дешево); *блаженный* — 1) 'в высшей степени счастливый' (*в блаженном состоянии*) и 2) 'глуповатый' (из более раннего 'юродивый, несчастный').

Подобные противоречия внутри значений одного слова возникают в процессе длительного употребления слова в языке, в разных его сферах. Так, слово *лихой* в книжном языке Древней Руси употреблялось только с отрицательным смыслом 'плохой, дурной'. В народном же языке

наряду с этим значением стало развиваться и положительное 'удалой, смелый'. Возможный путь развития: *лихим делом* в старину называли преступление, *лихие люди* — преступники, разбойники, т. е. отчаянные головы, у д а л ы е; отсюда не так далеко и до современных сочетаний *лихой рубака*, *лихой наездник* или *лихой водитель*. В современном русском языке *лихой* 'плохой, дурной' и *лихой* 'смелый, удалой' воспринимаются как омонимы (см. § 66).

Прилагательное *пресловутый* раньше значило то же, что современное *прославленный*. Да еще и сравнительно недавно, в середине XIX в., *пресловутый* употреблялось в этом старом смысле. Например, у Ф. И. Тютчева читаем:

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.

Другой источник и причина энантиосемии — ироническое употребление слова. В результате такого употребления «плюс» в значении может смениться на «минус». Например, когда наши предки воздавали кому-либо хвалу, прославляли, то об этом можно было сказать: *честили* (буквально: 'воздавали честь'). У А. К. Толстого в «Песне о походе Владимира» есть такие строчки:

Цари Константин и Василий
По целой империи пишут приказ:
Владимир-де нас от погибели спас,
Его чтоб все люди *честили*.

Но стоило начать обращаться с этим словом шутливо, иронически, как в нем развилось антонимическое значение 'ругать, бранить, поносить'. Второе, производное значение живо и сейчас, а первоначальное забылось.

Явление энантиосемии может объясняться и не историей развития языка, а некоторыми особенностями современного его использования, например многозначностью служебных морфем, участвующих в образовании слов. Такова приставка *про-* в глаголах *просмотреть*, *прослушать*. Ср.: *Мы прослушали интересную лекцию. — Я прослушал, какую цифру назвал лектор. Внимательно просмотрите всю книгу. — Просмотрел несколько ошибок, и вот результат: двойка.*

Многозначные слова могут сохранять антонимические отношения и в разных своих значениях противопоставляться одному и тому же, также многозначному, слову. Например, прилагательное *высокий* в прямом значении 'больше нормы по высоте' антонимично прилагательному *низкий* (*высокий забор* — *низкий забор*); антонимичны также и некоторые (не все) переносные значения этих слов, ср.: *высокая температура* — *низкая температура*, *высокое качество* — *низкое качество*, *высокий голос* — *низкий голос*, *высокий слог* — *низкий слог*. Слова *горячий* и *холодный* сохраняют свои антонимические отношения и в переносных значениях, имея при этом несколько различающуюся сочетаемость с определяемыми существительными; ср.: *горячее сердце* — *холодный ум*, *горячее желание* — *холодный расчет* (употребляясь переносно, *горячий* обычно относится к эмоциональной сфере человека, а *холодный* — скорее к интеллектуальной).

Во многих случаях, однако, в переносных значениях слово имеет иные антонимические связи, нежели в прямом значении. Например, прилагательное *легкий* при обозначении веса предмета противопоставляется прилагательному *тяжелый* (*легкий чемодан* — *тяжелый чемодан*), а в других своих значениях оно имеет иные и при этом разные антонимы, ср.: *легкий мороз* — *сильный мороз*, *легкий завтрак* — *плотный завтрак*, *легкое наказание* — *суровое наказание*, *легкая задача* — *трудная задача*. Но применительно к характеру человека сохраняется антонимия, свойственная данному слову в его прямом значении: *легкий характер* — *тяжелый характер*. Это же противопоставление присутствует и в некоторых терминологических словосочетаниях: *легкая артиллерия* — *тяжелая артиллерия*, *легкая атлетика* — *тяжелая атлетика* (замечим, однако, что в подобных словосочетаниях прилагательное теряет значение степени признака, т. е. перестает быть качественным прилагательным: нельзя сказать «совсем легкая атлетика», «очень тяжелая атлетика» и т. п.).

Может быть так, что в прямом значении слово не имеет антонимов, а в переносных, приобретая качественные смысловые оттенки, вступает в антонимические отношения с другими словами. Так, прилагательное *зеленый*, обозначая определенный участок цветового спектра, не имеет антонимов; в переносных же значениях у этого слова есть антонимические связи: *зеленый* в значении 'недозревший' противопо-

ставлено слову *спелый* (зеленые яблоки — спелые яблоки), в значении 'не имеющий опыта' (зеленая молодежь) — слову *опытный*.

У глагола *расти* в прямом значении нет антонима (*трава растет, ребенок растет*), при переносном же употреблении в значении 'увеличиваться' этот глагол антонимичен таким словам, как *падать, снижаться, понижаться, уменьшаться, сокращаться*. Ср.: *цены растут — цены падают, понижаются, снижаются, уменьшаются, температура растет — температура падает, уменьшается, понижается, расходы растут — расходы сокращаются*.

Иногда слово, имеющее антонимы в прямом значении, теряет способность к антонимическому противопоставлению, будучи употребленным в переносном смысле. Так, глагол *сжиматься* имеет однокоренной антоним *разжиматься*; однако в контекстах типа *Сердце сжимается от жалости* у этого глагола антонимов нет. Ср. также переносное употребление слов *снять, снять, разобрать* и др. (которые в прямых своих значениях противопоставлены соответственно словам *разгладить, надеть, собрать*) в контекстах типа: *снять разговор, снять противоречие, разобрать дело, разобрать почерк*.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТОНИМОВ В РЕЧИ

Антонимы так же, как синонимы и конверсивы, принадлежат к таким средствам языка, с помощью которых осуществляется *п е р и ф р а з и р о в а н и е* — выражение одной и той же мысли разными способами. Однако в отличие от синонимов, которые могут просто взаимозаменяться в высказывании, антонимы, заменяя друг друга в тексте, «требуют» изменений и в других частях предложения для того, чтобы был сохранен тот же самый смысл. Это и понятно: если синонимы — слова тождественные или близкие по значению, то антонимы противоположны по смыслу, и, следовательно, их взаимная замена в предложении должна сопровождаться такими изменениями в нем, которые устраняли бы смысловую противоположность. Например: *Она никогда не опаздывает. — Она всегда приходит вовремя; Он и в старости не изменяет своей привычке делать утреннюю гимнастику. — Он и в старости сохраняет свою привычку делать утреннюю гимнастику и т. п.*

Подобные изменения в составе предложений и в их структуре при использовании антонимичных слов отличаются и от того, что наблюдается при построении предложений с

конверсивами. Преобразования с конверсивами требуют перестройки предложения в соответствии с актантной структурой каждого из конверсивов: то, что у одного из них соответствует первой семантической валентности (например, субъектной), у второго может соответствовать второй или третьей валентности и т. д. (примеры см. в § 69).

Пары антонимов — предикатных слов (а только такие антонимы мы и можем сопоставлять с конверсивами, которые по определению являются предикатными словами с числом актантов не менее двух) имеют одинаковую актантную структуру; ср.: *нарушать* — *соблюдать* (двухместные глаголы: кто нарушает — соблюдает что), *увеличивать* — *уменьшать* (трехместные глаголы: кто увеличивает — уменьшает что и на какую величину) и т. п. Поэтому при использовании антонимов для целей перифразирования играет роль «нейтрализация» лишь тех смысловых компонентов, которыми антонимы различаются; выражение же актантных смыслов обычно не претерпевает изменений. Например: *Водители должны соблюдать правила дорожного движения.* — *Водители не должны нарушать правила дорожного движения* (во втором предложении глагол *соблюдать* заменен глаголом *нарушать*, введено отрицание *не*, «уравнивающее» смысл обоих предложений, актантные же смыслы субъекта и объекта выражаются теми же самыми существительными, которые остаются в неизменных синтаксических позициях: подлежащего — *водители* — и прямого дополнения — *правила*).

Кроме употребления в качестве перифрастического средства антонимы часто используются для подчеркивания контраста между понятиями. Широко представлены они, например, в русских пословицах и поговорках: *Сытый голодного не разумеет*; *Мягко стелет, да жестко спат*; *На печи не храбрись, а в поле не трусь*, в названиях художественных произведений: «Толстый и тонкий» (рассказ А. П. Чехова), «Далекое близкое» (книга воспоминаний И. Е. Репина), «Что такое хорошо и что такое плохо?» (стихотворение В. В. Маяковского), «Живые и мертвые» (роман К. Симонова) и т. п.

В художественной литературе, особенно в поэзии, на противопоставлении антонимов бывает основана выразительная сила произведения. Таково, например, одно из стихотворений Марины Цветаевой. Вот его начало:

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,

Полюбил *румяный* — *бледную*,
Полюбил *хороший* — *вредную*:
Золотой — *полушку медную*.

Ср. также антонимические противопоставления в следующих стихотворных отрывках:

Познай, где *свет*, — поймешь, где *тьма*.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире *свято*, что в нем *грешно*,
Сквозь жар души, сквозь *хлад* ума.

(А. Блок)

Но многое, написанное *набело*,
Начертано, как будто вовсе *начерно*,
И, точно вовсе *наспех*, *накарябано*.

(Л. Мартынов)

Поэт может использовать в качестве антонимов и такие слова, которые в общеупотребительном языке не образуют антонимических пар. В этом случае слово обычно выступает не в прямом своем значении, а как символ более глубокого смысла:

Да здравствует *солнце*, да скроется *тьма*!

(А. Пушкин)

Солнце здесь символ жизни, радости, просвещения, а тьма — символ невежества, духовной пустоты (ср. антонимию *свет* — *тьма*, где слова имеют прямые значения).

В «Песне о Соколе» М. Горького Сокол — символ одухотворенности, высокого и героического предназначения жизни, а Уж — символ приземленного, мещанского мировосприятия, узости жизненных целей и интересов. Слова *сокол* и *уж* выступают здесь в роли **к о н т е к с т у а л ь н ы х** антонимов, т. е. слов, противопоставляемых по смыслу лишь в пределах определенного контекста, но не в языке вообще.

В целях особой выразительности художник слова может слегка или довольно заметно сдвигать антонимические противопоставления, подыскивая к словам не обычные, не расхожие соответствия-антонимы, а наиболее уместные в данном контексте. Например:

Они сошлись. *Волна* и *камень*,
Стихи и *проза*, *лед* и *пламень*
Не столь различны меж собой...

(А. Пушкин)

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели.

(А. Блок)

В общеупотребительном языке слова *волна — камень, лед — пламень, молчать — плакать* не составляют антонимических пар (ср. более обычные, а поэтому менее выразительные противопоставления: *вода — земля; холодный — горячий; молчать — говорить*).

§ 71. Ономастика. Антропонимика. Топонимика

Помимо нарицательных имен, составляющих основную часть номинативных средств языка, существуют собственные имена — имена, отчества и фамилии людей (*Коля, Петров, Виктор, Александрович*), названия городов, рек, озер, морей, гор, местностей (*Москва, Волга, Онтарио, Кавказ, Алтай*). Личные имена людей называются антропóнимами (от греч. *anthrōpos* 'человек' и опута 'имя'), а имена географических объектов — топонимами (от греч. *topos* 'место' и опута 'имя'). Раздел лексикологии, изучающий антропонимы, называется антропони́микой, а раздел лексикологии, изучающий топонимы, называется топони́микой. Антропонимика и топонимика вместе составляют общую научную дисциплину о собственных именах, которая носит название онома́стика (от греч. *onomastikē* 'искусство давать имена'). Ономастика изучает также клички животных (*Шарик, Барсик, Буренка*), собственные имена предметов материальной культуры (*Царь-пушка, (алмаз) «Кохинор»*), астрономических объектов (*Марс, Андромеда*), явлений природы (например, ураганов, тайфунов: *Анжелика, Бетси* и др.) и т. п.

От нарицательных имен собственные имена отличаются тем, что они только называют объект, но не выражают никакого понятия.

Однако в отличие от обычной лексики собственные имена могут быть социальными знаками: например, некоторые группы личных имен в те или иные эпохи оказываются характерными лишь для определенных социальных слоев данного общества. Так, в России XIX в. женские имена *Агафья, Фекла, Евфросинья* и под. были рас-

пространены почти исключительно в среде крестьянства и купечества, а в пушкинские времена даже имя *Татьяна* считалось простонародным (поэтому А.С.Пушкин, назвав этим именем героиню своего романа в стихах «Евгений Онегин», вынужден был дать такое объяснение: «Ее сестра звалась Татьяна... Впервые именем таким Страницы нежные романа Мы своевольно освятим... с ним, я знаю, неразлучно Воспомяну старину Иль девицей!»).

Личные имена могут свидетельствовать о вкусах общества или определенных его групп, о моде на какой-то узкий круг этих имен и, напротив, о неприятии некоторых из них. Так, среди современной русской интеллигенции наблюдается тяга к выбору для детей «простых», народных имен: *Мария, Иван, Игнат* и под. — и отчетливо выражено неприятие имен «красивых» типа *Роза, Эвелина, Артур, Альберт* и под.

Между нарицательными и собственными именами нет непреходимой грани: качественно отличаясь друг от друга, они могут претерпевать такие изменения, которые превращают нарицательное имя в собственное и, наоборот, собственное имя в нарицательное. Так, русские личные имена *Вера, Надежда, Любовь* возникли на основе нарицательных имен существительных *вера, надежда, любовь*. Большая часть имен, заимствованных русским языком из древнееврейского, древнегреческого, латинского и других языков, была создана в этих языках из слов нарицательных: *Петр* — от греч. *petros* 'камень', *Мария* по-древнееврейски значит 'горькая', *Виктор* по-латыни 'победитель' и т. д.

С другой стороны, некоторые личные имена переходят в разряд нарицательных. Так, например, возникли многие обозначения физических единиц: *ампер, ом, кулон, вольт* и др. (от фамилий физиков, которые ввели в науку данную единицу), моделей оружия, одежды: *кольт, маузер, макинтош, галифе* и др., типов автомобилей: *форд, бьюик, рено* и т. п. Имена некоторых литературных героев нередко становятся нарицательными, обозначая человека — носителя определенных свойств: *митрофанушка* (по имени персонажа комедии Д.И.Фонвизина «Недоросль»), *донжуан* (по имени героя произведений Мольера, Байрона, Пушкина) и некоторые другие.

В конце XX в. во многие европейские языки, в том числе в русский, вошли слова *джакузи, папарацци*, также возникшие из личных имен: *джакузи* — от фамилии итальянских предпринимателей братьев Р. и К. Джакуцци, которые в начале 70-х гг. ввели в обиход большую ванну с подогре-

вом и гидромассажем, а *папарацци* — от фамилии итальянского репортера-фотографа, ставшей символом беспардонного журналистского вмешательства в частную жизнь знаменитостей.

Для называния местностей и различных географических объектов часто используются нарицательные имена: остров *Ольховый*, поселок *Мирный*, улица *Космонавтов*. Такой же принцип наименования существовал и в древности; с тех пор многие имена изменили свой облик, утратили смысловые связи с породившими их словами. Например, *Десна* — левый приток Днепра; в древнерусском языке, однако, слово *десна* имело значение 'правая', поэтому имя реки требует объяснения: название реке дали восточные славяне, которые шли вверх по Днепру, от устья к истоку, и, следовательно, для них Десна была справа (а не слева); *Смоленск* — от корня слова *смола*, *Брянск* — из *Дебрянск* (от слова *дебри*) и др.

Изучение топонимических названий проливает свет на историю народа, на условия жизни его в древнейшую эпоху, особенности быта, традиций, профессиональных занятий и т. п. Так, история старых названий улиц и районов Москвы указывает на расселение московских жителей в прошлом по роду занятий: *Мясницкая* — район боен, *Кожевники* и *Сыромятники* — бывшие кожевенные слободы; *Поварская* улица, *Хлебный* переулок — здесь жили повара и пекари и т. д.

Топонимы также могут переходить в разряд нарицательных имен, давая названия видам материала, одежды и т. п., производимых в данной местности. Таковы, например, названия некоторых тканей: *бостон* (по городу в Америке), *кашемир* (по названию штата в Индии), *шевиот* (по местности в Шотландии), видов одежды: *шаль* (по городу в Индии), *джинсы* (видоизмененная форма названия города Генуи, где впервые стали производить плотную хлопчатобумажную ткань, идущую ныне на шитье брюк, курток и т. п.) и др.

Особую ветвь ономастических исследований составляет изучение принципов и приемов присвоения собственных имен кинотеатрам, стадионам, домам культуры, издательствам, магазинам, гостиницам и другим учреждениям современного города (из-за «малости» объектов — по сравнению, например, с городом или горным хребтом — эту отрасль лингвистической науки называют *микротопонимикой*).

Оказывается, что слова, используемые для называния перечисленных учреждений, должны не только называть со-

ответствующий объект мотивированно (нельзя, например, кафе, расположенному в полуподвальном помещении, присвоить имя *Эльбрус*), но и обладать определенными «положительными» ассоциациями. Так, можно назвать кинотеатр «Мечта» (такой кинотеатр есть в Москве), но название «Выдумка» выглядело бы странно.

Современная ономастика представляет собой развитую отрасль языкознания, использующую разнообразные методы для изучения структуры и функционирования собственных имен.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

§ 72. Предмет лексикологии

Изучением состояния словарного состава на том или ином этапе развития языка занимается **лексикология** (от греч. *lexis* 'слово' и *logos* 'учение, наука'). Она устанавливает состав словаря с точки зрения происхождения различных его пластов, выявляет стилистические и функциональные характеристики слов, сферы их употребления, исследует исторически обусловленные изменения в лексике, в частности процесс ее обновления (появление новых слов и выход из употребления слов устаревших).

Коротко лексикологию можно определить как науку о словарном составе, или **лексике**, языка.

Лексика — совокупность слов данного языка или какой-либо его разновидности. Так, говорят о лексике русского языка, лексике диалектов, лексике литературной, просторечной, жаргонной и т. п.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Все слова в нашем языке (так же, как и в любом другом) можно разделить на два больших класса с точки зрения их происхождения: **исконные**, изначально присущие русскому языку, и **иноязычные**, т. е. заимствованные русским языком из других языков. Границы между двумя этими классами слов не всегда можно установить точно: некоторые слова пришли в наш язык так давно, что их трудно отличить от слов исконных (таково, например, слово *хлеб*, которое было заимствовано из древнегерманского). Однако

в большинстве своем исконные и иноязычные слова отличаются друг от друга по ряду признаков.

§ 73. Исконно русская лексика

Словарь русского языка складывался веками. Подобно геологическим отложениям, в нем можно обнаружить пласты лексики, отражающие разные стадии языкового развития. Наиболее древним является пласт слов, сохранившихся с тех времен, когда существовал общиндоевропейский язык. Эти слова имеют родственников в других языках, относящихся к индоевропейской языковой семье. Таковы, например, некоторые числительные: *два* (ср. лат. *duo*, англ. *two*, фр. *deux*), *три* (лат. *tres*, англ. *three*, фр. *trois*) и др., термины родства: *мать* (ср. лат. *mater*, нем. *Mutter*, англ. *mother*), *брат* (ср. санскр. *bhrātā*, лат. *frāter*, нем. *Bruder*, англ. *brother*), *сын* (ср. санскр. *sūnus*, нем. *Sohn*, англ. *son*) и др., названия некоторых жизненно важных предметов и понятий — растений, животных, продуктов питания, названия основных свойств и качеств: *дуб*, *вода*, *мясо*, *живой*, *большой* и др., названия некоторых действий и состояний: *дать*, *иметь*, *быть*, *видеть* и некоторые другие.

Следующий по времени пласт лексики — слова общеславянского происхождения: они сохранились в нашем языке со времен славянской языковой общности. Сходные с ними по звуковой и морфологической структуре и близкие по значению слова существуют в других славянских языках. Например, русское *мыло* родственно польскому *mydło*, *знамя* — болгарскому *знаме*, польскому *znamię* 'признак' (ср. русские *знамение*, *предзнаменование*) и др.

Общеславянская лексика составляет более обширный и разнообразный разряд слов, чем лексика общиндоевропейская. Это, например, названия частей человеческого тела и тела животных: *голова*, *губа*, *лицо*, *лоб*, *нос*, *рука*, *нога*, *лапа*, *око*, *плечо*, *рог*, *сердце*, *горло* и др., названия отрезков времени: *день*, *ночь*, *утро*, *вечер*, *сутки*, *осень*, *зима*, *весна*, *лето*, *год*, *час*, *век*, *месяц* и др., слова, обозначающие явления и объекты природы: *буря*, *дождь*, *снег*, *ветер*, *вихрь*, *мороз*, *камень*, *гора*, *поле*, *озеро*, *река*, *лес* и др., названия растений: *бук*, *береза*, *вяз*, *горох*, *ель*, *ива*, *липа*, *тополь*, *травя*, *морковь*, *орех*, *тыква*, *слива* и др., домашних и диких животных: *бык*, *вол*, *корова*, *коза*, *конь*, *кот*, *овца*, *пес*, *свинья*, *ворона*, *гусь*, *голубь*, *лисица*, *заяц*, *змея*, *медведь*, *окунь*, *рысь*, *рыба*, *сорока*, *сова*, *ястреб* и др., назва-

ния орудий и предметов труда: *весло, ведро, вилы, грабли, долото, молот, соха, серп, нож, сито, седло, шило* и др., некоторые абстрактные наименования: *вера, воля, вина, гнев, зло, кара, месть, милость, смерть, слава, стыд, свобода, труд, честь* и некоторые другие, названия действий: *лечь, сидеть, спать, мыть, уметь, звать, идти, дуть, расти, бить, сосать, спеть* (= 'созревать'), *хотеть* и др., названия свойств: *мудрый, хитрый, добрый, глупый, гордый, белый, желтый, синий, седой, правый, левый, глубокий, короткий, ровный, легкий, теплый* и др., обозначения места и времени: *там, где, тогда, вон, внутрь, вчера, мимо* и др., большинство непроизводных предлогов: *в, к, за, из, до, о, при* и др., союзы *и, а, но, да, или* и др.

Пласт восточнославянской лексики сформировался в период, когда общеславянский язык распался на три самостоятельные ветви — западную, южную и восточную. Восточнославянскую лексику образуют слова, общие для русского, украинского и белорусского языков. Они весьма разнообразны и по форме, и по значениям, и их намного больше, чем слов общеславянских; в других славянских языках эти слова не встречаются. Например, русскому *белка* соответствуют: в украинском — *білка*, в белорусском — *белка*, а в чешском — слово иного корня — *veverka*, в словацком — *veverica*, в польском — *wiewiórka* и т. д.

К восточнославянской лексике в русском языке относятся, например, слова *дядя, семья, жаворонок, пояс, потолок, хороший, дешевый, девяносто, сорок, сегодня, совсем, теперь, тут, после* и многие другие.

Наконец, особый разряд исконно русской лексики составляют слова **с о б с т в е н н о р у с с к и е**: они родились (и продолжают рождаться) в нашем языке после распада восточнославянского языкового единства на русский, украинский и белорусский языки. Для слов этого разряда характерно наличие в их структуре словообразовательных элементов, специфичных для русского языка.

Так, собственно русскими являются почти все существительные, образованные с помощью суффиксов *-щик (-чик), -овщик, -льщик, -лк(а), -овк(а), -к(а)* (от прилагательных): *каменщик, наборщик, разметчик, откатчик, гробовщик, ныряльщик, зажигалка, раздевалка, листовка, зенитка, вечерка* и под., подавляющее большинство существительных с суффиксом *-тель* со значением инструмента или приспособления: *выключатель, огнетушитель, взрыватель, размельчитель* и под., с суффиксом *-ость* типа *внимательность, действительность*, глаголы, образованные

префиксально-суффиксальным способом, типа *разбежаться*, *вжиться*, *дозвониться*, отыменные глаголы типа *плотничать*, *сапожничать*, наречия типа *по-дружески*, *по-мальчишески*, подавляющее большинство производных предлогов и союзов: *вследствие*, *насчет*, *благодаря*; *пока*, *чтобы*, *так как*, *потому что* и др.

В процессе развития языка некоторые слова, сохранившиеся с древнейших времен, изменили свое значение и с этим изменившимся значением употребляются только в русском языке. Таково, например, прилагательное *красный*, общеславянское по происхождению: в древнерусском языке оно имело значение 'хороший, красивый', а в современном русском служит для обозначения цвета (другие славянские языки, в том числе близкородственные украинский и белорусский, используют в этом значении прилагательные с общеславянскими корнями: укр. *червоний*, польск. *czerwony*, болг. *червен*, чешск. *rudý*). Прилагательное *обыденный* в старом, ныне утраченном значении 'однодневный, совершённый за один день' (например, *обыденный путь* — 'путь, проделанный за один день') — слово восточнославянское. А в современном значении 'повседневный, заурядный, обыкновенный' оно присуще только русскому языку.

Подобные слова также относятся к собственно русской лексике.

§ 74. Иноязычные слова

Каждый народ живет среди других народов. Обычно он поддерживает с ними многообразные связи: торговые, промышленно-экономические, культурные. Следствие этих связей — влияние народов друг на друга. Чем устойчивее и длительнее связи, тем глубже влияние.

Языки контактирующих народов также испытывают взаимное влияние: ведь они — главное средство общения, средство, с помощью которого осуществляются межнациональные связи. Основная форма языкового влияния одного народа на другой — заимствование иноязычных слов. Заимствование обогащает язык, делает его более гибким и обычно не ущемляет его самобытности, так как при этом сохраняется основной словарь языка, присущий данному языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития.

Русский народ в процессе своей истории имел разнообразные связи с народами всего мира. Результатом этого

явились многочисленные иноязычные слова, заимствованные русским языком из других языков.

§ 75. Причины и условия лексического заимствования

Причины иноязычного заимствования могут быть внешними (внеязыковыми) и внутриязыковыми.

Основная внешняя причина — тесные политические, торгово-экономические, промышленные и культурные связи между народами — носителями языков. Наиболее типичная форма влияния, обусловленного такими связями, — заимствование слова вместе с заимствованием вещи или понятия. Например, с появлением у нас таких реалий, как автомобиль, конвейер, радио, кино, телевизор, лазер и многие другие, в русский язык вошли и их наименования.

Другая внешняя причина заимствования — обозначение с помощью иноязычного слова некоторого специального вида предметов или понятий, которые до тех пор назывались одним русским (или ранее заимствованным) словом. Например, для обозначения дежурного администратора в гостинице в русском языке укрепилось французское слово *портье*, для обозначения особого сорта варенья (в виде густой однородной массы) — английское *джем*. Потребность в специализации предметов и понятий ведет к заимствованию многих научных и технических терминов, например: *релевантный* — наряду с русским *существенный*, *локальный* — наряду с *местный*, *трансформатор* — наряду с *преобразователь*, *компрессия* — наряду с *сжатие*, *пилотировать* — наряду с *управлять* и т. п.

Внутриязыковые причины заимствования отчасти связаны с внешними. Так, социально обусловленная потребность в специализации понятий поддерживается присущей языку тенденцией ко все большей дифференциации языковых средств по смыслу. В результате этой тенденции значение, выражаемое русским словом, может расщепляться на два: одному соответствует русское наименование, а второе закрепляется за иноязычным, заимствованным словом. Ср. такие близкие по смыслу, но не синонимичные пары слов: *сообщение* — *репортаж*, *всеобщий* — *тотальный*, *увлечение* — *хобби* и др.

Другая внутриязыковая причина заимствования, свойственная большинству языков, и в частности русскому, — тенденция к замене описательного, неоднословного наиме-

нования однословным. Поэтому очень часто иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат для называния одного нерасчлененного понятия. Например: *снайпер* — вместо *меткий стрелок*, *турне* — вместо *путешествие по круговому маршруту*, *мотель* — вместо *гостиница для автотуристов*, *спринт* — вместо *бег на короткие дистанции* и т. п.

Как часто бывает в языке, тенденции к замене русских описательных оборотов иноязычными словами противостоят другая, как бы сдерживающая действие первой. Она состоит в следующем: в языке образуются группы наименований, которые обозначают соотносительные понятия, и обычно наименования, входящие в эти группы, сходны по структуре: либо все они однословны (обычный, часто встречающийся случай), либо двусловны (*белый хлеб* — *черный хлеб*, *пассажирский поезд* — *товарный поезд* и т. п.). Если названия, образующие группу, двусловны, то замещение одного из названий иноязычным словом происходит очень редко.

Так, с изобретением звукового кино в русском языке появилось заимствованное из немецкого языка слово *тонфильм*. Однако оно не смогло укрепиться в нашем словаре — этому препятствовало то обстоятельство, что в русском языке уже успела сформироваться группа наименований описательных, двусловных: *немой фильм* — *звуковой фильм*, *немое кино* — *звуковое кино*.

Можно назвать еще один фактор, способствующий заимствованию иноязычных слов. Если в языке укрепляются заимствованные слова, которые образуют ряд, объединяемый общностью значения и морфологической структуры, то заимствование нового иноязычного слова, сходного со словами этого ряда, значительно облегчается. Так, в XIX в. русским языком из английского были заимствованы слова *джентльмен*, *полисмен*; в конце XIX — начале XX в. к ним прибавились *спортсмен*, *рекордсмен*, *яхтсмен*. Образовался ряд слов, имеющих значение лица и общий элемент *-мен*. К этому небольшому ряду начали прибавляться новые заимствования, которые в наши дни составляют уже довольно значительную группу существительных: *бармен*, *бизнесмен*, *конгрессмен*, *кроссмен*, *шоумен* и некоторые другие.

Среди причин и условий заимствования иноязычных слов определенную роль играют общественные оценки «чужого» слова как более престижного, чем соответствующее по значению «свое», русское: ср. слова *презентация* вместо русского *представление*, *эксклюзивный* вместо *исключительный*, *консенсус* вместо *согласие* и т. п.

Большая социальная престижность иноязычного слова (по сравнению с исконным или ранее заимствованным, но обрусевшим) иногда вызывает явление, которое может быть названо **п о в ы ш е н и е м в р а н г е**: слово, которое в языке-источнике именует обычный объект, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, престижному, важному и т. д. Так, французское слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин'. Будучи заимствовано русским языком и употребляясь преимущественно в сфере моды, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'. Английское по происхождению слово *shop* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами (обыкновенный продавец *шопом* никто не назовет), тогда как в английском языке основное значение слова *shop* 'лавка, магазин' (а если речь идет о магазине высокого класса, то англичане добавляют к слову *shop* определение *fashionable* 'фешенебельный').

На укоренение иноязычного слова в языке, на его употребительность влияет то, насколько важно обозначаемое словом понятие, насколько оно актуально для жизненных интересов человека. Иноязычные слова, которые обозначают понятия, затрагивающие интересы большого круга людей, попадают в зону социального внимания: в определенные периоды (обычно довольно короткие) их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, становятся объектом сознательного обыгрывания, словесных каламбуров, структурных переделок и т. п.

В этом можно убедиться на примере слов *ваучер*, *демократы*, *приватизация* и некоторых других, которые были своеобразными ключевыми словами в первой половине 90-х гг. XX в. Каждое из них дало массу производных и намеренных искажений: *ваучерный*, *ваучеризация* (ср. шутивное: *полная ваучеризация всей страны* — по образцу бытовавшего в советское время лозунга о полной электрификации всей страны), *деваучеризация*, *чубаучер* (от соединения фамилии Чубайс и слова *ваучер*); *приватизировать*, *приватизированный*, *приватизационный*, *деприватизация*, *приватизатор*, *прихватизация*; *демокрады*, *дерьмократия*, *дубинки-демократизаторы* и т. п.

Со временем общественная актуальность понятия может утрачиваться, и соответственно угасает коммуникативная активность слова, обозначающего это понятие.

§ 76. Старославянизмы в русском языке

Среди слов, заимствованных русским языком из других, особенно значителен пласт старославянизмов — слов, которые вошли в древнерусский язык из родственного старославянского (или церковно-славянского) языка. Старославянский язык был языком богослужения и церковных книг; он стал первым литературным языком славян.

Старославянский язык оказал заметное влияние на русский язык на ранних стадиях его формирования, главным образом в области отвлеченной лексики. Проникая в древнерусский язык, элементы старославянской лексики сохраняли некоторые из фонетических и морфологических черт, отличающих старославянизмы от исконно русских слов.

Фонетические признаки старославянизмов:

а) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* в корне или приставке при исконно русских сочетаниях полногласных *оро, оло, ере*, например: *град* — *город*, *страна* — *сторона*, *хладный* — *холодный*, *преступить* — *переступить*, *плен* — *полон* и др.;

б) сочетания *ра, ла* в начале слова (им соответствуют исконно русские сочетания *ро, ло*): *равный* — *ровный*, *разница* — *розница* (ср. современное выражение *оптом и в розницу*), *ладья* — *лодка*;

в) сочетание *жд* (в соответствии с исконно русским *ж*): *рождать* — *рожать*, *чуждый* — *чужой*, *одежда* — ныне просторечно-диалектное *оде́жа*, *надежда* — *наде́жа*;

г) согласный звук *щ* (в соответствии с исконно русским *ч*): *освещение* — *свеча*, *горящий* — *горячий*, *мощь* — *мочь* (ср. выражение *во всю мочь*);

д) начальное *е* (при исконно русском *о*): *единый*, *единица*, *единственный* — *один*, *есень* — *рус. осень* (ср. фамилию *Есенин*, которая образована от старославянского по происхождению корня), *елень* — *олень*, *езеро* — *озеро*;

е) начальное *а* (при соответствии этому исконно русскому *я*): *аз* — *я* (из более древнего *язъ*), *агнец* — *ягненок*;

ж) начальное *ю* (при исконно русском *у*): *юноша*, *юный*, *юг*, *юродивый* (ср. русское *урод*).

Морфологические признаки старославянских слов (эти признаки могли позднее встречаться и в русских словах, образованных по образцу старославянских):

а) суффиксы существительных *-тель* (со значением лица: *воспитатель*, *учитель*), *-ств(о)*, *-стви(е)* (*свойство*, *спокойствие*), *-ость* (*смелость*, *юность*), *-ни(е)*, *-ти(е)* (*затмение*, *взятие*);

б) суффиксы превосходной степени имен прилагательных *-ейш(ий)*, *-айш(ий)* (*добрейший*, *нижайший*);

в) суффиксы причастий *-ащ(ий)*, *-ящ(ий)*, *-ущ(ий)*, *-ющ(ий)*, *-енн(ый)*, *-анн(ый)*, *-ем(ый)*, *-им(ый)* (*дрожащий*, *горящий*, *могущий*, *страдающий*, *отверженный*, *созданный*, *совершаемый*, *томимый*);

г) приставки *воз-* (*вос-*), *пре-*, *чрез-*, *из-* (*ис-*), *низ-* (*нис-*) (*возвещать*, *воспрещать*, *претворять*, *чрезвычайный*, *изгнать*, *исчезать*, *низвергнуть*, *ниспослать*).

Следует иметь в виду, что многие морфологические элементы, заимствованные русским языком в составе старославянизмов, стали продуктивными словообразовательными морфемами в русском языке: с их помощью было создано (и создается сейчас) много слов собственно русских. Поэтому неверно было бы во всяком слове, содержащем какой-либо из перечисленных выше морфологических элементов, видеть старославянизм.

Старославянские по происхождению и исконно русские слова могут образовывать пары слов, близких или сходных по значению: *врата* — *ворота*, *стражду* — *страдаю*, *краткий* — *короткий*, *хлад* — *холод*, *между* — *меж*, *изгнать* — *выгнать* и т. п. При этом в большинстве случаев старославянизмы являются словами более книжными по стилистической окраске и абстрактными по значению в сравнении с соотносительными русскими словами; ср.: *храм* — *хоромы*, *здравый* (*смысл*) — *здоровый* (*человек*), *хранить* (*тайну*) — *хоронить* (*покойника*) и т. п.

Многие старославянизмы утратили книжную стилистическую окраску, стали словами общеупотребительными: *время*, *враг*, *сладкий*, *вред*, *среда*, *нужда*, *здравствуй*, *праздник*, *храбрый* и др. Те же старославянизмы, которые ныне устарели, будучи вытеснены из употребления соответствующими исконно русскими словами (*хлад*, *брег*, *врата*, *здравие*, *град*, *вотище* 'напрасно' и т. п.), могут использоваться в современных текстах для придания речи высокой стилистической тональности (например, в поэзии) или для создания комического эффекта. Кроме того, они сохраняются в качестве морфем, с помощью которых образуются новые слова; ср. слова типа *хладокомбинат*, *здравница*, *здравотдел*, *градостроитель* и под.

§ 77. Заимствования из других языков

Уже в раннюю эпоху существования древнерусского языка (XI–XIV вв.) он заимствовал слова из финского

(финны были и остаются нашими соседями на севере): *килька, семга, навага, салака, камбала, тундра, пурга, нарты, рига* и др., из скандинавских языков: *крюк, ларь, кнут, кипа, сельдь* и др., из тюркских языков (главным образом из татарского): *башлык, башмак, тулуп, сундук, лошадь, табун, аркан, амбар, сарай, сарафан, армяк, кафтан, караул, каланча, казна, богатырь, карандаш* и др.

Некоторое число слов вошло в древнерусский язык из греческого: *корабль, парус, тетрадь, кукла, кровать, школа, фонарь, свекла, скамья* и др.; многие из грецизмов попали к нам через посредство старославянского языка — это в основном лексика религиозного, церковного круга употребления: *епископ, дякон, ангел, ад, евангелие, амвон, аналой, икона, монах, патриарх* и др.

В более позднюю эпоху (XVII–XIX вв.) много греческих по происхождению слов проникло в русский язык через посредство западноевропейских языков, главным образом через французский. Это названия наук: *философия, история, математика, грамматика, физика, механика, география, геометрия, анатомия*, научная и политическая терминология: *метод, гипотеза, идея, синтез, анализ, космос, демократия, политика, анархия, гегемония* и др., термины литературы и искусства: *драма, комедия, трагедия, эпос, монолог, поэзия, строфа, симфония, мелодия, пантомима, критика, архитектура, графика* и др.

Исключительно через посредство других языков — французского, немецкого, польского — заимствовались русским языком слова латинские. Латинский язык в средневековой Европе был не только языком богослужения; в ряде стран латынь использовалась в качестве литературного языка. Поэтому латинский язык оказал значительное влияние на формирование лексики таких языков, как итальянский, французский, испанский и др.

Среди слов латинского происхождения выделяются научные термины: *формула, инерция, эволюция, радиус, конус, вакуум, пропорция* и др., лексика, связанная с образованием и просвещением: *студент, профессор, декан, аудитория, ректор, лаборатория, класс, рецензия* и т. п., а также многие термины философии и политики: *конституция, манифест, революция, диктатура, республика, фракция* и др.

Немало в современном русском языке и таких слов, которые образованы из греческих и латинских элементов уже в XX в. и являются международными: *телефон, телеграф,*

микрофон, магнитофон, космонавт, фотосинтез, циклотрон, биофизика, радиотехника и т. п.

Начиная с эпохи Петра Первого русский язык активно заимствовал слова из немецкого, французского, английского, голландского и некоторых других европейских языков. Из немецкого пришли к нам многие военные термины: *бруствер, лагерь, офицер, солдат, штык, штаб, штурм* и др., термины горного дела: *шахта, штольня, штрек, шурф, маркшейдер* и др. Из голландского и английского языков были заимствованы морские термины: *бот, вымпел, гавань, крейсер, дрейф, кубрик, мачта, рея, трап, трюм, аврал, яхта, трал, мичман, катер* и др. В более позднее время — в конце XIX — первой половине XX в. — английский язык послужил источником заимствования спортивной терминологии: *футбол, волейбол, теннис, бокс, боксер, матч, старт, финиш, чемпион, рекорд* и др.

Из французского языка в XVIII в. и особенно в первой половине XIX в. были заимствованы многие слова, тематически связанные с искусством и литературой: *балет, ложа, партер, пейзаж, натюрморт, сюжет, роман, жанр, режиссер, репертуар* и др., военные термины: *авангард, арьергард, арсенал, марш, атака, маневр, патруль, пароль, сапер, батальон, лафет* и др., названия блюд и видов продуктов питания: *суп, котлета, омлет, десерт, пюре, рагу, салат, батон, мармелад, лимонад* и др., названия видов одежды: *пальто, сюртук, жакет, жилет, кашне, костюм, комбинезон*, а также слова, не образующие определенных тематических групп: *терраса, монтер, багаж, купе, киоск, экипаж, кадр, карьера, фельетон* и др.

Незначительное число слов заимствовано русским языком из итальянского (*ария, виолончель, мандолина, соната, серенада, баритон, колорит* и некоторые другие) и испанского: *гитара, кастаньеты, мантилья, кафетерий, силос, танго* и некоторые другие.

§ 78. Заимствование иноязычной лексики русским языком XX в.

В первые два десятилетия новые заимствования малочисленны. Это, например, такие слова, как *блюминг, комбинат, такси, радио, кино, фильма* (первоначально в форме женского рода), *сценарий, техникум, бостон, фокстрот, шезлонг, свитер*. Некоторые новые иноязычные слова существовали наряду с русскими или ранее заимствован-

ными, никак не различаясь по смыслу: *аэроплан* — *аппарат* — *самолет*; *авиатор* — *летчик* — *пилот* — *летун*; *кино* — *кинематограф* — *синема*; *автомобиль* — *авто* — *мотор*. В дальнейшем сохранилось лишь одно из синонимичных наименований: *самолет*, *летчик* (и в терминологических сочетаниях — *пилот*; ср.: *пилот первого класса*, *второй пилот*), *кино*, *автомобиль*.

В конце 20–30-х гг. в связи с индустриализацией нашей страны в русский язык начинают проникать технические и научные термины, заимствованные главным образом из английского и немецкого языков, а также названия бытовых реалий, термины политики, культуры и спорта: *комбайн*, *конвертер*, *конвейер*, *контейнер*, *лейка* (тип фотоаппарата), *нейтрон*, *пикап*, *спидометр*, *стенд*, *сейф*, *танкер*, *телевизор*, *троллейбус*, *траулер*, *глизсер*, *демарш*, *детектив*, *джаз*, *джерпер*, *коктейль*, *путч*, *скетч*, *сервис* и др. Среди этих слов было и некоторое число глаголов: *армировать*, *дезориентировать*, *дискриминировать*, *реконструировать*, *стерилизовать*, *фальсифицировать*, а также прилагательных: *рентабельный*, *тотальный*, *транспортабельный* (последние два — из французского языка).

Вплоть до середины 50-х гг. новые заимствования малочисленны. Это, например, такие слова: *адаптер*, *плексиглас*, *радар*, *робот*, *сальто*, *табло*.

Со второй половины 50-х гг. начинается интенсификация процесса заимствования. Наибольший приток иноязычных, преимущественно английских, слов приходится на 60-е и на конец 80-х — начало 90-х гг. Это не только научно-технические термины, но и слова общеупотребительные, служащие для обозначения новых вещей и понятий: *акваланг*, *джинсы*, *шорты*, *клипсы*, *кемпинг*, *компьютер*, *ксерокс*, *дисплей*, *принтер*, *лазер*, *модуль*, *мотороллер*, *нейлон*, *транзистор*, *факс*, *эскалация* и др. Заимствуются также и слова, не связанные с обозначением новых предметов и понятий. Они вступают в синонимические отношения с русскими словами. Ср.: *шоу* — *зрелище*; *модерн* — *новый*, *современный*; *хобби* — *увлечение*, *конек*; *стюардесса* — *бортпроводница*. Некоторые иноязычные слова заменяют описательные наименования, употребляясь, однако, в основном применительно к зарубежному быту: *уикэнд* — *конец недели*, *шлягер* — *модная песенка* и т. п.

Значительно число иноязычных заимствований в спортивной терминологии, например: *аутсайдер*, *биатлон*, *бобслей*, *картинг*, *ралли*, *фристайл* (фигурное катание на лыжах), *виндсёрфинг*, *финт*, *юниор* и др.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в связи со значительными изменениями в жизни России, с экономическими преобразованиями в общий оборот вошли многие иноязычные экономические и финансовые термины: *бартер, брокер, ваучер, дилер, инвестиции, маркетинг, монетаризм, спонсор* и др.

§ 79. Типы иноязычных слов

Вся иноязычная лексика, употребляющаяся в русском языке, может быть подразделена на несколько групп: 1) заимствованные слова; 2) интернационализмы; 3) экзотизмы; 4) иноязычные вкрапления.

З а и м с т в о в а н н ы е слова иначе называют основными. Для них характерны следующие признаки: а) передача графическими и фонетическими средствами русского языка (ср. фр. *paletot* — русск. *пальто*, англ. *tank* — русск. *танк*, нем. *Sturm* — русск. *шторм*); б) принадлежность к определенному грамматическому классу слов (*пальто* — существительное среднего рода, *танк* — существительное мужского рода и т. д.); в) определенность значения.

В зависимости от структуры заимствованного слова и его соотношения с иноязычным образцом различают три группы заимствованных слов:

1) слова, структурно совпадающие с иноязычными образцами, например: *глизсер* (англ. *glisser*), *юниор* (фр. *junior*), *силос* (исп. *silos*);

2) слова, морфологически оформленные аффиксами заимствующего языка, например: *танкет-к-а* (фр. *tankette*), *бутс-ы, джинс-ы* (англ. *boots, jeans*), *пик-ирова-ть* (нем. *pikieren*), *марк-ирова-ть* (фр. *marquer*), *рентабель-н-ый* (нем. *rentabel*), *тоталь-н-ый* (фр. *total*);

3) слова с замещением некоторой части иноязычного образца русским элементом (обычно замещается аффикс или одна из частей сложного слова), например: *шорт-ы* (англ. *short-s*; русское окончание множественного числа *-ы* замещает английский показатель множественного числа *-s*), *теле-видение* (англ. *tele-vision*).

И н т е р н а ц и о н а л и з м ы — это иноязычные по своей морфологической структуре слова, преимущественно научные и технические термины, образованные из латинских и греческих элементов. Они существуют не только в русском языке, но и в неродственных языках (в трех и более), почему и называются интернационализмами. Например:

автомобиль, демократия, философия, республика, телефон, телеграф, миллиметр, космодром и т. п. Специфика интернационализмов состоит в том, что они «не имеют родины», т. е. живого источника заимствования, как это характерно для большинства иноязычных слов. Интернациональные слова и термины в каждом развитом современном языке составляют значительный слой лексики. Постоянное увеличение этого слоя свидетельствует о возрастающей тенденции к созданию своего рода международного лексического фонда, облегчающего взаимопонимание между представителями разных народов и культур.

Экзотизмы — иноязычные по происхождению наименования вещей и понятий, свойственных жизни и культуре того или иного народа. Обычно это названия обрядов, обычаев, предметов быта, домашней утвари, одежды, денежных единиц и т. п. Например: *сафра* — период уборки сахарного тростника (на Кубе), *кеб* — однокопный экипаж в Англии, *фолькетинг* — название парламента в Дании и т. п.

В современном русском языке выделяется особая группа экзотизмов — слова, идущие из языков народов бывшего СССР, например: *аксакал*, *арык*, *пиала*, *бешбармак*, *дугар* и др. Употребление их в русской речи ограничено тематикой и условиями общения (например, они естественны в описаниях быта народов Средней Азии, при общении людей, владеющих одновременно русским и тюркскими языками, и т. д.).

Граница между заимствованными словами и экзотизмами исторически изменчива: вместе с заимствованием и освоением предмета или обычая может осваиваться и его наименование, и, таким образом, экзотизм превращается в заимствованное слово. Так было, например, со словами *пальто*, *сюртук*, *халат*, *футбол*, *бокс*, *регби*, *хоккей*, *фокстрот*, *танго* и др., которые первоначально употреблялись лишь для обозначения реалий, не свойственных русской жизни.

Иноязычные вкрапления — это слова или сочетания слов, передаваемые на письме и в устной русской речи графическими и фонетическими средствами языка-источника. Это, например, латинские выражения типа *dixi* 'сказал', *ergo* 'следовательно', *ad hoc* 'к случаю', *pro et contra* 'за и против', идиоматические обороты французского, английского, немецкого и других языков: *C'est la vie!* 'Такова жизнь!', *entre nous* 'между нами', *happy end* 'счастливый конец' и т. п.

§ 80. Фонетические и морфологические признаки заимствованных слов

Несмотря на то, что иноязычное слово передается средствами заимствующего языка и приобретает самостоятельное значение, в его облике нередко сохраняется «иностранность» — фонетические и морфологические признаки, не характерные для русского языка.

Фонетические и графические признаки иноязычных слов:

а) начальная буква *а*: подавляющее большинство слов, начинающихся с *а*, иноязычного происхождения: *абажур, авария, авиация, автор, амбар, аншлаз, артист, армия, афиша* и др. (русские слова, начинающиеся с этой буквы, в основном междометного характера: *авось, ах, ахоть, ахнуть, аховый*);

б) начальная буква *э*: кроме местоименных слов *этот, этакий*, междометий *эх! эх-ма!* и немногих других, слова с начальным *э* являются иноязычными по происхождению: *эволюция, эгоизм, элемент, электрический, эмоциональный, энергия, эхо* и т. п.;

в) наличие буквы *ф*: *флот, форма, фальшивый, фотография, философ, кофта, муфта, сафьян, рельеф, гольф* и т. п.; звук [ф] не является показателем иноязычности слова, так как он возможен и часто встречается и в исконно русских словах — на конце слова и перед глухими согласными: *бóро[ф], засó[ф], [ф]тóрник, [ф]сýду* и т. п.;

г) сочетание двух гласных в корне слова: *аорта, радио, боа, пантеон, пауза, джоуль* (в русских словах такие сочетания возможны лишь на стыке морфем: *наоборот, приозерный, повхали, внеочередной, проулок, научить*);

д) сочетания *ке, ге, кю, гю, хю* в начале слова: *кегли, герой, кюре, гюрза* и т. п.;

е) двойные согласные в корне слова: *аббат, коллега, коррозия, тоннель, сумма, касса, диффузия, интермеццо*;

ж) сочетание *дж* в корне слова: *джерпер, джинсы, джаз, пиджак, раджа, в колледже* (в русских словах это сочетание встречается только на стыке морфем: *поджарить, преджаберный*);

з) сочетание *нг* в конце корня слова: *блуминг, ринг, пеленг, шланг, фланг*;

и) произношение [о] не под ударением: *бонто́н, болеро́, модера́то*.

Морфологические признаки иноязычных слов:

а) несклоняемость существительных: *кофе, жюри, депо, пальто, колибри, кенгуру, меню, алоэ, жалюзи*;

б) морфологическая невыраженность числа и рода существительных (те же примеры, что и в пункте а). У грамматически неизменяемых существительных падеж, число и род выражаются лишь синтаксически — формой согласуемых с такими существительными прилагательных и глаголов, например: *Пальто висело на вешалке* (выражены грамматические значения именительного падежа, единственного числа, среднего рода), *черный кофе* (выражены грамматические значения единственного числа, мужского рода и именительного или винительного падежа);

в) неизменяемость прилагательных: *беж, бордо, хаки*.

§ 81. Кальки

Наряду с заимствованием иноязычной лексики в русском языке происходят процессы **калькирования** — создания слов из исконного материала, но по иноязычным образцам. Слова-кальки образуются путем замены каждой значащей части иноязычного слова морфемой, имеющейся в русском языке. Так, например, латинское *in-sect-um* послужило образцом для русского *на-секом-ое*: части *in-* соответствует приставка *на-*, корню *-sect-* — корень *-секом-*, окончанию среднего рода *-um* — окончание того же рода *-ое*. Кальками с немецких слов являются: *пред-став-ление* (нем. *Vor-stell-ung*), *естество-испыта-тель* (*Natur-forsch-er*), *сверх-человек* (*Über-mensch*), *громко-говори-тель* (*Laut-sprech-er*), *вы-глядеть* (*aus-sehen*) и некоторые другие; слово *небо-скрёб* — калька с английского *sky-scraper*.

Подобные кальки, являющиеся как бы слепами с иноязычных слов, повторяющие их морфологическую структуру, называются **словообразовательными** кальками. Кроме словообразовательного бывает и **семантическое** калькирование — появление у русского слова такого значения, которое обусловлено влиянием соответствующего иноязычного образца. Так, например, французское слово *clou* помимо своего основного значения 'гвоздь' имеет переносный смысл 'главная приманка театрального представления, программы'. Этот смысл повлиял на употребление и русского слова *гвоздь*: с конца XIX в. в русском языке появляются выражения *гвоздь сезона, гвоздь выставки* и под.

Употребление слова *утка* в значении 'ложный слух' стало возможным благодаря влиянию французского *canard*, которое имеет как прямое значение ('утка'), так и переносное.

В конце XIX — начале XX в. семантическое калькирование было особенно распространено в области политической лексики. Так, слово *платформа* в значении 'политическая программа партии, общественной группы' стало употребляться под влиянием значения слова *platform* в английском языке; *блок* в значении 'союз партий или группировок' — под влиянием такого же значения немецкого слова; *попутчик* в значении 'временно примыкающий к какому-либо политическому движению' — под влиянием немецкого *Mitläufer* и т. д.

Словообразовательные кальки бывают полными, когда калькируется вся словообразовательная структура иноязычного слова: каждая часть заменяется соответствующим русским элементом (как в приведенных примерах), — и частичными, или полукальками, когда замене подвергается лишь часть словообразовательной структуры иноязычного образца. Например, полукалькой является слово *телевидение*: в английском *television* была калькирована лишь вторая часть (*-vision* → *видение*), а первая часть *tele-*, восходящая к греч. *têle* 'вдаль, далеко' и являющаяся интернациональным словообразующим элементом, сохранена в иноязычной форме (ср. предлагавшийся в 30-е гг., но непривившийся термин *дальновидение*, который представляет собой полную словообразовательную кальку английского *television*).

В 90-е гг. XX в. в речи политиков стало употребляться слово *многополярный*, которое также является полукалькой; ср. англ. *multipolar*, фр. *multipolaire*. Первая часть иноязычных прилагательных была «переведена» с помощью компонента *много-*, а вторая сохранена в иноязычной форме: *-полярный* (если бы перевели всё слово, то получилось бы *многополюсный*, а если бы всё слово заимствовали, то оно должно было бы иметь форму *мультиполярный*).

В современном русском языке словообразовательное калькирование развито слабо. Но употребительны некоторые семантические кальки, появившиеся в 80–90-х гг.: полужаргонное *крутой* — о человеке: решительный, производящий сильное впечатление своими манерами и поведением (значение возникло под влиянием английского слова *cool*); *пакет* в значении 'набор, комплект' (*пакет предложений*

(на переговорах), *пакет программ для компьютера*) — под влиянием англ. *packet*; *раунд* по образцу англ. *round* стало употребляться применительно к переговорам, встречам политических деятелей и др. (раньше *раунд* использовалось только как термин бокса); *команда* в значении 'близкое окружение какого-либо лица' (обычно влиятельного, ср.: *команда президента*) — калька одного из значений англ. *team* и некоторые другие.

Кроме того, калькируются некоторые словосочетания: *круглый стол* — англ. *round table*, *горячая линия* (телефонной связи) — англ. *hot line*, *высокая мода* — фр. *haute couture* и др.

§ 82. Использование иноязычной лексики в речи

Значительная часть иноязычной лексики — это слова книжные. Поэтому наиболее уместно их употребление в жанрах книжно-литературной речи. В научной и технической литературе широко используются иноязычные по своему происхождению специальные термины. В речи же обиходной, бытовой употребление иностранных слов часто не вызывается необходимостью, особенно в тех случаях, когда имеются близкие по смыслу русские слова. Например, вместо *лимитировать* почти всегда более уместным оказывается глагол *ограничивать*, вместо *коррективы* — *поправки*, вместо *дефицит времени* — *нехватка* или *недостаток времени* и т. п.

В употреблении иноязычных слов, так же как и в использовании всяких других языковых единиц, важно соблюдать правило целесообразности, коммуникативной оправданности: то, что принято в одном стиле речи, в одних условиях общения, может оказаться чуждым в другом стиле, в иных условиях общения.

Не следует избегать иностранных слов только потому, что они иностранные. Как писал А. Н. Толстой, незачем говорить *самоподымальщик*, а не *лифт*, *дальнеразговорня* вместо *телефон*, но там, где русское слово оказывается более точным, надо его находить.

Употребление иностранных слов без надобности часто бывает связано с их непониманием, с искажением их смысла. Разумеется, это недопустимо, так как мешает правильному восприятию смысла речи.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕЕ АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ЗАПАСА

Лексическая система языка отличается от других его уровней своей открытостью, незамкнутостью, ибо словарный состав языка отражает те изменения, которые постоянно происходят в общественной, материальной и других сторонах жизни общества.

§ 83. Активный и пассивный словарь

Активным словарем принято считать совокупность тех слов, которые широко употребляются большинством говорящих в данное время. Круг таких слов весьма широк и многообразен семантически. В литературном языке это и общеупотребительные слова, необходимые в повседневном общении (*хлеб, вода, дом, ходить, работать, красивый, добрый* и др.), и общественно-политическая лексика (*социальный, прогресс, соревнование, экономика* и др.), и слова, принадлежащие к специальной лексике, терминологии, но известные и многим неспециалистам: *атом, ген, диагноз, геноцид, профилактика, рентабельный, виртуальный* и т. п.

Пассивный словарь входят слова, которые не являются общеупотребительными в современном русском литературном языке или используются в специальных целях (см. § 82). Причины их неупотребления различны: одни слова устарели, другие — слишком новы, непривычны для носителей современного русского литературного языка.

§ 84. Устаревшие слова: историзмы и архаизмы

Среди устаревших слов принято различать два вида: историзмы и архаизмы. Такое деление связано с различными условиями старения слов или отдельных их значений.

Историзмы — это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, так как из жизни общества ушли те предметы и явления, которые они обозначали. Например, в «Руслане и Людмиле» А. С. Пушкина читаем:

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в *гриднице* высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя славного Руслана...

Слово *грядница* имело значение 'помещение, где князь и дружина устраивали приемы и торжественные церемонии'. Оно вышло из употребления вместе с исчезновением на Руси таких построек. Историзмами стали и устаревшие слова *бурса, кафтан, околоточный, стряпчий, урядник, соха* и многие другие, так как из русской действительности ушли соответствующие учебные заведения, одежда, орудия труда и т. п. Историзмами являются и некоторые слова, появившиеся в первые годы советской власти, например: *комбеды, нэпман, ревком, ликбез*.

У многозначных слов историзмом может стать одно из значений. Например, слово *люди* имеет следующие значения: 1) множественное число к *человек*; 2) другие, посторонние лица; 3) лица, используемые в каком-то деле, кадры; 4) прислуга, работники в барском доме.

Слово *люди* в первых трех значениях входит в активный словарь. Четвертое значение у данного слова устарело. Это семантический историзм, так как в наше время нет помещиков, барских домов и прислуги — *людей* — в них.

Лексические и семантические историзмы встречаются в литературе, описывающей прошлое нашего народа. Например, у М. Е. Салтыкова-Щедрина:

Двор был пустынен... Обнесенный кругом частоколом, он придавал усадьбе характер *острога*. С одного края, в некотором отдалении от дома, виднелись хозяйственные постройки: конюшни, скотный двор, *людские* и прочие, но и там не слышно было никакого движения, потому что скот был в стаде, а *дворовые* на *барщине*.

Описывая барскую усадьбу, нравы крепостников-помещиков, автор использует слова *острог, людские, дворовые, барщина*, которые теперь уже стали историзмами.

Иногда слова, ставшие историзмами, возвращаются в активное употребление. Условием этого служит возрождение самих реалий, которые обозначаются данными словами. Так произошло, например, со словами *гимназия* и *лицей*, которыми сейчас называют разновидности **с о в р е м е н н ы х** учебных заведений.

А р х а и з м ы — это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, не выдержав конкуренции с более употребительными словами, обозначающими те же предметы, действия, признаки. Например:

— Пущай то *ведает*, — все же строго сказал он (Василий Васильевич), — что государи не *только* весело, но и трудно живут. — Но почувствовав в наступившем молчании печаль и недоволь-

ство, прибавил мягко: — Идем, *Иване*. *Вборзе* отпущу тебя и будешь в игры *играти* (В. Язвицкий. Иван III — государь всяя Руси).

Слова *ведает*, *токмо*, *вборзе* (как и формы *Иване*, *играти*) воспринимаются современным читателем как устаревшие, а понятия, которые они обозначали, существуют и называются современными словами *знает*, *только*, *вскоре*. Таким образом, у архаизмов в современном языке есть непременно синонимы: *закыханье* — *чиханье*, *вельми* — *очень* и многие другие.

В современной лексикологии принято выделять следующие группы архаизмов: 1) собственно лексические; 2) семантические; 3) фонетические; 4) акцентные; 5) морфологические.

Собственно лексические архаизмы — это слова, которые устарели целиком, как целостный звуковой комплекс: *личба* 'счет', *отроковица* 'девочка-подросток', *инфлуэнца* 'грипп' и др.

Семантический архаизм — это устаревшее значение слова. Например, слово *позор*, которое мы сейчас употребляем в смысле 'бесчестье', в старину означало 'зрелище' (а *позорить* значило 'выставлять на всеобщее обозрение'). Читая у А. С. Пушкина в повести «Капитанская дочка»: «Схвачен был башкирец с *возмутительными* листами», — надо иметь в виду, что здесь слово *возмутительный* означает 'призывающий к возмущению, к восстанию' (ср. современные выражения: *возмутительный поступок*, *возмутительное поведение*).

Устаревать в словах может звуковая оболочка, т. е. современное звучание слова может отличаться от устаревшего одним или более звуками. Такие слова принято называть фонетическими архаизмами. Например: «История государства Российского, сочиненная Н. М. Карамзиным, в *осьми* томах, продается в Захарьевской улице» (Н. Эйдельман. Последний летописец).

В современном языке форме *осьми* соответствует *восьми* (так же как слову *осьмой* — *восьмой*).

Огнь вместо современного *огонь*, *врата* вместо *ворота*, *пиит* вместо *поэт* — это также фонетические архаизмы.

Некоторые слова в прошлом имели ударение, отличное от того, какое у этих слов в современном русском языке, например: *симвóл*, *музы́ка*, *призрáк*. Ср. в стихах М. Ю. Лермонтова:

Ее насмешливый *призрáк*
И днем и ночью дух тревожит.

Такие архаизмы называются **а к ц е н т н ы м и**.

Еще одна разновидность архаизмов — **м о р ф о л о г и ч е с к и е**. Они архаичны по своей морфемной структуре, например: *свирепство* — вместо современного *свирепость*, *нервический* — вместо *нервный*, *рухнуть* — вместо *рухнуть* (у Ф. М. Достоевского читаем: «Он ступил шаг, покачнулся и *рухнулся* на пол в обмороке»).

Вытесняемые из употребления слова не исчезают бесследно: они сохраняются в литературе прошлого, они необходимы в исторических романах и очерках — для воссоздания быта и языкового колорита эпохи. Вот, например, два отрывка из романа А. Н. Толстого «Петр Первый»:

Вдали у Никольских ворот виднелась высокая — трубой — соболя шапка *боярина*, меховые колпаки *дьяков*, темные *кафтаны* выборных лучших людей (выделенные слова — историзмы).

Когда подлинно уведомится о *пришествии* короля Каролуса, и если *оный нарочито* силен, — *оного* накрепко стеречь (выделенные слова — архаизмы).

Поэты нередко используют устаревшие слова для того, чтобы придать стихам высокую, торжественную окраску. Например:

В голубой далекой спальне
Твой ребенок *опочил*.

(А. Блок)

Легким взмахом белого *перста*
Тайны лет я разрезаю воду.

(С. Есенин)

Голос *подземлю* *днесь*.

(В. Маяковский)

С устаревшими словами учащиеся встречаются при чтении стихов, рассказов о прошлом нашей Родины. Например, отрывок из поэмы К. Ф. Рыльева «Иван Сусанин» содержит ряд архаизмов:

Уж солнце *высоко* сияет с небес —
Все глуше и *диче* становится лес!
И вдруг пропадает тропинка *пред* ними:
И сосны, и ели ветвями густыми,
Склонившись угрюмо до самой земли,
Добростую стену из сучьев сплели.
Вотще *настороже* тревожное ухо:

Все в том захоластье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал...
Предателя, *мнили*, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земле!
В ней каждый Отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

Лексические архаизмы *вообще* 'напрасно', лях 'поляк', *мнить* 'думать, считать', фонетический *пред*, акцентные *высоко*, *настороже*, морфологические *диче*, *на земле* (на земле) придают тексту колорит старины, давнего прошлого.

Иногда устаревшие слова начинают употребляться в новом значении. Так, слово *дружина*, которое в древнерусском языке имело значение 'войско' (ср. у А. С. Пушкина в «Песни о вещем Олеге»: «С дружиной своей в цареградской броне Князь по полю едет на верном коне»), впоследствии устарело. Но в 50-х гг. XX в. оно возродилось и употреблялось в составе таких сочетаний, как *добровольная народная дружина*, *пожарная дружина*, а затем вновь ушло из активного употребления. Вернулось в современный русский язык слово *династия*. Раньше оно могло сочетаться только с такими определениями, как *царская*, *монархическая* и под. А современные журналисты иногда говорят и пишут о *рабочих династиях*, *династиях шахтеров*, *металлургов*, имея в виду семьи с «наследуемой» профессией.

Архаизмы используют также и ради шутки, в ироническом контексте, например: «Обыватель любопытен, все узнать бы о *пиите!*» (В. Маяковский); «И вот отворяются магазинные *врата*: Стульев нет. Столов нет» (Л. Лиходеев).

§ 85. Неологизмы

В разряд пассивного словаря входят и многие неологизмы. Н е о л о г и з м о м называется слово, недавно появившееся в языке. Неологизмом оно остается до тех пор, пока говорящие ощущают в нем новизну. Среди слов, появившихся в 60–70-е гг. нашего столетия, до сих пор сохраняют оттенок новизны слова типа *полиуретан*, *прессинг*, *приборист*, *продуцент*, *трелевать*, *фторировать*, *спортограмма* и др.

Признак новизны у слова может быстро утрачиваться, так как новый предмет, новое понятие может получить в

короткий срок широкое применение. Слово *лавсан*, например, для 60-х гг. — неологизм, образованный путем сокращения названия учреждения — Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук СССР, где было получено искусственное синтетическое волокно. В 70–80-е гг. слово *лавсан* воспринимается как слово активного словаря.

Неологизмы, которые появляются в языке в связи с развитием науки, техники, культуры и других сторон общественной жизни, принято называть собственно лексическими. Появление таких неологизмов фиксируется в наше время специальными словарями (см. о них в § 114).

Кроме собственно лексических неологизмов в современном русском языке есть и семантические неологизмы — так называются новые значения у слов активного словаря. Например, слово *якорь*, известное всем говорящим на русском языке со значением 'металлический стержень с лапами, укрепленный на цепи и опускаемый на дно для удержания на месте судна, бакена, плавучего маяка и т. п.', в 70-е гг. получило новое значение — 'специальная площадка для фиксации космонавта, расположенная на орбитальной станции рядом с люком' (см.: Словарные материалы-79. — М., 1980).

Слово *челнок* в 80-е гг. приобрело значение 'мелкий торговец, ввозящий товар из-за границы (или вывозящий его за границу) с последующей реализацией его на местных рынках'. У давно заимствованного слова *диск* во второй половине XX в. появилось новое значение — 'магнитный носитель информации, используемый в компьютерах'.

«Словарь новых слов и значений 60-х годов» (М., 1971) свидетельствует: 50 % новообразований — это терминологическая лексика, что объективно отражает действительную картину, свидетельствует о развитии науки и техники и о проникновении все большего числа специальных терминов в общелитературный язык.

Среди неологизмов выделяется особая группа новообразований, которые создают поэты, писатели, публицисты. Например:

Только вооружившись сатирой Гоголя и фантазией Гофмана, можно было изобразить то, что тогда называлось «гримасами нэпа» и что стало главной пищей для сатирического гения синеглазого... Это он пустил в ход словечко «*гофманиада*», которым определялось каждое невероятное происшествие (В. Катаев. Алмазный мой венец).

Такие неологизмы принято называть авторскими или индивидуально-стилистическими. Отличительной особенностью их является то, что они, как правило, так и остаются неологизмами, т. е. не переходят в активный словарь, несмотря на возраст: *кюхельбекерно* (А. Пушкин), *пассажирство*, *омужчиниться* (А. Чехов), *громадьё* (В. Маяковский), *машинерия* (В. Яхонтов), *перехмур* (Е. Исаев), *шестьэтажье* (Н. Тихонов).

Лишь отдельные авторские образования с течением времени становятся словами активного словаря: *головотяп*, *благоглупость* (М. Салтыков-Щедрин), *прозаседавшие* (В. Маяковский), *бездарь* (И. Северянин) и др.

Лексические неологизмы могут появляться в языке тремя путями: 1) путем образования новых слов от уже существующих с помощью тех или иных словообразовательных средств: *луноход*, *космизм*, *незавершёнка* (незаконченное строительство), *левоцентрист* (представитель левоцентристской партии, фракции) и т. п.; 2) путем заимствования из других языков: *автобан* (тип автомобильной дороги), *джакузи* (большая ванна с подогревом и гидромассажем), *лейбл* (товарная этикетка), *ремейк* (переделка ранее снятого фильма), *спонсор*, *хит*, *шоу* и т. п.; 3) путем так называемого «внутреннего» заимствования, когда слово попадает в литературный язык из других подсистем национального русского языка — из просторечия, из местных диалектов, социальных и профессиональных жаргонов и т. п.: так, для 20-х годов нашего века неологизмами были вошедшие в литературное употребление из диалектов слова *учеба* (которое стало использоваться наряду с традиционно-литературным *ученье*), *косовица* (соответствующее литературному *косьба*), *новосел*, *глухомань*, *обеднять*, *отгул* и некоторые другие; в современном словоупотреблении нередки слова жаргонного происхождения типа *беспредел*, *разборка*, *халява* (то, что получено даром) и т. п.

Таким образом, словарный состав русского языка непрерывно изменяется. Эти изменения двуплановы: с одной стороны, часть слов устаревает, выпадает из активного употребления. С другой стороны, в лексику русского языка включаются вновь появляющиеся слова. Процесс образования новых слов преобладает над процессом утраты устаревших слов, а потому словарный состав современного русского языка непрерывно обогащается, увеличивается.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СФЕРЫ ЕЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Лексика, составляющая словарь русского национального языка, неодинакова по сферам ее употребления. Одни слова известны всем говорящим по-русски (*земля, идти, белый, хорошо, вот* и др.), другие употребляются в какой-то одной местности, а за ее пределами неизвестны и непонятны (*баской* 'хороший' в северных говорах, *охлюпкой* 'верхом на лошади без седла' в южнорусских говорах и т. п.), третьи используются людьми определенной профессии (специальные технические термины) или обособленных социальных групп (ср. воровское арго) и т. д.

В зависимости от сферы употребления лексика русского языка может быть подразделена на несколько групп: 1) лексика общенародная (общеупотребительная), 2) лексика диалектная, 3) лексика профессиональная и специальная, 4) лексика жаргонная.

§ 86. Общенародная (общеупотребительная) лексика

Слова, употребление которых свойственно всем говорящим по-русски и не ограничено какой-либо территорией, профессией или социальной средой, составляют общенародную (общеупотребительную) лексику русского языка.

Общеупотребительные слова — ядро лексической системы языка; без них невозможно его существование, невозможно общение. К общеупотребительной лексике относятся слова, обозначающие жизненно и социально важные понятия, действия, свойства: *вода, земля, человек, отец, мать, работать, идти, видеть, слышать, большой, добрый, хороший, злой, белый, светло, темно, быстро* и др. Они обычно имеют определенные и устойчивые значения, которые являются общими для всех носителей языка и не изменяются в течение длительных периодов времени. Стабильность и понятность общеупотребительной лексики служат взаимопониманию разных людей как в одном, так и в разных, сменяющих друг друга поколениях.

Это не означает, что общеупотребительная лексика составляет замкнутую группу слов, не подверженную никаким влияниям. Напротив, она может пополняться словами, которые ранее имели ограниченную (диалектную или профессиональную) сферу употребления. Так, слова *животре-*

пещущий, разношерстный, неудачник, самодур, завсегда́тай, нудный и некоторые другие еще в первой половине XIX в. не были известны всем говорящим по-русски: сфера их употребления была ограничена профессиональной (*животрепещущий, разношерстный*) или диалектной (*неудачник, самодур, завсегда́тай, нудный*) средой. В современном же русском языке эти слова входят в состав общеупотребительной лексики.

С другой стороны, некоторые общеупотребительные слова с течением времени могут выходить из общего оборота, сужать сферу своего употребления: например, слова *зобать* 'есть', *брезг* 'рассвет' (ср. однокоренной глагол *брезжить*) сейчас встречаются только в некоторых русских говорах. Бывают случаи, когда слово из общенародного словаря уходит в профессиональные жаргоны.

§ 87. Диалектная лексика

Слова, употребление которых свойственно людям, живущим в определенной местности, составляют **диалектную лексику**. Диалектные слова используются преимущественно в устной форме речи, так как и сам диалект — это главным образом устная разговорно-бытовая речь жителей сельской местности.

Диалектная лексика отличается от общенародной не только более узкой сферой употребления, но и рядом фонетических, грамматических и лексико-семантических особенностей.

Это отчетливо проявляется, когда диалектные слова попадают в литературное употребление: своей формой (произношением, ударением, словоизменительными особенностями) или значением они отличаются от лексических средств, соответствующих литературной норме. Такие слова называются **диалектизмами**.

В зависимости от того, какими особенностями характеризуются диалектизмы (в отличие от литературной лексики), различают несколько их типов:

фонетические диалектизмы — слова, в которых отражаются фонетические особенности данного диалекта: *бочка, Ванька, тупяток* (вместо *бочка, Ванька, кипяток*) — южнорусские диалектизмы; *курича, цасы, целовек, немчи* (вместо *курица, часы, человек, немцы*) — диалектизмы, отражающие звуковые особенности некоторых северо-западных говоров;

грамматические диалектизмы — слова, имеющие иные, чем в литературном языке, грамматические характе-

ристики или отличающиеся от общенародной лексики по морфологической структуре. Так, в южных говорах существительные среднего рода нередко употребляются как существительные женского рода (*вся поле, такая дело, Чует кошка, чью мясу съела*); в северных говорах распространены формы *в погребу, в клубу, в столу* (вместо *в погребе, в клубе, в столе*), вместо общеупотребительных слов *сбоку, дождик, бежать, нора* и др. в диалектной речи употребляются слова с тем же корнем, но иные по морфологическому строению: *сбочь, дожжок, бечь, норь* и т. п.;

л е к с и ч е с к и е диалектизмы — слова, и по форме, и по значению отличающиеся от слов общенародной лексики: *кочет* 'петух', *корец* 'ковш', *намедни* 'на днях, недавно', *скородить* 'боронить', *назём* 'навоз', *гутарить* 'говорить', *инда* 'даже' и т. п. Среди лексических диалектизмов выделяются местные названия вещей и понятий, распространенных в данной местности. Эти слова называются э т н о г р а ф и з м а м и. Например, этнографизмом является слово *панёва* — так в Рязанской, Тамбовской, Тульской и некоторых других областях называют особую разновидность юбки. В местностях, где в качестве тягловой силы используются волы, распространено слово *налыгач* — обозначение особого ремня или веревки, привязываемых к рогам волов. Жердь у колодца, с помощью которой достают воду, в некоторых местах называют *очеп*; берестяные лапти раньше назывались *коты* и т. п.

Диалектное слово может отличаться от общеупотребительного не формой, а значением; в этом случае говорят о с е м а н т и ч е с к и х диалектизмах. Так, словом *верх* в некоторых южных говорах называют овраг, глагол *зевать* используется в значении 'кричать, звать', *угадать* — в значении 'узнать кого-либо в лицо', *темно* — в значении 'очень, сильно' (*темно люблю* 'очень люблю'); в северных говорах *пахать* значит 'подметать пол', в сибирских *дивно* означает 'много' и т. д.

Диалектизмы нередко используются как выразительные средства в произведениях художественной литературы — для речевой характеристики персонажей, для передачи местного колорита, для более точного, с точки зрения автора, названия некоторых вещей и понятий.

«Было морозно и колко, но с вечера стало *замолаживать*» (Л. Н. Толстой) — этот глагол в орловских и тульских говорах значит 'пасмурнеть, клониться к ненастью', как объясняет это значение В. И. Даль; «Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в *заказ*» (И. Тургенев); «— *Вся лицо* так вро-

де как *голубая стала*» (И. Бабель); «— Мы привыкли хлеб *исть* без весу» (М. Шолохов) и т. п.

§ 88. Профессиональная и специальная лексика

Слова, употребление которых свойственно людям определенных профессий, имеющие сферой своего использования какую-либо специальную отрасль науки или техники, составляют лексик у п р о ф е с с и о н а л ь н у ю и с п е ц и а л ь н у ю. Эти два определения — профессиональная и специальная — необходимы нам для того, чтобы в общем плане выделенных таким образом слов различать, во-первых, официально принятые и регулярно употребляемые специальные термины (они и есть специальная лексика) и, во-вторых, свойственные многим профессиям экспрессивно переосмысленные, переименованные слова и выражения, взятые из общего оборота.

Различие между специальными терминами и профессиональными словами (иначе их называют п р о ф е с с и о н а л ь н ы м и) можно показать на следующих примерах. В металлургии термином *настыл* обозначают остатки застывшего металла в ковше, рабочие же называют эти остатки *козлом* (*настыл* — официальный термин, *козел* — профессионализм). *Вогнутый шлифовальник* (специальный термин) оптики называют также *чашкой* (профессионализм). Физики шутливо называют *синхрофазотрон* *кастрюлей*, медики именуют особый вид температурной кривой (с резким подъемом и спадом температуры больного) *свечой*. *Наждачная бумага* — это официальное, терминологическое название, а *шкурка* — профессионализм, широко употребительный и в непрофессиональном просторечии, и т. п.

Специальная терминология обычно «покрывает» всю данную специальную область науки или техники: все основные понятия, идеи, отношения получают свое терминологическое наименование. Терминология той или иной отрасли знания или производства создается сознательными и целенаправленными усилиями людей — специалистов в данной области. Здесь действует тенденция, с одной стороны, к устранению дублетов и многозначных терминов, а с другой — к установлению строгих границ каждого термина и четких отношений его с остальными единицами, образующими данную терминологическую систему.

Профессионализмы менее регулярны. Поскольку они рождаются в устной речи людей, занятых той или иной про-

фессией, они редко образуют систему (никто специально не заботится о создании такой системы). Для некоторых объектов и понятий имеются профессиональные наименования, а для других их нет. Отношения между различными профессионализмами также отличаются известной случайностью, неопределенностью. Значение профессионализма, возникающее обычно на базе метафорического переосмысления слова или оборота, нередко пересекается со значениями других профессионализмов. Наконец, в отличие от специальных терминов профессионализмы ярко экспрессивны, выразительны (благодаря своей метафоричности), и это их свойство с особой отчетливостью обнаруживается в соседстве с официальным, книжным специальным термином, значение которого данный профессионализм дублирует (ср. приведенные выше примеры).

В некоторых случаях профессионализмы могут использоваться на правах официальных терминов; их экспрессивность при этом несколько стирается, однако лежащая в их основе метафоричность значения ощущается достаточно хорошо. Ср. такие термины, как *плечо рычага*, *зуб шестеренки*, *колесо трубы* и под.

Хотя специальная и профессиональная лексика имеет ограниченную сферу употребления, между нею и лексикой общеупотребительной существует постоянная связь и взаимодействие. Литературный язык осваивает многие специальные термины: они начинают употребляться в не свойственных им контекстах, переосмысляться, в результате чего перестают быть терминами, или *д е т е р м и н о л о г и з и р у ю т с я*. Ср. употребление в современной публицистике, в разговорной речи, а иногда и в художественной литературе таких оборотов, как *идейный вакуум*, *бацилла равнодушия*, *орбита славы*, *коррозия души*, *контакт с населением* и т. п.

Особую роль играют специальные термины и профессионализмы в современной поэзии, где они являются одной из примет «интеллектуализации» стиха.

Приходит страшнейшая из амортизаций —
амортизация

сердца и души.

(В.Маяковский)

И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,

Где происходит *атомный распад*
Неуловимых элементов слова.

(Л. Мартынов)

И мелодию *высоковольтной* мольбы
Напечатал, как пропись, в издание отдельном.

(П. Антокольский)

В художественной прозе профессионализмы и специальные термины используются не только для речевой характеристики героев, но и для более точного описания производственных процессов, отношений людей в служебной и профессиональной обстановке. Такова, например, роль этой лексики в повестях М. Пришвина (охотничьи термины), в очерках Б. Можая (сельскохозяйственная терминология), в художественной и документальной прозе Д. Гранина (научная и техническая терминология) и др.

§ 89. Жаргонная лексика

Слова, употребление которых свойственно людям, образующим обособленные социальные группы, составляют лексику жаргонную (о жаргонах см. в § 44). Так, жаргону офеней — бродячих торговцев, существовавших в России XIX в., — были присущи слова *рым* 'дом', *мелех* 'молоко', *сары* 'деньги', *зэтить* 'говорить', *мастырить* 'строить' и др. В жаргоне бурсаков — учащихся бursы (школы, которая совмещала в себе тупую зубрежку и палочную дисциплину) — были слова *сбондить* 'украсть', *жучить* 'строго взыскивать' (сейчас это слово употребительно в просторечии), *рождество* 'лицо' и др. Некоторые лексические элементы, проникшие в прошлом из социальных жаргонов в общенародную лексику, сохраняются в ней и сейчас. К ним относятся, например, слова *жулик*, *липа* 'фальшивка', *заколодило*, *шустрый* и некоторые другие. Кроме того, сохраняется и постоянно обновляется лексика молодежного — школьного и студенческого — жаргона. Для современного состояния характерны, например, многочисленные англицизмы, нередко намеренно искаженные: *герл* 'девушка' (от англ. *girl*), *френд* 'мальчик, друг' (от англ. *friend*), *дансить* 'танцевать' (от англ. *to dance*), *вайтовый* 'белый' (от англ. *white*), *трузер* 'брюки, штаны' (от англ. *trousers*), *ворковать* 'работать' (от англ. *to work*) и под.

Жаргонными являются некоторые переосмысленные слова общенародной лексики: *тачка* в значении 'автомобиль', *слинять* 'незаметно уйти', *предки* 'родители' и т. п., экспрессивные образования типа *стипа*, *стипуха* 'стипендия', *потрясно* 'очень хорошо, отлично, изумительно', *фирмовый* 'высшего качества, модный' и др.

Современная литературная речь, особенно в устно-разговорной ее разновидности, испытывает значительное влияние социальных жаргонов. Лексика, которая раньше была уделом замкнутой человеческой среды — уголовников, мафиози, проституток, наркоманов и др., в 80–90-е гг. XX в. нередко звучит из уст носителей литературного языка, попадает в прессу, слышится с киноэкрана и с экрана телевизора. Таковы, например, слова *бабки* 'деньги', *баксы* 'доллары', *врубиться* 'начать понимать что-либо', *достать* 'надоесть, утомить разговорами, просьбами и т. п.', *кайф* 'удовольствие', *отмороженный* 'тот, кто не признает никаких правил и авторитетов и ничего не боится (обычно о человеке, нарушающем закон, преступнике)', *отмыть* (деньги) 'легализовать незаконно полученные доходы путем вложения их в благотворительные акции, в промышленное производство и т. п.', *тащить* 'возбуждаться, испытывать приятное чувство от чего-либо', *тусовка* 'собрание людей, объединенных общими интересами' и др.

Жаргонная лексика имеет узкую сферу употребления: ее используют в основном среди «своих», т. е. в общении с людьми того же социального круга, что и говорящий. В художественных произведениях жаргонные слова могут служить для речевой характеристики персонажей, употребляться в целях стилизации. Так, например, в романе Д. Гранина «После свадьбы» в речи героев — молодых людей (рабочего и инженера) встречаются такие, жаргонные по своему характеру, слова и обороты: «Это я в порядке *трепа*»; «Поехал бы сам вместо Игоря, и *кончики*»; «Танцует она — *блеск!*»; «Пойдет совсем другая *житуха*»; *шарашка*, *вкльвать* и др.

Встречаются жаргонные слова — и в диалогах, и в авторской речи — в произведениях таких известных русских писателей, как Л. Леонов, В. Шукшин, В. Аксёнов, С. Каледин, в поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко и других.

Употребление жаргонизмов в художественном тексте должно быть оправдано и общим замыслом произведения, и стилистически.

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОЙ ОКРАСКИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО- СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

§ 90. Стилистическая окраска слова

Рассмотрим три предложения из разных текстов: первый — из рассказа А. П. Чехова «Ванька Жуков», второй — из статьи в научном журнале, третий — из деловых документов. Вот эти отрывки:

1) *А она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать.*

2) *Для изучения гидродинамики пленочной конденсации на вертикальных поверхностях в электрическом поле применены фото- и киносъемка с одновременным замером тепловых характеристик процесса конденсации.*

3) *Отказать ввиду отсутствия вышеозначенной аппаратуры (резолюция на заявке).*

Эти предложения специально выбраны из таких далеких друг от друга жанров, как художественное произведение, научная статья и резолюция. Отрывки контрастны по структуре предложений, по интонации, по использованным в них словам. В чеховской фразе, написанной от имени Ваньки Жукова, — слова просторечные, даже грубые: *ейный, морда, харя; тыкать и селедка* имеют разговорную окраску. В отрывке из научной статьи много специальных терминов и вообще книжной лексики: *гидродинамика, конденсация, применены, замер, тепловые характеристики, процесс*. Резолюция содержит слова канцелярские: *вышеозначенный, ввиду отсутствия*.

Приведенные примеры иллюстрируют возможности использования слов в зависимости от цели речи и от сферы, в которой происходит общение: для бытового разговора или письма (фраза Ваньки Жукова — из его письма к дедушке) характерны разговорные и просторечные слова, для научного текста — слова книжные (в том числе термины), для делового документа — лексика официально-деловая. Помимо различий в сферах применения эти слова отличаются стилистической окраской — сниженной (*морда, харя, тыкать*) или книжной (большая часть слов из второго отрывка, слово *вышеозначенный* и оборот *ввиду отсутствия* из третьего отрывка). Если слово стилистически не окрашено, то говорят, что оно стилистически нейтрально: таковы, например, в рассмотрен-

ных текстах слова *она, взяла, начала, меня, поверхность, электрический, поле, одновременный, отказать*.

Анализ приведенных отрывков с точки зрения различий между использованными в них словами подводит нас к следующему положению. Все лексические средства языка можно разместить на воображаемой *стилистической шкале*. Эта шкала состоит из трех зон — в зависимости от стилистической окраски помещенных здесь слов: слова с книжной стилистической окраской, нейтральные и стилистически сниженные. Основной является зона с нейтральной окраской слов. Это своего рода точка отсчета: не будь стилистически нейтральных единиц, нечему было бы противопоставлять, с одной стороны, слова книжные, а с другой — сниженные. Нейтральное наименование у вещи, свойства или действия есть всегда (или почти всегда), а книжные и сниженные соответствия менее регулярны.

Вот как можно схематически изобразить отношения между лексикой нейтральной, книжной и сниженной:

Книжная лексика	Нейтральная лексика	Сниженная лексика
почивать	спать	дрыгнуть
лик	лицо	морда (о человеке)
скончаться	умереть	помереть
—	лошадь	кляча
—	бить	лупить
грядущий	будущий	—
внимать	слушать	—
—	обмануть	надуть
—	читать	—
—	глобус	—

Помещая то или иное слово в один из столбцов, мы основываемся на его стилистической, или, точнее, экспрессивно-стилистической, окраске: в первом столбце — слова с книжной окраской, в третьем — со сниженной, а у слов, помещенных во втором столбце, экспрессивно-стилистической окраски нет, она «нулевая» (по это не простой нуль, а значимый: он входит в систему экспрессивно-стилистических противопоставлений).

§ 91. Стилистически нейтральная лексика

Стилистически нейтральная лексика составляет основу лексических средств языка, используется во всех разновидностях устной и письменной речи. Нейтральные слова служат для наименования предметов, действий, состояний и свойств и для сообщения какой-либо информации, без какой-либо оценки называемого со стороны говорящего: *стол, книга, окно, дерево, бежать, говорить, происходить, красный, холодно, вчера, там, тогда* и т. п. Среди слов некоторых частей речи преобладает лексика нейтральная; таковы, например, числительные (ср.: *один, два, три, четыре* и т. д., *первый, второй, десятый, тысячный* и т. д.), местоимения (*я, ты, он, мы, вы, они, этот, такой, мой, твой, наш, свой* и др.), большая часть предлогов и союзов (*в, на, за, к, с, над, о, по, перед* и др., *и, а, но, что, потому что* и др.).

§ 92. Книжная лексика

Книжная лексика составляет значительный пласт словаря. Примеры книжных слов: *аналогичный* (ср. стилистически нейтральные *сходный, похожий*), *гипотеза* (ср. *предположение*), *аргументировать* (ср. *доказывать*), *дифференцировать* (ср. *различать, разграничивать*), *безмолвие* (ср. *тишина*), *абсолютно* (ср. *совсем, совершенно: абсолютно здоров — совсем, совершенно здоров*) и т. п.

Основные сферы использования книжной лексики — различные жанры книжно-письменной речи: научная статья, закон, деловая переписка, газета, радио- и телекорреспонденция и др.

По характеру и степени экспрессивно-стилистической окраски книжные слова неодинаковы. Особо выделяются слова, которые помимо общей окраски книжности имеют оттенок торжественности; они составляют группу *в о з в ы ш е н н о й*, или *в ы с о к о й*, лексики. Это такие слова, как, например, *благо, возвестить, внимать, вдохновенный, воспеть, очи, уста, отчизна, свершения, грядущий, ибо, дабы* и т. п. (как видим, среди возвышенной лексики много слов устаревших). Область употребления высокой лексики — некоторые жанры поэзии, а также прозаические тексты, создаваемые по случаю каких-либо торжественных событий (ср., например, юбилейные статьи и речи).

Высокая лексика может использоваться в художественном или публицистическом тексте для создания комичес-

кого эффекта. Например: «И вот сей верный страж неожиданно для всех окружающих вспылал безудержной страстью к добру, которое призван был стеречь» (из газетного фельетона).

Помимо высокой в книжной лексике выделяются группы лексики научной и официально-деловой. К научной кроме специальных терминов (см. § 88) относятся многие слова, точно называющие определенные явления, свойства, действия и не содержащие оценок: *анализировать, актуальный, заключение, тождество, визуальный, идентичный, относительно, монография, диссертационный, структура* и т. п.

К официально-деловой лексике относятся слова, используемые преимущественно в сфере деловых отношений между людьми и учреждениями и имеющие «канцелярскую» окраску: *таковой, за неимением, ввиду, вышеуказанный, нижеподписавшийся, истец, ответчик, протоколировать, уполномочить* и т. п.

§ 93. Сниженная лексика

Сниженная лексика по степени экспрессивно-стилистической окраски делится на два разряда: лексику *разговорную* и лексику *просторечную*. В толковых словарях слова этих двух групп снабжаются стилистическими пометами «разг.» и «прост.». Например, открыв словарь на букву «Б», мы обнаружим, что слова *бабахнуть, бабушка, балагур, балагурить, баловаться, баловник, баловство, беготня, бедовый, бедокурить, безалаберный, безделица, бездельник, бездельничать, безмозглый, белиберда, белобрысый, белоручка, бесхозный, бесшабашный, битье, болтаться, болтовня, болтун, болячка, броский, бражниться, будоражить, бултыхаться, бурда, бухнуть, бытовка* — разговорные (они имеют помету «разг.»), а слова *бабий, базарить, балаганить, баламут, баламутить, баловной, барахло, барахолка, бахвалиться, башка, бзик, блажить, блажной, блажь, большущий, боляно, брехня, бузить, буркнуть* — просторечные (они имеют помету «прост.»).

Разговорная лексика употребительна в непринужденной речи, при неофициальных отношениях между собеседниками. Разговорное слово часто содержит оценку (положительную или отрицательную) обозначаемого предмета, свойства или действия; такая оценка хорошо ощущается при сравнении разговорного слова с близкими ему по смыс-

лу, но стилистически нейтральными или книжными словами: *артачиться — противиться, безалаберный — бестолковый, парень — юноша, нагоняй — выговор, нынче — сегодня, ухитриться — изловчиться* и т. п.

Просторечная лексика, отличаясь от разговорной большей силой экспрессии, употребительна главным образом в эмоциональных речевых ситуациях, при необходимости дать оценку называемому лицу, свойству, явлению, при дружеских и фамильярных отношениях между собеседниками (использование этой лексики в общении с незнакомым человеком является нарушением не только литературных, но и культурных норм, принятых в данном обществе); ср. такие слова, как *бедолага, оболтус, облапошить, нахрапистый, ухмылка, ляпнуть, втемяшить* и под.

Многие просторечные слова имеют грубоватый оттенок, поэтому сфера их употребления ограничена такими речевыми актами, как ссора, перебранка, перепалка и некоторые другие (ср. такие слова, как *рожа, харя, мурло, зануда, псих, трепач, загнуться, обалдеть* и т. п.).

В художественной литературе просторечная лексика употребляется для речевой характеристики персонажей. В авторской речи она используется тогда, когда повествование ведется как бы от лица персонажа; ср. такую форму использования просторечной лексики в произведениях М. Зощенко: «Недавно в нашей коммунальной квартире драка произошла. И не то что драка, а *цельный бой*. Дрались, конечно, от чистого сердца. Инвалиду Гаврилову последнюю *башку* чуть не *оттяпали*».

Все рассмотренные выше стилистические разряды слов находятся в пределах литературного словаря, их употребление регулируется нормой литературного языка. Помимо этого, существует *н е н о р м а т и в н а я* лексика, находящаяся за пределами литературной нормы (даже самой «либеральной»). В лингвистике она обозначается термином *о б с ц е н н а я* (от лат. *obscēnus* 'непристойный'). В русском языке это главным образом матерные слова и выражения, которые недопустимы во всех функциональных разновидностях литературной речи, находящихся в сфере действия нормативных рекомендаций и запретов. Эта лексика, однако, используется в бытовом общении (преимущественно в малокультурной среде), а также в художественных произведениях некоторых писателей (Ю. Алешковский, Виктор Ерофеев, Э. Лимонов, В. Сорокин и др.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 94. Изменения в структуре и значениях слов

Лексика — наиболее подвижная, изменчивая часть языка. Она чутко откликается на все изменения во внешней, неязыковой действительности: в материальной и культурной жизни общества, в социальном укладе, в отношениях между людьми. Но значит ли это, что словарь текуч, неустойчив, что темп изменений в нем параллелен темпу общественных перемен? Если бы это было так, то мы бы не понимали не только Пушкина, но и Чехова, и даже Горького. А ведь Пушкин писал более полутора столетий назад. Тем не менее «нам внятно все», о чем и как он сказал в своем творчестве.

Более того, если нам в руки попадет какой-либо текст XVIII в. или даже более раннего времени, мы способны кое-что понять из этого текста. Правда, такое понимание иногда обманчиво, иллюзорно: ведь некоторые слова изменили значение — несколько веков назад смысл их был иным. Так, например, *красным* называли то, что сейчас мы обозначаем словами *красивый*, *прекрасный*. Это значение сохранилось в былинах и народных песнях, в пословицах: *красная девица*; *Не красна изба углами, а красна пирогами* — и в топонимических наименованиях: *Красное село* — это 'красивое село', а не «село красного цвета», *Красная площадь* — 'красивая площадь'.

Подобные смысловые различия лингвисты находят и при сравнении эпох, не очень удаленных друг от друга. Например, слово *щепетильный* в начале XIX в. употреблялось применительно к мелкому товару (который сейчас называют галантереей). В строках Пушкина «Всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон *щепетильный*» присутствует именно это, старинное значение. Во времена И. С. Тургенева глагол *возразить* значил 'ответить' (даже соглашаясь): «— И в ваших жилах течет итальянская кровь, — заметил я. — Да, — *возразила* она, — хотите, я покажу вам портрет моей бабушки?» (И. Тургенев).

И все же, если в текстах двухсотлетней давности сопоставить процент полностью непонятных или даже отличающихся по смыслу слов с процентом слов, значения которых ясны нашему современнику, соотношение будет явно в пользу вторых: понятного в таких текстах больше, чем не-

понятного. Историк, сравнивая век XX с веком XVIII, найдет гораздо больше различий, чем сходства, — в общественном устройстве, в укладе жизни, наконец, просто в быту русских людей. А лингвист, проделывая подобное сравнение столетий, обнаружит в русском языке XX и XVIII вв. больше сходства, чем различий. Как это объяснить?

Дело в том, что язык по природе своей консервативен: он сильно отстает в своем развитии от развития внешнего мира. Это хорошо видно по сохранившимся в языке названиям. Например, мы продолжаем называть *пером* то, что совсем не похоже на гусиные перья (которыми писали наши предки); нож называем *перочинным*, хотя никакие перья им давно никто не чинит. *Чернилами* мы именуем жидкость, которая может быть не только черной, но и красной, и фиолетовой. Или вот совсем свежий факт: электрический прибор, подающий горячий воздух и используемый для сушки рук после мытья, называют полотенцем (правда, не просто, а *электрополотенцем*), хотя на полотенце он совсем не похож.

Подобные факты свидетельствуют о том, что изменения в словаре более медленны, чем изменения в окружающей нас жизни. Такой консерватизм языка (даже наиболее подвижной его части — словаря) — одно из его достоинств: относительная стабильность его средств, в том числе лексических, обеспечивает взаимопонимание между поколениями, преемственность культуры.

И все-таки изменения в лексике происходят. Одна из движущих сил этих изменений — потребность назвать их. Так возникают неологизмы (см. § 85). Потребность в назывании может исчезать, утрачиваться: перестают люди пользоваться некоторыми предметами, уходят в прошлое какие-либо понятия — слова, обозначающие эти предметы и понятия, уходят из языка, превращаясь в историзмы (см. § 84). Кроме того, в результате процессов словообразования, заимствования, семантических сдвигов в слове одни наименования могут вытесняться из активного употребления другими; так появляются архаизмы (см. § 84).

Неологизмы, историзмы и отчасти архаизмы — примеры непосредственного влияния перемен, происходящих в жизни, на словарь. Могут происходить в лексике и такие изменения, которые обусловлены развитием самого языка.

Например, исторические процессы в звуковом строе языка иногда до такой степени изменяют облик слова, что оно делается неузнаваемым. Вот, например, два слова: *доска* и *чан*. У них нет ни одного звукового совпадения (не считать же

окончание *-а* в слове *доска* и корневое *-а-* в слове *чан* совпадением!). Между тем второе произошло от первого. Сначала была форма *дѣсѣчанъ* (ѣ обозначает краткий редуцированный звук в отличие от полного гласного *о*; *о* понятии редуцированного гласного см. § 144), т. е. буквально «из досок, досчатый сосуд». В результате так называемого закона падения редуцированных в древнерусском языке первый ѣ «прояснился» в *о*, а второй исчез — получилось *досчанъ*, что в дальнейшем развилось до современного вида — *чан*.

Фонетические процессы могут быть причиной семантического расщепления слова. Так, простонародное произношение существительного *свобода* как *слобода* (плюс передвижка ударения на окончание) породило слово с самостоятельным смыслом: *слобода́*, первоначально — «поселение свободных людей».

Наконец, есть и такие изменения в лексике, которые обусловлены внутренним развитием самого словаря, языковыми закономерностями, которые управляют жизнью слова.

Таковы, например, закономерные, регулярно происходящие в языке изменения значений слов: по сходству функций предметов (*перо*, *перочинный*, *полотенце*); по внешнему сходству предметов: *глазное яблоко*, *резиновая груша*, *рукав реки*; по смежности предметов в пространстве: *класс* «помещение» и «группа учащихся», *бумага* «материал» и «официальный документ», *большое ведро* и *насыпать ведро картошки* и т. п. (подробнее об этом см. ниже, § 95–96).

Одни закономерные изменения смысла слов приводят к его расширению: например, рядом со значением «действие» появляется значение «результат действия» (*передача движения* — *цепная передача*); название свойства начинает употребляться в значении «то, что имеет это свойство»: *дерзость поступка* — *говорить дерзости*, *авторитет ученого* — *мнение авторитетов*. Другие изменения, напротив, ведут к сужению смысла. Так, в древности *пивом* называли любой напиток (буквально: «то, что можно пить»). Постепенно, однако, значение существительного сузилось: им стали называть только особый вид напитка. Слово *город* значило «ограда, забор», затем «огороженное, или огражденное, место», из этого последнего значения развилось и нынешнее значение слова, а древние смыслы («ограда, забор, огороженное место») утратились.

Все подобные изменения в лексике меняют не только содержание отдельного слова, ведут не только к количественным накоплениям в словаре — они нередко оказываются

причиной более глубоких, качественных перестроек внутри лексической системы.

§ 95. Изменение лексики как системы

Сравнивая лексическую систему современного русского языка со словарем древнерусского языка, мы обнаруживаем не только количественные различия, но и более глубокие качественные. Таких различий много, но одно из главных вот какое: по сравнению с современной древнерусская лексика была менее организована как система. В чем это проявлялось? Например, в том, что в качестве обозначения какой-либо вещи, свойства или понятия могло фигурировать не одно слово, а несколько, и между ними не было каких-либо четких смысловых различий.

Так, слова *облесть* и *обман* имели общее значение 'обман', глагол *поличити* употреблялся в том же смысле, что и *уличити*; одно и то же значили слова *свет*, *сияние* и *светительство*; *требуемый*, *нужный* и *полезный*; *благый*, *добрый* и *милосердный* и др.

Таким образом, в древнерусском языке была гораздо большая, чем в современном, вариативность названий, не оправданная коммуникативными потребностями. Да и в более позднее время еще сохранялась подобная дублетность лексических средств (например, в XVIII в. были и *толщина*, и *толстога*, и *толстость* для обозначения одного и того же качества).

По мере развития русский литературный язык избавлялся от дублетности. В лексике сохранялось лишь то, что было связано с различием смысла или со стилистическими оттенками. В то же время от столетия к столетию словарь становился больше, богаче, и смысловые отношения между словами усложнялись и утоньшались. Эти изменения были нескольких типов.

1. Изменения в способах называния предметов.

В древности названия предметов могли даваться по различным признакам: по особенностям формы, материалу, смежности с другими предметами и т. п.

Например, если обратиться к истории русских названий посуды, то можно узнать, что, скажем, *стакан* назван так по материалу: в старину стаканы изготавливались из досок (первоначально *достоканъ*); *ведро* оказывается родственным слову *вода* (т. е., если огрубить эту связь, *ведро* — сосуд для

воды); слово *горшок* возникло в результате переноса наименования с одного предмета на другой, смежный: исторически *горшок* — это маленький *горн* (приспособление для изготовления горшков); слово *блюдо* также метонимического происхождения: оно связано с готским корнем, означавшим 'стол'.

С развитием языка начинает преобладать — и чем ближе к нашему времени, тем отчетливее — принцип наименования предмета по его функции, предназначению. Более поздние (по сравнению с древнерусскими) названия опознаются по «прозрачности», мотивированности их структуры. Слово как бы сигнализирует своей формой, для какой цели служит обозначаемый им предмет: *выключатель*, *пылесос*, *фиксатор*, *звукоусилитель* и т. п.

2. Изменения в родо-видовых отношениях между понятиями и их отражение в словаре.

В древнерусском языке существовали названия *стол*, *скамья*, *лавка*, *кресло*, *кровать* и другие обозначения мебели, но самого слова *мебель* (или какого-либо другого, которое объединяло бы все видовые названия) не было. К середине XVIII в. ряд таких видовых наименований разрастается: появляются заимствованные из других языков слова *диван*, *шкаф*, *буфет*, *табурет(ка)* и др. Необходимость в общем наименовании становится настоятельной, и в русском языке укрепляется слово *мебель* (заимствованное из французского через немецкий), которое обозначает родовое понятие.

Таким образом, в русском языке вместо бессистемных, разрозненных наименований формируется группа слов, между которыми устанавливаются родо-видовые отношения.

Тенденция к организации слов в подобные множества с одним родовым наименованием возрастает на последующих этапах развития русского языка. Исследователи современного его состояния отмечают такие группы со сравнительно недавно появившимися родовыми обозначениями: *шапка*, *шляпа*, *кепка*, *папаха*, *фуражка*... — *головной убор*; *магазин*, *лавка*, *ларек*, *палатка*, *лоток*... — *торговая точка*; *поезд*, *самолет*, *автомобиль*, *теплоход*... — *транспорт* и т. п.

3. Изменение смысловых отношений между словами.

Увеличение арсенала выразительных средств — один из главных показателей совершенствования языка, его коммуникативных возможностей. На смену отношениям дублетности, свободной вариативности постепенно приходят такие отношения между словами, которые основываются на принципе функциональной необходимости: в языке сохраняют-

ся лишь такие единицы, которые отличаются от других по значению и употреблению. Если эти отличия малы, то слова объединяются в синонимические ряды; каждое слово ряда, называя то же действие или качество, подчеркивает в нем какой-либо особый оттенок (см. об этом в § 68).

Так, в древнерусском языке глаголы *помышляти*, *размышляти*, *думати* имели общее значение 'думать'; в языке XVIII–XIX вв. и в современном это слова хотя и близкие по смыслу, но обладающие самостоятельными значениями, которые реализуются в разных контекстах (ср.: «Я и не *помышлял* о таком успехе! Что тут долго *размышлять* — надо ехать»; «Прежде чем делать — *подумай*»). Еще в начале XIX в. прилагательные *особый* и *отдельный* различались по смыслу не очень четко. А. С. Пушкин писал своему другу П. А. Плетневу: «...во сколько комнат нужна мне квартира? Был бы *особый* кабинет — а прочее мне все равно» (мы бы сейчас сказали: *отдельный*).

В процессе пополнения языка иноязычными заимствованиями устанавливаются определенные отношения между «своим» и «чужим»: «чужое» тяготеет к книжному стилю, а «свое» — к нейтральному и разговорному; ср. такие близкие по смыслу слова, как *уют* — *комфорт*, *страх* — *паника*, *всеобщий* — *тотальный* и под.

4. С т и л и с т и ч е с к а я д и ф ф е р е н ц и а ц и я л е к с и к и.

Многие слова, которые на предшествующих стадиях развития языка употреблялись как обозначения одного и того же, впоследствии могут расходиться не по смыслу, а стилистически: одно наименование закрепляется как нейтральное, а другие приобретают книжную или, напротив, разговорную окраску. Например, *увеличивать* (*капитал*) — нейтральный глагол, *приумножать* — книжный, а *округлять* — разговорный; *ловкий* (*в работе*) — стилистически нейтральное прилагательное, а *хваткий*, *ухватистый*, *сноровистый* — разговорные; глагол *угождать* (кому-либо) стилистически нейтрален, *ублажать* (кого-либо) имеет разговорную, а *потрафлять* (кому-либо) — просторечную окраску. Пока в языке не было четкой и детальной дифференциации стилей, стилистические границы между подобными словами были размытыми.

5. И з м е н е н и е л е к с и ч е с к о й с о ч е т а е м о с т и.

С развитием языка возрастает избирательность слова в его сочетании с другими словами и тем самым усиливается идиоматичность (своеобразие) самих словосочетаний.

Так, например, глаголы *сделать*, *сделаться* в своих переносных значениях в языке XIX в. сочетались с существительными гораздо более широко, чем теперь. *Сделать* можно было не только *замечание* или *упрек*, но и, скажем, *вопрос*. В повести А. С. Пушкина «Выстрел» офицеры «*сделали* ему [Сильвио] этот *вопрос*» (мы бы сказали: *задали вопрос*). В повести «Капитанская дочка»: «Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; *сделалась метель*». Подобное употребление глаголов *сделать*, *сделаться* не было индивидуальной особенностью стиля А. С. Пушкина — ср. такую фразу из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «*Тревога между тем сделалась ужасная*».

Другим словам также была свойственна большая, чем сейчас, свобода сочетаний: писали, например, *произвести влияние*, *производить панику* (ср. современные *оказать влияние*, *сеять* или *поднимать панику*), говорили не только (со мной) *случилась беда*, но и *случилась радость*. «*Очень помню вас*», «*совершенно понимал своего приятеля*», «*слишком знаю их точку зрения*», «*пачка ключей*», «*безвыходное уныние*» — эти и подобные обороты мы можем встретить не только у А. И. Герцена, Д. И. Писарева, Г. И. Успенского, раннего Л. Н. Толстого, произведения которых отдалены от нашего времени более чем на столетие, но и в письмах А. А. Блока, рассказах А. И. Куприна, повестях А. Н. Толстого. В современном языке эти же мысли выражаются иначе: *очень хорошо*, *отчетливо помню*, *хорошо (вполне) понимал*, *слишком хорошо знаю*, *связка ключей*, *безысходное уныние*.

Таким образом, механизм лексической сочетаемости становится тоньше, а словесные средства, обеспечивающие работу этого механизма, разнообразнее.

Перечисленные виды изменений в лексической системе не исчерпывают всех системных преобразований, происходящих в словаре. Однако они дают представление о процессах, в результате которых словарный состав меняется и количественно, и качественно.

§ 96. Изменения в лексике русского языка XX в.

Двадцатое столетие отмечено крупнейшими социальными событиями, которые повлияли на судьбу не только России, но и большинства стран мира и всего человечества. Первая и Вторая мировые войны, Февральская и Октябрьская ре-

волюции, великие научные открытия и технические изобретения, беспрецедентное подавление свобод и самой человеческой личности, массовые репрессии и уничтожение миллионов людей в странах с коммунистическим и фашистским режимами — все это нашло отражение в русском языке, в его словарном составе.

Все новое, что появлялось в материальной и духовной жизни общества, требовало наименования.

Потребность в новых номинациях удовлетворяется тремя путями: 1) путем образования неологизмов (на базе уже имевшихся в языке лексических и словообразовательных средств); 2) путем заимствования иноязычных слов, а также элементов нелитературного просторечия, территориальных диалектов, профессиональных и социальных жаргонов; 3) путем семантических изменений существующих слов.

1. **Образование новых слов.** Все новые наименования в структурном отношении можно подразделить на две группы: простые и составные. Первая группа включает слова, образованные разными способами от других слов: *партиец, выдвигенец, соглашатель, ударничество, избач, предоктябрьский, грузовик, тысячник, буденовка, обезличка; самоотвод, домоуправление, вездеход, бронепоезд, книгоноша, бракодел, красноармеец, громкоговоритель, пятилетка, очковтирательство, многотиражка, всесоюзный; РСФСР, нзп, комбед, ревком* и т. п.

Продуктивны, особенно в 20-е гг., именные образования, обозначающие лиц по их общественному положению, партийности, взглядам, по отношению к новому строю: *беспартиец, назначенец, обновленец, пораженец, кружковец, массовик, передовик, беспризорник, общественник, подшефник, губотдельщик, частник* и под., а также названия различных форм административного, государственного и социального устройства советского общества, учреждений, видов той или иной деятельности и т. п.: *агитка, нормалка, обобществление, администрирование, раскулачивание, укрупнение, товарность, плановость, примиренчество, оборончество, паникерство* и др.

С конца 20-х гг. в лексику литературного языка начинают вливаться многочисленные наименования различных профессий, а также технических и производственных операций: *нефтяник, мостовик, отопленец, подземщик, прокатчик, доменщик, арматурщик, кессонщик, бетонщик, шлифовальщик; прокатка, сбойка, фрезерование, шлюзование, армирование* и многие другие. В 40–70-е гг. эти группы существительных пополняются новыми словами:

сварщик, буровик, движенец, снабженец, холодильщик, взрывник, высотник, коксовик, газовик, электронщик, программист, бульдозерист, ракетчик, реактивщик, ди-зелист и т. п.

Разнообразные способы образования новых лексических единиц особенно активны в области научной и технической терминологии, где возникают наименования процессов (*дез-активация, зашкаливание, программирование, формовка* и т. п.), новых материалов (*лавсан, полиэтилен, пенопласт* и т. п.), профессий и специальностей (*бульдозерист, фор-мовщик, эксплуатационник* и т. п.) и др.

На протяжении всего XX столетия русский язык также пополняется образованиями сниженного, разговорного ха-рактера, которые, однако, нередко употребляются в самых различных жанрах литературной речи, вытесняя при этом стилистически нейтральные варианты. Ср., например, об-разование слов путем так называемого стяжения, когда словосочетание, состоящее из двух лексических элементов, «стягивается» в одно слово: *зенитка* (из *зенитное ору-дие*), *читалка, электричка, планерка, оперативка, бы-товка, времянка, самоходка, дальнбойка, зажигалка, высотка* и др.

Составные наименования включают более чем одно сло-во: *изба-читальня, крестьянин-массовик, заместитель ди-ректора по кадрам, инженер по технике безопасности, сек-тор охраны труда, шагающий экскаватор, стиральная машина* и т. п. Особенно характерными для современного этапа развития русского языка являются различные виды сложных наименований, в том числе и с усечением первой основы: *стройматериалы, стеклотара, спецзадание, элект-рооборудование, радиопередача, лесозаготовки, пневмодрель* и т. п.

2. **Займствование литературным язы-ком иноязычных слов, а также элемен-тов просторечия, диалектов, жаргонов** (о заимствовании иноязычных слов русским языком XX в. см. выше, § 78). Особенно интенсивным было влияние на литературный язык диалектов, просторечия и жаргонов в 20-е гг. Это объясняется тем, что в послереволюционное время происходит перемещение и перемешивание больших групп населения. Крестьяне и рабочие начинают приобщать-ся к литературному языку. Вместе с усвоением новых для себя литературных норм они приносят в общее употребле-ние слова и обороты, которые свойственны им как носи-телям некодифицированных форм языка.

Так, в 20–30-е гг. в литературное употребление из просторечия и диалектов входят слова *учеба, неполадки, косо-вица, напарник, глухомань, доярка, кондовый, затемно, морока, муторный, новосел, обеднять, отгул* и некоторые другие; в более позднее время литературным языком осваиваются слова *показуха, простыть, острехи, перекур, разбазаривать, справить (свадьбу, обнову), пособить, заправила, понатореть* и др. В подавляющем большинстве случаев такие слова сохраняют сниженную стилистическую окраску и в системе литературного словаря относятся к разговорной и просторечной лексике. Это накладывает определенные ограничения на их использование: многие из подобных слов обычны в устно-разговорной разновидности литературного языка, в ряде жанров публицистического стиля речи (выступление с трибуны, статья в газете, фельетон и некоторые другие) и не употребляются в большинстве жанров научного и официально-делового стилей.

Литературный язык заимствует лексические средства и из профессионально ограниченных форм речи, например из «языков» горняков, шоферов, летчиков, металлургов, железнодорожников и людей других профессий и специальностей. В большинстве случаев такие лексические элементы несут на себе печать породившей их профессиональной среды — в виде яркой экспрессивно-стилистической окраски. Таковы, например, слова *баранка* в значении ‘рулевое колесо автомобиля’, *барахлить* (о плохо работающем моторе), *газовать, потолок* в значении ‘предел чего-либо’ (в «языке» летчиков, откуда пришло это значение слова, *потолок* означает предельную высоту подъема самолета), *бомбежка, задел* в значении ‘запас’, *отдача* и др. Некоторые из подобных слов отличаются и особенностями морфологической структуры: *отладка, отгрузка, отстрел, заатмосферный, напылять* и т. п.

Вследствие своих стилистических и формальных свойств профессионализмы имеют ограниченную сферу употребления (см. § 88).

3. Семантические изменения слов. Как известно, новое наименование может появляться не только в результате словообразовательных процессов — путем образования нового слова из имеющихся в языке элементов, но и в результате переосмысления слов (см. § 85). История русского языка XX в. дает многочисленные примеры такого рода семантических неологизмов.

В годы Первой мировой и Гражданской войн и позднее — в 20-е — начале 30-х гг., а также в 40-е гг. переосмыслению

подвергались многие военные термины и слова: *равняться на передовиков, фронт работ, шеренги строителей социализма, командиры производства, окопаться в тылу, рабочая гвардия, перевооружение промышленности* и т. п., некоторые слова «производственных» тематических групп: *цех, кузница, ремесло, мастер, мастерская* и т. п. (ср.: *цехи здоровья, кузница научных кадров, ремесло артиста, мастер слова, в творческой мастерской*).

Претерпевают сематические изменения и другие разряды лексики. Например, в следующих словосочетаниях выделенные слова выступают в переносных значениях, приобретенных этими словами в советский период развития русского языка: *заострить внимание, участок работы, перебросить (кого-либо) на другую работу, охватить кружками художественной самодеятельности, общественная нагрузка* и т. п. (ср. с этим употребление выделенных слов в их традиционных значениях: *заострить конец палки, участок земли, перебросить камень через забор, охватить руками ствол дерева, нагрузка на плечи*).

Некоторые устаревшие слова, в первые послереволюционные годы вышедшие из употребления, возрождаются в новых значениях, точнее — в применении к новым объектам и понятиям; ср.: *колхоз-миллионер, знатный токарь* и т. п. (подробнее об этом см. § 84). Такие слова, как *барин, вельможа, сановник*, и их производные сохраняются в языке в качестве средств отрицательной оценки лица и его поведения: — *Ишь, какой барин нашелся!; барские замашки, зазнавшийся вельможа* и т. п.

ЭТИМОЛОГИЯ

Раздел языкознания, который занимается изучением происхождения слова, а также исторических изменений в структуре слова и его значениях, называется *э т и м о л о г и е й* (от греч. *etymon* ‘истинное значение слова’ и *logos* ‘учение’).

Этимология основывается на закономерных звуковых и морфологических изменениях слов в процессе эволюции языка, учитывает регулярные переходы одних типов лексического значения слова в другие (сужение и расширение значения, метафоризация, метонимические переносы и т. п.).

Выясняя происхождение слов, их историю в том или ином языке, этимология учитывает и данные других наук — истории, археологии, этнографии. Комплекс собственно лингви-

стических сведений о слове, исторических и культурных сведений о называемой им вещи позволяет строить более или менее правдоподобные гипотезы о происхождении слова. При этом ученые-этимологи стремятся исключить случайные связи и ассоциации данного слова с другими. Так, например, оказывается, что сходство слов *выдра* и *выдрать* является лишь внешним — в действительности происхождение и история этих слов не имеют ничего общего: глагол происходит от древнерусского *дѣрати* (ср. современное *драть*), который родствен литовскому *dirti* 'сдирать', греческому *dero* (с тем же значением) и некоторым глаголам в других индоевропейских языках, а *выдра* родственно литовскому *udra* в том же значении, греческим *hydra* 'водяная змея' и *hydor* 'вода' (буквально: *выдра* 'водяное животное').

Помимо научной существует так называемая народная, или ложная, этимология, для которой как раз и характерно сближение слов по их чисто внешнему и потому случайному сходству: так, слово *солянка* связывают со словами *соль*, *соленый* (в действительности это видоизменившееся существительное *селянка*, т. е. сельская, деревенская еда); слово *изъян* производят от глагола *изъять*, тогда как это древнее заимствование из персидского языка, где соответствующее слово значит 'вред'. Есть и анекдотические случаи ложно-этимологических сопоставлений: слово *пассажир*, например, народная этимология соотносит с глаголом *посадить* (и «обосновывает» такую связь: *пассажир* — из «посажир» 'тот, кого посадили, кто сидит'), *пиджак* превращает в «спин-жак» и связывает со словом *спина* и т. д.

Научная этимология восстанавливает подлинную историю слов языка, выясняет их происхождение. Результаты этимологических исследований представлены в виде специальных книг и статей по этимологии, а также в виде этимологических словарей. Наиболее известен «Этимологический словарь русского языка», составленный М. Фасмером (в 4 т. — М., 1964–1973; см. подробнее § 109).

ЛИТЕРАТУРА

А п р е с я н Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Апресян Ю. Д. Избранные труды. — М., 1995. — Т. 1.

В и ш н я к о в а О. В. Паронимия в русском языке. — М., 1984.

К р ы с н и Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968.

Н о в и к о в Л. А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского языка / Под ред. М. В. Панова. — М., 1968.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е. А. Земской. — М., 1996.

Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX — XXI веков / Под ред. Л. П. Крысина. — М., 2008.

Ш м е л е в Д. Н. Современный русский язык: Лексика. — М., 1977.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Термин *фразеология* происходит от греческих слов *phrasis* ‘выражение’ и *logos* ‘слово, учение’. В русском языке этот термин употребляется в двух смыслах: 1) совокупность устойчивых идиоматических выражений, таких, например, как *(работать) спустя рукава, съесть собаку* (в каком-нибудь деле), *зайти в тупик, точить ласы* и под.; 2) раздел языкознания, который изучает подобные выражения (они называются фразеологическими единицами, или фразеологизмами).

§ 97. Фразеологические единицы, их основные признаки

Фразеологическая единица, или фразеологизм, — это семантически несвободное сочетание слов, которое воспроизводится в речи как нечто единое с точки зрения смыслового содержания и лексико-грамматического состава. Фразеологические единицы служат в языке для называния разных явлений действительности, для характеристики тех или иных предметов, действий, свойств: *птица высокого полета* ‘знаменитость’; *кровь с молоком* ‘цветущий’; *сломля голову* ‘быстро’; *закрывать глаза на что-либо* ‘намеренно не замечать’.

Фразеологизм как особая единица языка обладает рядом признаков: семантической целостностью, воспроизводимостью, расчлененностью структуры и др.

Под семантической целостностью понимается невыводимость значения фразеологической единицы из значения ее компонентов (слов). Например, значение фразеологизма *стреляный воробей* ‘бывалый, очень опытный человек’ не мотивируется ни значением слова *стреляный*, ни значением слова *воробей*. Тем самым смысл

фразеологизма отличается от смысла свободного словосочетания, которое имеет расчлененное значение. Ср.: «Пойманная силками, «давленная дичь»... лучше *стреляной*, потому что дольше сохраняется» (М. Пришвин) и «*Стреляный воробей* этот бывший полицейский!» (А. Сабуров).

Выражение *собаку съест* значит 'быть мастером в каком-нибудь деле'; значения слов *съест* (употребить в пищу) и *собака* (домашнее животное) здесь никакой роли не играют.

Под воспроизводимостью фразеологизма понимается неизменность той формы, в которой фразеологизм каждый раз употребляется в речи. В отличие от свободных сочетаний слов, которые в процессе речи создаются заново — в зависимости от того, какой смысл мы хотим выразить (ср.: *съест пирог, конфету, тарелку супа* и т. д.), фразеологические единицы воспроизводятся в речи в неизменном, постоянном их виде, с сохранением всех компонентов, а нередко и порядка этих компонентов, например: «Одевайтесь, матушка, а то *к шапочному разбору* придете» (Н. Лесков); «Я почти не воевал, *к шапочному разбору*, можно сказать, явился» (Ю. Герман); «Красный свет стал опадать — пожар кончился. И так как Павел Петрович не сел на трамвай, а идти было далеко, то он прибыл на место происшествия, так сказать, *к шапочному разбору*» (В. Панова).

Семантическая целостность и воспроизводимость — признаки, которые сближают фразеологизм со словом. Однако между словом и фразеологической единицей есть существенные различия.

Во-первых, фразеологизм сложнее, богаче по своему смыслу; ср. *стреляный воробей* 'бывалый, опытный'. По сравнению с синонимичными словами фразеологизм содержит и указание на лицо — носителя данного признака, и на высокую степень опытности, и, наконец, значение 'привыкший к трудностям'.

Во-вторых, в отличие от слова фразеологизм обладает расчлененной структурой: он состоит из двух или более слов-компонентов, каждое из которых имеет свое ударение, свою грамматическую оформленность. Так, фразеологизм *выносить сор из избы* 'разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми' имеет три словесных ударения и построен по той же модели, что и свободное словосочетание (*выносить мебель из комнаты*): глагол + существительное в винительном падеже + существительное в родительном падеже с предлогом *из*.

Фразеологические единицы по своей семантике могут соотноситься с различными частями речи, а именно: с име-

нем существительным (*березовая каша 'розги', чернильная душа 'бюрократ', голубая кровь 'аристократ'* и др.); с именем прилагательным (*видал виды 'опытный, бывалый', точно из-за угла мешком прибитый 'придурковатый, со странностями'*); с глаголом (*класть зубы на полку 'голодать', бить баклуши 'бездельничать'*); с наречием (*камня на камне (не оставлять) 'абсолютно ничего', как свои пять пальцев (знать) 'досконально, основательно'*).

Однако лексико-грамматическое значение господствующего компонента не всегда совпадает с общим грамматическим значением фразеологизма. Например, фразеологизм с *гульки* нос 'мало, очень мало' соотносится по значению с наречием, хотя структурно представлен формами имени прилагательного и существительного.

Фразеологизмы, как и слова, выступают в предложении в качестве главных или второстепенных членов предложения. Например: «Керенский между двумя жерновами, — не тот, так другой его сотрет... Он — *калиф на час*» (М. Шолохов) — выделенный оборот *калиф на час* выступает в роли сказуемого; «Марья Никитична вдруг подняла взгляд, встретилась глазами с Сильвестром Петровичем, вспыхнула *до корней волос*» (Ю. Герман) — выделенный фразеологизм в этом предложении — обстоятельство.

Слова, входящие в состав фразеологических единиц, могут изменяться. Например, во фразеологизме *без ножа зарезать* 'ставить в очень трудное, безвыходное положение' глагол *зарезать* может принимать форму прошедшего времени: «Офимья Васильевна! Ведь *без ножа* вы меня *зарезали*... За три месяца не заплатили» (Ф. Гладков).

Формальное варьирование других фразеологизмов ограничено: так, оборот *съесть собаку* употребляется преимущественно в форме прошедшего времени и только в совершенном виде глагола (*сдел* или *сгели собаку* в чем-нибудь или на чем-нибудь, но нельзя сказать «Он съест (или съедает) в этом деле собаку»). Есть и такие фразеологизмы, которые не могут изменяться ни в одном из своих компонентов и всегда сохраняют определенный порядок их следования: *паче чаяния, ничтоже сумняшеся* и др.

§ 98. Основные типы фразеологических единиц

В основу классификации фразеологических единиц положен признак семантической слитности компонентов, меньшей или большей мотивированности значения фразеологизма. Вслед за академиком В. В. Виноградовым принято

выделять три основных типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения — это неразложимые по смыслу фразеологические единицы, их целостное значение абсолютно не мотивировано значениями слов-компонентов, например: *бить баклуши*, *попасть впросак*, *точить ляды*, *турусы на колесах*, *сломая голову* и т. п. В составе фразеологических сращений нередко бывают слова, которые самостоятельно в современном русском языке не употребляются: *впросак* (*попасть впросак*), *баклуши* (*бить баклуши*), *турусы* (*турусы на колесах*). Только специальные исследования могут установить, что *просаком* в старину называли станок для кручения веревок, *баклушами* — чурки для выделки мелких деревянных изделий (например, ложек); словом *турусы* в древнерусском языке называли дощатые башни с отверстиями по бокам, которые ставили на колеса и использовали для штурма вражеских крепостей. В составе фразеологических сращений слова *просак*, *баклуши*, *турусы* не имеют этих значений.

Фразеологические единства — это такие фразеологические единицы, целостное значение которых мотивировано значениями их компонентов. Примеры единств: *тянуть лямку*, *мелко плавать*, *зарыть талант в землю*, *высосать из пальца*, *водить за нос* и т. п. Один из характерных признаков фразеологических единств — их образность. Так, говорящему понятно, почему о безвольном человеке можно сказать *мокрая курица*: вид мокрой, побывавшей в воде курицы жалок.

Наличие образности отличает фразеологические единства от омонимичных им свободных сочетаний слов. Так, в предложении *Мальчик намылил себе голову туалетным мылом* сочетание *намылил голову* свободное, оно имеет прямой смысл и лишено какой-либо образности; в предложении *Боюсь, как бы начальник не намылил ему голову за опоздание* сочетание *намылил голову* употреблено образно и представляет собой фразеологическое единство.

Фразеологические сочетания — это такие фразеологические единицы, целостный смысл которых складывается из значения компонентов, и при этом один из компонентов имеет так называемое связанное употребление. Чтобы понять, что такое связанное употребление, рассмотрим обороты *страх берет*, *зависть берет*, *злость берет*. Используемый в этих оборотах глагол *брать* сочетается

не со всяким названием чувств, а лишь с некоторыми, например: нельзя сказать «радость берет», «удовольствие берет». Такое употребление глагола *брать* называется с в я з а н н ы м (или фразеологически связанным — см. § 64). Связанным является употребление слова *щекотливый* в оборотах *щекотливый вопрос*, *щекотливое дело*; с другими существительными, даже близкими по смыслу к словам *вопрос* и *дело*, прилагательное *щекотливый* не сочетается.

Как и во фразеологических сращениях, многие слова, входящие в состав фразеологических сочетаний, вообще не имеют свободных значений и существуют в языке лишь в составе фразеологических единиц. Например, слова *потупить*, *крошечный* в современном русском языке функционируют только в составе фразеологических сочетаний: *потупить взор*, *потупить глаза*, *крошечный ад*, *крошечная тьма*.

Такого рода обороты, в которых слово употребляется в несвободном, фразеологически связанном значении, и называются фразеологическими сочетаниями. Большая свобода в сочетаемости компонентов (по сравнению с фразеологическими сращениями и единствами) делает возможной во многих случаях синонимическую замену этих компонентов: *потупить глаза* — *опустить глаза*, *крошечная тьма* — *непроглядная тьма* и т. п.

§ 99. Источники русской фразеологии

Фразеологические единицы русского языка по своему происхождению разнообразны. Большая часть из них возникла в самом русском языке, они исконно русские: *в чем мать родила*, *гол как сокол*, *тертый калач*, *повесить нос*, *на одну колодку*, *брать за живое* и многие другие.

Исконно русские фразеологизмы генетически могут быть связаны с профессиональной речью: *тянуть канитель* (ткачество), *снять стружку*, *разделить под орех* (столярное дело), *задавать тон*, *играть первую скрипку* (музыкальное искусство), *дать задний ход*, *спустить на тормозах* (транспорт), *встретить в штыки*, *тихой сапой* (военное дело) и т. п.

Некоторое количество исконно русских фразеологизмов возникло в диалектной или жаргонной речи и стало достоянием общенародного языка. Например: *дым коромыслом*, *топорная работа*, *дело — табак*, *тянуть ляжку*, *пиковое положение* и др.

Значительный пласт составляют фразеологизмы, вошедшие в общее употребление из Библии. Когда, отсылаясь о чересчур строгом экзамене, мы говорим: *избиение младенцев*, то используем выражение, первоначально имевшее буквальный смысл. Царь древней Иудеи Ирод, узнав о рождении Христа, велел убить всех новорожденных младенцев, надеясь таким образом избавиться от будущего Мессии. Текст Библии послужил источником и таких хорошо известных выражений, как *запретный плод* (из легенды о древе познания добра и зла, плоды которого Бог запретил есть Адаму и Еве), *каинова печать* (из легенды о Каине, который убил своего брата Авеля, за что Бог отметил лицо убийцы особым знаком), *авилонское столпотворение* (из легенды о сооружении в древнем Вавилоне башни — «столпа» — до неба, предпринятом людьми в надежде добраться до Бога, за что разгневанный Бог смешал языки строителей, так что они перестали понимать друг друга) и др.

Многими фразеологизмами язык обязан античной мифологии. Например, выражение *дамоклов меч* связано с именем жителя древнего города Сиракузы — Дамокла, который завидовал положению сиракузского правителя Дионисия I Старшего. Правитель посадил его на один день на свой трон, повесив над ним острый меч на одном конском волосе и показав тем самым, что положение правителя настолько опасно, что не может быть объектом зависти. Другие выражения, вошедшие в русский язык из античных мифов: *кануть в Лету* (Лета — река забвения в царстве мертвых), *авгиевы конюшни* (громадные конюшни древнегреческого царя Авгия, не убиравшиеся много лет, которые Геракл очистил за один день, направив в них воды двух рек) и др.

Есть в русском языке такие фразеологические выражения, которые представляют собой не что иное, как дословные переводы соответствующих выражений в других языках. *Синий чулок* — перевод английского оборота *blue stocking*; *на широкую ногу* — перевод немецкого *auf großem Fuß*; *быть не в своей тарелке* — неточный перевод французского оборота *ne pas être son assiette* (при первоначальном переводе этого французского оборота на русский язык слово *assiette* было понято только в одном, прямом его значении — ‘тарелка’, тогда как во французском языке оно имеет и другие, переносные, в частности, — ‘состояние’, ‘положение’, ‘настроение’).

§ 100. Национально-культурная специфика фразеологизмов

Фразеологические обороты представляют собой наиболее своеобразную часть выразительных средств языка. Во фразеологизмах нередко отражаются особенности культуры данного народа, его истории, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира. Это хорошо видно на примере фразеологизмов, в основе которых лежит сравнение. Так, для русского языкового сознания эталоном крепкого здоровья человека является бык: *здоров, как бык*, эталоном глупости — баран: *глуп, как баран*, эталоном стройности женской фигуры — березка: *стройная, как березка* и т. п. В других национальных культурах эти эталоны могут быть иными: например, для англичан «мерилом» физического здоровья человека выступает здоровье лошади: (as) strong as a horse 'здоров, как лошадь'.

Национально своеобразными могут быть фразеологизмы, формирующиеся на основе различных верований, народных обычаев и обрядов. Так, фразеологизм *как рукой сняло* (т. е. прошло быстро и бесследно) связан с верой в способность некоторых людей исцелять больных с помощью движений рук над больным местом (или над всем телом человека).

Восклицание *чтоб тебе (ей, ему) пусто было!* отражает давнее народное представление о том, что пустое место — обитель зла, дьявольских сил, чертовщины. С чертовщиной, с чертями связаны и многие другие фразеологические выражения, обычно весьма эмоциональные: *черт возьми!*; *где тебя черти носят?*; *у черта на куличках*; *чем черт не шутит*; *черта лысого*; *черта с два!*; *черт знает что такое!* и т. п.

Выражение *несолоно хлебавши* уходит корнями во времена, когда соль на Руси была очень дорогой. Желанному гостю давали за столом еду с солью, а гость нежеланный мог вообще не получить соли и уходил «не солоно (т. е. без соли) хлебавши».

Фразеологизм *сирота казанская* также связан с историей России. Сиротой казанской называют человека, который старается показаться несчастным, беспомощным, несправедливо обиженным и тем самым вызвать сочувствие к себе. Первоначально так говорили о татарских мурзах после покорения Казани русскими в XVI в.: чтобы получить для себя какие-либо поблажки, льготы, привилегии, мурзы ста-

рались разжалобить русских царей преувеличенными сетованиями на исключительно горькое и бедственное свое положение.

§ 101. Стилистическая дифференциация фразеологизмов

Фразеологические единицы характеризуются большой образностью и экспрессивностью.

Не нужно обладать особым чутьем языка, чтобы понять разницу в выразительности таких высказываний: *Он работает кое-как. — Он работает спустя рукава; Тебе бы только разговаривать. — Тебе бы только лясы точить; Его ничем не переубедишь. — Ему хоть кол на голове теши* и т. п.

Большая часть фразеологизмов русского языка стилистически окрашена. Одни из них имеют книжный характер и употребительны преимущественно в книжных стилях письменной речи. Так, пометой «книжн.» во фразеологических словарях русского языка отмечают, например, фразеологические единицы *глас вопиющего в пустыне* 'напрасный призыв'; *повергать в прах* 'уничтожать совершенно, до основания'; *притча во языцех* 'предмет всеобщих разговоров, пересудов'; *личик Пандоры* 'источник несчастий, бедствий'; *двуликий Янус* 'двуличный человек' и др.

Книжные фразеологизмы составляют сравнительно немногочисленную группу фразеологических единиц. Гораздо более обширна группа фразеологизмов, которые имеют сниженную — разговорную или разговорно-просторечную — стилистическую окраску. Они свойственны прежде всего речи обиходной, а также употребляются в художественной литературе и в публицистике для усиления выразительности, для живости и образности высказывания. Таковы, например, обороты *без царя в голове* 'недалек, глуп'; *при царе Горохе* 'очень давно'; *лежать на боку* 'бездельничать'; *семь пятниц на неделе* (о том, кто часто и легко меняет свои решения); *мутить воду* 'умышленно вносить неразбериху во что-либо'; *водить за нос* 'обманывать'; *лезть в бутылку* 'раздражаться по пустякам'; *на одну колодку* 'одинаковы, похожи' и др.

Стилистически нейтральных фразеологизмов немного, к тому же они большей частью напоминают составные наименования: *точка зрения, поднять уро-*

вень, раздвигать рамки, восходящая звезда, заговор молчания и др.

§ 102. Особенности использования фразеологизмов в речи

Состав фразеологизмов в русском языке со временем меняется. Язык развивается, и некоторые выражения постепенно становятся малоупотребительными или ограничиваются сферой книжной речи (например: *ни гласа ни воздыхания* — о полном молчании, полной тишине; *метать перуны* 'гневаться, сердиться'). Появляются и новые выражения, как правило, из просторечия, из жаргонов. В 70–90-е гг. XX в. стали активно употреблять ранее неведомые русскому литературному языку обороты типа *найти крайнего* 'обвинить в чем-либо случайного человека, который не может за себя постоять'; *вешать лапшу на уши* 'намеренно вводить в заблуждение, убеждая в чем-либо маловероятном, нелепом и т. п.'; *крыша поехала* (у кого-либо) — о психическом сдвиге, сумасшествии или просто странном, с точки зрения говорящего, поведении кого-либо и др.

Основные сферы использования фразеологических выражений — устно-разговорная речь, публицистика, тексты художественных произведений. Для таких «строгих» стилей, как научный и официально-деловой, фразеологизмы менее характерны вследствие своей экспрессивно-стилистической окрашенности. Здесь, однако, вполне обычны стилистически нейтральные устойчивые сочетания слов типа *точка зрения, на основании вышесказанного, подвести черту* и под.

Употребляясь в речи, некоторые фразеологизмы могут подвергаться деформациям: говорящие изменяют форму фразеологического выражения, заменяют один компонент другим, искажают смысл всего оборота и т. д. Особенно часто это происходит с фразеологизмами, которые содержат такие компоненты, которые архаичны и поэтому не понятны современному носителю языка. В этом случае говорящий «исправляет» фразеологизм (и тем самым разрушает его, искажая и форму, и смысл): вместо оборота *скрепя сердце* появляется «скрипя сердцем», вместо *утолить жажду* — «удалить жажду», вместо *глас вопиющего в пустыне* — бессмысленное «глаз, вопиющий в пустыне» и т. п.

Иногда фразеологический оборот изменяют намеренно, чтобы нарушить автоматизм его употребления и восприятия: *Она в этом деле съела не одну собаку; Он жил на*

широкую, но босую ногу (шутка с 16-й полосы «Литературной газеты»), Я хорошо усвоил чувство локтя, который мне совали под ребро (В. Высоцкий).

Фразеологизм может стать основой каламбуров, когда одно и то же выражение осмысливается как бы в двух планах — прямом и переносном: «Пожарный всегда работает с огоньком» (Эмиль Кроткий); Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная», — раскинул мозгами Штирлиц (из анекдотов о Штирлице).

§ 103. Крылатые слова. Пословицы и поговорки

Крылатые слова — это образные выражения из произведений русских и зарубежных писателей, которые часто употребляют говорящие в устной и письменной речи: *Счастливые часов не наблюдают; Горе от ума* (А. Грибоедов); *Сильнее кошки зверя нет; А воз и ныне там* (И. Крылов); *Любви все возрасты покорны* (А. Пушкин); *Пошла писать губерния; Видимый смех сквозь невидимые миру слезы* (Н. Гоголь); *Рожденный ползать — летать не может* (М. Горький).

Пословицы и поговорки — это образные выражения, созданные народом и передаваемые из поколения в поколение в устной форме. П о с л о в и ц а выражает законченное суждение, поучение, применимое к множеству сходных ситуаций. Каждая пословица обычно имеет глубокий иносказательный смысл. Например, пословица *Любишь кататься — люби и саночки возить* помимо своего буквального значения имеет гораздо более важный переносный, иносказательный смысл.

Пословица *Цыплят по осени считают* в образной форме передает смысл 'о результатах какого-либо дела следует судить по его окончании'.

П о г о в о р к а, в отличие от пословицы, не представляет собой законченного суждения: это обычно образное сравнение, к тому же эмоционально окрашенное, выразительное. Например: *как пить дать* 'непременно, обязательно', *не из храброго десятка* — о трусливом человеке, *когда рак на горе свистнет* 'никогда' и т. п.

В пословицах и поговорках отражается ум и наблюдательность русского народа, его любовь к родине, отношение к жизни, труду, к основным нравственным понятиям. Вот несколько примеров: *Береги платье снову, а честь смолоду; Труд человека кормит, а лень портит; Не спеши язы-*

ком, торопись делом; Дело мастера боится; На чужой стороне и весна не красна; Дома и стены помогают; Своя земля и в горсти мила и т. п.

В художественной литературе, в повседневном общении пословицы, поговорки и крылатые слова служат выразительности речи, ее образности и живости.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. — 3-е изд. — М., 1966.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // В.В. Виноградов. Избранные труды. Т. 3. Лексикология и лексикография. — М., 1977.

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. — Л., 1977.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и культурологический аспекты. — М., 1996.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд. — М., 1986.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — 3-е изд. — М., 1985.

Яранцев Р.И. Русская фразеология: Словарь-справочник. — М., 1997.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Лексикогр а ф и я (от греч. *lexikos* 'словесный' и *graphō* 'пишу') — это отрасль языкознания, которая занимается теорией и практикой составления словарей.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Все словари делятся на энциклопедические и лингвистические. Чтобы понять различия между ними, надо сравнить эти два типа словарей. Первое, что бросается в глаза при таком сравнении, — различия в составе словников, т. е. в алфавитных списках слов, объясняемых в том и в другом словаре. В словнике энциклопедического словаря — существительные, как нарицательные, так и собственные (имена выдающихся людей, названия стран, городов, рек и т. п.); в словниках лингвистических словарей — слова разных частей речи: существительные (только нарицатель-

ные!), прилагательные, глаголы, наречия, предлоги, местоимения, союзы и т. п. Для того чтобы наглядно убедиться в подобном несходстве энциклопедического и лингвистического словарей, сравним два небольших фрагмента, взятые из словников «Большого энциклопедического словаря» (М., 1991. — Т. 2) и «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997).

«Большой энциклопедический словарь»

ПА
ПААСИКИВИ
ПАВЛИК СКУЛЗ
ПАБЛИСИТИ
ПАБСТ
ПАВЬЯНИЦЕ
ПАВАНА
ПАВЕЗЕ
ПАВЕЛ ЮЛИЙ
ПАВЕЛ (апостол)
ПАВЕЛ I (росс. император)
ПАВЕЛ I (король Греции)
ПАВЕЛ IV (римский папа))
ПАВЕЛ ДИАКОН
ПАВЕЛИЧ
ПАВИАНЫ
ПАВИЛЬОН

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой

ПА
ПАВА
ПАВИАН
ПАВИЛЬОН
ПАВЛИН
ПАВЛИНИЙ
ПАВОДОК
ПАГИНАЦИЯ
ПАГОДА
ПАГОЛЕНКИ
ПАГУБА
ПАГУВНЫЙ
ПАДАЛИЦА
ПАДАЛЬ
ПАДАНЕЦ
ПАДАТЬ

Несходство в составе словников объясняется содержательными различиями энциклопедических и лингвистических словарей и прежде всего их целями. Энциклопедические словари составляются для того, чтобы сообщить сведения о мире вещей и явлений: они объясняют научные понятия, дают биографические справки о знаменитых людях — ученых, писателях, государственных и общественных деятелях, рассказывают о городах и странах, о выдающихся событиях (скажем, о войнах, революциях) и т. п. В лингвистических же словарях содержится информация о словах: об их значении, написании и произношении, об их происхождении, о сочетаемости с другими словами и т. п. Даже одни и те же слова, входящие в словники энциклопедических и лингвистических словарей, как правило, имеют значительно различающиеся

описания, скажем в Большой советской энциклопедии и в толковом академическом «Словаре русского языка» (В 4 т. — 2-е изд. — М., 1981–1984). Ср.:

КАЗАЧОК, народный танец (украинский К., кубанский К., терский К. и др.). Муз. размер 2/4. Наибольшее распространение получил укр. К. — живой, веселый танец импровизационного характера. К. исполняется парами. Первая муз. обработка К. приписывается польскому лютнисту и композитору С. Дусяцкому (1-я четв. 17 в.). В рус. рукописных сб. мелодия К. встречается со 2-й пол. 18 в. К. появляется во франц. балетах и особую популярность приобретает в 1820-х гг. (после пребывания рус. войск в Париже). В нач. 19 в. в России К. исполнялся как бальный танец. А. С. Даргомыжский написал для симфонич. оркестра «Малороссийский казачок» (1864) (БСЭ).

КАЗАЧОК, -чка, м.

1. *Уменьш.-ласк.* к казак.

2. В старинном дворянском быту: мальчик-слуга. *На звонок явился казачок в синей суконной поддевке, таких же шароварах и красном кушаке. Мамин-Сибиряк, Осенние листья.*

3. Народный танец с постепенно ускоряющимся темпом, а также музыка к этому танцу (Словарь русского языка).

Многие слова не попадают в словники энциклопедических словарей: то, что обозначается этими словами, настолько хорошо известно всем и каждому, что не нуждается в разъяснениях. Сравним, например, названия таких частей тела человека, как голова, рука, нога и под. (но более специфические части и органы тела, например аппендикс, мениск, требуют энциклопедического описания). В лингвистическом же словаре мы встретим все эти названия, поскольку слова *голова, рука, нога* и др., являясь элементами лексики современного русского языка, должны быть описаны с точки зрения их значений, произношения и ударения (ср. мену места ударения в этих словах в зависимости от падежной и числовой формы слова и от его сочетаний с другими словами: *голова́*, но *го́лову*, *го́ловы* (мн. ч.), (*схватить*) *за́ голову*; *рука́*, но *ру́ки* (мн. ч.), *на́ руку*, *под́ руку*; *нога́*, но (*стать*) *на́ ноги* и т. п.), должны получить грамматические характеристики рода, склонения, числа и т. п.

§ 104. Типы лингвистических словарей русского языка

Современная лексикография располагает разными типами лингвистических словарей. Большинству людей хорошо известны словари **д в у я з ы ч н ы е**. Они создаются для перевода и особенно активно используются при изучении иностранных языков. Среди двуязычных много словарей отраслевых — по той или иной отрасли знания, техники, например: англо-русский словарь по космонавтике, французско-русский электротехнический словарь и т. п.

Одноязычные словари еще более разнообразны.

Так, сведения о правильном написании слова содержатся в **о р ф о г р а ф и ч е с к и х** словарях, о правильном произношении и ударении — в словарях **о р ф о э п и ч е с к и х**. Происхождение слова, его путь в языке, все изменения, которые с ним происходят на этом пути, описываются в **э т и м о л о г и ч е с к и х** и **и с т о р и ч е с к и х** словарях. Специально описанию иноязычной лексики посвящены словари **и н о с т р а н н ы х** **с л о в**. Употребительность языковых единиц, их частоту в тексте регистрируют **ч а с т о т н ы е** словари, устойчивые фразеологические обороты — словари **ф р а з е о л о г и ч е с к и е**.

Есть словари **г р а м м а т и ч е с к и е**, содержащие информацию о морфологических и синтаксических свойствах слов; **о б р а т н ы е**, в которых слова расположены по алфавиту их конечных букв (а это необходимо для различных специальных целей, в частности для лингвистических исследований); **т е р м и н о л о г и ч е с к и е**, **д и а л е к т н ы е**, словари **я з ы к а** **п и с а т е л я**, словари **р е ч е в ы х** **н е п р а в и л ь н о с т е й** и **т р у д н о с т е й**. Есть словари, в которых описываются отдельные группы лексики: таковы, например, словари **с и н о н и м о в**, **а н т о н и м о в**, **о м о н и м о в**.

Данный перечень был бы неполон без двух типов словарей, имеющих наиболее давнюю лексикографическую традицию. Это словари **т о л к о в ы е** и **и д е о г р а ф и ч е с к и е**. Главное назначение и тех и других — описать значения слов, истолковать их. Но в толковом словаре слова располагаются по алфавиту, а в идеографическом — по группам, которые выделяются на основании некоторых общих смыслов (например, таких: Человек, Животное, Действие, Физические свойства, Чувство и т. п.).

Современная лексикография развивается по двум основным направлениям. Одно из них — это создание специализированных, или аспектных, словарей, в которых содержалась бы информация только одного вида (например, только о написании слова, как в орфографическом словаре, или только о его происхождении, как в словарях этимологических, исторических, или только о сочетаемости слова с другими словами и т. д.). Другое направление — создание «комплексных», универсальных словарей, которые включали бы по возможности все сведения о слове: не только давали бы толкование его значения, грамматические характеристики, правила произношения и написания, но и описывали смысловые связи его с другими словами (синонимами, антонимами), особенности его употребления в разных стилях речи. Иногда в такие комплексные словари включают и энциклопедические сведения о вещи, которую называет слово.

Лингвистические словари различаются и в зависимости от того, кому они адресуются, на кого рассчитаны. Так, например, есть словари академические (в которых информация о слове наиболее полная) и учебные, которые преследуют цель научить человека, овладевающего языком, правильно употреблять слово; словари для широкого пользования (таковы, например, однотомные «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой) и словари-справочники, адресованные представителям определенных профессий (например, существует «Словарь ударений для работников радио и телевидения»). Особый тип представляют собой словари для различных технических, прикладных целей, например для автоматической обработки текста, для машинного перевода и т. п.

Таким образом, современная лексикография — это своеобразная словарная индустрия, которая призвана удовлетворять потребность в самых разнообразных видах информации о слове.

§ 105. Толковые словари, принципы их составления

Толковые словари, как следует из самого их названия, предназначены для того, чтобы истолковать, описать значения слов. Однако одновременно с этим составители толковых словарей решают и ряд других задач. Вначале они

определяют, какая лексика войдет в словник словаря: будут ли это слова только современного литературного языка, или же словарь должен описывать и лексику диалектную, профессиональную, устаревшую и т. д. Современные толковые словари отражают лексику современного русского литературного языка. В словарях есть и некоторое количество архаизмов, историзмов, диалектизмов и пр. — в основном это те слова, которые встречаются в произведениях русской литературы от Пушкина до наших дней.

Затем определяется способ расположения слов в толковом словаре: алфавитный или алфавитно-гнездовой. При алфавитном расположении слов в словаре каждое отдельное слово имеет свою словарную статью, т. е. последовательное описание значения или значений слова, его грамматических характеристик, сопровождаемое стилистическими пометами (такими, например, как «разг.» — разговорное, «книжн.» — книжное, «спец.» — специальное и т. п.) и примерами употребления слов в речи. При алфавитно-гнездовом способе расположения слов в словаре в одной словарной статье объединяются слова близкородственные. Например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой читаем:

ПАРО́М, -а, м. 1. Плоскодонное судно или плот для переправы через реку (озеро, пролив) людей, транспортных средств, грузов. *Плыть на пароме. Речной п.* 2. Плавающее сооружение для перевозки пассажиров, транспортных средств, тяжелых грузов через водные преграды. *Судно-п. Морской п. Самоходный п.* || прил. **паро́мный**, -ая, -ое. *Паромная переправа. П. комплекс* (плавающий железнодорожный мост).

В статью, посвященную слову *паро́м*, включено прилагательное *паро́мный*, так как оно образовано от существительного *паро́м* и по значению соотносится с ним. При строго алфавитном расположении слов в толковом словаре каждое из этих слов должно иметь свою статью: одна — с главным словом *паром*, другая — *паромный*.

Объяснение значения слова называется его т о л к о в а н и е м. Толкование имеет вид словосочетания или предложения, в котором данное слово объясняется с помощью других, более простых по смыслу. Например:

МЕТЕ́ЛЬ, -и, ж. Сильный ветер со снегом, выюга.

РУБИ́ТЬ, рублю́, ру́бить, несов. Ударяя чем-н. острым, разделять на части, отсека́ть, размельча́ть (одно из значений).

ХИТРЫЙ, -ая, -ое: хитёр, хитра́, хитро́ (и хитро́), хитры́ (и хитры́). Изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями (одно из значений) (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка»).

При толковании слов, обозначающих какие-либо понятия, обычно указывается родовое понятие (обозначаемое более широким по смыслу словом) и видовые особенности данного понятия. Например:

БЕССЕМЯНКА, -и, *род. мн. -н о к...* ж. Особый род груши (или др. плода) без зерен («Словарь русского языка» в 4 т. — МАС).

В тех случаях, когда раскрыть понятие, закрепленное за словом, невозможно или это объяснение очень громоздко, значение толкуется с помощью подбора синонимов, антонимов и др. Например:

БЕЗБОЖНО, *нареч.* Разг. 1. Бессовестно, бесчестно. 2. Очень, чрезвычайно, крайне (МАС).

В толковании значения слова возможен элемент энциклопедизма, т. е. сообщаются некоторые сведения о самом явлении действительности. Например:

ДРАНКА, -и, *род. мн. -н о к...* ж. 1. *собр.* Тонкие дощечки для обивки стен и потолков под штукатурку или для покрытия кровли. 2. Каждая из таких дощечек (МАС).

Как видим, в толкованиях используются слова того же самого языка (в данном случае — русского), который является объектом описания в словаре. Иначе говоря, то или иное слово толкуется с помощью таких лексических единиц, которые сами должны быть истолкованы (и действительно толкуются) в этом же словаре. Нет ли здесь порочного круга, выйти из которого можно, лишь прибегнув к особому языку толкований, не совпадающему с данным естественным языком (например, с русским)?

Лингвисты и составители словарей давно осознали важность и одновременно сложность этой задачи — создать своего рода *м е т а я з ы к*, с помощью которого можно было бы описывать значения слов естественного языка.

Первоначально этот метаязык мыслился как искусственное образование, содержащее слова, лишь внешне похожие на слова естественного языка, но на самом деле являющиеся именами определенных смыслов (в том числе и специально придуманными именами — типа глагола 'каузировать' (от лат. *causa* 'причина'), т. е. делать так, чтобы нечто

существовало). Однако более плодотворной и легче осуществимой практически оказалась идея, согласно которой из словаря естественного языка необходимо вычленить набор слов с наиболее простыми, элементарными, далее неразложимыми смыслами и использовать этот набор для толкования лексических единиц (с применением определенных правил комбинирования этих смыслов в составе толкования).

В разное время предлагались (и предлагаются) варианты подобных метаязыков, содержащие от нескольких десятков до нескольких сотен элементарных смыслов, или так называемых семантических примитивов, типа: 'быть', 'существовать', 'начинать', 'хотеть', 'знать', 'не', 'тождественный', 'это' и др. Наиболее известен в современной лингвистике «язык мысли» (*lingua mentalis*) австралийской лингвистики польского происхождения Анны Вежбицкой. С помощью различных комбинаций семантических примитивов, по замыслу А. Вежбицкой, по определенным синтаксическим правилам можно толковать сколь угодно сложные значения слов естественного языка. При этом допустимо и даже желательно сводить значение слова к элементарным смыслам не сразу, а постепенно, «ступенчато». Например: *изменяться* = 'становиться иным'; *становиться* = 'начинать быть'; *иной* = 'нетождественный'; подставив в первое равенство толкования слов *становиться* и *иной*, получаем толкование, состоящее из элементарных смыслов: *изменяться* = 'начинать быть нетождественным' (тем самым требование «ступенчатости» толкований исходит из предположения о том, что всякое толкование может быть сведено к набору семантических примитивов, составляющему синтаксически связанное толкование).

Разумеется, толковые словари, предназначенные для практического использования, не могут неукоснительно придерживаться правила сводимости (хотя бы и «ступенчатой») значений слов естественного языка к толкованиям, содержащим упорядоченные элементарные смыслы: это сильно усложнило бы задачу описания лексических значений и сделало бы толкования чрезвычайно громоздкими.

Однако и в практике составления толковых словарей существуют определенные требования, предъявляемые к толкованиям, обеспечивающие наиболее адекватное описание значений лексических единиц.

Эти требования таковы.

Во-первых, толкования не должны быть тавтологичными. Нельзя, например, глагол *наехать* (на

кого—что-либо) описывать словосочетанием *совершить наезд*, а существительное *наезд* толковать как 'действие по глаголу *наехать*' — налицо так называемый логический круг.

Во-вторых, в толковании должны быть указаны все необходимые компоненты значения данного слова и не должно быть ничего лишнего (т. е. толкование должно отвечать требованию необходимости и достаточности). Например, глагол *писать* в своем прямом значении толкуется в словарях как «изображать на чем-н. графические знаки, их сочетания» (*писать буквы*). Это толкование должно быть признано недостаточным, так как, с одной стороны, в нем не указаны инструмент, которым производится это действие (ручка, карандаш и т. п.), и средство, оставляющее при письме «след» на той или иной поверхности (чернила, мел и др.). С другой стороны, если истолковать этот глагол, указав, что графические знаки или их сочетания в результате обозначаемого глаголом действия составляют строки, то это окажется избыточным, лишним компонентом толкования, поскольку можно писать не только слова и предложения (т. е. располагать знаки в строку), но и отдельные буквы и другие знаки (например, иероглифы).

В-третьих, толкование должно состоять из слов более простых по смыслу, чем толкуемая лексическая единица. Так, глагол *резать* может быть истолкован с помощью смысла 'делить', который проще смысла глагола *резать*: в значении последнего содержится смысловой компонент 'при помощи острого инструмента' (ср.: *резать ножом*), а в значении глагола *делить* указания на какой-либо инструмент нет (например, можно разделить кусок хлеба, разломив его руками, не применяя никакого инструмента). Обратное же — истолкование глагола *делить* с помощью смыслового компонента 'резать' — противоречило бы сформулированному требованию, так как в этом случае простой смысл объяснялся бы через более сложный.

Составители толковых словарей обычно интуитивно или вполне осознанно придерживаются этих требований, предъявляемых к толкованиям слов. Однако нередки и случаи, когда то или иное требование нарушается, и тогда возникают логические круги, недостаточные или избыточные толкования, а также описания лексических значений, по смыслу столь же и даже более сложные, чем толкуемые лексические единицы. Это свидетельствует, однако, не о небрежности или невнимательности лексикографов, а о том, что составление словарей и, в частности, толкование слов естественного язы-

ка — дело чрезвычайно трудное, поскольку требования лексикографической науки здесь надо сочетать не только с безупречной языковой интуицией, но и с умением описывать смысл лексических единиц в форме, доступной пониманию обычного носителя языка.

Очень важным элементом в словарных статьях толковых словарей является иллюстративный материал: объяснение значения слова сопровождается цитатой из художественной литературы, пословицами и поговорками или короткими предложениями, словосочетаниями, составленными авторами словаря. Так, значение слова *гибельный* в четырехтомном академическом «Словаре русского языка» иллюстрируется а) словосочетаниями: *гибельный ураган; гибельная политика; гибельные последствия*; б) цитатой из «Капитанской дочки» Пушкина: *Осада была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия*.

Существенной особенностью толковых словарей является наличие в них сложной системы помет, т.е. специальных знаков, с помощью которых даются разнообразные сведения о слове. Например, в словарной статье о слове *аркада* есть следующие пометы:

АРКАДА, -ы, ж. Арх и т. Ряд одинаковых по форме и величине арок, опирающихся на столбы или колонны. *Вот они, вздыбленные кони на Аничковом мосту, памятник Екатерине, ... аркады Гостиного двора.* Никулин. Московские зори.

[Франц. arcade] (МАС).

Помимо правильного написания *аркада*, ударения на втором слоге, толковый словарь сообщает сразу после заглавного слова, что это слово является именем существительным женского рода и в родительном падеже принимает окончание -ы, что это специальный архитектурный термин (помета «архит.») и что по происхождению это слово французское.

Особенно важны стилистические пометы, они указывают, для каких стилей современного русского языка слово наиболее характерно, какую эмоциональную окраску оно имеет. Одновременно стилистические пометы как бы предупреждают о возможных ошибках, о стилистически неуместном употреблении слова. Так, помета «разговорное» указывает, что данное слово (например, *балагурить, хилый* и под.) естественно в обиходно-бытовой, разговорной речи и неупотребительно в речи книжной. Напротив, такие слова, как *биение, дифференцировать, данный*, имеют книжную стилистическую окраску и для разговорной речи нехарактерны.

Вся система помет — и грамматических, и стилистических — способствует выполнению той функции, которую имеют толковые словари: они учат правильно употреблять слова, соблюдать нормы современного русского языка, и поэтому их называют **н о р м а т и в н ы м и**.

§ 106. Характеристика основных толковых словарей русского языка

Толковые словари занимают центральное место в современной лексикографии. Толковый словарь предназначен для широких кругов читателей, он является не только справочным пособием, но и средством обучения людей, расширения круга их языковых представлений. Не случайно, что исторически раньше всего начали составлять именно толковые словари.

Так, лексические богатства русского языка впервые были представлены в «Словаре Академии Российской», изданном в 1783–1794 гг. Собираением материалов для словаря занимались Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, А. И. Мусин-Пушкин и другие известные деятели русской литературы. Этот словарь был впоследствии переработан и издан в 1806–1822 гг.

Следующий толковый словарь русского языка был составлен П. Соколовым и издан в 1834 г. под названием «Общий церковно-славяно-русский словарь». Автор словаря участвовал в работе по составлению первых двух академических словарей, поэтому он перенес многие словарные статьи оттуда. Толкования слов даны удачнее, более подробно описаны грамматические характеристики слова.

В 1847 г. Российская Академия наук осуществила издание нового толкового словаря, который был переиздан без изменений в 1867 г.

1. Особую страницу в истории отечественной лексикографии занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который впервые был издан в 1863–1866 гг., а затем выдержал еще ряд изданий.

Словарь В. И. Даля — уникальное явление в отечественной лексикографии. Автор его за свою долгую жизнь переменил ряд профессий: после обучения в Морском корпусе служил моряком, затем, окончив медицинский факультет Дерптского университета, работал врачом в действующей армии, потом занимал ответственные посты на государственной службе, выступал беллетристом. Над словарем

В. И. Даль работал практически всю жизнь (первые слова записал, когда ему было 19 лет, последние — за неделю до смерти) и составил его единолично. О своей работе над словарем В. И. Даль так сказал в «Напутном слове», предпосланном словарю: «...Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился: ученик, собиравший весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».

От предшествующих словарей «Толковый словарь...» Даля отличается тем, что в нем наиболее полно представлена лексика, характеризующая быт русского народа — промыслы, обычаи, предметы материальной и духовной культуры. Позиция автора в отношении народного языка сформулирована в «Напутном слове» достаточно четко: «...Никак нельзя оспаривать самоистины, что живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи взамен нынешнего языка нашего...»

В словаре В. И. Даля нашли место слова литературного языка и диалектные, общеупотребительные и профессиональные, исконно русские и заимствованные. Ср. слова, оказавшиеся в качестве заглавных, на одной странице словаря: *гимн*, *гимнот* (зоол. терм.), *гини* (морск. терм.), *гипербола*, *гиппопотам*, *гипотеза*, *гипс*, *гирвас* (диал.), *гирготать* (диал.), *гирка* (диал.), *гирло* (диал.), *гирлянда*, *гирча* (биол.), *гиря*, *гитара* и т. д.

Это самый большой по объему словарь: в нем 200 тыс. слов. Словарь отражает лексический состав русского языка середины XIX в.

Автор «Толкового словаря...» отказался от алфавитного расположения слов. В «Напутном слове» он писал: «...Этот способ крайне туп и сух. Самые близкие и сродные речи... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена... Второй способ, корнесловный, очень труден на деле, потому что знание корней образует уже само по себе целую науку и требует изучения всех сродных языков». В статье «О русском словаре» он предложил располагать слова гнездами: «...Все одногнездки поставлены в кучу, и одно слово легко объясняется другим... *ходить*, *хаживать*, *хождение* и прочее стоят как бы в одной общей статье, ...в которой размещены по удобству». Иначе говоря, в одной словарной статье

объединяются слова одного корня, начинающиеся с одной и той же буквы. В качестве заглавных слов выступают чаще всего глаголы, но могут быть и имена существительные, прилагательные. Поэтому в словарную статью с заглавным словом *стоять* включены производные: *стоянье, стойка, стоянка, стойковый, стоичный, стойчатый, стоячий, стояночный, стоялец, стояльник, стояк, стойком, стоймя* и многие другие.

В. И. Даль отрицательно относился к объяснению значения слова через раскрытие понятия. Он писал в «Напутном слове»: «Общие определения слов и самих предметов и понятий — дело почти неисполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее... Передача и объяснение одного слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело». Поэтому в словаре широко используются объяснения значения слова через синонимы; немало сведений о предметах народного быта, ремесел, обычаев, например:

КАФТА́Н, м. татарск. верхнее, долгополое мужское платье разного покроя: запашное, с косым воротом, чапан, сермяга, суконник, армяк; обычно *кафтан* шьется не из домотканины, а из синего сукна; он бывает *круглый, с борами, кучерской, немецкий* или *разрезной* сзади, *короткий* или *полукафтан, сибирка, прямой* или *кафтáнчик, казачий, казакин; французский кафт., широкополый, круглый фрак*, какие носили в прошлом веке; *мундирный кафтан*, сертук с шитым стоячим воротом. *Становой кафтан*, стар. косой, с широк. рукавами.

Иллюстративный материал в «Толковом словаре...» В. И. Даля — это преимущественно пословицы, поговорки. Их в четырех томах рассыпано более 30 000. Это кладезь народной мудрости. Так, например, в статье о слове *старый* их 45:

Старая любовь долго помнится; Кто старое помянет — тому глаз вон; Фетинья стара, да Федоту мила; Нового счастья ищи, а старого не теряй; Старый ворон не каркнет даром: либо было что, либо будет что; Стар селезень, да уха сладка; Старый конь борозды не портит; И старую кукушку на ястреба не променять; Молодой на битву, а старый на думу; Старого учить, что мертвого лечить; Брюхо старой дружбы не помнит и др.

В словаре В. И. Даля весьма ограничена система стилистических помет. Автор писал по этому поводу в «Напутном слове»: «Словарь составляется для русских, почему я

почти не делаю отметок о том, насколько слово в ходу, не опошлело ли оно, в каком слое общества живет и проч. В этом пусть всяк судит и рядит по своему вкусу: при шаткости неустановившегося языка нашего тут строгой черты или грани провести нельзя».

Грамматические пометы также весьма скупы: у существительных — указание на род, у глаголов — управление и некоторые другие.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля получил высокую оценку как при жизни автора, так и в более позднее время. В начале XX в. вышло третье издание этого словаря — под редакцией И. А. Бодуэна де Куртене, который дополнил его словник и внес изменения в ряд словарных статей.

2. Изменения в русском языке, произошедшие в связи с крупными социальными потрясениями — Первой мировой и Гражданской войнами, Февральской и Октябрьской революциями, в связи с научными открытиями, техническими изобретениями, с новшествами в повседневной жизни людей, — привели, в частности, к тому, что появилось много новых слов, а у ряда издавна употребляющихся слов возникли новые значения.

Кроме того, в 20-е гг. шли интенсивные процессы демократизации литературного языка: к нему приобщались массы крестьян и рабочих, не владевших (или не вполне овладевших) литературной нормой. Они привносили в язык собственные — диалектные и просторечные — навыки, и тем самым традиционная норма расплывалась, видоизменялась.

Многие языковеды того времени ясно сознавали, что нужен новый толковый словарь, который отразил бы все эти новые явления в русском языке и в то же время упорядочил бы их в соответствии с требованиями литературной нормы.

Эту задачу в значительной степени выполнил «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова; 4 тома этого словаря вышли в 1935–1940 гг. Словарь Ушакова (как его впоследствии стали называть) был для своего времени новаторским во всех отношениях. Прежде всего — по отбору лексики: в него вошли и новые, иногда «сиюминутные» слова, и слова, традиционно употребляющиеся в различных речевых жанрах, наиболее употребительные диалектные и просторечные лексические элементы, профессионализмы, специальные термины. Новаторство было в типах толкования слов, в системе стилистических помет, которые квалифицировали слово в соответствии с его стилевой

принадлежностью и эмоциональной окраской (например: просторечное, книжное, разговорное, поэтическое, устаревшее, фамильярное, презрительное и т. п.).

Это словарь нормативный, и нормативность проявляется не только в отборе лексики (описывается главным образом лексика литературного языка), но и в системе грамматических сведений о слове, в комментариях, которые предупреждают неправильное употребление. Например, при слове *брелок* указано: формы «брелка», «брелки» неправильны (надо *брелока*, *брелоки*, потому что это слово происходит от французского *brelouque*, в котором «о» совсем не то беглое «о», которое, например, в словах *потолок*, *уголок* при их склонении и изменении по числам «исчезает»: *потолка*, *потолки*, *уголка*, *уголки*).

Сам Д. Н. Ушаков об этой нормативной стороне словаря писал так:

«Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства; кроме того, самый анализ значений и оттенков в значении слов, бывший предметом особой заботливости составителей и более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, дает материал не только для теоретического изучения русской лексики, но, главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или другого слова» (из предисловия к словарю, т. I).

Словарь Ушакова оказал огромное влияние на последующую русскую лексикографию. Выход его стал событием не только в филологическом мире, но и в культурной жизни страны.

К составлению словаря Д. Н. Ушаков привлек замечательных ученых. Это были В. В. Виноградов, будущий академик и признанный глава отечественного языкознания; Г. О. Винокур, блестящий знаток стилистики и культуры русской речи, историк литературного языка, пушкинист; В. А. Ларин, историк русского языка, его лексики, один из зачинателей изучения русского языка под социальным углом зрения; Б. В. Томашевский, теоретик стиха, текстолог, глубокий знаток Пушкина; С. И. Ожегов, впоследствии автор одноименного толкового словаря.

Расположение слов в словаре строго алфавитное. Объяснения значений слова краткие, четкие.

Большое место в словаре занимает иллюстративный материал. Это или цитаты из художественной, публицистической и другой литературы, или словосочетания, составленные авторами словаря.

Так, например, слово *зыбь* в первом значении — 'мелкое волнение без ветра на водной поверхности моря, рек, озер' иллюстрируется следующими примерами: *Озеро подернулось зыбью. Мертвая зыбь.*

Второе значение — 'волны, преимущественно морские': *Зыбь ты великая, зыбь ты морская!* (Ф. Тютчев). *Смиренный парус рыбарей скользит отважно средь зыбей* (А. Пушкин).

В словаре даются примеры ко всем значениям слова и к фразеологизмам. Например, слово *звезда* многозначно. Толкование каждого значения сопровождается иллюстрациями, которые показывают сочетаемость слова, его употребление:

1. Небесное тело, светящееся собственным светом, представляющееся взору человека светящейся точкой на небесном своде. *З. шестой величины* (астр.). *Небо, усеянное звездами. Прозрачно небо, звезды блещут* (Пушкин). *Кто при звездах и при Луне так поздно едет на коне?* (Пушкин).

2. *перен.* Знаменитость, выдающийся по своим талантам и общественным заслугам человек (книжн. ритор.). *З. нашей литературы. З. экрана.*

3. *перен.* Предопределенное роком счастье, благоприятное предначертание судьбы, удача... *Взошла з. славы. Верить в свою звезду. Родиться под счастливой (несчастной) звездой. З. моя закатилась.* У третьего значения есть оттенок: личность (преимущ. женщина) как воплощение предопределенного судьбой счастья (поэт. устар.). *На звезды глядишь ты, з. моя ясная* (В. Соловьев). *З. моего счастья. Но где ж Зарема, звезда любви, краса зарема?* (Пушкин).

4. Вещь, предмет наподобие, в форме звезды. *Пятиконечная з. Вырезать звезду из бумаги. Нарисовать звезду. Мелькает, вьется первый снег, звездами падая на брег* (Пушкин).

5. Составная часть названий животных и растений, похожих на звезды (бот., зоол.). *Морская з.* (животное). *Лагушечья з.* (растение). *◇ Звезд с неба не хватает* (разг., ирон.) — об умственно ограниченном человеке. *Звезда падучая* (устар.) — метеор. *Ах, быстро молодость моя звездой падучею мелькнула* (Пушкин).

В «Толковом словаре русского языка» разработана достаточно подробно система помет, помогающая читателю правильно употреблять слово с точки зрения стиля, опреде-

лена сфера употребления слова, у заимствованных слов есть указания, из какого языка пришло слово в русский язык; все слова снабжены достаточным количеством грамматических помет. Например:

ДИСГАРМОНИЯ, -и, *мн. нет, ж.* [от латин. приставки *dis-* — раз- и слова *гармония*]. 1. Нарушение гармонии, неблагозвучное сочетание звуков (муз.). 2. *перен.* Отсутствие согласия, расхождение в чем-нибудь (книжн.).

В этой небольшой по объему словарной статье содержится большое количество информации о слове:

а) с точки зрения грамматики слово *дисгармония* — это имя существительное женского рода, в родительном падеже единственного числа имеет окончание -и, употребляется только в единственном числе;

б) в первом значении слово является музыкальным термином;

в) во втором, переносном значении слово *дисгармония* стилистически окрашено: оно употребляется в книжной речи.

В 1947–1948 гг., а затем и позднее «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова переиздавался неоднократно, так как заметно ощущалась острая нехватка такой справочной литературы.

Однако было ясно, что словарь к этому времени уже несколько устарел: не было новых слов, активно вошедших в лексику литературного языка в военные и послевоенные годы, устаревшими стали объяснения некоторых слов. Например, *министр, генерал, солдат* толкуются в словаре как историзмы, т. е. слова, обозначающие реалии, которые были лишь в прошлом; между тем со времен Великой Отечественной войны эти слова входят в активный оборот.

Кроме того, изменились нормы произношения ряда слов, их стилистические характеристики.

Отчетливо сознавая все перечисленные недостатки словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, один из его составителей — С. И. Ожегов взялся за создание более современного и более компактного по объему словаря русского языка.

3. Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — наиболее распространенный толковый словарь современного русского языка. «Первоначально, в самый канун Великой Отечественной войны, настоящий словарь был задуман как сокращенный словарь Ушакова, — писал С. И. Ожегов в предисловии к IV изданию словаря, — ...но уже первое издание 1949 года не было простым сокращением словаря Ушакова: наблюдения над развитием совре-

менного языка позволили мне уточнить определения значений слов, стилистические их характеристики, нормативные рекомендации, вопросы отбора слов» (О ж е г о в С. И. Словарь русского языка. — М., 1960. — С. 3).

Первые издания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова отразили нормы литературного языка середины XX в., которые определились достаточно четко; он стал массовым словарем.

Нормативность словаря С. И. Ожегова проявилась, во-первых, в отборе лексики. Автор писал: «Средний, а тем более краткий словарь включает в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности» (О ж е г о в С. И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М., 1974. — С. 170).

В последующих изданиях состав словника обновлялся, а в толкования слов и в иллюстративный материал вносились уточнения. После смерти автора в 1964 г. этот словарь, начиная с 1972 г., выходил под редакцией профессора Н. Ю. Шведовой и выдержал более двадцати изданий.

Характерно, что при переизданиях автор, а затем и редактор включали в словник новые слова типа *газик*, *гандбол*, *марганцовка*, *мим*, *параметр*, *морышка* и т. п., а явно устаревшие или узкоспециальные слова и значения исключали (например: *азиатчина*, *аллилуйщик*, *бювар*, *вруб-машина*, *диабаз*, *гемофилия* и др.).

Расположение слов в словаре С. И. Ожегова алфавитно-гнездовое, что заметно экономит место. Например, в словарной статье ПЯТАК даны слова: *пятаковый*, *пятачок*, *пятачковый*, а в статье РАСКВАРТИРОВАТЬ — производные от него: *расквартировывать*, *расквартирование*, *расквартироваться*, *расквартировываться*.

Иллюстративный материал в словаре С. И. Ожегова представляет собой преимущественно короткие предложения или словосочетания, составленные автором. Они дополняют краткое толкование, показывают типичные связи данного слова с другими словами, указывая на оттенки, на значение фразеологизмов с данным словом. Например:

СИ́НИЙ, -яя, -ее; синь, синя, сине. 1. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между фиолетовым и зеленым. *С. цвет. Синяя краска. Синее небо. Синие васильки.*

2. О коже: сильно побледневший, приобретший оттенок этого цвета. *Синие от холода руки. Синее лицо.* ♦ *Синий чулок* (неодобр.) — сухая педантка, лишенная женственности и погруженная в книжные, отвлеченные интересы. || *уменьш. синон.* — синенький, -ая, -ое.

Нормативность словаря С. И. Ожегова, во-вторых, заключается в разветвленной системе помет, характеризующих слово с разных сторон: ударение в заглавном слове и его формах, грамматические, стилистические и другие пометы. Например:

ПРИБРАТЬ, -беру́, -берёшь; -а́л, -а́ла, -а́ло; при́бранный, *сов., что* (разг.). 1. Слегка убрать, привести в порядок. *П. комнату или в комнате. П. на столе.* 2. Убрать, положить куда-н. *П. книги в шкаф.* ♦ **Прибрать к рукам** *кого-что* — всецело подчинить себе кого-н. или завладеть чем-н., захватить себе что-н. || *несов. приби́рать, -а́ю, -а́ешь* || *сущ. прибо́рка, -и, ж. (к 1 знач.). П. палубы.*

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова явился первым, весьма успешным опытом отечественной лексикографии в создании общедоступного однотомного словаря.

Продолжая и развивая этот опыт, Н. Ю. Шведова на базе словаря С. И. Ожегова создала новый лексикографический труд — «Толковый словарь русского языка» (авторы С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова), первое издание которого вышло в 1992 г. Сохраняя основные принципы однотомного толкового словаря — актуальность описываемой лексики, краткость толкований, компактность словарной статьи, Н. Ю. Шведова значительно обновила состав словника (вне-сено 3000 новых слов и выражений), пересмотрела и переработала многие прежние толкования слов, уточнила грамматические и орфоэпические характеристики, приведя их в соответствие с нормами конца XX столетия. «Существенным моментом является то, — пишет в предисловии к словарю Н. Ю. Шведова, — что этот словарь полностью освобожден от тех навязывавшихся извне идеологических и политических характеристик и оценок именуемых понятий», которые присутствовали в словаре С. И. Ожегова.

Все эти изменения в значительной степени обновили словарь С. И. Ожегова и привели к тому, что «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой явился самостоятельным лексикографическим изданием, в полной мере отражающим состояние лексики русского языка конца XX в.

4. «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 т., сокращенное название — Большой академический)

составлялся более 20 лет, издавался с 1948 по 1965 г.; в 1970 г. ему была присуждена Ленинская премия.

Это самый большой, самый полный толковый словарь из всех существующих: словник его охватывает более 120 000 слов (в отличие от «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, включавшего многочисленные диалектные слова, в «Большом академическом словаре» представлена лексика главным образом литературного языка).

Расположение слов в «Большом академическом словаре» — в первых трех томах гнездовое, в остальных четырнадцати томах алфавитное.

«Словарь современного русского литературного языка» также нормативный: словарные статьи содержат большой иллюстративный материал с указанием авторов, названий произведений (томов, глав и т. п.). Каждое толкуемое слово или его отдельное значение сопровождается грамматическими и стилистическими пометами; при иноязычных словах указывается этимологическая справка об их происхождении; указано, когда слово было зафиксировано впервые русскими словарями. Например:

МИНИСТР (1793 г., в Словаре Академии Российской).

ТЕРМОИЗОЛЯЦИЯ (1949 г., в Словаре иностранных слов).

5. «Словарь русского языка» (в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой) АН СССР, сокращенно — Малый академический (МАС), вышел из печати в 1957–1961 гг., позднее (1981–1984) осуществлено второе, исправленное и дополненное его издание.

В предисловии ко второму изданию авторы отмечают: «Словарь охватывает лексику русского литературного языка от Пушкина до наших дней. Его задача остается той же, что и в первом издании, — представить с необходимой полнотой словарный состав современного литературного языка, а также ту часть широкоупотребительной лексики русского языка XIX века, знание которой необходимо при чтении произведений классической художественной литературы, передовой публицистики и передовой науки XIX века, вошедших составным элементом в современную социалистическую культуру. В первом издании было представлено состояние словарного состава литературного русского языка 40–50-х годов, второе издание должно показать состояние словарного состава 60–70-х годов XX века».

В «Малом академическом словаре» краткие четкие толкования сопровождаются разнообразными пометами, а так-

же иллюстративными примерами (словосочетания и цитаты с указанием автора и названия произведения).

Объем словника в четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР — более 82 тыс. слов.

6. В 1998 г. вышел из печати однотомный «Большой толковый словарь русского языка», составленный коллективом петербургских лексикографов под руководством С. А. Кузнецова (в последующие годы словарь переиздавался). Несмотря на то что это словарь однотомный, словник его весьма значителен по объему — 130 тыс. слов. Составители стремились отразить в словаре новую терминологию науки и техники, наиболее употребительные слова, относящиеся к сферам политики, культуры, общественной жизни. Структура словарной статьи в этом словаре принципиально не отличается от ее структуры в предшествующих толковых словарях; разумеется, в отличие от составителей многотомных словарей авторы данного однотомного издания дают более сжатые толкования и приводят менее богатый иллюстративный материал. Главное достоинство этого словаря — в том, что он в целом отражает состояние лексики русского литературного языка конца XX в.

7. Однотомным является и «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (М., 2007). От большинства толковых словарей он отличается тем, что помимо описания значений и грамматических свойств слов здесь даются краткие справки об их происхождении.

§ 107. Словари синонимов, антонимов, омонимов

Отличительной особенностью этих словарей является то, что в них отражены семантические отношения между словами современного русского языка.

С л о в а р и с и н о н и м о в предназначены для того, чтобы дать систематическое описание синонимических групп и рядов, характерных для словарного состава данного языка. В этих словарях указываются смысловые и стилистические различия между синонимами, условия их взаимозамены в различных контекстах. Одна словарная статья синонимического словаря содержит характеристику ряда близких по значению слов; обычно сначала дается их общее толкование, а затем каждое слово синонимического ряда описывается с точки зрения тех смысловых и стили-

стических особенностей, которые ему присущи. Например, в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (М.; Л., 1970. — Т. 1.) в статье о слове *воин* читаем:

Воин, боец, вояка (разг.). Участник боев, сражений, военный человек. **Воин** употр. преимущ. в приподнятой речи; слово **боец** подчеркивает непосредственное участие в битвах, в боях; **вояка** — опытный... лихой воин, слово употр. шутливо-иронически...

В словарной статье приведен синонимический ряд, сформулировано общее значение всех синонимов, а затем — отличие друг от друга по значению и употреблению.

Первый русский словарь синонимов был составлен Д. И. Фонвизиним («Опыт российского сословника», 1783, в котором рассматриваются 32 синонимические группы слов). В XIX — начале XX в. выходят словари синонимов П. Калайдовича, Н. А. Абрамова и др.

Современная лексикография располагает несколькими синонимическими словарями. Наиболее полный из них — «Словарь синонимов русского языка» в 2 т. (гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л., 1970–1971). Словарь объясняет смысловые и стилистические различия 4148 синонимических рядов. На его базе создан однотомный «Словарь синонимов» (Л., 1975).

Для учителей был издан «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Ключевой (М., 1956; 2-е изд. — 1961). Объем его около 3000 слов.

«Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (М., 1969; 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1998) является словарем-указателем: в нем даются лишь перечни лексических единиц, входящих в тот или иной синонимический ряд (всего в словаре 9 тыс. синонимических рядов), без детальной характеристики их различий по значению, стилистической окраске и употреблению. Вот пример синонимического ряда из словаря З. Е. Александровой:

ЗАМОЛКНУТЬ, умолкнуть, смолкнуть, затихнуть, утихнуть, стихнуть, притихнуть; примолкнуть, приумолкнуть (разг.) / о человеке: замолчать, заткнуться (*груб., прост.*) / о звуке, шуме: замереть, заглухнуть ♦ [за этим знаком помещаются фразеологические обороты с тем же или близким значением. — *Авт.*] придержать (или прикусить) язык; застегнуть роток на все пуговицы (*прост.*).

Качественно иной этап в разработке синонимических словарей знаменует собой «Новый объяснительный словарь си-

нонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (Вып. 1. — М., 1997; Вып. 2. — М., 2000; Вып. 3. — М., 2003), который представляет собой скорее словарь-исследование, чем практический словарь-справочник. Здесь не только даны синонимические ряды слов и толкование каждого слова — члена ряда, но и подробнейшим образом анализируются семантические и сочетаемостные различия между синонимами, приводятся их антонимы, конверсивы, аналоги. Каждая словарная статья разделена на зоны — в соответствии с типом лексикографической информации, помещаемой в данной зоне, например: зона значения, в которой описываются все содержательные различия между синонимами, зона грамматических форм, зона синтаксических конструкций, свойственных словам синонимического ряда, и др. Словарные статьи содержат богатый иллюстративный материал, почерпнутый из современной художественной и публицистической литературы.

Словари синонимов — важное пособие при изучении словарных богатств языка, при практическом овладении лексическими средствами и использовании их в речи.

С л о в а р и а н т о н и м о в объясняют соотношение слов с противоположными значениями. Современная лексикография имеет несколько словарей антонимов: В е д е н с к а я Л. А. Словарь антонимов русского языка. — Ростов н/Д, 1971; К о л е с н и к о в Н. П. Словарь антонимов русского языка. — Тбилиси, 1972; Л ь в о в М. Р. Словарь антонимов русского языка. — М., 1978; Л ь в о в М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка. — М., 1980.

Предназначение словарей антонимов заключается в том, чтобы показать связи противопоставления, существующие между значениями слов. Эти связи могут указывать на различия нескольких типов: признак / отсутствие признака (*влажный* — *сухой*), большая / меньшая интенсивность признака (*горячий* — *холодный*), противоположная направленность действия (*выйти* — *войти*) и др.

В словарной статье антонимического словаря значения противопоставляемых по какому-либо признаку слов получают толкования, наглядно показывающие, в чем состоит смысловое различие данных антонимов. Например:

Все — никто

О людях: каждый в совокупности с другими, без исключения. — Ни один человек, без исключения.

Где все виноваты, там никто не виноват (пословица). Исследовать — значит видеть то, что видели все, и думать так, как не думал никто (Г. Гор).

Горячий — холодный

1. Имеющий высокую температуру, сильно нагретый. — Имеющий низкую температуру, охлажденный. [Примеры.]

2. Пылкий, страстный, отличающийся глубиной чувств, выражающий глубокие чувства. — Хладнокровный, лишенный пылкости, сдержанный в проявлении чувств. [Примеры.]

О Гнездо антонимов: горячо — холодно (наречия). Горячность — хладнокровие, разгорячить — охладить.

□ Синонимические пары (по первому значению): горячий — холодный, горячий — студеный (разг.); (по второму значению): вспылчивый — хладнокровный, вспылчивый — холодный; горячий — хладнокровный, горячий — сдержанный, горячий — уравновешенный, вспылчивый — сдержанный (М. Р. Львов «Школьный словарь антонимов русского языка»).

Словари омонимов содержат в себе слова, у которых есть лексические или грамматические омонимы. Назначение такого словаря — указать и охарактеризовать с семантической и грамматической точки зрения слова, совпадающие по форме, но не имеющие ничего общего в значении.

Наиболее известен «Словарь омонимов русского языка», составленный О. С. Ахмановой (М., 1974; 3-е изд. — 1986). Словарь содержит свыше 2000 словарных статей.

В словарной статье указываются соответствия данному омониму в других языках, словообразовательные производные омонима и его сочетаемость с другими словами; совокупность этих сведений дает наглядное представление о различии омонимов. Недостатком словаря О. С. Ахмановой является отсутствие толкований у описываемых омонимичных слов. Вот примеры из этого словаря:

Бор I. Англ. pine forest, фр. forêt (de pins), нем. Nadelwald. Б о р о в о й, б о р о в и к.

Сосновый, дремучий, вековой — [знак - (тильда) ставится вместо заглавного слова, т. е. в данном случае вместо слова *Бор I*. — Авт.].

Бор II. [От нем. Bohrer — бурав.] Стальное сверло, употребляемое в зубоврачебном деле. Англ. steel drill, фр. fraise (d'un dentiste), нем. Bohrer. Б о р м а ш и н а.

Бор III. [От лат. borax — бора.] Химический элемент, входящий в состав ряда минералов. Англ. boron, фр. bore, нем. Bor. Б о р ы й.

Топить I. Англ. heat, fire; фр. chauffer (un four), нем. heizen. Т о п к а, т о п л и в о.

- печь, камин; - дом.

Топить II. Англ. melt, фр. faire fondre, нем. schmelzen, dämpfen. **Топленый**.

- сало, масло, жир, воск; - молоко.

Топить III. Англ. drown, sink, фр. noyer, couler, нем. ertränken, versenken. **Топкий**, **топь**, **утопленник**.

- человека, судно, сети, грузила.

Известен также составленный Н. П. Колесниковым «Словарь омонимов русского языка» (Тбилиси, 1976; 2-е изд. — Тбилиси, 1978).

§ 108. Фразеологические словари и словари крылатых слов

Фразеологический словарь — это толковый словарь, в котором раскрывается значение несвободных словосочетаний, фразеологизмов, отмечена их стилистическая окрашенность, объясняется этимология некоторых фразеологизмов.

Основным словарем, в котором собраны и объяснены фразеологизмы русского языка, является составленный А. И. Молотковым «Фразеологический словарь русского языка» (4-е изд. этого словаря вышло в 1986 г.). Вот как, например, истолкованы и проиллюстрированы в нем выражения *петь лазаря* и *лебединая песня*:

ПЕТЬ ЛАЗАРЯ. Прикидывался несчастным, стараясь разжалобить, плакаться, жаловаться на свою судьбу, участь. — *Я сам отдаю преферанс [т.е. предпочтение. — Авт.] сигаркам, но в наших уединенных краях доставать их чрезвычайно затруднительно. — Да полно тебе лазаря петь, — перебил опять Базаров... Тургенев. Отцы и дети.*

— От евангельской притчи о нищем Лазаре, который лежал в струпях у ворот богача и рад был напиться крохами с его стола.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ (ПЕСНЬ). Последнее, обычно наиболее значительное произведение кого-либо; последнее проявление таланта, способностей и т.п. *Ничего не упомяну... о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара.* Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

— От народного поверья, что лебедь поет один раз в жизни — перед самой смертью.

Кроме того, в 1980 г. издательством «Просвещение» был выпущен «Школьный фразеологический словарь» В. П. Жукова (2-е изд. — 1989). В нем отобраны и описаны фразеологические выражения, наиболее часто встречающиеся в

речевой практике учащихся. В 80–90-е гг. были опубликованы и другие фразеологические словари: Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. — М., 1987; Шанский Н. М., Быстрова Е. А., Зимин В. И. Фразеологические обороты русского языка. — М., 1988; Фелицина В. П., Мокриенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. — М., 1990; Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Образные выражения русского языка: Словарь-справочник. — М., 1995; Яранцев Р. И. Русская фразеология: Словарь-справочник. — М., 1997; и некоторые другие.

Раньше, вплоть до середины XX в., подобных специальных фразеологических словарей у нас не было. Однако были сборники крылатых слов, пословиц, поговорок, метких народных выражений. Одним из самых богатых сборников такого рода была книга М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний» (1903–1904, в 2 томах; в 1996 г. сборник переиздан). В 1892 г. был издан сборник С. В. Максимова «Крылатые слова» (3-е изд. — 1955).

В советское время Н. С. и М. Г. Ашукины создали справочное пособие «Крылатые слова» (3-е изд., испр. и доп. — М., 1966), в котором собрали и объяснили крылатые выражения, пришедшие в обиход в основном из литературных произведений.

Например:

С КОРАБЛЯ НА БАЛ.

Выражение из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, гл. 8, строфа 13 (1832):

И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели,
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

Выражением этим характеризуется неожиданная, резкая перемена положений, обстоятельств.

Существуют и сборники пословиц и поговорок. Наиболее известен составленный В. И. Далем сборник «Пословицы русского народа» (М., 1957), в котором несколько тысяч пословиц, расклассифицированных по тематическим группам («Счастье — удача», «Хорошо — худо», «Радость —

горе». «Жизнь — смерть» и т. п.). Популярны также сборники: Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. — М., 1961; Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М., 1966; и некоторые другие.

§109. Этимологические и исторические словари

Основное назначение этимологических словарей — объяснять происхождение и историю отдельных слов и морфем.

Широко известен «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского, изданный в 1910–1914 гг. В 60-х гг. этот словарь дважды переиздавался. Словарная статья строится следующим образом: после заглавного слова следуют родственные ему слова, затем соответствия данному слову в других славянских языках; после этого указывается древняя основа, от которой образовано слово, и наиболее вероятные версии о смысловых и структурных связях его, высказанные известными учеными-этимологами. Например:

БОРОНА — *боронить, бороновать, бороньба, бороноволókъ. Др. борона, сл. brána, ч. brana, н. brona, вл. brona, пл. brona, плб. bórna.*

— Общеслав. Основа: *борна (см. *борозда*) или *борхна (см. *борц*). Миклошич относит к *бороть*, ибо мирное орудие первоначально могло быть орудием борьбы. Ср.: ч. brana употребл. в смысле *ворота*.

Более фундаментальным, чем словарь А. Преображенского, является четырехтомный «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (М., 1964–1973; повторное издание — 1986–1987).

Наряду с этими изданиями, рассчитанными в основном на специалистов, существуют этимологические словари, адресованные учителям и школьникам. Это, например, «Краткий этимологический словарь русского языка», составленный Н. М. Шанским, В. В. Ивановым и Т. В. Шанской, под ред. С. Г. Бархударова (М., 1961; 3-е изд. — М., 1975), «Этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой (М., 1994).

Одна из полезных особенностей этих словарей состоит в том, что здесь показана историческая последовательность процесса словообразования. Например:

ПРИКЛЮЧЕНИЕ. Древнерусское образование с помощью суф. *-ени-* от *приключиться*, префиксального производного от *ключиться* — «случаться, происходить», являющегося возвратной формой к *ключити* — «соединять»...

СТРЕМИТЬСЯ. Возвратная форма к общеслав. *стрѣмити*, образованному с помощью суф. *-ити* от *стрѣмъ* (ср. др.-рус. *стрѣмъ* «обрывистый, крутой», диал. *стрема* «быстрое течение», сербохорв. *стрм* «крутой» и т. д.). *Стремитесь* буквально — «низвергаться, быстро течь».

Исторический словарь — это словарь, в котором объясняются слова, употребляющиеся в памятниках письменности данного языка, отдаленных от современного состояния языка. Словник данного вида словаря составляют слова, употребленные в памятниках древнерусской письменности. Примером такого словаря могут служить составленные И. И. Срезневским «Материалы для словаря древнерусского языка» в 3 т., изданные в 1901–1903 гг.

«Материалы...» замечательны в частности тем, что известные нам слова даны как бы в исторической перспективе: в значениях, многие из которых ныне утрачены, в словообразовательных и семантических связях со словами, которые сейчас уже не ощущаются как их родственники. Все эти сведения сопровождаются иллюстративными примерами из древних летописей и деловых документов. Например:

ВЪСТРѢЧА — противоречие: — Государь упрям и встрѣчи против себя не любитъ.

ПОЗОРИЩЕ — зрѣлище, представление, сборище, собрание.

В статье слова *позорище* указаны и родственные ему, а ныне устаревшие *позоротай* и *позоратель* «очевидец, зритель», *позоровати* «смотреть», *позорование* «смотрение», *позоръ* «то, что представляется взору, зрелище», *позорьствовати* «выставлять на обозрение» и др.

В настоящее время Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской Академии наук издает многотомный «Словарь русского языка XI–XVII вв.», в котором представлена лексика русского языка указанного периода с толкованиями каждого слова (и отдельных значений) и богатым иллюстративным материалом.

Словарем, объединяющим в себе этимологию слова и сведения об истории его существования и развития в русском языке, является двухтомный «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (М., 1993). Словник этого словаря избирателен и относительно невелик (13560 слов), но этимологическая, сравнительно-историческая, семантическая и словообразовательная проработка каждого слова весьма глубока и тщательна.

§ 110. Словари иностранных слов

Лингвистические и лексикографические традиции ряда стран издавна имеют установку на особое, отдельное описание иноязычной лексики — в виде словарей иностранных слов. В русской лексикографической практике словари иностранных слов как жанр справочной литературы появились из необходимости объяснить русскому читателю те или иные иноязычные слова, сохранявшиеся в переводах научных и художественных текстов. Сначала (XVIII в.) это были прикнижные списки слов и небольшие словарики, а затем стали появляться (в конце XIX — начале XX в. в изобилии) отдельные словарные издания, объяснявшие непонятные иностранные слова. Ориентация составителей этих словарей была на энциклопедическое описание предмета или понятия, информация же лингвистического характера сводилась к нормативному написанию слова и к сведениям о его происхождении.

Хотя за последние десятилетия теоретическая лексикография шагнула далеко вперед (в частности, были разработаны и в значительной мере осуществлены на практике принципы лингвистического толкования слова), словари иностранных слов до самого последнего времени сохраняли как своеобразное «наследие прошлого» толкования, представляющие собой по существу фрагменты энциклопедических описаний соответствующих понятий; сведения о произношении, грамматических формах, словообразовательных возможностях иноязычного слова в этих словарях отсутствуют.

Наиболее известным лексикографическим трудом данного типа является «Словарь иностранных слов», составленный коллективом авторов; он выдержал более двух десятков изданий. На базе этого словаря был составлен «Современный словарь иностранных слов» (М., 1992), содержащий 20 тыс. заимствованных лексических единиц.

Вот как описываются иноязычные слова в названных словарях:

КОКЛЮШ [фр. *coqueluche*] — острое инфекционное, преимущ. детское заболевание, выражающееся в частых припадках судорожного кашля, иногда со рвотой.

МИНИМУМ [< лат. *minimum* наименьшее] — 1) наименьшая величина, наименьшая ценность, наименьшее количество, низший предел чего-л.; 2) *мат.* наименьшее значение непрерывной функции из всех непосредственно предшествующих ему и непосредственно следующих за ним значений функции.

ШИМПАНЗЕ [фр. chimpanzé < афр.] — род человекообразных обезьян, обитающих в Экваториальной Африке, по ряду признаков более близких к человеку, чем другие человекообразные обезьяны; численность невелика.

В 1998 г. вышел «Толковый словарь иноязычных слов» (автор Л. П. Крысин), который явился первым лингвистическим словарем иностранных слов. Помимо объяснения значения заимствованных слов и их происхождения здесь содержатся сведения об особенностях их произношения, о грамматических характеристиках (например, о роде существительных, их склоняемости или несклоняемости, о возможности образовать форму множественного числа), о словах, близких к данному по смыслу, о словообразовательных возможностях слова и т. п.

Для того чтобы разнота в информации об иноязычном слове, сообщаемой в «Современном словаре иностранных слов» и в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина, была наглядной, приведем примеры словарных статей тех же самых слов — *коклюш*, *минимум*, *шимпанзе* — из словаря Л. П. Крысина:

КОКЛЮШ [не: *ко́клюш*], а, мн. нет, м. [фр. coqueluche < лат. cuculus кукушка]. Инфекционная, преимущ. детская, болезнь, возникающая в частых приступах судорожного кашля, иногда со рвотой. *Коклюшный* — относящийся к коклюшу.

МИНИМУМ [лат. minimum наименьшее]. 1. а, м. Минимальное, наименьшее количество, наименьшая величина в ряду других; противоп. *максимум* (в 1-м знач.). *М. усилий. При минимуме затрат. Прожиточный м.* (средства, необходимые для того, чтобы прожить). 2. в знач. нареч. Самое меньшее (при словах, обозначающих количество); противоп. *максимум* (во 2-м знач.). *Стоит м. тысячу рублей. М. через неделю он будет здесь.* 3. а, м. Совокупность знаний, учебных предметов, обязательных для специалиста, а также экзамены по этим предметам. *Технический м. Сдать кандидатский м.* 4. мат. Наименьшее значение функции; противоп. *максимум* (в 3-м знач.). || Ср. экстремум. 5. неизм. То же, что *минимальный. Программа-м.*

ШИМПАНЗЕ [зэ], нескл., м., ж., одуш. [фр. chimpanzé < яз. Африки]. Человекообразная обезьяна, обитающая в Экваториальной Африке. *Взрослый, взрослая ш.* || Ср. гиббон, горилла, орангутанг.

В 1995 г. был издан «Краткий словарь иностранных слов», составленный Т. Г. Музруковой и И. В. Нечаевой. Новейшие заимствования нашли отражение в небольшом по объему «Словаре иностранных слов», составленном коллективом авторов, под ред. А. В. Бобровой (М., 1997), а более полные новые иноязычные слова зафиксированы в «Новом слова-

ре иностранных слов», составленном Е.Н.Захаренко, Л.Н.Комаровой и И.В.Нечаевой (М., 2003).

Кроме того, небольшие словари иноязычной лексики издаются в качестве пособий для школьников. Таковы, например, «Школьный словарь иностранных слов», составленный В.В.Одинцовым, Г.П.Смолицкой, Е.И.Голановой и И.А.Василевской, под ред. В.В.Иванова (выдержал несколько изданий) и «Школьный словарь иностранных слов» Л.П.Крысина (М., 1997).

§ 111. Орфоэпические и орфографические словари

Орфоэпические словари содержат слова, которые имеют определенные особенности в своем произношении и ударении, а также в образовании грамматических форм. Задача подобного словаря — дать правильные, рекомендуемые способы произношения и формообразования, указать допускаемые нормой варианты (в том числе и стилистически отмеченные) и запретить наиболее распространенные ошибки. Эта задача реализована, например, в выдержавшем несколько изданий «Орфоэпическом словаре русского языка» (1999), подготовленном в Институте русского языка РАН (авторы С.Н.Борунова, В.Л.Воронцова, Н.А.Еськова, под ред. проф. А.И.Аванесова). Вот примеры из «Орфоэпического словаря»:

бúлочная, -ой [*шн* и доп. *чн*];

пóнять, поймú, поймёт, *прош. пóнял, поняла́, пóняло, пóняли, прич. действ. прош. поня́вший, прич. страд. прош. пóнятый, пóнят, поня́та, пóнято, пóняты, деесп. повя́в [не рек. [т. е. не рекомендуется] пóнята; непра́в. пóняла; непра́в. пóнявший, пóняв; грубо непра́в. пoня́л, -а, -о, -и, пoня́тый, пoня́т, -а, -о, -ы;*

тра́ктор, -а, *мн. тракторá, -óв* и **тра́кторы**, -ов.

Наиболее частотные случаи затруднений и вариантов в образовании грамматических форм, в ударении собраны и описаны в «Кратком словаре трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение» Н.А.Еськовой (М., 1994). Следующие примеры дают представление о том, какого рода информация о слове содержится в этом словаре и какова структура его словарной статьи:

блúдо, -а, *мн. блúда, блюд, блюдам;*

! грубо непра́в. мн. блюда́, блюдо́в;

инстру́ктор, -а, *мн. инстру́ктора, -óв* и **инстру́кторы**, -ов, *одуш.;*

осуждённый, -ого, *мн.* -ые, -ых, *одуш.*

! *неправ.* *профессион.* осужденный, -ого, *мн.* -ые, -ых.

«Словарь трудностей русского произношения» М. Л. Ка-
ленчук и Р. Ф. Касаткиной (М., 1997) содержит 15 000 слов
с указанием нормативного произношения и наиболее ти-
пичных ошибок. Например:

афе́ра [ф'е] ! *неправ.* афёра;

инциде́нт [д'е] Δ об инциденте [н'т'] ! *неправ.* инцидент;

раке́та [к'] ! *неправ.* ракетёр.

В орфографических словарях указывается пра-
вильное написание слова и его грамматических форм. Ши-
роко известен «Орфографический словарь русского языка»,
созданный учеными Института русского языка РАН и по-
стоянно переиздающийся. В словаре свыше 100 тыс. слов;
это не только общеупотребительная лексика, но и многие
специальные термины, написание которых может вызывать
затруднения. Включение таких терминов в словарь вполне
оправданно: ведь этим словарем пользуются миллионы
людей самых различных профессий и специальностей.

Слово в орфографическом словаре дается в своей исход-
ной форме: существительные — в именительном падеже
единственного числа, прилагательные — в форме мужского
рода единственного числа, глаголы — в неопределенной фор-
ме (как совершенного, так и несовершенного вида). При
существительном указано окончание родительного падежа,
при глаголе — окончания 1-го и 3-го лица единственного
числа. Обычно этих сведений достаточно для того, чтобы
понять, как слово пишется не только в исходной форме, но
и во всех остальных. Но бывают трудные орфографические
случаи, и тогда словарная статья может быть большей по
объему, например:

вы́расти, -ту, -тет, *прош.* -рос, -росла;

копье́, -я, *мн.* ко́пья, ко́пий, ко́пьям.

«Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Ло-
патина (М., 1999) от издания к изданию пополняется; в 3-м
издании (М., 2011) свыше 200 тыс. слов.

Помимо этих словарей, адресованных самым широким
кругам читателей, издаются специальные школьные орфо-
графические словари, содержащие сравнительно небольшое
число слов, вызывающих трудности при их написании. Так,
ежегодно для учащихся младших классов издается «Ор-
фографический словари́к» П. А. Грушниковой, в котором все-
го около 1000 слов.

Кроме общих орфографических словарей, в которых даются рекомендации по правописанию слов согласно разным правилам русской орфографии, издаются так называемые профильные словари, каждый из которых содержит тот или иной класс орфографически трудных слов. Таковы, например, словари «Слитно или раздельно?» (авторы Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая; вышло несколько изданий), «Орфографический словарь: прописная или строчная?» (авторы В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова, И. В. Нечаева. — М., 1999) и некоторые другие.

§ 112. Словари правильности русской речи и трудностей русского языка

Назначение этого рода словарей — помочь говорящему и пишущему в выборе правильного слова или оборота, предостеречь от наиболее распространенных речевых ошибок.

Словари «неправильностей» издавались и в дореволюционное время, однако даже для лучших из них (например, словарей Н. Долопчева, И. Огиенко и др.) был характерен слишком прямолинейный, чисто «запретительский» подход к оценке отклонений от литературной нормы. В словарях, изданных в 60–70-е гг. XX в., нарушения языковой нормы получают определенную квалификацию, например как результат влияния просторечия, диалектной речи, как неоправданное расширение лексического значения и т. п. Это позволяет читателю лучше понять суть речевых ошибок и осознанно избегать их в своей речи.

В современной русской лексикографии есть несколько словарей рассматриваемого типа. Это, например, словарь-справочник «Правильность русской речи», составленный Л. П. Крысиным и Л. И. Скворцовым, под ред. С. И. Ожегова (М., 1965); словарь «Трудности русского языка» под ред. Л. И. Рахмановой (М., 1974); «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой (М., 1976; 3-е изд. — 1984); «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича (Л., 1973) и некоторые другие. Приведем примеры словарных статей из таких словарей.

Хронометра́ж времени — тавтологическое выражение, возникшее потому, что забыто точное значение слова *хронометраж* (от греч. *chrónos* 'время' и *métréo* 'мерю'). [Приводятся примеры, извлеченные из прессы и художественной литературы.] Чтобы избежать тавтологии, следует говорить: *хронометраж рабо-*

ты, хронометраж одной рабочей операции и т. п. («Правильность русской речи» под ред. С. И. Ожегова).

ТУРИСТИЧЕСКИЙ — ТУРИСТСКИЙ. Различаются значением. *Туристический*. — Относящийся к туризму. *Туристическое бюро. Туристический справочник. Туристический журнал...* *Туристский*. — Относящийся к туристу, к туристам. *Туристский лагерь. Туристская база. Туристская палатка...* (Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка).

Отражению грамматических норм современного русского языка, ответам на разнообразные вопросы из области грамматической стилистики посвящен словарь «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (авторы Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — М., 1976). В нем рассматриваются варианты в согласовании сказуемого с подлежащим (*большинство стремилось — большинство стремились*), беспредложного управления (*ждать поезда — ждать поезд*), варианты падежных и родовых форм существительного (*рельс — рельса, гроздь — грозди, в Перове — в Перово*) и др.

В словаре приводятся статистические данные об употреблении вариантов в письменной речи, дается развернутый комментарий о каждом типе вариантов; в конце словарных статей приведена библиография специальных работ и справочников.

§ 113. Диалектные словари

Помимо словарей литературного языка составляются словари диалектной лексики. В этих словарях представлены слова, употребляемые не на всей территории распространения русского языка, а лишь в определенной местности, свойственные некоторым говорам русского языка.

Такие слова могут отличаться от общеупотребительной лексики как своей формой, так и смыслом. Например, какие-либо предметы, действия, свойства в диалектах могут иметь обозначения, совершенно незнакомые литературному языку: *корёц* 'ковш', *баской* 'красивый', *вычёмёшивать* 'делать что-либо с ненужной тщательностью' и т. п. Другие слова в корневой своей части совпадают с литературными, но имеют иные аффиксы (суффиксы или приставки): *телок*, *телыш*, *телёш* вместо *телёнок*, *сбоць* вместо *сбоку*, *выгреть* вместо *согреть* и т. п. Третьи, совпадая по форме с общеупотребительными словами, имеют специфическое значение; например, слово *мост* употребляется в некоторых

диалектах в значении 'сени', *погода* 'ненастье', *вывод* 'часть дымохода от верха русской печи до крыши дома' и т. п.

Подобного рода лексика и фиксируется в диалектных словарях.

Создание таких словарей имеет большое культурное и историко-лингвистическое значение: они фиксируют диалектные слова, которые под влиянием литературного языка утрачивают свою специфику и постепенно исчезают из употребления; между тем многие элементы этого диалектного словаря отражают древнее состояние нашего языка, следы бывших лексических, семантических и словообразовательных связей, которые в лексике литературного языка уже стерлись.

В русской лексикографии имеется много диалектных словарей. В значительной степени диалектным по составу является «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный В. И. Далем (см. о нем выше, § 106). В дореволюционное время издавались словари архангельских, ярославских и других говоров; в 20-е гг. XX в. был издан «Донской словарь» А. В. Миртова. Сейчас выходят выпуски многотомного «Словаря русских народных говоров», составляемого учеными Института лингвистических исследований РАН в Петербурге.

В 1967 г. по инициативе и под руководством Б. А. Ларина было начато издание «Псковского областного словаря с историческими данными» (вып. 1–12. — Л., 1967–1996; издание продолжается). Словарь замечателен тем, что он содержит не только материал живых псковских говоров, но и данные, извлеченные из псковских памятников письменности XIII–XVIII вв. Это позволяет соотносить современные диалектные явления с явлениями, которые были характерны для русского языка на предшествующих этапах его развития. Словарь наглядно показывает, что в диалектах многие черты русского языка живут дольше, чем в языке литературном.

Интересен по замыслу и воплощению составленный коллективом диалектологов «Словарь современного русского народного говора» (М., 1969) под ред. И. А. Осовецкого, авторы которого в течение многих лет изучали лексику говора только одной деревни Деулино Рязанской области.

Богатый диалектный материал собран в многотомном «Архангельском областном словаре» под ред. О. Г. Гецовой (М., вып. 1 — 1980, вып. 9 — 1996; издание продолжается), в «Ярославском областном словаре» под ред. Г. Г. Мельниченко (вып. 1–10, 1981–1992), «Словаре смоленских говоров»

(вып. 1–5, 1974–1988), «Словаре орловских говоров» (вып. 1–5, 1989–1992), в нескольких словарях, описывающих диалектную лексику Урала и Сибири, например: в «Словаре русских говоров Среднего Урала» (вып. 1–5, 1964–1984), «Словаре русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В. В. Палагиной (вып. 1–3, 1964–1967), «Словаре русских говоров Новосибирской области» под ред. А. И. Федорова (1979) и ряде других.

§ 114. Другие типы словарей

Новыми типами словарей в современной лексикографии являются словари частотные, обратные, словари языка писателей и некоторые другие.

Ч а с т о т н ы й словарь помогает определить, какие слова русского языка входят в активный словарный состав, какие из них наиболее часто употребляются в письменной речи.

Так, по «Частотному словарю русского языка» под ред. Н. Н. Засориной (М., 1977, около 40 000 слов) можно установить, что наиболее часто употребляется в письменной речи всех жанров предлог *е* — он 42 854 раза встретился в текстах общим объемом 1 млн. словоупотреблений, из знаменательных слов на первом месте слово *сказать* — 2 909 раз; наоборот, редко употребляются в тех же текстах слова:

абсцисса — 10 раз

авансцена — 10 раз

агат — 10 раз

азот — 1 раз

купюра — 1 раз

и т. д.

Частотный словарь помогает также определить, какие слова русского языка должен усвоить в первую очередь человек, изучающий русский язык как иностранный.

В о б р а т н о м словаре слова расположены в алфавитном порядке не по первым буквам, а по последним: вначале слова, оканчивающиеся на *а*, потом слова оканчивающиеся на *б*, и т. д. «Обратный словарь русского языка» вышел из печати в 1974 г., в нем около 125 000 слов. Здесь в одном месте собраны слова, оканчивающиеся на одну букву, например на конечную букву *щ*. Их немного: всего 17 из 125 000, помещенных в словаре:

плащ

пращ

лещ

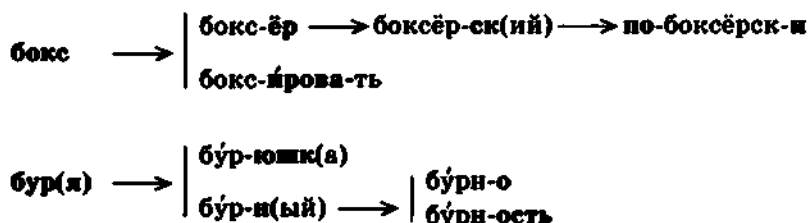
подлѣщ
 клещ
 свищ
 товарищ
 сотоварищ
 овощ
 хвощ
 борщ
 живущ
 хрущ
 хлыщ
 прыщ
 плющ
 хрящ

К обратному словарю близок по строению «Грамматический словарь русского языка», составленный А. А. Зализняком (М., 1977; 4-е изд., испр. и доп. — М., 2003): в нем слова располагаются также по алфавиту конечных букв. Задача этого словаря — представить лексику русского языка с грамматическими характеристиками каждого слова: указанием на род, тип склонения, особенности изменения по падежам — для существительных; на вид, особенности спряжения и т. п. — для глаголов и т. д. В словаре А. А. Зализняка свыше 100 тыс. слов.

Есть словари, которые содержат сведения о словообразовательных связях слов: об их продуктивности, о способности присоединять к своим основам разнообразные суффиксы и приставки, образуя новые слова. Это словообразовательные словари. Наиболее полным из них является двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка», составленный А. Н. Тихоновым (М., 1985). В нем 145 000 слов. В словарных статьях этого словаря раскрывается словообразовательная структура производных слов: показано, на базе какого производящего слова и при помощи каких словообразовательных средств они образованы. Эти сведения даются в форме словообразовательного гнезда, которое и является основной единицей словаря. Например:

недоумѣть
 недоуме-н(н)е)
 недоумен-н(ый)
 недоумени-о
 недоуменн-ость
 недоумева-ющ(ий), прич.-прил.
 недоумевающ-е

Специально для целей школьного обучения А. Н. Тихоновым составлен «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (М., 1978), значительно меньший по объему. Словообразовательные связи производящего и производных слов показаны здесь в более наглядной форме. Например:

Новыми по типу лексикографическими изданиями являются и словари сочетаемости слов русского языка. В них описываются наиболее типичные, частотные сочетания каждого слова с другими, в особенности такие, которые своеобразны, идиоматичны для данного слова. Например, для слова *помощь* в таком словаре указываются словосочетания *оказать помощь, получить помощь, прийти на помощь, позвать кого-н. на помощь* и др., для слова *скорость* — словосочетания *развивать скорость, увеличивать скорость, на предельной скорости, скорость нарастает, падает, достигает такой-то величины* и т. д.

Сведения о сочетаемостных свойствах слова можно найти в «Учебном словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (М., 1978) и в «Толково-комбинаторном словаре русского языка» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского (Вена, 1984).

Специально глаголам и их сочетаемости с синтаксически зависимыми от них словами посвящен словарь-справочник Д. Э. Розенталя «Управление в русском языке» (2-е изд., испр. и доп. — М., 1986).

Со второй половины XX в. у нас начали издаваться словари новых слов. В них фиксируются все вновь появляющиеся слова (лексические неологизмы), а также новые значения, развивающиеся у некоторых слов (семантические неологизмы). Наиболее известны словари, созданные петербургскими лексикографами под руководством Н. З. Котеловой: «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» (М., 1971), такие же словари-справочники по материалам прессы и литературы 70-х гг. (М., 1984) и по материалам прессы и

литературы 80-х гг. (под ред. Е. А. Левашова. — СПб., 1997), «Толковый словарь русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складневской (СПб., 1998).

В последнем из упомянутых словарей не только собрана лексика, актуальная для словоупотребления в русском языке конца XX столетия, но и показано движение этой лексики — из пассивного запаса в активное употребление (ср. слова *безработица*, *благотворительный*, *богослужение*, *брокер*, *предприниматель* и под.) и наоборот (так, потеряли актуальность слова *дефицит*, *пятилетка*, *распределитель*, *соцобязательства* и под.), из жаргонов и просторечия — в литературный язык (*беспредел*, *кинуть*, *разборка*, *тусовка*, *штука* — о тысяче денежных единиц и т. п.); отмечены особенности употребления того или иного слова, появившиеся в последнее время, приведены устойчивые обороты, в том числе просторечного и жаргонного происхождения.

Во всей этой серии словарей неологизмов каждое слово, имеющее самостоятельную словарную статью, иллюстрируется многочисленными примерами из прессы и современной литературы.

С л о в а р и я з ы к а п и с а т е л е й. Лексикография имеет пока один такой словарь. Это «Словарь языка Пушкина» в 4 т., изданный в 1956–1961 гг. В нем содержится 21 290 слов, употребленных А. С. Пушкиным в художественных произведениях, очерках, письмах и т. д. «Словарь языка Пушкина» отражает по существу лексику русского литературного языка первой трети XIX столетия. Слова расположены в алфавитном порядке, отмечены те значения, с которыми они использованы в творческой деятельности поэта, каждое слово имеет помету — цифру в скобках сразу после заглавного слова, отражающую частоту употребления данного слова, и др. Сокращения КД, ИП, РЛ и т. п. обозначают названия пушкинских произведений: «Капитанская дочка», «История Пугачева», «Руслан и Людмила»; обозначение С₂ указывает на 2-й том стихотворений в полном академическом собрании сочинений А. С. Пушкина (М., 1937–1949).

СМЕЛЬЧАК (2). Я стоял на своем месте, готовясь изрубить первого смельчака. КД. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским. ИП.

СТОРОЖИТЬ (2). 1. *Охранять, оберегать кого-, что-н.* Ужель, страдалец постоянный, Супругу только сторожил И в целомудренном мечтанье, Смирив нескромное желанье, Свое блаженство находил? РЛ, V, 221.

2. *Подстерегать добычу, следить, наблюдать за добычей.* Так в облаках кружится ястреб жадный и сторожит индеек и гусей. С₂ 252.8.

В настоящее время ведется работа над созданием словаря русской советской поэзии, а также над словарями языка таких выдающихся писателей и поэтов, как Ф. М. Достоевский, М. Горький, В. Маяковский, С. Есенин и другие.

С л о в а р и ж а р г о н н о й л е к с и к и. В конце 80-х — начале 90-х гг. необычайно обострился интерес русистов к изучению социальных жаргонов — главным образом уголовного и молодежного. Следствием этого интереса явились несколько словарей жаргонной лексики: «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» (сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. — М., 1992), «Сленг хиппи» Ф. И. Рожанского (СПб.; Париж, 1992), «Словарь молодежного жаргона» под ред. И. А. Стернина (Воронеж, 1992), «Словарь московского арго» В. С. Елистратова (М., 1994), «Русская феня» В. Быкова (Смоленск, 1994), «Язык из мрака. Блатная музыка и феня» М. А. Грачева (Н. Новгород, 1992), «Словарь русского сленга» И. и Ф. Югановых (М., 1997) и некоторые другие.

В этих словарях дается толкование как слов, употребляющихся в узких рамках того или иного жаргона, так и слов, перешагнувших порог корпоративно-группового употребления и имеющих хождение в речи носителей литературного языка. Ср., например, слова *накатчик* 'доносчик' и *стукач* в том же значении, *подлипала* 'милиционер' и 'подхалим', *офонареть* 'напиться пьяным', 'быть оглушенным ударом по голове' и 'прийти в какое-либо крайнее эмоциональное состояние (отупеть, устать), повести себя непредсказуемо' и т. п., слова *доходяга*, *отмывать* (деньги), *тусовка*, *туфта* и т. п., которые встречаются не только в устно-разговорной разновидности литературного языка, но и на страницах газет, художественной литературы, публицистики, в радио- и телеэфире.

Современная русская лексикография представляет собой плодотворно развивающуюся отрасль языкознания. Появляются новые типы словарей и справочников, обновляются и совершенствуются традиционные жанры лексикографических пособий, наряду с фундаментальными академическими словарными изданиями публикуются словари, предназначенные для определенного круга потребителей — специалистов в какой-либо области деятельности (например, есть толковые словари по информатике, экономике, биз-

несу, маркетингу и т. п.), переводчиков, дикторов радио и телевидения и др.

ЛИТЕРАТУРА

История русской лексикографии. — СПб., 1998.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография. — СПб., 2004.

Потиха З. А., Розенталь Д. Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе. — М., 1987.

Русский язык: Энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1997.

Цейтлин Р. М. Краткий очерк истории русской лексикографии. — М., 1958.

Шимчук Э. Г. Русская лексикография. — 2-е изд. — М., 2009.

Энциклопедический словарь юного лингвиста / Сост. М. В. Панов. — М., 2006.

§ 115. Предмет фонетики

Фонетика (от греч. *phōlē* — ‘звук’, *phōnētikos* — ‘звуковой’) — учение о звуковой стороне языка. Это наука, изучающая звуки и их закономерные чередования, а также ударение, интонацию, особенности членения звукового потока на слоги и более крупные отрезки. Фонетикой называют также и саму звуковую сторону языка.

Фонетика занимает особое место среди лингвистических наук. Лексикология и грамматика изучают смысловую сторону языка, значения, заключенные в словах, предложениях и в значимых частях слова — морфемах. Фонетика же имеет дело с **материальной** стороной языка, со звуковыми средствами, лишенными самостоятельного значения. Например, союз *а* — это слово, имеющее противительное значение, но звук [а] этого значения не имеет.

Фонетическая система языка может быть представлена в ее современном состоянии. Установление звуковой системы языка на определенном этапе ее развития — это задача **описательной** фонетики.

На протяжении эпох язык изменяется, изменяется и его звуковая система. Исследование того, как происходило это изменение, какие звуковые единицы были в языке прежде и чем они заменялись потом, как менялись чередования звуков в разные эпохи, составляет предмет **исторической** фонетики.

Бывает необходимо (например, при изучении чужого языка) сравнить звуковой строй разных языков, установить сходство и различия между ними. Сопоставление изучаемого и родного языков в первую очередь нужно для того, чтобы понять особенности чужого языка. Но такое сопоставление проливает свет и на закономерности родного языка. Иногда сравнение родственных языков помогает проникнуть в глубь их истории. Такое изучение нескольких языков входит в задачу **сопоставительной** фонетики.

Предметом исследования **общей** фонетики является то, что свойственно звуковой стороне всех языков. Общая

фонетика изучает строение речевого аппарата человека и использование его при образовании звуков речи, рассматривает закономерности изменения звуков в речевом потоке, устанавливает классификацию звуков, соотношение звуков и абстрактных фонетических единиц — фонем, устанавливает общие принципы членения звукового потока на звуки, слоги и более крупные единицы.

§ 116. Артикуляционная фонетика

Артикуляционная характеристика звуков речи. РЕЧЕВОЙ АППАРАТ

Звуки речи образуются в результате определенной работы речевого аппарата. Движения и положения органов речи, необходимые для произнесения какого-либо звука, называются артикуляцией этого звука (от лат. *articulare* — ‘членораздельно выговаривать’). Артикуляция звука строится на согласованной работе различных частей речевого аппарата.

Речевой аппарат — это совокупность органов человека, необходимых для производства речи.

Нижний этаж речевого аппарата состоит из дыхательных органов: легких, бронхов и трахеи (дыхательного горла). Здесь возникает воздушная струя, которая участвует в образовании колебаний, создающих звук, и передает эти колебания во внешнюю среду.

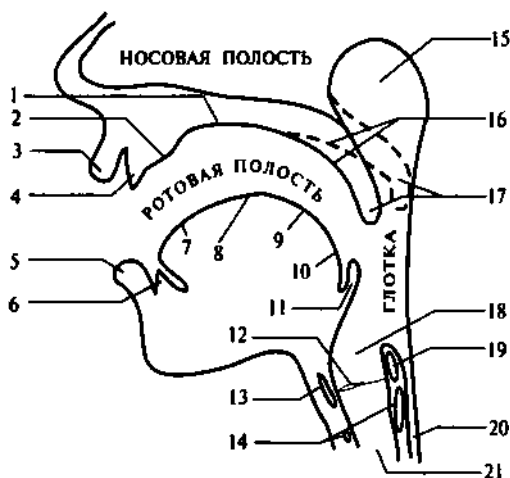
Средний этаж речевого аппарата — гортань. Она состоит из хрящей, между которыми натянуты две мускулистые пленки — голосовые связки. При обычном дыхании голосовые связки расслаблены и воздух свободно проходит через гортань. Такое же положение голосовых связок при произнесении глухих согласных. Если же голосовые связки сближены и напряжены, то при прохождении через узкую щель между ними струи воздуха они дрожат. Так возникает голос, участвующий в образовании гласных и звонких согласных.

Верхний этаж речевого аппарата — органы, находящиеся над гортанью. Непосредственно к гортани примыкает глотка. Верхняя ее часть называется носоглоткой. Полость глотки переходит в две полости — ротовую и носовую, которые разделены нёбом. Передняя, костная часть его называется твердым нёбом, задняя, мускулистая называется мягким нёбом. Вместе с маленьким язычком мяг-

кое нёбо называется нёбной занавеской. Если нёбная занавеска приподнята, то воздух идет через рот. Так образуются ротовые звуки. Если нёбная занавеска опущена, то воздух идет через нос. Так образуются носовые звуки.

Полость носа — неизменяемый по объему и форме резонатор. Ротовая полость может менять свою форму и свой объем благодаря движениям губ, нижней челюсти, языка. Глотка меняет форму и объем за счет движения тела языка вперед и назад.

Большей подвижностью обладает нижняя губа. Она может смыкаться с верхней губой (как при образовании [п], [б], [м]), сближаться с ней (как при образовании английского [w], известного и русским диалектам), сближаться с верхними зубами (как при образовании [в], [ф]). Губы могут округляться и вытягиваться в трубочку (как при образовании [у], [о]).

Произносительный аппарат:

- 1 — твердое нёбо; 2 — альвеолы; 3 — верхняя губа;
- 4 — верхние зубы; 5 — нижняя губа; 6 — нижние зубы; 7 — передняя часть языка; 8 — средняя часть языка; 9 — задняя часть языка; 10 — корень языка;
- 11 — надгортанник; 12 — голосовая щель; 13 — щитовидный хрящ; 14 — перстневидный хрящ; 15 — носоглотка; 16 — мягкое нёбо; 17 — язычок; 18 — гортань; 19 — черпаловидный хрящ; 20 — пищевод;
- 21 — трахея

Наиболее подвижный орган речи — язык. Выделяют кончик языка, спинку, которая обращена к нёбу и подразделяется на переднюю, среднюю и заднюю части, и корень языка, обращенный к задней стенке глотки.

При образовании звуков одни органы ротовой полости играют активную роль — они совершают основные движения, необходимые для произнесения данного звука. Другие органы пассивны — они неподвижны при образовании данного звука и являются тем местом, где активный орган создает смычку или щель. Так, язык всегда активен, а зубы, твердое нёбо всегда пассивны. Губы же и нёбная занавеска могут играть активную или пассивную роль в образовании звуков. Так, при артикуляции [п] нижняя губа активна, а верхняя пассивна, при артикуляции [у] активны обе губы, а при артикуляции [а] обе пассивны.

МЕТОДЫ АРТИКУЛЯЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Артикуляцию звуков можно изучать методом самонаблюдения. Так, можно анализировать свое мышечное чувство и таким образом определять способы образования звуков. Легко понять, как работают губы при произнесении разных звуков: когда они вытягиваются в трубочку, когда нижняя губа смыкается с верхней губой или сближается с верхними зубами. Можно обнаружить и движения и положение языка при произношении звуков, особенно если сравнивать попарно артикуляцию различных звуков. Зеркало поможет взглянуть на себя со стороны: увидеть артикуляцию губ, заглянуть себе в рот. Зажженная свеча укажет на силу выдоха, его место: рот (посередине или сбоку) или нос.

Артикуляцию можно изучать и при помощи инструментовальных методов. Киносъемка помогает установить движение губ. Фотографируя после произнесения разных звуков язык, зубы и нёбо, смазанные специальным составом, определяют площадь смыкания языка с нёбом и зубами. Такие фотографии языка называются лингвограммами, фотографии нёба — палатограммами, фотографии зубов — одонтограммами. Применяют для этого и искусственное нёбо — специально изготовленную для каждого испытуемого тонкую пластмассовую пластину с датчиками, позволяющими определить места прикосновения языка. Профили органов речи при артикуляции изолированных звуков получают на рентгеновских снимках. Для ис-

следования потока речи применяют кинорентген. Заглянуть в глотку и увидеть работу гортани помогает л а р и н г о с к о п — зеркальце на длинной тонкой ручке или э н д о с к о п — тонкая трубка, снабженная оптической системой и лампочкой на конце. Движение голосовых связок регистрирует и электронный г л о т т о г р а ф, приставляемый к шее в области гортани.

§ 117. Акустическая фонетика

АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОВ РЕЧИ

З в у к — это волновые колебания упругой среды — воздуха, воды и др., которые могут вызывать слуховые ощущения. Такие колебания обычно возникают в результате колебаний какого-либо тела: колокола, струны музыкального инструмента, голосовых связок человека и т. п. Колеблущееся тело непрерывно образует упругие волны, состоящие из последовательных сгущений и разрежений молекул воздуха или другой среды. Эти волны достигают нашего уха, и мы слышим звук. Звуки отличаются друг от друга высотой, силой, длительностью и тембром.

В ы с о т а з в у к а зависит от частоты колебаний: чем выше частота колебаний в единицу времени, тем выше звук; чем меньше приходится колебаний на это время, тем звук ниже. За единицу частоты звука принят герц (сокращенно — Гц, по имени немецкого физика Р. Г. Герца) — одно колебание в секунду. Человеческое ухо способно воспринимать звуки в диапазоне от 16 до 20 000 Гц. Звуки ниже 16 Гц (инфразвуки) и выше 20 000 Гц (ультразвуки) мы не слышим, хотя некоторые животные: дельфины, летучие мыши, собаки, лисы и др. — слышат и эти звуки.

У каждого человека своя средняя высота звуков речи. По ней определяется такая характеристика человеческого голоса, как тенор, баритон, бас, сопрано, альт, контральто. Изменение высоты звуков в процессе речи является основой интонации. Во многих языках изменением высоты звука выделяется ударный слог.

С и л а з в у к а зависит от амплитуды (размаха) колебаний: чем больше амплитуда, тем сильнее звук. С силой звука связана его громкость. Если чуть-чуть тронуть струну гитары, возникнет слабый звук, но если сильно оттянуть и затем отпустить струну, то звук будет гораздо громче: амплитуда колебаний струны в этом случае больше.

Единицей измерения силы, интенсивности звука является децибел (сокращенно — дБ, по имени американского физика А. Г. Белла). Порог слышимости — 0 дБ (децибел), шепот — 10–20 дБ, обычная речь — 40–60 дБ, шум на улице крупного города — более 80 дБ, близкий удар грома — 120 дБ, порог болевого ощущения в ушах — 130 дБ, рев космического корабля на расстоянии 45 метров — 180 дБ.

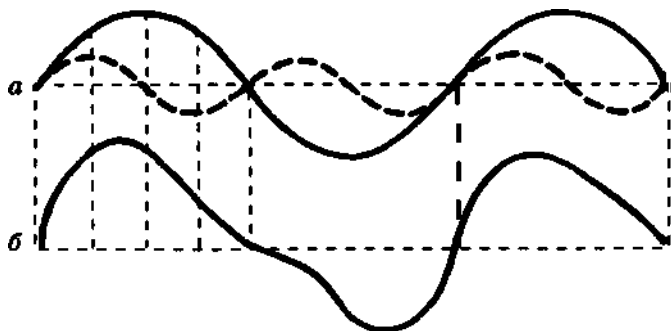
В речи мы пользуемся звуками разной силы. Это зависит, например, от условий общения: люди, стоящие рядом и находящиеся на некотором расстоянии друг от друга, должны произносить слова с разной громкостью. Большая громкость отражает и эмоциональность речи. Гласные безударные — менее сильные (громкие), а ударные — более сильные (громкие).

Д л и т е л ь н о с т ь з в у к а — это его продолжительность во времени. Длительность звуков речи измеряется в тысячных долях секунды — миллисекундах (мс). В некоторых языках (английском, немецком, французском, чешском и др.) различаются долгие и краткие ударные гласные. В русском языке ударные гласные длительнее безударных. Так, длительность ударного [а] в слове *сад*, произнесенном в нормальном темпе, может составлять 150 мс, длительность первого гласного в слове *сады́* — 100 мс, а длительность первого гласного в слове *садовóд* — 50 мс.

Т е м б р з в у к а — это индивидуальная особенность, окраска звука, определяемая его **с п е к т р о м**, соотношением между основным тоном и обертонами.

Если оттянуть и отпустить натянутую струну, то она начнет колебаться. Возникнет звук. Если прижать струну посередине и заставить колебаться оставшуюся часть, мы услышим звук, который в два раза выше основного тона струны: частота колебаний половинки струны в два раза больше, чем всей струны. Но и когда мы не прижимаем струну посередине, то кроме основного колебания всей струны колеблются ее половинки, и четвертые части, и восьмые и т. д. В результате на основной тон накладываются тоны, образуемые колебаниями частей струны. Эти тоны называются **д о п о л н и т е л ь н ы м и т о н а м и** или **о б е р т о н а м и**.

Основное свойство обертонов заключается в том, что их частота всегда в кратное число раз выше частоты основного тона, а сила тем слабее, чем выше частота. Это соотношение основного тона и обертонов может меняться в результате усиления или ослабления некоторых из них в резонаторе.

а — кривые тона и обертона; б — сложный тон

Всякий объемный резонатор — это полое тело, например пустая комната, морская раковина, деревянный корпус гитары, труба органа. У каждого резонатора своя форма, объем и частота колебаний. Если рядом с резонатором возникает звук, частота которого совпадает с частотой резонатора, звук станет намного громче, так как колебания воздуха, представляющие собой этот звук, усилятся в результате ответных колебаний стенок резонатора. Это явление называется **резонансом**.

В сложном звуке, представляющем собой сочетание основного тона и обертонов, один резонатор может усилить основной тон, а другой резонатор — усилить один или несколько из обертонов. В результате возникнут звуки разных тембров. Так, звучание одной и той же струны в гитаре, мандолине, балалайке будет различным: разные резонаторы этих музыкальных инструментов создадут звуки разных тембров.

Стенки резонатора могут не только усиливать, но и глушить некоторые составляющие звука. Известно, что в пустой комнате звуки усиливаются, а в комнате, заставленной мебелью, глушатся. Гладкая твердая поверхность стенок резонатора отражает звук, а рыхлая мягкая поглощает.

Наша ротовая полость, носовая полость и глотка тоже резонаторы. Вытягивая или растягивая губы, опуская нижнюю челюсть, перемещая язык в ротовой полости, подключая носовую полость, мы меняем объем и форму речевого резонатора и усиливаем таким образом разные составляющие сложного звука, возникшего в гортани или ротовой полости. Так возникают звуки речи.

При произнесении гласных напряжение мышц разлито по всей ротовой полости, стенки ротового резонатора гладкие, они хорошо отражают звук, как стены пустой комнаты.

При произнесении согласных напряжение мышц сосредоточено в одном месте ротовой полости, а в других ее частях мышцы расслаблены. Здесь стенки рыхлые, и, как в комнате с мебелью, они поглощают звук.

Бывают колебания периодические, они создают тон, музыкальный звук. Так, гласные — это чисто тоновые звуки. Другие колебания — непериодические, они создают шум. Согласные характеризуются наличием шума.

МЕТОДЫ АКУСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Акустическая сторона речи изучается инструментальными методами. С помощью звукозаписывающей аппаратуры речь может быть зафиксирована и воспроизведена. Звучащую речь можно увидеть на экране компьютера в виде отображения акустических характеристик звуковых сигналов. Осциллограмма дает изображение изменяющейся во времени звуковой волны, где в свернутом виде представлена информация о составляющих звук частотах и их интенсивности. На осциллограмме хорошо видны отличия между разными гласными, различными типами согласных. По осциллограммам обычно измеряют длительность звуков или их отдельных участков. Спектрограмма представляет спектр звуков — изображение всех частот звука с их амплитудами. Такое изображение может соответствовать мгновенному спектру звука, взятому в одной из его точек. Динамическая спектрограмма, или сонграмма, представляет изменяющийся во времени спектр звуков, т. е. отражает часть речевого потока — один звук или последовательность звуков. Интонаграмма показывает изменение тона на отрезке речевого потока.

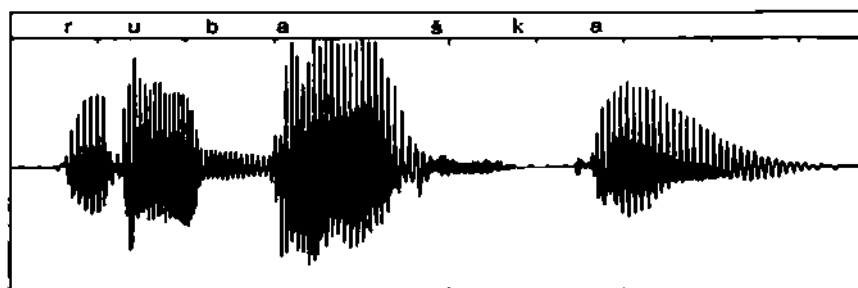

Рис. 1. Осциллограмма слова *рубашка*.

Знаки транскрипции обозначают начало соответствующих звуков

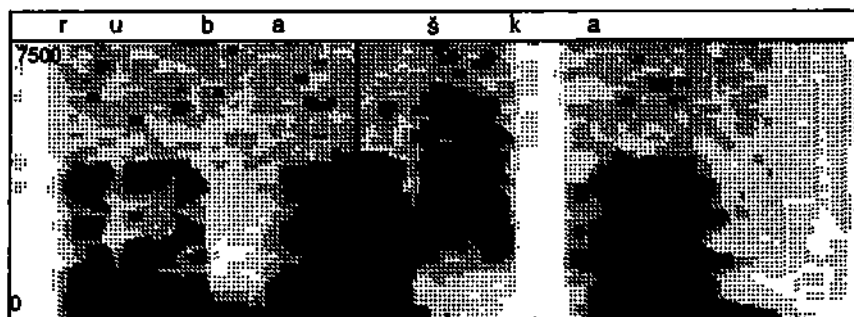

Рис. 2. Динамическая спектрограмма (сонограмма) слова *рубашка*

Рис. 3. Спектральный срез ударного [а] в слове *рубашка*. Место среза указано вертикальной чертой на динамической спектрограмме

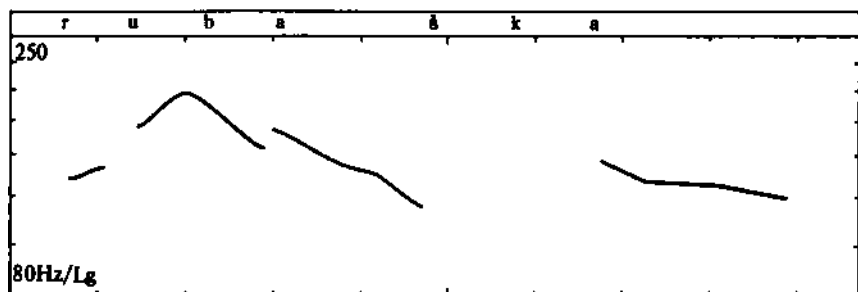

Рис. 4. Интонограмма слова *рубашка* (изолированное произнесение слова)

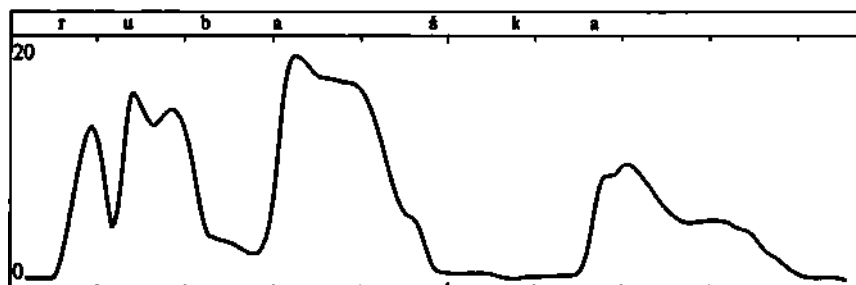

Рис. 5. Огибающая интенсивности слова *рубашка*

§ 118. Перцептивная фонетика

Звучащая речь изучается с двух разных точек зрения: с позиции говорящего и с позиции слушающего. Изучением речи с позиции говорящего занимается артикуляционная фонетика, с позиции слушающего — акустическая и перцептивная фонетика. Акустическая фонетика описывает звучащую речь как физическое явление, имеющее в каждой своей точке определенную частоту, силу, длительность и спектр. Эти параметры достаточно точно фиксируются современными приборами. Но есть еще один аспект изучения звучащей речи — то, как она воспринимается не акустическими приборами, а другими людьми. Этим занимается перцептивная фонетика (от лат. *perceptio* — ‘восприятие’). Предмет перцептивной фонетики — восприятие речи слушающими, установление соотношения между произнесенными звуками и услышанными.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ

Разрешающие способности человеческого слуха ограничены, мы можем воспринимать и различать далеко не все звуки. Так, уже говорилось выше, что человек способен воспринимать звуки, различные по высоте, в диапазоне от 16 до 20 000 Гц. Звуки более низкие и более высокие мы не слышим. Человеческое ухо обычно способно отличить один звук от другого, если разница между ними не меньше полутона — одного из двенадцати звуков музыкальной октавы (частоты крайних из них соотносятся, как 1:2). Но музыкально одаренные люди различают и более близкие по частоте звуки.

Разница в длительности между звуками менее 10 мс совершенно незаметна для говорящих. Вполне достаточна для определения качества отдельного звука величина 30 мс. Существует и предел скорости говорения, при которой речь остается разборчивой: длительность звуков, исключая отдельные звуки в потоке речи, не должна быть менее 50 мс.

Сила, интенсивность звука — это его физическая величина, громкость звука — это его восприятие человеком. Громкость звука связана не только с его интенсивностью, но и с высотой. При одной и той же интенсивности звуки разной высоты воспринимаются как разные по громкости: увеличение высоты звука до 5000 Гц воспринимается как уменьшение его громкости, а от 5000 до 9000 Гц — как увеличение громкости.

То, что человек слышит и воспринимает, зависит не только от характера звука, но и от ряда других причин. Одна из них — языковой опыт слушающего. Звуки родного языка узнаются достаточно хорошо. Если же это звуки чужого языка или даже другого диалекта своего языка, отличающиеся от привычных звуков, они могут идентифицироваться с трудом. Часто непонимание связано не с незнанием слова, а с необычным с точки зрения слушателя его звучанием.

На степень разборчивости речи влияют условия общения, которое может происходить при наличии посторонних, мешающих пониманию звуков: шум от уличного движения транспорта, музыка, звуковые помехи при телефонном разговоре, одновременный разговор нескольких собеседников, большое расстояние между говорящими, например, находящимися в разных комнатах. В результате таких помех могут возникать ошибки — неверно воспринятые слова; например:

произнесено

*в горáх
вы́нула
голубо́к
граница
из Ита́лии
к нало́говому
к онко́логу
жемо́риáл
на́ голову
сдал
с сы́ром*

услышано

*в Га́грах
вы́мыла
глубо́к
брани́тся
и дета́ли
на ло́гово
Гонко́нг
Монреа́ль
на́глого
ждал
сыры́м*

*читаешь
Таня была
толстый немножко
у них дом выше
я воду закрою*

*считаешь
та не была
с толстыми ножками
у них дома мыши
я рот закрою*

Анализ ослышек помогает выявить некоторые стороны фонетической системы языка. Так, выделяются «ключевые» звуки, которые редко заменяются другими звуками, и звуки, легко заменяющие друг друга. Опорой узнавания фрагмента речи является и его ритмическая схема — распределение разных по силе гласных. Так, в русском литературном языке свистящие и шипящие согласные при ослышках часто заменяют друг друга и реже заменяются другими согласными, точно так же сонорные согласные легче заменяют друг друга, чем заменяются шумными согласными. Гласные безударных слогов, кроме первого предударного, очень краткие, поэтому при ослышках они могут заменять друг друга либо вовсе не восприниматься. Гласный же первого предударного слога по силе и длительности может быть равным ударному гласному, и это тоже проявляется в ослышках: он может восприниматься как ударный.

На восприятие речи влияет смысловой контекст, он может вызывать ожидание появления определенного слова. И если это слово будет произнесено нечетко, с отсутствующими звуками или даже другими похожими звуками, все равно оно будет узнано. Так, в одном эксперименте по опознаванию слов, искусственно произведенных синтезатором — устройством по переводу письменного текста в звучащий, слово *хорошо* узнавалось вполне правильно, хотя в нем звук [р] не был синтезирован, а заменялся перерывом в звучании гласных. Для человека, знающего русский язык, [р] в этом слове предсказывался остальными звуками. В разговорном языке в словах могут не произноситься как отдельные звуки, так и целые звуковые блоки, однако понимание при этом сохраняется: *в[а]ще́ — вообще, п[и]сáт — пятьдесят, ты[ш':]а — тысяча, здра́[с']те — здравствуйте, Пал Ива́нч, Сан Са́нч.*

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ЭТАЛОНЫ

В памяти человека существует ограниченное число звуков языка в виде определенных эталонов этих звуков. Эталоны эти имеют зонную природу. Это значит, что каждому эталону соответствует не один конкретный звук, а множе-

ство близких, но отличающихся друг от друга звуков. Если измерить акустические параметры каждого звука одного и того же слова, произнесенного разными людьми, то окажется, что звуки эти будут отличаться по силе, длительности, высоте тона, тембру. Но отличия эти несущественны для слушающих, которые всегда в этом слове выделяют и опознают одни и те же звуки. Серия опытов помогает определить границы таких зон рассеивания, в пределах которых разные конкретные звуки опознаются слушающими как один и тот же звук. Зонную природу имеют также и такие единицы, как ударение и интонация.

Между зонами рассеивания отдельных звуков существуют промежуточные — зоны безопасности. В процессе речи говорящие должны избегать произношения звуков в зонах безопасности, но иногда могут произнести конкретные звуки и в этой зоне. В этом случае возникают трудности для слушающих, которые в процессе восприятия должны отнести произнесенный звук к одной из соседних эталонных зон рассеивания. Такая ситуация — один из источников возникновения ослышек.

Эталоны звуков в каждом языке свои, зоны рассеивания звуков могут в разных языках не совпадать, что зависит от особенностей фонетических систем этих языков. Так, для русского языка твердость и мягкость согласного — существенные признаки; согласные, отличающиеся этими признаками, имеют свои зоны рассеивания, слушающие определяют твердые и мягкие согласные как разные звуки. Но есть и такие языки, например английский, немецкий, французский, в которых твердость/нетвердость согласного — признаки несущественные, носители этих языков относят твердые и нетвердые согласные звуки к одной и той же зоне рассеивания, т. е. считают их одним и тем же звуком.

МЕТОДЫ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Основная задача перцептивной фонетики — установить отношение между звуками, произнесенными без всяких помех, и звуками воспринятыми. Поэтому эксперименты по восприятию звуков проводят в специальных звукоизолированных помещениях. Чтобы исключить влияние семантики, часто предлагают испытуемым, или, как их называют, аудиторам, слова, неизвестные аудиторам, или логотомы — искусственные слова, не обладающие значением в данном языке.

В качестве предъявляемых аудиторам для опознавания звуковых сегментов используются слова или фразы, начитанные на магнитофон специально подобранными дикторами либо искусственно синтезированные. Эти слова или фразы могут предъявляться целиком, либо из них могут быть вырезаны отдельные части: слоги или звуки, которые и предъявляются аудиторам. При этом задания могут быть в виде требования определить, какой это звук, слог или слово, где стоит ударение, каково движение тона во фразе. Другой вид задания, когда аудиторам предъявляются пары звучащих сегментов (звуковых стимулов) и дается задание определить, одинаковы они или различны, какие пары ближе друг к другу, а какие дальше. Таким образом, основные виды перцептивных заданий — опознавание, различение и сравнение предъявляемых звуковых стимулов.

При подготовке звуковых стимулов для аудирования исследователь может производить пересадку сегментов в другой звуковой контекст, например, в записанных на магнитофонную ленту словах *мёд* и *мол* вырезать гласные, поменять их местами и предъявить полученные слова аудиторам. Еще один способ определить характер звука — прослушать его наоборот: от конца к началу.

В ходе эксперимента некоторые параметры звуков могут быть изменены при помощи особых компьютерных программ. Так, например, исследуется порог, до которого звук воспринимается как краткий и выше которого он начинает восприниматься как долгий, определяется уровень тона, при котором повествовательное предложение начинает восприниматься как вопросительное.

Оценка звуковых стимулов может носить вероятностный характер, когда в эксперименте участвуют несколько аудиторов и их оценки не всегда совпадают.

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ

М. В. Ломоносов писал: «В русском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *е*, *и*, *ѣ*, *ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через *о*, *у*, *ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль». В одном опыте маленьким детям показали две матрешки, отличающиеся размером: одна большая, другая совсем маленькая.

Сказали: «Вот две сестрички, одну зовут А, другую — И. Отгадай, какую зовут И». И большинство детей показали на маленькую матрешку.

Многие люди связывают звуки, чаще всего гласные, с определенным цветом. Так, звуку [а] обычно соответствует красный цвет, [о] — светло-желтый, [и] — голубой, [э] — желто-зеленый, [у] — сине-фиолетовый, [ы] — темно-коричневый. Противопоставление согласных чаще строится на других признаках: светлый — темный, маленький — большой, хороший — плохой и др.

Все звуки противопоставлены друг другу по тону: есть звуки высокие и низкие. Низкие звуки образуются в большей по объему и менее расчлененной ротовой полости, высокие — в меньшей по объему и более расчлененной. Так, гласные [и], [э], образующиеся в передней части полости рта, высокие, а непредние гласные [а], [о], [у] низкие; согласные, периферийные по месту образования, т. е. губные и заднеязычные, низкие, а согласные центральные, т. е. передне- и среднеязычные, высокие (исключение — низкий [л]). С высокими звуками связаны представления о светлом, высоком, легком, тонком, гладком, горячем, с низкими звуками — о темном, глубоком, тяжелом, толстом, шероховатом, холодном.

В различных опытах аудиторам предлагалось описать при помощи этих признаков логотомы, составленные из высоких звуков (например, *дичёс, незіч, терілья, дес, тин*) и из низких звуков (например, *букóф, мові́к, пум, вумп, буф*). Большинство аудиторов слова первого типа описывали при помощи признаков из первой группы, а слова второго типа описывали при помощи признаков из второй группы.

Эту особенность звуков хорошо чувствуют и используют в своих стихах поэты. Вот начало стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро»:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Безмятежное, радостное, светлое настроение передается и преобладанием высоких звуков над низкими: их соотношение 61:39%. Совсем иная эмоциональная тональность в стихотворении «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Здесь и иное соотношение высоких и низких звуков — 44:56 %, низкие преобладают.

§ 119. Фонетическая транскрипция

При изучении фонетики необходимо передавать на письме звучащую речь возможно более точно. Поэтому пользуются особой записью, которая называется **фонетической транскрипцией**. Ее основные принципы: 1) каждая буква должна обозначать звук, не должно быть букв, не обозначающих звуков; 2) каждая буква должна обозначать один звук, а не сочетание звуков; 3) каждая буква должна обозначать всегда один и тот же звук.

Фонетическая транскрипция может основываться на разных алфавитах. Так, в основе международной фонетической транскрипции латиница. В русской фонетике используется два основных варианта транскрипции: в основе одного из них буквы русского алфавита — кириллицы, в основе другого — латиница. В нашем учебнике используется в качестве основы транскрипции русский алфавит.

Некоторые буквы алфавита в транскрипции не употребляются. Так, *е, ё, ю, я* не отвечают второму и третьему принципам: в русской графике они двузначны и могут читаться как сочетания звука [j] со следующим гласным, например в начале слова и после гласной буквы — *ель, ёж, юг, яма; боец, поёт, уют, роуль*; после согласных букв они читаются как один гласный звук — *лес, мёд, дюйм, ряд* (знаки фонетической транскрипции ставятся в квадратные скобки).

Буква *щ* до середины XX в. могла читаться говорящими на литературном языке по-разному: как [ш'ч'] и [ш'ш'], поэтому она не отвечала второму и третьему принципам транскрипции. Сейчас первый тип произношения устарел и нормам литературного языка отвечает только [ш'ш'] на месте *щ*, но и в этом случае буква *щ* не отвечает второму принципу транскрипции. Поэтому буква *щ* в транскрипции не используется.

Буква *й* обычно не употребляется в транскрипции, вместо нее для обозначения неслогового гласного пишется [*и*].

Буквы *э*, *ь* могут употребляться в транскрипции, но в особом значении. Так, [*э*] обозначает гласный, средний между [*ы*] и [*а*], произносимый, например, на месте букв *о*, *а* во втором предударном и заударном слогах: *п[э]рубить*, *п[э]русина*, *вып[э]лз*, *вып[э]л*. Однако буква *э* не соответствует в этом случае ее значению в современной русской графике «разделительного знака», указывающего, что следующие буквы *е*, *ё*, *ю*, *я* должны читаться как [*й*] со следующим гласным: *эзезд*, *обзём*, *дизъюнкция*, *изгян*. Поэтому некоторые лингвисты используют для обозначения этого звука знак международной фонетической транскрипции [ə] — «шва». Этот знак используется и в данном учебнике.

Знак [*ь*] употребляется разными лингвистами в разном значении: как звук, близкий к [*э*], или звук, близкий к [*и*], некоторые лингвисты вовсе отказываются от использования в транскрипции буквы *ь*, употребляя для обозначения этого звука букву *и*, иногда осложненную дополнительным знаком (см. ниже). В пользу такого решения, принятого и в данном учебнике, говорит и то, что обозначение в транскрипции буквой *ь* гласного звука противоречит современному графическому значению этой буквы — знака мягкости предшествующего согласного: *жесть*, *моль*, *зорька*, *судьба*, а также как «разделительного знака», указывающего, что следующие буквы *е*, *ё*, *ю*, *я*, *и* должны читаться как [*й*] со следующим гласным: *досье*, *ружьё*, *вьюн*, *дьякон*, *чьи*.

В языке звуков больше, чем букв алфавита. Поэтому в русской фонетической транскрипции используются буква латинского алфавита *j*: [*jóлка*], [*даjú*] — и буква греческого алфавита *γ*, которая обозначает звонкий согласный, произносимый, например, на месте буквы *х* в словах *дву[γ]годи́чный*, *свер[γ]звукóй*; знак международной фонетической транскрипции [ʌ], обозначающий звук, близкий к [о], но неогубленный, произносимый частью говорящих на литературном языке, например, в первом предударном слоге: [*вда́*], [*травá*]; знак [ŋ], обозначающий носовой заднеязычный звук, встречающийся, например, в словах *фу[ŋ]кция*, *банду[ŋ]гский*.

Кроме того, в транскрипции используются диакритические (надстрочные и подстрочные) знаки и выносные буквы, которые указывают на следующие особенности звуков:

- [с'] — мягкий согласный;
- [с'] — огубленный согласный;
- [с:] и [с̣] — долгий согласный;
- [дз] — слитный звук;
- [т] — имплозивный согласный;
- [т'] — передненёбный согласный на месте зубного;
- [л] — оглушенный сонорный согласный,
- [л'] — слоговой согласный;
- [и] — неслоговой гласный;
- [а] — гласный, продвинутый вперед и вверх в начале звучания;
- [а'] — гласный, продвинутый вперед и вверх в конце звучания;
- [ä] — гласный, продвинутый вперед и вверх на всем протяжении звучания;
- [а] — гласный, отодвинутый назад;
- [ä] — гласный, продвинутый вперед;
- [и'] — звук, средний между [и] и [э], но ближе к [и], «открытый [и]», «[и], склонный к [э]»;
- [э'] — звук, средний между [и] и [э], но ближе к [э], «закрытый [э]», «[э], склонный к [и]».

§ 120. Сегментные и суперсегментные единицы

Наша речь представляет собой поток звуков, звуковую цепь. Эта цепь членится на отрезки, отдельные единицы, выделяемые различными фонетическими средствами. В русском языке такими единицами являются фраза, фонетическая синтагма, фонетическое слово, слог и звук.

Ф р а з а — это отрезок речи, объединенный особой интонацией и фразовым ударением и заключенный между двумя достаточно длительными паузами. Например, звуковая цепь *Было ветрено, сыро и скверно. | Дверь в сад была открыта, || на почерневшем от мокроты полу террасы высыхали лужи ночного дождя* (Л. Н. Толстой) членится паузами на три фразы (границы между ними обозначены двумя вертикальными чертами).

Фраза соответствует относительно законченному по смыслу высказыванию. Однако ее нельзя отождествлять с предложением. Фраза — это фонетическая единица, а предложение — грамматическая, они относятся к разным ярусам языка. Они и линейно могут не совпадать. Так, в приведенном примере в одном сложном предложении две фразы.

Одно сложное предложение может соответствовать и одной фразе: *Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез* (Н. Гоголь); *Она не сводит глаз с дороги, что идёт через рощу* (И. Гончаров).

Фраза может члениться на фонетические синтагмы. Фонетическая синтагма также характеризуется особой интонацией и синтагменным ударением, но паузы между синтагмами не обязательны и они короче междфразовых пауз. Например, фраза *Было ветрено, | сыро | и скверно* состоит из трех синтагм (границы между ними обозначены одной вертикальной чертой).

Членение речевого потока на фразы и синтагмы обусловлено смыслом, значением, которое говорящий вкладывает в высказывание. Наличие оттенков значения отражается на допустимых колебаниях в членении речевого потока. Так, возможны варианты членения фразы на фонетические синтагмы; ср.: *На другой день весть о пожаре | разнеслась по всему околотку* (А. Пушкин). — *На другой день | весть о пожаре | разнеслась по всему околотку*. — *На другой день | весть о пожаре | разнеслась | по всему околотку* (факультативные варианты членения на фонетические синтагмы выделяются пунктирной чертой).

В некоторых случаях варианты членения фразы на фонетические синтагмы отражают разное значение: *Надо учиться, | работать | и отдыхать*. — *Надо учиться | работать | и отдыхать*; *Как испугали её | слова брата*. — *Как испугали её слова | брата*.

Фонетические синтагмы, состоящие более чем из одного слова, характеризуются смысловой и синтаксической цельностью. Поэтому невозможно такое, например, членение на синтагмы: *на | другой день* или *на другой | день*.

Таким образом, фраза и фонетическая синтагма выделяются ритмико-интонационными средствами, членение речевого потока на фразы и фонетические синтагмы связано со смыслом и синтаксическим членением.

Фонетическая синтагма может состоять из одного или нескольких фонетических слов. Фонетическое слово — это отрезок звуковой цепи, объединенный одним словесным ударением. Фонетическое слово может соответствовать одной или нескольким лексическим единицам. Так, во фразе *В ту же ночь | широкая лодка | отчалила от гостиницы...* (И. Тургенев) три фонетические синтагмы, в каждой из которых по два фонетических слова. Одно фонетическое слово образуют сочетания *в ту же, от гостиницы*.

Фонетическое слово делится на слоги, а слоги — на звуки.

Звук, слог, фонетическое слово, фонетическая синтагма, фраза — это разные отрезки речевого потока. Такие линейные отрезки называются **сегментными единицами**. **Звук** — наименьшая сегментная единица. Каждая следующая по величине сегментная единица состоит из более мелких: слог — из звуков, фонетическое слово — из слогов, фонетическая синтагма — из фонетических слов, фраза — из синтагм.

Объединение сегментных единиц в более крупные сегментные единицы осуществляется благодаря **суперсегментным**, или **просодическим**, единицам, которые как бы накладываются на сегментные. К таким суперсегментным единицам относятся слоговость/неслоговость звуков, ударение и интонация. Слог является и сегментной и суперсегментной единицей. Слог как сегментная единица представляет собой линейную последовательность звуков. Слог как суперсегментная единица представляет собой единство слогового и неслоговых звуков. Слоги объединяются в фонетические слова благодаря словесному ударению. Фонетические слова объединяются в фонетические синтагмы благодаря синтагменному ударению и интонации. Интонация и фразовое ударение служат для объединения синтагм во фразу.

ЗВУКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 121. Гласные и согласные звуки

Все звуки речи делятся на гласные и согласные. Различаются они артикуляционно и акустически.

При образовании гласных голосовые связки дрожат, но воздушная струя проходит через рот свободно, не встречая никаких препятствий. При образовании согласных воздушная струя преодолевает препятствие в ротовой полости. Этим основным артикуляционным отличием между гласными и согласными обусловлены и другие их отличия.

Гласные — это чисто тоновые звуки, они образуются в результате колебания голосовых связок в момент прохождения через гортань струи воздуха. Эти колебания периодические, они создают тон, музыкальный звук. Согласные характеризуются наличием шума. Шум — это непериодический звук, он возникает в результате преодоления воздушной струей различных препятствий.

Для гласных характерна слабая струя воздуха, а для преодоления преграды при произнесении согласных необходима более сильная воздушная струя. Произнесите медленно слово *оса*, приблизив ко рту ладонь, и вы легко почувствуете разницу в силе воздушной струи при произнесении гласного [а] и согласного [с].

При образовании гласных мускульное напряжение почти в равной мере распространяется по всей ротовой полости, а при образовании согласных мускульное напряжение сосредоточено в том месте, где возникает преграда. Произнесите [и] и [j], и вы это почувствуете.

Гласные — ртотраскрыватели: чем громче мы хотим произнести гласный, тем шире должны раскрыть рот. Согласные — ртосмыкатели: чем громче мы хотим произнести согласный, тем теснее должны сблизить органы речи. Произнесите [а] тихо и громче, [с] тихо и громче, и вы почувствуете разницу в движении органов речи: чтобы громче произнести [а], надо рот раскрыть шире; чтобы громче произнести [с], надо плотнее придвинуть язык к зубам.

Есть еще одно различие между гласными и согласными: гласные можно кричать, а одними согласными кричать невозможно.

§ 122. Классификация гласных звуков

Гласные — это чисто тоновые звуки. Возникнув в гортани в результате колебания голосовых связок, музыкальный тон, голос приобретает особый тембр в надгортанных полостях. Рот и глотка — это те резонаторы, в которых и формируются различия между гласными. Эти различия определяются объемом и формой резонирующих полостей, которые могут изменяться в результате движений губ, языка и нижней челюсти. Каждый гласный произносится при особом, свойственном только этому звуку положении органов речи.

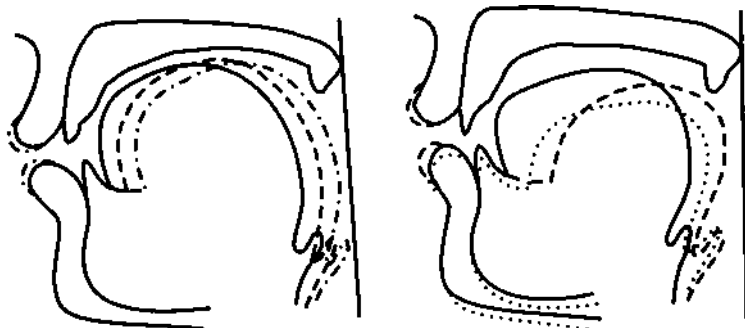
Классификация гласных звуков основывается на трех признаках: участии губ, степени подъема языка по вертикали по отношению к нёбу, степени продвинутости языка вперед или отодвинутости назад по горизонтали.

По участию губ гласные делятся на *огубленные* (или *лабиализованные*) и *неогубленные* (или *нелабиализованные*) (от лат. *labium* — губа). При образовании огубленных гласных губы сближаются, округляются и выпячиваются вперед, уменьшая выходное

отверстие и удлиняя ротовой резонатор. Степень огубленности может быть разной: меньшая у [о], бóльшая у [у]. Гласные [а], [э], [и], [ы] — неогубленные.

По степени подъема языка по отношению к нёбу различаются гласные верхнего подъема: [и], [ы], [у]; среднего подъема: [э], [о]; нижнего подъема: [а]. При артикуляции гласных верхнего подъема язык занимает крайнее верхнее положение. Нижняя челюсть при этом обычно слегка отходит от верхней, создавая узкий раcтвор рта, поэтому гласные верхнего подъема называют также **у з к и м и**. При артикуляции гласных нижнего подъема нижняя челюсть обычно опущена в крайнее нижнее положение, создавая широкий раcтвор рта, поэтому гласные нижнего подъема называют также **ш и р о к и м и**.

По степени продвинутоcти языка вперед или отодвинутоcти его назад по горизонтали различаются гласные **п е р е д н е г о** ряда: [и], [э]; **с р е д н е г о** ряда: [ы], [а]; **з а д н е г о** ряда: [у], [о]. При артикуляции гласных переднего и заднего ряда язык концентрируется соответственно в передней или задней части полости рта. Форма языка при этом бывает различна. При образовании гласных переднего ряда по направлению к передней части нёба приподнимается передняя часть языка. При образовании гласных заднего ряда приподнимается по направлению к задней части нёба задняя часть языка. А при образовании гласных среднего ряда язык либо приподнимается средней частью к средней части нёба, как бывает при произнесении [ы], либо лежит плоско, как при произнесении [а].

Схемы артикуляции гласных:

— [и]	— [э]
---- [ы]	---- [о]
..... [у]	 [а]

Простейшая таблица русских гласных такова:

Ряд Подъем	передний	средний	задний
верхний	и	ы	у
средний	э		о
нижний		а	

Но деление на три ряда и три подъема не отражает всего богатства гласных звуков. Так, кроме [и] есть еще звук, произносящийся с несколько большей открытостью рта и чуть более низким подъемом языка. Этот звук называют «[и] открытый»; в более точной транскрипции это [и^о], т. е. «[и], склонный к [э]». Есть «[э] закрытый» — звук, отличающийся от [э] несколько большей закрытостью рта и чуть более высоким подъемом языка; в более точной транскрипции это [э^а] или [э̌]. Таким образом, о т к р ы т ы е и з а к р ы т ы е гласные — это «оттенки» звуков, произносящиеся с несколько большей открытостью или закрытостью рта и несколько меньшим или бóльшим подъемом языка.

Оттенки звуков можно рассматривать как особые звуки. Тогда и таблица гласных должна быть более детальна (хотя, конечно, и в ней показаны не все гласные русского языка):

Ряд Подъем	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
верхний	и	й̋	ы		у
верхне-средний	и^о э̌, э^а	ö	ы^о		
средний	э	э̌	ө		о
средне-нижний		ä	а^о	Λ	
нижний			а		

Гласный [ө] (в другой транскрипции [ɤ]) — один из самых частых звуков литературного языка. Он произносится

в некоторых безударных слогах, например, в словах *п[ə]ро-ход, в[ə]допад, гор[ə]д, обл[ə]ко, вып[ə]х[ə]ть*. Изолированно [ə] можно произнести, если образовать непрерывный ряд переходных звуков от [ы] к [а] и остановиться посередине.

Гласные [ä], [э], [ö], [ү] продвинуты вперед и вверх по сравнению с [а], [э], [о], [у]. Произносятся они между мягкими согласными: *пять* [п'ät'], *петь* [п'эт'], *тётя* [т'öt'ə], *тюль* [т'үл'].

Гласный [э] произносится под ударением после твердых согласных: *акт* [э]нна, *м*[э]р, *ш*[э]ст.

Гласные [и'], [ы'], [а'] бывают только в безударном положении: *и[и']скр[и]ть, д[ы']ш[и], в[а']д[а]*. У некоторых говорящих вместо [а'] звучит [ʌ] — неогубленный гласный, по положению языка средний между [а] и [о].

§ 123. Классификация согласных звуков

В характеристику согласных звуков входят пять основных признаков: место образования, способ образования, уровень шума (сопорность/шумность), глухость/звонкость, твердость/мягкость.

Место образования согласного зависит от того, какой активный орган совершает основную работу и с каким пассивным органом он смыкается или сближается. Это то место во рту, где воздушная струя встречает препятствие. Если активный орган — нижняя губа, то согласные могут быть *губно-губными*: [п], [п'], [б], [б'], [м], [м'] (пассивный орган — верхняя губа) — и *губно-зубными*: [в], [в'], [ф], [ф'] (пассивный орган — верхние зубы). Если активный орган — язык, то характеристика согласного зависит от того, какая часть языка — передняя, средняя или задняя — участвует в создании преграды и с каким пассивным органом — зубами, передней, средней или задней частью нёба — язык сближается либо смыкается. *Переднеязычные* согласные бывают *зубными*, когда передняя часть языка направляется к зубам: [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [н], [н'], [л], [л'], [ц], и *передненёбными*, когда она направлена к передней части нёба: [р], [р'], [ш], [ш'], [ж], [ж'], [ч']. *Среднеязычные* одновременно всегда и *средненёбные*: [j], [j']. *Заднеязычные* либо *задненёбные*: [к], [г], [х], [γ], [ŋ], либо *средненёбные*: [к'], [г'], [х'], [γ']. Звук [ŋ] — носовой заднеязычный — редок в русском языке. Он произносится на месте [н] перед [к], [г], обычно в тех случаях, когда даль-

ше следует согласный: *пу[н]кѣир*, *фра[н]кский*, *ко[н]-гресс*.

Способ образования согласного — это характеристика препятствия в полости рта на пути воздушной струи и способа его преодоления. Препятствие это бывает трех родов: узкая щель между сближенными органами речи, полная их смычка и дрожащий в потоке речи активный орган. Поэтому все согласные делятся на щелевые, смычные и дрожащие.

Щелевые (или фрикативные, от лат. *fricatio* — 'трение') образуются в результате трения воздушной струи о края сближенных органов речи, образующих узкую щель. Щелевые срединные образуются посредине сближенных органов речи: [в], [в'], [ф], [ф'], [с], [с'], [з], [з'], [ш], [ш'], [ж], [ж'], [й], [х], [х'], [γ], [γ']. При артикуляции щелевых боковых воздух протекает по бокам ротовой полости, между боковыми частями языка и зубами: [л], [л'].

Смычные согласные включают момент полного прекращения протекания воздушной струи через ротовую полость. В зависимости от характера преодоления смычки согласные делятся на носовые, взрывные, аффрикаты, имплозивные.

Носовые согласные характеризуются полным замыканием ротовой полости и одновременным опусканием нёбной занавески, в результате чего воздух свободно протекает через носовую полость: [м], [м'], [н], [н'], [ң]. Другие согласные неносовые, ротовые. При их произношении нёбная занавеска поднята и прижата к задней стенке глотки, так что воздушная струя выходит через рот.

При образовании взрывных согласных сначала происходит полная задержка воздушной струи и повышение в результате этого внутриротового давления, а затем резкое размыкание органов речи и прорыв воздушной струи в образовавшийся проход с характерным шумом: [п], [п'], [б], [б'], [т], [т'], [д], [д'], [к], [к'], [г], [г'].

Образование аффрикат (или смычно-щелевых, слитных согласных), как и взрывных, начинается с полной смычки органов речи. Но на последней фазе сомкнутые органы не резко размыкаются, а только приоткрываются, образуя щель для выхода воздуха. Таковы, например, [ц], [ч']. Они иногда обозначаются в транскрипции и иначе: [ц] как [т̪с], [ч'] как [т̪ш']. Такой способ обозначения указывает на неоднородность звука. Однако [т̪с] не равно [т+с] (как и [т̪ш'] не равно [т'+ш']): [т̪с] — один слитный звук, а [т+с] — два звука. По-разному произносятся сочета-

ния о целевой и от солевой, о цепной и отсылной, о цыпке и отсылке: в первом примере этих пар звук [ц] (=[т̣с]), во втором примере ему соответствуют два звука. Начальная и конечная фазы аффрикаты [т̣с] только напоминают звуки [т], [с], но не совпадают с ними полностью.

Имплозивные (или **сомкнутые**) согласные содержат только фазу смычки. У них нет второй фазы, как у взрывных и аффрикат. Имплозивные выступают на месте взрывных перед взрывными и аффрикатами того же места образования и на месте аффрикат перед такими же аффрикатами: о[т̣т̣]уда, о[т̣т̣']епель, по[д̣д̣]омом, по[д̣д̣']ёлка, зна[к̣к̣]юзерога, ут̣ю[г̣г]орячий, о[т̣ц̣]а, пла[т̣ц̣]ёлый (плат и плац), не[т̣т̣']а́сто (петь и печь).

Дрожащие согласные, или **вibrанты**, образуются путем вибрации, дрожания кончика языка в выходящей струе воздуха. Обычно происходит также смыкание и замыкание кончика языка с альвеолами или заальвеолярной частью нёба: [р], [р']. Дрожащие характеризуются точечным контактом языка с пассивным органом и кратковременностью смычки в отличие от смычных согласных, у которых эта смычка более плотная и более длительная.

По уровню шума (степени его интенсивности) согласные делятся на **сонорные** [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j] и **шумные** [п], [п'], [б], [б'], [ф], [ф'], [т], [т'], [д], [д'], [с], [с'], [з], [з'], [ц], [ч'], [ш], [ш'], [ж], [ж'], [к], [к'], [г], [г'], [х], [х'] и др. Интенсивность шума у шумных согласных значительно выше, чем у сонорных. Объясняется это различиями в напряженности органов речи и в силе воздушной струи при произнесении сонорных и шумных согласных. Шумные согласные образуются при большем, чем у сонорных, напряжении мышц в том месте ротовой полости, где возникает преграда воздушной струе. Поэтому и сила воздушной струи, выходящей из ротовой полости во время речи, при произнесении шумных согласных гораздо больше, чем при произнесении сонорных.

Глухие и звонкие согласные определяются по отсутствию или наличию при их произнесении голоса (тона). Голос возникает в результате того, что голосовые связки сближены и дрожат при прохождении струи воздуха. Так образуются **звонкие** согласные: [р], [л], [м], [н], [j], [б], [в], [г], [д], [ж], [з] и др. Разница между звонкими сонорными и звонкими шумными в том, что у звонких сонорных голос значительно преобладает над шумом, а у звонких шумных шум преобладает над голосом. Без голоса, при помощи од-

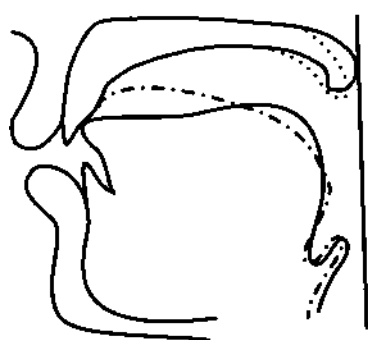
ного только шума образуются глухие согласные: [к], [п], [с], [т], [ф], [х], [ц], [ч'], [ш] и др. При их произнесении голосовая щель раскрыта, а голосовые связки расслаблены.

По глухости/звонкости согласные звуки образуют пары: [п]—[б], [ф]—[в], [д]—[т], [с]—[з], [ш]—[ж] и др. Звук [ц] глухой, но у него есть парный звонкий [дз], который произносится на месте [ц] перед звонким согласным: *пла[дз]дарм*, *Шпи[дз]берген*, *конё[дз]года*. Такую же пару составляют глухой [ч'] и звонкий [дж']. Перед звонким шумным согласным на месте [ч'] произносится [дж']: *на[дж']бáзы*, *мя[дж']забýли*, *до[дж']говори́ла*. Звук [γ] составляет звонкую пару [х] и произносится, например, в словах *дву[γ]го́дичный*, *мо[γ]зе́лный*, *и[γ]жа́ли*.

У сонорных согласных тоже есть звонкие и глухие пары: [р]—[р̥], [р']—[р̊], [л]—[л̥], [л']—[л̊] и др. Глухие сонорные могут выступать, в частности, на конце слова после глухого согласного: *мет[р̥]*, *вих[р̊]*, *смыс[л̥]*, *мыс[л̊]*, *пес[н̥]*, *кос[м̥]*. Глухой [j̥] — пара звонкому сонорному [j̊] — возможен на конце слова, особенно в эмоциональной речи: *Отда́[j̥]*; *Откро́[j̥]*; *Сто́[j̥]*!

Твердые и мягкие согласные звуки отличаются характерной для каждой из этих групп артикуляцией. При образовании мягких согласных язык концентрируется в передней части, а при образовании твердых — в задней части ротовой полости; ср.: [в']*ил* — [в̊]*ыл*, [п']*ил* — [п̊]*ыл*, [л']*эг* — [л̊]*ог*, [р']*яд* — [р̊]*ад*. Это основное положение языка сопровождается дополнительной артикуляцией. При образовании мягких согласных в результате сдвига языка вперед происходит палатализация — приподняtie по направлению к твердому нёбу средней части спинки языка (от лат. *palātum* — нёбо), а также расширение и увеличение объема глотки. Поэтому мягкие согласные, кроме [j̊], палатализованные. У [j̊] приподняtie к средней части нёба средней части спинки языка не дополнительная, а основная артикуляция, поэтому [j̊] — палатальный согласный. При образовании твердых согласных в результате сдвига языка назад происходит сужение в области глотки и уменьшение ее объема — фарингализация (от греч. *pharinx* — глотка). Поэтому твердые согласные фарингализованные. Кроме того, при образовании твердых согласных может наблюдаться веларизация — приподняtie по направлению к мягкому нёбу задней части спинки языка (от лат. *velum palāti* — нёбная занавеска), такие согласные — веларизованные. У заднеязычных [к], [г], [х], [γ] подъем задней части спинки языка к

мягкому нёбу — основная артикуляция, без которой заднеязычные произноситься не могут, веляризация же — артикуляция дополнительная к основному фокусу согласных. Поэтому заднеязычные не веляризованные согласные, а в е л я р н ы е.

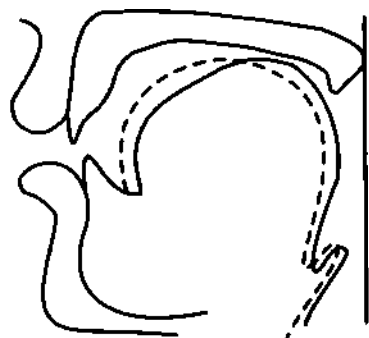

Положение языка при произношении:

—— [т], [д], [н]
 ---- [т'], [д'], [н']

Положение нёба при произношении:

—— [т], [д], [т'], [д']
 [н], [н']

Положение языка при произношении:

—— [х]
 ---- [х']

Согласные звуки образуют пары по твердости/мягкости: [п]—[п'], [б]—[б'], [ф]—[ф'], [в]—[в'], [м]—[м'], [т]—[т'], [д]—[д'], [с]—[с'], [з]—[з'] и др. Звук [ц] твердый, а мягкий [ц'] произносится, например, на месте [т'] перед [с']: *пл[ц']-ся, ма[ц'] Серёжи*. Звук [ч'] мягкий, его твердая пара — [ч], который бывает перед [ш], в том числе на месте [т], [д]: *л[ч]ше* (ср. *л[ч']*), *о[ч]шатнётся, по[ч]шутить*. У твердого звука [ш] мягкая пара [ш']: [ш'] *чаём, мо[ш']ный, [ш']ука*. У звука [ж] пара [ж'], который бывает почти всегда двойным, долгим: *во[ж':]и, дро[ж':]и, ви[ж':]ать*. Так произносят слова *вожжи, дрожжи, визжать* многие говорящие на литературном языке (допустимо и произношение [ж:] на месте [ж':]). Только у звука [j] не может быть твердой пары. У остальных мягких согласных поднятие средней части спинки языка по направлению к твердому нёбу — артикуляция, дополнительная к основному способу

образования согласного. У [j] же поднятие средней части спинки языка к средней части нёба — основная артикуляция, без которой никакого согласного звука вообще не возникает.

В таблице на с. 316 перечислены важнейшие признаки и основные звуки современного русского литературного языка (в каждом квадрате слева — глухие, справа — звонкие, вверх — твердые, вниз — мягкие). Но, конечно, далеко не все. Если, например, сравнить начальные звуки слов *сад* и *суд*, *дам* и *дум*, *таз* и *туз*, то можно заметить разницу в их артикуляции. Перед [а] согласные произносятся без напряжения губ, а перед [у] — с округленными и вытянутыми губами. Мы еще только приготовились произнести слова *суд*, *дум*, *туз*, а губы уже приняли это положение. Такая дополнительная артикуляция называется лабиализацией (от лат. *labium* — ‘губа’), а согласные звуки [с’], [д’], [т’] и т. п. — лабиализованными (или огубленными). Эти звуки отличаются от [с], [д], [т] артикуляцией и на слух. (Эту разницу можно услышать, если начать произносить слово *сад* и остановиться после первого согласного, затем начать произносить слово *суд*, но произнести только первый согласный.) В русском языке лабиализация согласных всегда связана с их положением перед [у] или [о], а также перед лабиализованными согласными: [с’т’ул], [с’т’ол], но [стал]. Исключений нет, поэтому в транскрипции она обычно не отмечается.

СЛОГ

Слог представляет собой сегментную и суперсегментную единицу. В слоге как суперсегментной единице один звук слоговой (или слогообразующий), он является вершиной слога, остальные звуки в слоге неслоговые (неслогообразующие). Рассмотрение слога с точки зрения слоговости/неслоговости звуков устанавливает, какие звуки в разных слогах могут быть слоговыми, как они соотносятся с неслоговыми звуками, по каким параметрам происходит нарастание и ослабление слоговой волны, т. е. каковы законы построения слога. Слог как сегментная единица является определенным отрезком речевой цепи. Рассмотрение слога с этой точки зрения устанавливает законы членения речевой цепи на слоги, выясняет место слогоразделов внутри слова и на стыке слов.

§ 124. Теория слога. Слоговые и неслоговые звуки

Существует несколько теорий слога.

Экспираторная теория трактует слог как такое звуко сочетание, которое произносится одним толчком выдыхаемого воздуха. Такое определение наиболее наглядно. Проверить это можно так. Если произнести перед горящей свечой слово *дом*, пламя дрогнет один раз, слово *рука* — пламя дрогнет два раза, *молоко* — три раза.

Но эта теория не объясняет всех случаев. Произнесем односложное слово *сплав*, и пламя свечи дрогнет два раза: смычка губ у [п] разорвет воздушный поток на две части. Произнесем *ау!* — и пламя дрогнет один раз, хотя в слове два слога.

В современном русском языкознании широко признана сонорная теория слога, основанная на акустических критериях. Применительно к русскому языку она была развита Р. И. Аванесовым. По этой теории слог — это волна sonorности, звучности. В слогте группируются звуки, обладающие разной степенью звучности. Наиболее звучный — слоговой (слоγοобразующий) звук, остальные звуки неслоговые.

Гласные, как наиболее звучные звуки, обычно бывают слоговыми. Но, например, гласный [и] может быть и неслоговым: [и́и'вра'п'э́иск'и'и] — в этом слове три таких звука. Согласные обычно бывают неслоговыми, но иногда и они могут быть вершиной слога. Чаще всего в этой роли выступают сонорные согласные, как самые звучные из согласных.

Вот стихи М. Ю. Лермонтова:

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою...

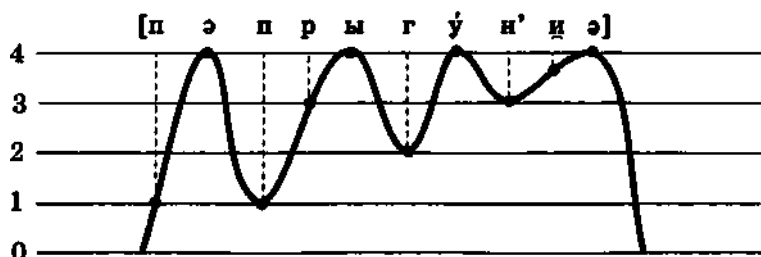
В каждой строке 3 трехсложные стопы с ударением на последнем слоге. Размер — анапест:

о о о | о о о | о о о |
о о о | о о о | о о о |

При этом слово *жизнь* произносится в два слога [жы-з'н']; первый слог заканчивает вторую стопу, второй слог начинается третью стопу. Слоγοобразующим второго слога выступает сонорный согласный.

Можно обозначить по степени звучности гласные цифрой 4, сонорные звонкие согласные — 3, шумные звонкие соглас-

ные — 2, глухие — 1, паузу — 0. На линейках, соответствующих этим индексам, будем откладывать звуки, обозначая их точками. Если соединить эти точки, получится волна sonorности, характеризующая слово. Тогда слово *попрыгунья* будет выглядеть так:

Сколько в этой волне пиков, вершин sonorности, столько и слогов. Звук [и] гласный, но с ослабленной sonorностью, поэтому он ниже верхней линейки.

Слова *лды*, *смотр* схематично выглядят так:

Эти слова двусложные — у них две вершины sonorности: [л'ды], [смотр]. Так же могут быть произнесены слова: *мхи*, *Мценск*, *лстить*, *львы*, *лжет*, *рты*, *ртуть*, *рвы*, *ржав*, *рдеть* и *Петр*, *вепрь*, *смысл*, *мысль*, *казнь*, *фавн*, *драхм* и т. п.

Но эти же слова могут быть и односложными, с одной вершиной sonorности:

Сонорный при таком произнесении частично или полностью оглушается, его звучность на уровне шумного согласного, звонкого или глухого. Так же могут произноситься и приведенные выше слова: [мх'и], [д'с'т'ит'], [в'эпр'], [смысл] и др.

Двуликость подобных слов используют поэты. Так, в стихотворной строке В. Хлебникова «*Эта жизнь и жизнь та*» слово *жизнь* в первом случае односложно, а во втором — двусложно.

Слоговые согласные нетипичны для русского языка, поэтому перед ними могут развиваться гласные. Может произноситься [кээ'н'] и [кээ'и'н'], [т'и'атр] и [т'и'атер], [л'и'и'нои] и [л'и'и'нои], [ржи] и [ржи] и т.п.

У звонких сонорных шум — незначительная составляющая звука. Поэтому, когда сонорный оглушается, он плохо воспринимается на слух и часто выпадает. С этим связано произношение [руп'] *рубль*, [жыс'] *жизнь*, [ак'т'апс'ии] *октябрьский*. В древнерусском языке наряду с формами глаголов *несла, несли, могла, могли* и т.п. были и формы мужского рода с суффиксом -л-: *неслз, моглз* с гласным [ъ] на конце слова. После его выпадения перестал произноситься и глухой [д]. Так возникли формы *нес, мог, вез, утих* и т.п.

В некоторых языках слоговые сонорные вполне обычны, например в сербском и чешском: серб. *рж* — 'рожь', *крв* — 'кровь', *прст* — 'перст, палец', *врба* — 'верба'; чеш. *vrch* — 'верх, вершина', *vlk* — 'волк', *slza* — 'слеза'.

Слоговыми могут быть не только сонорные согласные, но и шумные, даже глухие. Так, русские подымают кошку *кс-кс-кс*. В этом междометии три слога, хотя все звуки глухие. Слоговым здесь является звук [с]. Глухой щелевой согласный выступает слоговым и в возгласе отпугивания птиц *ки!* И в призыве к молчанию *тс!*

В разговорном языке безударный гласный может выпадать, а количество слогов в слове при этом может сохраняться. Роль слогового в этих случаях принимает на себя согласный, слоговыми могут быть не только сонорные согласные: н[р]давать — продавать, мо[д]тобоец — молодобоец, вы[н']су — вынесу, но и шумные звонкие: [г]ворить — говорить, [з]губить — загубить, и шумные глухие: [с]поги — сапоги, [п]толок — потолок, [т]поры — топоры. По-разному произносятся [з]давать — сдавать и [з]давать — задавать, вы[г]нем и вы[г]ним — выгоним, [п]левали и [п]ливали — поливали, зя[т'] пустил и зя[т'] пустил (зятя).

Слоговые согласные отличаются от неслоговых большей напряженностью: щелевые — долготой, звонкие взрывные — долгой смычкой, глухие взрывные — придыхательностью, дрожащие — многоударностью, раскатистостью. Таким образом, вершину слога может образовывать не только самый сонорный звук в слове, но и самый напряженный.

У звуков, характеризующихся повышенной сонорностью и повышенной напряженностью, есть общая черта: они обладают большей силой, интенсивностью, которая проявляется в увеличении амплитуды колебания. На учете этого акустического признака слоговых и неслоговых звуков основана **динамическая** теория слога. С точки зрения этой теории слог — волна силы, интенсивности. Самый сильный, интенсивный звук слога — слоговой, менее сильные — неслоговые.

В одном слове может быть два гласных звука. Сочетание двух гласных в пределах одного слога называется **дифтонгом**. В русском литературном языке дифтонгов нет, но они встречаются в русских диалектах, где произносятся *кор[у̯]аа, молок[у̯]о, л[и̯]е, с[и̯]е* и т. п. Дифтонги есть, например, в английском, немецком, испанском и многих других языках. Дифтонги могут быть равновесными, когда оба гласных обладают одинаковой силой и длительностью, как, например, встречается в русском диалектном произношении. Если в дифтонге первый гласный слоговой, а второй неслоговой, то это нисходящий дифтонг, например в английском [taɪm] *time* — 'время', [teɪbl] *table* — 'стол', [ɡoʊ] *go* — 'идти', в немецком [maɪn] *mein* — 'мой', [hoɪtə] *heute* — 'сегодня'. Если в дифтонге первый согласный неслоговой, а второй слоговой, то это восходящий дифтонг, например в испанском *puerta* — 'дверь', *tierra* — 'земля', *nuevo* — 'новый'. Дифтонги всегда относятся к одной фонеме (см. § 136).

Слог, начинающийся слоговым звуком, называется **прикрытым**: [он], [ил], [а-ист]. Слог, начинающийся неслоговой, называется **открытым**: [сам], [да-ска], [иу-ла]. Слог, оканчивающийся слоговым звуком, называется **открытым**: [да-л'и], [за-ко-ны], [т'и-гр]. Слог, оканчивающийся неслоговой, называется **закрытым**: [стол], [край], [зап-ч'ик].

§ 125. Слогораздел

В потоке речи слова обычно на слоги не делятся, границ между слогами нет, соседние звуки как внутри слога, так и

между слогами произносятся без перерыва, «перетекают» один в другой. Невозможно обнаружить эти границы и никакими приборами. Но иногда нам нужно произнести слово или несколько слов громко и отчетливо. Тогда сцепление между звуками ослабевает, слово распадается на слоги. Вы говорите близко стоящему человеку: «Миша, иди сюда». А в лесу, если он далеко от вас, вы кричите: «Ми-ша-и-ди-сю-да!» По телефону, чтобы лучше расслышали вашу фамилию, вы диктуете: «И-ва-но-ва». Но никто не станет диктовать так: «Ив-ан-ов-а» — такое членение противоречит законам русского слогоделения.

Слогораздел — реальная или потенциальная граница между слогами, то место в слове, где при скандировании можно сделать паузу.

Законы слогоделения неодинаковы в разных языках и даже в диалектах одного языка. Так, представители севернорусского наречия будут членить слова при скандировании следующим образом: [кар-тош-ка], [н'ел'-з'а], [друж-ба], [с'ед-ло], [пус-т'и], а представители южнорусского наречия эти же слова разделят на слоги иначе: [ка-рто-шка], [н'е-л'з'а], [дру-жба], [с'е-дло], [пу-с'т'и].

В русском литературном языке, опирающемся на московское произношение, большинство неконечных слогов построено по принципу восходящей звучности. При этом начальный звук наименее звучный, а конечный — наиболее звучный, т. е. слоговой. Поэтому большинство неконечных слогов открытые: [ка-ро-ва] — 14-34-24, [бу-ква-л'нѐ] — 24-124-334.

Принципом восходящей звучности обусловлен ряд особенностей слогораздела. Один интервокальный (находящийся между гласными) согласный отходит к следующему гласному: [за-ро-дыш], [на-су-хѐ]. Группа интервокальных согласных отходит к следующему гласному, если она состоит из шумных согласных: [ку-пцы], [и-зба], [ра-ссол]; сонорных согласных: [ва-лна], [су-мрѐк]; начинается шумным и заканчивается сонорным согласным: [су-кно], [во-бла]. Во всех этих случаях начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности.

В группе неслоговых звуков первый всегда отходит к предшествующему гласному, если это [н]: [тай-га], [ч'ай-н'ик]. Сонорный согласный тоже может отходить к предшествующему гласному: [кан-в'эрт], [в'ор-сты]. В этих случаях образуется предыдущий закрытый слог. Место слогораздела обусловлено здесь тем, что первый из группы неслоговых звуков обладает большей звучностью, чем сле-

дующий. Наличие слогораздела после первого звука обеспечивает возрастание звучности в следующем слоге. Но у сонорного согласного перед шумным звучность может снижаться до уровня этого шумного. Такой сонорный примыкает к следующему слогу: [на-рват'], [ко-лба].

Закрытыми могут быть и конечные слоги: [стол], [л'ист], [пай-май]. Но и в закрытых слогах начало слога, включая слоговой звук, строится по принципу восходящей звучности. Это основной принцип строения слога в русском языке.

Слогораздел и правила переноса части слова с одной строки на другую могут не совпадать. Правила переноса строятся на нескольких принципах, и перенос слова по слогам — это только один из этих принципов. Так, слово *сестра* может быть перенесено тремя способами: *се-стра*, *сес-тра*, *сест-ра*, а слогораздел в этом слове один: [с'и-стра], слово *разбить* можно перенести только так: *раз-бить*, а слогораздел в нем [ра-зб'ит'].

УДАРЕНИЕ

Слово может состоять из одного или нескольких слогов. Один слог в слове ударный, остальные — безударные. **Словесное ударение** — это выделение одного из слогов неодносложного слова. При помощи ударения часть звуковой цепи объединяется в единое целое — фонетическое слово.

§ 126. Фонетическая природа ударения

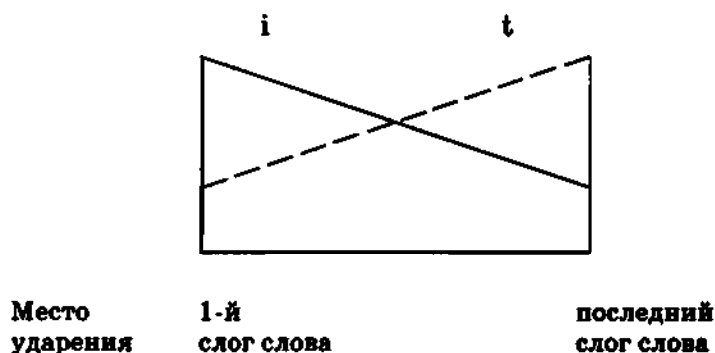
Способы выделения ударного слога в разных языках различны. В русском языке ударный слог может отличаться от безударных большей силой, длительностью и тембром — особым качеством входящих в него звуков. При этом существует сложная зависимость силы (интенсивности) и длительности ударного слога главным образом от следующих двух факторов.

1. Сила гласного проявляется в его громкости. Так, в словоформах *пила́*, *пи́ле*, *пи́лой* или в словах *вода́*, *су́хно*, *сыро́й* ударный гласный громче безударного. Но экспериментально установлено, что в таких словах, как *па́ли*, *тра́вы*, *могу́*, безударный гласный громче ударного. Однако мы безошибочно узнаем ударный слог, выделяя его как более сильный. Объясняется это следующим.

Мы можем произнести слово громче или тише. Но у каждого гласного есть собственная сила (интенсивность) и связанная с нею громкость. Она зависит от объема ротового и глоточного резонатора при артикуляции гласного, а сам этот объем связан со степенью раствора рта, т. е. с подъемом гласного, и с его рядом. Гласные узкие (верхнего подъема) [и], [ы], [у] обладают меньшей силой и громкостью, чем гласные со средним раствором рта (среднего подъема) [э], [о], широкий гласный [а] (нижнего подъема) самый сильный и громкий. Гласные переднего ряда менее громкие, чем гласные заднего ряда, поэтому [у] громче [и], а [о] громче [э]. Таким образом, по нарастающей собственной силе, громкости гласные можно выстроить в ряд: [и]—[ы]—[у]—[э]—[о]—[а].

У каждого гласного есть и свой порог громкости, ударности. Гласные, произносящиеся громче этого порога, воспринимаются как ударные. В слове *пили́* второй [и] не просто громче первого, его громкость еще и выше этого порога ударности, тогда как громкость первого [и] ниже этого порога. В слове *пали́* [а] громче [и], но как ударный воспринимается [и], так как громкость [и] выше своего порога ударности, а громкость [а] ниже.

2. Порог ударности у каждого гласного не постоянная величина, он меняется в зависимости от места ударения в слове. Существует следующая зависимость интенсивности (i) и долготы (t) гласного от места ударного слога в изолированном слове: чем ближе место ударения к началу слова, тем больше интенсивность гласного и меньше его долгота; чем ближе место ударения к концу слова, тем меньше интенсивность гласного и больше его долгота.

На силу и долготу гласного влияет и позиция слова во фразе. Так, в частности, после и перед паузами начало и

конец фразы и фонетической синтагмы (независимо от того, какой там гласный, безударный или ударный) выделяются особенно сильно: начало — особенно высокой интенсивностью, конец — особенно большой длительностью.

Таким образом, при общем правиле: ударный гласный сильнее и длительнее безударных — конкретные ударные гласные в конкретных положениях в слове и фразе могут оказаться слабее и короче безударных. Но совокупность указанных выше закономерностей все равно покажет слушающим, где в слове ударный слог.

Выделяет ударный слог еще одна особенность ударных гласных: они характеризуются особым тембром. Например, в предложении *Вот брат взял нож* ударение воспринимается на всех словах, хотя здесь нет безударных слогов, с которыми можно было бы сравнивать ударные. Объясняется это, в частности, тем, что [о] в словах *вот, нож* и [а] после мягкого согласного в слове *взял* [вз'ал] могут быть только под ударением и не характерны для безударных слогов, а у [а] в слове *брат* отсутствует редукция.

Ударность и безударность — это свойство не только гласного, но всего слога. Для ударного слога характерна четкость артикуляции всех звуков. Взаимовлияние (коартикуляция) гласных и согласных гораздо сильнее проявляется в безударных слогах.

§ 127. Место ударения в слове

В русском языке ударение может падать на любой слог слова и на любую морфему — приставку, корень, суффикс и окончание: *выпустить, до́мик, доро́га, столо́вая, дела́, доро́гой, распро́страня́ть, перегру́ппировать*. Такое ударение называется разноместным или свободным.

Ударение может выполнять смысловую функцию. Так, по месту ударения могут различаться:

1) разные слова во всех их формах: *за́мок, за́мка, за́мку* и *замо́к, замка́, замку́* и т. д.; *му́ка, му́ки, му́ку* и *мукá, мукí, муку́* и т. д.; *связно́й, связна́я, связно́е, связные́* и *связный́, связная́, связанное́, связанные́* и т. д.; *па́рить, па́рю, па́ришь* и *пари́ть, парю́, парíшь* и т. д.;

2) некоторые формы разных слов: *бе́лка* и *белка́*, *по́ла* и *пола́*, *пи́ща* (сущ.) и *пища́* (дееприч.), *но́шу* и *ношу́*;

3) разные формы одного слова: *во́лос* и *волос́*, *но́ги* и *ноги́*, *ходи́те* и *ходите́* и т. п.

НЕПОДВИЖНОЕ И ПОДВИЖНОЕ ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ

При образовании грамматических форм слова ударение может оставаться на одном и том же месте; такое ударение называется неподвижным или постоянным формообразовательным: *кни́га, кни́ги, кни́ге, кни́гу, кни́гой, о кни́ге, кни́ги, кни́гам, кни́гами, о кни́гах; де́лать, де́лаю, де́лаешь, де́лает, де́лаем, де́лаете, де́лают, де́лал, де́лала, де́лало, де́лали, де́лай, де́лающий, де́лавший, де́лаемый, де́ланный, де́лая, де́лав.* В русском языке большая часть слов (около 96 %) имеют неподвижное ударение. Такое ударение может стоять на основе (на приставке: *при́город, вы́мыть*; на корне: *ка́рта, удо́бный*; на суффиксе: *волчо́нок, дубо́вый*) или на окончании либо на формообразовательном аффиксе (*ста́тья, больно́й, нестí*).

В словах с подвижным формообразовательным ударением происходит перенос ударения с одного слога на другой, с одной морфемы на другую. Подвижность ударения внутри одной морфемы встречается крайне редко: *де́рево — дере́вья, ко́лос — коло́сья, о́зеро — озёра, боро́ться — бо́рется*. Обычно при подвижном ударении чередуется ударение на основе с ударением на окончании: *рука́ — ру́ки, сниму́ — сниме́шь, сняла́ — сняли*.

Ударение существительных

У существительных выделяется 2 типа неподвижного и 6 типов подвижного ударения. Неподвижное ударение на основе обозначается буквой А, неподвижное ударение на окончании — буквой В, подвижное ударение — буквой С, место ударения указывается отдельно для форм единственного и форм множественного числа. Если изобразить основу квадратом, а окончание — кружком и при этом место ударения обозначить черной фигурой, то основные типы ударения существительных можно представить в таблице на с. 327.

Форма вин. падежа мн. числа не учитывается в этой схеме, так как она может совпадать у разных существительных с формой им. или род. падежа. В формах некоторых слов окончание не содержит гласной: *зуб, букв, лиц, губ, рук, вод*. Бывают и неслоговые основы: *зло, льва, сна, три*. Ударение на основе или окончании здесь может быть вынужденным (ср.: *рука́в — рукава́ и моро́з — мороза́*), оно не принимается в расчет при определении акцентного типа — схемы ударения слова.

Типы Формы										
	АА	ВВ	АВ	ВА	АС	ВС	СА	СС		
Ед.ч.	И. ☒ ○ буква	☒ ● очко	☒ ○ море	☒ ● лицо	☒ ○ зуб	☒ ● губа	☒ ● вода	☒ ● рука		
	Р. ☒ ● буквы	☒ ● очка	☒ ○ моря	☒ ● лица	☒ ○ зуба	☒ ● губы	☒ ● воды	☒ ● руки		
	Д. ☒ ○ букве	☒ ● очку	☒ ○ морю	☒ ● лицу	☒ ○ зубу	☒ ● губе	☒ ● воде	☒ ● руке		
	В. ☒ ○ букву	☒ ● очко	☒ ○ море	☒ ● лицо	☒ ○ зуб	☒ ● губу	☒ ○ воду	☒ ○ руку		
	Т. ☒ ○ буквой	☒ ● очком	☒ ○ морем	☒ ● лицом	☒ ○ зубом	☒ ● губой	☒ ● водой	☒ ● рукой		
	П. ☒ ○ о букве	☒ ● об очке	☒ ○ о море	☒ ● о лице	☒ ○ о зубе	☒ ● о губе	☒ ○ о воде	☒ ○ о руке		
Мн.ч.	И. ☒ ○ буквы	☒ ● очка	☒ ● моря	☒ ○ лица	☒ ○ зубы	☒ ○ губы	☒ ○ воды	☒ ○ руки		
	Р. ☒ ○ букв	☒ ● очков	☒ ● морей	☒ ○ лиц	☒ ● зубов	☒ ● губ	☒ ○ вод	☒ ● рук		
	Д. ☒ ○ буквам	☒ ● очкам	☒ ● морям	☒ ○ лицам	☒ ● зубам	☒ ● губам	☒ ○ водам	☒ ● рукам		
	Т. ☒ ○ буквами	☒ ● очками	☒ ● морями	☒ ○ лицами	☒ ● зубами	☒ ● губами	☒ ○ водами	☒ ● руками		
	П. ☒ ○ о буквах	☒ ● об очках	☒ ○ о морях	☒ ● о лицах	☒ ○ о зубах	☒ ● о губах	☒ ○ о водах	☒ ○ о руках		

Эта схема показывает, что тип ударения (акцентный тип) существительного можно определить по четырем формам: вин. падежа и любого другого с гласным в окончании в ед. числе и им. падежа и любого другого (кроме формы вин. падежа, совпадающей с формой им. падежа) с гласным в окончании во мн. числе.

Ударение прилагательных

Все полные прилагательные имеют только неподвижное ударение и по его месту делятся на два акцентных типа: А и В. Прилагательные типа А характеризуются ударением на основе во всех падежных формах ед. и мн. числа: *ста́рый, ста́рого, ста́рому, ста́рым, о ста́ром; ста́рая, ста́рой, ста́рую; ста́рое; ста́рые, ста́рых, ста́рым, ста́рыми, о ста́рых*. К типу А принадлежат все прилагательные с окончанием *-ый/-ий*: *но́вый, кра́сный, дол́гий, си́ний, хоро́ший* и т. п. Прилагательные типа В характеризуются ударением на окончании во всех падежных формах ед. и мн. числа: *молодо́й, молодóго, молодóму, молодóм, о молодóм; молодáя, молодóй, молодóу; молодóе; молодóе, молодых, молодым, молодыми, о молодых*. К типу В принадлежат все прилагательные с окончанием *-ой*: *большо́й, живо́й, ключево́й, прямо́й, сыро́й* и т. п.

Краткие формы прилагательных могут относиться к трем основным акцентным типам: А, В и С. При этом формы муж. рода, которые всегда имеют нулевое окончание, не учитываются при определении акцентного типа краткого прилагательного (см. таблицу на с. 329).

Ударение глаголов

В настоящем (простом будущем) и в прошедшем времени выделяется по три основных акцентных типа: неподвижное ударение на основе — тип А, неподвижное ударение на окончании — тип В и подвижное ударение — тип С. Объединение форм настоящего и прошедшего времени дает основные акцентные типы, показанные в таблице на с. 330.

Не включены в схему акцентные типы, представленные единичными глаголами: АВ — *лечь*, АС — *быть*, С₁А — *хотеть*.

Как видно из таблицы на с. 330, в типе СС ударение падает в настоящем времени на окончание в форме 1-го лица ед. числа и на основу в остальных формах, в прошедшем времени на окончание в форме жен. рода и на основу в фор-

Типы Формы		А	В	С
	м.р.	гото́в	уме́н	жив
Ед.ч.	ж.р.	■ ○ гото́ва	□ ● уме́на	□ ● живо́ва
	ср.р.	■ ○ гото́во	□ ● уме́но	■ ○ живо́о
Мн.ч.		■ ○ гото́вы	□ ● уме́ны	■ ○ живо́ы

мах ср. рода и мн. числа. Форма муж. рода всегда имеет нулевое окончание, поэтому она не учитывается при определении акцентного типа глагола.

НЕПОДВИЖНОЕ И ПОДВИЖНОЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УДАРЕНИЕ

При словообразовании наблюдаются те же закономерности, что и при формообразовании. Так, ударение в производном слове может быть на той же морфеме, что и у производящего слова: *кни́га* — *кни́жка*, *медве́дь* — *медве́дица*, *бога́тый* — *бога́ч*, *бере́за* — *бере́зовый*, *голосова́ть* — *голосова́ние*, *обледе́неть* — *обледе́нёный*. Это словообразовательное неподвижное ударение. В других случаях ударение в производящем и производном словах падает на разные морфемы: *звезда́* — *звёздочка*, *лоша́дь* — *лошаде́нка*, *глухо́й* — *глу́хость*, *изба́вить* — *избавле́ние*. Это словообразовательное подвижное ударение.

Место ударения и акцентный тип производного слова в большинстве случаев подчиняются определенным закономерностям. Так, у подавляющего большинства производных слов (кроме приставочных глаголов) ударение неподвижное; например: у слова *до́м* акцентный тип АВ, а у слова *до́мик* — АА; у слова *река́* — ВА, а у слова *речу́шка* — АА; у слова *земля́* — СА, а у слова *земля́к* — ВВ; у слова *сеть* — АС, а у слова *се́тка* — АА. У глаголов, различающихся лишь отсутствием и наличием приставки, обычно один и тот же акцентный тип; например: *пры́гнуть* и *перепры́гнуть* — АА, *толо́чь* и *растоло́чь* — ВВ, *стри́чь* и *подстри́чь* — ВА, *лечи́ть* и *залечи́ть* — СА и т. п.

Типы Формы			АА	ВВ	ВА	ВС	СА	СВ	СС
Наст.- буд. время	ед. ч.	1-е л.	☒ вижу	☒ несу́	☒ грызу́	☒ живу́	☒ люблю́	☒ могу́	☒ гоню́
		2-е л.	☒ видишь	☒ несёшь	☒ грызёшь	☒ живёшь	☒ любишь	☒ можешь	☒ гонишь
		3-е л.	☒ видит	☒ несёт	☒ грызёт	☒ живёт	☒ любит	☒ может	☒ гонит
	мн. ч.	1-е л.	☒ видим	☒ несём	☒ грызём	☒ живём	☒ любим	☒ можем	☒ гоним
		2-е л.	☒ видите	☒ несёте	☒ грызёте	☒ живёте	☒ любите	☒ можете	☒ гоните
		3-е л.	☒ видят	☒ несут	☒ грызут	☒ живут	☒ любят	☒ могут	☒ гонят
	Проп. время	ж. р.	☒ виделa	☒ несла́	☒ грызла	☒ жила́	☒ любила	☒ могла́	☒ гнала́
		ср. р.	☒ виделo	☒ несло́	☒ грызло	☒ жило́	☒ любило	☒ могло́	☒ гнало́
		мн. ч.	☒ видели	☒ несли́	☒ грызли	☒ жили́	☒ любили	☒ могли́	☒ гнали́

Место ударения производного слова может зависеть от морфемы определенного типа. Так, некоторые приставки и суффиксы всегда ударны; например, приставки *не-* у неопределенных и отрицательных местоимений и наречий: *не́кто, не́что, не́кий, не́который, не́сколько, не́где, не́куда, не́когда*; *вы-* у глаголов совершенного вида и отглагольных существительных: *вы́звать — вы́зов, вы́нести — вы́нос, вы́рубить — вы́рубка* и др.; суффиксы у существительных: *-онок/-ёнок — бочо́нок, медвежо́нок, ко́тёнок, слоно́нок*; *-ант — дикта́нт, курса́нт, музыка́нт, эмигран́т*; *-изм — идеа́лизм, капита́лизм, кубиз́м, оптимиз́м*; у прилагательных: *-аст(ый)/-яст(ый) — губа́стый, зуба́стый, ноздря́стый, щеля́стый*; *-енн(ый) и -ущ(ий)/-ющ(ий)* с усилителем значением — *высо́ченный, здоро́венный, толсте́нный, тяже́лennyй; больш́ущий, здоро́вущий, длинн́ущий, худ́ущий* и др.

Некоторые суффиксы всегда безударны. При этом ударение может стоять либо перед суффиксом, либо после него. Так, всегда ударение перед суффиксами существительных: *-тель — писа́тель, учи́тель, выключа́тель, дви́гатель*; *-льник — буди́льник, купа́льник, моро́зильник, пая́льник*; *-ышк(о) — брёвны́шко, горлы́шко, крылы́шко, пёры́шко* и др. Ударение стоит всегда после таких суффиксов существительных (т. е. на окончании), как *-ак/-як — вожа́к, рыса́к, моря́к, черепа́к*; *-ач — бога́ч, сила́ч, скрипа́ч, труба́ч*; *-ун — бегу́н, горбу́н, скаку́н, хвасту́н* и др.; акцентный тип таких существительных ВВ (ударение в им. п. ед. ч. м. р. вынужденное).

§ 128. Клитки

Некоторые слова в речи не имеют ударения. Они примыкают к другим словам, составляя с ними одно фонетическое слово. Безударное слово, стоящее впереди ударного, к которому оно примыкает, называется *проклитко́й*. Проклитиками обычно бывают односложные предлоги, союзы и некоторые частицы: *на́ горе; ко́ мне; сестра́ | и́ брат; сказа́л, | чтобы́ пришли́; не́ знаю*. Безударное слово, стоящее после ударного, к которому оно примыкает, называется *энклити́ко́й*. Энклитиками бывают обычно односложные частицы: *скажи́-ка, о́н же, приде́т ли*. Некоторые односложные предлоги и частицы могут принимать на себя ударение, и тогда следующее за ними самостоятельное слово оказывается энклитикой: *на́ спине, по́д руки, из́ лесу, бе́з вести, не́ было*.

Абсолютные проклитики и энклитики, примыкая к основному слову, сливаются с ним в одно фонетическое слово, где гласные и согласные звуки произносятся как в одном лексическом слове: *до са́да* (ср. *до́сада*), *на си́лу* (ср. *наси́лу*), *при во́льном* (ср. *приво́льном*); *ле́й-ка* (ср. *ле́йка*), *та́к же* (ср. *та́кже*), *окре́пи* (ср. *окре́пи*).

Относительные клитики, не имея своего ударения и примыкая к ударному слову, характеризуются иным произношением отдельных звуков, чем внутри одного лексического слова. Например, безударный союз *но* сохраняет в произношении звук [о]: *мороз, но солн́це* [*но-со́нцэ*] (ср. *на солн́це* [*на°-со́нцъ*]). У некоторых безударных местоимений, первообразных предлогов, союзов произносятся гласные, не характерные для безударных слогов: *те леса́* [*т'э-л'и°са́*] (ср. *теле́са* [*т'и°л'и°са́*]), *вор он* [*во́р-он*] (ср. *воро́н* [*во́рэн*]); *вдо́ль улиц* [*вдо́л'-у́л'и°ц*], *вне до́ма* [*вн'э-до́мэ*], *сверх обуви́* [*св'э́рх-обу́в'и°*]; *река да море́* [*дэ-мо́р'э*] (ср. *до моря́* [*да°-мо́р'э*]), *Сказали, что Нина ушла́* — [*штэ-н'и́нэ*] и [*што-н'и́нэ*] (ср. *штани́на* [*шта°н'и́нэ*]).

§ 129. Слабое ударение

Некоторые слова в речи могут иметь ударение более слабое, чем обычное ударение самостоятельных слов. Такое ударение называется слабым и обозначается знаком ['] в отличие от основного ударения, обозначаемого знаком [ˈ].

Слабоударяемыми могут быть некоторые двусложные и трехсложные предлоги и союзы: *пéред отхо́дом, о́коло до́ма, е́сли смо́жешь, пото́му что хо́лодно*. Слабое ударение могут иметь относительные слова: *ле́с, отку́да мы вы́шли; письмо́, кото́рое присла́ли*; простые числительные в сочетании с существительными: *два́ часа́, де́сять рублё́й*; некоторые местоимения: *тебе́ иска́ли, он прие́хал, е́го сестра́*; связки *быть, стать*: *у́тро бы́ло морозное, он ста́л учи́телем*; слова с модальными значениями: *зна́й себе́ нахва́ливает, собира́лся бы́ло уе́хать, приде́т быва́ло и молчи́т*.

§ 130. Побочное ударение

В некоторых словах в речи наряду с основным ударением может возникать дополнительное ударение, которое стоит

ближе к началу слова. Такое ударение называется п о б о ч н ы м и обозначается, как и слабое ударение, знаком [']. Оно встречается обычно у слов сложной структуры: сложных и сложносокращенных, а также у слов с определенными приставками: *важностроительный, деревообделочный, пёдуниверситёт, стройматериалы; антикоррозийный, безвариантный, доперестроечный, послеобеденный, сопереживание*. Возможно побочное ударение и у многосложных слов элементарной структуры: *ароматизация, университет, эволюционистский*.

В отличие от словесного ударения, которое в русском языке является характерным признаком слова, побочное ударение присутствует в конкретном слове в потоке речи не всегда. При изолированном произнесении слово также может иметь или не иметь побочное ударение. Поэтому побочное ударение связано, главным образом, с особенностями фразы.

При трех или четырех основах в слове возможны три ударения — два первых побочные, а последнее основное: *аэрофотсъёмка, теплоэлектроцентраль, автомотогонщик, Мособлфинотдел*.

§ 131. Фразовое и синтагменное ударение и акцентное выделение

Если фонетическая синтагма или фраза включает несколько фонетических слов, то одно слово несет более сильное ударение. Такое выделение одного из слов фонетической синтагмы или фразы может осуществляться при помощи синтагменного (синтагматического) и фразового ударения. Например: *Лизавета Ивановна | сидела в своей комнате | ещё в бальном своём наряде, | погружённая в глубокие размышления; Графиня не отвечала* (А. Пушкин; синтагменное и фразовое ударение помечено знаком [']). Синтагменное и фразовое ударение не связаны со смыслом, слово, выделяемое таким ударением, не является более важным в смысловом отношении. Функция синтагменного и фразового ударения заключается в фонетическом объединении нескольких слов в фонетическую синтагму или фразу, в членении текста на синтагмы и фразы. Синтагменное и фразовое ударение стоит на последнем слове синтагмы и фразы и указывает на их границу — конец синтагмы и фразы.

Различение синтагменного и фразового ударения связано с различением сегментных единиц, выделяемых этими ударениями. Однако по своим физическим характеристикам фразовое и синтагменное ударения совпадают. При анализе звучащего текста, характеризующегося только такими ударениями, можно расчленилть его на сегменты, соответствующие синтагмам, но нельзя выделить границы между фразами. Это можно сделать только при учете и других параметров — длительности пауз и характера интонации. Поэтому большинство лингвистов объединяют синтагменное и фразовое ударения под одним названием — фразовое.

Выделение в синтагме более сильным ударением какого-либо слова для подчеркивания его особого значения называется **а к ц е н т н ы м** **в ы д е л е н и е м**. Оно может быть сильнее фразового и падает на любое слово фразы (синтагмы). Акцентное выделение передает различные смысловые отношения, оценочные суждения, устанавливает в тексте своеобразные информационные маркеры:

1. Явное или подразумеваемое противопоставление: *Я пойду в кино, а не ты; Я пойду в кино (хотя я очень занят); Я пойду в кино (а не в другое место)*. Такое акцентное выделение часто называют **л о г и ч е с к и м** **у д а р е н и е м**. На последнем слове во фразе *Я пойду в кино* может быть и фразовое ударение, в этом случае оно менее сильное, чем акцентное выделение.

2. Субъективная оценка слова говорящим: *Мы ежегодно посылаем туда студентов; Он опять идет с этой девочкой; Они могут ответить на любой запрос; Промышленная система требует минимальной зависимости от человека; Он прочел этот отрывок без интонации, совершенно монотонно*.

3. Акцентное выделение может быть связано с актуальным членением предложения, когда более сильное ударение выделяет рему, т. е. обычно то новое, что сообщается в предложении. Например, в предложении *Грачи улетели* новым может быть сообщение о том, что эти птицы улетели, тогда главное ударение во фразе будет стоять на слове *улетели*. В этом случае на слове может быть обычное фразовое ударение. Но слово может быть выделено и более сильным ударением, чем фразовое; в этом случае наблюдается акцентное выделение слова: *Грачи улетели*. Новым в этом предложении может быть то, что улетели именно грачи, и тогда акцентное выделение отметит первое слово: *Грачи улетели*. В данном случае по силе это ударение может равняться фразовому или быть больше его.

Интонация — ритмико-мелодическая сторона речи, способствующая членению потока речи на отдельные отрезки — фонетические синтагмы и фразы и служащая в предложении средством выражения синтаксических значений, модальности и эмоционально-экспрессивной окраски.

§ 132. Тональные средства интонации

Основными интонационными средствами являются тональные средства. У каждого говорящего свой средний тон речи. Но в некоторых местах фонетической синтагмы и фразы происходит резкое повышение или понижение тона. Движение тона на протяжении фонетической синтагмы называется ее **тональным контуром (ТК)**.

Каждый ТК имеет центр — слог, на который падает основное ударение фонетической синтагмы (синтагменное или фразовое ударение или акцентное выделение слова). Выделяются также **предцентровая** и **постцентровая** части фонетической синтагмы, которые могут в конкретных синтагмах отсутствовать. Например: *Наступило лето; Дверь не заперта; Где книга? Здесь* (в этих примерах выделен центр ТК). Основными различительными признаками ТК являются движения тона в центре и уровень тона постцентровой части. Предцентровая часть в большинстве ТК произносится на среднем тоне. Каждый сегмент ТК — предцентровая часть, центр и постцентровая часть — может быть схематически обозначен отдельной непрерывной линией.

Схема ТК-1.1 — \ —

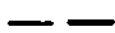
Основное понижение тона происходит на звуках центра, тон постцентровой части ниже среднего. ТК-1.1 обычно встречается при выражении завершенности в повествовательном предложении: *Поздняя о\сень. Грачи улете\ли, лес обнажил\ся, поля опусте\ли...* (Н. Некрасов) — центр ТК в примерах выделен, падение тона показано знаком « \ » после слога, на котором это изменение происходит. ТК-1.1 может встречаться и в предложениях другого типа: *Ты куда\ идёшь? А теперь не мешай\ мне.*

Схема ТК-1.2 — — \ —

Звуки центра произносятся в пределах среднего тона, на первом слоге постцентральной части понижение тона ниже среднего уровня, дальнейшая часть фонетической синтагмы на низком тоне. ТК-1.2 обычно встречается в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в предложениях с обращением, волеизъявлением: *Куда ты\ идёшь? Володя\, не ходи ту\да.*

Схема ТК-2.1 —

На звуках центра резко восходящее движение тона, тон постцентральной части выше среднего. ТК-2.1 часто встречается при выражении неожиданного обнаружения высокой степени признака, действия, состояния: *Какой компот/ вкусный! Как она танцу/ет! Сколько воды/ набралось!* — повышение тона показано знаком * / * после слога, где оно происходит.

Схема ТК-2.2 —

Звуки центра произносятся в пределах среднего тона, на первом слоге постцентральной части повышение тона выше среднего уровня, сохраняющегося до конца синтагмы.

ТК-2.1 и ТК-2.2 могут характеризовать предложения с одним и тем же лексическим составом: ТК-2.1: *Где же был Андрей?* — *Он на заво/де был;* ТК-2.2: *Почему Андрея не было дома?* — *Он на заво/де/ был.* В этих примерах ТК-2.1 указывает на эмоциональное утверждение с оттенком протеста, вызова, а ТК-2.2 — с более сильным, чем при ТК-1.2, оттенком противопоставления.

Схема ТК-3 —

На звуках центра резко восходящее движение тона, а затем нисходящее движение тона, которое происходит главным образом на следующем слоге, но может начинаться и в конце центра, дальнейший тон ниже среднего.

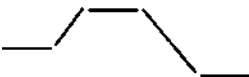
ТК-3 характерен для выражения незавершенности речи. Так, ТК-3 обычно встречается в вопросительных предложениях без вопросительного слова: *Ната/ша\ пьёт сок? Наташа пьёт/ сок\?* Типичен ТК-3 и для неконечной синтагмы в утвердительном предложении: *Когда Каштанка опо/мни\лась, | музыка уже не играла* (А. Чехов).

Схема ТК-4 —

на звуках центра нисходящее движение тона, в постцентральной части восходящее движение тона до уровня выше среднего. ТК-4 обычно встречается в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом *а*, в вопросах с оттенком требования: *А Ната\ша/? Ваше и\мя/? Фами\ли/я?* Повышение тона в постцентральной части может происходить на первом заударном слоге: *А Ба\ри/нова?* или равномерно повышаться на всей заударной части.

В фонетической синтагме может быть два акцентно выделенных слова, в этом случае два интонационных центра. В отличие от описанных выше тональных контуров, ТК-5 и ТК-6 характеризуются на протяжении одной фонетической синтагмы двумя существенными изменениями тона и состоят из пяти сегментов.

Общая схема ТК-5

На звуках первого центра или на следующем слоге восходящее движение тона, на звуках второго центра или на следующем слоге — нисходящее, тон между центрами выше среднего, тон постцентральной части ниже среднего. ТК-5 часто встречается при выражении высокой степени признака, действия, состояния: *Какой/ у неё го\лос! (Какой у/ неё го\лос!; Какой/ у неё го\лос\!; Какой у/ неё го\лос\!) Как/ она танцу\ет!; Настоя\щая весна\!* ТК-5 часто встречается и в вопросительных предложениях с вопросительным словом: *Какой/ у неё го\лос?; Неуже\ли на заво\де был?; Куда/ ты идёшь\?* ТК-5 может быть и во фразе, состоящей из одного слова с побочным ударением, обычно при выражении эмоции: *ВеЭ\ликоле@\пно! ВоЭ\схити@\тельно!*

Общая схема ТК-6

На звуках первого центра или на следующем слоге нисходящее движение тона, на звуках второго центра или на следующем слоге — восходящее, тон между центрами ниже среднего, тон постцентральной части выше среднего: *А Воло\дя прие\дет? (А Володя\ прие\дет?; А Воло\дя придет\?; А Володя\ придет\?).* ТК-6 встречается и в повествовательных предложениях: *Она зараба\тывает мно\го;* в придаточных предложениях: *Когда\ она просм\ется, дай ей молока.*

Общий уровень тона фонетической синтагмы или фразы может в некоторых случаях сдвигаться вверх или вниз.

В связи с этим выделяются: **средний регистр тона**, на котором произносится большинство фонетических синтагм и фраз: *Он такой вялый, грустный, ленивый*; **верхний регистр**: *Он такой хорошенький, пухленький, курносенький*; **нижний регистр**: *Он такой грубый, грязный, хмурый*. Каждую из этих фраз невозможно с точки зрения русского языка произнести в другом регистре.

Верхний регистр типичен для переспросов: *Куда, ты сказал, тебе надо ехать?* В нижнем регистре обычно произносятся вводные слова и предложения, сообщающие факультативную информацию: *У Саввы, пастуха (он барских пас овец), вдруг убывать овечки стали* (И. Крылов); переспросы-припоминания: *Как её зовут? — Как её зовут? Не знаю*. Слова автора, стоящие после прямой речи или внутри нее, обычно отличаются от прямой речи регистром. Так, если прямая речь произнесена в среднем регистре, то слова автора — в нижнем или верхнем: *Вот хороший выстрел, — сказал я, обращаясь к графу. — Да, — отвечал он, — выстрел очень замечательный* (А. Пушкин).

Характер интонации определяется и **интервалом** повышения или понижения тона — расстоянием между нижним и верхним уровнем от начала до конца изменения тона. Так, в примерах *Мари/но\чка звонила? Позвонишь/за\втра?* и *Мари/но\чка, | позвони/ за\втра* — движение тона характерно для ТК-3, но в вопросительном предложении подъем тона происходит обычно до более высокого уровня, чем при обращении и просьбе; тональные интервалы здесь разные.

§ 133. Тембровые и количественно-динамические средства интонации

Тембровые средства интонации — это разные качества голоса, определяемые состоянием голосовых связок, напряженностью или расслабленностью стенок ротовой полости и глотки, расширением или сужением глотки, сдвигом вверх или вниз гортани.

Чаще всего голос **нейтральный**: *Он такой, светлый, шелковистый, гладкий*. Кроме того выделяют также голос **расслабленный**: *Он такой добрый, милый, нежный*; **напряженный**: *Он такой быстрый, ловкий, бодрый*; **скрипучий**: *Он такой паршивенький, тощенький, плюгавенький*; **придыхательный**: *Он такой прекрасный, восхитительный, божественный*.

Количественно-динамические средства интонации включают увеличение или уменьшение силы (громкости) и изменение темпа произнесения отдельных участков фонетической синтагмы и фразы. Например, предложения *Какой у неё голос?* и *Какой у неё голос!* можно произнести с ТК-5. Различие между ними будет состоять в том, что звуки центров ТК в восклицательном предложении произносятся с большей длительностью и силой (громкостью). Предложения *Она была ма/лень\кая?* (обычный вопрос) и *Она была ма-а-а/лень\кая* (т.е. очень маленькая) отличаются увеличенной длительностью гласного центра во втором примере при одном и том же ТК-3.

§ 134. Функции интонации

Интонация членит речевой поток на отдельные отрезки — фонетические синтагмы и фразы — и вместе с тем объединяет фонетические слова в фонетические синтагмы, а синтагмы во фразы. Так, во фразе *За заводами кончался город* (ТК-3) | *и начиналось поле* (ТК-1.1) (А.Чехов) две фонетические синтагмы. Паузы между ними может не быть, и тогда граница между ними обозначается только переломом тона: движением тона от уровня ниже среднего к среднему.

Интонация различает предложения разных типов. Так, сочетание слов *сегодня воскресенье* имеет только то значение, которое содержится в этих двух словах. Но произнесенное с определенной интонацией это словосочетание становится предложением вопросительным: *Сегодня воскресенье?* или утвердительным: *Сегодня воскресенье.* В этом случае интонация передает грамматические значения вопроса и утверждения. Интонация может передавать и другие синтаксические значения: тему и ремю, основные и второстепенные части высказывания, вводные слова и предложения, выделять чужую речь и собственную речь говорящего и др.

Интонация может передавать модальность — отношение говорящего, нейтральное или субъективное, к содержанию высказывания или к собеседнику, может передавать разнообразные оттенки эмоций. Например:

1.1

Зачем ты это сделал? (угроза);

1.2

Зачем ты это сделал? (душевная боль);

2.1

Зачем ты это сделал? (недоумение);

³
Зачем ты это сделал? (обычный вопрос);

⁴
Зачем ты это сделал? (отчитывание);

⁵
Зачем ты это сделал? (сожаление);

⁶
Зачем ты это сделал? (переспрос).

Цифры над словами обозначают центры ТК и их типы.

ФОНОЛОГИЯ

§ 135. Звуки речи и звуки языка

Говорящие на русском языке знают, что в слове *а* один звук, это звук [а], в слове *да* два звука: [д] и [а], в слове *дам* три звука: [д], [а] и [м]. Мы легко можем произнести эти слова и узнать их в чужой речи. Чтобы узнавать слова, говорящие должны произносить звуки, из которых эти слова состоят, одинаково: [а], [да], [дам].

Но вместе с тем по одному только слову, произнесенному хорошо знакомым нам человеком, мы узнаем этого человека, даже не видя его. Более того, мы можем понять, здоров этот человек или болен, в хорошем он настроении или в плохом. Это значит, что в одном и том же слове каждый человек произносит звуки по-своему. И не всегда одинаково. А раз эти звуки отличаются друг от друга, следовательно, это разные звуки. Можно сказать, что мы и не можем произнести одно и то же слово дважды совершенно одинаково. Как бы мы ни старались, звуки хоть немного, а будут отличаться друг от друга. Различия между звуками могут быть по высоте тона, длительности, силе, тембру.

Почему же мы считаем все-таки, что одно и то же слово, произнесенное разными людьми, — это одно и то же слово с одним и тем же составом звуков? Во-первых, некоторых различий между звуками мы не слышим: такие различия настолько тонкие, что находятся за пределами человеческого восприятия (хотя специальные приборы могут их отмечать). Во-вторых, в нашем языковом сознании каждый звук представлен не точкой, а зоной, областью рассеивания. Все звуки, находящиеся в пределах этой зоны, отождествляются говорящими и воспринимаются как один звук.

Различают звуки речи и звуки языка. **З в у к р е ч и** — это конкретный звук, произнесенный конкретным лицом в

конкретном случае. Обычно нельзя воспроизвести в точности один и тот же звук — это будет уже другой звук речи. Можно это сделать только при помощи идеального диктофона или лазерного плеера. Звук речи — точка в артикуляционном и акустическом пространстве.

З в у к я з ы к а — это множество звуков речи, близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, определяемых говорящими как тождество. Звук языка — это звуковой тип, эталон звука, существующий в языковом сознании говорящих. Как и всякое множество, звук языка уже не конкретный звук, а абстракция.

В дальнейшем, говоря о звуках, мы будем иметь в виду чаще всего звуки языка. Именно звуки языка, например, отражены в знаках транскрипции.

§ 136. Фонема

Отождествляем мы не только звуки, близкие в артикуляционно-акустическом отношении. В языке действует строгий закон: отождествляются звуки, различия между которыми связаны с разными условиями их произнесения.

Слова *воз* и *ввоз* отличаются первым звуком: в слове *воз* звук [в], а в слове *ввоз* — [в:]. Если произнести [в] в слове *воз* с длительностью 100 мс (миллисекунд), а затем увеличить длительность этого звука вдвое, не меняя длительности остальных звуков, то мы получим слово *ввоз*. Но если произнести [в] за 200 мс и соответственно увеличить длительность остальных звуков, то мы получим все то же слово *воз*. Длительность звука оценивается говорящими только на фоне длительности других звуков. Поэтому краткие звуки в слове, произнесенном быстро, и длинные звуки в том же слове, произнесенном медленно, воспринимаются как одни и те же звуковые единицы.

Разные условия произнесения могут существовать для всего слова: разная длительность (как в только что приведенном примере), разная громкость (слово можно произнести очень тихо и прокричать), разный музыкальный тон (у одних бас, у других тенор, у женщин голоса обычно выше, чем у мужчин, у детей выше, чем у взрослых).

Другой случай, когда разные условия произнесения связаны с неодинаковым положением звука в слове, с разным звуковым окружением. Например, перед звонким согласным [ц] меняется на [дэ̃]: произносится *гля́не*[ц], *коне́*[ц], *оте́*[ц] и при отсутствии паузы *гля́не*[дэ̃] *был*, *коне́*[дэ̃] *го́да*, *оте́*[дэ̃] *до́ма*. При этом звуки [ц] и [дэ̃], с

точки зрения говорящих, представляют собой некое тождество. Если вслушаться в звуки, произносимые на месте *р* в формах слова *Петр, Петра, Петру*, то можно обнаружить, что звуки эти не одинаковы. В форме *Петр* обычно произносится глухой согласный [р]. Еще ярче это проявляется, когда *р* оказывается между двумя глухими согласными: *Петр Первый*. Перед [у] в форме *Петру* произносится огубленный звук [р'], перед [а] в форме *Петра* — неогубленный [р]. Но говорящие обычно этой разницы не замечают: для них [р], [р] и [р'] — одна единица. Она называется **фо нем ой**.

Фонемы существуют в нашем языковом сознании как единые комплексы звуков. Говорящие обычно не обращают внимания на разницу между звуками, относящимися к одной фонеме, отождествляют их. Что же заставляет нас так поступать? Может быть, в одну фонему объединяются звуки близкие, похожие?

В словах *мир, мирок, мировой* фонема /и/ реализована разными звуками: ударный [и] длительней безударного и произносится при более верхнем положении языка: *м[и]р, м[и']ро́к, м[и']рово́й*. Такая же разница между двумя *и* в словах *в[и']згл[и']вый, [и']скр[и']ть*. Но для русских эта разница незаметна. Чтобы ее обнаружить, нужны особые усилия. Для англичан же ничего не стоит узнать звуки [i:] и [ɪ] в разных словах: *read* [ri:d] 'читать' и *rid* [rid] 'освободить', *scene* [si:n] 'сцена' и *sin* [sin] 'грех', *wheel* [wi:l] 'колесо' и *will* [wil] 'воля'. В английском языке звуки [i:] и [ɪ] — представители разных фонем, в русском языке похожие звуки [и:] и [и'] в корне *мир* объединяются в одну фонему.

Дело в том, что разные звуки, выступающие в одной и той же позиции, относятся к разным фонемам. (В английском языке и [i:] и [ɪ] могут быть под ударением перед одними и теми же согласными.) Разные звуки, не встречающиеся в одной и той же позиции, а обусловленные разными позициями, т. е. находящиеся в дополнительном распределении, могут представлять одну и ту же фонему. (В русском языке [и:] бывает только под ударением, [и'] — только без ударения.) Следовательно, не степень акустической или артикуляционной близости звуков определяет, к одной или к разным фонемам они относятся. Это определяется их позиционным поведением.

Фонему представляет весь ряд (всё множество) чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями.

У фонем в языке важное назначение — различать разные слова, разные морфемы. Слова *бар, вар, дар, жар, пар*.

шар различаются начальными звуками [б], [в], [д], [ж], [п], [ш]. Эти звуки здесь — представители фонем /б/, /в/, /д/, /ж/, /п/, /ш/. В словах *бар, бор, бур* звуки [а], [о], [у] — представители фонем /а/, /о/, /у/, различающих эти слова. Фонема в одном слове или в одной его словоформе может быть противопоставлена в другой его словоформе или в другом слове не только другой фонеме, но и ее отсутствию, т. е. нулю фонемы: *бор* и *бора, бору, сбор, убор, борт* и т. п. Эта функция фонемы называется с и г н и ф и к а т и в н о й (от лат. *significare* 'обозначать') или с м ы с л о р а з л и ч и т е л ь н о й.

Не все звуки, которыми слова различаются, принадлежат разным фонемам. В словах *сода* [с'о́да] и *сада* [са́да] две пары разных звуков: [с'] — [с] и [о] — [а]. Но эти соответствия между звуками неравноценны. Звуки [о] и [а] могут выступать в одной и той же позиции — под ударением. Поэтому они — представители разных фонем /о/ и /а/. Они даже могут быть единственными различителями двух слов: *о́да* — *а́да, о́хоть* — *а́хоть, о́стры* — *а́стры*. Звуки же [с] и [с'] всегда обусловлены позицией — следующим гласным или согласным, поэтому они представляют одну фонему /с/ и никогда не могут быть единственными различителями слов. Различие между [с] и [с'] — только «отблеск» основного различия между [а] и [о]. Слова *скинуть* [ск'и́нут'] и *сгинуть* [зг'и́нут'] отличаются звуками [с] и [з], [к'] и [г']. Но выбор [с] и [з] целиком обусловлен следующими звуками. Поэтому [с] и [з] относятся к одной и той же фонеме, в данном случае /с/. Различия между [с] и [з] — лишь «отблеск» основного различия между [к'] и [г'], воплощающими фонемы /к'/ и /г'/.

Другое назначение фонем — способствовать отождествлению одних и тех же слов и морфем. Эта функция фонемы называется п е р ц е п т и в н о й (от лат. *perceptio* 'восприятие') или и д е н т и ф и ц и р у ю щ е й. Почему мы считаем, что в словах *лез* (от *лезть*) и *лес* разные корни? Потому что у них совершенно разные значения. Почему мы считаем, что в словах *лез* и *залез* корень один и тот же? Во-первых, потому, что он имеет одно и то же значение. Но этого недостаточно: *залез на дерево* значит то же самое, что *взобрался на дерево*, но мы ведь не считаем, что *залез* и *взобрался* — одно и то же слово. В словах *лез* и *залез* корни произносятся одинаково, это и позволяет нам их отождествить. Но почему тогда мы отождествляем корни в формах *залез, залезу* и *залезать*? Ведь произносятся они по-разному: за[л'э́с], за[л'э́з]у и за[л'и́з]а́ть. Мы это де-

лаем потому, что чередующиеся звуки этого корня относятся к одним и тем же фонемам.

Фонемы — строительный материал для значимых единиц языка — морфем и слов, фонемы служат для формирования этих единиц (их плана выражения — звуковых оболочек). Эта функция фонем называется *к о н с т и т у и р у ю щ е й*. Так, слово *мяч* состоит из трех фонем — /м'ач'/; приставка, корень, суффикс и окончание слова *набрать* состоят из фонем /на-бр-а-т'/. Фонемы — кратчайшие линейные единицы языка.

В речи фонемам соответствуют звуки. Членение слова на звуки говорящие осуществляют в соответствии с фонемным членением. Без знания языка, его фонемного состава, невозможно разделить звуковой поток на отрезки, соответствующие звукам. Так, при более тонком анализе выясняется, что в слове *мяч* произносится не один гласный, а несколько различных переходных звуков [и-ä-и], за которыми следует сначала смычка органов речи, примерно соответствующая звуку [т'], а затем звук [ш']. Знание фонемного состава этого слова /м'ач'/ позволяет отождествить [ч] с одним звуком русского языка и точно так же с одним звуком отождествить последовательность [т'ш'] (лига над буквами означает, что это не несколько звуков, а один слитный звук, соответствующий одной фонеме).

В разных языках одни и те же или похожие последовательности звуковых сегментов могут говорящими члениться на разные звуки в соответствии с разным фонемным членением. Так, в русском языке в слове *май* три фонемы /маj/ и три звука [маj], а в английском языке в слове *my* [maɪ] 'мой' две фонемы и два звука — согласный и гласный дифтонг.

Фонемы — это абстрактные единицы фонетического яруса языка, воплощающиеся в речи в множествах позиционно чередующихся звуков. Все эти множества звуков являются отражением реализации фонем во всех морфемах русского языка, выступающих в разных словах и словоформах. Но в каждой отдельной морфеме фонема обычно бывает представлена лишь частью этого множества.

Так, фонему /о/ представляет следующий ряд звуков: позиции: 1—2—3—4—5—6—7—8—9—10—11
звуки: [o]-[o]-[o]-[ö]-[a*]-[a*]-[ə]-[ə]-[ə]-[и*]-[и*]

1) под ударением между твердыми согласными;

2) под ударением после мягкого согласного перед твердым;

3) под ударением после твердого согласного перед мягким;

- 4) под ударением между мягкими согласными;
- 5) в 1-м предударном слоге между твердыми согласными;
- 6) в 1-м предударном слоге после твердого согласного перед мягким;
- 7) в безударных слогах, кроме 1-го предударного, между твердыми согласными;
- 8) в безударных слогах, кроме 1-го предударного, после твердого согласного перед мягким;
- 9) в заударном конечном открытом слоге после мягкого согласного;
- 10) в безударных слогах после мягкого согласного перед твердым;
- 11) в безударных слогах между мягкими согласными (см. § 144).

Данный ряд позиционно чередующихся звуков, представляющий фонему /о/, абстрагирован от конкретных морфем, существует как особая фонетическая единица. Но формируется он на основе всех слов и морфем русского языка с этой фонемой, хотя в каждой из этих морфем фонема /о/ может быть представлена лишь частью этого множества. Так, в корневой морфеме *-стол-* фонема /о/ представлена пятью звуками из этого ряда: [о] — *стол*, [о'] — *столик*, [а'] — *стола́*, [а*] — *на столе́*, [е] — *столова́ться*; в окончании творительного падежа единственного числа существительных 2-го склонения *-ом* фонема /о/ представлена четырьмя звуками: [о] — *быком*, [о'] — *конём*, [е] — *во́лком*, [и'] — *оле́нем*; в слове *о́чень*, где только и встречается этот корень, фонема /о/ представлена лишь звуком [о'].

Итак, фонема — это кратчайшая линейно выделяемая языковая единица, представленная всем рядом (всем множеством) чередующихся звуков, обусловленных фонетическими позициями, служащая для формирования, различения и отождествления слов и морфем.

Многие представители Московской фонологической школы (см. §143) обозначают фонему ломаными скобками < >, чтобы графически подчеркнуть особое понимание фонемы в отличие от взглядов иных фонологических школ. Другие представители МФШ используют для этого косые скобки / /, как это принято в большинстве фонологических школ мира, несмотря на различия во взглядах на фонему. В нашем учебнике понятие фонемы и описание фонематической системы русского языка даются с позиций МФШ, при этом фонема передается косыми скобками.

§ 137. Позиционные чередования

В формах слова *коза́, козе́, козу́, коз*, в словах *ко́злы, козе́л, козеро́г* корень один и тот же. Но мы произносим то [з] — *коза́, ко́злы*, то [з'] — *козе́, козеро́г*, то [с] — *коз*, то [з'] — *козу́*, то [з''] — *козе́л*. Гласный тоже не одинаков: [о] — *ко́злы, коз*, [а'] — *коза́, козе́, козе́л*, [ə] — *козеро́г*. Не одинаков и первый согласный: перед [а'], [ə] это [к] — *коза́, козеро́г*, перед [о] это [к'] — *ко́злы, коз*. Такая мена звуков, занимающих одно и то же место в одной и той же морфеме, но в разных словах или разных словоформах, называется **ч е р е д о в а н и е м**. Заменяя [з] на [с] (или наоборот) в словах *ко[з]а́, ко[с]а́*, мы не получим чередования: корни здесь разные. В слове *вожжи* может произноситься [ж':] и [ж:]. Варианты слова *тоннель* и *туннель* отличаются звуками [а'] и [у], но это не чередование, а варьирование звуков в одной и той же словоформе.

Чередование может быть связано с определенным положением звуков в слове. Так, в русском языке звук [г], попав на конец слова, заменяется звуком [к]: *подру[г]а — дру[к]*, *но[г]а — но[к]*, *слу[г]а — слу[к]*, *бе[г]у — бе[к]*, *кру[г]лый — кру[к]*. Это чередование не знает исключений. В новых словах действует та же закономерность. Недавно заимствованы слова *акваланг, смог*, создано сложносокращенное слово *киборг* (кибернетический организм), они подчинились той же закономерности.

Чередование [г]||[к] в русском языке — позиционное чередование. **П о з и ц и о н н ы м ч е р е д о в а н и е м** называется такое чередование, которое происходит в какой-либо позиции.

Чередование звуков может быть вызвано позицией начала слова. Во многих русских говорах с неполным оканьем [о] заменяется [у] в начале слова во втором предударном слоге. Здесь скажут [ó]блако, но [у]блака́, [ó]стров, но [у]строва́, [ó]труби, но [у]трубе́й, а также [у]горо́д, [у]топри́, [у]бязате́льно, [у]де́йло и т. п. Тот же звук и в новых для говоров словах, заимствованных из литературного языка: [у]пе́рация, [у]бли́зация. Не в начале слова такой замены нет: *д[о]м — д[ə]мово́й, к[ó]рень — к[ə]рневи́ще*.

Чередование бывает связано с позицией звука в слоге. Так, в некоторых русских говорах [в] на конце слога заменяется звуком [ў] неслоговым: *голо[в]а́ — голо́[ў], голо́[ў]ка, голо́[ў]ня́; тра[в]а́ — тра́[ў], тра́[ў]ник*.

Часто чередование бывает обусловлено положением одного звука рядом с другим. Так, в русском языке после твердого согласного [и] заменяется на [ы]: [и]грá — с[ы]грáть, [и]крá — с [ы]крóй, она [и] он — он [ы] она. Мы пишем *ножи, широкий*, а произносим *нож[ы], ш[ы]рокий*: [ж], [ш] — твердые согласные. Перед глухими согласными звонкие заменяются глухими: *вя[з]áть — свя[с]ка (связка), ле[г]á — улё[к]ся (улёгся)*.

Звуки могут чередоваться в зависимости от положения по отношению к ударению: ударный [э] заменяется безударным [и']: св[э]рху — нав[и']рху, п[э]в[и']рху.

Все эти примеры характеризуют чередования, которые называются фонетическими. У фонетических чередований позиции, т. е. условия появления того или иного звука, фонетические — начало и конец слова или слога, соседство других звуков, положение в ударном или безударном слоге.

Но вот еще пример — чередование [г]||[ж]: *подру[г]а — дру[ж]ный, бума[г]а — бума[ж]ный, тай[г]а — таё[ж]ный, дви[г]ать — подви[ж]ный, мо[г]у — возмо[ж]ный*. Чередование это осуществляется во многих словах, и можно подумать, что оно обусловлено позицией перед [и]. Тогда оно тоже фонетическое. Но это не так: [г] перед [и] обязательно заменяется на [ж]: [г]он — [гн]ать, ми[г]ать — ми[гн]уть, ша[г]ать — ша[гн]уть. Фонетической позиционной обусловленности здесь нет. Но в данном случае есть другая позиционная обусловленность: чередование [г]||[ж] не знает исключений в позиции перед суффиксом прилагательных -н-. Позиция здесь морфологическая, чередование — морфологическое позиционное. Когда в русском языке от заимствованных слов *каталог, флаг, фрамуга, шпага* были образованы прилагательные с суффиксом -н-, то [г], как и в других русских словах, заменился на [ж]: *каталожный, флажный, фрамужный, шпажный*.

При морфологических чередованиях в качестве особой позиции может выступать не только суффикс, но и окончание. У глаголов губные согласные [б'], [п'], [в'], [м'] в конце основы заменяются в форме 1-го лица единственного числа сочетаниями [бл'], [пл'], [вл'], [мл']: *губить — гублю, топить — топлю, травить — траваю, кормить — кормлю*. Появился в русском языке глагол *графить* с губным [ф'], и он подчинился этой закономерности: *графлю*. Исключений здесь нет, данное чередование позиционное. Но оно вызвано не гласным звуком, стоящим после губного согласного, а глагольным окончанием 1-го лица един-

ственного числа: в голубь — голубю нет этого чередования, а в приголубь — приголублю есть. Поэтому оно морфологическое.

А чем вызвано чередование [х]||[ш]: сухой — сушь, глухой — глушь, тихий — тишь, ветхий — ветошь? Фонетическая позиция здесь не принимает участия: в конце слова может и не быть этого чередования: сух, глух, тих. Замена [х] на [ш] не вызывается также и конкретным окончанием: [ш] выступает во всех падежных формах: сушь, суши, сушью. В роли позиции, требующей замены [х] на [ш], выступает сама принадлежность слова к 3-му склонению существительных. Существительные 1-го и 2-го склонения могут в конце основы иметь [х]: рубаха, муха, слониха, смех, мох, петух. Существительные 3-го склонения звук [х] в конце основы заменяют на [ш]. Позиция здесь морфологическая, и чередование тоже морфологическое. Это чередование охватывает все заднеязычные согласные — в конце основы существительных 3-го склонения они заменяются шипящими: лгать — ложь, залегать — залежь, дрогнуть — дрожь, запрыгать — упряжь, благой — блажь; изрекать — речь, горький — горечь, дикий — дичь, мелкий — мелочь, бестолковый — бестолочь.

Фонетические и морфологические чередования могут образовывать целые ряды позиционно чередующихся звуков: 1) г[ó]сти — г[а']сте́й — г[ə]стевой, горо[д]а́ — го́ро[т] — иногоро́[д']ний — горо[ц]ско́й; 2) шу[т] — шу[т']и́ть — шу[ч']у; каза́[к] — каза́[к']и — каза́[ц]кий — каза́[ч']ий. Чередоваться могут не только звуки друг с другом, но и с нулем звука, его отсутствием: 1) гига́н[т] — гига́н[-]ский (гигантский), стрó[и]ка — стрó[-]ит; 2) сыро́[к] — сырка́, пиро́ж[ó]к — пиро́жка́.

Позиционные чередования могут не знать исключений в данной языковой системе. Такие чередования называются позиционно обусловленными: например, фонетическое чередование шумного звонкого согласного с глухим на конце слова (гла[з]а́ — гла[с]) или перед глухим шумным (гла[с]ки), морфологическое чередование [г]||[ж] перед суффиксом прилагательных -н- (подру́[г]а — дру́[ж]-ный), перед глагольным суффиксом -и- (дру́[ж]и́ть) или окончанием глаголов II спряжения (дру́[ж]у, дру́[ж]ишь и т. д.).

Позиционные чередования, знающие исключения, называются позиционно прикрепленными. Например, фонетическое чередование твердого зубного согласного с мягким в позиции перед мягким зубным

(*мо[с]т* — *мо́[с']тик*) не обязательно на стыке приставки и корня (*ра[с']тесáть* и *ра[с]тесáть*), в начале слова (*[с']те́на* и *[с]те́на*), после твердого согласного (*шер[с']ть* и *шер[с]ть*); морфологическое чередование [о]||[а] перед глагольным суффиксом *-ива-/-ыва-* (*выхо́дит* — *выха́жива-ет*, *сно́сит* — *сна́шивает*, *уло́вит* — *ула́влива-ет*, *отко́лет* — *отка́лывает* и т. п.) знает исключения: *то́пчет* — *прита́птывает* и *прито́птывает*, *хло́пает* — *прихло́пывает* и др.

Кроме позиционных бывают и такие чередования, которые не имеют ни фонетической, ни морфологической обусловленности: *по́дру[г]а* — *дру[з']ья*, *с[о]н* — *с[-]на*, *зас[о́]-хнутъ* — *зас[ы]ха́ть* — *зас[у]ши́ть*. Это не п о з и ц и о н н ы е чередования, которые связаны только с конкретными словами.

Фонетические позиционно обусловленные чередования — это чередования звуков, относящихся к одной фонеме. Фонетические позиционно прикрепленные чередования могут быть чередованием звуков, относящихся к одной фонеме, и чередованием фонем. Так, если отступления от позиционного чередования закреплены в отдельных словах, лексикализованы и обязательны для говорящих, то такие чередования представляют собой чередования фонем. Например, чередование [н']||[н] перед твердым зубным (*ко[н']* — *ко́[н]ный*, *Каза́[н']* — *каза́[н]ский*, *испа́[н']ец* — *испа́[н]-цы*) знает исключение: *ию́[н']* — *ию́[н']ский*. Следовательно, это чередование звуков представляет собой чередование фонем /н'/||/н/. Если отступления от позиционного чередования факультативны, необязательны, то такие позиционно чередующиеся звуки рассматриваются как представители одной фонемы. Например, чередующиеся ударный [а] с безударным [и*] после мягкого согласного (*п[и'а]тый* — *п[и*]та́к*, *р[а]д* — *р[и*]ды*) представляют фонему /а/, несмотря на то, что в словах типа *спекуля́тивный*, *асси́мля́тивный* в предударном слоге наряду с [и*] встречается произношение [а].

Морфологические и непозиционные чередования — это чередования фонем, которые называются и с т о р и ч е с к и м и чередованиями.

§ 138. Нейтрализация фонем

Фонетические позиционные чередования могут быть двух типов: 1) чередования, образующие п а р а л л е л ь н ы е

ряды, не имеющие общих членов; 2) чередования, образующие пересекающиеся ряды, имеющие общие члены. Вот схематическое изображение этих двух типов чередования в позициях P_1 и P_2 :

Например, фонемы /р/ и /л/ образуют параллельные ряды звуков, чередующихся в разных позициях:

/р/ — *смот*[р]ы — *смот*[р']у — *смот*[р];
 /л/ — *смыс*[л]ы — *смыс*[л']у — *смыс*[л].

Фонема /р/ представлена рядом позиционно чередующихся звуков [р]||[р']||[р]. Фонему /л/ представляет ряд [л]||[л']||[л]. При этом в каждой позиции /р/ и /л/ представлены разными звуками; эти фонемы различаются во всех позициях.

Фонемы /б/ и /п/ образуют пересекающиеся ряды чередующихся звуков:

/б/ — *стол*[б]ы — *стол*[б']у
 /п/ — *стол*[п]ы — *стол*[п']у > *стол*[п].

Фонема /б/ представлена рядом позиционно чередующихся звуков [б]||[б']||[п], фонему /п/ представляет ряд [п]||[п']||[п]. Эти фонемы, различаясь в позициях перед гласными, не различаются, совпадают на конце слова.

Совпадение, неразличение двух или нескольких фонем в определенной позиции называется **нейтрализацией**. В позиции нейтрализации эти фонемы реализуются одним и тем же звуком.

Среди гласных возможна нейтрализация и трех и четырех фонем, например: /а/—/о/—/э/ во втором предударном слоге после твердого согласного совпадают в звуке [ə]: *ж[á]рко* — *ж[ə]ркова́то*, *ш[ó]лот* — *ш[ə]лото́к*, *ц[э]нтр* — *ц[ə]нтрово́й*; /а/—/о/—/э/—/и/ совпадают в безударных слогах, кроме конечного открытого слога, после мягкого согласного в звуке [и']: *вз[á]л* — *вз[и']ла́*, *н[ó]с* — *н[и']сла́*, *стр[э́]лы* — *стр[и']ла́*, *с[и́]ла* — *с[и']ла́ч*. Среди согласных возможна нейтрализация и большего числа фонем.

Нейтрализация фонем обязательно связана с их чередованиями в одних и тех же морфемах: в одних позициях фонемы в разных морфемах различаются, в других позициях (или хотя бы только в одной) эти фонемы в тех же

морфемах не различаются, совпадают. Поэтому нейтрализация — это снятие противопоставления фонем в тех же морфемах.

§ 139. Сильные и слабые позиции

Фонологическая позиция — условия употребления, реализации фонемы в речи. В разных позициях одна и та же фонема выступает в разных звуковых обликах. Чередование звуков, воплощающих одну и ту же фонему, обуславливается фонетическими позициями. Одна и та же позиция может выступать и как фонологическая, и как фонетическая.

Позиции могут быть сильные и слабые. **Сильные позиции** — те, в которых фонема наилучшим образом выполняет свои функции. В **слабых позициях** возможности выполнения фонемами своих функций ограничены. У фонемы две основные функции: перцептивная — способствовать отождествлению одних и тех же значимых единиц языка — морфем и слов и сигнификативная — способствовать различению разных единиц. В связи с этим выделяются два типа позиций: перцептивные (сильные и слабые) и сигнификативные (сильные и слабые).

В **перцептивно сильной** позиции фонема выступает в своем основном звуковом облике. В этой позиции звук, реализующий фонему, не испытывает редукции и воздействия соседних звуков, он максимально независим от позиции. В **перцептивно слабых** позициях фонема представлена другими звуками. Они связаны именно с данной позицией и являются результатом редукции или воздействия соседних звуков. Так, в словах *чай*, *печь*, *печник* фонема /ч'/ реализована звуком [ч'] — своим основным представителем. Глухость этого звука, выступающего в начале и на конце слова, перед гласным и сонорным согласным (как и другие качества этого звука), — признак, проявляющийся в данных позициях, но не обусловленный ими. Для /ч'/ эти позиции перцептивно сильные. Перед звонким шумным согласным позиция для /ч'/ перцептивно слабая: в этой позиции происходит обязательная замена глухого [ч'] звонким [дж']: *пе[дж'] бы затопить*. Звук [дж'] обусловлен этой позицией и употребляется только в ней. Если записать на магнитофонную ленту слова со звуком [ч'], а затем стереть часть записи, оставив только [ч'], и дать прослушать этот звук, то всеми говорящими по-русски

он будет легко опознан. Если то же проделать со звуком [д'ж'], то многие его не узнают, не смогут определить, в каких словах он произносится, или воспримут его как другой звук: он не встречается вне своей позиции перед звонким согласным.

В сигнификативно сильной позиции данная фонема отличается от других фонем, т. е. реализуется особым звуком. Сигнификативно слабая позиция — это позиция неразличения фонем. В сигнификативно слабых позициях фонемы ограничены в возможности различать разные слова и морфемы. Есть два типа сигнификативно слабых позиций: позиция нейтрализации фонем и позиция, в которой отсутствует противопоставление фонем из-за того, что некоторые из этих фонем в данных позициях не употребляются.

Так, /о/ и /а/ под ударением после твердых согласных реализуются в звуках [о] и [а]: б[о]к — б[а]к. Это сигнификативно сильная позиция для гласных фонем. В 1-м предударном слоге /о/ — /а/ не различаются, реализуясь одним и тем же звуком [а']: бочок и бачок — б[а']чók. Эта позиция сигнификативно слабая для /о/ и /а/, позиция их нейтрализации.

Конец слова — позиция сигнификативно сильная для большинства согласных, противопоставленных по твердости/мягкости: кро[ф] (кров) — кро[ф'] (кровь), знакó[м] — знакó[м'], о[с] — о[с'], пустова́[т] — пустова́[т'] и т. п. Иное положение у заднеязычных согласных. На конце слова возможны только твердые [к], [х] и не встречаются мягкие заднеязычные. В одних и тех же морфемах возможно чередование звуков [к'], [г'], [х'], выступающих перед /и/, /э/, со звуками [к], [г], [х] перед другими гласными и с [к], [х] на конце слова: ру[к']и́, ру[к']е́ — ру[к]а́, ру[к]у, ру[к]о́й — ру[к]; но[г']и́, но[г']е́ — но[г]а́, но[г]у, но[г]о́й — но[к]; со[х']и́, со[х']е́ — со[х]а́, со[х]у́, со[х]о́й — со[х]. Это чередование звуков представляет чередование фонем /к'/||/к/, /г'/||/г/, /х'/||/х/. Так как на конце слова нет противопоставления твердых и мягких заднеязычных согласных фонем, эта позиция для них сигнификативно слабая. При этом на конце слова не происходит нейтрализации в твердых [к] или [х] фонем /к/ и /к'/, /г/ и /г'/, /х/ и /х'/, так как нет таких разных морфем, где твердые и мягкие заднеязычные противопоставлялись бы друг другу в одних позициях и совпадали в твердых заднеязычных на конце слова.

Одна и та же позиция для одних фонем может быть сильной, для других — слабой. Так, конец слова — пози-

ция сигнификативно сильная для большинства согласных, противопоставленных по твердости/мягкости, и слабая для согласных, противопоставленных по глухости/звонкости; ср.: пло/т/ и пло/т'/ различаются, а пло/т/ и пло/д/ совпадают, нейтрализуются — пло[т].

Перцептивно и сигнификативно сильная позиция называется **абсолютно сильной**. В этой позиции фонема реализуется своим основным представителем — **доминантой**. По этому звуку фонема и называется: фонема /а/ по звуку [а], фонема /б'/ по звуку [б']. В сигнификативно сильных, но перцептивно слабых позициях фонема представлена своими **вариациями**. Так, в слове *сон* фонема /с/ представлена вариацией [с̣], в слове *пять* фонема /а/ представлена вариацией [ä]. Вариации фонемы — своеобразные звуковые синонимы ее доминанты. В сигнификативно слабых позициях фонема представлена своими **вариантами**. Так, звук [с] в слове *нос* — вариант фонемы /с/, а в слове *мороз* — вариант /з/. Варианты нейтрализованных фонем — своеобразные звуковые омонимы.

Все звуки, реализующие фонему (и ее доминанту, и ее вариации и варианты), называют и обобщенно — **вариантами фонемы или аллофонами**.

§ 140. Дифференциальные и интегральные признаки фонем и звуков

Фонемы — минимальные единицы языка, их нельзя разделить на более мелкие, последовательно идущие друг за другом элементы. Но тем не менее фонема — сложное явление. Она состоит из ряда признаков, не существующих самостоятельно, вне фонемы, но сосуществующих одновременно в фонеме.

Фонемы различаются в сигнификативно сильных позициях. Если сравнить ряды чередующихся звуков, воплощающих фонемы в этих позициях, то можно обнаружить, что эти ряды по некоторым признакам представляют собой единства, противопоставленные другим рядам — фонемам. Гласные фонемы под ударением реализуются следующими звуками:

/и/ — [и], [и'], [ы], [ы']	/у/ — [у], [у'], [ʏ], [ʏ']
/э/ — [э], [э'], [ə], [ə'] [ʲэ], [ʲэ']	/о/ — [о], [о'], [ʊ], [ʊ']
/а/ — [а], [а'], [ʌ], [ʌ']	

Для противопоставления этих фонем важны два признака: подъем гласного и наличие или отсутствие лабиализации. Фонема /и/ верхнего подъема, нелабиализованная. Это определение означает, что все звуки, воплощающие фонему /и/ в сигнификативно сильных позициях, верхнего подъема, нелабиализованные. Фонема /у/ верхнего подъема, лабиализованная; /э/ среднего подъема, нелабиализованная; /о/ среднего подъема, лабиализованная. Каждую из этих фонем можно определить (т. е. отграничить от остальных фонем) набором из указанных двух признаков. Признаки, необходимые и достаточные для определения данной фонемы в сигнификативно сильных позициях, называются **дифференциальными** признаками этой фонемы. Это признаки различительные, они позволяют отличить данную фонему от остальных фонем.

Наборы дифференциальных признаков совпадают не у всех фонем. Фонема /а/ реализуется рядом звуков, признаками которых являются нижний подъем и нелабиализованность. Но /а/ противопоставлена всем остальным фонемам уже по одному признаку — нижнему подъему. Нет ни одной фонемы, кроме /а/, обладающей этим же признаком. Признак нижнего подъема — дифференциальный для фонемы /а/; признак нелабиализованности — недифференциальный для этой фонемы, интегральный.

Интегральные признаки — это такие признаки звуков, воплощающих фонемы, которые не участвуют в противопоставлении данной фонемы другим фонемам. Интегральные признаки несамостоятельны, они обусловленные. Гласные верхнего и среднего подъема могут быть лабиализованными и нелабиализованными, здесь есть выбор признака. Гласные нижнего подъема обязательно нелабиализованные. Здесь выбора признака нет: интегральный признак обусловлен дифференциальным. Ряд гласного тоже интегральный признак, он обусловлен позицией — окружением других звуков. Так, [а] выступает в позиции не рядом с мягкими согласными, [ä] — между мягкими согласными; это звуки разных рядов, но они воплощают одну и ту же фонему /а/. Интегральными признаками являются и различия между гласными звуками по подъему внутри трех основных подъемов — верхнего, среднего и нижнего, т. е. различия между [э] и [ë], [о] и [ö], [а] и [ä].

Интегральные признаки несущественны для противопоставления фонем, но существенны в других отношениях. В слове *сад* звук [а] нелабиализованный. Из того, что для /а/ этот признак интегральный, не следует, что его можно

менять. Нельзя произнести слово *сад* с гласным нижнего подъема, лабиализованным: такого звука в русском языке нет, и слово не будет понято. Точно так же нельзя в этом слове произнести гласный заднего ряда или лабиализованный согласный.

Чтобы определить фонему, необходимо указать набор ее дифференциальных признаков. Чтобы охарактеризовать звуки, воплощающие фонему, необходимо указать все их признаки, в том числе интегральные.

§ 141. Архифонема

В сигнификативно слабых позициях нейтрализующиеся фонемы перестают различаться. Но в этих позициях сохраняется групповая различимость: пара (или группа) нейтрализующихся фонем противопоставляется другим парам (или группам) фонем либо отдельным фонемам. Так, фонемы /т/ и /д/ на конце слова и перед глухим согласным совпадают в звуке [т], перед звонким шумным — в звуке [д]: *ко[т]* — *ко/т/* и *ко/д/*; *о[т]ключить* и *по[т]ключить*, *о[д]гадать* и *по[д]гадать* — *о/т/-* и *по/д/-*. Но /т-д/ вместе в этих позициях противопоставлены другим парам нейтрализованных по глухости/звонкости фонем: *ко[с]* — *ко/с/* и *ко/з/*, другим фонемам: *ко/л/*, *ко/м/*, *ко/н/*. Частичное различение фонетических единиц в этих позициях сохраняется. Языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, составляющих общую часть нейтрализованных фонем, называется *архифонемой* (или *слабой фонемой*).

§ 142. Гиперфонема

Чтобы узнать, какой фонеме соответствует звук слабой позиции в данной морфеме, надо изменить слово или подобрать другое слово с той же морфемой, чтобы слабая позиция в ней заменилась сильной. Так, безударный [а°] в слове *д[а°]ма* — вариант фонемы /о/. Мы узнали это, изменив слово: *д[о]м*, подобрав другое слово: *д[о°]мик*. Звук [п] в слове *зу[п]* — вариант фонемы /б/: *зу[б]ы*, *зу[б]ной*. Поэтому *[да°ма]* — /дома/, *[зуп]* — /зуб/.

Но в некоторых морфемах такая проверка невозможна. Например, в словах *собака*, *собаковод* первый гласный кор-

ня [а']|[ə] не бывает под ударением ни в одном однокоренном слове. Эти позиционно чередующиеся звуки могут быть представителями только фонем /о/ и /а/, но какой из них, решить здесь невозможно. В этом случае выступает гиперфонема / $\frac{O}{a}$ /: с/ $\frac{O}{a}$ /ба́ка, с/ $\frac{O}{a}$ /бако́вд. В слове *стол* звук [с'] может представлять фонемы /с/ и /з/. Проверка невозможна, поэтому в фонематической транскрипции слово записывается так: / $\frac{c}{z}$ тол/ (или /(с|з)тол/).

Иногда проверка позволяет ограничить круг фонем, нейтрализующихся в сигнификативно слабой позиции, но не выявляет единственно возможную из этих фонем. Например, в слове *лебедь* заударный гласный [и'] может соответствовать фонемам /и/, /э/, /о/, /а/; проверка двоякая: леб[$\frac{O}{a}$]д́ка и леб[$\frac{O}{a}$]ж́ий, преимуществ ни у одной из них нет, поэтому фонематическая транскрипция этого слова /л'эб' $\frac{O}{a}$ д'/ (или /л'эб'(о|а)д'/).

Г и п е р ф о н е м а — это архифонема или часть входящих в нее звуков, не приводимая в отдельных морфемах однозначно к одной из нейтрализованных фонем.

§ 143. Московская и Петербургская (Ленинградская) фонологические школы

Учение о фонеме лежит в основе фонологии — раздела языкознания, изучающего функциональную значимость звуковой стороны языка.

Фонология возникла в России в 70-х годах XIX в. Ее основоположник И. А. Бодуэн де Куртенэ ввел понятие фонемы, противопоставив его понятию звука. На основе его идей возникло несколько фонологических школ. В настоящее время в России ведущее положение в фонологии занимают два научных направления — *Московская фонологическая школа (МФШ)* и *Петербургская (Ленинградская) фонологическая школа (П(Л)ФШ)*. Основоположник П(Л)ФШ — Л. В. Щерба, ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ. Идеи Л. В. Щербы, высказанные впервые в 1912 г., развивают его ученики и последователи: Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, А. Н. Гвоздев, Л. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Л. А. Вербицкая, В. В. Касевич, Н. Д. Светозарова и другие. МФШ возникла в конце 1920-х гг. Ее основатели Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, продолжая традиции Бодуэна де Куртенэ,

опираются на идеи, отразившиеся в его работах разных периодов. На формирование МФШ оказали влияние и взгляды Н. Ф. Яковлева, также разрабатывавшего идеи Боуэна де Куртена. Обобщение, углубление и развитие теории МФШ в виде целостной концепции осуществлено М. В. Пановым. Идеи МФШ развивают ее представители второго и следующих поколений: В. А. Виноградов, К. В. Горшкова, Вал. В. Иванов, Л. Э. Калнынь, М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, С. М. Кузьмина, Н. К. Пирогова, Е. Л. Бархударова и другие.

Обе школы рассматривают фонему в сигнификативно сильной позиции с одной и той же точки зрения — функциональной. Звуки этих позиций объединяются в одну фонему не на основании их фонетического сходства, акустической или артикуляционной близости, а на основании способности этих звуков различать слова и морфемы. Так, в словосочетаниях *печь побелили* и *печь затопили* выступает одно и то же слово *печь* с одним и тем же фонемным составом. Хотя фонема /ч'/ реализуется в первом случае глухим звуком [ч'], а во втором звонким [д'ж'], звуки эти объединяются в одну фонему, так как они выполняют одну и ту же функцию: они способствуют отождествлению одних и тех же слов и морфем и не могут различать разные слова и морфемы.

Состав фонем определяется МФШ и П(Л)ФШ по сильной позиции, позиции наибольшего различения. Обе школы исходят из того, что необходимым условием отнесения разных звуков к одной фонеме является их дополнительное распределение в разных фонетических позициях. Кроме того, необходимо, чтобы эти звуки чередовались в одних и тех же морфемах.

Основное различие между МФШ и П(Л)ФШ — в оценке звуков, выступающих в сигнификативно слабых позициях. МФШ функциональный критерий распространяет и на эти позиции. Например, в словосочетаниях *гусь пришел* и *гусь зашел* слово *гусь* имеет один и тот же фонемный состав. Звук [с'] в первом случае и звук [з'] во втором объединяются в одну фонему /с'/ на основании того, что они выполняют одну и ту же функцию. Они не различают данные словоупотребления: это одно и то же слово, а выбор [с'] или [з'] позиционно обусловлен. Отсюда следует вывод: фонему представляет весь ряд позиционно обусловленных чередующихся звуков. Эти звуки могут быть совершенно непохожи друг на друга, фонетически несходны, фонему может представлять и ноль звука.

П(Л)ФШ к одной фонеме относит только часть позиционно чередующихся звуков. Для сигнификативно слабых позиций П(Л)ФШ выдвигает иной критерий, чем для сигнификативно сильных, — общность у звуков слабых позиций со звуками сильных позиций фонетических признаков, определяемых по сильной позиции как дифференциальные. По теории П(Л)ФШ в слове *гусь* в словосочетании *гусь пришел* [с'] является аллофоном /с'/, а в словосочетании *гусь зашел* [з'] — аллофон /з'/. Основанием для этого является то, что у звука [с'] в *гусь пришел* те же фонетические признаки, что и у звука [с'] в словах *гуси, сено* и т. п., где [с'] выступает в сильной позиции, а у звука [з'] в *гусь зашел* те же фонетические признаки, что и у звука [з'] в словах *зима, взять* и т. п., где [з'] выступает в сильной позиции. Таким образом, фактически выдвигается требование определенной фонетической близости звуков сильных и слабых позиций.

Точно так же в слове *вода* [ва^ада] по теории МФШ предударный [а^а] является представителем /о/, так как в сильной позиции в этом корне выступает [о]: [в^оды]. В этих формах наблюдается чередование звуков [а^а]/[о], но фонема, реализованная этими звуками, одна — /о/. По теории П(Л)ФШ предударный [а^а] в слове *вода* является аллофоном /а/, потому что это нелабиализованный гласный, как и [а]. С этой точки зрения в [ва^ада] — [в^оды] наблюдается чередование фонем /а/]/[о/. Отсюда и разная фонематическая транскрипция этого слова: /вода/ по МФШ и /вада/ по П(Л)ФШ.

Из различий между МФШ и П(Л)ФШ в фонологических оценках звуков, выступающих в слабых позициях, вытекает и разное представление о степени вариативности фонемного состава морфем. МФШ устанавливает принцип неизменности фонемного состава морфемы при фонетических чередованиях звуков, обусловленных данными позициями; фонемный состав морфем может меняться только при исторических чередованиях. П(Л)ФШ считает, что фонемный состав морфем варьируется и в зависимости от подобных фонетических позиций. Так, фонемный состав предлога *без* по МФШ во всех позициях остается одним и тем же — /б'эз/; по П(Л)ФШ — /б'эз/ *году*, /б'эс/ *толку*, /б'из/ *воды*, /б'ис/ *травы*, /б'из'/ *земли*, /б'ис'/ *семьи*, /б'иж/ *жалости*, /б'иш/ *шлости*.

МФШ считает, что множества позиционно чередующихся звуков, представляющих фонемы, в сигнификативно слабых позициях совпадают, пересекаются. В этом случае наблюдает-

ся нейтрализация фонем и одни и те же звуки могут относиться к разным фонемам в разных морфемах. По П(Л)ФШ фонемы представляют собой непересекающиеся множества звуков, каждая фонема имеет свой набор аллофонов, отличный от набора аллофонов любой другой фонемы. Нейтрализация фонем рассматривается как неупотребительность некоторых фонем в данных позициях. Так, с точки зрения МФШ глухие и звонкие согласные на конце слова не различаются, нейтрализуются: звук [т] в словоформе *брат* — вариант /т/ (ср. *бра[т]а*), а в словоформе *град* — вариант /д/ (ср. *гра[д]а*). С точки зрения П(Л)ФШ и в словоформе *брат*, и в словоформе *град* звук [т] — аллофон /т/, а фонема /д/ в этой позиции не употребляется.

Определение фонемной принадлежности некоторых звуков с точки зрения П(Л)ФШ представляет трудности. Так, звук [ə], встречающийся только в слабой позиции, например в слове *в[ə]дов[ə]з*, в равной степени отличен и от [а] и от [ы] и так же, как они, нелабиализованный. (Одни представители П(Л)ФШ относят его к фонеме /а/, другие — к выделяемой ими, в отличие от представителей МФШ, /ы/.) Для таких случаев вводится еще один критерий: надо посмотреть, на что похож звук при четком проговаривании слова. Так, на месте [ə] в слове *в[ə]дов[ə]з* в этом случае произносится [а]. Отсюда вывод: [ə] относится к /а/. Однако на месте двух [ə], обычно произносящихся в слове *выпытать* [вып[ə]т[ə]т], при четком проговаривании звучит в одном случае [ы], в другом — [а]. Таким образом, оказывается, что один и тот же звук может относиться к разным фонемам, что противоречит теории П(Л)ФШ.

МФШ решает этот вопрос только на основании соотношения звука [ə] с сильной позицией в той же морфеме: *в[ə]дов[ə]з* — *в[о]ды* — фонема /о/; *вып[ə]тать* — *п[ы]тка* — /и/; *выпыт[ə]ть* — *пыт[а]ть* — /а/.

Имплозивный [т̚] (*жиле[т̚] цыгана*) в равной степени отличен от [т] и от [ц]. При четком проговаривании возникает: *жиле[т] цыгана* и *жиле[ц] цыгана*. И здесь один и тот же звук может быть отнесен к двум разным фонемам — /т/ и /ц/. С точки зрения МФШ в слове *жилет*, в том числе и в словосочетании *жилет цыгана*, фонема /т/ (ср. *жиле[т]а*), в слове *жилец*, в том числе и в словосочетании *жилец цыгана*, фонема /ц/ (ср. *жиль[ц]а*).

В нашем учебнике описание фонематической системы русского языка дается с позиций Московской фонологической школы.

§ 144. Чередования гласных звуков

Чередования гласных звуков зависят от двух основных факторов: от соседства твердых или мягких согласных и от положения гласного по отношению к ударению.

УДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Мягкие согласные вызывают сдвиг артикуляции гласного вперед и вверх. Если записать на магнитофонную ленту произнесение слова *мать*, а затем значительно увеличить время воспроизведения этого слова, то легко обнаружится на слух, что гласный на протяжении звучания неоднороден. Отдельные его участки можно обозначить так: [а-а-а-а-я-э-и]. Конец гласного сдвинут вперед и вверх. Это результат воздействия следующего мягкого [т']. Если так же прослушать слово *час*, то обнаружится, что вперед и вверх сдвинут начальный участок гласного: [и-э-я-а-а-а]. Это результат воздействия впереди стоящего мягкого [ч']. При этом [и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т. е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного. В транскрипции этот сдвиг начальной и конечной фаз гласного обозначается точками у буквы: [ма'т'], [ч'ас]. Между мягкими согласными наблюдается сдвиг вперед и вверх и центральной фазы гласного: [ч'ас'т'] (*часть*). Гласный [у] верхнего подъема, он продвигается вперед: [лук] — [лук'и], [л'ук] — [л'ук'и] (*люк — люки*). Гласный [и] самый верхний и самый передний, но и он испытывает воздействие следующего мягкого согласного: [йва] — [й'в'и] (*ива — иве*) — перед мягким согласным гласный сдвигается вперед и вверх.

После твердых согласных звуки переднего ряда [и], [э] отодвигаются назад: [и] заменяется звуком [ы], а [э] — звуком [а], например: [й]гры — [сы]гран, [э]ра — [в а]ру.

Наблюдаются следующие ряды чередующихся ударных гласных звуков (С — твердый согласный, С' — мягкий согласный, Г — гласный, # — нуль звука):

Позиции Фонемы	1	2	3	4	5	6
	#ГС ГГС	СГС СГ#	#ГС' ГГС'	СГС'	С'ГС С'Г#	С'ГС'
/а/	а	а	а'	а'	а	а
/о/	о	о	о'	о'	о	о
/у/	у	у	у'	у'	у	у
/э/	э	э	э'	э'	э	э
/и/	и	и	и'	и'	и	и

Проиллюстрируем эти чередования:

/а/: (1) [á]нна (Анна), за [á]нну — (2) с [á]нной — (3) [á]ня, за [а']ню — (4) с [á']ней; (2) дрож[á]л, дрож[á] — (4) дрож[á']ть — (5) крич[á]л, крич[á] — (6) крич[á']ть;

/о/: (1) [ó]ба, на [ó]ба — (2) в [ó]ба — (3) [ó]бе, на [ó]бе — (4) в [ó']бе; (2) сел[ó] — (5) плеч[ó]; (5) зач[ó]т — (6) на зач[ó']те;

/у/: (1) [ý]дочка, вы[ý]живать — (2) с [ý]дочкой — (3) [ý]дит, на[ý]дит — (4) от[ý]дит; (2) крик[ý]н — (4) крик[ý']нья — (5) молч[ý]н — (6) молч[ý']нья; (2) нес[ý] — (4) нес[ý']сь — (5) круч[ý] — (6) круч[ý']сь;

/э/: (1) [э́]тот, на [э́]тот — (2) с [э́]того — (3) [э́]ти, на [э́]ти — (4) с [э́]тих; (2) на лиц[э́] — (5) на рук[э́]; (5) т[э́]ло — (6) в т[э́]ле;

/и/: (1) [и́]ва, на [и́]ву — (2) под [и́]вой — (3) [и́]ве, на [и́]ве — (4) к [и́]ве; (2) нож[и́] — (5) врач[и́]; (2) сторож[и́]л — (4) сторож[и́]ли — (5) нос[и́]л — (6) нос[и́]ли.

Чередование гласных под ударением образует параллельные ряды. В каждой позиции пять различающихся гласных. Поэтому все эти позиции сигнификативно сильные, но разные перцептивно.

Из таблицы видно, что указанные позиции неравноценны для разных фонем. Для фонем /а/, /о/, /у/ можно было бы выделить всего четыре различные позиции. Перцептивно сильные позиции, где качество этих гласных не обусловлено окружением, — это позиции 1 и 2. Твердый согласный перед и после [а], [о], [у] и впереди стоящий гласный действуют на гласный звук так же, как и отсутствие согласного и гласного, т.е. никак не действуют; ср.: ар, да, дар, ягу́ар — в этих словах один и тот же звук [а]. Позиции 3 и 4 тоже равноценны для /а/, /о/, /у/; ср.: ось, полуо́сь, ло́сь — в этих словах один и тот же звук [о].

Для фонемы /и/ перцептивно сильные позиции 1 и 5. Доказательство то же: впереди стоящий гласный и мягкий

согласный действуют на [и] так же, как и отсутствие звука, т. е. никак не действуют; впереди стоящий твердый согласный заставляет [и] замениться на [ы]; ср.: [й]гры, н[ай]гранный, хо[т']йгры, [сй]гран.

У фонемы /э/ звуки, выступающие в позициях 1 и 5, различны, но эта разница настолько мала, что можно и тот и другой звук считать основными представителями /э/; ср.: [э]то и л[э]то.

Перцептивно сильной позицией для всех гласных фонем является только позиция 1 — в начале слова и после гласного перед твердым согласным. Позиция после твердого согласного является перцептивно сильной для /а/, /о/, /у/ и слабой для /и/, /э/. Позиция после мягкого согласного является перцептивно сильной для /и/, /э/ и слабой для /а/, /о/, /у/.

Перцептивно слабые позиции действуют на гласные однотипно: в этих позициях согласные вызывают замену отрезка гласного, прилегающего к согласному, приспособляют гласный в этой части к своей артикуляции. Это можно обнаружить на слух. В слове *масса* произносится [а], позиция здесь сильная. В слове *мясо* произносится [ʼа] — звук, не однородный на протяжении своего звучания. Если растянуть это слово, то мы это услышим: [мʼа-а-а-са]. Только часть звука, прилегающая к мягкому согласному, здесь упреждена, дальше произносится [а].

В слове *ива* [йва] произносится [и] — основной вариант фонемы /и/, его качество не обусловлено позицией. В слововой форме с *йвой* [с-йвей] произносится [ы]. Экспериментально установлено, что это тоже звук, не однородный на протяжении своего звучания. Более точное его обозначение [йи]. Если растянуть гласный в этом сочетании с *йвой*, мы это услышим: [сй-и-и-вей]. Только часть звука, примыкающая к твердому согласному, произносится здесь как [ы], дальше произносится [и].

Таким образом, в перцептивно слабой позиции [ʼа] — результат приспособления [а] к предшествующему мягкому согласному, и точно так же [ы] — результат приспособления [и] к предшествующему твердому согласному.

БЕЗУДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Безударные гласные отличаются от ударных количественно и качественно. Отличия количественные заключаются в том, что безударные гласные обычно короче ударных и произносятся с меньшей силой. Качественные отличия — это отличия в тембре. В связи с этим ударные

гласные называют гласными полного образования, безударные — редуцированными гласными.

Существует различие и между безударными гласными, что обусловлено их местом по отношению к ударению и положением в слове. А. А. Потебня предложил формулу, условно оценивающую в единицах силу ударных и безударных слогов. Сила ударного гласного соответствует 3 единицам, гласного первого предударного слога — 2, других безударных слогов — 1: *беспорядок* [б'и³спа³р'адек] — 1-2-3-1; *переподготовка* [п'и³р'и³педга³тофке] — 1-1-1-2-3-1; *вынужденный* [вы³нужд'и³ны³] — 3-1-1-1.

Сила безударного гласного зависит также от следующих условий. Неприкрытый слог равен первому предударному: *атаковать* [а³тека³ват'] — 2-1-2-3; *наоборот* [не³а³ба³рот] — 1-2-2-3; *аист* [аи³ст] — 3-2. Сила заударного конечного открытого слога колеблется, она может равняться 1 и 2 единицам: *шапка* [ша³пке] — 3-1 и [ша³пка³] — 3-2. Безударные гласные, оценивающиеся в 2 единицы, — это редуцированные 1-й степени, оценивающиеся в 1 единицу — редуцированные 2-й степени.

Чередование ударных и безударных гласных

Фо- немы	В ударном слоге			В безударных слогах				
	в не- при- кры- том	после твер- дого согл.	после мяг- кого согл.	в не- при- кры- том	после твер- дого согл.		после мягкого согл.	
					реду- цир. 1-й степ.	реду- цир. 2-й степ.	во всех слогах, кроме ко- нечного открытого	в конеч- ном откры- том
	1	2	3	4	5	6	7	8
/у/	у	у	у	у	у	у	у	у
/и/	и	ы	и	и ³	ы ³	ы ³	и ³	и ³
/э/	э	е	э	и ³	ы ³	е	и ³	и ³
/о/	о	о	о	а ³	а ³	е	и ³	э
/а/	а	а	а	а ³	а ³	е	и ³	э

Качественные различия между ударными и безударными гласными обусловлены тем, что безударные гласные артикулируются менее энергично, чем ударные. Язык занимает положение, более близкое к нейтральному, в кото-

ром он находится во время речевой паузы. Так, при произнесении безударных гласных верхнего подъема язык не доходит до крайнего верхнего положения. Безударные [и], [ы] можно точнее обозначить как [и°], [ы°]: [в°и°тр°йна°], [сы°ры]. При произнесении [а] в первом предударном слоге язык не доходит до крайнего нижнего положения, более точное его обозначение [а°]: [тра°ва]. Во втором предударном слоге звуку [а] соответствует [ə], при образовании которого язык занимает среднее по вертикали положение в полости рта: [непа°да́т°].

В таблице не учтено влияние следующего за гласным мягкого согласного, оно проявляется в продвижении конечной фазы гласного вперед и/или вверх и обозначается в транскрипции точкой справа сверху от буквы.

/у/ (1) [у́]чит, на[у́]чит — (2) от[у́]чен — (4) [у]чи́ть, [у]чени́к, на[у]чи́ть, вы[у]чи́ть — (5) от[у]чи́ть — (6) от [у]чени́ка; (2) п[у]ск — (5) п[у]ска́ть — (6) п[у]сковой, вып[у]ск; (3) ч[у́]до — (7) ч[у]да́к, ч[у]даки; (2) нес[у́] — (3) крич[у́] — (6) кра́ш[у] — (8) пряч[у]; (3) плач[у́] — (8) выпл[у́]ч[у];

/и/ (1) [и́]гры, на[и́]гранный — (2) с[и́]гран — (4) [и°]гра́, [и°]гроки́, на[и°]гра́ть, на[и°]грыш — (5) с[и°]гра́ть — (6) с[и°]гроко́м; (2) с[и́]пать — (5) выс[и°]па́ть — (6) вы́с[и°]пать; (2) ш[и́]рь — (5) ш[и°]ро́кий — (6) ш[и°]ро́та; (2) беж[и́]т — (3) сид[и́]т — (6) слыш[и°]т — (7) хо́д[и°]т; (3) любв[и́] — (8) обув[и°];

/э/ (1) [э́]тика — (4) [и°]ти́ческий, [и°]тике́т; (1) по[э́]т — (4) по[и°]ти́ческий; (2) мод[э́]ль — (5) мод[и°]лье́р — (6) мод[э°]лиро́вка; (2) т[э́]нис — (6) т[э°]нисист; (2) ш[э́]сть — (5) ш[и°]сти́ — (6) ш[э°]стьдеся́т; (2) скреж[э́]щет — (5) скреж[и°]та́ть — (6) скре́ж[э]т; (3) д[э́]ло — (7) д[и°]ла́, д[и°]лово́й, вы́д[и°]лка; (2) лж[э́]ц — (3) му́др[и°]ца́ — (5) лж[и°]ца́ — (6) землепа́ш[э]ц — (7) му́др[и°]ца́, ста́р[и°]ц; (3) стен[и°] — (8) ва́нн[и°];

/о/ (1) [о́]браз — (2) без[о́]бразный — (4) [а°]бра́зчик, [а°]бразова́ние, пре[а°]бразова́ть — (5) без[а°]бра́зный — (6) из[э]брази́ть; (2) д[о́]м — (5) д[а°]ма́ — (6) д[э]мово́й, на́ д[э]м; (2) канц[о́]на — (5) канц[а°]не́тта; (3) т[и°]мно́й — (7) т[и°]мно́, т[и°]мно́та, за́т[и°]мно; (2) дуб[о́]вый — (3) парч[и°]во́й — (5) бок[а°]во́й — (6) га́з[э]во́й — (7) тен[и°]во́й, сире́н[и°]во́й; (3) бель[и°] — (8) пол[и°]о́;

/а/ (1) [а́]дрес, за [а́]дресом — (2) от [а́]дреса — (4) [а°]дресова́ть, пере[а°]дресова́ка — (6) от [э]дреса́та; (2) с[а́]д — (5) с[а°]ды́ — (6) с[э]дово́д, вы́с[э°]дить; (2) ш[а́]р — (5) ш[а°]ры́ — (6) ш[э]рово́й; (2) ж[а́]ть — (6) вы́ж[э°]ть; (3)

п[ʼá]тый — (7) *п[иʰ]тáк*, *п[иʰ]тáчóк*, *нá п[иʰ]тý*; (2) *чуж[á]к* — (3) *земл[ʼá]к* — (5) *чуж[аʰ]кá* — (7) *земл[иʰ]кá*; (3) *кон[ʼá]* — (8) *óкун[ʼə]*.

В некоторых позициях и в некоторых аффиксах существуют варианты произношения гласных, которые рассматриваются в числе орфоэпических норм.

§ 145. Чередования согласных звуков

ЧЕРЕДОВАНИЕ ЗВОНКИХ И ГЛУХИХ СОГЛАСНЫХ

1. На конце слова перед паузой звонкие шумные заменяются глухими: *ду[б]ы* — *ду[п]*, *дрó[бʼ]и* — *дро[пʼ]*, *дро[в]á* — *дро[ф]*, *крó[в]и* — *кро[фʼ]*, *но[г]á* — *но[к]*, *стá[д]о* — *ста[т]*, *бý[дʼ]ишь* — *бу[тʼ]* (*будь*), *кó[ж]а* — *ко[ш]*, *рó[з]а* — *ро[с]*, *мá[зʼ]и* — *ма[сʼ]*, *до[жʼ:]и* — *до[шʼ]*. Такая же мена звуков происходит при отсутствии паузы перед словом, начинающимся с гласного, сонорного и [в], за которым следует гласный или сонорный: *вя[с] упáл* (*вяз*), *дру[к] мой* (*друг*), *гри[п] валýй* (*гриб*), *во[с] внизу* (*воз*).

2. В русском языке не может быть сочетания шумных согласных, не одинаковых по глухости/звонкости, кроме глухих согласных перед [в], [вʼ].

Перед глухими звонкие заменяются глухими, возникает сочетание глухих согласных: *скá[з]очка* — *скá[с]ка* (*сказка*), *лó[ж]ечка* — *лó[ш]ка* (*ложка*), *о[б]рубíть* — *о[п]теcáть*, *по[д]нóс* — *по[т]пóрка*, *колдо[в]áть* — *колдо[ф]скóй*, *готó[вʼ]ите* — *готó[фʼ]те*.

Перед звонкими глухие заменяются звонкими, возникает сочетание звонких согласных: *про[сʼ]и́ть* — *про́[зʼ]ба*, *моло[тʼ]и́ть* — *моло[дʼ]бá*, *та[к]бóй* — *тá[г]же*, *[с]мы́ть* — *[з]дуть*, *о[т]разíть* — *о[д]грузи́ть*, *áл[чʼ]ный* — *áл[дʼжʼ]бá* (*алчба*), *свер[х]урóчный* — *свер[γ]звукóй*. Эта закономерность действует и на стыке слов при отсутствии паузы: *[к]мóрю* — *[г]дóму*; *о[т]отцá* — *о[д]брáта*; *отне[с]лá* — *отнё[з]бы*; *чéре[б]* *большóй* (*черепа*); *шка[в]* *закрýли* (*шкаф*); *мо[γ]* *зелёный* (*мох*).

Перед [в] замена глухого согласного звонким происходит только тогда, когда после [в] произносится звонкий шумный: *[з]вдовóй* (ср.: *[с]врачóм*, *[с]вáми*); *о[д]взгáдов* (ср.: *о[т]влáсти*, *о[т]ворóт*); *[г]вздóхам* (ср.: *[к]внýку*, *[к]вы́бору*); *ва[ж]взор* (ср.: *ва[ш]враг*, *ва[ш]возраст*).

3. Сонорные согласные на конце слова и перед глухими могут факультативно заменяться полуглухими или глухими. На конце слова такие глухие произносятся чаще

всего после глухих: *смот*[р], *вих*[р'], *смыс*[д], *вол*[д'], *рит*[м], *пес*[н']. Такие же звуки возможны в начале слова перед глухими: [р]*туть*, [д']*стить*, [м]*стить*, [м]*ха*. В этих же позициях могут произноситься и неоглушенные сонорные, но они тогда развивают дополнительную слоговость: *шиф*[р], *мыс*[д'], [р]*та*, [м]*чаться*. В середине слова перед глухими согласными сонорные также могут иногда оглушаться: *заде*[рш]*ка* (*заде́ржка*), *мо*[рш] (*морж*), *по*[р]т, *по*[д]з, *те*[м]н, *ба*[н]к.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

Перед некоторыми мягкими согласными некоторые твердые заменяются мягкими. Так, внутри слова обычно твердые зубные заменяются мягкими перед мягкими зубными: *ли*[ст] — *ли*[с'т']*ья*, *мя*[с]о — *мя*[с'н']*ик*, *е*[зд]а — *е*[з'д']*ить*, *гла*[з]а — *гла*[з'н']*ик*, *цве*[т]ы — *цве*[т'н']*ик*, *о*[тр]ывок — *о*[т'т']*енок*, *ро*[дн]ой — *ро*[д'н']*ее*, *по*[дб]орка — *по*[д'д']*елка*. Перед [ч'], [ш'] звук [н] обычно заменяется [н']: *щелк*у[н] — *щелк*у[н'ч']*ик*, *ви*[нт] — *зави*[н'ч']*ивать*, *ба*ке[н] — *ба*ке[н'ш']*ик*, *вой*[н]а — *вое*[н'ш']*ина*. Это позиционное фонетическое чередование, но оно знает исключения, оно позиционно прикрепленное. Поэтому оно рассматривается в разделе «Орфоэпия».

ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНЫХ ПО МЕСТУ И СПОСОБУ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Перед передненёбными шумными согласными зубные шумные заменяются передненёбными: [с] *ка́шкой* — [ш] *ша́шкой* — [ш'] *ча́шкой*, *бе*[з] *отца́* — *бе*[ж] *жены́*, *о*[т] *па́ра* — *о*[ч] *ша́ра*.

2. Зубной [н] перед заднеязычными согласными, после которых обычно следуют и другие согласные, заменяется заднеязычным [н]: *ко*[н]тóra, но *ко*[н']грéсс; *фу*[н]т, но *фу*[н']кция, *фра́*[н]ция, но *фра́*[н']жский.

3. Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами: *о*[ц]сы́пать (*отсы́пать*), *пя*[ц']ся (*пяться*), *о*[ч']щипну́ть (*отщипну́ть*), *ве*[ч]ша́ть (*ветша́ть*). Понять это легко. Последняя фаза взрывного — резкий и достаточно широкий отход сомкнутых органов речи один от другого. Но перед щелевым того же места образования этого не происходит. После смычки активный орган речи (уже готовясь к образованию следующего щелевого) лишь слегка отодвигается от пассивного.

создавая узкую щель. Образуется аффриката. Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: *де[ц]сад, бра[ц] Саша, бу[ц]сы*; [т'] перед [с'] меняется на [ц']: *ме[ц']ся, ля[ц'] селёдок*. Точно так же и [д] перед [з] меняется на [дз]: *на[дз]зор, по[дз]зуживать*; [д'] перед [з'] меняется на [д'з']: *на[д'з']зиратель, ля[д'з'] земли*.

В позиции перед [ш], [ж] звуки [т], [д] по предыдущему закону заменяются передненёбными (кончик языка прижимает не к зубам, а к альвеолам), в результате чего образуются передненёбные твердые аффрикаты [ч], [дж]: *о[ч]шибить (отшибить), млад[ч]шая (младшая), по[дж]жилки, та[дж]жик, о[дж]жать (отжать)*. Перед [ш'] происходит замена взрывного мягкой аффрикатой: [ч'] *щётно (тщётно)*, *о[ч'ш']итать (отсчитать)*, [ч'] *щерь (дщерь)*.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ДОЛГИХ И КРАТКИХ СОГЛАСНЫХ

Долгие согласные звуки реализуют сочетания фонем: *ка[с:]а — ка/сс/а, лу[н:]ая — лу/нн/ая, во[ш':]ик — во/зч'/ик, по[ж':]е — по/эж/е*. Долгие согласные могут находиться в начале слова перед гласным: *вооз, ссóra, щу́ка* — или между гласными: *Анна, во́жжи*. На стыке приставки и корня долгие согласные встречаются и перед согласным: *во[з:]ва́ние, ра[ш:]вы́рать, о[тт']руби́ть*.

В других позициях долгий согласный теряет свою долготу, т. е. замещается кратким согласным:

1) на конце слова: *ва́[н:]а — ва[н] (ванн), ма́[с:]а — ма[с] (масс), су́[м:]а — су[м] (сумм), пла́[ш':]и — пла[ш'] (плащ)*;

2) рядом с согласным: *програ́[м:]а — програ́[м]ный (программный), ру́[с:]кий (русский), францу́[с:]кий (французский), мо́[ш':]и — мо́[ш']ный (мощный)*. В некоторых случаях эта закономерность отражается и на письме: *колонна — колонка, оперетта — оперетка, финны — финка, финский*.

Производным от этого закона является закон: в русском языке не может быть согласных более чем двойной долготы. Три одинаковых согласных стягиваются до двух: *ссора́ться — рассу́риться* из *рас- + ссориться*, *оде́сский* от *Оде́сса* при помощи суффикса *-ск-*, *ва́нная* из *ва́нн-н-ая*;

3) возможно чередование долгих и кратких согласных и в позиции между гласными в зависимости от положения после ударного гласного или в других положениях: *програ́[м:]а — програ́[м']ировать (программировать), прогре́[с:]а — прогре́[с']ивный (прогрессивный), либрé[тт]о — либрé[т']ист (либреттист), Маро́[кк]о — маро́[к]анский (марокканский), свяще́[н:]ый — пресы́ще[н]ый (пресыщен-*

ный). Это чередование не имеет строгой обязательности, поэтому оно рассматривается в разделе «Орфоэпия».

ЧЕРЕДОВАНИЕ СОГЛАСНЫХ С НУЛЕМ ЗВУКА

1. Обычно не произносятся [т], [д] ([т'], [д']) между зубными согласными [с] — [ц] и [н] — [н]:

[с] — [ц]: *крес[т]а́ — крес[-]ца́ (крестца), уз[д]а́ — под уз[-]ца́ (под уздцы); бода́[тц]а (бодаться), несё́[тц]а (несётся) — грыз[ц]а (грызться), уда́с[ц]а (удастся);*

[н] — [н]: *тала́н[т']ец — тала́н[-]ца (талантца), голла́н[д']ец — голла́н[-]цы.*

Не произносится также [д] ([д']) и между [р] — [ц], [р] — [ч']: *сер[д']ёчный — се́р[-]це (сердце), сер[-]чишко (сердчишко).* Не произносится также [л] перед [нц]: *со[л]нечный — со[-]нце (солнце).*

В этих сочетаниях чередование [т], [т'], [д], [д'], [л] с нулем звука обязательно. В других подобных сочетаниях строгой обязательности нет, в отдельных словах она может нарушаться. Поэтому они рассматриваются в числе орфоэпических норм.

2. Фонемы /с/, /з/ перед [ш':] реализуются нулем звука: [с] *несча́стным — [-] [ш':]астли́вым (с счастливым), ра[с]толка́ть — ра[-]щепи́ть (расщепить), и[з] отве́рстия — и[-] щё́ли (из щели; произносится так же, как и щели), чере[з] доро́гу — чере[-] щёбе́нку.* Эта закономерность связана с тем, что в русском языке не может быть согласных тройной долготы (см. выше). Здесь же [с], [з] перед [ш':] заменяются на [ш'] и в результате [ш'] перед [ш':] не произносится.

3. После гласного перед [и], [и'] фонема /j/ реализуется нулем звука: *мой /моj/ [мои́] — моя /моја/ [ма'ја́] — мои /моји/ [ма'и́]; строй / $\frac{с}{3}$ троj/ [строи́] — строю / $\frac{с}{3}$ троју/ [стро́ю] — строит / $\frac{с}{3}$ троjit/ [строи́т].*

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 146. Состав гласных фонем

В языке столько фонем, сколько звуков в одних и тех же сигнификативно сильных позициях. В большинстве случа-

ев выделение фонем не представляет трудностей. Нет сомнения, что в русском языке есть фонемы /и/, /э/, /о/, /а/, /у/, они встречаются в сильной позиции в огромном количестве слов. Но как быть, если звук в сильной позиции встречается в одном только слове, или в редких словах, или в словах, принадлежность которых русскому языку сомнительна? Среди лингвистов здесь нет единства во взглядах.

Звук [ы] в абсолютно сильной позиции, т. е. под ударением в начале слова, бывает только в названии буквы ы и в производных от него узкоспециальных терминах *ыкать*, *ыканье*. В географических атласах можно встретить такие названия, как *Ыгыатта*, *Ыйсон*, *Ынычанский*, *Ытык-Кюль* и др. с начальным безударным [ы]. На этом основании представители Петербургской (Ленинградской) фонологической школы выделяют фонему /ы/.

Многие другие лингвисты, в том числе представители Московской фонологической школы, выделяют в русском литературном языке только фонемы /и/, /э/, /о/, /а/, /у/.

Топонимы с начальным *Ы* не являются словами русского языка, и по ним нельзя судить о русской фонетической системе. Что же касается названия буквы ы и слов *ыкать*, *ыканье*, то решение может быть следующее.

В русском литературном языке выделяется несколько фонетических подсистем: общеупотребительных слов, не-общеупотребительных (редких) слов, слов сложной структуры, междометий, служебных слов. Каждая из этих подсистем характеризуется своими фонетическими закономерностями. Так, в подсистеме общеупотребительных слов с элементарной структурой [о] может быть только под ударением, в безударных слогах на его месте выступают [а⁰], [э]: *г[о]д — г[а⁰]да — г[э]довóй*. В других подсистемах [о] может быть и без ударения: например, в редком слове *боá* [боá]; в междометии *о-хо-хó!* [охохó]; в союзе *то ... то: т[о] и, т[о] он*, в слове сложной структуры *д[о]перестрóечный*. Бывают и такие звуки, которые не представлены в общеупотребительных словах в сильной позиции. Например, есть междометие, передающее сожаление и выражаемое щелкающим звуком, возникающим при всасывании воздуха и отрыве кончика языка от зубов: *ц-ц-ц!* Есть частица, передающая отрицание: *не-а*. Есть с таким же значением и частица, состоящая из двух гласных типа [э], перед которыми происходит резкое смыкание голосовых связок: [ʔэ-ʔэ]; гласные эти носовые: воздух проходит через ротовую и носовую полости.

Названия букв (в том числе и название буквы *ы*) — это термины. У терминов своя фонетическая подсистема. Так, слово *фонема* можно произнести с [о]: [фонэма^о], это допускается законами фонетической подсистемы редких слов, куда относится и терминология. Но эти закономерности нельзя распространять на другие фонетические подсистемы.

Редкие слова, термины, междометия — это тоже слова русского языка. Поэтому на вопрос о том, есть ли в русском языке фонема /ы/, противопоставленная другим гласным фонемам, следует ответить: есть, но только в фонетической подсистеме общеупотребительных слов. В фонетической подсистеме общеупотребительных слов пять гласных фонем: /и/, /э/, /о/, /а/, /у/.

§ 147. Состав согласных фонем

Выделение большей части согласных фонем не представляет трудности: /п/ — /п'/ — /б/ — /б'/ — /ф/ — /ф'/ — /в/ — /в'/ — /м/ — /м'/ — /т/ — /т'/ — /д/ — /д'/ — /с/ — /с'/ — /з/ — /з'/ — /ц/ — /н/ — /н'/ — /л/ — /л'/ — /ш/ — /ж/ — /ч/ — /р/ — /р'/ — /й/ — /к/ — /г/ — /х/ — 32 фонемы. Столько разных звуков выступает в сильной позиции, например, перед ударным [а] в словах [па]р, [п'а]тый, [ба]с, [б'а]зь, [фа]кт, гра[ф'а] (деепртч.), [ва]л, [в'а]лый, [ма]к, [м'а]та, [та]к, [т'а]нут, [да]р, [д'а]дя, [са]д, [с'а]ду, [за]л, [з'а]ть, [ца]рь, [на]ш, [н'а]ня, [ла]па, [л'а]мка, [ша]р, [жа]р, [ч'а]с, [ра]д, [р'а]д, [ја]д, [ка]мень, [га]з, [ха]та.

Существуют спорные вопросы в определении состава согласных фонем.

1. Звуки [к], [г], [х] чередуются с [к'], [г'], [х']: *ре[к]а́, ре[к]о́й, ре[к]у́, ре[к] — ре[к']у́, ре[к']е́; ду[г]а́, ду[г]о́й, ду[г]у́ — ду[г']у́, ду[г']е́; со[х]а́, со[х]о́й, со[х]у́, со[х] — со[х']у́, со[х']е́*. Звуки [к'], [г'], [х'] выступают перед [и], [э], в остальных позициях — [к], [г], [х]. Чередование можно рассматривать как фонетическое позиционное и считать, что [к], [к'] воплощают одну фонему /к/, [г], [г'] — /г/, [х], [х'] — /х/.

С другой точки зрения [к'], [г'], [х'] воплощают фонемы /к'/, /г'/, /х'/, противопоставленные /к/, /г/, /х/. Основания таковы. Звук [к'] перед [о], [а] выступает в формах слова *ткать*: *т[к'о]шь, т[к'о]т, т[к'о]м, т[к'о]те, т[к'а]*. Правда, это только одно старое исконно русское слово, но оно относится к числу общеупотребительных. Уже этого

одного слова достаточно для того, чтобы считать, что в фонологической системе русского языка /к/—/к'/ противопоставляются в одной и той же позиции — перед фонемами /о/, /а/: [кo]т — т[к'o]т, т[ка]ть — т[к'a].

Кроме того, [к'] перед [о], [у] встречается в вошедших в русский язык заимствованных словах, в том числе и широко распространенных: *бракёр, ликёр, хроникёр, кювет, кюрэ, маникюр* и др.

Еще одно основание считать, что [к] и [к'] возможны в одной и той же позиции и, следовательно, воплощают фонемы /к/ и /к'/, — создание в русском языке слов *киоскёр, паникёр* из заимствованных во французском языке корня и суффикса (эти слова отсутствуют во французском языке). Созданные в языке неологизмы с сочетаниями звуков, не встречающихся до этого времени в остальных словах, свидетельствуют о сформировавшейся уже в языке такой фонетической закономерности.

Звук [г'] перед [у], [о] встречается только в словах необщепотребительных: *гюйс, гюрза*, именах собственных: *Гюго, Гёте, Гюльсары*. Но, во-первых, законы звуковой сочетаемости распространяются на все звуки одного класса. Из того, что [к]—[к'] противопоставлены в одной позиции, следует, что такая возможность существует в русском языке и для других заднеязычных: [г]—[г'] и [х]—[х']. Во-вторых, об этом же могут свидетельствовать авторские неологизмы. В одном из писем композитор и музыкальный критик А. Н. Серов писал: «Ведь был же я доволен и «Майской ночью», хотя там швахятины было несравненно больше». Слово *швахятина* образовано автором от нем. schwach 'слабый' по модели *кислятина, серятина* и т. п.

В русском языке появились слова с сочетанием твердых заднеязычных перед [э] и таким образом возникла еще одна позиция, где могут противопоставляться [к], [г], [х] и [к'], [г'], [х']: [кэ]б — [к'э]бр, [гэ]с — [г'э]рб, [хэ]ллиэнд — [х'э]к.

Все это свидетельствует о том, что [к'], [г'], [х'] воплощают особые фонемы /к'/, /г'/, /х'/.

2. Существуют разные точки зрения на то, какие фонемы воплощают звуки [ш':], [ж':] в таких словах, как [ш':]и, [ш':]юка, [ш':]астье, ра[ш':]ёт, во[ш':]ик, шиля[ш':]ий и др., ви[ж':]ать, во[ж':]и, дро[ж':]и, до[ж':]и, е[ж':]и, со[ж':]ённый и др. Широко распространено мнение, что эти звуки представляют особые фонемы, обозначаемые как /ш':/, /ж':/ (/ш'/, /ж'/), или /ш'/, /ж'/, или /щ/, /ж/. С другой точки зрения эти звуки представляют сочетания фонем.

Некоторые лингвисты, рассматривающие [ш':] как воплощение одной фонемы, указывают, что [ш':] может в отдельных случаях представлять сочетания фонем: /шч'/ — *веснушчатый* (с /ш/ и /ч'/ на стыке морфем, ср. *весну/ш/ка* и *узор/ч'/атый*), /жч'/ — *перебежчик* (ср. *перебе/ж/ать* и *лёт/ч'/ик*), /сч'/ — *песчинка* (ср. *пе/сок/*, *пе/ск/а*, *пе/соч'/ек* и *горь/к/о* — *гор/ч'/инка*), /с'ч'/ — *разносчик* (ср. *разно/с'/ить*), /зч'/ — *навязчивый* (ср. *навя/з/ывать* и *вспыль/ч'/ивый*), /з'ч'/ — *возчик* (ср. *во/з'/ить*). (На месте сочетаний *стч*, *здч* в таких словах, как *жестче*, *оснастчик*, *бороздчатый*, *объездчик*, две фонемы, так как в соответствии с *т*, *д* — нуль фонемы.)

Эти сочетания фонем идентифицируются на основании чередований со звуками в сигнификативно сильных позициях. В сигнификативно слабой позиции, когда последней фонемой сочетания является /ч'/, они нейтрализуются в сочетании [ш'ш']. Фонема же /ш'/ постулируется для случаев, где отсутствуют такие чередования. Иначе говоря, /ш'/ оказывается всегда в непроверяемой сигнификативно слабой позиции. Между тем наличие особой фонемы в языке определяется только по сигнификативно сильной позиции. Таким образом, решение о выделении фонемы /ш'/ содержит существенные внутренние противоречия и от этого решения следует отказаться.

Лингвисты, предлагавшие считать [ш'ш'] всегда воплощением двух фонем, определяли эти фонемы как /сч'/ или /шч'/ . На основании вышесказанного следует в тех морфемах, где невозможна проверка ввиду отсутствия чередования [ш'ш'] с сочетаниями других согласных звуков (*щель*, *щит*, *пощада*, *ящик*, *счастье*, *расчёт*, *шипящий* и т. п.), видеть сочетание гиперфонемы, выступающей на месте всех зубных и передненёбных щелевых фонем (кроме /л/, /л'/), т. е. /с|с'|з|з'|ш|ж/, с фонемой /ч'/.

О том, что последней фонемой в этом сочетании является /ч'/, свидетельствуют все случаи проверки фонемного содержания [ш'ш'] различными указанными выше чередованиями. Об этом же говорит следующее. На стыке приставки и корня, предлога и следующего слова, реже на стыке двух самостоятельных слов (*расчесать*, *бесчерепные*, *с чем*, *без чего*, *голос часового* и т. п.) наряду с [ш'ш'] может (реже или чаще) произноситься [ш'ч']. При этом на протяжении последнего столетия идет постепенное расширение произношения [ш'ш'] за счет [ш'ч']. Во всех этих случаях данным звуковым сегментам соответствуют две фонемы, вторая из них /ч'/.

Звук [ж':], или, точнее, сочетание [ж'ж'], тоже можно рассматривать как бифонемное со второй фонемой /ж/. В некоторых морфемах чередования указывают на первую фонему /з/ — *по[ж'ж']е позже* (ср. *опо/з/дать*, *по[зв]о и твёрдо — твёр/ж/е*; [д] чередуется с [ж'], перед которым [з] заменяется [ж']), /ж/ — *за[ж'ж']ёт зажжёт* (ср. *за/ж/гу и лгу — л/ж/ёт*), гиперфонему / $\frac{з}{3}$ / — *ви[ж'ж']ать визжать* (ср. *ви/ $\frac{з}{3}$ /г и бег — бе/ж/ать*, [г] чередуется с [ж'], перед которым [з] заменяется [ж']), / $\frac{з}{3}$ / — *е[ж'ж']у езжу* (ср. *е/ $\frac{з}{3}$ /дить*). В ряде случаев подобные чередования отсутствуют — *во[ж'ж']и вожжи*, *дро[ж'ж']и дрожжи*, *жу[ж'ж']ать жужжать* и др. В этих случаях первый [ж'] воплощает гиперфонему /с|с'|з|з'|ж/.

В современном русском литературном языке [ж'ж'] может произноситься только в некоторых корнях. Это произношение постепенно заменяется произношением твердых [жж], господствующим в младшей норме. Наряду с *во[ж'ж']и*, *ви[ж'ж']ать*, *дро[ж'ж']и*, *е[ж'ж']у*, *за[ж'ж']ёт* и т. п. существует и произношение *во[жж]и*, *ви[жж]ать*, *дро[жж]и*, *е[жж]у*, *за[жж]ёт* и т. п. На стыке же морфем на месте сочетаний /зж/, /сж/, /жж/, /шж/ возможно произношение только твердых звуков, обычно [жж]: *разжевать*, *сжечь*, *межжаберный*, *без жира*, *с жадностью*, *мышь же убежала* и т. п.

Различия в реализации одних и тех же сочетаний фонем объясняются следующим. В древнерусском языке все шипящие были мягкими, а затем щелевые (в некоторых говорах и [ч']) постепенно отвердевали. Этот процесс шел неодинаково в разных позициях: дольше сохранялась мягкость шипящих рядом с мягкими согласными. Звук [ш'] в литературном языке до сих пор сохраняет мягкость перед [ч'] и заменяющим его [ш']. Мягкость [ж'] дольше всего сохранялась в сочетании с другим [ж'], т. е. в сочетании [ж'ж']. Но и в этом сочетании она давно стала утрачиваться, захватив сначала позицию на стыке морфем и позднее проникнув внутрь корня. Произношение [ж'ж'] в современном русском литературном языке — последние остатки былой мягкости звонкого шипящего, которая вытесняется произношением [жж] уже и в корнях.

Разная реализация одной и той же фонемы в этих положениях объясняется тем, что в русском языке фонетические процессы по-разному протекают на стыке приставки и корня, предлога и следующего слова и внутри корня. Некоторые процессы начинаются внутри морфем, позднее

они происходят на стыке приставки и корня, предлога и следующего слова. Такова прогрессивная ассимиляция [ш'ч'] > [ш'ш']. Некоторые процессы на стыке морфем начинаются и заканчиваются раньше, чем внутри корня. Таково изменение [ж'ж'] > [жж]. Подобным образом идет в современном русском языке и процесс отвердения первого согласного в сочетании мягких согласных (см. §156).

Объясняется это тем, что фонемный состав начала слова или корня лучше, чем в середине слова, осознается говорящими, которые стремятся реализовать эти фонемы их доминантами.

Следовательно, в русском языке выделяются 35 согласных фонем.

§ 148. Подсистема гласных фонем

Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно сильных позициях проявляются в их дифференциальных признаках (см. § 140). Взаимоотношения гласных фонем в сигнификативно слабых позициях могут быть показаны в таблице.

Позиции в безудар- ных слогах	Фонемы				
	/у/	/и/	/э/	/о/	/а/
1. ГГ, #Г	[у]	[и [°]]		[а [°]]	
2. СГ в 1-м п/у слоге	[у]	[ы [°]]		[а [°]]	
3. С'Г#	[у]	[и [°]]		[э]	
4. СГ, кроме 1-го п/у слога	[у]	[ы [°]]	[э]		
5. С'Г, кроме С'Г#	[у]	[и [°]]			

Позиции в безударных слогах: 1 — в неприкрытом слоге, 2 — после твердого согласного в первом предударном слоге, 3 — после мягкого согласного в конечном открытом слоге, 4 — после твердого согласного во всех слогах, кроме первого предударного, 5 — после мягкого согласного во всех слогах, кроме конечного открытого.

В сигнификативно сильной позиции различаются пять гласных фонем, в позициях 1–4 различаются три гласных звука, а в позиции 5 — два. Это сигнификативно слабые позиции для /и/, /э/, /о/, /а/, в соответствии с ними здесь выступают архифонемы, у которых различительная способность снижена. Сигнификативно сильной для всех гласных фонем является позиция под ударением. Для фонемы /у/ все позиции сильные: она не нейтрализуется ни с одной фонемой.

§ 149. Подсистема согласных фонем

Дифференциальными признаками, характеризующими подсистему согласных фонем, являются место и способ образования, глухость/звонкость, твердость/мягкость. Различие между сонорными и шумными согласными звуками для всех фонем является признаком интегральным.

Согласные русского языка образуют две основные корреляции фонем, в которые входят фонемы, противопоставленные по признакам глухости/звонкости и твердости/мягкости. По этим признакам фонемы соотносятся следующим образом:

/п/-/б/ /ф/-/в/ /т/-/д/ /с/-/з/ /к/-/г/ /ш/-/ж/
 /п'/-/б'/ /ф'/-/в'/ /т'/-/д'/ /с'/-/з'/ /к'/-/г'/
 /м/ /л/ /н/ /р/ /х/ /ц/ /й/
 /м'/ /л'/ /н'/ /р'/ /х'/ /ч'/

22 фонемы составляют 11 пар по глухости/звонкости, остальные 13 фонем внепарные по этому признаку; 32 фонемы составляют 16 пар по твердости/мягкости, 3 фонемы внепарные по этому признаку; при этом 1 фонема внепарная по обоим признакам.

Фонема /п/ глухая, она противопоставлена по этому дифференциальному признаку звонкой /б/. В число дифференциальных признаков /ц/ не входит признак глухости/звонкости, так как нет парной фонемы, противопоставленной /ц/ по этому признаку. Представителями /ц/ в сигнификативно сильной позиции являются и глухой [ц], и звонкий [д͡з]. Глухость/звонкость — интегральные признаки [ц], [д͡з] в разных позициях. Таковы же и другие непарные по глухости/звонкости фонемы.

Таким образом, согласные фонемы обладают разными наборами дифференциальных признаков, что обусловлено разной возможностью противопоставления данной фонемы другим фонемам в подсистеме согласных фонем. Набор ДП каждой фонемы необходим и достаточен для ее идентификации, т.е. отграничения от всех остальных согласных фонем.

Парные глухие и звонкие фонемы различаются в следующих позициях:

1) перед гласным: [п]от — [б]от, [п']ел — [б']ел, [ф]аза — [в]аза, [ф']инн — [в']ин, [т]ам — [д]ам, [т']ело — [д']ело, ко[с]а — ко[з]а, [с']адъ — [з']ять, [к]ость — [г]ость, [к']ит — [г']ид, [ш]ар — [ж]ар;

2) перед сонорным согласным: [п]леск — [б]леск, [п']ю — [б']ю (пью — бью), [ф]лага — [в]лага, [т]рава — [д]рова, [с]лой — [з]лой, [к]ласс — [г]лаз, слы[ш]ной — с лы[ж]ной. Эти позиции — сильные для парных по глухости/звонкости фонем.

Парные глухие и звонкие согласные фонемы не различаются, нейтрализуются в следующих слабых позициях:

1) на конце слова: *тру*[п]а — *тру*[б]а — *тру*[п]; ко[т]а — ко[д]а — ко[т]; ко[с]а — ко[з]а — ко[с]; *лу*[к]а — *лу*[г]а — *лу*[к]; *но*[ш]а — *но*[ж]а — *но*[ш];

2) перед шумным согласным: *те*[с]ать — *тё*[с]ка (тёска), *тё*[з]ок — *тё*[с]ка (тёзка); *ска*[т]ок — *ска*[т]ку, с *ка*[д]ок — с *ка*[т]ку (кадку); ко[с']ить — ко[з']ба, *ре*[з]ать — *ре*[з']ба; *стол*[б]ы, *стол*[п]ы — *стол*[б] замётный.

Позиция перед [в] для парных по глухости/звонкости фонем может быть сильной и слабой; все зависит от того, какой звук следует после [в]: если гласный или сонорный согласный, то это сильная позиция, если шумный согласный, то слабая. Например: [т]ворец — [д]ворец, [с]верь — [з]верь, о[т] властного — по[д]властного — позиция сильная, глухие и звонкие различаются; по[д] взглядом — о[д] взгляда, по[д] вбитым — о[д] вбитого, бе[з] вдоха — [з] вдохом — позиция слабая, глухие и звонкие не различаются.

В противопоставлении согласных фонем по твердости/мягкости в современном русском языке происходят изменения. В «старшей» системе твердые и мягкие согласные различаются:

1. В позиции, сильной для всех парных по твердости/мягкости согласных фонем, — перед гласным: [пá]льцы — [п'á]льцы (пáльцы), *гру*[бá] — *гру*[б'á] (*грубá*), [ва]л — [в'á]л (в^ал), ко[тá] — ка[т'á], шо[с]сэ — ро[с'э], [но]с — [н'о]с, [мо]л — [м'о]л, го[р]ы — го[р'и], [лу]к — [л'у]к, [ко]т — т[к'о]т.

2. В позициях, сильных для части парных по твердости/мягкости согласных фонем:

1) все согласные, кроме заднеязычных, на конце слова: *то[п] — то[п']*, *бра[т] — бра[т']*, *о[с] — о[с']*, *да[л] — да[л']*, *ко[н] — ко[н']*, *жа[р] — жа[р']*;

2) зубные перед твердыми губными и перед заднеязычными: *и[зб]а́ — ре[зб]а́*, *по[см]о́тит — пи[с'м]о́*, *по[дм]а́зывать — ве[д'м]а́*; *ре[тк]ю́ — ре[т'к]а́* (редко — редька), *выта[ск']ивать — нау[с'к']ивать*;

3) /л/ — /л'/ перед всеми согласными: *мо[лв]а́ — ма[л'в]а́*, *по[лз]а́ть — по[л'з]а́*, *по[лн']е́й — во[л'н']е́й*, *мо[лч']и́ — ма[л'ч']и́*, *по[лк']и́ — по[л'к']и́*;

4) /р/ — /р'/ перед губными, зубными, заднеязычными: *го[рб]а́тый — бо[р'б]а́*, *на ко[рм']е́ — в тю[р'м']е́*, *о спó[р'т']е́ — оспó[р'т']е́*, *ве[рс']ия́ — дове[р'с']я́*, *го[рк]а́ — го[р'к]а́*, *пу[рг']и́ — се[р'г']и́*;

5) /н/ — /н'/ перед губными, твердыми зубными и щелевыми передненёбными и перед заднеязычными: *баке[нб]а́рды — го[н'б]а́*, *же[нс]кий — ио́[н'с]кий*, *афга́[нц]ы — тайва́[нц]ы*, *атама́[нш]а́ — ра́[н'ш]е́*, *ора́[нж]евый — де[н'ж]ю́нки*, *ба́[нк]а́ — ба́[н'к]а́*, *ра́[нг']и́ — де́[н'г']и́*.

Эти позиции — сильные для парных по твердости/мягкости фонем в «старшей» системе. В других позициях парные по твердости/мягкости фонемы не различаются: *ко́ло[с], ло[с'] — ко́ло[с']а́*, *ло́[с']а́*, *[с] о́строва — [с'-]а́* коря; *тру́[д]и́, гру́[д']и́ — сотру́[д'н']ик, нагру́[д'н']ик*; *оборо́[н]а́, пораже́[н']ие — оборо́[н'ч']еский, пораже́[н'ч']еский*; *ба́ке[н], ка́ме[н'] — ба́ке[н'ш']ик, ка́ме[н'ш']ик* и др.

В «младшей» системе сильными по твердости/мягкости стали все позиции; ср. различение твердых и мягких зубных перед /j/: *[сjэ]д — до[с'jэ]*, *и[нjэ]кция — ви[н'jэ]тка*; твердых и мягких губных и зубных перед мягкими зубными: *сли́[пс']я́ — сы́[п'с']я́*, *иде́[мт']е́ — эконо́[м'т']е́*, *разро́[с-с']я́ — бро́[с'с']я́*; /н/ и /н'/ перед [ч'] и [ш']: *ко[н'ч']а́ть — ви[нч']е́стер*, *Куба́[н'ш']ина́ — есе́ни[нш']ина́*; заднеязычных перед мягкими заднеязычными: *ле́[х'к']и́й — ва[кх'-]и́ческий*. Таким образом, всякий мягкий согласный звук стал представителем мягкой фонемы, а всякий твердый — твердой фонемы.

Фонемы, представленные в сильной позиции звуками [ц] и [ч'], противопоставлены всем другим фонемам по дифференциальному признаку аффрикатности. Между собой эти звуки различаются двумя признаками: [ц] зубной твердый, [ч'] передненёбный мягкий. Но для противопоставления этих фонем друг другу достаточно одного диф-

ференциального признака. Какой же признак — место образования или твердость/мягкость — является у этих фонем дифференциальным, а какой — интегральным? Решение зависит от веса этих признаков в системе. Корреляция по твердости/мягкости имеет больший вес: она включает большее число фонем, чем корреляция по зубности/передненёбности. Поэтому твердость/мягкость — дифференциальный признак фонем /ц/, /ч'/, а зубность [ц] и передненёбность [ч'] — интегральный.

Фонема /j/ не имеет пар по глухости/звонкости и твердости/мягкости, поэтому этих признаков нет в наборе ее дифференциальных признаков, она ни глухая, ни звонкая, ни твердая, ни мягкая. Перед ударным гласным она реализуется звуком [j]: я [ja], юг [juk], поём [па'jóм], победу [па'jáду]. В других позициях чаще всего /j/ реализуется звуком [и]: еда [и'дá], стая [ста'нэ], край [краи], поймать [па'имáт']. В позиции после гласного перед [и] ([и']) фонема /j/ реализуется нулем звука: свой [свои] /свој/, своим [сва'им] /својим/; маяк [ма'ják] /м^о_аják/, маяки [мэи'к'й] /м^о_аják'и/.

Среди согласных фонем есть противопоставленные и по другим дифференциальным признакам: по месту и по способу образования. Некоторые из этих фонем нейтрализуются. Так, нейтрализуются зубные и передненёбные перед передненёбными: на[ш ш]офёр увидел (нейтрализованы /с/ и /ш/ — нас и наш); отрё[ж ж]ёлтый (нейтрализованы /з/ и /ж/ — отрез и отрежь); крупн[ц]а — крупн[т']чатый, потá[ч']ка — потá[т']чик (нейтрализованы /ц/ и /ч'/). Нейтрализуются взрывные и аффрикаты перед щелевыми и аффрикатами того же места образования: спи[ц] столько, жилé[т] цыгана (нейтрализованы /т/ и /ц/ — спит и спиц, жилёт и жилец); пе[т'] часто (нейтрализованы /т'/ и /ч'/ — петь и печь).

§ 150. Фонетическая и фонематическая транскрипция

Фонетическая транскрипция может быть разной степени точности. При более точной транскрипции отмечается продвинутость гласного или его части вперед и вверх рядом с мягкими согласными: [м'ат], [ма'т'], [м'ят']; отодвинутость гласного назад: [цáп]; открытость, сдвинутость вниз безударного гласного верхнего подъема: [л'и'сá], [жы'на́];

закрытость, сдвинутость вверх безударного гласного нижнего подъема: [ва^ада́]; огубленность согласных перед огубленными гласными и согласными: [с^уп], [с^тук]; имплозивность согласных: бра́[т]ца; заднеязычность [н]: фу́[н]кция; аффрикатизированность смычных перед щелевыми: о[дз]а́висти. Признаки эти обусловлены позицией, поэтому при менее точной транскрипции они не обозначаются: [м^ат], [мат'], [м^ат'], [цэп], [л^иса́], [жына́], [вада́], [суп], [стук], бра́[т]ца, фу́[н]кция, о[д]а́висти.

Фонетическая транскрипция передает звуковой состав слова, фонематическая транскрипция передает его фонемный состав.

Чтобы получить фонематическую транскрипцию, надо сделать подробную фонетическую транскрипцию слова и отметить знаками + и – сигнификативно и перцептивно сильные и слабые позиции (сокращенно с и л). Обозначения звуков в абсолютно сильных позициях переносятся в фонематическую транскрипцию. Если позиция сигнификативно слабая, то нужно привести фонему к сильной позиции в той же морфеме и перенести обозначение доминанты этой фонемы в фонематическую транскрипцию. Если в данной морфеме это сделать невозможно, следует обозначить гиперфонему. Например:

В черной бороде его показывалась просе́дь (А. Пушкин).

п: - - +---+ +--+ + - - - + + - +---+ +---+ - - - + - -
 [ф-ч^о·о́рнез бера^ад^а·э - и^а в^о | па^аказы^авелес' п^ро^бс^ит']
 с: - + +---+ +--+ + - - + + - +---+ +---+ + + + - -
 /в ч^орној борода́э јово показив^эблас' прос^эд'/

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИКЕ

§ 151. Фонетические процессы

На известном памятнике Петру Первому в Санкт-Петербурге есть надпись: «Петру Перьвому Екатерина Вторая». *Перьвому* – это не ошибка: так говорили в XVIII в. Мягкий [р'] произносили и в таких словах, как се[р']л, ве[р']ба, уще[р']ю, ве[р']х, четве[р']г, зе[р']кало, це[р']ковь. Мягкость [р'] была обязательной в положении после /э/ перед губным или заднеязычным согласным.

На протяжении XIX в. и в начале XX в. такое произношение в литературном языке постепенно утрачивалось,

мягкий [р'] в этих словах заменялся твердым [р]. Но даже в 40-х гг. XX столетия со сцены столичного театра можно было услышать из уст актера, игравшего в «Горе от ума» Чацкого:

А тетушка? Все девушкой, Мине[р']вой?
Все фрейлиной Екатерины Пе[р']вой?

Тогда и в живой московской речи старшего поколения можно было еще встретить такое произношение. Сейчас оно уже перестало быть нормой литературного языка. Процесс изменения [р'] в [р] в позиции после /э/ перед губными и заднеязычными согласными, проходивший в литературном языке на протяжении XIX в., закончился в начале XX столетия.

В современном русском литературном языке идет процесс изменения [ж':] в [ж:]. Одни говорящие произносят во[ж':]и, дро[ж':]и, е[ж':]и, ви[ж':]ать, бры[ж':]ет, но[ж':]е и др. Другие говорящие произносят [ж':] только в части этих слов, а в других словах произносят [ж:]. Многие представители молодого поколения произносят [ж:] во всех этих словах. В связи со сменой поколений наступит эпоха, когда произношение [ж':] в литературном языке окончательно утратится.

Фонетические процессы — это изменения звуков, происходящие во времени. Они могут быть двух типов.

Одни фонетические процессы не связаны с воздействием соседних звуков. Таковы описанные изменения [р'] > [р] и [ж':] > [ж:]. Таковы же, например, процессы, связанные с р е д у к ц и е й, ослаблением звуков. Редукция может затронуть гласные. На смену оканью — произношению н[a]-н[a]да́ли, г[о]р[о]дско́й и т. п. пришло в Южном наречии, части среднерусских говоров и в литературном языке аканье — произношение н[э]н[а']да́ли, г[э]р[а']дско́й и т. п. Редукции могут подвергнуться и согласные. Так, [j] не перед ударным гласным становился менее напряженным и заменялся звуком [и].

Фонетические процессы другого типа представляют собой изменения звуков, вызванные воздействием соседних звуков. Такие процессы называются к о м б и н а т о р н ы м и. Комбинаторные фонетические процессы бывают следующих разновидностей.

А к к о м о д а ц и я — приспособление согласного к гласному или гласного к согласному.

Результатом аккомодации было огубление согласных перед огубленными гласными, в результате чего произносятся [т']ут, [р']уки, [с']он, [д']ом.

В праславянском языке заднеязычные согласные могли быть только твердыми. Если они попадали в позиции, где должны были смягчаться, то они заменялись другими звуками. Эти изменения называются палатализациями заднеязычных согласных.

1-я палатализация представляла собой изменение заднеязычных согласных в шипящие перед гласными переднего ряда: [к] > [ч'], [г] > [ж'], [х] > [ш'] (позднее [ш'], [ж'] отвердели почти во всех позициях). Этим процессом объясняется чередование [к]||[ч'], [г]||[ж], [х]||[ш] в современном русском языке: *лук* — *излучина*, *леку* — *печешь*, *могу* — *можешь*, *полагать* — *положить*, *глухой* — *глушить*, *соха* — *сошенька* и т. п.

2-я и 3-я палатализации заднеязычных представляли собой изменение заднеязычных в свистящие: [к] > [п'], [г] > [з'], [х] > [с']. 2-я палатализация проходила перед гласными *ѣ*, *и*, возникшими из дифтонгов: **kaĭna* (знак * указывает на то, что слово произносилось так еще в дописьменную эпоху) > *чѣна* (ср. лит. *kaina*), **kaĭsarĭ* > *чѣсарь* и отсюда — *царь* (ср. лат. *caesar*, нем. *Kaiser*). Ср. чередование [г]||[з'] в древнерусских словах *другъ* — *друзия*. 3-я палатализация проходила после гласных переднего ряда. Этим процессом обусловлены чередования звуков в словах *лик* — *лицо*, *черника* — *черница*, *ученик* — *ученица*, *воскликнуть* — *восклицать* и др.

Аккомодация может быть регрессивной и прогрессивной. Регрессивная аккомодация — это изменение звука под влиянием следующего звука: [ab] > [cb]. Таковы были, например, 1-я и 2-я палатализации заднеязычных согласных. Прогрессивная аккомодация — это изменение звука под влиянием предшествующего звука [ab] > [ac]. Такой была 3-я палатализация заднеязычных согласных. Примером регрессивной аккомодации гласных является их приспособление к следующим мягким согласным. Так, произносится *сп[ал]*, но *сп[а'л']и*, *ц[ар]ский*, но *ц[а'р']*. Примером прогрессивной аккомодации гласных может служить замена [и] на [ы] после твердого согласного. Так, в древнерусском языке говорили *отъ игры*, *онъ идетъ*, *братъ Иванъ*. Звук [и] выступал после звука [ъ], который в этих словах позднее перестал произноситься. Звук [и], оказавшись после твердого согласного, заменился на [ы]. Мы теперь говорим *от [ы]гры*, *он [ы]дѣт*, *брат [ы]вѣн*.

Ассимиляция — уподобление гласных гласным или согласных согласным. Ассимиляция может быть регрессивной и прогрессивной, контактной (воздействует рядом стоящий звук) и дистантной (воздействующий звук отделен другими звуками), полной (звук полностью уподобляется другому звуку) и частичной (уподобление происходит не по всем признакам). Так, слово *макулатура* мы произносим *м[у]к[у]лату́ра*; последующий [у] вызвал изменение [ə] в [у]. Это регрессивная дистантная полная ассимиляция. В древнерусском языке в слове *лодька* произносился [ъ], который затем выпал. В результате глухой [к] вызвал оглушение предшествующего [д]: *ло́[тк]а*. Это регрессивная контактная частичная ассимиляция. В слове *веснушчатый* произошла прогрессивная контактная полная ассимиляция: [ш'ч'] > [ш'ш']. Во многих южнорусских и некоторых севернорусских говорах произошло уподобление заднеязычных согласных предшествующим мягким: вместо *Вá[н'к]а*, *зб[р'к]о* и т. п. стали говорить *Вá[н'к']я*, *зб[р'к']ё*. Это прогрессивная контактная частичная ассимиляция по мягкости.

Диссимиляция — это расподобление звуков: звуки одинаковые начинают различаться, звуки неодинаковые, но совпадающие по каким-либо признакам начинают различаться и по этим признакам.

Диссимиляция бывает регрессивной и прогрессивной, контактной и дистантной. Во многих русских говорах перед взрывными согласными [п], [т], [к] взрывной [к] заменился щелевым [х]; там говорят [х] *кому́*, [х] *то́*, *до́[х]тор*, [х] *па́рню*. В древнерусском слове *февраль* (из лат. *februāris*) произошло расподобление [р] и [р']: второй звук заменился [л'] — *февраль*. Такого же происхождения просторечные *пролубь* (из *прорубь*), *колидор* (из *коридор*), *секлетарь* (из *секретарь*). Диссимиляция происходила в сочетании смычных согласных [ч'н], заменявшемся [шн] в таких словах, как *конечно́*, *скучно́*, *скворечник* и др. В праславянском языке происходила диссимиляция [*tt] > [*st]. Этим объясняется чередование [т]||[с] и [д]||[с] в глаголах *мету́* — *мести* (< *metti), *плету́* — *плести* (< *pletti), *бреду́* — *брести* (< *bretti < *bredti), а также в словах *чтить* — *честь* (< *čettь), *сладкий* — *сласть* (< *sladть), *владеть* — *власть* (< *vladть), образованных при помощи древнего суффикса -t-. Диссимиляцией вызвано просторечное произношение *а[св]áльт* (*асфальт*), *бо́[нб]а* (*бомба*), *тра[нв]áй* (*трамвай*).

Д и е р е з а — это выкидка звуков. Так, перестали произноситься звуки [т] и [д] в целом ряде сочетаний: [стн], [здн], [сте], [стд], [зтд], [нтд], [ндд] и др.: *грустный, поздно, альпинистский, шотландцы, сердце* и т. п.; выпал [j] после гласного перед [и]: *строительство* (ср. *стройка*), *твои* (ср. *твой*).

Э п е н т е з а — это вставка звуков. Вставляться могут 1) гласные между согласными: *огонь* из древнерусского *огнь*, *бобёр* из *бобр*; 2) согласные между гласными: [j] вставлялся между гласными в таких словах, как *Италия, Персия, Индия* (из *Italia, Persia, India*), в просторечных *скорпиён, шпиён, фиалка*; [в] вставляется в просторечии в таких словах, как *Родивон, Ларивон, радио, какао*; 3) согласные между согласными: [т] и [д] в диалектных и просторечных *страм, ндрав*. Этого же происхождения [т] в слове *встреча*; ср. *Сретенне*, улица *Сретенка* в Москве.

П р о т е з а — это приставка звука в начале слова. Таков протетический [в] в слове *восемь* (раньше говорили *осемь*, ср. *осьминог*), в диалектных *вострый, вутка*; [j] в диалектном местоимении *ён, ёна, ёни*; [а] в диалектном произношении *аржаной, альняной*; [г] в слове *гусеница* (древний корень здесь *-ус-*).

М е т а т е з а — это перестановка звуков. Результатом метатезы являются, например, слова *футляр* из нем. *Futtermal*, *тарелка* из *талерка* (от нем. *Teller* 'тарелка'), *Фрол* из лат. *florus* 'цветок'. В этих словах произошла перестановка *р* и *л*. Слово *ладонь* произошло из *долонь*, ср. *длань, мрамор* из лат. *marmor*, диалектное *ведмедь* из *медведь*.

Фонетические процессы не универсальные, не физиологические закономерности, они своеобразны в различных языках, каждый проходит лишь в определенную эпоху. Так, в древнерусском языке в XII—XIV вв. прошел процесс оглушения звонких шумных согласных перед глухими и на конце слова. В результате этого мы говорим *ду[б]ы, са[д]ы*, но *ду[п], са[т], ры[б]а, ука[з]ать*, но *ры[п]ка, ука[с]ка*. В украинском, английском, французском языках такого процесса не было. Украинцы говорят *ду[б], са[д], ры[б]ка, ука[з]ка*. В словах *бульдог, джаз, плед*, заимствованных из английского языка, в словах *гараж, парад, сюрприз*, заимствованных из французского, мы произносим на конце глухие согласные: *бульд[о]к, джа[с], пле[т]; гара[ш], пара[т], сюрпри[с]*. Но англичане в словах *bulldog, jazz, plaid*, французы в словах *garage, parade, surprise* произносят конечные согласные звонко.

§ 152. Исторические чередования как результат фонетических изменений

Фонетические процессы приводят к возникновению фонетических чередований. Так, следствием редукции безударных гласных, протекавшей в южнорусских и среднерусских говорах, было установление в этих говорах и в русском литературном языке чередования гласных полного образования под ударением с редуцированными гласными безударными. Оглушение в русском языке звонких согласных на конце слова и перед глухими шумными согласными и озвончение глухих перед звонкими шумными привели к чередованию звонких и глухих согласных в этих позициях.

Если впоследствии связь между чередующимися звуками и обуславливающими их фонетическими позициями исчезала, то фонетическое чередование превращалось в историческое.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

1. В современном русском письме употребляются буквы **ѣ** и **ѥ**, которые не обозначают особых звуков и особых фонем. В древнерусском письме буквы **ѣ**, **ѥ** обозначали самостоятельные фонемы. Эти фонемы воплощались в особых звуках: [ѣ] был близок к [о], а [ѥ] — к [э]. Звуки [ѣ] и [ѥ] были короче других гласных, поэтому их называют редуцированными.

В конце XI — начале XIII в. в древнерусском языке прошел процесс падения редуцированных гласных /ѣ/ и /ѥ/: эти гласные исчезли. Но их исчезновение как самостоятельных фонем происходило неодинаково в разных позициях в слове. В одних позициях звуки [ѣ], [ѥ] перестали произноситься. Так было на конце слова и перед слогом с гласным полного образования. В других позициях, например перед слогом с выпавшими [ѣ], [ѥ], звук [ѣ] перешел в [о], а [ѥ] — в [э]. Например, в древнерусских словах *сѣнѣ*, *мѣхѣ*, *рѣтѣ* конечный [ѣ] утратился, а предшествующий перешел в [о], возникли слова *сон*, *мох*, *рот*. В косвенных падежах этих слов были формы *сѣна*, *мѣха*, *рѣта*, которые изменились в *сна*, *мха*, *рта*. Так возникло чередование /о/||/ѣ/ (нуль фонемы). В древнерусских словах *дѣнь*, *вѣсь*, *тѣмь* конечный [ѥ] утратился, а предшествующий перешел в [э], возникли слова *день* [д'эн'], *весь* [в'эс'], *темь* [т'эм'], где буква **ѥ**

перестала обозначать гласную фонему и превратилась в знак мягкости предшествующей согласной. Перестал произноситься [ь] корня и в древнерусских словах *дѣня, вѣся, тѣма*. Так возникло чередование /э/||/а/ (нуль фонемы).

2. Чередование /о/||/а/: *выходит — выхаживает, сносит — снѣшивает, уловит — улавливает, отколет — откалывает, засолит — засаливает, обрабатывает — обрабатывает* и т. п. — наблюдается в глаголах: перед суффиксом *-ива-* (орфографически *-ива-, -ыва-*) /о/ меняется на /а/. В праславянском языке перед этим суффиксом происходило продление гласного, позднее долгий гласный [о] переходил в [а].

3. В праславянском языке в связи с действием закона открытого слога происходил ряд изменений. К одному из них относится возникновение носовых гласных [о^н] и [е^н]. Если сочетание гласного со следующим носовым согласным *оп, от, ен, ет, ин, им* и др. оказывалось на конце слога (перед согласным или на конце слова), то, чтобы слог стал открытым, носовой согласный исчезал, передавая свой носовой призвук предшествующему гласному. Гласный переднего ряда с носовым согласным изменялся в [о^н], гласный заднего ряда — в [е^н]. В кириллице, древней славянской азбуке, созданной в IX в., были особые буквы для носовых гласных: буква ж «юс большой» обозначала /о^н/, буква л «юс малый» — /е^н/ . В X в. носовые гласные в древнерусском языке перешли в гласные неносовые: * [о^н] > * [у], * [е^н] > * [я]. Поэтому уже в XI в. русские читали букву ж как [у], л как [я]; ср.: *зѣжъ — зубъ, сѣдъ — судъ, зѣлжъ — звукъ, рѣка — рука, несж — несу, пѣть — пять, тѣга — тяга, чѣдо — чадо, начѣло — начало, знаѣа — зная*. Но до X в. в этих словах произносились носовые гласные.

Если сочетание гласного с носовым согласным стояло перед гласным, то носовой согласный при слогоделении отходил к следующему гласному. Все слоги в этом случае были открытые, и изменения не происходило. Поэтому сочетание гласного с носовым согласным может чередоваться в современном русском языке с /у/ и /я/. Например, в слове **zvонъ* (древнерусское *звонъ*) звук [п] стоял перед гласным [ъ], оба слога были открытые, и изменения не было. В слове с тем же корнем и суффиксом -к- **zvонкъ* слоγο-раздел шел после [п], слог был закрытый, в результате чего * [он] изменилось в * [о^н], а затем в * [у]; ср. древнерусское *зѣлжъ*, современное *звук*. В слове *звенеть* был тот же древнерусский корень, но с гласным переднего ряда [е]. Сочетание * [ен] в этом слове сохранилось. Но в слове **zvenkъ*

*[en] > *[eⁿ] > *['a]: *заякъ*, ср. современные *заякать*, *заякнуть*. С историей носовых гласных связаны чередования и в таких, например, словах, как *упомянуть* — *упомянуть*, *начать* — *начинать*, *взять* — *взимать*, *обнять* — *обнимать* — *объем*, *имя* — *имени*, *теленки* — *телята* и др.

4. В современном русском языке есть чередование /'э// /'о/, ср.: *веселье* — *весёлый*, *сельский* — *сёла*, *Петя* — *Пётр*, *чёрн* — *чёрный*, *темень* — *тёмный*. Возникло это чередование в результате того, что в русском языке прошел процесс изменения ударного [э] в [о] после мягкого согласного перед твердым. Раньше эти слова произносили с [э] и перед мягким, и перед твердым согласным: *ве[с'эл']ье* и *ве[с'эл']ый*, *[с'эл']ский* и *[с'эл']а*, *[п'эт']я* и *[п'эт']р*, *[т'эм']ень* и *[т'эм']ный*. Произношение [э], не перешедшего в [о], было типично в первой половине XIX в. Ср.:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет.

(И. Крылов)

На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.

(А. Пушкин)

В современном русском языке есть отступления от фонетической закономерности [С'эС'] — [С'оС]: в одних словах [о] на месте [э] отмечается перед мягким согласным, в других словах [э], не перешедший в [о], выступает перед твердым согласным. Перед мягким согласным [о] мог появляться на месте [э] по аналогии: *зе[л'он']енький*, так как *зе[л'он']ый*, на *бе[р'оз']е*, так как *бе[р'оз']а*, *бе[р'оз']ы* и т. п. Нет перехода [э] в [о] в словах, где в эпоху этого процесса следующий за гласным согласный был мягким: *верх*, *деревня*, *отец* (*ве[р']х*, *дере[в']ня*, *оте[ц']*) и т. п. Нет этого изменения в словах, перешедших в русский язык из церковно-славянского (книжного литературного языка, имеющего в своей основе старославянский язык): *крест*, *небо*, *надежда*, *пещера*, *истекший* и т. п. (ср. русские по происхождению слова *перекрёсток*, *нёбо* (во рту), *надёжный*, *Печора*, *истёкший кровью*).

5. В современном русском языке есть много таких слов, где звук [э] под ударением после мягкого согласного перед твердым появился уже после того, как процесс перехода [э] в [о] закончился. В этих словах до 1918 г. писалась буква *ѣ* «ять», на месте которой еще в первой половине XVIII в. произносился дифтонг [йѣ]: *бег*, *белый*, *вера*, *дед*, *дело*, *клетка*.

колено, левый, лес, лето, жера, место, орех, пена, победа, свет, сено, серый, след, смех, снег, тело, тесто, хлеб, целый и др. Дифтонг [йе], представляющий особую фонему /ѣ/, в результате сокращения его первой части изменился в [э], а фонема /ѣ/ совпала таким образом с /э/, исчезнув из фонологической системы русского литературного языка. Однако во многих русских говорах эта фонема существует до сих пор.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

В современном русском языке существует ряд исторических чередований согласных, которые возникли в результате фонетических процессов, прошедших в праславянском и древнерусском языках, и в результате влияния на русский язык старославянского языка.

1. Чередование заднеязычных согласных с шипящими и свистящими /к//ч'//ц/, /г//ж//з/, /х//ш/ возникало в результате 1-й, 2-й и 3-й палатализаций. Чередование /к//ч'//ц/, /г//ж//з/, /х//ш/ возникало и в связи с изменением *k> ч', *gj> ж', xj> ш': *лекарь* — *лечу* (из *l'čkjo), *секу* — *сеча* (из *sčkja), *друг* — *дружу* (из *drugjo), *дух* — *душу* (из *duxjo), *душа* (из *duxja).

2. Звук [j] вызывал изменение и других согласных, что приводило к возникновению чередований:

1) *zj> ш'; ср. /с//с'//ш/: *коса* — *косить* — *кошу*, *поднос* — *подносить* — *подношу*, *ноша*;

*zj> ж'; ср. /з//з'//ж/: *воз* — *возить* — *вожу*, *вязать* — *вяжу*;

2) после губных согласных [j] изменился в [л']:

*bj> бл'; ср. /б//б'//бл'/: *любовь* — *любить* — *люблю*, *лесоруб* — *рубить* — *рублю*, *отсюда* и *рубль*;

*rj> пл'; ср. /п//п'//пл'/: *топка* — *топить* — *топлю*, *покупать* — *купить* — *куплю*, *купля*;

*vj> вл'; ср. /в//в'//вл'/: *улов* — *ловить* — *ловлю*, *ловля*, *править* — *правляю*;

*mj> мл'; ср. /м//м'//мл'/: *корм* — *кормить* — *кормлю*, *земной* — *наземь* — *земля*;

3) *t и *d с j давали разный результат в русском языке и в старославянском. В русском языке *tj> ч', ср. *свет* — *светить* — *свеча*, *свечение*; *хотеть* — *хочу*; *dj> ж', ср. *брод* — *бродить* — *брожение*, *водить* — *возжак*. В старославянском языке *tj> ш'т' (щ), ср. *свет* — *освещение*, *глотать* — *поглощать*; *dj> ж'д', ср. *водить* — *вождь*, *родить* — *рождение*. Так возникли ряды чередований /т//т'//ч'//шч'/, /д//д'//ж//жд//жд'/.

3. Некоторые чередования возникли в результате упрощения групп согласных, т. е. диерезы, выкиды звука:

1) *tl, *dl > л; так возникли чередования /т/||/ѳ/ и /д/||/ѳ/ перед /л/, /л'/: *мету* — *мел* (из *metlѳ), *плету* — *плел* (из *pletlѳ), *веду* — *вел* (из *vedlѳ);

2) *bn, *pn, *dn, *tn, *gn, *kn > н; так возникли чередования /б/, /п/, /д/, /т/, /г/, /к/ с /ѳ/ перед /н/, /н'/: *гибель* — *сгинуть*, *спать* — *сон* (из *сѣпати* — *сѣнѣ* < *sѣpnѳ), *кидать* — *кинуть*, *шептать* — *шепот* — *шепнуть*, *трогать* — *тронуть*, *плескать* — *плеснуть*.

4. История некоторых чередований до конца не раскрыта. Так, неясны причины возникновения чередования /н/, /н'/||/ш/: *окно* — *окошко*, *поле* — *полешко*, *гармонь* — *гармошка*, *ладонь* — *ладошка*, *баран* — *барашек*, *камень* — *камешек*, *карман* — *кармашек*, *олень* — *олешек*, *пельмень* — *пельмешек*, *ремень* — *ремешок*, *черен* — *черешок*.

§ 153. Фонетические законы

Фонетические законы бывают двух типов — синхронические и диахронические. **Синхронические** фонетические законы (*синхрония* — от греч. *syn* 'совместно' и *chronos* 'время', т. е. 'одновременность') — это законы позиционных чередований звуков, когда в одно и то же историческое время звук, выступающий в одной позиции, заменяется другим звуком в иной позиции. Таковы, например, законы чередования согласных и гласных звуков современного русского литературного языка: звонкие шумные согласные на конце слова заменяются глухими, долгие согласные звуки на конце слова заменяются краткими, ударный [о] после твердого согласного заменяется звуком [а'] в первом предударном слоге и звуком [ѳ] во втором предударном слоге и др.

Диахронические фонетические законы (*диахрония* 'разновременность' — от греч. *dia* 'через' и *chronos* 'время') — это фонетические процессы, т. е. законы изменения звуков, происходящие во времени: один звук заменяется другим звуком в той же позиции, но в более позднее время. Диахронический закон действует до тех пор, пока, во-первых, существует причина, вызвавшая языковое изменение, во-вторых, пока замена одного звука другим не охватит все слова, где для такого изменения есть условия: данный звук в этих словах находится в той позиции, в которой происходит его изменение, и, в-третьих, пока дан-

ное изменение не произойдет у всех носителей данного языка или диалекта. Когда диахронический закон заканчивает свое действие, ему на смену приходит закон синхронический.

Диахронические фонетические законы бывают двух основных типов.

1. Фонема сохраняется в языке, но меняется ее реализация.

1. Звук, представляющий данную фонему, в одной позиции не изменяется, в другой позиции заменяется другим звуком:

	P_1	P_2		
T_1	[a]	[a]	Например:	$n[a]n[a]ð[á]л,$ $z[o]p[o]ðск[ó]й$
T_2	↓	↓		↓ ↓ ↓
T_3	[a]	[b]		$n[ə]n[a^*]ð[á]л,$ $z[ə]p[a^*]ðск[ó]й$

В эпоху T_1 фонетическая система русского литературного языка характеризовалась полным оканьем: различием /о/ и /а/ во всех позициях. При этом гласные ударные и безударные были звуками полного образования. В эпоху T_2 происходила редукция, ослабление безударных гласных, оканье заменялось аканьем – неразличением /о/ и /а/ в безударных слогах. Эпоха T_2 – это эпоха действия диахронического закона, его начала и завершения. В эпоху T_3 действует уже синхронический закон.

2. Изменение звука возникает в связи с появлением новой позиции, отсутствовавшей в эпоху T_1 :

	P_1	P_2		
T_1	[a]		Например:	$морó[з]ы,$ $морó[з]з$
T_2	↓	↘		↓ ↓
T_3	[a]	[b]		$морó[з]ы,$ $морó[с]$

В эпоху T_1 согласные в русском языке не могли быть на конце слова, все слова оканчивались гласными. Эпоха T_2 началась с падением редуцированных гласных, когда конечные [ъ] и [ь] в словах перестали произноситься. Звонкие согласные, оказавшись в конце слова, постепенно заменялись глухими, эта замена и составляет содержание эпохи T_2 . В наступившей затем эпохе T_3 на конце слова уже возможны только глухие согласные.

3. Реализация фонемы меняется во всех позициях, но фонема продолжает отличаться от всех других фонем, так как новый звук является только ее представителем в сигнификативно сильных позициях:

$P_{1...n}$	
T_1	[a] Например: [ц']ерковь, [ц']арь, [ц']вет, <i>оте</i> [ц']
T_2	↓
T_3	[b] [ц]ерковь, [ц]арь, [ц]вет, <i>оте</i> [ц]

В древнерусском языке внепарная по твердости/мягкости фонема /ц/ воплощалась в мягком звуке [ц'] во всех позициях. Затем [ц'] заменился твердым [ц]. Это произношение постепенно охватило все позиции. В современном русском литературном языке в соответствии с /ц/ произносится только твердый звук.

II. Фонема не сохраняется в языке.

1. Звук, воплощающий данную фонему, заменяется в разных позициях разными звуками, являющимися представителями другой фонемы:

P_1 P_2	
T_1	[a] [a] Например: <i>n</i> [и̯]ла (<i>n</i> ла), <i>n</i> [и̯]ли (<i>n</i> ли)
T_2	↓ ↓
T_3	[b] [c] <i>n</i> [·э]ла (<i>пела</i>), <i>n</i> [·э]ли (<i>пели</i>)

Разновидностью этого диахронического изменения является такое изменение, когда в одной из позиций данный звук перестает произноситься, заменяется нулем звука:

P_1 P_2	
T_1	[a] [a] Например: <i>c</i> [ъ]м[ъ], <i>ѡ</i> [ь]м[ь]
T_2	↓ ↓
T_3	[b] [∅] <i>c</i> [o]м [д'эн']

2. Звук, воплощающий данную фонему, во всех позициях заменяется другим звуком, являющимся представителем другой фонемы:

$P_{1...n}$	
T_1	[a] Например: * <i>s</i> [o ⁿ]дъ, * <i>nes</i> [o ⁿ], * <i>p</i> [e ⁿ]тъ, * <i>im</i> [e ⁿ]
T_2	↓
T_3	[b] <i>c</i> [y]ѡ, <i>нес</i> [y], <i>n</i> [·a]тъ, <i>им</i> [·a]

§ 154. Понятие орфоэпии

Орфоэпия (от греч. *orthos* 'правильный', *eros* 'речь') — совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц: морфем, слов, предложений. Среди таких норм различаются произносительные нормы (состав фонем, их реализация в различных позициях, фонемный состав отдельных морфем) и нормы суперсегментной фонетики (ударение и интонация). При неоправданно более широком понимании орфоэпии к ней относят и образование вариантных грамматических форм.

Орфоэпией называется также раздел языкознания, изучающий функционирование таких норм и вырабатывающий произносительные рекомендации — орфоэпические правила.

Традиционно в орфоэпию включаются все произносительные нормы литературного языка. С другой точки зрения, выдвинутой А. А. Реформатским и М. В. Пановым, к орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке; этим орфоэпия отличается от фонетики, которая изучает фонетические законы, не знающие исключений. Так, к законам фонетики (а не к орфоэпии) относится в русском языке произношение глухих согласных на месте звонких шумных на конце слова: *зѹ[б]ы* — *зу[п]*, *во[з]ы* — *во[с]*; лабиализованных согласных перед [у], [о]: *[д*]ум*, *[д*]ом* (но *[д]ам*), *[с*]умм*, *[с*]ом* (но *[с]ам*).

К орфоэпии относится вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий. Так, одни произносят *в[и*]сна́*, другие — *в[э*]сна́*: разница в характере звуков, фонема (с точки зрения Московской фонологической школы) одна и та же; одни произносят *бу́ло[ч']ная*, другие — *бу́ло[ш]ная*, одни — *умы́л[сə]*, другие — *умы́л[с'я]*: разница в фонемном составе корня (*було/ч'/* — или *було/ш/-*) и постфикса (*-са/* или *-с'а/*). На письме такие варианты обычно не отражаются: *весна*,

булочная, умылся. Однако варьирование фонемного состава морфемы может обозначаться на письме: *бриллиант* и *брильянт*, *калоши* и *галоши*, *кринка* и *крынка*, *матрас* и *матрац*, *ноль* и *нуль*.

Орфоэпия отмечает место ударения в слове: *кладбище* и *кладбище*, *творог* и *творог*, *искристый* и *искристый*; в отдельной словоформе: *косу* и *косу*, *вкусны* и *вкусны*, *ткала* и *ткала*; на разных лексических единицах, входящих в одно фонетическое слово: *на руки* и *на руки*, *не дали* и *не дали*; наличие или отсутствие побочного ударения: *межпланетный* и *межпланетный*.

Орфоэпия рассматривает социально значимые производительные варианты, т. е. те, которые типичны для разных групп людей, говорящих на литературном языке, а также стилистические варианты, сознательно выбираемые в различных социальных ситуациях.

Орфоэпические варианты могут характеризовать «младшую» и «старшую» нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но на определенном этапе развития литературного языка обе нормы сосуществуют; например, для некоторых сочетаний согласных традиционно произношение мягкого согласного перед мягким: [з'в']*ерь*, *э*[с'л']*и*; по новой норме первый согласный — твердый: [зв']*ерь*, *э*[сл']*и*); общенародную и профессиональную сферу употребления: *добыча* и *добыча*, *искра* и *искра*; мужскую и женскую речь (например, удлинение согласных в мужской эмоциональной речи и удлинение гласных в женской); территориальные разновидности литературного языка (например, произношение звука переднего ряда [э] под ударением в начале слова и после гласного в Москве и городах юга России: [э]*тот*, *по*[э]*т* — и звука передне-среднего ряда [э] в ряде северных и сибирских городов: [э]*тот*, *по*[э]*т*).

Орфоэпические варианты могут принадлежать разным стилям. Так, для высокого стиля характерно эканье: б[*э*']*ру*, *вз*[*э*']*ла*; произношение безударного [о]: н[о]*ктюрн*, н[о]*этический*; твердого заднеязычного перед безударным окончанием именительного падежа единственного числа прилагательных: *гром*[кэ]*й*, *строб*[гэ]*й*, *ты*[хэ]*й*. В нейтральном стиле произносится: б[н']*ру*, *вз*[н']*ла*, н[а']*ктюрн*, н[э]*тический*, *гром*[к'и]*й*, *строб*[г'и]*й*, *ты*[х'и]*й*. В разговорном языке наблюдается выпадение гласных и согласных: *прово*[лк]а (*провода*), *не*[кт]орые (*некоторые*), *в*[а]бще (*вообще*), *ты*[ш':]а (*тысяча*), н[ин]с*ят* (*пятьдесят*).

Допуская несколько вариантов, орфоэпия указывает, какое место занимает каждый из них в литературном произ-

ношении. В силу своей социальной значимости орфоэпические варианты могут использоваться, например, в сценической речи для социальной характеристики персонажа.

В выработке литературных норм особая роль принадлежит московскому говору. Уже в XVII в. сложились основные закономерности современного русского литературного языка. В основу этого языка лег говор Москвы, принадлежащий к среднерусским говорам, в которых сглажены наиболее резкие диалектные черты Северного и Южного наречий. Старомосковское произношение и сейчас составляет основу орфоэпических норм, несколько изменившихся в XX в.

Орфоэпия устанавливает и отстаивает нормы литературного произношения. Чем же обусловлено нарушение произносительных норм? Источники отступлений от орфоэпических норм — развитие языка, влияние диалектов, письмо. Вариант «младшей» нормы при своем возникновении, вариант «старшей» нормы при своем уходе из литературного языка могут восприниматься как нарушения нормы. Так, в начале XX в. некоторыми орфоэпистами осуждалось новое для литературного языка *йканье*, еще встречается в речи городских жителей произношение *пé[r']вый, цé[r']ковь, четвё[r']г*, входившее раньше в число литературных норм. У жителей городов, расположенных в окружении севернорусских говоров, часто наблюдается *оканье* — различие безударных гласных фонем неверхнего подъема: *тр[а]вá, д[а]лá, но в[о]дá, ст[о]лá*. А жители городов, окруженных южнорусскими говорами, нередко произносят [γ] вместо литературного [г]: *[γ]брод, но[γ]á*. Между буквами и звуками нет точного соответствия. Пишется *конечно, что, чтобы*, но произносится *конé[ш]но, [ш]то, [ш]тобы*. А тот, кто произносит *конé[ч']но, [ч']то, [ч']тобы*, допускает орфоэпическую ошибку.

Как узнать, насколько широко распространено то или иное произношение, какие слои населения употребляют тот или иной вариант? Таким изучением занимается *социофонетика*. Обследование проводится при помощи анкет, вопросников: «Как Вы произносите буквенное сочетание *чи* в следующих словах (подчеркните): *було^аная* или *було^иная, взято^аник* или *взято^иник, горчи^аник* или *горчи^иник?»; «Одинаково ли Вы произносите слова (*дрему^ачие*) *леса* и (*рыжая*) *лиса*? Да. Нет. (Подчеркните нужное.)» и т. д. Данные, полученные с помощью вопросников, дают представление о том, как говорят различные группы населения, отличающиеся по возрасту, профессии, месту жительства и др.*

1. В современном русском литературном языке господствует *иканье*, т. е. совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем, кроме /у/, в звуке [и]: [и^и]: [п'и́лы] — [п'и^ила́], [р'э́к] — [р'и^ика́], [н'о́с] — [н'и^ису́], [п'а́тыц] — [п'и^ита́к]. В XIX в. в литературном языке господствовало *эканье* (оно и сейчас встречается в литературном произношении) — совпадение в той же позиции в звуке [э^э] гласных фонем неверхнего подъема: [р'э^эка́], [н'э^эсу́], [п'э^эта́к], но [п'и́ла].

2. Звуки [ш], [ж], [ц] в древнерусском языке были мягкими, и гласные фонемы после них вели себя так же, как и после парных мягких согласных. Затем [ш], [ж], [ц] отвердели, но реализация гласных продолжала сохраняться прежней. В соответствии с *эканьем* фонемы /э/, /о/, /а/ после твердых согласных [ш], [ж], [ц] в первом предударном слоге реализовались в XIX — начале XX в. в звуке [э^э]: /э/ — ш[э^э]ты́, ц[э^э]на́; /о/ — ш[э^э]лка́, ж[э^э]то́к; /а/ — ш[э^э]ры́ (шары), ж[э^э]ра́ (жара). В соответствии с *иканьем* в эту эпоху распространилось в данной позиции произношение [ы^ы], совпавшее с реализацией фонемы /и/: ц[ы^ы]на́, ш[ы^ы]лка́, ж[ы^ы]ра́ и ж[ы^ы]ла́ (жила), ж[ы^ы]ры́ (жиры).

Возникло противоречие в системе гласных: [ш], [ж], [ц] — твердые согласные, но гласные фонемы вели себя после них, как после мягких согласных. Это противоречие разрешилось в пользу общей закономерности; гласные фонемы стали реализовываться после [ш], [ж], [ц], как после парных твердых согласных: в первом предударном слоге фонемы /и/, /э/ продолжают воплощаться в звуке [ы^ы], фонемы /о/, /а/ стали воплощаться в звуке [а^а].

В настоящее время в первом предударном слоге после [ш], [ж], [ц] на месте /а/ в большинстве случаев по современной норме произносится [а^а]: шага́ть, шали́ть, шапочо́нка, жарко́е, жо́жакá, ца́рица и т. п. Но в нескольких словах перед мягким согласным (в одних чаще, в других реже) произносится в соответствии с прежней нормой [ы^ы]: жа́леть, пожа́лэй, к сожа́лению, лоша́дей, лоша́дям, лоша́дями, жаке́т, жасми́н, два́дцати́, три́дцатью́. В этих морфемах ударный [а] (жа́лость, лоша́дка и т. п.) представляет фонему /а/, а предударный [ы^ы] (жа́леть, лоша́дей и т. п.) — гиперфонему /и|э/.

Произношение после [ш], [ж], [ц] предударного [а^а] на месте /о/ также соответствует новой норме, хотя и встречает-

ся гораздо реже: *канц*[а°]нѣтѣ (ср. *канц*[о°]на), а также *ш*[а°]фѣр, *ш*[а°]тлѣндцы, *ш*[а°]кѣровать, *ш*[а°]пѣн, *ж*[а°]нглѣр, *ж*[а°]кѣй, *ж*[а°]рѣс и др. В этих заимствованных словах и иностранных именах пишется буква *о* в соответствии с предупредительным [а°]. В тех словах (морфемах), в которых под ударением произносится [о], а пишется после *ш*, *ж* — *е*, после *ц* — *о*, в первом предупредительном слоге сохраняется произношение [ы°] в соответствии с буквой *е*: *ш*[о]лк — *ш*[ы°]лкѣ, *ш*[о]пот — *ш*[ы°]птѣть, *ж*[о]ны — *ж*[ы°]нѣ, *торц*[о]вый — *лиц*[ы°]воѣ и т. п. В этих морфемах чередование [о°]||[ы°] представляет чередование фонемы /о/ с гиперфоной /иэ/.

3. В XX в. сначала в разговорном языке, а примерно с середины века и в нейтральном стиле литературного языка на месте заударного [ы°] в неконечном и конечном закрытом слоге распространилось произношение [ѣ], ставшее в некоторых позициях господствующим: *оп*[ы°]та, *сбрѣс*[ы°]вать и чаще *оп*[ѣ]та, *сбрѣс*[ѣ]вать. В последнее время в нейтральном стиле стал возможен [ѣ] и в предупредительных слогах, кроме первого предупредительного: *ѣ*[ы°]хѣдить и *ѣ*[ѣ]хѣдить, *б*[ы°]товѣѣ и *б*[ѣ]товѣѣ. Но преобладает в этой позиции вариант [ы°].

4. В разговорном языке на месте редуцированного 2-й степени [у] встречается произношение [ѣ] после твердого согласного и [и°] после мягкого: *ѣ*[ѣ]бернѣтор, *с*[ѣ]мѣтѣха, *к*[ѣ]вырѣкѣться, *зѣм*[ѣ]жем, *попрѣб*[ѣ]ѣ, *ком*[и°]никѣ, *имѣ*[и°]щѣйся. В кодифицированном литературном языке такое произношение встречается лишь в виде оговорок.

5. Проклитики и энклитики могут не подчиняться нормам редукции гласных. В них возможны безударные [о], [ѣ], безударный [а] после мягких согласных и звуков, воплощающих /j/, безударный прикрытый [а] не в первом предупредительном слоге, ср.: *дѣяк он* [д'ѣак-он] — *дѣякон* [д'ѣакѣн], *те леса* [т'ѣ-л'и'сѣ] — *телеса* [т'и'л'и'сѣ], *я с ней* [ѣа-с'и'ѣи] — *ясней* [ѣи'с'и'ѣи]. В некоторых проклитиках в первом предупредительном слоге выступает [ѣ]: *обѣщѣла, так выполни* [тѣк-выпѣл'и], *ты да я* [тѣ де-ѣа] и т. п.

6. В некоторых сложных и сложносокращенных словах и словах с некоторыми приставками, как и в клитиках, возможно произношение гласных без качественной редукции: *др*[ѣ]ѣнерѣсский, *м*[ѣ]жинститѣтский, *с*[о]рѣдѣктор, *стр*[о]ѣотрѣд, *м*[а]шбѣро, *тр*[а]нссѣбѣрский, *тр*[ѣ]хрѣзовѣй, *ѣ*[ѣ]лотѣкѣущѣй, [ѣа]сноѣѣдѣющѣй. В определенных фразовых условиях эти гласные могут получать побочное ударение.

§ 156. Орфоэпические нормы в области согласных

1. Раньше в русском языке для большинства согласных действовала закономерность: согласный, стоящий перед мягким согласным, должен быть тоже мягким (С'С'). Затем возникла тенденция к отвердению первого согласного (С'С' > СС'). Эта закономерность в наше время охватывает все новые группы согласных. Так, [н'] перед [ч'], [ш'] обычно произносится по старым нормам: *бу́бё[н'ч']ики*, *ко[н'ч']ина*, *сме́[н'ш']ик*, *же́[н'ш']ина*. Другие согласные, например губные перед мягкими заднеязычными, произносятся по новым нормам: *ля́[мк']и*, *ла́[фк']и*, *тря́[пк']и*, *се́[мг']е*. У третьих, например у губных и зубных перед мягкими губными, равноправны оба варианта: *[в'б']ить* и *[вб']ить*, *[д'в']ерь* и *[дв']ерь*. Новая закономерность проникает и в сочетания зубных согласных. Так, зубной перед мягким зубным обычно мягкий: *мо́[с'т']ик*, *ле́[с'п']ик*, *у́[з'д']ёчка*, *ба́[п'т']ик*, *о́[д'п']и*, *о́[т'т']яну́ть*, *по́[д'д']е́ть*. Но по «младшей» норме в таких сочетаниях допустима и неполная мягкость и даже твердость первого согласного: *ст'е́на*, *зд'е́шний*, *о́[тн']има́ть*, *о́пол[з'н']и*. Произношение твердого [н] в этой позиции часто наблюдается в словах *вонзи́ть*, *консе́рвы*, *конси́лиум* и др. Оба варианта равноправны перед [л']: *[д'л']инный* и *[дл']и́нный*, *ко́[з'л']ик* и *ко́[зл']ик*. Новая закономерность раньше проявляется при произношении редких слов, сочетаний на стыке морфем, старая дольше сохраняется в наиболее частотных словах; ср.: *ра́[з'в']е* — *ра́[зв']ит*, *[в'м']е́сте* — *со[вм']е́стно* — *[в-м']е́сте встре́чи*.

2. Произношение [ш':] в литературном языке может быть в соответствии с сочетанием фонем /сч'/, /с'ч'/, /зч'/, /з'ч'/, /шч'/, /жч'/, а также /(сз)ч'/, /(с'з')ч'/, /(сз'з')ш(ж)ч'/, например, в словах *расче́ска*, *доно́счик*, *навя́зчивый*, *погру́зчик*, *весну́шчатый*, *мере́жчатый*, *щу́ка*, *веду́щий*. Наряду с [ш':] произносится и [ш'ч']. Соотношение этих вариантов неодинаково в разных позициях и в разные эпохи.

Произношение [ш':] постепенно распространяется за счет [ш'ч']. В XIX — начале XX в. [ш'ч'] внутри морфемы господствовало в Санкт-Петербурге. В настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится [ш':]: *[ш':]у́ка*, *[ш':]а́стье*.

Употребление [ш'ч'] или [ш':] на стыке морфем зависит от темпа речи, степени употребительности слова, силы сцепления морфем. Там, где при обычном темпе речи про-

износится [ш'ч'], при убыстренном темпе — [ш':]. В редких словах обычно употребляется [ш'ч']. Чем чаще слово или предложно-именное сочетание встречается в речи, тем чаще в нем произносится [ш':]; ср. редкие слова *бесчерепные, с чартизмом*, где обычно [ш'ч'], и широко употребительные *расчётка, с чем*, где нередко произносится [ш':]. Сила сцепления корня и суффикса велика, здесь господствует [ш':]: *вóзчик, разнóсчик*. На стыке приставки и корня сила сцепления слабее, здесь чаще произносится [ш'ч']: *бесчísленный*; еще слабее она на стыке предлога и знаменательного слова: *из чáйника*, двух знаменательных слов: *гóлос часовóго*.

3. Произношение [ж':] в соответствии с /жж/, /зж/, /(сз)ж/, /(с'|з')ж/, /(с'|з'|з')жж/ встречается всего в нескольких словах, всегда в корне. Примерное распределение этих слов по снижению употребительности в них [ж':] таково: *дрóжжи, бры́зжет, визжа́ть, дребезжа́ть, размозжи́ть, брюзжа́ть, вóжжи, ёзжу, жжёт, пóзже, брёзжить, сожжённýй, взгромозжу́, жужжа́ть, дожди́, до́ждик, можжевё́льник*. Мягкий [ж':] в этих словах вытесняется твердым [ж:], в словах *дожди́, до́ждик* — сочетанием звуков [жд']. У значительного числа говорящих на литературном языке в указанных словах (кроме *дожди́, до́ждик*) произносятся только [ж:]: *дрóжжи* и т. д.

4. Согласные [т], [д] ([т'], [д']) между зубными или между зубным и [к] по традиционным нормам не должны произноситься. Но в части таких сочетаний в некоторых словах возникает и произношение [т], [д] ([т'], [д']):

1) между [с] — [с']: *шес[т'] — шес[-]сóт (шестьсот), турís[т] — турís[-]ский (туристский)* и так же *бес[-]сéллер (бестселлер), пос[-]скриптум (постскриптум)*, но *пос[-]советский* и *пос[ц]советский (постсоветский)*;

2) между [с] — [н] ([с'] — [н']): *мés[т]о — мés[-]ный (местный), учás[т']ие — учás[-]ник (участник)*, но *челюс[-]ной* и *челюс[т]ной, кóс[-]ный и кóс[т]ный*;

3) между [з] — [н] ([з'] — [н']): *пóз[-]но (поздно), прáз[-]ник (праздник)*, но *бéз[-]на и бéз[д]на, звёз[-]ный и звёз[д]ный*;

4) между [с] — [л] ([с'] — [л']) без [т] произносятся слова *завистливый, совестливый, счастливый, участливый* и др., с [т] обычно произносятся слова *костля́вый, постла́ть*;

5) между [н] — [с] перед следующим согласным обычно [т] не произносится: *гигáнтский, декадéнтский, комендáнтский, голлáндский, ирлáндский, агéнтство, рéгентство*; гораздо реже смычный согласный сохраняется: *гигáн[ц]ский, декадén[ц]ский*;

6) между [и] — [к] допустимо произношение без [т]: голлándка 'печь', шотлándка 'ткань', но [т] произносится в словах *гувернántка, официáнтка, студéнтка, голлándка* 'жительница Голландии', *шотлándка* 'жительница Шотландии' и др.;

7) между [с] — [к] по старым нормам, сохраняющимся в разговорном языке, [т] не произносится в таких словах, как *борóздка, громóздкий, жё́стко, неvéстка, поéздка*, однако чаще здесь отмечается произношение [т].

5. На месте двух одинаковых согласных букв между гласными могут произноситься долгие и краткие согласные. Внутри корня и суффикса и на стыке корня и суффикса долгие согласные чаще всего произносятся непосредственно после ударного гласного, в других положениях долгота обычно утрачивается: *гру́[пп]а — гру[п']и́ровка, кла́[с:]ы — кла[с']и́фикация, коло́[н:]а — коло[н]а́да, су́[м:]а — су[м']и́ровать, тра́[с:]а — тра[с']и́рующийся, да́[н:]ый — вы́да[н]ый, плé[н:]ый — облупле́[н]ый, стекля́[н:]ый — рассу́[н]ый. На стыке окончания инфинитива или 3-го лица глагола и возвратного постфикса на месте *тьс, тс* обычно произносится [тц] после ударного гласного и [ц] между безударными гласными: *бросá[тцə] (бросатьсá) — броса́е[цə] (бросаетсá), купá[тцə] (купатьсá) — купáе[цə] (купаетсá), несё́[тцə] (несётсá) — носи́[цə] (носитсá). На стыке приставки и корня долгота обычно сохраняется и между безударными гласными, и перед ударным гласным: бе[э:]або́тный, во[с:]о́зда́ть, ра[с:]о́л, о[тт]о́лкнۇ́ть, по[д]д'е́ржа́ть, по[д]дá́ть.**

6. На месте *ч* перед *и* в одних словах произносится [ч']: *вё́чность, то́чный, отлй́чник, печнй́к*, в других — [ш]: *горчй́чный, двё́чник, конё́чно, очё́чник, пра́чечная, пустя́чный, скворё́чник, скýчно, яй́чница*, в женских отчествах на -ична: *Кузьмй́нична, Саввична*. В некоторых словах допускается и [ч'] и [ш]: *бу́лочная, лавочник, подсвё́чник, порýдочный, сливочный, соба́чник, стрéлочник*. Одно и то же слово в разных сочетаниях может произноситься неодинаково: *серд́е[ч']ный приступ*, но *друг серд́е[ш]ный, ша́по[ч']ная мастерская*, но *ша́по[ш]ное знакомство*, *моло́[ч']ная каша* и *моло́[ш]ная*, но только *моло́[ч']ная кислота*.

7. На месте *г* перед глухим согласным произносится [к]: *дё́гтя, нóти, приля́гте, лагнۇ́кт, лотарй́нцы, улё́гся, загс. флагштóк, отя́гча́ть, тягчáйший*. Но в корнях *лёгк-/легч-, мягк-/мягч-* произносится [х] перед [к], [ч']: *лё[х]кое, лё[х]че, мя[х]кая, мя[х]че* — и [х'] перед [к']: *лё[х']кий, мя[х']кий*, так же: *лё́гкость, легковой, налёгкё, облёгча́ть, легчáй-*

ший; *мягкость, мягковатый, размягчать, смягчать, смягчай-ший* и др.

8. В некоторых словах перед гласным произносится [γ]. Обязателен он только в слове *бухгалтер* [буγалт'и^р], междометиях *ага, ого*. Допустимо произношение [γ] в междометиях *господи, ей-бóгу*. Во всех остальных словах произносится [г], который на конце слова чередуется с [к]: *блá[г]о — бла[к]*. Но только *Бó[г]а — Бо[х]*: остаток прежнего произношения *Бó[γ]а — Бо[х]*. Произношение [γ] в сильной позиции характерно для южнорусских говоров. Кроме того, [γ] в прошлом и еще в начале XX в. был свойствен церковнославянскому языку.

§ 157. Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм

1. Фонема /а/ после мягких согласных перед твердыми в заударном положении в корнях реализуется в звуке [и^э]: *т'а́[и^э]нут (тянут) — вы́[т'и^э]нут (вытянут)*. В этой же позиции и после [ц] в окончаниях фонема /а/ обычно реализуется в звуке [э]: *ды́[н'э]м (дыням), о ды́[н'э]х (о дынях), лист[цэ]м, о лист[цэ]х, пи́[л'э]т*. В разговорном языке возможно и произношение краткого [и^э].

2. Прилагательные именительного падежа единственного числа мужского рода с твердой основой в русском литературном языке с древности имели окончание *-ой*: *молодо́й, ста́рой*. В церковнославянском языке окончание было *-ый*: *молоды́й, ста́рый*. Впоследствии под ударением в литературном языке установилось окончание *-ой*, а без ударения на письме еще в первой половине XIX в. употреблялись и исконно русское *-ой*, и заимствованное из церковнославянского *-ый*. Ср. в прижизненных изданиях А. С. Пушкина:

И он к устам моим приник
И вырвал грешной мой язык,
И празднословной, и лукавой,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницу кровавой.

Затем без ударения стали писать только *-ый*, но в произношении сохранялись оба варианта: *ста́р[ей]* и *ста́р[ый]*. При этом [ей] соотносилось с /ој/, а [ый] с /иј/.

В настоящее время возник факультативный вариант [ə] на месте всякого заударного [ы] (кроме конечного в слове). Но в связи с тем, что звук [ə] в этом окончании варьируется с [ы⁹], чего не бывает на месте /о/, он соотносится с фонемой /я/, а также с фонемой /о/ в ударном окончании -ой. Таким образом, [ə] в этом окончании представляет гиперфонему /я/.

3. В XIX — начале XX в. было широко распространено произношение прилагательных на -кий, -гий, -хий и глаголов на -кивать, -гивать, -хивать с твердыми [к], [г], [х]: *мél[кə]й, стрó[гə]й, тѹ[хə]й, постѹ[кə]вать, вздрá[гə]вать, размá[хə]вать*. Произношение окончаний прилагательных соответствовало русской традиции, написание шло от церковнославянской традиции.

Сейчас господствует произношение с мягкими [к'], [г'], [х']: *мél[к']ий, стрó[г']ий, тѹ[х']ий, постѹ[к']ивать, вздрá[г']ивать, размá[х']ивать* и т. п.

4. В окончаниях именительного-винительного падежа единственного числа прилагательных среднего рода -ое/-ее и множественного числа -ые/-ие конечный гласный всегда безударный. В кодифицированном литературном языке в окончании -ое/-ее этим гласным обычно бывает [ə], а в окончании -ые/-ие — [и⁹]: *грибн[ə] лето — грибн[и⁹] местá; рисов[ə] зерно — рисов[и⁹] зёрна; задн[и⁹] колесо — задн[и⁹] колёса*. В разговорном языке эти гласные обычно не различаются: в обоих случаях произносится [и⁹].

5. В безударном окончании винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода -ую/-юю наряду с произношением [уу] широко распространено произношение [əу] после твердых согласных и [иу] после мягких: *бél[уу] — бél[əу], сѹн[уу] — сѹн[иу]*.

6. В 3-м лице множественного числа глаголов II спряжения наряду с безударным окончанием -ат/-ят может употребляться и окончание I спряжения -ут/-ют, более характерное для старшей нормы. Такое произношение встречается преимущественно после мягких согласных и [и]: *ѹч[ə]т и ѹч[и]т, тáщ[ə]т и тáщ[и]т, лóв[ə]т и лóв[и]т, хóд[ə]т и хóд[и]т, гóн[ə]т и гóн[и]т, вáр[ə]т и вáр[и]т, стрó[и]т и стрó[у]т* и т. п. Произношение этого окончания с [у] чаще встречается у возвратных глаголов: *кóнч[у]тся, мерéщ[у]тся, хвáл[у]тся, прós[у]тся, торóп[у]тся, приклé[у]тся* и т. п. наряду с *кóнч[ə]тся, мерéщ[ə]тся, хвáл[ə]тся, прós[ə]тся* и т. п.

7. В XIX — начале XX в. обычным было произношение возвратных форм глагола с твердым [с]: *берѹ[с], боѹ[с],*

мыл[сја] и только в деепричастиях с ударением на последнем слоге обязательным был [с']: *беря[с']*, *боя[с']*, *стуча[с']*. Сейчас наряду с [с] произносится и [с'], причем после [с] чаще встречается [с'], а после [л] звуки [с] и [с'] равноправны: *нѣ[сс'ə]* и *нѣ[ссə]* (*нѣсся*); *разлѣ[сс'ə]* и *разлѣ[ссə]* (*разлезся*); *мыл[сə]* и *мыл[с'ə]* (*мылся*). В других случаях обычно произносится [с']: *бери[с']*, *оставая[с']*, *бóй[с'ə]*, *остáнь[с'ə]*.

§ 158. Орфоэпические нормы заимствованных слов

1. В некоторых заимствованных словах допускается произношение безударного [о]: *адáжио*, *боá*, *болерó*, *досьѐ*, *канáо*, *крéдо*, *поэт*, *поэти́ческий*, *ра́дио*, *рококо́*, *со́льфеджио*, *трио*, *фойе́* и др. Нередко [о] произносится в именах собственных: *Фл[о]бёр*, *Ш[о]ллен*, *В[о]рне́[о]*. Но произношение такого [о] почти во всех этих словах не обязательно; ср.: *п[о]эт* и *п[а°]эт*, *б[о]лерó* и *б[ə]лерó*. В большинстве заимствованных слов /о/ реализуется в соответствии с русскими фонетическими нормами: *к[а°]стю́м*, *в[ə]лейбо́л*, *пи́нин[ə]*. Произношение безударного [о] в словах *арома́т*, *бока́л*, *вокза́л*, *костю́м*, *прогрéсс*, *рома́н*, *роя́ль* и других считается архаичным или манерным.

2. В заимствованных словах в соответствии с /э/ в безударном положении произносятся различные звуки в зависимости от степени освоенности слова русским языком. В словах, сохраняющих книжно-литературный характер, в начале слова и после твердого согласного произносится [э]: *[э]вénк*, *[э]кипи́ровка*, *[э]кскава́тор*, *[э]кстра́кт*, *[э]мбрио́н*, *аст[э]ро́ид*, *бизн[э]сме́н*, *корд[э]ба́лет*, *те́нд[э]р*, *андáнт[э]*. В иноязычных словах, полностью освоенных русским языком, в начале слова возможно произношение [и°]: *[и°]коно́мика*, *[и°]мигра́нт*, *[и°]та́ж*; после твердого согласного в первом предударном слоге — [ы°]: *ат[ы°]лье́*, *бу́т[ы°]рбро́д*, *синт[ы°]ти́ческий*; в других безударных слогах — [ə]: *альт[ə]рна́тива*, *мод[ə]рниза́ция*, *т[ə]ннисист*. В связи с этим возникает нейтрализация /э/ и /и/ в безударных слогах в начале слова: одинаково произносится *из ка́дра* *вы́шла* и *эска́дра* *вы́шла*, *и кра́н* *передви́нули* и *экра́н* *передви́нули*; после парных твердых согласных в первом предударном слоге один и тот же гласный [ы°] может произноситься в таких словах, как *ателье́* и *к Илье́*, *интегра́л* и *отыгра́л* и т. п.

3. Раньше в русском языке действовала закономерность: перед /э/ могли быть только мягкие согласные (кроме [ш], [ж], [ц]). Поэтому в заимствованных словах перед /э/ твердые согласные заменялись парными мягкими. Сейчас эта закономерность утрачена; во многих заимствованных словах произносятся только твердые согласные: *антénна, бизнес, бишнэ́кс, дэ́льта, кабаре́, кафе́, кашне́, ко́декс, кокте́йль, моде́ль, оте́ль, парте́р, пасте́ль, поэте́сса, пюре́, ре́квием, таранте́лла, тире́, тонне́ль, шате́н, шеде́вр, шоссе́, экзэ́ма, эсте́тика* и др. В некоторых словах допустимо двойное произношение — с твердым и мягким согласным: [д']еду́кция и [д']еду́кция, [д']екáн и [д']екáн, конг[р]éсс и конг[р']éсс, к[р]éдо и к[р']éдо, [т']еррорист и [т']еррорист и др. Во многих словах произносится только мягкий согласный. Произношение твердого согласного перед /э/ в таких словах, как *беж, брюне́т, музе́й, пионе́р, рельс, те́рмин, фане́ра, шине́ль*, ошибочно.

4. Внутри корня на месте двух одинаковых согласных букв в большинстве случаев произносится краткий согласный. Долгие согласные возможны главным образом в позиции сразу после ударного гласного: *бо́[н:]а, бру́[тт]ю, ва́[н:]а, ге́[тт]ю, ка́[с:]а, ле́[м:]а, мадо́[н:]а, ма́[н:]а, ма́[с:]а, мо́[к]ю, су́[м:]а, то́[н:]а* и др., но *ди́[г]ер, до́[л]ар, кла́[с']ик, коми́[с']ия, профе́[с]ор, пфе́[н']иг, се́[т]ер, спи́[н']инг, сү́[ф']икс, те́[н']ис, фили́[п']ика, э́[л']ипсис* и др. Гораздо реже встречается произношение долгих согласных непосредственно перед ударным гласным: *а[бб]áт, ва[с:]áл, му[л:]á* и др., но *а[к]óрд, а[л']ея, ба[л]óн, гра[м]áтика, коми[с]áр, ко[м']ёрция, ко[р]у́пия, ко[т]éдж, ра[в']и́н, режи[с']ёр, те[р]áса* и др. Между безударными гласными почти исключительно произносится краткий согласный: *а[п']ендици́т, а[т']естáт, и[л']юмина́ция, ка[л']игра́фия, ко[л']екти́в, ко[м']ентáтор, ми[л']имéтр, о[к]у́пия, о[п]ози́ция, те[р']ито́рия* и др.

§ 159. Орфоэпические нормы в области ударения

1. В некоторых словах или словоформах место ударения может колебаться. Местом ударения могут различаться литературные варианты ударения, оценивающиеся как равноправные, либо один из вариантов как более или менее предпочтительный: 1) *равноправные варианты*, или дублиеты, когда разница в месте ударения незначима: *ба́ржа*

и *баржа́*, по *бе́режку* и по *бережку́*, *о́траслей* и *отрасле́й*, *за́литый* и *зали́тый*, *кру́жится* и *кружит́ся*, *и́наче* и *и́на́че*; 2) более предпочтительный и менее предпочтительный, принадлежащий старшей норме: *сте́нам* и *стенáм*, *засне́женный* и *засне́жённ*ый, *пе́рвенствова́ть* и *первенствова́ть*, *гру́зит* и *грузи́т*, *порва́лся* и *порва́лся́*; 3) более предпочтительный и менее предпочтительный, принадлежащий младшей норме: *бо́рону* и *борону́*, *подро́стковый* и *подростко́вый*, *шевели́т* и *шеве́лит*, *тка́ла* и *тка́ла*, *глубоко́* и *глубо́ко*.

К разным сферам употребления относятся варианты: 1) общеупотребительный и профессиональный; так, общеупотребительно место ударения в словах *добы́ча*, *и́скра*, *ко́мпас*, *осужде́нный*, *шасси́*, но шахтеры говорят *до́быча*, электрики — *и́скра*, моряки — *ко́мпас*, некоторые работники правоохранительных органов — *осу́жденный*, летчики — *ша́сси*; 2) литературный и народно-поэтический: *деви́ца* и *де́вица*, *серебро́* и *се́ребро*, *богаты́рь* и *бога́тырь*, *че́стный* и *честно́й*, *шёлковый* и *шелко́вый*.

Местом ударения могут различаться литературные и находящиеся за пределами современного литературного языка варианты: 1) современный и устарелый: *му́зыка* и *Гремит му́зыка боевая* (А. Пушкин), *по корня́м* и *По ко́рням упругим топор застучал* (М. Лермонтов), *слу́жащие* и *При мне служа́щие чужие очень редки* (А. Грибоедов), *язы́ком* и *Вовек отеческим язы́ком не гнушайся* (А. Сумароков), *по шер́сти* и *Не по шерсти совсем нам эти шу́тки* (И. Крылов); 2) литературный и просторечный, оценивающийся как не рекомендуемый: *догма́т* и *догма́т*, *ката́лог* и *ката́лог*, *приговóр* и *приговóр*, *лесни́чиха* и *леснич́иха*, *за́гнутый* и *загну́тый*, *повтори́т* и *повто́рит*; *непра́вильный* и *кварта́л* и *кварта́л*, *но́гтя* и *ногтя́*, *краси́вее* и *красиве́е*, *заку́порить* и *закупóрить*, *жда́ла* и *жда́ла*; *гру́бо* *неправильный*: *блю́да* и *блюда́*, *досу́г* и *досуг*, *мага́зин* и *магазин*, *молоде́жь* и *молодежь*, *нача́ть* и *начать*, *по́нял* и *поня́л*; 3) литературный и диалектный: *вью́га* и *вьюга́*, *крапи́ва* и *крапива́*, *се́мью* и *сэ́мью*, *ди́кий* и *ди́кой*, *никого́* и *нико́го*, *холо́дно* и *холодно́*.

Варианты места ударения на гласных основы могут быть при одном и том же акцентном типе: *за́сека* и *засе́ка*, *обморóжение* и *обмороже́ние*, *джинсо́вый* и *джинсо́вый*, *пе́рченый* и *перче́нный*; *газирова́ть* и *газирова́ть*, *заржа́веть* и *заржаве́ть*. Чаще всего варианты ударения связаны с разными акцентными типами.

2. У существительных одна из основных закономерностей, связанная с вариантами акцентных типов, прагматическая — степень освоенности слова говорящими. Тип АА связан с представлением о чуждости слова для говорящего, о стилистической приподнятости слова, другие типы — с привычностью, освоенностью слова, его стилистической нейтральностью или сниженностью. Этапы освоения слова говорящими проявляются в наличии у него вариантов места ударения. Другая причина вариативности места ударения морфологическая — тенденция к формированию акцентного противопоставления единственного и множественного числа. Еще одна тенденция — в выравнивание места ударения в формах одного числа. Этими причинами обусловлено большинство вариантов акцентных типов существительных.

1) Колебания места ударения на основе или окончании во всех формах существительных женского, мужского и среднего рода отражают типы АА/ВВ: *пéшня*, *пéшни*, мн. ч. *пéшни*, *пéшням* и *пешня́*, *пешня́й*, мн. ч. *пешня́й*, *пешня́м*; *закúток*, *закúтка*, мн. ч. *закúтки*, *закúтков* и *закутóк*, *закуткá*, мн. ч. *закуткí*, *закуткóв*; *дéревце*, *дéревца*, мн. ч. *дéревца*, *дéревцам* и *деревцó*, *деревцá*, мн. ч. *деревцá*, *деревцáм*.

Акцентными типами АА и ВВ могут различаться омонимы: *грош¹* — старинная монета в России, *грошá*, мн. ч. *грошí*, *грошéй* и *грош²* — мелкая монета в Польше и Австрии, *грóша*, мн. ч. *грóши*, *грóшей*; *гурт¹* — стадо, *гуртá*, мн. ч. *гуртí*, *гуртóв* и *гурт²* — ребро монеты, архитектурная деталь, *гурта*, мн. ч. *гурты*, *гуртов*. Первое слово в этих парах омонимов широко употребительно, второе — редко.

Этим же обусловлен вариант ВВ в профессиональной речи: *дубля́ж*, *дубля́жа*, мн. ч. *дубля́жи*, *дубля́жей* и у киноработников — ед. ч. *дубля́жа*, мн. ч. *дубля́жи*, *дубля́жей*; *массáж*, *массáжа*, мн. ч. *массáжи*, *массáжей* и у массажистов — ед. ч. *массажа́*, мн. ч. *массажи́*, *массаже́й*; *шприц*, *шприца*, мн. ч. *шприцы*, *шприцев* и у медиков — ед. ч. *шприца́*, мн. ч. *шприцы́*, *шприцóв*.

2) Колебания места ударения во всех формах множественного числа отражают типы:

АА/АВ: *чан*, *ча́на*, мн. ч. *ча́ны*, *ча́нов* и *чаны́*, *чанóв*; *дым*, *ды́ма*, мн. ч. *дымы́*, *дымóв* и допустимо старшее *дымы*, *ды́мов*; *мыс*, *мы́са*, мн. ч. *мы́сы*, *мы́сов* и допустимо младшее *мысы́*, *мысóв*;

ВА/ВВ: *графá, графы́, графу́*, мн. ч. *графы́, гра́фам* и *графы́, гра́фам*; *озерцо́, озерца́*, мн. ч. *озёрца, озёрца́м* и *озерца́, озерца́м*.

Типами ударения АА и АВ могут различаться омонимы: *бой¹* — битва, поединок, борьба и др., *бо́я*, мн. ч. *бои́, боёв* и *бой²* — мальчик-слуга, *бо́я*, мн. ч. *бои́, боёв*; *стро́й¹* — ряд солдат, а также воинская часть, построенная рядами, и др., *стро́я*, мн. ч. *строи́, строёв* и *строй²* — система государственного или общественного устройства, *стро́я*, мн. ч. *строи́, строёв*; *торг¹* — от *торговать*, рынок, аукцион, *торга́*, мн. ч. *торги́, торго́в* и *торг²* — сокращение: торговое учреждение, *торга́*, мн. ч. *торги́, торго́в*.

У существительных мужского рода весьма продуктивен такой акцентный тип АВ, который распространяется на месте типа АА в связи с заменой безударного окончания формы именительного падежа множественного числа *-ы/-и* ударным окончанием *-а/-я*: *о́вод, о́вода*, мн. ч. *о́воды, о́водов* и *овода́, оводов́*; *я́стреб, я́стреба*, мн. ч. *я́стребы, я́стребов* и *ястреба́, ястребо́в*; *дже́мпер, дже́мпера*, мн. ч. *дже́мперы, дже́мперов* и допустимо младшее *дже́мпера́, дже́мперо́в*; *шторм, шторма́*, мн. ч. *штормы́, штормо́в* и допустимо младшее *шторма́, штормо́в*.

Широко распространен такой тип АВ в профессиональной речи: *бо́цман, бо́цмана*, мн. ч. *бо́цманы, бо́цманов* и у моряков *боцмана́, боцмано́в*; *дра́йвер, дра́йвера*, мн. ч. *дра́йверы, дра́йверов* и у компьютерщиков *драйвера́, драйверо́в*; *нефтепро́мысел, нефтепро́мысла*, мн. ч. *нефтепро́мыслы, нефтепро́мыслов* и у нефтяников *нефтепромысла́, нефтепромысло́в*; *те́ндер, те́ндера*, мн. ч. *те́ндеры, те́ндеров* и у железнодорожников *тендера́, тендеро́в*.

3) Колебания места ударения на основе или окончании в косвенных падежах множественного числа отражают типы:

АА/АС: *ве́тер, ве́тра*, мн. ч. *ве́тры, ве́тров* и *ветро́в*; *ло́сь, ло́ся*, мн. ч. *ло́си, ло́сей* и допустимо старшее *ло́сей*; *о́трасль, о́трасли*, мн. ч. *о́трасли, о́траслей* и допустимо младшее *отрасле́й*;

ВА/ВС: *волна́, волны́, волну́*, мн. ч. *во́лны, во́лнам* и *волна́м*; *за́ря, за́ри, за́рю*, мн. ч. *зо́ри, зо́рям* и допустимо старшее *за́рям*;

СА/СС: *среда́* (день недели), *среда́, сре́ду*, мн. ч. *сре́ды, сре́дам* и *среда́м*; *сте́на, сте́ны, сте́ну*; мн. ч. *сте́ны, сте́нам* и допустимо старшее *сте́нам*.

4) Некоторые варианты акцентных типов отражают колебания места ударения у слов женского рода на основе или окончании в винительном падеже единственного числа, что связано с тенденцией выравнивания места ударения у таких существительных, т. е. изменением С > В: *борозда́, борозды́, боро́зду и борозду́; изба́, избы́, ѝзбу и избу́; поло́са, полосы́, по́лосу и полосу́; река́, реки́, ре́ку и реку́; щека́, щеки́, ще́ку и щеку́; доска́, доски́, до́ску и допустимо младшее доску́; сковоро́да, сковоро́ды, сковоро́ду и допустимо старшее ско́вороду.*

3. У прилагательных в полных формах возможно только неподвижное ударение на основе (тип А) или на окончании (тип В). Вариативность этих типов у одних и тех же прилагательных связана, главным образом, с разграничением слов малоупотребительных или с книжной окраской и широкоупотребительных, стилистически нейтральных или сниженных. У первых наблюдается стремление к типу А, у вторых — к типу В: *автомобильный и автоза́водской, газоочистный и газоочистно́й, кружко́вый и кружково́й, околосе́льный и околосельно́й, плюсо́вый и плюсово́й; те́мбровый и у специалистов темброво́й, фильтро́вый и у специалистов фильтрово́й.*

Многие краткие формы прилагательных имеют варианты ударения на основе и на окончании. В связи с этим выделяются разновидности их акцентных типов:

Типы		А/С	В/С	С/С ₁	В/С ₁	В/С ₂
Формы						
Ед. ч.	м. р.	вла́стен	бе́л	но́в	у́зок	све́ж
	ж. р.	вла́стна́ ■ ●	бе́ла □ ●	но́ва □ ●	у́зка □ ●	све́жа □ ●
	ср. р.	вла́стно ■ ○	бе́ло ■ ●	но́во ■ ○	у́зко ■ ●	све́жо □ ●
Мн. ч.		вла́стны ■ ○	бе́лы ■ ●	но́вы ■ ●	у́зкы □ ●	све́жи ■ ●

В формах женского рода часто у неосвоенных, непривычных, редких слов наблюдается склонность к типу ударения А, у привычных, частых слов — к типу С. Перенос ударения на окончание в форме среднего рода в типе В/С встречается, главным образом, у широкоупотребительных слов.

В современном русском языке активно идет процесс переноса ударения с основы на окончание в форме множественного числа кратких прилагательных в

с тенденцией к акцентному противопоставлению полных и кратких форм по модели *у́мный — умна́, умно́, умны́*. Поэтому велико количество кратких прилагательных, имеющих равноправные варианты ударения в этой форме, как в типах В/С и С/С₁.

4. У многих глаголов на *-ить* в формах настоящего/будущего времени в современном русском языке существует тенденция к замене неподвижного ударения на окончании подвижным ударением — акцентные типы В/С: *вкушú, вкуси́т и вку́сит; горожú, городи́т и горóдит; дою́, дои́т и дои́т; зубрю́, зубри́т и зубри́т; отслоню́, отслони́т и отсло́нит; скоблю́, скобли́т и скобли́т; строчú, строчи́т и стрóчит* и др.

В формах прошедшего времени большинство случаев вариативности места ударения связано с некоторыми приставочными глаголами, у которых старшее ударение было на приставке и возникло новое ударение на корне под влиянием места ударения в инфинитиве. Ударение на приставке у таких глаголов раньше характеризовало все формы прошедшего времени, кроме формы женского рода, у которой было и сейчас сохраняется ударение на окончании: *допи́ть, до́пил и допи́л, допила́, допи́ло, допи́ли и допи́ло, допи́ли; зажи́ть, за́жил и допустимо младшее зажи́л, зажила́, за́жило, за́жили и допустимо младшее зажи́ло, зажи́ли; нали́ть, на́лил и допустимо младшее нали́л, налила́, на́лило, на́лили и допустимо младшее нали́ло, нали́ли; отня́ть, отня́л и допустимо младшее отня́л, отняла́, отня́ло, отня́ли и допустимо младшее отня́ло, отня́ли* и др.

Дальнейшее выравнивание места ударения в глаголах этой группы может приводить к отступлениям от литературной нормы. Так, широко распространен н е п р а в и л ь н ы й вариант ударения на корне в форме женского рода: *допья́ла, забра́ла, назва́ла, обви́ла, отда́ла, пережда́ла, подня́ла, поли́ла, прерва́ла, пригна́ла, проспáла, совра́ла* и т. п. Не соответствует норме и ударение на приставке в форме женского рода: *допи́ла, за́лила, на́чала, обня́ла, отжи́ла, пере́дала, по́дала, подня́ла, пре́дала, при́была, про́кляла, со́здала* и т. п. Грубейшая ошибка — ударение на этих приставках в форме инфинитива у глаголов с корнем *-ня-, -ча-*: *за́нять, на́нять, по́нять, при́нять, на́чать*.

У возвратных глаголов в прошедшем времени при колебаниях в месте ударения обычно противопоставлены три группы форм: мужского рода — женского рода — среднего рода и множественного числа.

В форме мужского рода равноправные варианты с ударением на постфиксе и на основе или предпочтительный вариант с ударением на постфиксе встречаются в редких случаях: *родилсь* (сов. вид) и *родился*, у некоторых глаголов с корнем *-ня*: *обнялся* и *обнялся*, *отнялся* и *отнялся*, *поднялся* и *поднялся*, *занялся* и допустимо младшее *занялся*, *нанялся* и допустимо младшее *нанялся*, *принялся* и допустимо младшее *принялся*. Обычно вариант ударения на постфиксе менее употребителен и отражает старшую норму: *брался* и допустимо старшее *брался*; *взвился* и допустимо старшее *взвился*; *гнался* и допустимо старшее *гнался*; *напился* и допустимо старшее *напился*; *порвался* и допустимо старшее *порвался* и др.

Форма женского рода у таких глаголов почти всегда имеет ударение на окончании: *бралась*, *взвилась*, *гналась*, *дождалась*, *звалась*, *клялась*, *лилась*, *напилась*, *порвалась* и др. Исключения редки: *осеклась* и допустимо старшее *осеклась*, *родилась* (сов. вид) и допустимо младшее *родилась*.

В формах среднего рода и множественного числа этих глаголов место ударения вариативно: обычно предпочтительный вариант ударения на окончании, но допустим и вариант младшей нормы на основе: *бралось*, *брались* и допустимо младшее *бралось*, *брались*; *взвись*, *взвись* и допустимо младшее *взвись*, *взвись*; *гнались*, *гнались* и допустимо младшее *гнались*, *гнались*; *дождались*, *дождались* и допустимо младшее *дождались*, *дождались*; *звались*, *звались* и допустимо младшее *звались*, *звались*.

§ 160. Русское литературное произношение в его историческом развитии

Русское литературное произношение складывалось на протяжении долгого времени. До образования национального языка в XVII в. нормализация литературного языка практически не касалась произношения. На разных территориях были распространены диалектные разновидности русского языка. На этих диалектах: ростово-суздальском, новгородском, тверском, смоленском, рязанском и др. — говорило все население соответствующих феодальных земель независимо от социальной принадлежности.

Вместе с присоединением к Московскому княжеству других княжеств росла экономическая, политическая, культурная роль Москвы как столицы централизованного Русского государства. В связи с этим рос и престиж московского гово-

ра. Его нормы, в том числе и произносительные, перерастали в нормы общенациональные. Этот процесс облегчался тем, что говор Москвы среднерусский, где сглажены наиболее резкие диалектные черты северного и южного наречий.

Язык Москвы XVI—XVII вв. не был однородным. Ее население составляли выходцы из разных мест, представлявшие разные русские диалекты. В большом городе возникал своеобразный сплав из этих разнородных диалектных черт. До XVI в. в языке Москвы господствовало оканье — различение безударных гласных фонем неверхнего подъема. В XVI в. оканье постепенно сменилось аканьем — неразличением, совпадением этих безударных гласных. В значительной степени это было связано с большим пополнением населения Москвы из южнорусских областей. В XVII—XVIII вв. южнорусское влияние на язык Москвы усилилось и привело к смене и некоторых других произносительных и грамматических норм.

Произносительные нормы современного русского литературного языка в своих важнейших чертах сложились в первой половине XVII в. Но тогда эти нормы характеризовали еще только московский говор. К концу XIX в. московская произносительная система уже сложилась как норма национальная.

В литературном языке второй половины XVIII — первой половины XIX в. существовали и произносительные варианты. Высокий стиль литературного произношения отличался от разговорного языка рядом особенностей.

Высокий стиль требовал оканья. И. С. Тургенев писал: «Пунин произнес эти стихи размеренным певучим голосом и на о, как и следует читать стихи» («Пунин и Бабурин»). Характерно, что в стихах поэтов XVIII и начала XIX в. рифмы, где оказываются безударные о и а типа *боярам — даром, немножко — мошка*, встречаются в редчайших случаях. Это также говорит о том, что в стихотворной речи было представлено оканье.

Высокому стилю было свойственно отсутствие перехода ударного [э] в [о] после мягкого согласного перед твердым, тогда как в разговорном языке, в нейтральном стиле произносился [о]. О произношении в этой позиции в поэтической речи свидетельствуют рифмы поэтов этого времени: *жёртвой — мёртвой, весёлый — спёлый, утёса — черкёса, свет — идёт; ср.:*

В пустыне чахлой и скупой
На почве, зноем раскаленной,

Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

(А. Пушкин)

Слово *вселенная* А. Пушкин произносил так же, как и мы, с [э]. Отсюда ясно, что и рифмующееся с ним слово *раскаленной* тоже должно было произноситься с [э].

В высоком стиле на месте *г* произносился в соответствии с нормами церковнославянского языка [γ], чередующийся на конце слова с [х]. Свидетельство этого — такие рифмы, как *дух — вдруг, юг — слух, стих — настиг, мог — вздох*; ср. у Е. А. Баратынского:

Не знал я радостей, не знал я мук других,
За мигом не умел другой предвидеть миг...

у А. Пушкина:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Гораздо больше, чем сейчас, было слов, в которых на месте исконного *чн* произносилось [шн]. Так, Карамзин пишет *кумашный*, Крылов — *мушной ларь*, Гоголь — *табашный*, Некрасов — *наконешник*, курение *табашное*. В книгах того времени постоянно встречаются написания *святошный, лубошный, кулашный, кирпичный, буднишный, коришневый* и т. п.

Перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург не оказал существенного влияния на основные нормы литературного произношения. В новой столице в первое время наиболее influentialными в политическом и культурном отношении были москвичи. Со временем московское произношение в Петербурге подверглось некоторым изменениям. В результате этого к XX в. сформировались особенности петербургского произношения. Некоторые из них сохраняются в речи петербуржцев и в настоящее время.

Старопетербургское произношение характеризует «старшую» норму, а также несвойственные современному литературному языку нормы XIX — начала XX в. В их числе произношение [л] (не [л^а]) в 1-м предударном слоге на месте /о/, /а/: в[л]д^а, тр[л]в^а; эканье; [ш'ч'] на месте щ перед гласным: [ш'ч']ука, и[ш'ч']у; [ш] на месте щ перед н: хи[ш]ный, в су[ш]ности, изя[ш]ный; твердые губ-

ные вместо мягких на конце слова: *се[м]*, *любо́[ф]*; долгий [н:] на месте *н* суффиксального или корневого перед окончанием прилагательных: *ю[н:]ый*, *румя[н:]ый*, *песча́[н:]ый*; произношение [т], [д] ([т'], [д']) между зубными согласными: *влас[т]но*, *пра́з[д']ник*; только мягкий [с'] в возвратном постфиксе *-ся*, *-сь*.

В основе несвойственных современному литературному языку норм XIX — начала XX в., а также многих современных орфоэпических вариантов, характеризующих «старшую» норму, лежит и старомосковское произношение. Например, это [ы*] на месте /а/ после [ш], [ж] в 1-м предударном слоге: *ш[ы*]гá*, *ж[ы*]ра́*; мягкий [р'] после /э/ перед губными и заднеязычными согласными: *не́[р']вы́й*, *че́тве́[р']г*; мягкие губные перед мягкими заднеязычными: *я́[м'к']и*, *ла́[п'к']и*, *се́[м'г']е*; мягкие зубные перед мягкими губными: *с'п'я́на*, *Лю́[д'м']и́ла*, *о́[т'в']е́т*; звук [γ] на месте [г] в словах *Бо́га*, *бла́го*, *бога́тый*, *Госпо́дь* и производных: *боготвори́ть* и т. п.; твердые заднеязычные перед окончанием прилагательных мужского рода им. падежа ед. числа и перед глагольным суффиксом *-ива-*: *до́л[гə]й*, *жа́р[кə]й*, *ве́т[хə]й*, *затя́[гə]вать*, *прище́л[кə]вать*, *вспы́[хə]вать*; безударное окончание глаголов 3-го лица мн. числа I спряжения *-[ут]* у глаголов II спряжения: *лю́б[у]т*, *хва́л[у]т*, *ды́ш[у]т* и др.

В настоящее время действует тенденция к сглаживанию различий между московским и петербургским произношением, к формированию единой произносительной нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. — М., 1974.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. — 5-е изд. — М., 1972; 6-е изд. — М., 1984.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. — СПб., 1998.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. — 6-е изд., испр. — М., 2005.

Иванов В. В., Потиха З. А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. — 2-е изд. — М., 1985.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. — М., 1997.

Касаткина Л. Л. Современный русский язык: Фонетика. — 2-е изд. — М., 2008.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Ворунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. — 5-е изд. — М., 1989 и последующие издания.

П а н о в М. В. Современный русский язык: Фонетика. — М., 1979.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. — Ч. I / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева; Под ред. Е. И. Дибровой. — 4-е изд. — М., 2011.

Ф е д я н и н а Н. А. Ударение в современном русском языке. — 2-е изд. — М., 1982.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА

§ 161. Значение письма в истории развития общества

Люди пользуются устной речью около 500 тысяч лет. Письмо возникло гораздо позднее. Первоначальные формы начертательного письма появились 5 тысяч лет тому назад, а буквенному письму менее 3 тысяч лет.

Письменность — одно из самых важных культурных завоеваний человечества. Цивилизация возникает вместе с появлением письма. Без письма были бы невозможны те достижения науки, техники, культуры, которыми современный мир отличается от первобытного.

До возникновения письма человеческие знания передавались от одного поколения к другому устно. Поэтому накопление этих знаний происходило чрезвычайно медленно. Многие человеческие коллективы были разделены барьерами естественными, географическими — горами, морями, океанами — или социальными — религией, обычаями, языком, разной государственной принадлежностью. Поэтому человеческие открытия, сделанные на одной территории, становились известными на другой территории спустя долгое время, а до некоторых мест и не доходили вовсе. Колесо и плуг появились в Америке вместе с проникновением туда европейцев. Аборигены Америки этих предметов не знали.

Устная речь ограничена во времени и пространстве. Произнесенное можно услышать только в момент речи. Разговаривать можно только на небольшом расстоянии. Письмо преодолевает эти ограничения. Мы можем прочесть то, что писалось вчера или тысячу лет тому назад. Мы читаем книги, написанные в разных странах мира, получаем письма из разных уголков Земли.

Изобретение радио, телефона, звукозаписи позволило передавать на расстояние и хранить долгое время речь звуча-

щую. Но письменная речь имеет много преимуществ перед устной речью. Что легче — прочесть книгу или прослушать ее в записи чтеца? Тем более если это не художественное произведение, а, например, учебник русского языка. Книгу можно быстро просмотреть, найти по оглавлению нужную страницу, взять с собой в дорогу.

Огромное значение письма в жизни людей вызывало у древних народов представление о его божественном происхождении. Повсюду, как на Востоке, так и на Западе, введение письма приписывается божеству.

Письмо, как и язык, представляет собой внешние символы нации. Именно поэтому многие завоеватели уничтожали письменные памятники покоренных народов. Испанцы, завоевав Мексику в 1520 г., сожгли книги ацтеков: ведь они напоминали бы туземцам об их былом величии. По этой же причине нацисты и большевики, стремившиеся искоренить идеологии, враждебные их собственной, уничтожали книги своих противников.

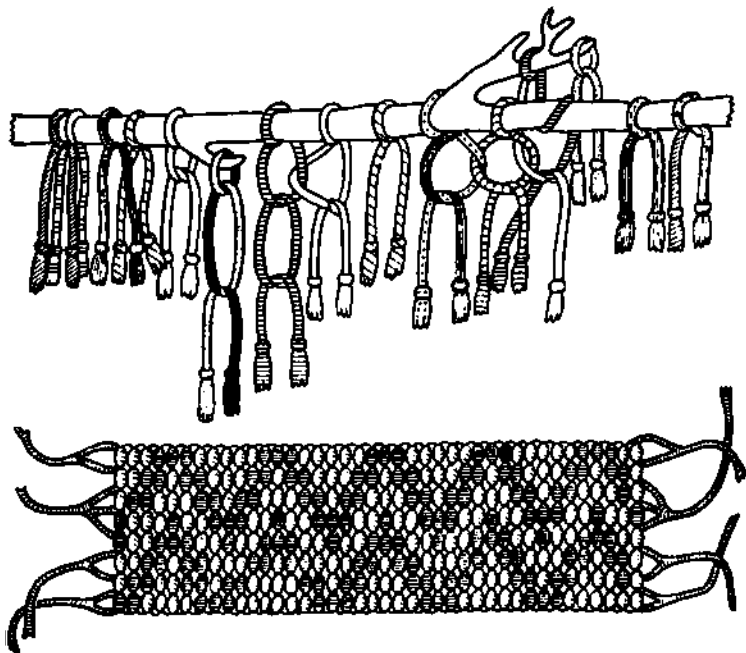
§ 162. Предметные послания как средства передачи сообщений

Письмо возникло из потребности передать сообщение людям, отсутствующим в данное время в данном месте. В дописьменную эпоху в этих целях могли использоваться различные предметы. Охотник оставляет на развилке двух тропинок стрелу или ветку дерева, чтобы показать идущему за ним другому охотнику, куда идти. Известен случай, когда попавший в плен африканец послал жене камень, кусок угля, перец, зерно и лохмотья, чтобы передать следующее сообщение: как камень тверд, так твердо и сильно мое тело; как черен уголь, так темно и мрачно мое будущее; как жжет перец, так жжет и у меня внутри из-за мрачного будущего; как зерно иссохло при сушке, так и мое тело иссохло, опаленное жаром моего горя и моих страданий; каковы эти лохмотья, такова и моя одежда, превратившаяся в рвань. В Средней Азии было обнаружено любовное послание местной девушки молодому человеку, представлявшее собой мешочек с различными предметами, которые означали следующее: комочек чая — «я больше не могу пить чай»; соломинка — «потому что я пожелтела от любви к тебе»; красный плод — «меня бросает в краску, когда я думаю о тебе»; сушеный абрикос — «я сохну»; кусок древесного угля — «мое сердце сгорает от любви»; цветок — «ты пре-

красен»; камешек — «разве ты камень?»; перо сокола — «если бы у меня были крылья, я бы полетела к тебе».

Значения предметов в таких посланиях должны быть известны отправителю и получателю. Иначе коммуникация состояться не может. Геродот пишет, что скифы послали напавшему на них персидскому царю Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий так понял этот символический дар: скифы отдают ему свою землю и воду, где живут мыши и лягушки, птица по быстроте похожа на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Но один из мудрецов Дария объяснил смысл даров иначе: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зареетесь в землю, или как лягушки не спрячетесь в болоте, то будете поражены нашими стрелами, как только вступите на нашу землю».

Известно перуанское письмо к и п у — палочка с навязанными разноцветными шнурками с узелками, каждый из которых имел определенное значение. Североамериканские индейцы ирокезы использовали для передачи сообщений в а м п у м — широкий пояс, сделанный из нитей, унизанных раковинами или бусами, подобранными определенным образом в соответствии с содержанием сообщения.

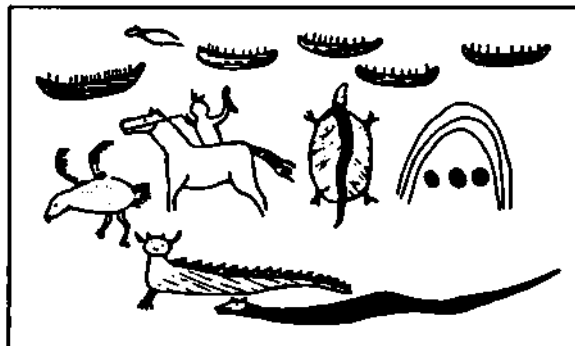
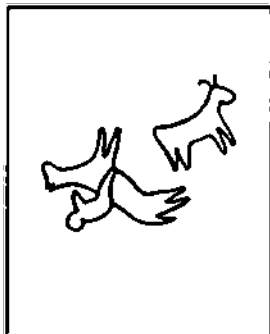
Кипу. Вампум

Предметным посланием, несущим определенную информацию, является в средневековой Европе перчатка как знак вызова на дуэль, цветок — белый как знак чистоты, красный как знак любви, голубой как знак памяти. На Суматре знаком дружбы служила посылка соли, знаком вражды и гнева — посылка перца. У славянских народов поднесение хлеба и соли является выражением дружбы. На Украине существует обычай, по которому девушка передает сватающемуся за нее юноше тыкву в знак несогласия выйти за него замуж.

§ 163. Этапы развития начертательного письма

Первым типом письма была **пиктография**, т. е. письмо рисунками (от лат. *pictus* 'нарисованный' и греч. *grapḗ* 'пишу'). До нас дошли многие рисунки древних людей, выбитые на скалах и камнях, нарисованные на стенах пещер. Но только некоторые из них являются пиктограммами — те, которые выполнены с целью передачи определенного сообщения. Художественная сторона для пиктограммы несущественна.

Пиктограмма представляет собой рассказ в картинках, который передает целое сообщение, обычно не расчлененное на слова. Вот сообщение «Прохода нет», сделанное индейцем на скале у крутой горной тропы. Рисунок предупреждает всадников, что по этой скалистой тропе может вскарабкаться горная коза, лошадь же свалится (рис. слева).

Справа приведен индейский наскальный рисунок, рассказывающий о военном походе. Вверху нарисованы пять каноев, в которых сидит 51 человек — люди обозначены верти-

кальными штрихами. Поход возглавляет вождь по имени Кишкемунаси (Зимородок), его тотем в виде этой птицы изображен над первой лодкой. Поход длился три дня, об этом мы узнаем по изображению трех солнц под тремя дугами, символизирующими небосвод. После благополучной высадки, обозначенной изображением черепахи, отряд быстро двинулся вперед, о чем говорит изображение всадника. Орел — символ отваги — олицетворяет боевой дух воинов. Описание оканчивается изображением ягуара и змеи, олицетворяющих соответственно силу и хитроумие; к ним вождь взывает о помощи в походе.

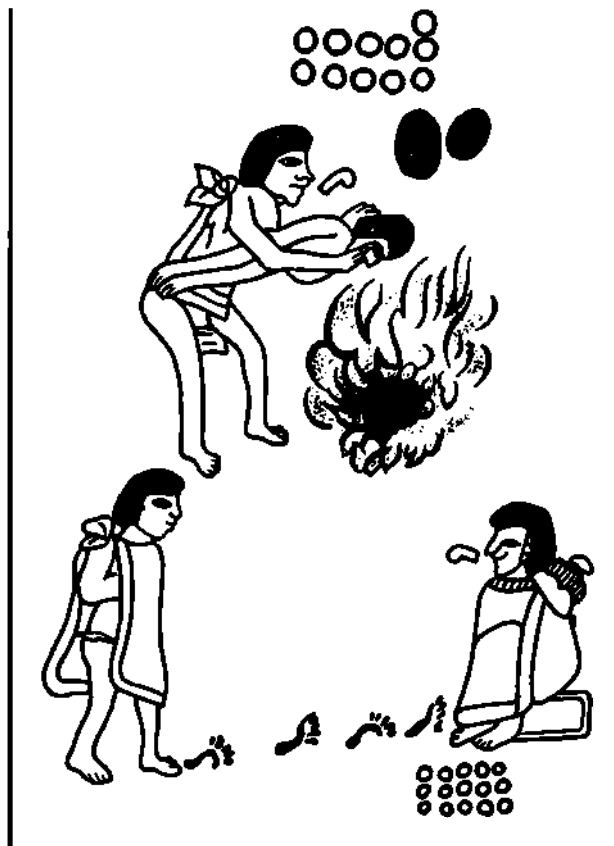
Рисунок на с. 418 воспроизводит страницу из ацтекского пиктографического трактата о воспитании детей. Вот его содержание. Дети имеют право на пропитание (два овала, обозначающие хлеба) до 11 лет (11 кружков). Родители могут наказывать детей дымом и жаром костра, объясняя при этом (знак речи у рта) их провинность. По достижении пятнадцатилетнего возраста (15 кружков) юношу следует послать (знаки следов) к жрецу для обучения (знак речи).

Пиктограммы используются и в настоящее время. Это изображения товаров на вывесках магазинов и мастерских: калач, бутылка молока, круг колбасы, сапог и т. п. Это и некоторые дорожные знаки, например изображение детей, означающее «Осторожно, дети!», рисунок руки с вытянутым указательным пальцем как знак направления и т. п. Эти рисунки понятны людям, говорящим на разных языках. Пиктограмма не отражает речи.

Следующим этапом письма была идеография, т. е. письмо понятиями (от греч. *idea* 'идея, понятие' и *graphein* 'пишу'). При этом виде письма идеограмма — графический знак в виде отвлеченного рисунка или условного изображения служит символом понятия, стоящего за словом. Каждое слово находит здесь свое обозначение. Поэтому такие знаки называют еще логограммами (от греч. *logos* 'слово').

Переход от пиктографии к идеографии вызван необходимостью передать на письме абстрактные понятия, которые не могут быть изображены с помощью конкретного рисунка. Можно, например, нарисовать дом, стрелу, сову, зайца. Но невозможно наглядно передать значение 'родина', 'лететь', 'мудрость', 'трусость'.

При переходе от пиктографии к идеографии вначале используются те же рисунки, но значение их меняется. Рисунок глаза как пиктограмма обозначает 'глаз', а как идеограмма может обозначать понятия 'зоркость', 'бодрствование'.

ние', 'видеть' и др. Рисунок солнца как идеограмма обозначать 'яркий', 'белый', а также и 'день' и 'в'

На этом этапе письма связь между понятием и изображающим его рисунком еще можно проследить, и связь уже условна, она не вытекает из рисунка. Знаки графического письма превращаются в иероглифы (*hieroglyphoi* 'священное письмо, которым владели жрецы'), где реалистичность рисунка становится обязательной. Иероглифы из рисунков постепенно становятся в абстрактные условные знаки. Эти изменения в начертании иероглифов прослеживаются по памятникам древнего письма. Иероглифическим было древнее письмо жителей Месопотамии — междуречья Тигра и Евфрата, древнее египетское, китайское письмо (Инь).

Древ- нее письмо (Инь)	Поздней- шее письмо	Назва- ние	Значе- ние	Древ- нее письмо (Инь)	Поздней- шее письмо	Назва- ние	Значе- ние
☉	日	жи	солнце	人	人	жэнь	человек
△	山	шань	гора	口	口	коу	рот
火	火	хо	огонь	目	目	му	глаз
木	木	му	дерево	上	上	шань	наверху
犬	大	цзянь	собака	下	下	ся	внизу
人	馬	ма	лошадь	中	中	чжун	средний
魚	魚	юй	рыба	生	生	шэн	расти

Идеографическое письмо имеет то удобство, что идеограмма, иероглиф передает понятие вне конкретного звукового оформления в речи. Поэтому, например, в китайской иероглифической письменности омонимы передаются разными иероглифами. Некоторые китайские диалекты настолько различны, что носители этих диалектов не понимают устную речь друг друга. Но письменную речь они понимают: китайское письмо построено на передаче понятий и не отражает особенностей произношения.

Но идеографическое письмо имеет и большое неудобство: в языке передается огромное количество понятий и каждое из них должно иметь свой письменный знак. В полных словарях китайского языка содержится более 40 тысяч иероглифов. Запомнить их практически невозможно. Для понимания даже самых простых современных китайских текстов необходимо знание не менее 2 тысяч иероглифов, а более сложных — 5–6 тысяч. Поэтому обучение чтению и письму в Китае занимает много лет.

Элементы идеографии есть и в нашем письме: цифры, выражающие понятие числа, специальные научные символы, например математические $+$, $-$, $\times$, $:$, $\sqrt{\quad}$ и др., химические H , O , Ca , H_2SO_4 и т. п. Идеография применяется в дорожных знаках: прямоугольник («кирпич»), обозначающий, что проезд запрещен, зигзаг как знак крутого поворота, крест как

знак пересечения дорог и т. п. К идеографии относятся условные обозначения на географических картах, где специальными знаками помечены леса, болота и т. п.

Дальнейшее развитие письма привело к возникновению **фонографии**, отражающей произношение слова. Первым этапом фонографии было **слоговое**, или **силлабическое**, письмо (от греч. *syllabē* 'слог'). При этом виде письма графические знаки являются **силлабами**, обозначающими слог.

Первыми к такому письму перешли шумеры и египтяне. Логограммы своего письма они стали использовать для обозначения слогов. Пути этого изменения можно пояснить таким примером. Если бы существовало логографическое письмо, в котором понятия 'гусь' и 'ком' обозначались двумя логограммами, то сочетание этих двух знаков стало бы читаться [гус'ком], обозначая наречие *гуськом*, сочетание знаков для слов *пар* и *ус* стало бы читаться [парус], обозначая существительное *парус*.

Слоговое письмо подразделяется на несколько типов — в зависимости от того, что обозначают **силлабемы**.

В современном индийском письме **деванагари** большинство знаков соответствует сочетаниям разных согласных с гласным *а*, т. е. слогам *па*, *ба*, *та*, *да* и т. п. Для обозначения слогов, состоящих из согласного и другого гласного, кроме *а*, в деванагари используются дополнительные знаки, которые ставятся рядом с основным знаком, над или под ним. Для передачи слога, включающего два или более согласных звука, используются соответствующие **силлабемы**, объединенные сверху одной общей чертой. Например, чтобы передать слог *кта*, используются соединенные чертой знаки для слогов *ка* и *та*.

पाणि उपधेहि

Индийское письмо деванагари

من رفیق

Арабское письмо

Знаки японского письма **кана**, сформировавшиеся на основе китайских иероглифов, обозначают в большинстве случаев сочетания различных согласных с разными гласными: *ра*, *ма*, *ха*, *ри*, *ми*, *хи*, *ру*, *му*, *ху*, *ро*, *мо*, *хо* и т. п. Таких знаков 39; кроме того, 5 знаков служат для передачи гласных.

Разновидностью слогового письма является **консонантное письмо** (от лат. *consonans, consonantis* 'согласный звук'). В нем основными знаками передаются согласные, а глас-

ные либо вовсе не обозначаются, либо передаются особыми дополнительными знаками. Таково, например, современное арабское письмо, в котором есть специальные знаки для согласных, а гласные могут передаваться при помощи надстрочных и подстрочных значков — комбинаций точек, кружков и черточек (см. рис. на с. 420).

Вторым этапом развития фонографии было создание алфавитов, буквы которых отдельно передают согласные и гласные фонемы.

ГРАФИКА

§ 164. Графика и алфавиты

Передавая нашу речь на письме, мы пользуемся буквами, каждая из которых имеет определенное значение. Употребляем мы и другие письменные знаки: знак ударения, дефис (черточка), знаки препинания (правила их употребления относятся к пунктуации), апостроф, знак параграфа, пробелы между словами, абзацами, главами, а также шрифтовые выделения (курсив, полужирный шрифт, разрядка и др.), подчеркивание, использование цвета.

Совокупность букв, расположенных в установленном порядке, называется **алфавитом** или **азбукой**. Слово *алфавит* происходит от названия двух первых букв греческого алфавита: α — *альфа* и β — *бета* (по-новогречески *вита*). Слово *азбука*, калька со слова *алфавит*, происходит от названия двух первых букв древнего славянского алфавита кириллицы: *а* — *аз* и *в* — *буки*.

Алфавит — это система букв, передающих звуки или фонемы языка. Существуют три типа алфавитов, которые различаются по методу обозначения гласных: 1) греческий, латинский, русский и др., где гласные обозначаются отдельно стоящими буквами; 2) арабский, еврейский и др., где гласные обозначаются отдельно стоящими диакритическими (т. е. надстрочными или подстрочными) значками; 3) индийский, эфиопский и др., где гласные обозначаются диакритическими значками, слитыми с основными буквами.

§ 165. Греческий алфавит

Почти все известные алфавитные системы письма имеют общее происхождение: они восходят к семитскому пись-

му Финикии, Сирии и Палестины II тысячелетия до н. э. Это было консонантное письмо, содержащее 22 знака для согласных.

Финикийцы, жившие на восточном побережье Средиземного моря, были известными мореходами древности. Они вели активную торговлю с государствами Средиземноморья. В IX в. до н. э. финикийцы познакомили со своим письмом греков. Греки несколько видоизменили начертания финикийских букв и их названия, сохранив порядок. Вот первые буквы финикийского и греческого алфавитов:

Финикийское письмо				Греческое письмо		
буква	фонетическое значение буквы	название буквы	значение названия	буква	значение буквы	название буквы
𐤀	гортанный взрывной согласный	‘алеф	бык	Α	[а]	альфа
𐤁	[б]	бет	дом	Β	[б]	бета
𐤂	[г]	гимель	верблюд	Γ	[г]	гамма
𐤃	[д]	далет	дверь	Δ	[д]	дельта

Но греки сделали очень важное изменение: они стали обозначать отдельными буквами не только согласные, но и гласные. Для этого они использовали некоторые финикийские буквы. Так, первая буква ‘алеф в финикийском алфавите обозначала согласный звук, отсутствовавший в греческом языке, — гортанный взрывной. Греки стали буквой альфа обозначать гласный а. В своем классическом варианте, сформировавшемся в Афинах, греческий алфавит включал 24 буквы — 17 согласных и 7 гласных.

Финикияне писали справа налево. Таково же направление письма в современных письменностях, восходящих к древнесемитскому письму — арабскому и еврейскому. Вначале греки писали справа налево, подобно семитским народам, затем способом «бустрофедон» («повороты быка»), при котором строки (подобно быку на пашне) шли попеременно — то справа налево, то слева направо. Затем у греков установилось письмо слева направо.

§ 166. Латиница

В I тысячелетии до н. э. южная Италия была колонизована греками. В результате этого с греческим письмом познакомились разные народы Италии, в том числе этруски. От этрусков греческое письмо в VII в. до н. э. стало известно латинам — италийскому племени, основавшему Рим. Окончательно сформировался классический латинский алфавит в I в. до н. э.

В эту эпоху латинский алфавит (латиница) включал 23 буквы. Некоторые греческие буквы в латиницу не вошли, некоторые изменили свое звуковое значение, некоторые были созданы заново. Позднее, в Средние века, были добавлены буквы W как видоизменение V и J как видоизменение I. Кроме того, два начертания первоначально одной и той же буквы V — U стали употребляться как две разные буквы с разными звуковыми значениями [v] и [u]. Изменились и названия букв: A — a, B — be, C — ce, D — de, E — e, F — ef и т. п.

В эпоху Римской империи происходило широкое распространение латинского языка и письма. Его влияние усилилось в Средние века в связи с переходом в христианство всех народов Европы.

Латинский язык стал богослужебным языком во всех государствах Западной Европы, а латинское письмо — единственно допускаемым письмом для богослужебных книг. На латинском языке писали в Средние века и научные трактаты. В результате латинский язык был на протяжении столетий международным языком европейского культурного мира, а латинский алфавит был принят подавляющим большинством европейских народов.

Алфавиты, построенные на основе латиницы, употребляются в настоящее время большинством народов Европы, таковы же и все письменные системы Америки и Австралии, большинство алфавитов Африки, некоторые алфавиты народов Азии. Латинским письмом пользуется сейчас треть населения мира.

Приспособление латиницы к разным языкам вызвало необходимость дополнить алфавит знаками для передачи особых фонем, характерных для этих языков. Осуществлялось это путем введения диакритик и сочетаний букв.

Диакритические знаки, помещаемые над и под буквой или внутри нее, могут быть различных типов, например ö, ï в венгерском, немецком, турецком, эстонском и других алфавитах, á, ó, ù в венгерском, вьетнамском, испанском, порту-

гальском, чешском и др., *č, š* в латышском, литовском, хорватском, чешском и др., *â, ê* во вьетнамском, португальском, французском и др., *ź* в польском, *ň* в чешском, *ñ* в испанском, *q, ç* в литовском и польском, *ç* в албанском, португальском, турецком, французском, *ø* в датском и норвежском, *ż* в польском алфавите и др.

Отдельные звуки (фонемы) могут передаваться и сочетаниями букв. Таковы, например, в английском письме сочетания *ch, sh, th, ph, ou, ea*, в немецком — *ch, sch, tsch*, во французском — *ch, gn, eu, ou, an*, в польском — *cz, sz*. Употребляются и лигатуры — буквы, образованные из соединения элементов двух букв. Так, *æ* в датском, исландском, норвежском, *œ* во французском отражают традицию латинского письма, где эти буквы могли употребляться вместо сочетаний *ae, oe*; в немецком письме используется *ß*, образованная из *ss*.

Поэтому одни и те же звуки могут обозначаться в разных системах письма по-разному, хотя в основе этих систем и лежит латиница. Например, звук типа русского [ш] передается в английской графике *sh*, во французской — *ch*, в немецкой — *sch*, в итальянской — *sc*, в норвежской — *sj*, в польской — *sz*, в чешской — *š*, в румынской — *ș*, в венгерской — *s*.

§ 167. Кириллица

В 863 г. византийский император направил в Моравию — славянское княжество, находившееся на территории, которая входит в современную Чехию, миссию во главе с двумя братьями Константином и Мефодием. Их целью было создание славянской письменности и перевода на славянский язык греческих богослужебных книг.

Константин, получивший имя Кирилл при пострижении в монахи, разработал славянскую азбуку и вместе с Мефодием создал старославянский язык — древнейший литературный язык славян.

Известны два древних славянских алфавита — глаголица и кириллица. Оба они обнаруживают большое сходство: состав букв, их порядок, значения и названия почти полностью совпадают. Есть и похожие буквы. Но начертание букв кириллицы отличается от глаголицы значительной простотой. Какой из этих алфавитов принадлежит Кириллу, точно неизвестно. Большинство лингвистов считают, что Кирилл создал глаголицу, а кириллицу — ученики Кирилла и Мефодия значительно позднее.

Постепенно дублетные буквы выводились из алфавита. Так исчезли 12 букв. Две буквы были добавлены: *й* была введена Академией наук в 1735 г.; *ѣ* была придумана Н. М. Карамзиным и впервые была им применена в 1797 г.

Изменилось и начертание букв. Древнейший русский почерк — устав отличался строгостью начертания букв. Каждая буква писалась раздельно, ставилась перпендикулярно строке, имела угловатые геометрические формы. Слова пробелами обычно не отделялись. Изменение почерка связано с большей округлостью букв, изменением начертаний некоторых букв, появлением нескольких почерков, в том числе рукописного. Наибольшие изменения коснулись следующих букв: *Ѣ*→*Э*, *Ѥ*→*З*, *Н*→*И*, *Н*→*Н*, *Ѯ*→*У*, *Ѱ*→*Ч*, *Ѳ*→*Щ*, *Ѧ*→*Е*, *ѧ*→*Я*.

Кириллические названия букв *аз*, *буки*, *веди*, *глаголь* и т. д. употреблялись в школах до 1917 г. О такой системе обучения грамоте написал М. Горький в повести «Детство». Названия букв *а*, *бе*, *ве*, *ге* и т. д., идущие от латиницы, были известны в России со второй половины XVIII в., но во всеобщее употребление вошли лишь в советское время.

Первая реформа русского письма была осуществлена в 1708–1710 гг. Петром I, который утвердил состав букв и их начертания. Ряд ненужных букв был исключен из алфавита, начертания букв были округлены и упрощены. Этот шрифт получил название гражданской азбуки, гражданщины. Были отменены графические сокращения слов, обозначающих часто упоминаемые церковные понятия, с титлами — особыми надстрочными знаками в виде ломаной линии. Числа, обозначавшиеся раньше буквами, над которыми стояли титла, стали обозначаться арабскими цифрами.

§ 168. Алфавиты языков народов России

Большинство народов, входивших в Советский Союз, используют русскую графику. Алфавиты украинцев и белорусов восходят, как и русский алфавит, к кириллице. На основе русского алфавита была создана письменность до 1917 г. у немногих народов — осетин, якутов, коми, удмуртов, чувашей.

В России в начале XX в. многие народы, исповедовавшие мусульманскую веру, пользовались арабским письмом: казахи, киргизы, узбеки, татары, таджики, туркмены, азербайджанцы и др. Почти все малые народы Крайнего Севера, Дальнего Востока, Камчатки, Сибири, Северного Кавказа вообще не имели письменности. В СССР в 1920-е гг. у этих

народов создавалась письменность на латинской основе. Однако использование латинского алфавита, имеющего 26 букв, в качестве основы новых алфавитов народов СССР требовало введения большого количества дополнительных знаков для особых фонем этих языков и создавало разрыв между этими алфавитами и алфавитами крупнейших народов СССР — русского, украинского и белорусского. Поэтому в 30-х гг. алфавиты этих народов были переведены на русскую основу. В те же годы на русской основе был создан алфавит Монголии.

Кроме кириллицы в СССР использовались армянский алфавит, созданный в IV в. н. э., грузинский — в V в. н. э., еврейский — в VI в. до н. э., а также построенные на основе латиницы литовский, латышский и эстонский алфавиты.

После распада СССР Азербайджан, Молдова, Узбекистан переходят на латиницу.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ГРАФИКА

§ 169. Современный русский алфавит

В современном русском алфавите 33 буквы. Каждая буква имеет два варианта — печатный и рукописный. В каждом варианте два вида букв — прописные (большие, заглавные) и строчные (малые). Так, первая буква алфавита представлена вариантами А, а, А, а.

Существуют индивидуальные и комплексные названия букв. И н д и в и д у а л ь н ы е названия следующие:

Буква	Название	Буква	Название	Буква	Название	Буква	Название
а	а	и	и	с	эс	ъ	твердый знак, ер
б	бэ	й	й	т	тэ		з
в	вэ	к	ка	у	у	ы	ы
г	гэ	л	эль	ф	эф	ь	мягкий знак, ерь
д	дэ	м	эм	х	ха		э
е	е	н	эн	ц	цэ	э	э
ё	ё	о	о	ч	че	ю	ю
ж	же	п	пэ	ш	ша	я	я
з	зэ	р	эр	щ	ща		

Названия гласных букв — двух типов. 1. Названия букв *а, и, о, у, ы, э* состоят из одного гласного звука: [а], [и], [о], [у], [ы], [э]. 2. Названия букв *е [jэ], ё [jo], ю [ju], я [ja]* состоят из гласного звука и предшествующего ему согласного [j].

Названия согласных букв — четырех типов (первые три из них образованы в соответствии с названиями букв латиницы). 1. Названия букв *б, в, г, д, ж, з, л, т, ц, ч* состоят из соответствующего согласного звука и следующего за ним гласного [э]: [бэ], [вэ] и т. п. 2. Названия букв *л, м, н, р, с, ф* состоят из соответствующего согласного звука и предшествующего гласного [э]: [эл'], [эм] и т. п. Мягкость [л'] в названиях буквы *л* в отличие от твердости остальных согласных в названиях букв этого типа объясняется тем, что в латинице, откуда заимствовано название этой буквы, ей соответствует *l*. В названии русской буквы «полумягкий» звук [л] заменялся мягким [л']. 3. Названия букв *к, х, ш, щ* состоят из соответствующего согласного звука и последующего гласного [а]: [ка], [ха] и т. п.

Буква *й* с начала XVIII в., когда она появилась в нашем алфавите, называлась «и с краткой» (по значку «кратка» над буквой; это название было образовано по типу названия имевшейся тогда в алфавите буквы *і* — «и с точкой»). Во второй половине XIX в. ее стали называть «и краткое». Это название неудачно: буква *й* обозначает фонему /j/, название же «и краткое» связывает букву *й* со звуком [и]. Поэтому у буквы *й* в школьных учебниках приведено новое название «й» (читается [ий]).

В современном русском языке существует тенденция называть согласные буквы 2-го и 3-го типов по 1-му, самому многочисленному. Эта тенденция проявляется, в частности, в аббревиатурах, читаемых по названиям букв: *США* [сэ-шэ-а], *ФРГ* [фэ-эр-гэ] и т. п. В аббревиатурах проявляется также тенденция называть букву *л* с твердым согласным — [эл] (по аналогии с остальными названиями этого типа); ср.: *ЛГ, ЛДП, НЛО* и т. п.

Буквы *ъ* и *ь* в научной литературе в соответствии с традицией называются «ер» и «ерь». Так, в частности, называются буквы фонетической транскрипции. В школьных учебниках эти буквы называются «твердый знак» и «мягкий знак». Название «мягкий знак» соответствует одной из функций *ь* указывать на мягкость предшествующей согласной фонемы. Название «твердый знак» возникло тогда, когда *ъ* писали на конце слова после твердой согласной: *домъ, столъ, миръ*. Сейчас это название — чистая условность.

Комплексные названия обозначают классы букв. В русском алфавите 10 гласных букв: *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 21 согласная буква: *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*. Буквы *ъ* и *ь* звуков не обозначают, поэтому их иногда называют безгласными.

§ 170. Фонематический принцип графики

В различных системах письма основная графическая единица может обозначать разные единицы языка: логограмма передает слово, морфемограмма — морфему, силлабограмма — слог, буква — фонему и звук. Основная графическая единица русского письма — буква.

Буквы русского алфавита обозначают не звуки, как об этом говорится в школьном учебнике, а фонемы. Так, в слове *спецдежда* букве *ц* соответствует звук [ц], а в слове *спецзадание* — звук [дз]. Но эти разные звуки — вариации одной и той же фонемы /ц/. Она-то и обозначается буквой *ц*. В формах слова *Петр, Петра, Петру* на месте буквы *р* произносятся разные звуки: [р], [р], [р']. Но буква *р* обозначает не эти звуки, а фонему /р/, воплощенную в них. Один из самых частых звуков русского языка — [ə], но у него нет «своей» буквы, так как звук [ə] не представляет особой фонемы. В слове *травяной* он вариант /а/, которая обозначается буквой *а*, в слове *водяной* он вариант /о/, которая обозначается буквой *о*.

§ 171. Позиционный принцип русской графики

Если фонематический принцип определяет, что обозначают буквы, то позиционный принцип определяет, как передаются фонемы на письме.

Почти все русские буквы многозначны: рядом с одними буквами они обозначают одни фонемы, рядом с другими буквами — другие. Так, *ё* может обозначать сочетание фонем /jo/ (*ёлка* /jóлка/); /'o/, т. е. гласную фонему и часть предшествующей согласной фонемы — ее мягкость (*тёлка* /т'óлка/); /o/ (*шёлка* /шóлка/). Значение буквы *ё* определяется занимаемой ею позицией — предшествующими буквами и пробелом.

Некоторые буквы обозначают фонему только вместе с другими буквами. Так, в обозначении фонемы /в'/ в слове *вёл* принимают участие буквы *в* и *ё*, а в обозначении фоне-

мы /в/ в слове *вол* — буквы *е* и *о*. Поэтому, если видна только буква *е*, то мы не сможем определить, какая фонема — /в/ или /в'/ — выступает в слове. Это можно сделать, только увидев, что стоит после буквы *е*, т. е. определив ее позицию.

Позиционный принцип графики (его называют также **слововым** и **буквосочетательным**) заключается в том, что фонемное соответствие букве может быть установлено только с учетом ее позиции — соседних букв и других графических знаков.

Позиционный принцип графики проявляется в тех случаях, когда буква многозначна или передает не все содержание фонемы. Таковы почти все буквы. Только буква *й* всегда передает одну и ту же фонему /j/ независимо от позиции. Эта буква — вне действия позиционного принципа графики. (Одно значение и у *ъ*, но само наличие этой буквы в алфавите определяется не графикой, а орфографией.)

Позиционный принцип графики связан с двумя ее особенностями: обозначением на письме фонемы /j/ и обозначением твердости/мягкости согласных фонем.

§ 172. Обозначение на письме фонемы /j/

В исконно русских словах фонема /j/ обозначается тремя различными способами в зависимости от позиции, занимаемой этой фонемой. В начале слова перед гласной и между гласными /j/ вместе с последующей гласной /а/, /у/, /э/, /о/ обозначается буквами *я*, *ю*, *е*, *ё*: *яма* /јама/, *юг* /југ/, *ель* /јэл'/, *ёж* /јож/; *моя* /моја/, *мою* /моју/, *моей* /мојеј/, *моё* /мојо/.

После согласной перед гласной /j/ вместе с последующей гласной фонемой обозначается буквами *я*, *ю*, *е*, *ё*, *и*, перед которыми пишется разделительный *ь* или *ъ*: *обезьяна*, *изъян*, *ладью*, *адъютант*, *судье*, *подъезд*, *побьём*, *объём*, *чьи*.

После гласной перед согласной и на конце слова /j/ обозначается буквой *й*: *стройка*, *чайник*, *сарай*, *мой*.

В заимствованных словах *й* может обозначать /j/ и перед гласной: *йод*, *йогурт*, *Йемен*, *район*, *майор*, *майонез*, *фойе*, *аллилуйя*. Так передается /j/ в начале слова и после гласной. После согласной сочетание фонем /jo/ передается буквами *ю*: *бульон*, *павильон*, *почтальон*, *шиньон*, *синьор*, *гильотина*.

После гласной перед /и/ фонема /j/ на письме не обозначается. Поэтому одинаково передаются на письме соче-

тания фонем /аји/, /ији/, /оји/, /уји/, /эји/: *окраина, арии, доилка, струит, клеит* — и /аи/, /ии/, /ои/, /уи/, /эи/: *заискивать, антиисторизм, проиграть, полуимя, неискренний*. Чтобы узнать, есть ли между гласными /ј/, нужна специальная проверка. Графика не дает на это ответа.

§ 173. Обозначение на письме твердости и мягкости согласных

Парные твердые и мягкие согласные фонемы, кроме /ч'/, /ц/, передаются на письме одной и той же буквой: /б—б'/ — *б*, /в—в'/ — *в*, /т—т'/ — *т* и т. д. Твердость/мягкость согласной фонемы в этом случае может обозначаться на письме другой буквой, следующей за согласной, или иным графическим знаком.

Твердость/мягкость таких согласных фонем, стоящих перед гласными, обозначается на письме гласными буквами. Твердость согласной перед гласной обозначается буквами *а, о, у, ы, э*: *мал* /мал/, *сон* /сон/, *лук, ты, сэр*. Мягкость согласной перед гласной обозначается буквами *я, ё, ю, и*: *мал* /м'ал/, *мёд* /м'од/, *люди* /л'уд'и/.

Буква *е* не указывает на качество предшествующей согласной фонемы: написание *те* может соответствовать /т'э/ (*тесто*) и /тэ/ (*теннис*), *де* — /д'э/ (*дело*) и /дэ/ (*модель*), *фе* — /ф'э/ (*кофе*) и /фэ/ (*кафе*) и т. д. Перед *е* твердость/мягкость согласной остается не обозначенной на письме.

На конце слова мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — пробелом: *ударь* /р'/, *удар* /р/; *весь* /с'/, *вес* /с/; *моль* /л'/, *мол* /л/.

Перед согласной, кроме /ј/, мягкость согласной фонемы обозначается буквой *ь*, твердость — второй согласной буквой: *банька* /н'/, *банка* /н/; *верьте* /р'/, *в конверте* /р/; *кольчуга* /л'/, *колчан* /л/.

После согласных перед /ј/ пишутся разделительные *ъ, ь*, которые служат для уточнения значения следующих за ними букв *я, ю, е, ё, и*, но не указывают на твердость/мягкость предшествующей согласной. Ср. одинаковое произношение большинством говорящих первого согласного в словах *въездной* и *вьетнамский*, произношение мягкого [д'] в слове *адъютант*, твердого [ж] в слове *ружьё* и т. п. Твердость/мягкость согласной перед /ј/ связана с конкретными звуками и морфемами и на письме не передается.

§ 174. Гласные буквы после шипящих и ц

Буквы *ж, ш, ч, щ, ц* передают все содержание соответствующих фонем. Поэтому после *ж, ш, ч, щ, ц* гласные буквы обозначают только гласные фонемы.

Фонемы /а/, /у/, /о/, /и/, /э/ передаются на письме буквами *а—я, у—ю, о—ё, ы—и, э—е*. Из каждой пары букв графика «выбирает» для позиции после шипящих и *ц* одну букву — *а, у, о, и, е*: *жар, шар, чаща, царь; жук, шум, чудо, щука, отцу; ежовый, шорох, чопорный, трещотка, лицо; жир, шил, чисто, щи, цифра; жест, шест, честь, щель, цех*. После шипящих пишутся также *ё* и *ю*: *жёлтый, шёл, чёлка, щёлки; брошюра, жури, парашют*; после *ц* пишется *ы*: *цыган, сестрицын, отцы*, но эти написания — результат «вмешательства» орфографии в область графики.

Буквы *а, у, о, и* используются после шипящих и *ц* потому, что они передают здесь только фонемы /а/, /у/, /о/, /и/, как и в начале слова и после гласной, где не надо указывать на качество предшествующей согласной. Буквы же *я, ю, ё, ы* кроме обозначения соответствующей гласной фонемы имеют дополнительные функции: *я, ю, ё* обозначают еще /j/ или мягкость предшествующей согласной фонемы, а *ы* — ее твердость. После *ж, ш, ч, щ, ц* пишется буква *е* потому, что буква *э* утвердилась в русском алфавите лишь в XVIII в. и после согласной дополнительно обозначает твердость этой фонемы. Буква *е* уместна в данной позиции потому, что она обозначает только гласную фонему и после других согласных.

§ 175. Значения букв

Значения букв — это соотношенность букв с фонемами или с их частями (дифференциальными признаками), а также уточнение значения соседних букв. Значения букв в графике определяются по сигнификативно сильным позициям соответствующих фонем. Все буквы, кроме *й, э, многозначны*.

Буквы *я, ю, е, ё* обозначают фонемы /ја/, /ју/, /јэ/, /јо/ в начале слова, после гласной буквы и после *ь, э*: *яд, стоят, сыновья, объятия*. Буквы *я, ю* после согласной обозначают гласные фонемы и мягкость предшествующей согласной фонемы: *няня* — /'а/, *нюхать* — /'у/. Буква *ё* имеет то же значение после согласных, кроме шипящих: *нёс* — /'о/. Кроме того, *ё* после шипящей обозначает только *о*: *шёл*,

чёрный. Буква *е* после согласной обозначает /э/. У предшествующей согласной фонемы твердость/мягкость либо остается необозначенной: *тире, сено*, либо передана согласной буквой — шипящей или *ц*: *жертва, щепка, цель*, либо не является дифференциальным признаком и потому не должна обозначаться: *фойе*.

Буква *и* может обозначать /и/: *игра, поиск, жизнь*; /'и/, т.е. гласную фонему и мягкость предшествующей согласной: *сила* — и /ји/: *чыи*.

Буквы *а, о, у, э* в начале слова и после гласной обозначают /а/, /о/, /у/, /э/: *армия, вуаль, отпуск, наотмашь, утро, наудить, эхо, дуэт*. Это же значение у букв *а, о, у* после шипящих и *ц*, у буквы *о* также после *й*: *чай, обжора, лицу, йод*. После остальных согласных *в, б, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х* передают общую часть содержания фонем /б—б'/, /в—в'/ и т.д. — место и способ образования, глухость/звонкость. Твердость/мягкость этих фонем обозначается следующей буквой или пробелом либо остается необозначенной.

Буква *ы* после согласной обозначает /и/ и твердость предшествующей согласной фонемы: *был* /бил/, *мы* /ми/. В тех случаях, когда буква *ы* пишется после *ц* (передающей и твердость /ц/), она обозначает только /и/: *отцы, куцыи*.

В большинстве позиций буквы *й, ж, ш, ч, щ, ц* обозначают /й/, /ж/, /ш/, /ч'/, /пч'/, /ц/, буквы *б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х* передают общую часть содержания фонем /б—б'/, /в—в'/ и т.д. — место и способ образования, глухость/звонкость. Твердость/мягкость этих фонем обозначается следующей буквой или пробелом либо остается необозначенной.

Все согласные буквы, стоящие после согласных букв (но не после *ж, ш, ч, щ, ц, й* и не в сочетаниях *нч, нщ*), передают помимо своего основного значения твердость предшествующей согласной фонемы: *арбуз* — *б* передает общую часть /б—б'/ и твердость /р/ (ср. *борьба*), *гетман* — *м* передает общую часть /м—м'/ и твердость /т/ (ср. *тьма*), *таскать* (ср. *науськать*), *толщина* (ср. *болеющий*), *халцедон* (ср. *кольцо*). В сочетаниях *нч, нщ*, где *ь* никогда не пишется (*обманчивый, ременчатый, доменщик, поденищина*), буквы *ч, щ* не обозначают твердости/мягкости /н—н'/.

Буква *ь* имеет несколько значений:

1) обозначает мягкость предшествующей согласной фонемы: *брать, редька*;

2) выступает как разделительный знак: *чьей, нальёт, полью, судья, семьи*; *ь* здесь указывает на то, что *е, ё, ю, я, и* обозначают /јэ/, /јо/, /ју/, /ја/, /ји/; разделительный знак отграничивает гласную от предшествующей согласной бук-

вы, при этом *е, ё, ю, я* имеют то же значение, что и в начале слова; отсутствие *ь* привело бы к иному значению гласных букв (ср.: *чей, налёт, полю, судя, семи*);

3) сочетание букв *ьо* обозначает /jo/ в заимствованных словах: *бульон, медальон, досьон* и др.

Существует мнение, что буква *ь* после шипящих на конце слова и перед согласными имеет морфологическое значение — указывает на женский род существительного: *рожь, тушь*; 2-е лицо единственного числа глагола: *идёшь, моёшься*; форму повелительного наклонения: *плачь, режьте*; инфинитив: *беречь, печь*; наречие: *сплошь, вскачь*; частицу: *лишь, ишь*. В действительности *ь* пишется здесь только по традиции, и эти слова и формы требуют заучивания.

Буква *ъ* употребляется только в функции разделительного знака: *объехать, съжаться, межъярусный, двухъязычный, субъект, трансъевропейский*.

Разделительный *ь* не указывает на мягкость предшествующего согласного, а *ъ* — на его твердость. И перед *ь*, и перед *ъ* согласные могут произноситься мягко, полумягко и твердо: *вьюга* — [в'jуга], [в'jуга], [vjуга]; *съезд* — [с'jэст], [с'jэст], [sjэст]; *адъютант* [ад'jутánt]; *шью* [шjу]. В словах *объём* и *побъём*, *обезьяна* и *без изьяна* согласный перед разделительным знаком многими говорящими произносится одинаково. Таким образом, твердость/мягкость согласной фонемы разделительными *ь, ъ* на письме не обозначена. Разделительные *ь, ъ* выполняют одну и ту же графическую функцию: они уточняют значение следующих за ними многозначных букв *я, ю, е, ё, и*, указывая, что эти буквы обозначают две фонемы — /j/ и соответствующую гласную (/ja/, /jo/ и т. д.). Поэтому их иногда называют предупредительными знаками. Употребление разделительного *ь* или *ъ* определяется правилами орфографии. Выполняя ту же функцию, что и *ь*, буква *ъ* лишняя в русском письме.

Таким образом, буква может обозначать часть фонемы, часть одной и часть другой фонемы, одну фонему, одну фонему и часть другой фонемы, две фонемы, две фонемы и часть другой фонемы, может не иметь фонемного значения. Буква может уточнять значение соседней буквы.

ОРФОГРАФИЯ

Орфография (от греч. *orthos* 'правильный' и *graphō* 'пишу') буквально означает 'правописание', т. е. правильное, соответствующее нормам письмо. Но значения слов ор-

фография и *правописание* не совпадают; второе слово имеет более широкое значение, включающее пунктуацию.

Русская орфография — это система правил написания слов. Она состоит из пяти основных разделов: 1) передача буквами фонемного состава слов; 2) слитные, раздельные и дефисные (полуслитные) написания слов и их частей; 3) употребление прописных и строчных букв; 4) перенос части слова с одной строки на другую; 5) графические сокращения слов.

Разделы орфографии — это большие группы орфографических правил, связанные с разными видами трудностей передачи слов на письме.

Каждый раздел орфографии характеризуется определенными принципами — закономерностями, лежащими в основе орфографической системы. Принципы орфографии — это общие основания для написания слов и морфем при наличии выбора, предоставляемого графикой. Каждый принцип орфографии объединяет свою группу орфографических правил, являющихся приложением этого принципа к конкретным языковым фактам.

§ 176. Орфограмма

Средства нашего письма позволяют передать звучание слова разными способами. Одни из них правилами графики и орфографии узаконены, другие запрещаются. **О р ф о г р а м м а** — это такое написание слова, которое выбирается из ряда возможных при одном и том же произношении и отвечает определенному орфографическому правилу. Например, в слове *портфель* орфограммами являются буквы *о*, *р*, *т*, *ф*, *л* (могут быть написаны соответственно *а*; *pp*; *д*, *тт*, *дд*; *фф*; *лл*).

Любая из этих замен будет орфографической ошибкой, при которой произношение слова останется прежним. Буквы *л*, *е*, *ь* в этом слове не являются орфограммами: замена любой из них обязательно вызовет изменение произношения.

На месте орфограммы может быть допущена орфографическая ошибка. Но возможность появления ошибки на месте разных орфограмм не одинакова. В словах *мама*, *птица*, *идёт* выделенные буквы являются орфограммами. Однако в подобных случаях ошибок практически не бывает. Поэтому различаются теоретические и реальные, практические орфограммы. В слове *портфель* практическими ор-

фограммами являются буквы *о* и *т*. Практические орфограммы бывают не в каждом слове. Так, в словах *дом*, *жар*, *соль*, *глухарь*, *сухой* нет таких орфограмм.

Орфографические ошибки возникают при замене орфограммы запрещенным правилами орфографии способом передачи того же произношения. Орфографические ошибки следует отличать от описок и языковых ошибок. Описки (например, «портфель») являются результатом невнимательности и легко обнаруживаются самим пишущим. Языковые ошибки связаны с неправильным произношением слова. Так, написание «портфиль» свидетельствует о просторечном ударении на *о́* в этом слове либо о диалектном произношении [и] вместо [э] под ударением между мягкими согласными. В этом случае учитель должен исправлять не орфографическую ошибку, а языковую.

Орфографические ошибки следует отличать и от графических ошибок, которые могут быть двух типов. Часть ошибок связана с начертанием букв. Одни буквы ориентированы вправо (*Б, В, Г, Е, К* и др.), другие — влево (*З, У, Ч, Э, Я*). На начальном этапе усвоения письма дети могут путать ориентированность букв: писать, например, *Я* вместо *Я*.

Графические ошибки другого типа связаны с разными возможностями графики обозначать мягкость согласных и передавать на письме фонему /j/. Для обозначения мягкости согласных используются буквы *ь, я, ю, ё, и*. При нетвердом усвоении функций этих букв *ь* может употребляться для обозначения мягкости согласных там, где должны употребляться другие буквы (например, «мьач», «кльон», «льуди» вместо *мяч, клён, люди*). Буква *й* обозначает /j/ в исконно русских словах на конце слова и перед согласной. Дети могут употреблять *й* и в других позициях («мойа», «йама» вместо *моя, яма*). Вместо *й* может ошибочно использоваться буква *е* («заека», «моеся» вместо *зайка, мойся*).

Орфограммы могут быть нескольких типов:

1) та или иная буква в слове в соответствии с фонемой в сильной позиции: *душóнка — тушёнка, сэр — сёттер, слóво — злóго, цирк — цыц*; в слабой позиции: *кот — год, рас-тí — рослí*; наличие или отсутствие буквы: *станьте — бантик, честный — тесный, пятибалльный — кристальный*;

2) слитное, раздельное или дефисное (полуслитное) написание слова: *материалоёмкий — материально-бытовой — материально обеспеченный, встарь — в старину, подорожник — по-дорожному*;

3) строчная или прописная буква, начинающая слово: *шарик* — *Шарик* (кликча собаки), *отчизна* — *Отчизна*; все буквы в слове: *вуз* — *МГУ*;

4) перенос части слова с одной строки на другую: *ар-мия* (не «а-рмия», «арми-я»);

5) графические сокращения: *сущ.* — *существительное* (не «су.» или «сущ.»); *в/ч* — *войсковая часть* (не «во/ча»); *с.-х.* — *сельскохозяйственный* (не «сель.-хозяй.»).

§ 177. Передача буквами фонемного состава слова

Это основной раздел орфографии. Он непосредственно связан с графикой, также устанавливающей зависимость между буквами и фонемами. Но графика определяет значения букв в их сочетаниях друг с другом вне зависимости от конкретных слов, а орфография дает правила написания букв в конкретных словах и морфемах. Кроме того, графика устанавливает соответствие букв и фонем в сигнификативно сильных позициях, а область орфографии — сигнификативно слабые позиции фонем.

В отдельных случаях орфография «вмешивается» и в область графики — область сильных позиций. Так, в соответствии с /*ʃo*/ и с /*o*/ под ударением после мягких согласных, кроме шипящих, графика устанавливает написание *ё*: *ёлка*, *мёд*, а орфография разрешает написание *е*: *елка*, *мед*; в соответствии с /*o*/ под ударением после шипящих графика требует написания *о*: *шов*, *чопорный*, а орфография «добавляет» написания с *ё*, *е*: *шёл*, *шел*, *печёнка*, *печенка*; с точки зрения графики /*э*/ после твердых согласных, кроме шипящих и *ц*, должна передаваться на письме буквой *э*: *мэр*, *Улан-Удэ*, но орфография в большинстве подобных случаев устанавливает написание *е*: *модель*, *тире*; по законам графики /*и*/ после согласных фонем, полностью отраженных соответствующими буквами, передается на письме буквой *и*: *цинк*, *вакцина*, как и *шило*, *ножи*, а орфография вводит правило написания с *ы*: *цыкать*, *отцы*.

Основное правило правописания безударных гласных: в безударных слогах пишутся те же гласные, что и под ударением в той же морфеме. Мы пишем *о* в слове *вода* (хотя произносим [вада́]) потому, что под ударением в этом корне слышится [о] и пишется *о*: *во́ды*, *во́дный*. Слово, произносящееся [л'иса́], мы запишем *лиса*, если проверим пер-

вый гласный родственным словом *лис*, и запишем *леса*, если это слово родственно слову *лес*. Так мы определяем, какой фонеме соответствует звук слабой позиции, и пишем букву, обозначающую эту фонему.

Такое же общее правило действует для глухих и звонких согласных. На конце слова и перед шумными согласными пишутся те же согласные, что и перед гласными и сонорными согласными в той же морфеме. Мы пишем *л* в словах *суп*, *супчик* и *б* в словах *зуб*, *зубки* (хотя везде произносим [п]) потому, что перед гласными и сонорными согласными в корне *суп-* произносится [п] и пишется *п* (*суна*, *супница*), а в корне *зуб-* произносится [б] и пишется *б* (*зубы*, *зубной*). Принцип проверки здесь тот же, что и для гласных: звук слабой позиции проверяется сильной позицией. Установив фонему, к которой принадлежит данный звук, ее обозначают соответствующей буквой. Одна и та же буква обозначает фонему в сигнификативно сильных и слабых позициях — это основной, фонематический принцип русской орфографии. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда слабая позиция фонемы может быть однозначно проверена сильной позицией в той же морфеме.

Этот принцип орфографии определяет и передачу на письме мягких согласных: буквой *ь* обозначается не мягкость звука, а мягкость фонемы, т. е. мягкость, не зависящая от позиции. Так, в слове *лезть* произносится [с'] перед [т'], но мягкость [с'] в «старшей» норме здесь несамостоятельна, позиционно обусловлена мягким [т']. В сильной по твердости/мягкости позиции — на конце слова — этой мягкости нет: *ле[с]* (*лез*). Здесь твердая фонема /з/, поэтому в слове *лезть* буква *ь* после *з* не пишется. В форме повелительного наклонения *лезьте* тоже произносится [с'т'], но здесь мягкая фонема /з'/, так как мягкость звука, ее реализующего, на конце слова сохраняется: *ле[с']* (*лезь*). Мягкость фонемы обозначается буквой *ь*. В слове *усни* произносится [с'н'], но при замене [н'] на [н] происходит и замена [с'] на [с]: *у[сн]ь*. Поэтому мягкость [с'] здесь несамостоятельна, она и не обозначается на письме. В слове *льдина* произносится [л'д'], при замене [д'] на [д] мягкость [л'] сохраняется: [л'д]ы. Здесь выступает фонема /л'/, ее мягкость обозначается на письме буквой *ь*.

Фонематический принцип орфографии определяет написание всех морфем слова: приставок, корней, суффиксов, окончаний. Так, в слове *подстаканник* приставка произносится [пэц], но мы пишем *под-*, так как проверка показывает фонемы /под/: *п[о́]дпол*, *по[д]вóдный*. В суффиксе слов

берёзовый, осино́вый произносится [е], но мы пишем *о*, так как в том же суффиксе под ударением произносится [о]: *дубо́вый*. В формах слова *от пули* и *о пуле* конечный гласный — [и'], но в первом случае он относится к /и/ (ср. *от зем[л'и]*), а во втором — к /э/ (ср. *о зем[л'э]*). После мягких согласных фонема /и/ обозначается буквой *и*, фонема /э/ — буквой *е*.

Фонематический принцип орфографии обеспечивает единообразное написание одной и той же морфемы в формах одного и того же слова и в разных словах. Так, корень *город* пишется одинаково в составе разных слов и словоформ, хотя произносится по-разному: [góret], [góred]a, [géra'd]á, [géra't]kú, *при*[gérét], *при*[géréd]ный, *ино*[га'ród']ний, [géra'ц]ской. Написание *город*- во всех этих случаях отражает фонемный состав корня /город/-. Одинаковое написание одних и тех же морфем позволяет легко узнавать слова с этими морфемами, а это способствует быстрому пониманию и чтению.

Фонематический принцип русской орфографии определяет написание большинства букв-орфограмм, поэтому это основной принцип передачи буквами фонемного состава слов.

Фонематический принцип орфографии как особый выделяется представителями Московской фонологической школы. С точки зрения Петербургской (Ленинградской) фонологической школы в корне слов *вода*, *водный* разные гласные фонемы — /а/, /о/; в формах слова *зуб*, *зуба* разные согласные фонемы — /п/, /б/. Поэтому написание одной и той же буквы в этих и подобных случаях представители П(Л)ФШ объясняют морфематическим (морфологическим) принципом орфографии.

М о р ф е м а т и ч е с к и й (или м о р ф о л о г и ч е с к и й) принцип орфографии состоит в требовании единообразного написания одних и тех же морфем. Этот принцип осуществляется в тех случаях, когда одна и та же морфема в разных словах или формах одного слова имеет разный фонемный состав.

Область применения этого принципа по-разному оценивается представителями Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологических школ. С точки зрения П(Л)ФШ морфематический принцип русской орфографии проявляется в том, что для сохранения графического единообразия одних и тех же морфем фонетические чередования на письме не передаются: одной и той же буквой обозначается по сильной позиции весь ряд позиционно чередующихся звуков. Так,

мы произносим *бе[г]ать, бе[к]*, но пишем *бегать, бег*; произносим *н[о]сит, н[а]с[и]ть, вын[е]сит, н[о]сит, носить, выносить*. Одни и те же корни передаются на письме одинаково. Представители П(Л)ФШ считают морфематический принцип основным принципом русской орфографии.

С точки зрения МФШ фонетические чередования — это, как правило, чередования звуков, относящихся к одной фонеме. То, что одной и той же буквой обозначается весь ряд позиционно чередующихся звуков, есть проявление фонематического принципа орфографии. На морфематическом принципе построена орфография лишь в редких случаях, когда написание противоречит фонематическому принципу.

Так, после шипящих под ударением в соответствии с фонемой /о/ может писаться *ё (е)*, а не *о* в связи со стремлением к единообразной передаче морфемы, которая в других словах и формах пишется с *е*: *жёны — женский, жена; дешёвый — дешевле, дешеветь; шёпот — шепчет, шептать; чёрточка — чертит; щёлка — щель*. Чередующиеся ударные [о] и [э] отражают чередование фонем /о/ и /э/. Фонема /э/ представлена здесь и звуком [ы*] в первом предударном слоге после твердых [ж], [ш]. Чередование это историческое. Стремление одинаково передавать в таких случаях разные фонемы противоречит фонематическому принципу орфографии, по которому разные фонемы и передаваться на письме должны по-разному.

В возвратном постфиксе *-ся* может выступать не только фонема /с'/, как это следует из написания (*умой/с'а/*), но и /ц/ (*боит/ца/*) и /с/ при произношении твердого [с] (*открыл/са/*). Исторические чередования и здесь на письме не передаются: *умойся, боится, открылся*.

Морфематическому принципу орфографии отвечают также написания типа *дезинформация, контригра, пединститут, сверхидеальный* — с *и* после согласной, соответствующей твердой фонеме. Здесь сохраняется облик корня (вопреки правилу графики писать *ы* после таких согласных: *безыдейный, предыстория*).

Морфематический и фонематический принципы орфографии близки тем, что они позволяют одни и те же морфемы передавать на письме единообразно. Однотипны у них и способы обоснования передачи на письме одних слов или словоформ написанием других слов или словоформ с теми же морфемами. Однако фонематический принцип орфографии проявляет фонемный состав морфемы, а морфемати-

ческий принцип затемняет его, одинаково передавая на письме разные фонемы.

В некоторых случаях проверка слабой позиции невозможна, так как в данной морфеме фонема не встречается в сильной позиции: *собака, топор, сапог, сарай, разборчивый, молодые, вокзал, футбол, стол, здоровье, сидишь, сидит*. В этом случае выступает гиперфонема: *с/о|а/бака, с/о|а/пог, фу/т|д/бол* и т. п. Фонематический принцип орфографии здесь ограничивает выбор букв, но не дает однозначного решения, так как выбор буквы не мотивирован современными языковыми закономерностями. С точки зрения звуковых соответствий безразлично, *о* или *а* писать в предударном слоге в словах *соба́ка, сапо́г*, так как в обоих словах выступает одна и та же гиперфонема. Традиция, действующее правило указывает на *о* в слове *собака* и на *а* в слове *сапог*. Написание в подобных случаях опирается на два принципа: фонематический и традиционный.

Традиционный принцип русской орфографии заключается в том, что употребляется написание, закрепленное традицией. Традиционные написания надо запоминать. (В школьной практике слова с гиперфонемой в корне называют словарными словами.)

Традиционный принцип орфографии выступает не только в тех случаях, когда фонема не может быть поставлена в сильную позицию, но и тогда, когда существует чередование фонем в сильной позиции одной и той же морфемы. Например: *за́рево — зóри* — в безударном положении здесь тоже гиперфонема: *з/о|а/ря*. Выбор *а* или *о* в словах *заря, зоревать* определяется традицией. Гласные в корне *клон-/клан-* могут быть ударными: *кло́нится, клáняться*. Выбор буквы *о* для безударных случаев основан на традиции: *скло́нить, наклонéние*.

Традиционные написания могут соответствовать этимологии слова. Так, в словах *собака, товар, сапог* сохраняется древнейшее, этимологически верное написание. В словах *завтрак, калач* выделенные буквы также пишутся в соответствии с традиционным принципом. Но современное написание этих слов не соответствует древнему, когда, согласно этимологии, писали *заутрок, колач* (ср.: *утро, колесо*). В заимствованных словах *мохёр, колготки* написание предударного *о* одинаково традиционное, но *о* в слове *мохер* этимологически правильно (< англ. *mochair*), а *о* в слове *колготки* этимологически неверно (< чешск. *kalhotky*).

В большинстве случаев традиционный принцип орфографии дополняет фонематический. Но иногда традиционный принцип применяется в противоречии с фонематическим. В сильной позиции это, например, написание *ч* в словах *конечно, скучно* и др. (в звуке [ш] реализована фонема /ш/); написание *з* в окончании *-ого/-его: красного, синего* (где произносится звук [в], реализующий фонему /в/); написание *е* вместо *ё* под ударением: *береза, еж*; отсутствие *ь* на конце предлога *близ*, который всегда произносится с конечным мягким согласным: *бли[з'] города*. В слабой позиции это, например:

1) правописание корней *-гор-/гар-, -плот-/плав-*, в которых под ударением пишется только *а*: *зага́р, плава́ть*, а без ударения — и *о*, и *а*: *заго́реть, вы́гарки, плове́ц, плави́к*;

2) правописание корней *-лог-/лож-/лаг-, -рос(т)-/-рас(т)-*, в которых под ударением пишется *о*: *нало́г, поло́жит, ро́ст, ро́слий*, а без ударения — и *о*, и *а*: *положи́ть, полага́ть, росла́, расти́*;

3) правописание суффикса *-анк(а)/-янк(а)* с *а*, *я* под ударением: *гребча́нка, инди́анка, служба́нка, вакханка, кита́йка, бегля́нка* — и *е* без ударения: *францу́женка, черке́шенка, мона́шенка, ни́щенка*.

Фонема /о/ после *ц* передается буквой *о* под ударением и без ударения по фонематическому принципу орфографии лишь как исключение: *цо́кот, цоко́тать, цоко́туха*. Обычно же после *ц* под ударением пишется *о*, а без ударения — *е* по традиционному принципу: *лицо́ — се́рдце, лицо́м — се́рдцем*. После *ж, ч, ш, щ* в некоторых суффиксах и окончаниях под ударением пишется *о*, а без ударения — *е*: *ежо́вый — бе́жевый, бычо́к — телёночек, рубахо́нка — ба́шенка, свечо́й — ту́чей, плащо́м — това́рищем*.

В приставках *бе/з/-, во/з/-, в/з/-, и/з/-, ни/з/-, ра/з/-, ро/з/-, чре/з/-/чере/з/-* в соответствии с фонемой /з/ в слабой позиции перед шумным согласным произносятся разные звуки: [з] (*безбре́жный*), [ж] (*безжизне́нный*), [с] (*безвкусный, беспо́лезный*), [ш'] (*бесчелове́чный*), нуль звука (*бессче́тный* и т. п.), пишется же, по условному правилу, *з* перед буквами, обозначающими звонкие согласные (*безбре́жный*), и *с* перед буквами, обозначающими глухие согласные (*беспо́лезный*).

В противоречии с фонематическим принципом орфографии находится также фонетический принцип, который заключается в том, что буква обозначает не фонему, а звук, выступающий в перцептивно слабой позиции. Фонетический принцип орфографии обычно проявляется при пе-

редаче на письме фонетических чередований в одной и той же морфеме (по фонематическому принципу фонетические чередования на письме не передаются).

Так, в приставке *раз-/рас-/роз-/рос-* фонема /о/. Но под ударением, когда произносится [о], пишется *о*: *ро́звальни, розыск, россыпь*, а без ударения, когда произносится [а], пишется *а*: *разва́л, разыски́вать, рассыпа́ть*. Здесь фонетический принцип осложнен традиционным; ср.: *разва́лить, рассыпа́ть*, где произносится [ə].

У существительных 1-го склонения в формах дательного и предложного падежей единственного числа и у существительных 2-го склонения в форме предложного падежа единственного числа выступает окончание *-/э/*: *к земле, о конé, на острié* — и в соответствии с фонематическим принципом орфографии без ударения пишется *-е*: *на во́ле, о до́ме, о сча́стье*. Но в соответствии с фонетическим принципом в этом окончании без ударения после *и* пишется *и*, так как произносится [и]: *к а́рмии, о пролета́рии, о зда́нии*.

но возникают в результате применения разных принципов графики и орфографии к словам с одним и тем же фонемным составом (о в корне слова *ожог* соответствует фонематическому принципу графики, ё в корне слова *ожёг* — морфематическому принципу орфографии; ь в слове *тушь* пишется по традиционному принципу орфографии, отсутствие этого знака в слове *туш* отвечает фонематическому принципу графики). В соответствии с традиционным принципом орфографии одна и та же гиперфонема может по-разному передаваться на письме: *компания* и *кампания*.

§ 178. Слитные, раздельные и дефисные написания

Общее правило слитного или раздельного написания простое: части слова пишутся *слитно*, отдельные слова в словосочетании — *раздельно*. Но во многих случаях трудно решить, отдельные ли перед нами слова или части слова: *наизнанку* или *на изнанку*, *неприятель* или *не приятель*, *сильнодействующий* или *сильно действующий*, *никакой* или *ни какой*.

Для переходных или неясных случаев введены *дефисные* (полуслитные) написания. Например, морфемы *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *кое-* образуют неопределённые местоимения и наречия: *кто-то*, *какой-либо*, *где-нибудь*, *кое-когда*. Этим они близки к аффиксам, пишущимся слитно с корнем. Но эти морфемы иногда «ведут себя» как отдельное слово. Например, постфиксы не изменяются при склонении местоимения: *кого-то*, *кому-то*; приставки могут быть отделены от местоимения предлогом: *кое с кем*, *кое у кого*. Дефис является одновременно знаком и соединительным и разделительным. В противоположность пробелу дефис — соединительный знак (ср.: *отчётливо белый* — *красно-белый*). В противоположность контакту дефис — разъединительный знак (ср.: *красно-белый* — *краснокожий*).

Многие написания этого раздела орфографии противоречивы. Так, наречия пишутся то слитно, то раздельно, то через дефис; ср.: *доверху* — *до отказа*, *впоявку* — *в обнимку*, *исподлобья* — *из-под мышек*, *насмерть* — *до смерти*, *назло* — *со зла*, *врукопашную* — *в открытую* — *по доброму*. Существительные и прилагательные одного и того же типа пишутся по-разному; ср.: *обер-кондуктор* — *обертон*, *блок-пункт* — *блокпост*. Здесь правила не всегда согласованы друг с другом. Вследствие этого может оказаться,

что по одному правилу слово надо писать, например, слитно, а по другому — раздельно или через дефис. Так, слова *индоевропейский*, *грудобрюшный* как термины пишутся слитно. Но по общему правилу написания сложных прилагательных, образованных из двух и более основ, обозначающих равноправные понятия, эти слова надо было бы писать через дефис (ср.: *мясо-молочный*, *садово-огородный*). Слово *ярко-синий* как обозначение оттенка цвета пишется через дефис, но в его основе лежит словосочетание с подчинительной связью *яркая синева*, а подобные слова пишутся слитно (ср.: *железнодорожный* от *железная дорога*). Наречие *в упор* пишется раздельно, так как образовано от сочетания предлога на согласную с существительным, начинающимся с гласной. Но по другому правилу это наречие надо было бы писать слитно, так как к существительному не может быть поставлен падежный вопрос (ср.: *впору*, *впрок*).

Неупорядоченность правил данного раздела орфографии отчасти объясняется сложностью и нерешенностью проблемы разграничения слова и словосочетания. Неразработанность теории проявляется в нечеткости практических решений. Действующие правила строятся также на разграничении термина и нетермина: термины часто пишутся слитно, а нетермины — раздельно или через дефис. Но определить, является ли слово термином, нередко трудно.

Проблема слитного, раздельного или дефисного написания слов особенно остро встала в последние десятилетия. Объясняется это возникновением десятков тысяч новых слов. Значительная часть этих слов — научно-технические термины, сложные слова.

Основные принципы, на которых строятся правила слитного, раздельного или дефисного написания слов, определяют как лексико-синтаксический и словообразовательно-грамматический.

Л е к с и к о - с и н т а к с и ч е с к и й принцип связан с разграничением слова и словосочетания: части слова пишутся слитно, отдельные слова в словосочетании — раздельно. На основании этого принципа разграничиваются такие написания, как *палата легкораненых* — *легко раненный в руку*; *вечнозелёный кустарник* — *вечно зелёная на альпийских лугах трава*; *смотреть вдаль* — *всматриваться в даль*; *действовать наудачу* — *надеяться на удачу*; *нигде никогда не был* — *я не знал, ни где он был, ни когда он вернулся*; *непросохшая одежда* — *не просохшая за ночь одежда*. Орфографические трудности связаны здесь с тем, что пишущему приходится решать, является ли

данный отрезок речи отдельным словом или словосочетанием, что часто бывает сделать затруднительно из-за нечеткости границ между этими лингвистическими единицами.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н о - г р а м м а т и ч е с к и й принцип устанавливает слитное или дефисное написание сложных прилагательных и существительных по формальному признаку — наличию либо отсутствию суффикса в первой части сложного прилагательного и соединительной гласной *-о-* или *-е-* в сложном существительном. По-разному пишутся прилагательные *плодо- и ягодный* и *плодово-ягодный*, *картофельно-овощной* и *картофельно-овощной*, *газонефтяной* и *газово-нефтяной*, *водорастворимый* и *водно-растворимый*. Если в первой части сложного прилагательного есть суффикс, слово пишется через дефис, если нет суффикса — слитно. Существительные с соединительной гласной *-о-* или *-е-* пишутся слитно: *железобетон*, *лесопарк*, *земледелец*, *птицелов*. Существительные без соединительной гласной пишутся через дефис: *дизель-мотор*, *диван-кровать*, *сестра-хозяйка*, *кафе-столовая*.

Некоторые написания объясняются **т р а д и ц и о н н ы м** принципом, по которому раздельно пишутся части современного единого слова, восходящего к сочетанию слов. Так, отдельно пишется приставка у наречий, образованных от сочетаний бывшего предлога с бывшим существительным или прилагательным: *под мышкой*, *без оглядки*, *без просыпу*, *без умолку*, *в обтяжку*, *в обхват*, *на убой*, *с натуги*, *в открытую*, *на боковую*, *на попятную* и др. В результате действия этого принципа возникает разноречие в правописании наречий. Запомнить сотни наречий практически невозможно, поэтому приходится обращаться к словарям и справочникам.

Этим же принципом обусловлено раздельное написание частей предлогов: *в продолжение*, *в течение*, *в силу*, *в целях*, *по мере*, *по причине* и др.

§ 179. Употребление прописных и строчных букв

Прописные буквы употребляются в двух совершенно различных функциях: 1) для опирающегося на **с и н т а к с и ч е с к и й** принцип выделения начала определенных отрезков текста — предложений, стихотворных строк; 2) для выделения отдельных слов в тексте, опирающегося на три основных принципа — морфологический, семантический и словообразовательный.

Морфологический принцип заключается в том, что имена собственные пишутся с прописной буквы, имена нарицательные — со строчной. Переход имени нарицательного в собственное и имени собственного в нарицательное отражается в орфографии, ср.: *ленский* — *Ленский* (фамилия), *тётка* — *Тётка* (кличка собаки), *городок* — *Городок* (название города), *великая* — *Великая* (название реки); *Катюша* — *катюша* (название миномета), *Болонья* — *болонья* (ткань, первоначально изготовлявшаяся в Болонье), *Анютини глазки* — *анютины глазки* (цветы).

Непоследовательность в проявлении этого принципа наблюдается при написании топонимов. Так, в названии города *Красное Село* второе слово — часть названия, но не родовое обозначение (ср. *село Красное*), поэтому оно пишется с прописной буквы; также: *Белая Церковь* (город), *Елисейские Поля* (улица), *Золотой Рог* (бухта). Но в городских топонимах вторая часть сложного названия может писаться со строчной буквы, хотя в данном названии слово полностью утратило свое первичное значение; ср. недавние написания названий московских улиц, площадей и т. п.: *Каретный ряд*, *Кашёнкин луг*, *Крестьянская застава*, *Кузнецкий мост*, *Марьино роща*, *Никитские ворота*, *Перово поле*, *Суцёвский вал* и др. По новым правилам второе слово в этих названиях должно писаться с прописной буквы: *Каретный Ряд*, *Кашёнкин Луг* и т. д.

Семантический принцип заключается в том, что с прописной буквы могут писаться имена нарицательные, если они наделены особой патетикой или символикой: *Родина*, *Отчизна*, *Человек*. Этому же принципу подчинено написание названий многих праздников, знаменательных дат: *День Победы*, *Новый год*, *День учителя*; названий российских высших государственных организаций, должностей и званий: *Государственная Дума*, *Совет Федерации*, *Президент Российской Федерации*. С прописной буквы пишется *Вы* при обращении к одному лицу.

Этим же принципом обусловлено написание форм множественного числа имен собственных, перешедших в нарицательные и употребляющихся как обозначения лиц, обладающих определенными качествами. Если этим качествам придается положительное значение, то слова пишутся с прописной буквы: *...Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* (М. Ломоносов); если отрицательное — то со строчной: *азефы*, *геростраты*, *гитлеры*.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й принцип заключается в том, что аббревиатуры, составленные из первых букв слов, входящих в сложное название, передаются прописными буквами. Таковы аббревиатуры, обозначающие собственные названия: *РФ, ООН, МХТ, МПГУ*; читаемые по названиям букв: *АТС, КВН, НЛО*; читаемые как обычное слово: *ЛЭП, НИИ, ЦУМ*. Аббревиатуры последнего типа могут писаться по-разному: *ГЭС — гэс, ЗАГС — загс, ТЮЗ — тюз*; некоторые слова этого типа всегда пишутся строчными буквами: *вуз, вузз, дот, нэл* и др.

§ 180. Перенос части слова на другую строку

Если слово не уместается в строке, часть слова переносится на следующую строку. Основной принцип правил переноса слова — *ф о н е т и ч е с к и й*, когда слово членится в соответствии со слогоделением: *во-рота, воро-та*. На этом принципе основаны правила, запрещающие оставлять в конце строки или переносить на другую строку часть слова, не составляющую слога (например, нельзя переносить *«ст-рах»*, *«мо-ст»*). Нельзя также отделять согласную от следующей за ней гласной; следует переносить: *дя-денька* или *дяденька*, *лю-бовь*, *па-стух* или *пас-тух* (а не *«дяд-енька»*, *«люб-овь»*, *«паст-ух»*).

При этом, с одной стороны, возможности слогоделения понимаются широко; при стечении нескольких согласных между гласными допускается вариативность переноса, т. е. слогоделения: *дер-зкий, дер-зкий, дерз-кий*. С другой стороны, не учитывается возможность согласных образовывать слог и запрещаются переносы типа *«просмо-тр»*.

Второй принцип правил переноса — *м о р ф е м а т и ч е с к и й*; при переносе членение должно проходить между двумя приставками: *без-возвратно*, между приставкой и корнем: *под-бить, при-слать, со-жжённый* — и между значимыми частями сложных слов: *пяти-граммовый, спец-одежда* (не *«без-возвратно»*, *«под-бить»*, *«прис-лать»*, *«сож-жённый»*, *«пятиг-раммовый»*, *«спе-цодержда»*).

Есть и другие ограничения переноса. Например, русские слова не могут начинаться буквами *ы, ъ, ь, й*, поэтому переносить часть слова, начинающуюся с этих букв, не разрешается: *ра-зыскать, боль-шой, подъ-езд, май-ор* (не *«раз-ыс-кать»*, *«бол-ьшой»*, *«под-ъезд»*, *«ма-йор»*). Нельзя оставлять в конце строки одну букву, перенося остальную часть слова на другую строку, так как эта буква может совпасть с це-

лым словом (а, и, о, у, я) и такой перенос приведет к искажению в понимании текста.

§ 181. Графические сокращения

Сокращения слов бывают двух типов. Первый тип — сокращения не графические, это единицы и письменной и устной речи. К ним относятся сложносокращенные слова и аббревиатуры: *профком, зарплата; НЛО, СНГ, вуз*. Второй тип — графические сокращения, свойственные лишь письменной речи: с. — *страница*, з-д — *завод*, к/т — *кинотеатр*. Графические сокращения используются для экономии места и времени при письме.

Принципы сокращения слов следующие:

1) не может быть опущена начальная часть слова; например, слово *фабрика* нельзя сокращать так: «брика», «рика»;

2) опускаются минимум две буквы. Недопустимо сокращение «фабрик.», «фабр-ка». Исключение ю. — *юг* объясняется аналогией: с. — *север*, в. — *восток*, з. — *запад*;

3) часть слова, предшествующая опускаемой, не может состоять из сочетания букв с последней гласной, а также й, ъ, ь. Правильно: к., кар., карельск. (*карельский*), ф-ка (*фабрика*); неправильно: «ка.», «каре.», «карель.», «фа-ка»;

4) обычно опускается одна линейно последовательная часть букв. Нельзя сокращать «фбрка», так как при этом опускаются не следующие непосредственно друг за другом буквы *а, и*. Из этого принципа есть исключения типа млн — *миллион*, млрд — *миллиард*, стлб. — *столбец*, пн. — *понедельник* и ряд других.

В зависимости от приемов образования выделяются шесть типов графических сокращений:

1) точечные сокращения образуются путем опущения правой части слова (реже — середины) и постановки точки после оставшейся части: г. — *год*, с. — *страница*, напр. — *например*, сб. — *суббота*. Удвоение первой согласной буквы при опущении остальной части слова обозначает множественное число: вв. — *века*, пп. — *пункты*;

2) дефисные сокращения — такие, у которых вместо опущенной средней части слова ставится дефис: р-н — *район*, з-д — *завод*, ин-т — *институт*;

3) косослинейные сокращения употребляются при сокращении словосочетаний или сложных слов. Вместо опущенной первой части ставится косая линия: п/о — *почто-*

вое отделение, б/у — бывший в употреблении, х/б — хлопчатобумажный;

4) к у р с и в н ы е сокращения выделяются особым шрифтом — курсивом: г — грамм, л — литр, дм — дециметр;

5) н у л е в ы е сокращения графически не выделены, они графически не отличаются от несокращенных слов: с — секунда, м — метр, кг — килограмм;

6) к о м б и н и р о в а н н ы е сокращения — результат применения нескольких приемов сокращения: ж.-д. — железнодорожный, об./мин — оборотов в минуту, ц/га — центнер на гектар.

§ 182. Из истории русской орфографии

Теория русской орфографии начала создаваться с середины XVIII в., ее основоположники — В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. Но реальное воздействие на орфографическую практику оказали во второй половине XIX в. труды Я. К. Грота. Руководством для школы и для печати стала его книга «Русское правописание», вышедшая в 1885 г. и выдержавшая более 20 изданий. Я. К. Грот не реформировал правописание. Он лишь упорядочил его там, где не было единообразия.

Состояние орфографии требовало более радикальных изменений. В 1904 г. при Академии наук была образована орфографическая подкомиссия, куда вошли виднейшие лингвисты, она подготовила проект реформы. В несколько измененном виде этот проект был утвержден в мае 1917 г. Декретами от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г. новая орфография вводилась в школьное обучение и становилась обязательной для печати. Реформа исключила буквы ъ, ѳ, ѱ, букву ѿ в конце слов и частей сложных слов (писали *хлѣбъ, столъ, контръ-адмиралъ*), заменила окончания *-аго, -яго* (*добраго, синяго*) на *-ого, -его*, установила формы на *-ые, -ие* вместо форм женского и среднего рода на *-ья, -ия* (писали *старые дубы, но старья липы*) и др.

Решив многие важные для правописания вопросы, реформа не касалась частных вопросов, не устранила многих колеблющихся написаний. С начала 30-х гг. развернулась работа по упорядочению правописания. Результатом этого явились «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. — первый в русской истории официально утвержденный и обязательный для всех свод правил. Этот свод

не был реформой правописания. Но упорядочение и унификация коснулись всех разделов правописания.

Вопрос о новом усовершенствовании орфографии был поднят в 1962 г. При Институте русского языка АН СССР была образована Орфографическая комиссия, опубликовавшая в 1964 г. «Предложения по усовершенствованию русской орфографии». Комиссия исходила из того, что наше правописание не нуждается в коренном пересмотре, но имеет известные недостатки, которые осложняют изучение русского языка. В числе предложений комиссии были следующие: 1. Отменить букву *ѣ* и оставить один разделительный знак *ъ*: *подъезд*, *объем*, *волеизъявление*, *адъютант*, *конъюнктура*. 2. После *ц* писать *и*, а не *ы*: *цыган*, *циркуль*, *огурцы*, *бледнолицый*, *сестрицын*. 3. После *ж*, *ч*, *ш*, *щ* писать под ударением *о*, без ударения — *е*: *жолтый*, *жолудь*, *чорный*, *шов*, *щюки*; *медвежюнок*, *ручюнка*, *смяшюн*, *окружюнный*, *свежю*, *горячю*; *плечюм*, *пращюй*, *жжют*, *течют*; но *желтеть*, *желудей*, *чернеть*, *щекя*, *выжженный*, *ярче*, *сторожем*, *рощей*, *плачет*. 4. После *ж*, *ч*, *ш*, *щ* писать *ь* только в качестве разделительного знака: *рож*, *доч*, *мыш*; *стрич*, *выпеч*; *читаеш*; *отреж*, *спряч*, *спрячся*; *навзнич*, *сплош*; *лиш*; но *рожью*, *ночью*. 5. В корнях *-рост-*, *-лог-*, *-мок-*, *-плав-*, *-гар-* писать безударные гласные в соответствии с ударной: *ростю*, *ростение*, *вюзраст* (*рост*); *предлогють*, *предполагють* (*предлог*, *полбюжит*), *мюкють* (*мок*); *плавюец*, *плавчюха* (*плывють*); *загарють*, *загарюлый* (*загар*). 6. В корнях *-зор-/зар-*, *-скок-/скак-* без ударения писать *о*: *зорю*, *зорнюца*; *скокють*. 7. Отменить двойные согласные в иноязычных словах, не поддержанные произношением: *асимилляция*, *дифференциация*, *темис*. 8. Наречия писать слитно: *безоглядки*, *воткрытую*, *дозарезу*, *набегу*, *порусски*. Предусматривалось также упрощение написаний ряда суффиксов и окончаний, правил переноса, употребления прописных букв.

Эти предложения были глубоко продуманными и логичными. Многие из них привели бы к отмене написаний, противоречащих основному, фонематическому принципу орфографии, к упрощению написаний, основанных на традиционном принципе, к более четкому разграничению графики и орфографии.

Предложения были поддержаны большинством учителей русского языка, понимавших, что осуществление предложенных изменений в орфографии сделало бы ее гораздо более простой и доступной для учащихся. Однако большинство неспециалистов высказывались против реформы орфографии, и она была отвергнута.

В 1990-е гг. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН орфографическая группа создала проект нового «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация», опубликованный в 2000 г. Его авторы отказались почти от всех предложений Орфографической комиссии 1964 г., так как видели свою задачу не в «реформировании письма», а в дополнении и расширении «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. на основе «современной практики письма». Этот «подготовленный проект — только новая редакция правил правописания», изложенных в 1956 г., с весьма небольшим числом изменений. Однако и этот проект вызвал возражения в печати и не был утвержден правительством.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII—XX вв.). — М., 2004.

Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. — Л., 1987.

Иванова В. Ф. Современная русская орфография. — М., 1991.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. — М., 1965.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. — М., 1981.

Моисеев А. И. Звуки и буквы, буквы и цифры... — М., 1987.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). — М., 1965.

Осипов В. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. — М.; Омск, 2010.

Панов М. В. Занимательная орфография. — М., 1984.

Панов М. В. И все-таки она хорошая!: Рассказ о русской орфографии. — М., 1964.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Отв. ред. В. В. Лопатин. — М., 2006.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. — Ч. 1 / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева; Под ред. Е. И. Дибровой. — М., 2001.

Шапиро А. Б. Теория русского письма. — 2-е изд. — М., 1961.

Щерба Л. В. Теория русского письма. — Л., 1983.

§ 183. Предмет словообразования. Разделы словообразования

Словообразование — сравнительно молодая лингвистическая дисциплина. В самостоятельный раздел науки о языке оно оформилось только в середине XX в. До этого характеристики словообразовательных явлений и отдельных способов словообразования преимущественно включались в морфологию в связи с изучением различных грамматических классов слов, а также отчасти рассматривались в лексикологии.

Термин «словообразование» употребляется в современной лингвистике в нескольких значениях: 1) процесс образования новых слов в языке; 2) особая система — совокупность связанных между собой словообразовательных единиц и группировок; 3) раздел языкознания, изучающий способы создания производных слов и особенности их функционирования.

Предметом словообразования как особого раздела языкознания и теоретической дисциплины, изучаемой в вузе, служат семантика и структура производных слов, способы их производства и их классы (объединения).

В рамках словообразования традиционно выделяются два основных раздела: 1) морфемика; 2) собственно словообразование, или дериватология.

Морфемика изучает семантику и употребление морфем как особых единиц языка. В ее задачи входят: 1) классификация морфем; 2) их семантическая, стилистическая и функциональная характеристики; 3) рассмотрение формальных видоизменений морфем в структуре слова; 4) анализ их сочетаемости; 5) определение характера членимости основ и изучение способов сегментации слова на значимые отрезки.

Собственно словообразование изучает словообразовательную систему языка, основной единицей которой является производное слово, или дериват. Для обозначения этого раздела используется специальный термин **дериватология** (от лат. *derivatus* 'отведенный'). Основные

задачи дериватологии: 1) изучение структуры и семантики производных слов; 2) рассмотрение их системных связей с однокоренными с ними единицами; 3) определение способов словообразования и их классификация; 4) описание различных объединений, в которые входят производные слова.

МОРФЕМИКА

§ 184. Морфема и ее признаки. Морфема и морф

Центральное понятие современной морфемики — понятие морфемы. Это минимальная значимая единица языка. Термин *морфема* был предложен И. А. Бодуэном де Куртене в 1868 г. Позднее ученый расширил и уточнил определение морфемы¹.

М о р ф е м а (от греч. *morphe* 'форма') — двусторонняя единица языка: она имеет план выражения (представлена одной или несколькими фонемами) и план содержания. Например, суффикс *-ник* в слове *первоклассник* состоит из трех фонем и указывает на лицо: *школьник, выпускник, отпускник*.

Морфемы могут выражать разные типы значений:

1) компоненты лексического значения: *лес^о, школа*;
2) словообразовательное значение: *на-писать, за-говорить; игр-ушк-а, рис-унок-о*;

3) грамматическое значение, например: суффикс *-л* в глагольной форме *читали* выражает значение прошедшего времени, а окончание *-и* указывает на множественное число.

Важным признаком морфемы является ее воспроизводимость: морфемы не создаются заново, а извлекаются из коллективной языковой памяти или заимствуются. Воспроизводимость сближает морфему со словом. Эти языковые единицы имеют ряд общих признаков. Как и слово, морфема имеет значение, вступает в синтагматические и парадигматические отношения. Например, для морфем характерны синонимия и антонимия. Ср.: *москвѣцѣ*, *петербургѣцѣ*, *киевляниѣ*, *туляѣ* (выделенные синонимические суффиксы указывают на лицо по месту рождения или жительства); *за-петь* — *от-петь* (антонимичные приставки).

¹ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. — М., 1963. — Т. 1.

Близость морфемы к слову проявляется в возможности ее самостоятельного употребления в определенной позиции, «эмансипации» и превращении в лексическую единицу или ее аналог, например: Ненавижу всяческие *измы* (В. Маяковский).

В то же время морфема в большинстве случаев не обладает самостоятельностью и входит в состав слова: *замкн^уть*, *приж^нкнуть*, *сож^нкнуть*.

Морфема, как уже отмечалось, единица языка. В речи же она может быть представлена рядом разновидностей, которые имеют тождественное значение, но различаются звуковым составом, например: *сухой* — *сушь* — *сохнуть* — *засых^ать*; *мороз* — *заморажива^ть* — *мороженое*.

Такие разновидности морфемы в речи называются морфами.

Морфема может быть представлена одним морфом (например, приставка *у*) или несколькими (например, суффиксальные морфы *-ств* и *-еств* — *братство*, *изящество*, *ханжество* или корневые морфы *-жк*, *-жык*, *-жок* — *замкн^уть*, *замыка^ть*, *замок*).

Различаются два типа морфов: алломорфы и варианты морфемы. А л л о м о р ф ы (от греч. *allos* 'другой, разный') — морфы одной морфемы, имеющие тождественное значение и употребляющиеся в разных позициях. Например, приставка *де-* употребляется перед согласными, *дез-* — перед гласными; ср.: *демобилизация*, но *дезинфекция*. Алломорфы не могут заменять друг друга, их выбор определяется позицией в структуре слова и характером предшествующего или последующего звука. В отличие от алломорфов варианты морфемы свободно заменяют друг друга в любой позиции. Примером вариантов морфемы могут служить окончания творительного падежа существительных женского рода единственного числа *[ой]* и *[ю]*; ср.: *книгой* — *книгою*, *стеной* — *стеною*.

Итак, морфема и морф соотносятся как обобщенная, абстрактная единица языка и ее конкретная вариация в речи. Отождествление морфов, т.е. объединение их в одну морфему, осуществляется с учетом двух критериев: 1) наличия общего значения и 2) частичной формальной близости. Например, морфы одной морфемы могут различаться появлением или исчезновением беглого гласного (*мох* — *мха*, *ларец* — *ларца*), чередующимися гласными или согласными (*песок* — *песочек*) и т.п.

§ 185. Типология морфем в современном русском языке

Морфемы неоднородны. Они различаются по значению, позиции в структуре слова, функции и т.д. Классификация морфем в русистике носит многоступенчатый характер и строится с учетом нескольких параметров. Это:

1) обязательность / факультативность морфемы в составе слова;

2) позиция в структуре слова;

3) функция морфемы;

4) материальная выраженность или невыраженность морфемы;

5) частотность употребления;

6) характер стилистической окраски;

7) происхождение морфемы.

1. По первому признаку — **обязательность/факультативность морфемы в составе слова** — противопоставляются два класса морфем: **корни** и **аффиксы** (от лат. *affixus* 'прикрепленный'). Корень — обязательный структурный элемент слова; любая словоформа в русском языке содержит корневую морфему и невозможна без нее. Именно корень часто выражает важнейшие компоненты лексического значения. Аффиксы же могут и отсутствовать в структуре слова. Это служебные морфемы, которые выражают словообразовательное или грамматическое значение слова, например *лес-ни^к-ø* (суффикс выражает словообразовательное значение лица, окончание — грамматическое значение рода, числа и падежа).

Между корнями и аффиксами располагаются морфемы переходного типа — **аффиксоиды**. Это регулярно повторяющиеся компоненты сложных слов, совмещающие признаки корневых морфем и аффиксов.

Отличительными свойствами аффиксоидов являются потеря полнозначной морфемной семантики, ее «затухание» и соответственно ослабление связи с родственными словами.

Так, аффиксоид *-вод-* повторяется в сложных словах, называющих специалиста в какой-либо области или руководителя чего-либо, например: *животновод, скотовод, лесовод, групповод, пчеловод* и т.п. Семантическая связь данной морфемы с мотивирующим глаголом *водить* в значительной мере ослаблена, в словах типа *животновод, скотовод* вообще отсутствует сема движения, характерная для этого глагола. Морфема *-вод-* в результате приближается по функ-

ции к суффиксу со значением лица, ср.: *садовод* — *садовник*, *лесовод* — *лесник*.

По позиции в слове аффиксоиды делятся на с у ф ф и к с о и д ы и п р е ф и к с о и д ы. Префиксоиды выступают как первый компонент сложного слова, например: *пол/пол(у)-* в словах *полдень*, *полушубок*; *-еже-* в словах *ежедневно*, *еженедельно*; *сам(о)-* в словах *самообслуживание*, *самовнушение*, *самозащита*, *самолечение* и др. Суффиксоиды — вторые компоненты сложения, например: *-ход-* в словах *теплоход*, *снегоход*; *-провод-* в словах *электропровод*, *светопровод*; *-воз-* в словах *нефтевоз*, *солевоз*; *-люб-* в словах *книголюб*, *кинолюб* и др.

Обратимся к характеристике морфем по их позиции в структуре слова. Это деление распространяется на аффиксы.

2. Классификация аффиксов осуществляется на основе их позиции в структуре слова (словоформы) по отношению к корню. Различаются п р е ф и к с ы (приставки) — аффиксы, занимающие позицию перед корнем: *запеть*, *отговорить*, *собрать*; с у ф ф и к с ы — аффиксы, занимающие позицию после корня: *жизнь*, *соломенный*, *темнеть*; п о с т ф и к с ы — аффиксы, способные занимать позицию после окончания (флексии). Постфиксы в современном русском языке немногочисленны: к ним относятся морфемы *-то*, *-либо*, *-нибудь*, *-ся (-сь)*.

Префиксы и суффиксы различаются рядом свойств: приставка в процессе словопроизводства в отличие от суффикса присоединяется не к основе, а к целому слову, ср.: *ехать* — *приехать*, *заехать*, *уехать*, *отъехать*, *выехать*. В плане семантики префиксы характеризуются тем, что они обычно не влияют существенным образом на значение слова, к которому присоединяются, а лишь уточняют его в том или ином отношении. Приставки и более автономны, чем суффиксы, неслучайно они чаще, чем суффиксы, лексикализуются, т.е. могут выделяться из состава слова и употребляться в речи как самостоятельные единицы.

Некоторые исследователи выделяют в современном русском языке особый прерывистый тип аффиксов — к о н ф и к с ы (от лат. *confixum* 'совместно взятое'), или ц и р к у м ф и к с ы. Конфиксы состоят из двух частей — префикса и суффикса или постфикса — и выступают в словообразовательном акте комплексно: так, например, глагол *раскричаться* образован одновременным присоединением к мотивирующему глаголу *кричать* приставки *рас-* и постфикса *-ся*. К конфиксальным образованиям относят глаголы типа *распеться*, *расшуметься*, *созвониться*, *сработаться* и т.п.

и приставочно-суффиксальные существительные, соотносительные с предложно-падежными сочетаниями: *Заволжье, бездорожье, межгорье, безработица, межсезонье*.

Особое место в классе аффиксов занимают флексии, или окончания. Эти служебные морфемы выделяются на основе двух признаков: позиции в структуре слова и характера выражаемого ими значения. Во-первых, флексии — это аффиксы, которые занимают позицию после суффикса или непосредственно после корня, например: *разведчики, смелый*. Во-вторых, флексии — это аффиксы, которые выражают особый тип значения — грамматическое значение. Ф л е к с и и (от лат. flexio 'сгибание') — словоизменительные аффиксы, служащие для связи одной словоформы с другими словоформами или словами; ср., например: *Тиха украинская ночь — тихие украинские ночи*.

В классификации аффиксов по их позиции часто отмечаются и н т е р ф и к с ы, под которыми в этом случае традиционно понимаются элементы, соединяющие основы при сложении, например: *снегопад, землетрясение, пятилетка*. Выделение интерфиксов как особого типа аффиксов — дискуссионная проблема современной русистики. Часть лингвистов считает, что элементам, представленным в позиции между двумя корнями, нельзя приписать никакого самостоятельного значения, следовательно, они вообще не являются морфемами. Е. А. Земская на этом основании объединяет соединительные элементы в сложных словах и асемантические прокладки в простых производных словах (например, *кофе(й)ник, бак(ин)ский*) в одну группу морфологических явлений. Интерфиксы, с её точки зрения, способствуют благозвучности речи, так как они устраняют скопление гласных (зияние) и стечение согласных (например, *туапс(ин)ский, соч(ин)ский*).

Другие же лингвисты разграничивают соединительные элементы в сложных словах и асемантические сегменты в простых по структуре производных словах. Так, В. В. Лопатин, например, считает, что интерфикс в сложных словах — не часть морфемы, а особая морфема, значимая часть слова. Однако семантика этой морфемы абстрактна и сводится к «идее соединения» составляющих сложную основу простых слов. Соединительное значение, таким образом, является словообразовательным значением, которое характерно для сложных слов. Носителем этого значения и является особая морфема — интерфикс.

Интерфиксы в таком понимании представляют собой наиболее абстрактные по семантике аффиксы и указывают

на связь основ в структуре цельнооформленного сложного слова. Показательно, что интерфиксы при таком подходе сопоставляются с соединительными союзами (*десостень*), предлогами (*луноход*), падежными флексиями (*книголюб*). Интерфикс в результате рассматривается как аналог различных средств выражения синтаксических отношений в словосочетании и предложении.

С нашей точки зрения, также целесообразно разграничивать два разных по функции класса элементов, имеющих в современной русистике тождественное обозначение: интерфикс 1 и интерфикс 2.

Интерфикс 1 — структурный элемент сложных слов, выполняющий, во-первых, соединительную функцию, во-вторых, функцию релятивную — функцию установления отношений между компонентами сложения, например: *листопад*, *землетрясение*, *тёмно-синий*. Интерфикс в этом случае имеет статус морфемы, наделенной максимально абстрактным значением.

Интерфикс 2 — асемантический элемент в структуре слова, возникающий в результате взаимоприспособления морфем для удобства произношения слова. Интерфиксация — морфонологическое явление, сопровождающее процесс образования производного слова, например: *Вязьма* — *вязьм(ин)ский*, *Дели* — *дели(й)ский*, *кино* — *кино(ш)ник*.

3. По функции аффиксы делятся на словообразующие, формообразующие и основообразующие.

Словообразующие аффиксы — аффиксы, которые выражают деривационное (словообразовательное) значение и участвуют в образовании новых лексических единиц. Так, например, суффикс *-ец* выражает значение лица, например: *горец*, *кубанец*, *ярославец*, *глупец*, *мудрец*, *наглец*.

Формообразование — процесс образования грамматических форм слова, который отражается в их структуре. Словоформы одной лексемы имеют одно и то же лексическое значение и различаются грамматическими значениями; ср., например: *книга* — *книги* — *книге*; *пишет* — *пишай*; *белый* — *белее*.

Формообразующие аффиксы — аффиксы, которые выражают грамматическое значение и участвуют в образовании морфологических форм. К формообразующим аффиксам в русском языке относятся все флексии, суффиксы инфинитива *-ти* (*-ть*), суффикс прошедшего времени *-л*, суффикс императива (формы повелительного наклонения) *-и*, суффиксы компаратива (сравнительной степени качественных прилагательных и наречий) *-ее*, *-е*, *-ше*, суф-

фиксы превосходной степени прилагательных *-ейш-*, *-айш-*, суффиксы причастий *-ущ-* (*-ющ-*), *-ащ-* (*-ящ-*), *-вш-*, *-ш-*, *-нн-*, *-енн-*, *-т-*, суффиксы деепричастий *-а* (*-я*), *-в*, *-вши*.

Постфикс *-ся* (*-сь*) может выполнять как формообразующую, так и словообразующую функцию. Как формообразующий он выступает в формах страдательного залога, например: *Новая соната исполняется музыкантом*. В других же случаях он выражает различные словообразовательные значения: собственно-возвратное (*умыываться*, *причесываться*); взаимно-возвратное (*обниматься*, *целоваться*, *ругаться*); общевозвратное (*радоваться*, *печалиться*) и др.

Формообразующие аффиксы часто образуют комплексы тесно связанных между собой морфем. Например, в форме повелительного наклонения *принеси[те]* сочетаются суффикс императива и флексия мн. ч. *-те*; в форме прошедшего времени мн.ч. *накрывали* — суффикс прошедшего времени и флексия; в форме же *накрывались* в составе пассивной конструкции *Эти столы накрывались молодыми официантами* этот комплекс дополняется формообразующим постфиксом *-сь*. В современной научной литературе существует и другая трактовка этих аффиксов: *-и* рассматривается как флексия императива, *-те* соответственно квалифицируется как постфикс.

Многие формообразующие аффиксы характеризуются многозначностью, способностью выражать одновременно несколько грамматических значений. Так, флексия *-ут* в глагольной словоформе *несут* выражает значение изъявительного наклонения, настоящего времени, 3-го л., мн. ч.

Грамматические значения, выражаемые формообразующими аффиксами, носят разный характер: это или синтаксические значения, или значения несинтаксические. На этом основании формообразующие аффиксы подразделяются на синтаксические, или словоизменятельные, и несинтаксические.

С и н т а к с и ч е с к и е (словоизменятельные) аффиксы выражают отношения между словами в предложении. К ним относятся флексии, при помощи которых образуются падежные формы всех склоняемых форм и личные формы глаголов в разных наклонениях и временах, см., например: *Вот и осталась мне самая малость шороха осени в доме моём* (А. Тарковский).

Н е с и н т а к с и ч е с к и е аффиксы — это формообразующие аффиксы, которые выражают те или иные грамматические значения, но не влияют на характер отношений слов в предложении. К несинтаксическим аффиксам отно-

сятся суффиксы, образующие формы степеней сравнения прилагательных и качественных наречий, формы наклонения и времени, формы инфинитива, суффиксы причастий и деепричастий, наконец, постфикс -ся в форме страдательного залога.

Основообразующие аффиксы занимают промежуточное место между словообразующими и формообразующими. Это аффиксы, которые регулярно оформляют основу определенных грамматических форм. К ним относятся показатели класса глаголов — суффиксы -а-, -е-, -и- (*читать, зеленеть, любить*).

4. В зависимости от характера плана выражения различаются материально выраженные (т.е. представленные одной фонемой или цепочкой фонем) и нулевые морфемы; ср.: *весёлый — весело, домики — домишко*.

Понятие нулевого аффикса опирается на понятие парадигмы — системы форм одного слова или системы одноструктурных образований.

Нулевыми аффиксами могут быть не любые аффиксы, а лишь такие, употребление которых в определенной позиции является обязательным в соответствии с законами грамматики или закономерностями словообразовательной системы языка. «Нулевой знак — это отсутствие аффикса в одной форме парадигмы при наличии аффиксов в других формах той же парадигмы»¹; ср.: *нос — носа, носу, носом*.

Нулевые окончания впервые были отмечены Ф.Ф. Fortunатовым, который назвал их «отрицательной формальной принадлежностью». Так, например, в форме кратких прилагательных м. р. ед. ч. выделяется нулевая флексия, так как эта форма противопоставлена форме ж. р. ед. ч., форме ср. р. ед. ч., а также формам мн. ч.; ср.: *здорово — здорова — здоровы*. Нулевая флексия характеризует формы И. (В.) п. ед. ч. существительных м. р. 2-го скл. (*столø, шкафø, коньø*), формы И. (В.) п. ед. ч. существительных ж. р. 3-го скл. (*дочьø, сиреньø*), формы Р. п. мн. ч. ряда существительных (*статейø, писемø, горø*), формы прилагательных с суффиксом -ий со значением родовой принадлежности (*лисийø, волчийø, оленийø*), формы м. р. ед. ч. кратких прилагательных (*радø, красивø, глупø*), формы м. р. прошедшего времени и сослагательного наклонения глаголов (*пелø, читалø, выучилø бы*), формы И. (В.) п. ряда числительных (*семьø, восемьø*) и некоторые другие.

¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. — М., 1996. — С. 270.

Нулевыми могут быть и формообразующие суффиксы, ср.: *промокѣѥ*¹ — *промокла* — *промокли*. В глаголах данного класса грамматическое значение прошедшего времени выражается формообразующим суффиксом, который материально выражен во всех формах ж. и ср. р., а также в формах мн. ч., а в формах м. р. ед. ч. является нулевым. Нулевой формообразующий аффикс выделяется также в формах 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения глаголов: *поставь*, *брось*, *дай*.

В современной русистике выделяется не только нулевая формообразующая морфема, но и нулевой словообразовательный аффикс. Так как нулевой аффикс есть значимое отсутствие материально выраженной морфемы, основанием для выделения слов с нулевыми аффиксами служит значение соответствующих слов: в их значении обязательно должен быть семантический компонент, который в данном языке обычно выражается с помощью словообразовательных аффиксов. Так, существительное *обжиг* обозначает отвлеченное действие. Это значение выражается в современном русском языке посредством словообразующих аффиксов *-ниj(e)*, *-к(a)*; например: *обтирани(j)e*, *обтёска*. Следовательно, в существительном *обжиг* это деривационное значение выражается нулевым словообразовательным аффиксом. Графически морфемную структуру этого слова можно представить себе следующим образом: *об-жигѣѥ*.

Нулевой словообразовательный аффикс выделяется *только в производных словах*: *задира*, *прогул*, *вылет*. Нулевая суффиксация особенно характерна для deverбалив (отглагольных существительных) и deadъективов (существительных, образованных от прилагательных), например: *расстрел*, *уход*, *сушь*, *зелень*, а также ряда сложных слов (*листопад*, *водолаз*, *короед* и др.) и прилагательных с основами, обозначающими части тела или детали внешности (*безглазый*, *безрукий*, *длинноногий*, *черноволосый*).

5. По частотности употребления, способности к повторяемости в составе разных слов (словоформ) морфемы делятся на регулярные и нерегулярные (уникальные). Понятие регулярности было введено в научный обиход Г. О. Винокуром в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946 г.).

¹ ѣ — нулевой суффикс отвлеченного действия, е — нулевой формообразующий аффикс.

Регулярные морфемы — это типовые морфемы, повторяющиеся в разных словах языка, например: суффикс *-тель* (*воспитатель, преподаватель, учитель*); суффикс *-ость* (*нежность, весёлость, бодрость, слабость*); префикс *за-* (*запеть, закричать, заговорить*).

Нерегулярные морфемы — единичные, уникальные морфемы, например: суффикс *-ел* в слове *козел*, суффикс *-арад* в слове *маскарад*, суффикс *-унок* в слове *рисунок*.

Уникальность (нерегулярность) имеет как количественное, так и качественное измерение. В качественном отношении это морфемы, которые ограничены в сочетаемости. Они повторяются в сочетании только с одной морфемой, например: суффикс *-ярус* лишь в сочетании с корневым морфем *стекл-*, суффикс *-амт* — с корнем *почт-*, суффикс *-ев* (со значением лица женского пола) — с корнем *корол-*.

Уникальные аффиксы возникают в языке разными способами. Они появляются, во-первых, в результате выхода из употребления одноструктурных слов. Так, например, префикс *чу-* в слове *чумазый* в настоящее время является единичным, однако диалекты свидетельствуют о том, что эта приставка ранее могла носить регулярный характер, например: *чуфыскать, чупрыснуть*. Во-вторых, уникальность аффикса может объясняться историческими изменениями в морфемном составе слова. Например, в слове *гольтепа* на синхронном срезе выделяется уникальный суффикс *-теп-*. С исторической же точки зрения это слово было образовано посредством суффикса *-еп-* от устаревшего *голта*. Таким образом, выделяемый в настоящее время нерегулярный суффикс *-теп-* — результат объединения двух суффиксов. В-третьих, появление уникальных аффиксов связано с изменением статуса морфемы. Так, в уже упоминавшемся слове *стеклярус* (разноцветные трубочки из стекла, нанизываемые на нитку) унификс *-ярус-* первоначально был корнем со значением «ряд, полоса, веревочка с крючками». Нерегулярные аффиксы могут также появляться в результате фонетических изменений или представлять собой заимствованные морфемы. Так, в слове *попадья* единичный суффиксальный морф *-adj-* восходит к греч. *-adia* (*paradia* — жена священника). В слове *планшет*, заимствованном из французского языка в XIX в., на синхронном уровне выделяется уникальный суффиксальный отрезок *-шет-*, который объединяет часть корня и суффикс слова-источника; ср.: *planchette* — *planch* (доска).

6. По характеру стилистической окраски морфемы делятся на нейтральные и стилистически окрашенные.

Нейтральные морфемы — общеупотребительные, стилистически не маркированные морфемы, например: *запеть, заговорить, замолчать, переводчик, автоматчик, разведчик, водопроводчик*.

Стилистически окрашенные морфемы — это, во-первых, морфемы, закрепленные за определенным стилем или подсистемой языка, во-вторых, морфемы, обладающие той или иной эмоционально-оценочной стилистической окраской (высокой, сниженной, пренебрежительной и др.). Так, суффикс *-он* активно используется в современных жаргонах, например: *музон, раздолбон* (выговор), *расслабон* (состояние расслабленности). Ограничение его сферой жаргона обуславливает его сниженную стилистическую окраску и экспрессивность. Существительные *старушка, старушонка, старушенция* различаются характером коннотаций, которые выражаются оценочными суффиксами. Суффикс *-онк-*, например, передает такую субъективную оценку, как пренебрежение, и является стилистически окрашенным.

7. По происхождению морфемы делятся на исконные и заимствованные. Примером заимствованных морфем могут служить префиксы *экс-, контр-, а-* (*экс-президент, контрреволюция, аморальный*), суффиксы *-ёр, -арий, -оид* (*режиссёр, кактусарий, дельфинарий, монголоид*), корневые морфемы *спонсор, визажист, мэр* и многие другие.

§ 186. Свободные и связанные корни

Морфемы различаются по характеру сочетаемости и особенностям употребления в языке. По сравнению со словом морфемы, как уже отмечалось, несамостоятельны, однако эта несамостоятельность может проявляться по-разному. Аффиксы функционируют только в составе слова, причем всегда в сочетании с той или иной корневой морфемой. Степень самостоятельности корней значительно выше, но и она носит разный характер:

1) корневые морфемы могут совпадать со словом (*здесь, где*);

2) корни в сочетании с формообразующими аффиксами могут составлять словоформу (*лес, несус, пел*);

3) корни, наконец, могут вступать в разнообразные сочетания со словообразующими аффиксами (*лесник, перенести, запевать*).

В зависимости от характера функционирования в языке и особенностей сочетаемости с аффиксами все корни делятся на свободные и связанные.

С в о б о д н ы е корни могут употребляться вне сочетания с другими морфемами и совпадать, таким образом, с основой слова, которая далее не членится на морфемы, ср.: *лесник* — *лес*, *водный* — *вода*, *учитель* — *учу*. Однако в языке существуют корни, которые не могут употребляться свободно; см., например, корневую морфему *-вык-* (*привыкнуть*, *отвыкнуть*, *отвыкание*, *навык*), которая функционирует только в сочетании с приставками или суффиксами.

С в я з а н н ы е корни — это корни, которые употребляются в составе основ только в сочетании со словообразовательными аффиксами; ср.: *обуть* — *разуть*; *прибавить* — *убавить* — *добавка*.

В словах со связанными корнями основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы, а значение корня, как правило, размыто; см., например, корень *-у-* в словах *обуть*, *обувать*, *разуть* и др.

При определении типа корня (свободный / связанный) необходимо учитывать возможную вариативность корневой морфемы и привлекать все морфы, ее представляющие. Так, например, учет морфа *пиш-* (*пиши*, *пишет*) позволяет квалифицировать корень в словах *писать*, *написать* как свободный; свободным при учете морфов *сух-*, *суш-*, *сох-* признается и корень слова *засыхать*. Признаки свобода / связанность распространяются, таким образом, на корневую морфему в целом.

Среди связанных корней много заимствованных компонентов. Ряд их носит интернациональный характер; см., например, такие корневые морфемы, как *био-* (от греч. 'жизнь') — *биология*, *биография*, *биостанция*; *бронх(о)-* (от греч. 'горло') — *бронхит*, *бронхиальный*, *бронхоскопия*. Сочетаясь с аффиксами или другими корневыми морфемами, связанные компоненты интернационального характера могут частично изменять свое значение, сужать или расширять его. Так, например, связанный корень *баро-* восходит к греческому слову *baros* со значением 'тяжесть'. В составе слов он реализует значение «атмосферное давление»: *барограф*, *барометр*, *барокамера*.

Появление связанных корней в языке вызывается следующими основными причинами:

1) выходом из употребления родственных слов, в которых этот корень был бы свободным; например, корень *-вой-* в словах *война*, *воинство*, *военный* и других в современном

русском языке является связанным, он приобрел такой характер после выхода из употребления слова *вои* ('воин') со свободным корнем;

2) заимствованием слов из других языков; так, например, в заимствованных словах *оккупация, оккупант, оккупировать*, пришедших к нам в язык из немецкого, выделяется корень *оккуп-*, который является связанным, это объясняется его неисконным характером, появлением в русском языке в сравнительно поздний период, когда ряд заимствований адаптировался и приобрел членимость;

3) семантическими изменениями слов и, соответственно, выделяемых в них корней. Корень *строй-*, например, в русском языке является свободным (*строю*). Тот же корень выделялся и в существительном *настроение*. Однако в 20—30-е гг. XIX в. под влиянием немецкого слова *Stimmung* эта лексическая единица приобрела современное значение 'душевное состояние' (*приподнятое настроение, унылое настроение*). Корни в словах *настройка (аппарата)* и *настроение (человека)*, таким образом, разошлись в современном русском языке по значению и могут быть признаны омонимичными. В результате семантических изменений и возник связанный корень *строй-*, который представлен, например, также в словах *расстроить, расстроиться, настрой*.

§ 187. Основа слова. Типы основ

О с н о в а — ядерная часть слова, которая выражает его вещественное, лексическое значение. Это структурный элемент слова, который, как правило, характеризуется устойчивостью, стабильностью морфемного состава; ср.: *сильный — силен — сильнее — сильнейший*.

Основы изменяемых слов могут совпадать с корневыми морфемами (*дерево, белый*) или включать в свой состав корень и словообразовательные аффиксы (*находка, приказать, заговор*). Основы неизменяемых слов равны всему слову: *пальто, вверх, из-за*.

Основа — операционная единица анализа слов, позволяющая разграничить грамматические формы и лексические единицы, выявить производящую базу для производных.

Различаются понятия «основа слова» и «основа словоформы». Если основа слова — это часть слова без формообразующих аффиксов, то основа словоформы — это часть изменяемого слова без окончания или все неизменяемое слово. Например: *рассмеялись* (основа словоформы — *рас-*

смеял...сь; основа слова — *рассмея...сь*); *поттише* (основа словоформы — *поттише*, основа слова — *поттиш...*).

Разграничение двух этих типов основ связано с различием их функций в выражении лексического и грамматического значения слова, а также с различием морфемного и словообразовательного анализа. При морфемном анализе учитываются значения всех аффиксов, входящих в состав слова, в том числе и формообразующих. При словообразовательном анализе формообразующие аффиксы не рассматриваются, так как они не участвуют в образовании новых слов и не вносят дополнительных оттенков в лексическое значение слова.

Существует широкое и узкое понимание термина «основа слова». Узкое понимание встречается в школьной практике преподавания русского языка, где основой слова принято считать часть слова без окончания: *умный*, *весель(я)е*, *рассказывающий*.

В вузовской же практике под основой слова понимают часть слова без формообразующих аффиксов, т.е. из состава основы исключаются флексии и все формообразующие суффиксы: *чита(я)ющий*, *дума(я)я*, *писать*, *говорил* и т.п.

Основы слова неоднородны; они различаются: 1) по характеру структурной целостности; 2) количеству корней, входящих в их состав; 3) способности далее члениться.

На основании различных дифференцирующих признаков выделяют следующие типы основ: 1) компактные — прерывистые; 2) простые — сложные; 3) членимые — нечленимые.

Компактные основы характеризуются структурной целостностью: *приговорить*, *выдумка*, *симий*.

Прерывистые основы отличаются нарушением структурного единства. Это основы, «разорванные» формообразующими аффиксами: *умываться*, *какой-либо*, *колышущийся*. Прерывистые основы встречаются у возвратных глаголов, неопределенных местоимений, сложных числительных, некоторых составных существительных: *умыва(ли)сь*, *как(ой)-то*, *шесть(о)десять(о)*, *ракет(а)-носитель(о)*.

Основы, включающие в свой состав один корень, называются простыми; объединяющие несколько корней — сложными. Ср.: *лесник* — *лесозаготовка*.

Основы, содержащие один морф, т.е. далее неделимые на морфы, называются нечленимыми, например: *полё*, *беж*, *вдруг* и т.п. Основы, состоящие из нескольких морфов, называются членимыми, например: *покупка* (основа сло-

ва включает в свой состав три морфа — префикс *по-*, корень *-куп-* и суффикс *-к-*, т.е. делится на морфемы и поэтому признается членимой).

Любая основа может быть охарактеризована по признакам всех трех дифференцирующих уровней. Например, основа слова *кораблестроение* — *кораблестроениј* — компактная, сложная, членимая; *целоваться* — *целова...ся* — прерывистая, простая, членимая; *ложка* — *ложк* — компактная, простая, нечленимая.

§ 188. Членимость слова. Степени членимости основ

Определение степени членимости основы — сложная проблема, которая может решаться по-разному. Так, в 40-х гг. XX в. развернулась дискуссия о членимости слов в русском языке, получившая шутливое название «спор о буженине». Начало дискуссии положил Г.О. Винокур в статье «Заметки по русскому словообразованию» (1946 г.), где он сформулировал правило членения основ: «...если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно...»¹. Поэтому Г.О. Винокур слова типа *буженина* рассматривал как нечленимые, так как элемент *бужен* не ясен современному носителю языка.

С Г.О. Винокуром полемизировал А.И. Смирницкий в статье «Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ» (1948 г.). Смирницкий считал, что при членении слов нужно исходить из равноправия морфем и учитывать реально существующие в языке аффиксы. С его точки зрения, основа членима, если в ней можно выделить хотя бы один аффикс. Таким образом, для него слова типа *буженина*, *смородина* были членимыми.

В морфемике с течением времени победила точка зрения А.И. Смирницкого.

Перед лингвистами встал вопрос о классификации основ по степени их членимости. Способы определения степени членимости предложил М.В. Панов. При построении типологии членимости основ ученый учитывал следующие кри-

¹ Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 421.

терии: 1) свободным или связанным является корень; 2) единичный он или регулярный; 3) регулярным или нерегулярным является аффикс; 4) есть ли в языке аффиксы, синонимичные данному; 5) встречаются аффиксы в разных типах основ или имеют ограничения в своем употреблении.

М. В. Панов выделил пять степеней членимости основ. К первой степени относятся слова, характеризующиеся полной свободной членимостью основы, т.е. входящие в двойной ряд сопоставлений — однокоренных и одноструктурных (принцип А. М. Пешковского):

лесник — *водник*, *путник*, *шутник*;
лесной;
лесничий;
лес.

Вторая степень членимости свойственна словам, в основе которых выделяют свободный корень и единичный аффикс, имеющий синонимичные морфемы в языке. Например, *пасти* — *пастух*. Унификс *-тух-* со значением 'лицо по роду занятий' имеет в языке регулярные суффиксы-синонимы (ср.: *строить* — *строитель*, *грузить* — *грузчик*).

Третья степень членимости присуща словам, в основе которых есть свободный корень и уникальный аффикс, не имеющий в языке синонимичных морфем: *стекло* — *стеклярус*, *почта* — *почтамт*.

К четвертой степени членимости относятся слова, в основу которых входит уникальный корень и регулярный аффикс, встречающийся в свободно членимых словах: *бужен-* + *-ин-* + *-а*; ср.: *кон-* + *-ин-* + *-а* (*конь*); *свин-* + *-ин-* + *-а* (*свинья*).

Пятая степень членимости присуща словам, имеющим уникальные корни, которые сочетаются с определенным типом аффиксов, не встречающихся в хорошо членимых словах: *калина*, *крушина*, *малина*.

Как видно из рассмотренной классификации, между разными степенями членимости нет жестких границ. Тесно связаны между собой вторая и третья степени, а пятая максимально приближена к четвертой. При этом членимость основ уменьшается по мере увеличения степени их членимости.

Границы между членимыми и нечленимыми основами подвижны. Членимые основы могут превращаться в нечленимые и наоборот. Например, основа иноязычного слова *джентльмен* первоначально не членилась на морфемы, по-

скольку звуковой комплекс *-мен-* не встречался в том же значении в других словах русского языка. В связи с политическими и социально-экономическими изменениями в жизнь нашего общества вошли слова *бизнесмен*, *шоумен* и т.п., в которых компонент *-мен-* с отчетливо выраженной семантикой 'человек' приобрел статус суффикса. На основании закона аналогии данный суффикс стал выделяться в слове *джентльмен*, т.е. слово из нечленимого стало членимым. Изменение степени членимости характерно также для слов *ипподром* (ср.: *космодром*, *велодром*, *аэродром* и др.), *библиотека* (ср.: *фильмотека*, *фоноотека*, *картотека* и т.п.) и некоторых других.

Таким образом, членимость основы — исторически изменчивый процесс. Развитие словарного состава языка (возникновение новых слов, выход из употребления тех или иных лексем) неизбежно оказывает влияние на членимость слова.

§ 189. Исторические изменения в морфемном составе слова

Морфемный состав слова исторически изменчив: с течением времени перемещаются границы между морфемами, меняется их семантика, членимые основы становятся нечленимыми и, напротив, нечленимые приобретают членимость. Так, например, слово *вздор*, которое на синхронном срезе языка характеризуется нечленимостью и имеет значение 'бессмыслица', в древности первоначально означало 'то, что содрано при очистке дерево от коры', и было родственным словам *драть*, *отдирать*. В составе слова, следовательно, вычленились корневой морф *дзр-* (*дор-*) и префикс *взз-*. Слово *вздор* в русском языке пережило семантическую эволюцию: оно утратило сначала конкретно-предметное значение и приобрело собирательное значение 'хлам, отбросы', затем развило абстрактное оценочное значение 'бессмыслица'. В результате изменения семантики слова, забвения его внутренней формы перестали осознаваться связи исторически однокоренных слов *вздор*, *содрать*, *отодрать* и других и корневая морфема *дор-* слилась с приставкой.

Исторические изменения в морфемной структуре слова начали активно изучаться в русистике с конца XIX в., прежде всего представителями Казанской лингвистической школы — И.А.Бодуэном де Куртене, Н.В.Крушевским, В.А.Богородицким. И.А.Бодуэн де Куртене отметил возможность

«нарастания последующих суффиксов за счет предшествующих или же за счет корня», а также «нарастание корня за счет префикса». В.А. Богородицкий выделил и детально описал два основных типа исторических изменений и предложил для их обозначения специальные термины: опрощение и переразложение.

Под опрощением ученый понимал процесс, при котором слово перестает «пониматься относительно своего состава и понимается только в своей целостности», ср.:

ист. *дымѣ* (родств. *дух*, *дышать*) — синхр. *дымѣ*;

ист. *ужасѣ* (*ужасити* 'напугать, утратить' — *жасити*) — синхр. *ужасѣ*.

О п р о щ е н и е — это исторический процесс изменения морфемной структуры, в результате которого членимая ранее основа становится нечленимой. Основным механизм опрощения — слияние рядоположенных морфем. В зависимости от того, какие морфемы объединяются, различаются несколько структурных типов опрощения:

1) слияние корня и суффикса: ист. *окуньѣ* (око 'глаз') — синхр. *окуньѣ*;

2) слияние корня и префикса: ист. *законѣ* (кон 'граница') — синхр. *законѣ*;

3) слияние префикса, корня и суффикса: ист. *беспечѣи* [ый] (печа 'забота, хлопоты') — синхр. *беспечѣи* [ый];

4) слияние двух основ: ист. *человекѣ* — синхр. *человекѣ*.

Опрощение обычно связано с деэтимологизацией слова, утратой им внутренней формы и, следовательно, семантической соотносительности с исторически однокоренными словами. Так, например, нечленимое в современном русском языке слово *истукан* (старославянизм по происхождению) с исторической точки зрения — форма страдательного причастия, образованного от глагола *истукати*, который представлял собой префиксальное образование от слова *тука-ти* ('ударять'). *Истукан* буквально — 'выбитый, выстуканный ударом молотка по резцу'. Деэтимологизация слова *истукан* привела к его опрощению.

Опрощение, таким образом, вызывается прежде всего семантическими причинами. Эти причины могут взаимодействовать с причинами фонетическими. Опрощению способствовали падение редуцированных, упрощение групп согласных, метатезы и другие процессы. Так, упрощение группы согласных *bv* привело к изменению морфемного

состава слова *обет* (от **обвет*), *обещать* (от *обвещать*), *обида* (от **обвида*), *обязать* (от **обязати*). Опрощение в морфемной структуре прилагательного *затхлый* связано с процессом падения редуцированных; ср. с исходным словом *задъхлый*, производным от глагола *задъхнуться* ('задохнуться').

Третьей причиной опрощения служит выход из употребления родственных данному слов. Этот процесс обусловил, например, опрощение в словах *ресница* (ср. вышедшие из употребления *рѣснѣ* — 'ресница', 'бахрома', *рѣснѣвый* — 'прикрытый ресницами'), *соблазн* (ср. древнерус. *блѣзнѣ* 'обольщение', *блѣзнити* 'обольщать').

Отмеченные причины опрощения взаимодействуют в истории языка. И фонетические изменения, и выход из активного употребления родственных слов приводят к утрате внутренней формы лексической единицы, разрушению имевшихся в языке семантических связей, поэтому именно семантические причины являются ведущими при опрощении.

Этот исторический процесс играет важную роль в морфемике и словообразовании: благодаря опрощению возникают нечленимые основы, которые с течением времени выступают в качестве производящей базы для новых образований. Меняется и соотношение мотивированных и немотивированных слов в языке: в результате опрощения увеличивается число немотивированных и, следовательно, непронизводимых на синхронном срезе единиц.

Переразложение, или перенитеграция, — исторический процесс изменения границ между морфемами при сохранении основной членимости. В отличие от опрощения переразложение не меняет характера основы, это только перераспределение словообразовательных аффиксов в структуре слова. Рассмотрим, например, слово *крохотный*. В современном языке в его составе выделяются свободный корень *крох-*, нерегулярный суффикс *-отн-*, флексия *-ый*. С исторической точки зрения прилагательное было образовано от вышедшего позднее из употребления в литературном языке существительного *крохатъ*, соответственно в морфемной структуре слова *крохотный* вычленялись два разных суффикса: *-от-* и *-н-*, которые позже слились в один. Основа же слова сохранила членимость.

В зависимости от того, какие словообразовательные аффиксы подвергаются интеграции, выделяется несколько типов переразложения: это транссуффиксация, транспрефиксация, перемещение границ между суффиксами и флексией.

Транссуффиксация — это изменение границ между словообразовательными суффиксами, ср.: ист. *куста́рный* (от *куста́рь*) — синхр. *куста́рник*; ист. *молча́йивый* (от *молча́ль*) — синхр. *молча́ливый*.

Транспрефиксация — перемещение границ между префиксами, ср.: ист. *дбессилеть* (— *бессилеть*) — синхр. *обессилеть*.

Перемещение границ между суффиксом и флексией — явление более редкое. Оно может быть проиллюстрировано историей слова *вожатый*. Это слово было образовано от глагола *вожати* при помощи суффикса *-тай* (ср.: *ходатай*, *оратай*, *проводатай*, *соглядатай*). Еще в начале XIX в. оно относилось к субстантивному склонению; ср.: *Но я молю тебя, поклонник верный мой, будь мне вожатаем* (А. С. Пушкин). В основе слова выделялись корень *-вож-*, суффиксы *-а-* и *-тай*. В результате выхода из употребления производящего глагола *вожати* и аналогии с суффиксальными прилагательными типа *рогатый* слово *вожатый* приобрело современную морфемную структуру и подверглось переоформлению: часть модифицированного суффикса стала окончанием — *вож-ат-ый*.

Основные причины переразложения:

1) **выход из употребления мотивирующего слова**, ср.: ист. *косы́йка* — *косыня*, после выхода из употребления слова *косыня* суффиксы *-ыи-* и *-к-* объединяются;

2) **закон аналогии** (вспомним историю слова *вожатый*).

Переразложение, как и опрощение, имеет важное значение в языке. Если в результате опрощения в языке появляются новые нечленимые основы, то в результате переразложения в нем возникают новые суффиксы и приставки. Так, благодаря переразложению в русском языке появились суффиксы *-ение/-и/-ическ-*, приставки *обез(с)-*, *недо-* и др.

Кроме опрощения и переразложения при рассмотрении исторических изменений морфемного состава слова необходимо учитывать процесс, противоположный опрощению, который Н. М. Шанский предложил назвать усложнением.

Усложнение — процесс превращения ранее нечленимой основы в членимую. Так, существительные *ехидна* и *зонтик*, которые имеют в современном русском языке членимую основу (ср.: *ехидство*, *ехидный*; *зонт*, *зонтообразный*), ранее ее не имели. Слово *ехидна* по происхождению старославянизм, восходящий к греч. *echidna*, а слово *зонтик* — заимствование из голландского языка (*Zondek*). Членимость эти слова приобрели уже на русской почве по ана-

логии с суффиксальными образованиями (ср., например: *бан-тик, гвоздик, ребятня, двойня*), причем в русском языке в результате обратного словообразования с течением времени появились новые лексические единицы *ехидна* и *зонт*.

Усложнение — процесс, характерный преимущественно для заимствованных слов. Он связан с действием закона аналогии, на основе которого сближаются элементы разных по происхождению единиц. Так, нечленимое в момент заимствования слово *фляжка*, заимствованное из польского языка, было соотнесено русским языковым сознанием с образованием с параметрическим и/или оценочным суффиксом *-к-* (ср.: *бумажка, книжка*). В результате слово приобрело членимость, а в русском языке появилось слово *фляга*, отсутствующее в языке-источнике.

Причиной усложнения часто служит народная этимология. Она сближает исходно неродственные слова, которые представляются говорящим близкими в семантическом и фонетическом отношении. Так, слово *колика*, заимствованное во второй половине XVII в. из латинского языка — *colica* от греч. *kolike* > *kolon* 'толстая кишка', было соотнесено с русским словом *колоть*.

Усложнение, наконец, часто связано с появлением наряду с тем или иным заимствованием родственных слов. Установление деривационных связей между однокоренными словами предполагает параллельное заимствование этих лексических единиц. Например, слово *лекция* (латинское по происхождению) было заимствовано из польского языка и первоначально было нечленимым. Появление же в русском языке другого заимствованного слова — *лектор* — обусловило членимость этих однокоренных единиц.

Благодаря усложнению язык пополняется новыми корневыми морфемами. Этот процесс играет важную роль в адаптации заимствованных слов, в их освоении русским языком.

Частным историческим процессом изменения морфемной структуры слова является замещение. Оно охватывает сравнительно небольшое по сравнению с опрошением и переразложением число слов.

З а м е щ е н и е — это замена одной из морфем, входящей в состав слова, другой, сходной с ней по формальному и семантическому признакам или по одному из них. Так, латинское слово *christianus* на русской почве было первоначально воспринято как субстантивное образование от слова *Христос* при помощи аффикса *-ан* (*-анин*) и в результате пережило процесс усложнения: стало функционировать как членимая в структурном отношении единица. В дальней-

шем это слово стало употребляться для обозначения сельского населения и восприниматься как производное от существительного *крест*. В результате произошло замещение корневой морфемы *христиане* — *крестьяне*.

Замещение широко распространено в просторечии и диалектах, где связано с народной этимологией. В литературном языке также представлены слова, в которых произошло замещение. Кроме уже упоминавшегося слова *крестьяне* замещение характерно, например, для таких лексических единиц, как *свидетель* и *синица*. В слове *свидетель* корневая морфема *вид-* заменила исходный корень *вед-* (древнерус. *свьѣдѣтель*), в результате произошло частичное сужение семантики слова. Как считают этимологи, в слове *синица* еще в общеславянскую эпоху звукоподражательный корень *зинь-* в результате народно-этимологического сближения со словом *синий* был замещен корнем с цветовой семантикой: *зиница* — *синица*. Как видим, основные причины, вызывающие замещение, — аналогия и народная этимология — приводят к сближению разнокорневых слов в языке.

§ 190. Принципы морфемного анализа

Морфемный анализ, или разбор слова по составу, — это особый вид лингвистического анализа, который направлен на определение морфемной структуры слова. Объектом морфемного анализа является состав слова. Основная цель такого разбора — установить, из каких морфем состоит слово.

Основные задачи морфемного анализа — это: 1) членение конкретного слова на морфы в их последовательности или смысловой иерархии; 2) определение типов морфем; 3) характеристика их по функции, частотности употребления, значению, особенностям сочетаемости и др.; 4) определение типа членимости основы.

Впервые основной прием морфемного анализа — прием двойного сопоставления — был четко сформулирован учеными Казанской лингвистической школы. Эта же идея была позднее высказана А. М. Пешковским, который и определил основное правило морфемного анализа: «В одном из... рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд), в другом — та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд...)»¹:

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1933. — С. 45.

храбрец — мудре́ц, нагле́ц, удале́ц;

храбрость;

храбрый;

храбриться.

Это правило двойного сопоставления, т.е. сопоставления, во-первых, с однокоренными словами, во-вторых, со словами с теми же аффиксами, получило название «правило Пешковского».

Правило двойного сопоставления слова закрепилось в практике морфемного анализа в вузе и школе. Оно наиболее полно отражает основной его принцип — принцип системности, который предполагает обязательный учет широкого фона однокоренных слов и одноструктурных образований.

Другим, не менее важным принципом морфемного анализа является принцип синхронизма, согласно которому вычленение в слове морфем должно проводиться с позиции синхронии и учитывать *живые* семантические и структурные связи в современном языке. Исходя из этого принципа, например, мы признаем уже нечленимой основу слова *неделя*, хотя в диахронии в составе этой единицы выделялись префикс *не-* и корень *-дел-* (слово *неделя* первоначально имело значение «воскресение», указывало на один из дней недели, в который следовало избегать работы, обращая помыслы к Богу).

Третьим принципом морфемного анализа является принцип учета словообразовательных связей рассматриваемой лексической единицы. Этот принцип особенно важен для членения производных слов. Сделать вывод о границах морфем и характере аффиксов в ряде случаев можно только на основе соотношения производного слова и слова производящего. Как отмечал Г. О. Винокур, только то отношение в слове, «которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной»¹, дает нам возможность выделять в составе основы аффиксы или говорить об их отсутствии.

Рассмотрим, например, глагол *модничать*. Глагол *модничать* соотносится как со словом *мода* (*модничать* — «следовать моде»), так и со словом *модник* («вести себя как модник»). Для него, таким образом, характерна полимотивированность: этот глагол может выводиться из разных

¹ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 326.

производящих. Полимотивированность слова *модничать* обуславливает возможность двоякого его членения: соотношение слова с существительным *мода* позволяет выделить его в основе суффикс *-нича-*, выводимость же его из наименования лица *модник* — суффиксы *-нич-* и *-а-*, ср.: *мод-нич-а-ть*.

Учет словообразовательных связей производного слова дает возможность избежать неверных решений в процессе морфемного анализа. Сравним, например, отглагольные существительные *умножение* и *вычитание*. Слово *умножение* обозначает действие по глаголу *умножить*, производящая основа при этом подвергается сокращению: *умнож-*. Сегмент *-ениј-* представляет собой словообразующий суффикс. В производном слове *умножение* в результате вычленяются префикс *у-*, суффикс *-ениј-*, корневой морф *-множ-* и флексия.

Слово *вычитание* обозначает действие по глаголу *вычитать*. Производящая основа в этом случае не подвергается усечению. В составе слова *вычитание* (в отличие от слова *умножение*), таким образом, выделяются два суффикса: суффикс *-а-* — суффикс глагольной основы и суффикс *-ниј-* со значением отвлеченного действия.

Итак, морфемный анализ базируется на результатах словообразовательного анализа: без учета его результатов членение производного слова может превратиться в его полунтуитивное членение по аналогии.

В практике морфемного анализа важно также учитывать морфологические характеристики разбираемого слова: его часть речи, лексико-грамматический разряд. Сравним, например, предложения *Хорошо в лугу широким кругом хорошодом пламенным пройти* (А. Блок) и *Небо молнией летучей опоясалось кругом* (Ф. Тютчев). В первом случае словоформа *кругом* — существительное. Оно имеет нечленяемую основу и окончание *-ом*. Во втором предложении *кругом* — наречие, т. е. неизменяемое слово. В нем вычленяется корень *круг* и суффикс *-ом*.

Местоимения *его* и *ее* имеют разный морфемный состав в зависимости от того, к какому разряду они относятся: личные местоимения — склоняемые словоформы, поэтому в них вычленяются флексии (ср.: нет *j-его* — нет *дом-а*); притяжательные же местоимения *его*, *ее*, *их* характеризуются неизменяемостью, следовательно, они не имеют окончания.

Процедура морфемного анализа включает в себя следующие основные этапы: 1) определение части речи рассматриваемого слова; 2) выделение основы слова и определение

ее типа; 3) вычленение аффиксов, входящих в основу, с учетом одноструктурных образований; 4) выделение корневого морфа на основе сопоставления данного слова с рядом однокоренных слов.

Вопрос о том, что вычленяется раньше — корень или аффикс, — является дискуссионным в современном словообразовании. Однако большая часть ученых следует принципу, предложенному Г. О. Винокуром и позднее названному «принципом матрешки». Согласно этому принципу морфемы «снимаются» в основе слой за слоем в порядке, причем обратном тому, как они присоединялись. Такой подход предостерегает от возможных ошибок при вычленении внешне схожих слов и позволяет достаточно строго определить границы морфем. Корень слова, таким образом, вычленяется в последнюю очередь, при этом отмечается его формальное варьирование и определяется его тип (свободный или связанный).

В практике морфемного анализа следует учитывать морфонологические явления, прежде всего наложение морфов и чередования. Только их последовательный учет позволяет избежать неверного членения слова, см., например: *архидерей*□, *хаотический* (ср. *хаос*), *саркастический* (ср. *сарказм*).

ДЕРИВАТОЛОГИЯ

§ 191. Производное слово.

Признаки производного слова

Словообразование, или дериватология (от лат. *derivatum* 'произведенное, производное') — раздел языкознания, изучающий структуру и семантику производных слов, способы их образования и объединения (группировки). Основным объектом рассмотрения в словообразовании является производное слово (дериват). **Производные слова** — это слова, значение и звучание которых обусловлены семантикой и звуковой формой других, однокоренных с ними слов; ср.: *студенчество* — *студент*, *перечитать* — *читать*. Производное слово семантически и формально выводится из другого родственного слова, которое мотивирует его.

Мотивирующее слово и дериват связаны отношениями словообразовательной мотивации. Это отношения между

двумя однокоренными словами, при которых значение одного из них:

1) либо определяется через значение другого: *переводить* — *переводчик* ('тот, кто переводит');

2) либо тождественно другому во всех семантических компонентах, кроме частеречного значения: *синий* — *синь*;

3) либо полностью тождественно другому по семантике при различии в стилистической окраске: *специалист* — *спец*.

Мотивирующее и мотивированное слова составляют словообразовательную пару. Мотивированным в этой паре признается слово, которое формально и семантически сложнее однокоренного: *трактор* — *тракторист*, *пекарь* — *пекарня*. Слово *пекарня*, например, формально «длиннее» (на суффиксальный отрезок *-н-*) и семантически сложнее слова *пекарь*, так как оно включает в себя семантический компонент 'место', который отсутствует в мотивирующем слове.

В том случае, если оба слова совпадают по количеству формальных компонентов, мотивированным признается слово, семантически более сложное, например: *истор-и(я)* — *истор-ик* ('специалист по истории').

Производное слово может мотивироваться не одним, а двумя (или даже более) словами, которые одинаково возможны при образовании деривата. Это явление называется множественностью мотивации. Так, например, наречие *весело* соотносится как с мотивирующим словом *весело* (в этом случае оно образуется приставочным способом), так и с качественным прилагательным *невеселый* (в этом случае способ образования — суффиксальный); ср.: *веселый* — *весело*, *громкий* — *громко*, *тихий* — *тихо*. Отглагольное существительное *проверка* соотносится и с мотивирующим глаголом несов. вида *проверять* и с глаголом сов. вида *проверить*; ср., например: Проверка продолжается. — После проверки сочинений станут известны оценки.

Для того чтобы верно определить направление мотивации и выделить мотивирующее слово, необходимо использовать прием развернутого толкования производного слова: *пахарь* — 'тот, кто пашет' (мотивирующее слово — *пахать*), *парусить* — 'надуваться подобно парусу' (мотивирующее слово — *парус*), *неизбежный* — 'такой, которого нельзя избежать' (мотивирующее слово — *избежать*).

При толковании производных слов используются типовые определения, или «словообразовательные перифразы» (А.И.Моисеев), которые состоят из двух частей: обобщенной (родовой), представленной обычно местоименным бло-

ком (*тот, кто...*; *то, что...*), и видовой, выделяющей отличительный признак (*преподаватель* — 'тот, кто преподает'). Правильно составленная перифраза позволяет установить производность толкуемого слова, производящее слово и направление мотивации. Возможны и другие типы толкований, выделяющих мотивирующее слово: *морской* — 'относящийся к морю', *безбилетный* — 'не имеющий билета', *бодрость* — 'свойство по значению прилагательного *бодрый*'.

Итак, если в морфемике противопоставляются друг другу членимые и нечленимые слова, то в словообразовании разграничиваются слова производные и непроизводные.

Производное слово характеризуется рядом признаков.

1. Дериват обладает свободной или связанной членимостью: *водяной* — *водянистый*, *бочка* — *бочар*. Слова, характеризующиеся недостаточной членимостью, в современном языке являются непроизводными: *буженина*, *смородина*.

2. Производное слово характеризуется словообразовательной мотивированностью: семантика и форма деривата всегда базируются на другом слове. Как отмечал Г.О. Винокур, «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы»¹. Критерием производности слова (критерий Г.О. Винокура) признается обязательное существование в языке мотивирующей данный дериват единицы: «...О производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непроизводная»².

3. Производное слово имеет бинарную (двухкомпонентную) структуру. Рассмотрим, например, слово *рассказывание*. С точки зрения морфемного состава в нем выделяется пять морфов. Со словообразовательной же точки зрения в структуре этого слова различаются только два составляющих его компонента: основа слова, от которой образован данный дериват (*рассказыва-ть*), и средство, при помощи которого он образован (суффикс *-ни-*). Структура производного всегда бинарна. В ней выделяется производящая база и словообразовательный формант, или дериватор.

Производящая база — это основа мотивирующего слова или все мотивирующее слово в целом; ср.: *сеять* — *сеятель*, *сеять* — *засеять*; *терпеть* — *терпение*; *радовать* — *радоваться*.

¹ Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. — М., 1959. — С. 421.

² Там же. — С. 425.

Производящая база может быть представлена и основными несколькими словами: *белоснежный* — *белый* как *снег*; *снегопад* — *снег* и *падать*; *гололёд* — *голый* и *лёд*, *англо-русский* — *английский* и *русский*.

Словообразовательный формант (дериватор) — наименьшее в формальном и семантическом отношении средство, которым производное слово отличается от производящего. Это важнейший элемент структуры производного слова. Словообразовательный формант — это, во-первых, средство выражения деривационного значения, во-вторых, конкретное средство образования деривата на основе той или иной производящей базы; ср.: *учить* — *учитель*; *нос* — *переносица*; *автор* — *соавтор*; *колос* — *колоситься*.

Мы видим, что во всех рассмотренных примерах формантами являются аффиксы и их сочетания. Однако круг формантов в языке значительно шире.

В качестве формантов (дериваторов) в современном русском языке выступают:

1) аффиксы (префиксы, суффиксы, постфиксы и их комбинации — *перечитать*, *читатель*, *учиться*, *разбежаться*);

2) сокращение (усечение) производящей основы (*специалист* — *спец*, *магнитофон* — *маг*);

3) устойчивый порядок компонентов при сложении и единое главное ударение (*быстрорастворимый*, *вагон-ресторан*);

4) изменение (обычно сужение) морфологической парадигмы (т.е. системы грамматических форм) слова, связанное с переходом из одной части речи в другую (*мороженое*, *учёный*, *кругом*).

Различают аффиксальные и безаффиксные форманты.

К аффиксальным формантам относятся словообразовательные аффиксы и их сочетания, к безаффиксным, или операционным — 1) сокращение (усечение) производящей основы (*маг*, *зав*); 2) устойчивый порядок компонентов и возможность единого ударения (*нижеподписавшиеся*, *вагон-ресторан*); 3) переоформление морфологической парадигмы (*учительская*, *будущее*). Возможно и сочетание формантов разных типов в одном деривате; например, слова *видик*, *мультик* (при их образовании усечение сочетается с суффиксацией).

При образовании конкретного производного слова наблюдаются различные морфонологические явления:

1) чередование фонем на морфемном шве и внутри корня: *снег* — *снежинка* [г//ж], *пух* — *пушистый* [х//ш], *стечь* — *сток* [е//о];

2) усечение производящих основ: *побелить* — *побелка*, *бочка* — *бочонок*, *избежать* — *неизбежный*;

3) интерфиксация (появление незначимой «прокладки» между производящей базой и формантом): *кофе* — *кофе(й)ник*, *Вязьма* — *вязьм(ин)ский*;

4) наложение морфем, устраняющее повторы фонем и фонемных сочетаний на морфемном шве: *Братск* — *братский*, *сосна* — *сосняк*;

5) перемещение ударения: *гитара* — *гитарист*, *красный* — *краснота*.

Производные слова строятся по определенным словообразовательным моделям.

Словообразовательная модель — это структурно-семантическая схема, которая лежит в основе построения ряда одноструктурных дериватов. Например, производные существительные, обозначающие жителей городов или стран, строятся по модели: основа сущ. + формант *ец*. Например: *бразилец*, *испанец*, *голландец*, *новгородец*, *петербуржец*, *волгоградец*.

Различаются продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. По продуктивным моделям активно создаются новые слова. Таковы, например, образования с суффиксальными формантами *-ость* или *-изм*, префиксальные образования с приставками *супер-*, *сверх-*, *пост-* в современной речи; например: *сверхмощный*, *суперсовременный*, *постперестроечный*.

На основе семантического соотношения между мотивирующим словом и словом производным определяется словообразовательное значение деривата.

Словообразовательное значение производного устанавливается по «принципу разности»: это тот компонент значения, которым семантика деривата отличается от семантики мотивирующего его слова. Сравним, например, значения слов *медведь* — *медвежонок*. В производном слове имеется семантический компонент 'детскость' (*медвежонок* — 'детеныш медведя'), который отсутствует в мотивирующем слове. Он и принимается за словообразовательное (деривационное) значение производного слова.

§ 192. Функции производных слов

Производные слова выполняют в языке и речи ряд важных функций. Во-первых, это функция *номинативная*: дериват служит средством наименования новой реалии, явле-

ния или процесса. Так, появление в школах Москвы нового учебного предмета вызвало к жизни производное слово *москвоведение*. Номинативная функция является основной функцией всех производных слов.

Во-вторых, производные слова могут использоваться для сокращения уже имеющихся в языке единиц, в этом случае они выполняют *компрессионную* функцию: *зачётная книжка* — *зачётка*, *неотложная помощь* — *неотложка*, *читальный зал* — *читалка*¹, *заместитель* — *зам*, *специалист* — *спец*.

В-третьих, производное может создаваться в целях изменения синтаксических структур, упрощения синтаксических построений речи. В этой конструктивной функции обычно выступают дериваты, которые тождественны по значению мотивирующим словам, но отличаются от них принадлежностью к другой части речи: это отглагольные отвлеченные существительные, абстрактные существительные, мотивированные прилагательными, качественные наречия, относительные прилагательные, например: *пересказывание*, *нежность*, *весело*. Упрощая синтаксическую структуру, дериваты одновременно устанавливают внутритекстовые связи, отсылают к предшествующим высказываниям и, таким образом, способствуют связности речевого произведения, например: *Чухонка или злилась и грубила... или молчала по неделям... Должно быть, я попал в такой молчаливый день* (Ф. М. Достоевский).

Кроме того, дериваты создаются для выражения оценок говорящего, передачи его эмоционального состояния, субъективного отношения к предмету речи. Таким образом, они могут выполнять *эмоционально-оценочную* функцию. Сравним, например, ряд слов: *книга* — *книжка* — *книжонка* — *книжечка*. Производные слова выражают здесь различные эмоциональные оценки говорящего.

Дериваты, наконец, могут выполнять *стилистическую* функцию. Эта функция реализуется в том случае, если производное слово отличается от базового стилистической окраской и закреплено за определенным функциональным стилем или подсистемой языка. Так, например, образования с суффиксом *-он* (*обалдемон*, *музон*, *рубон*, *выпивон* и др.) характерны для просторечия и жаргонов; дериваты,

¹ Замена словосочетания однословным суффиксальным образованием, конденсирующим его значение, называется универбацией (*uni* 'одно' + *verbum* 'слово'), а производные слова в этой функции — универбами (*зачётка*, *минералка*, *неотложка*, *читалка*, и др.).

образованные при помощи суффикса *-ин*, широко используются в химической и фармацевтической терминологии (*анестезин, ванилин, кофеин, радикулин*).

Отмеченные функции могут взаимодействовать. Например, вошедшее в настоящее время в активное употребление слово *бомж* совмещает номинативную и компрессивную функции, кроме того, может выступать в речи в экспрессивной, эмоционально-оценочной функции.

§ 193. Понятие о способе словообразования.

Классификация способов словообразования

Способ словообразования — одно из центральных понятий словообразования. Оно может быть рассмотрено как в плане диахронии, так и в плане синхронии. В плане диахронии под способом словообразования понимается конкретный прием создания производного слова. Так, например, слово *вратарь* ('тот, кто охраняет врата') образовано суффиксальным способом — посредством форманта *-арь-* со значением лица; слово *сейчас* возникло в результате слияния (сращения) двух знаменательных слов: местоимения *сей* и существительного *час*. Способ словообразования с диахронической точки зрения, таким образом, фиксирует историю рождения слова в языке в тот или иной период его развития. Это исторический процесс создания новых лексических единиц на базе уже существующих.

Большинство слов современного языка, однако, не создается нами заново, а воспроизводится, извлекается из языковой памяти, поэтому с синхронической точки зрения понятие «способ словообразования» имеет уже другое наполнение. Оно показывает, с помощью какого средства (или средств) выражается словообразовательное значение производного слова.

Способ словообразования объединяет множество дериватов, характеризующихся одним и тем же видом форманта. Так, например, у существительных *зверь(я)ё, листья, родня, студенчество, березняк, старостат* словообразовательное значение собирательности (целостного множества) выражается суффиксальным способом, при этом, как мы видим, используются разные суффиксы: *-я, -ё, -н, -(е)ств, -няк, -ат*.

Классификация способов словообразования в плане синхронии строится с учетом трех признаков: 1) характера форманта; 2) количества формантов; 3) отношения к системе языка.

По первому (ведущему) классификационному признаку все способы словообразования делятся на **аффиксальные** и **безаффиксные**: в первых используются аффиксальные форманты разных типов, во вторых — операционные; ср.: *переводчик* — *спец*.

По количеству формантов различают **простые** (или **чистые**) способы и способы **комбинированные**. В чистых способах (к ним относятся суффиксация, префиксация, постфиксация) используется только одно словообразовательное средство, в комбинированных (префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный и другие способы) — два и более; ср.: *одеть* — *одеться*, *рукав* — *нарукавник*.

По отношению к системе языка разграничиваются **узусальные** и **окказиональные** способы словообразования. Узусальные способы закреплены в системе языка, окказиональные характерны для индивидуального или поэтического словотворчества. К окказиональным способам относятся, например, рифмованное сложение («повтор — отзвучие») — *танцы-шманцы*, субституция, или замена морфем, — *Твердиземное море* (Н. С. Лесков), вставка — *...Лю-я-блю. Лю-я-блю. Моя любовь разбита...* (Н. Глазков) и др. Окказионализмы, как правило, создаются по непродуктивным в языке моделям, при этом в создании новообразований могут принимать участие как узусальные, так и окказиональные способы.

Первая последовательная научная классификация способов словообразования в русском языке была разработана В. В. Виноградовым (1951 г.). В. В. Виноградов выделил морфологический способ словообразования, противопоставив его неморфологическим способам — лексико-семантическому, лексико-синтаксическому и морфолого-синтаксическому.

Морфологический способ является центральным способом русского словообразования. Это образование новых слов с помощью аффиксов (префиксов, суффиксов и др.): *речник*, *позавтракать*, *настольный*. К этому способу в классификации В. В. Виноградова примыкает фонетико-морфологический способ. С точки зрения ученого, это такой путь образования слов, при котором их возникновение происходит без присоединения материально выраженных словообразовательных аффиксов, но сопровождается фонетическими изменениями — чередованием или перемещением ударения: *глухой* — *глушь*, *тихий* — *тишь*, *вылетать* — *вылет*.

Неморфологические способы вообще не используют аффиксальных словообразовательных средств.

Лексико-семантический неморфологический способ — это образование нового слова в результате изменения значения уже существующей в языке лексической единицы, формирования омонимов: *кулак* ('зажиточный крестьянин') — *кулак*, *успевать* ('хорошо учиться') — *успевать* ('успеть').

Лексико-синтаксический неморфологический способ — это создание нового слова на базе словосочетания в результате слияния двух и более знаменательных слов: *умалишенный* (*ума лишенный*), *сумасшедший* (*с ума сшедший*), *сегодня* (*сего дня*), *пятьсот* (*пять сот*).

Морфолого-синтаксический способ в классификации В. В. Виноградова включает в себя различные виды перехода слов из одной части речи в другую, а также тесно связанные с ними случаи отрыва формы от системы форм слова и превращения в самостоятельное слово: *дежурный* (сущ.) — *дежурный* (прилаг.) *ученик*, *весной* (наречие) — *весной* (сущ.), *караул!* (междометие) — *караул* (сущ.).

В дальнейшем классификация способов русского словообразования, предложенная В. В. Виноградовым, подверглась уточнениям и корректировке: так, фонетико-морфологический способ стал рассматриваться как особая разновидность морфологического и получил название «безаффиксный способ» или «нулевая суффиксация»; изменения значений слов в современной науке, как правило, относятся к сфере лексикологии. В то же время разработанная В. В. Виноградовым классификация последовательно учитывается в практике преподавания: именно она до сих пор лежит в основе школьного курса русского языка. В современной дериватологии эта классификация способов словообразования может быть отнесена преимущественно к диахроническому словообразованию; выделенные В. В. Виноградовым способы (прежде всего неморфологические) позволяют дать ответ на вопрос, с помощью каких средств было образовано то или иное конкретное слово. В современном русском языке сохраняют продуктивность лишь отдельные разновидности неморфологических способов. Это, например, субстантивация прилагательных и причастий (*приёмная*, *докладная*, *командировочные*, *проводжающие*) и сращение наречия и прилагательного или причастия (*долгоиграющая пластинка*, *быстро-растворимый кофе*, *вечнозелёное дерево*).

Классификация способов, разработанная В. В. Виноградовым, должна, таким образом, учитываться при историчес-

ком словообразовательном анализе слов. Основной же классификационный признак — использование аффиксальных словообразовательных средств или их отсутствие и привлечение других средств — отражен и в типологии способов словообразования в синхронном аспекте, однако он наполняется другим содержанием: для построения типологии способов значим не сам факт наличия или отсутствия словообразовательного аффикса, участвующего в образовании производного слова, а тип форманта (аффиксальный / безаффиксный), выражающего определенное словообразовательное значение в современном языке.

§ 194. Аффиксальные способы словообразования

К чистым аффиксальным способам, как уже отмечалось, относятся префиксация, суффиксация и постфиксация.

П р е ф и к с а ц и я, или приставочный способ словообразования, характеризуется использованием такого форманта, как префикс: *петь — запеть, читать — дочитать, группа — подгруппа, вежливый — невежливый, всегда — навсегда*. Префиксация наиболее распространена в глагольном словообразовании, реже она используется в сфере прилагательных, существительных и наречий.

Своеобразие приставки как морфемы, занимающей позицию перед производящей основой, определяет особенности префиксации. Приставка более автономна, чем суффикс. Она не оказывает заметного влияния на звуковой состав последующих морфов, поэтому для префиксального словообразования характерно отсутствие существенных морфологических явлений на стыке форманта и производящей основы.

Приставка в процессе словопроизводственного акта всегда присоединяется к целому слову. Производные этого способа относятся к той же части речи, что и производящие; ср.: *важный — преважный, нести — принести, весёлый — развесёлый*. В семантическом отношении приставка не влияет существенным образом на семантику слова, она лишь уточняет, модифицирует значение мотивирующей единицы, в результате мотивированные слова сравнительно мало отличаются по значению от мотивирующих, ср.: *заговорить — проговорить — поговорить — говорить*.

С у ф ф и к с а ц и я, или суффиксальный способ словообразования, — наиболее распространенный способ русско-

го словообразования. Он широко представлен в сфере разных частей речи, прежде всего существительных и прилагательных (*слонёнок, переводчик, медный, петербургский* и др.).

Формант, выражающий словообразовательное значение, при суффиксации может быть как материально выраженным, так и нулевым; ср.: *синий* — *синьёв*, *выходить* — *выходёв*.

Нулевая суффиксация является разновидностью суффиксального способа словообразования. Она распространена в сфере образования имен существительных — девербативов (отглагольных отвлеченных имен), деадъективов (отвлеченных существительных, мотивированных прилагательными) и оценочных существительных со значением лица: *пробег, замена, прогул, зелень, новь, задира*. Наиболее продуктивны девербативы, состав которых активно пополняется в современной речи; см., например, зафиксированные словарями новообразования: *набрызг, просверк, взбрык, загад*. Кроме того, нулевая суффиксация характерна для ряда прилагательных: *золото* — *золотой*, *плевать* — *плёвый*. Однако такие примеры немногочисленны.

При суффиксации формант присоединяется не к производящему слову в целом, как при префиксации, а к его основе; ср.: *воспитать* — *воспитатель*, *красный* — *краснота*.

На стыке производящей основы и суффикса регулярно наблюдаются морфонологические явления: чередования, наложение морфов и др.: *дорога* — *дороженька*, *Братск* — *братский*.

П о с т ф и к с а ц и я, или постфиксальный способ словообразования, — способ, при котором средством выражения деривационного значения служит постфикс: *радовать* — *радоваться*, *катать* — *кататься*.

Способ этот ограничен небольшим числом постфиксов в русском языке. Он представлен в основном в сфере глагольного словообразования (*мыться, ссориться, торопиться*), а также в сфере местоименных слов (*какой-нибудь, чей-то, что-либо*).

Постфикс, как и префикс, присоединяется к целому производящему слову, при этом дериват сохраняет присущие ему лексико-грамматические свойства и относится к той же части речи; ср.: *стучать* — *стучаться*, *красить* — *краситься*, *что* — *что-нибудь*.

В том случае, если интерфикс признается морфемой, а не асемантической прокладкой, в число аффиксальных способов входит основосложение. Интерфикс выражает соеди-

нительное словообразовательное значение; см., например: *лес(о)сть, лж(е)пророк*. Однако интерфикс в этом случае не является единственным формантом. Он взаимодействует с таким операционным формантом, как определенная последовательность компонентов с их устойчивым порядком. Таким образом, основосложение может быть отнесено к комбинированным способам.

Первый и второй компоненты сложения могут быть связаны как равноправными, так и неравноправными смысловыми отношениями, аналогом которых могут служить сочинение и подчинение в синтаксисе; ср.: *русско-испанский, бело-розовый, северо-запад и первоисточник, хлебозаготовки, водонепроницаемый*.

Основосложение характерно для образования существительных и прилагательных. При объединении компонентов сложного слова обычно используется интерфикс: *шахматно-шашечные соревнования, экспрессивно-эмоциональная окраска, юго-запад, лжеучение*. Наличие интерфикса — признак этого типа сложения.

Особой разновидностью основосложения является образование сложных слов с первым неизменяемым связанным компонентом интернационального характера, развивающим высокую деривационную активность, — *авиа-, агро-, био-, видео-, гидро-, метео-, рок-* и др., например: *авиапочта, видеомаягитофон, видеофильм, рок-группа, рок-концерт, метеосводка, радиорубка, радиопередача, телеведущий, телепередача, телепрограмма, телешоу*. Развитие этого класса слов в современном русском языке свидетельствует о росте в нем элементов аналитизма.

Обратимся к рассмотрению других аффиксальных способов, которые являются комбинированными.

Префиксально-суффиксальный способ — наиболее распространенный в современном русском языке комбинированный способ. Словообразовательным формантом в этом случае является комбинация аффиксов — приставки и суффикса. Эта комбинация возникает либо при одновременном присоединении аффиксов к производящей основе: *снег — под-снеж-ник, рукав — на-рукав-ник, дорога — без-дорож-ж(е)*, либо в результате преобразования предложно-падежной формы: *при школе — при-школь-н-ый, на столе — на-столь-н-ый, под Москвой — под-москов-н-ый*. Префиксально-суффиксальный способ представлен в сфере образования разных частей речи, однако особенно характерен для именного словопроизводства.

Префиксально-постфиксальный способ ограничен только сферой глагольного словообразования. Средством выражения деривационных значений служит здесь комбинация префикса и постфикса *-ся(-сь)*: *дозвониться, докричаться, зачитаться, разбежаться*. Формант присоединяется к целому производящему слову, причем в качестве производящих, естественно, выступают только глаголы: *голодать — изголодаться, сидеть — дождаться*.

Суффиксально-постфиксальный способ также характерен только для глагольного словообразования. Словообразовательное значение в этом случае выражает комбинация суффикса и постфикса. В качестве мотивирующих слов выступают существительные и прилагательные: *нужда — нуждаться, суета — суетиться, гордый — гордиться, скупой — скупиться*.

Префиксально-суффиксально-постфиксальный способ характерен также для глаголов. В качестве форманта выступает комбинация трех аффиксов: префикса, суффикса и постфикса *-ся*. Мотивирующими словами служат существительные, прилагательные и глаголы: *банкрот — обанкротиться, штраф — проштрафиться, щедрый — расщедриться, шептать — перешептываться*.

Сложносуффиксальный способ — сочетание суффиксации и сложения основ. Деривационное значение выражается комбинацией интерфикса, имеющего соединительное значение, и суффикса. Дополнительными словообразовательными средствами служат порядок компонентов и единое (главное) ударение. Сложносуффиксальный способ широко распространен в сфере образования имен: *огнетушитель, полнолуние, пятиклассник, честолюбец, плоскостопи(е), канатоходец; трёхэтажный, западноевропейский, северокавказский, левобережный*. Суффикс, входящий в комбинацию словообразовательных средств, может быть и нулевым: *лесорубѐв, бензовозѐв, снегопадѐв, сероглазыѐв*.

В системе комбинированных аффиксальных способов русского словообразования отмечаются также сложнопредфиксальный и префиксально-сложносуффиксальный способы; ср.: *оплодотворить, умиротворить; предновогодний, повседневный, Причерноморье, повсеместный*. Способы эти, однако, представлены небольшим числом производных слов.

§ 195. Безаффиксные способы словообразования

К безаффиксным способам русского словообразования относятся: словосложение, сращение, аббревиация, усечение и субстантивация.

С л о в о с л о ж е н и е, или сложносоставной способ, — это сложение самостоятельных знаменательных слов без помощи интерфикса: *изба-читальня*, *вагон-ресторан*, *платье-костюм*. Словообразовательными формантами при словосложении служат устойчивый порядок компонентов при тенденции к единому ударению. Сложные слова, или композиты (от лат. *compositio* 'сложение'), и составные слова имеют особый тип словообразовательного значения. Это соединительное значение, связанное с объединением разных по семантике мотивирующих основ (слов) в одну целостную единицу, например: *север + восток — северо-восток*.

Словосложением в русском литературном языке образуются составные имена существительные, которые занимают промежуточное место между сочетанием слов и одним целостным дериватом. Компоненты составного существительного характеризуются высокой степенью формальной и смысловой автономности, что проявляется в способности некоторых из них к самостоятельному словоизменению; ср.: *войти в вагон-ресторан*, *подойти к вагону-ресторану*.

Составные существительные строятся по модели «определяемое + определяющее»: *генерал-майор*, *плащ-палатка*.

Сложносоставной способ продуктивен и в современной речи, при этом в последнее десятилетие в ней заметно усилилась тенденция к аналитизму, проявляющаяся в неизменяемости первого компонента: *бизнес-клуб*, *Горбачёв-центр*, *попкорн-аппарат*.

С р а щ е н и е — слияние двух самостоятельных полнознаменательных слов, связанных подчинительными отношениями и обычно образующих устойчивое сочетание. Формант тот же, что и при словосложении. Для сращения характерны две основные модели:

1) «наречие + прилагательное или причастие»: *вечнозелёный*, *быстрорастворимый*, *многоуважаемый*, *вышеизложенный*;

2) «существительное + прилагательное или причастие»: *фосфорсодержащий*, *азотсодержащий*.

Последняя модель характерна для научной и технической терминологии, первая — проявляет продуктивность в разных языковых сферах.

А б б р е в и а ц и я (от лат. *brevis* 'краткий') — сложение сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание: МГУ, ООН, СНГ, вуз, пединститут. В качестве словообразовательных формантов в этом случае выступают неморфемное усечение слов и закреплённый порядок компонентов. По значению аббревиатуры эквивалентны словосочетаниям, на базе которых они образованы.

Аббревиация — один из самых молодых способов русского словообразования. Бурное развитие она получила в XX в., особенно после Октябрьской революции, вызвавшей в языке своеобразный «аббревиатурный взрыв»: *совнарком, ЧК, ликбез, комсомол, шкраб, ревком, конармия* и др.

Аббревиация связана с действием закона экономии языковых средств и имеет ряд разновидностей. Выделяются:

1) звуковая аббревиация — сочетание начальных звуков сокращенных слов: *РЯШ* («Русский язык в школе»), *НИИ, ЦУМ*;

2) буквенная аббревиация — объединение начальных букв сокращенных слов: *СКВ, МПГУ, СНГ*;

3) слоговая аббревиация — объединение элементов сокращенных слов, аналогичных слогу: *помреж* (помощник режиссера), *совхоз, истфак*;

4) слоگو-словная аббревиация — объединение целого слова и сокращенного элемента: *зарплата, сбербанк, Госдума*;

5) смешанная аббревиация — объединение сокращенных элементов разных типов: *завуч, ИМЛИ* (Институт мировой литературы);

6) телескопическая аббревиация — объединение начала одного слова и конца другого: *параланг* (*парашют* + *аква-ланг*), *бионика* (*биология* + *электроника*).

Аббревиация, как и различные разновидности сложения и сращения, выражает особый вид словообразовательного значения. Это абстрактное значение соединения компонентов, вступающих в определенные отношения друг с другом: *МГЛУ* — *Московский государственный лингвистический университет*, *СМИ* — *средства массовой информации*, *комбат* — *командир батальона*, *педсовет* — *педагогический совет*.

Аббревиация — способ, характеризующийся высокой продуктивностью и дающий в современный период развития языка большое количество новых образований: *ЛДПР, АиФ, Газпром, Сибнефть, госсекретарь* и др.

Усечение — сокращение производящей основы по типу аббревиатур, т.е. независимо от морфемного шва: *за-меститель* — *зам*, *специалист* — *спец*. Словообразовательный формант носит операционный характер: это неморфемное усечение лексической единицы. Название форманта, таким образом, совпадает с обозначением способа. При усечении обычно сокращается конечная часть слова: *помощник* — *пом*, *троллейбус* — *трол*. Усечение в этом случае может происходить как на морфемном шве, так и без учета морфемного шва; ср.: *телохран* (*телохранитель*), *коммерс* (*коммерсант*) — *проф* (*профессор*). В то же время, хотя и редко, встречаются случаи усечения начальной части производящего слова: *ситет* — *университет*, а также и начальной, и конечной его части: *куль* — *калькулятор*, *ключ* — *выключатель*. Однако подобные образования отмечены только в жаргонах.

Усечения, как и аббревиатуры, реализуют прежде всего компрессивную функцию, которая взаимодействует в речи с эмоционально-оценочной функцией; см., например, жаргонное *стипа* (*стипендия*). Производное при усечении относится к той же части речи, что и производящее, оно обычно тождественно ему по значению, но отличается от него стилистической окраской (обычно сниженной) и соответственно особой экспрессивностью в речи: *магнитофон* — *маг*, *мерседес* — *мерс*, *диссертация* — *диссер*.

Усечение, как и аббревиация, получило интенсивное развитие в русском языке только в XX в. Оно свойственно преимущественно разговорной речи и жаргонам; см., например: *препод*, *универ*, *телохран*, *дубла* и др., однако ряд слов, образованных усечением, уже вошел в литературный язык, например: *метро*, *кино*.

Усечение в современной речи регулярно осложняется суффиксацией: *коммок* (комиссионный магазин), *видик*, *мультик*.

Субстантивация (от лат. *Substantivum* 'существительное') — образование существительных в результате перехода в этот грамматический класс прилагательных и причастий: *учительская*, *трудящиеся*. Это синхронная разновидность морфолого-синтаксического способа образования. Словообразовательным формантом служит функциональное преобразование морфологической парадигмы мотивирующих слов. Морфемный состав прилагательных и причастий не меняется, однако их парадигма резко сокращается: в результате перехода в другую часть речи эти слова теряют способность изменяться по родам. Парадигма меняется и качественно: согласовательные флексии прила-

гательных становятся у субстантиватов синтаксически независимыми; ср.: *В комнату вошёл слепой мальчик — Слепой подошёл к окну.*

Субстантивированные прилагательные и причастия, или субстантиваты, разнообразны по семантике: это обозначения лиц (*ссылный, встречный*), помещений (*ванная, приёмная, операционная*), блюд, кушаний, лекарств (*мороженое, жаркое, первое, снотворное*), вида одежды (*военное, штатское*), абстрактных понятий (*будущее, новое, светлое*), денег, платежей (*чаевые, командировочные*), названий населенных пунктов, улиц, станций метро (*Тверская, Пролетарская*) и др.

Способ продуктивен в современном русском языке. В разговорной и художественной речи наряду с субстантивацией прилагательных и причастий распространена и субстантивация других частей речи; см., например: *О милый гость, святое прежде зачем в мою теснится грудь* (В. А. Жуковский); *Трясущимся людям в квартирное тихо стоглазое зарево рвётся в пристани...* (В. Маяковский). Эта субстантивация носит, как правило, окказиональный характер.

Таким образом, для выражения словообразовательных значений на синхронном срезе русского языка используется развитая система аффиксальных и безаффиксных способов.

§ 196. Комплексные единицы словообразования

Словообразование современного русского языка носит системный характер и представляет собой совокупность производных слов, иерархически объединенных на основе парадигматических и синтагматических отношений в группировки разного объема и структуры. Основной единицей словообразовательной системы является производное слово, которое входит в единицы более сложные, называемые комплексными.

Остановимся более подробно на комплексных единицах словообразовательной подсистемы русского языка.

Простейшая из них — **с л о в о о б р а з о в а т е л ь н а я п а р а** — это объединение двух единиц, находящихся в отношениях словообразовательной мотивированности: *слушать — слушатель, звезда — созвездие*. Большее количество единиц включает словообразовательный тип.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й т и п — совокупность производных слов определенной части речи, характеризующаяся общностью трех признаков: части речи мотивирующих слов, форманта, словообразовательного значения. На-

пример, слова *вороньё, зверьё, комарьё* относятся к одному словообразовательному типу, так как все они образованы от слов одной части речи — имени существительного; обладают общностью словообразовательного форманта *-ё* (образованы суффиксальным способом); имеют одинаковое значение 'собирательности'. Производные, у которых не совпадает хотя бы один из перечисленных признаков, принадлежат к разным словообразовательным типам. Так, слова *плеврит, бронхит, фосфорит, кальцит* и *одессит, бандит*, имеющие сходные формальные показатели, относятся к разным словообразовательным типам из-за различий в их семантике: первые называют болезни, вторые — минералы, вещества и сплавы, третьи — лиц по принадлежности к городу, общественной, политической или иной группировке.

Словообразовательные типы могут быть продуктивными и непродуктивными. В каждую эпоху развития языка новые слова создаются по образцу продуктивных словообразовательных типов, ряды же слов непродуктивных типов являются уже закрытыми.

Наглядному представлению дериватов одного типа способствует словообразовательная модель. Она содержит следующую информацию: 1) указание на производящую базу с обозначением части речи мотивирующего слова; 2) формант; 3) словообразовательное значение. Например, принадлежащие к одному словообразовательному типу существительные с собирательным значением образуются по модели: основа существительного + суффикс *-н(-я)* ('группа лиц, названных мотивирующим словом'): *малышня, ребятня, солдатня*. В качестве дополнительной информации словообразовательная модель может также включать указание на морфонологические явления, сопровождающие акт деривации.

Более крупная комплексная единица — словообразовательная категория — связывает несколько словообразовательных типов на базе единства их деривационного значения (способы его выражения при этом могут быть формально различными). Например, категорию названий лиц по месту жительства образуют существительные с суффиксами *-ак/-як* (*туляк*), *-ец* (*волгоградец*), *-ич* (*москвич*), *-анин/-янин* (*киевлянин*), *-ит* (*одессит*).

На основе синтагматических отношений строится словообразовательная цепочка. Это ряд однокоренных слов, которые находятся в отношениях последовательной мотивированности. Данная комплексная единица синхронного словообразования имеет следующее строение:

1) ее исходное звено (вершина) является немотивированным словом; 2) характер расположения членов цепочки — линейный, при этом каждое последующее звено отличается от предыдущего только одним формантом (все они словно «нализываются» на корень в строгой последовательности); 3) члены цепи находятся на разных ступенях словообразования, таким образом, каждая единица является мотивированной по отношению к предшествующему звену и мотивирующей для последующего. Например: *белый* — *белить* — *побелить* — *побелка* — *побелочный*.

Словообразовательные цепи бывают полными, включающими в себя все необходимые звенья, и неполными, характеризующимися чересступенчатым словообразованием: *мода* — (*модист*)¹ — *модистка*, *снег* — (*снеговать*) — *снегование*.

Парадигматические отношения в словообразовании наиболее ярко проявляются в словообразовательной парадигме. Эта совокупность производных слов, имеющих одну и ту же производящую базу и находящихся на одной ступени производства. Между членами парадигмы, или кодериватами, существуют отношения параллельной мотивированности. Кодериваты принадлежат к разным частям речи, различаются формантами и словообразовательными значениями. Отношения между членами парадигмы в отличие от цепочки носят равноправный, а не иерархический характер, например:

диктовать — диктовка;
 / \ \ \ /
 диктант;
 продиктовать;
 подиктовать;
 надиктовать.

Наконец, самой крупной комплексной единицей словообразования является словообразовательное гнездо. Это совокупность всех однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной производности. См., например, гнездо слова *гриб*:

гриб — грибок;
 / \ \ \ /
 грибница;
 грибной;
 грибовидный;
 грибок — грибовый.

¹ Слово в скобках обозначает отсутствующее звено в словообразовательной цепи.

Гнездо «возглавляет» производное слово, которое называется его вершиной. В гнезде наиболее ярко проявляется ступенчатый характер русского словообразования, ее составными частями являются словообразовательные цепочки и парадигмы, например:

лимон — лимонный — лимоннокислый;
 / / / / /
 лимонад — лимонадный;
 лимонник — лимонниковый;
 лимончик;
 лимонка.

Словообразовательные гнезда различаются по объему. Выделяются нулевые, сильнообъемные и слабообъемные гнезда. Нулевые гнезда представлены только одним словом, которое не дает производных, например *авеню*. Слабообъемные гнезда включают 1—2 производных, например: *акация* — *акациевый*, *жасмин* — *жасминовый*. Сильнообъемные гнезда могут объединять десятки и даже сотни производных, например гнездо слова *вода*. Гнездовой принцип лежит в основе построения словообразовательных словарей.

§ 197. Активные процессы в современном русском словообразовании

Изменения в языке всегда особенно ярко проявляются в лексике и словообразовании. Словообразование, последовательно используя морфемный инвентарь языка, служит источником новых наименований, необходимых обществу в тот или иной период развития, и тем самым выполняет определенный «социальный заказ», отражая динамику общественных процессов. Для современного словообразования характерны функциональный динамизм, активизация определенных словообразовательных моделей, широкое использование аббревиации и усечений, обогащение установки на языковую игру.

Функциональный динамизм современного русского словообразования проявляется в активном проникновении в речь и регулярном использовании в ней моделей, которые ранее находились на периферии языка или носили внелитературный характер. Так, например, широкое распространение в последнее десятилетие получили субстантивные образования на базе словосочетания — *универбы*, построенные по модели с суффиксом *-ух(а)*, ранее характерные преимущественно для жаргона: *кольцевуха*, *чернуха*, *развле-*

куха, сенсуха и др. При образовании универбов, отражающих тенденцию к экономии языковых средств и включающих семантику всего базового словосочетания, продуктивность проявляют и другие суффиксы: *-к, -ик (-ник), -щик: автогражданка, налоговик, теневик, обменник, экстремальщик*. Особенно активен в настоящее время суффикс *-к: взлётка, гуманитарка, молодёжка, социалка, углублёнка, минералка* и др.

Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксом *-изациj-*, которые стали приметой нашего времени: *канадизация, западнизация, долларизация, банализация, фундаментализация* и др. Почти каждое новое социально значимое событие или явление порождает подобное имя действия с суффиксом *-изациj-*, ср., например: *ваучеризация, суверенизация* (республик), *капитализация* (страны), *криминализация* (власти), *американизация* (киноискусства). Эти имена действия с каузирующей семантикой называют обычно процесс превращения, направленный на определенный объект, см., например: *зарплатаизация доходов*, т. е. «превращение доходов в зарплату», связанное с ее «проеданием». Если ранее образование имен действия типа *канадизация, украинизация* рассматривалось как асистемное явление, связанное с «чересступенчатым» словообразованием, то новые факты позволяют увидеть в нем последовательную «перестройку» подсистемы имен действия и формирование нового направления мотивации (не от глагола к имени, а от имени к имени). Образование имен действия с формантом *-изациj-* последовательно расширяет в современной речи круг производящих основ: в качестве мотивирующих слов выступают в настоящее время не только конкретные существительные и прилагательные, но и существительные других лексико-грамматических разрядов, в том числе имена собственные, см., например: *балканизация конфликтов, пепелизация Европы, арканизация экранов* (от имени собственного — Арканов), *церетелизация Москвы* (от фамилии Церетели).

Очень продуктивен в современной речи и словообразовательный тип отглагольных существительных с суффиксом *-лк: стругалка, стрелялка, ужасалка, искалка, тархтелка* и др., — причём новообразования часто имеют не только предметное значение, но и значение отвлеченного действия.

Отличительная черта современного словообразования — рост именной префиксации. Заметно возросла активность, во-первых, приставок с темпоральной семантикой *после-* и *пост-*, во-вторых, приставок, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: *анти-*, *де-*, *контр-*: *послепутчевый*, *постперестроечный*, *деполитизация*, *деприватизация*, *антирынок*, *антипарламент*, *контрдемонстрация*, *контрлозунги*, *контрмитинг*. Активизируются, как мы видим, прежде всего те префиксы, которые выражают значимые в современном обществе социальные и культурные смыслы. К группе высокопродуктивных морфем относятся также приставки и префиксоиды, выражающие отношения ложности, неистинности (*квази-*, *лже-*, *псевдо-*), интенсивности признака, высокой степени чего-либо (*супер-*, *сверх-*), поддержки (*про-*): *псевдокультура*, *псевдорынок*, *квазиреформа*, *супердешёвый*, *суперпрофессионал*, *сверхнадёжный*, *прозападный*, *прорывной*, *суперреальный*.

Активное использование заимствований в современной речи обусловило образование и широкое распространение производных, созданных на их базе: *брокерство*, *продюсировать*, *пролоббировать*, *спонсорство*, *электоральный*, *оффшорный*, *консалтинговый*, *имиджмейкерство* и др. Производящей базой для новых дериватов служат и иноязычные аббревиатуры. Так, словообразовательное гнездо с вершиной *пиар* включает сейчас более 37 единиц, см., например: *пиаровский*, *пиарить*, *пиарщик*, *пиарщица*, *пиар-агентство* и др. Наряду с аббревиатурой *пиар* в составе сложных слов используются и другие иноязычные аббревиатуры: *SMS*, *VIP*, *PIN*, *WWW* и др. В результате их объединения с исконными основами возникают гибридные единицы, которые получили название «слова-кентавры»: *VIP-зал*, *SMS-сообщение*, *PIN-код*, *WWW-страница*. В составе сложных слов высокую степень продуктивности проявляют также заимствованные компоненты и элементы интернационального характера: *бизнес-*, *видео-*, *рок-*, *хит*, *шоу-* и др; *бизнес-центр*, *бизнес-тур*, *бизнес-клуб*; *рок-группа*, *рок-концерт*, *рок-опера*, *хит-парад* и др. Достижения в научно-технической сфере способствуют активизации такой препозитивной части, как *нано-*: *нанобактерии*, *наноматериалы*, *наноразработки*, *нанотехнологии* и др.

В современном русском языке появляются и закрепляются в речи новые заимствованные аффиксы. Например, можно говорить о появлении в нем новой приставки *нон-*, которая повторяется в ряде слов, вошедших в активное упот-

ребление: *нон-стоп, нон-фикшн, нон-конформизм, нон-стандарт, нон-фактор*. Этот процесс поддерживается существованием слов без этого префикса, которые раньше вошли в лексический состав языка (*конформизм, стоп, фактор*), и хорошо осознаваемой отрицательной семантикой данной приставки.

В русскую словообразовательную систему входит и новый суффикс английского происхождения *-инг-*. Выделению его способствуют обширный ряд заимствований с этим элементом (*джипинг, маркетинг, мониторинг, паркинг* и др.) и наличие у многих заимствований однокоренных слов без данного аффикса; ср.: *тренировать — тренинг, парковаться — паркинг, бренд — ребрендинг*.

Широкое использование заимствованных аффиксов и аффиксоидов, вовлечение в современные словообразовательные процессы основ иноязычного происхождения отражают проявляющуюся в последние десятилетия в русском и других языках тенденцию к интернационализации, связанную с интенсивностью межкультурного взаимодействия.

Заметно активизировались в современном языке различные типы сложений. Их употребление связано с действием закона экономии языковых средств и конденсацией информации, которая может выражаться в развернутом словосочетании: *Многосерийник сначала обещал мне проникнуть поглубже в чувства и мечты городка на Дальнем Западе* (из газет); *В Петербурге обнаружены лжемилиционеры* (из газет); *Осторожно, фальшиводиетчицы!* (из газет); Некоторые русские этнократы — это даже не волки в овечьих шкурах, а овцы в волчьих шкурах, *волко-овцы...* (из газет); *Когда звёзд не хватает, в ход идут звёздозаменители* (из газет).

Сложение взаимодействует с суффиксацией, при этом в роли мотивирующих слов часто выступают устойчивые сочетания, фразеологизмы, составные имена собственные или сочиненный ряд слов. Широкое распространение в современной речи получили также составные образования с неизменяемыми первыми компонентами, занимающие промежуточное место между словами и словосочетаниями и свидетельствующие об усилении элементов аналитизма в современной речи: *бизнес-клуб, Горбачёв-фонд, имидж-центр, штайнер-школа, Дягилев-центр* и др.

В современной речи продуктивны образования, реализующие компрессивную функцию. 90-е годы XX века — период нового «аббревиатурного взрыва» в языке: в это время резко увеличивается число условных знаков —

сокращенных слов. В современной речи активно используются разные типы аббревиации — от инициальной до телескопической: *СНГ, РФ, МВФ, МКС, АО, АиФ, бесик, Промбанк, Информ-ТВ, львигр* (лев + тигр) и др. Особенно продуктивными являются инициальные (звуковые или буквенные), слоговые и слоگو-словные аббревиатуры: *совруб-ли, ДПР, СМИ, ОРТ, Инкомбанк, Госдума, АвтоВазбанк* и др., при этом отмечаются новые тенденции в их образовании. Многие инициальные аббревиатуры совпадают с уже существующими в языке лексическими единицами, увеличивая число омонимов. В результате такие аббревиатуры обладают благозвучностью и хорошо запоминаются, см., например: *МИФ* — Московский инвестиционный фонд, *СОМ* — строительные и отделочные материалы, *Век* — Восточно-европейская компания.

В слоговых аббревиатурах значительно шире, чем раньше, наблюдаются такие морфологические явления, как интерфиксация и наложение: *единоросы, справедливоросы*.

Широкое распространение в речи получила также деаббревиация, предполагающая неожиданную интерпретацию распространенной в языке аббревиатуры; ср.: *СПИД* («синдром приобретенного иммунного дефицита») — *социально-политическая история двадцатого века*; *ЖКХ* («жилищно-коммунальное хозяйство») — *живи как хочешь*; *БМВ* — *бандитская машина воров, быстрая машина Вселенной*. Деаббревиация, как видим, связана обычно с шутливой расшифровкой часто встречающихся аббревиатур и выражает ироническое отношение к различным реалиям и явлениям: *ЦУМ* — *цены увеличивались молча*.

Наряду с аббревиатурами в современной речи широко употребляются усечения, которые также выступают в компрессивной функции, круг их последовательно расширяется. В качестве производящих для них выступают как существительные, так и прилагательные: *комп, инфа, универ, фиктив, реал, безнал, компра* и др. Активизация усечений вызвана, во-первых, внутренними законами развития языка — стремлением к языковой экономии, во-вторых, влиянием современных западноевропейских языков, откуда приходят усечения-заимствования, наконец, усилившимся влиянием на разговорную речь жаргонов; ср.: *кри-ми, док, Щука* (Щукинское училище), *репа* (репетиция), *репло* (реплика).

«Композитный взрыв» — «взрыв» образования сложных в современной речи — связан также с активизацией нетрадиционных разновидностей сложения, прежде всего

контаминации, т.е. объединения начала и конца двух различных узуальных единиц. В результате контаминации возникают гибридные слова, вбирающие в свою семантику значение обеих сокращаемых единиц: *проэзия*, *фругурт*, *Азиона*, *господарищ* и др. Контаминация в настоящее время широко используется в языковой игре. Вследствие ее использования пополняется класс квазиморфем, которые сохраняют коннотации сокращенных слов.

Таким образом, современное словообразование характеризуется динамичностью, установкой на компрессивное словопроизводство и языковую игру, интенсивным развитием сложения, развитием новых словообразовательных моделей.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык: Словообразование. — М., 2008.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. — М., 2009.

Немченко В.Н. Словообразование современного русского языка. — М., 1985.

Николина Н.А., Литвинова М.М., Фролова Е.А. Словообразование современного русского литературного языка. — М., 2005.

ВВЕДЕНИЕ

§ 198. Морфология как раздел грамматики

Морфология — это одна из составных частей г р а м м а - т и к и. Поэтому, чтобы понять специфику морфологии, нужно уточнить, как понимается в современном языкознании термин «грамматика» (образованный от др.-греч. *grammatikḗ téchnē* 'искусство правильно писать').

Этот термин в настоящее время имеет несколько значений. Прежде всего, термином «грамматика» обозначается грамматический строй языка, т. е. объективные законы строения и правила использования в речи слов и предложений. Эти грамматические законы и правила изучаются особым разделом языкознания, который также принято называть грамматикой. Следовательно, второе значение термина «грамматика» связано не с членением языковой системы, а с выделением отраслей науки о языке¹.

Объективные грамматические законы языка проявляются в построении текстов и их частей. Рассмотрим для примера начало одного из стихотворений А. С. Пушкина:

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.

¹ Точно так же используются и многие другие термины лингвистики: например, термины «фонетика», «словообразование», «лексика», «семантика» и целый ряд других обозначают и определенную подсистему языка, и — метонимически — соответствующий раздел языкознания.

В этом поэтическом тексте обнаруживают себя все подсистемы грамматического строя русского языка.

Во-первых, мы можем наблюдать законы построения связного текста. Любой текст обращен к конкретному адресату. Здесь адресат назван трижды: а) в заглавии стихотворения, одновременно являющемся и его посвящением: *Няне*; б) в развернутом обращении: *Подруга дней моих суровых, Голубка дряхлая моя!*; в) в местоименных и глагольных формах 2-го лица: *...Ты ждешь меня; Ты ... горюешь...* Кроме того, с обозначением адресата связаны и формы определений типа *под окном своей светлицы; в твоих наморщенных руках*, причем выбор этих определений подчиняется строгим законам организации связного текста — нельзя, например, сказать: **Ты под окном твоей светлицы...* и тем более **И медлят поминутно спицы в своих наморщенных руках*.

Итак, грамматика языка проявляется прежде всего в законах организации целостного связного текста. Этот раздел грамматического строя языка изучается особым разделом языкознания — грамматикой текста (или лингвистикой текста).

Другие грамматические законы проявляются в правилах построения словосочетаний и предложений. Так, для грамматического строя русского языка (как и многих других языков мира) характерно соотношение главных членов предложения — подлежащего и сказуемого, вокруг которых группируются второстепенные члены — определение, дополнение и обстоятельство. Члены предложения сочетаются между собой по особым правилам, при этом реализуются различные виды синтаксической связи — согласование (*дней моих суровых, голубка дряхлая моя*), управление (*подруга дней, ждешь меня, горюешь под окном*) и примыкание (*ждешь давно*). Та часть грамматического строя языка, которая определяет законы построения словосочетаний и предложений, называется с и н т а к с и с о м. Так же называется и раздел науки о языке, изучающий устройство словосочетания и предложения.

Наконец, существуют особые законы образования грамматических разновидностей слов, распределения слов по грамматическим классам. Так, в заглавии стихотворения употреблена грамматическая форма *Няне*. Мы не найдем эту форму в качестве самостоятельного слова ни в одном толковом словаре русского языка, потому что это только одна из форм слова, а в словарях рассматриваемое слово принято называть по другой («словарной») форме — по именительному падежу единственного числа (*няня*).

Итак, нужно учитывать особые законы соотношения различных грамматических разновидностей одного и того же слова, которые не изучает ни грамматика текста, ни грамматика словосочетания и предложения (синтаксис).

Эти законы составляют основу еще одного раздела грамматического устройства языка, который и принято называть **морфологией** (от др.-греч. *morphè* 'форма' и *lógos* 'учение'). Так же называется и наука, изучающая морфологический строй языка, т. е. грамматические свойства слов. Вслед за В. В. Виноградовым морфологию часто называют «грамматическим учением о слове» (в отличие от синтаксиса — учения о грамматических свойствах словосочетания и предложения).

Что же конкретно изучает морфология? Одни слова изменяются (*няня, подруга, день, мой, суровый, ждать, медлить*), другие — нет (*е, под, на, и*). Задача заключается в том, чтобы отделить неизменяемые слова от изменяемых, распределить слова по классам в зависимости от их грамматических свойств и определить, по каким правилам происходит изменение слов и с какой целью мы употребляем разные формы одного и того же слова.

Итак, подведем первые итоги. Грамматикой принято называть ту часть языковой системы, которая реализуется в законах построения текстов, предложений и словосочетаний, в правилах изменения слов. Термин «грамматика» используется также и для обозначения особого, очень важного раздела языкознания, изучающего грамматический строй языка.

Этот раздел языкознания представлен тремя лингвистическими дисциплинами — грамматикой текста, синтаксисом и морфологией¹.

Есть у термина «грамматика» и третье значение. Грамматикой называются не только грамматический строй языковой системы и раздел языкознания, изучающий этот строй, но и книга, содержащая полное, систематическое описание строя языка. Таковы, например, так называемые «академические» грамматики русского языка, т. е. авторитетные обобщающие грамматические труды по русскому языку, созданные ведущими учеными-языковедами в Академии наук России (а до обретения Россией государственной самостоятельности — в Академии наук СССР).

¹ Иногда грамматика текста рассматривается как раздел синтаксиса. В таком случае синтаксис представлен двумя частями — синтаксисом текста и синтаксисом предложения и словосочетания.

Специфика грамматики как особого раздела языкознания становится очевидной при сравнении ее с другими лингвистическими дисциплинами.

Фонология, изучающая звуковую систему языка, обнаруживает много общего с грамматикой: подобно тому как грамматика отвлекается от частных различий между лексическими значениями слов и конкретными употреблением предложений и формулирует общие законы грамматического строя языка, так и фонология отвлекается от частных различий между множеством звуков языка и устанавливает законы соотношения фонем языка, законы фонетического строя. Неслучайно все грамматики русского языка, начиная с опубликованной в 1757 г. «Российской грамматики» М. В. Ломоносова, содержат кроме собственно грамматических разделов (морфологического и синтаксического) и описание фонетического строя языка.

И все же в теоретическом плане ученые отграничивают фонологию от грамматики: фонема сама по себе не имеет значения, это незначимая единица языка, тогда как грамматика изучает з н а ч и м ы е единицы языка — слова, сочетания слов, предложения и сочетания предложений в тексте.

Однако и лексикология изучает значимые единицы — слова. Почему же лексикологию никогда не включают в состав грамматики? Во-первых, в отличие от лексикологии грамматика изучает не только слова, но и синтаксические единицы (словосочетание, предложение, а также связный текст). Во-вторых, изучая слово, грамматика и лексикология обращают внимание на разные его стороны. Лексикологию в первую очередь привлекают индивидуальные свойства слова, связанные с его лексическим значением. Грамматика отвлекается от нюансов лексического значения слова и анализирует лишь грамматические формальные и смысловые свойства слова.

Чем же грамматические свойства языковых единиц отличаются от иных (неграмматических) свойств? Важнейшими признаками грамматических явлений в языке являются обязательность и оппозитивность¹.

¹ Признак обязательности грамматических явлений в языке был сформулирован в середине XX столетия всемирно известным русским ученым Романом Осиповичем Якобсоном (1896—1982), с 20-х гг. XX в. работавшим за рубежом — сначала в Чехословакии, а затем в США. Якобсон также впервые применил разработанные Н. С. Трубецким (на фонологическом материале) принципы оппозитивного анализа к анализу грамматических явлений.

Обязательность как признак грамматических явлений выражается в том, что у единиц грамматики существуют такие смысловые (семантические) свойства, которые в обязательном порядке должны быть выражены при помощи формальных показателей всеми единицами данного грамматического класса (например, всеми словами данной части речи). Так, число существительного — это грамматический признак этой части речи, поскольку нет ни одного существительного, у которого бы не было формальных показателей единственного или множественного числа: *слово* — *слова*, *книга* — *книги*, *окно* — *окна*. Даже если существительное не изменяется по числам, оно все равно имеет формальные признаки числа: единственного (*Москва*, *Петербург*, *кефир*, *синева*) или множественного (*Фили*, *Дарданеллы*, *белила*, *хлопоты*). А в том случае, если существительное не склоняется, оно тоже выражает грамматический признак числа, но не своими окончаниями, а в формах зависимых от него слов (ср.: *новое АО* — *новые АО*).

Оппозитивность грамматических явлений заключается в том, что нет и не может быть уникальных (единичных, ничему не противопоставленных) грамматических явлений. Каждое явление грамматики непременно включается в ряды противопоставлений (оппозиций): 1-е лицо глагола противопоставлено 2-му и 3-му, совершенный вид — несовершенному, единственное число — множественному и т. п.

Грамматические свойства слов могут проявляться как в его формальных признаках, так и в особенностях его значения. И грамматические значения слова, и формальные средства их выражения представляют интерес для морфологии как «грамматического учения о слове».

§ 199. Грамматическое значение слова

Грамматическое значение сопутствует лексическому значению слова. Различия между этими двумя типами значений таковы:

1. Лексическое значение выражено основой слова, грамматическое — особыми формальными показателями (поэтому грамматические значения часто называются формальными).

2. Грамматические значения абстрактны, поэтому они характеризуют большие классы слов по сравнению с лексическими значениями, характеризующими или отдельное слово, или объединение нескольких слов, образующих тема-

тическую или лексико-семаитическую группу. Например, значение глагольного вида всегда присутствует в смысловой структуре любого русского глагола. Лексическое же значение более конкретно, чем грамматическое, поэтому оно характеризует лишь какое-то определенное слово.

Так, лексическое значение слова *журавль* 'большая болотная птица с длинными ногами и шеей и крепким прямым клювом' — это семаитическое свойство именно данного конкретного слова. Ни такое значение целиком, ни отдельные его составные компоненты (семы) — например, отнесенность предмета к классу птиц, или информация о проживании в болоте, или о наличии длинных ног и шеи, или об особых свойствах клюва — никогда не могут быть выражены грамматическими средствами, в частности окончанием слова. Но у этого же слова есть и целый ряд грамматических значений: предметность, одушевленность, род, число (единственное или множественное — *журавль* — *журавли*), падеж (*журавль*, *журавля*, *журавлю* и т. п.), которые и получают свое выражение в грамматических формальных показателях слова (в окончаниях), причем эти же значения повторяются и во многих других словах: *человек*, *друг*, *слон*, *конь* и т. п.

Итак, грамматическое значение — это отвлеченное (абстрактное) языковое значение, выраженное формальными грамматическими средствами. Слово обычно имеет несколько грамматических значений. Например, существительное *журавли* в отрывке из есенинского стихотворения *...И журавли, печально пролетая, | Уж не жалеют больше ни о чем* выражает грамматические значения предметности, одушевленности, мужского рода, множественного числа, именительного падежа.

Как видно из приведенного примера, грамматическое значение слова (как и его лексическое значение) разложимо на ряд смысловых компонентов (элементов значения). В этом проявляется **к о м п л е к с н о с т ь** грамматического значения.

Для грамматического значения отмечается также такое его свойство, как **п о з и ц и о н н а я о б у с л о в л е н н о с т ь**. Это означает, что один и тот же формально-грамматический показатель в разных условиях (в разных грамматических позициях) способен передавать различные грамматические значения. Например, падежное окончание *-ом* (тв. п. ед. ч.) в одних конструкциях имеет значение субъекта действия — деятеля: *Туманом легким парк наполнился* (А. Ахматова), ср.: *Легкий туман наполнил парк*;

в других контекстах это же окончание указывает на объект действия (*Посетители Лондона любовались легким туманом над Темзой*), на причину того или иного состояния (*Моряки были обеспокоены сильным туманом* — ср.: *Моряки беспокоились из-за сильного тумана*) или же передает определительное значение (*Город был окутан смогом — плотным дымным туманом*). Следовательно, характер грамматического значения слова предопределен той позицией, в которой данное слово находится.

Грамматические значения могут быть общими или же более частными. Самое общее и наиболее важное грамматическое значение слова называется **ч а с т е р е ч н ы м** (или **общекатегориальным**); таковы значения предметности у имени существительного, количественности у имени числительного и т. д.

Частеречное значение слова дополняется и конкретизируется **ч а с т н ы м и** (или **частнокатегориальными**) грамматическими значениями; так, для существительного характерны частнокатегориальные грамматические значения одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа, для глагола — частнокатегориальные значения вида, залога, наклонения, времени, лица и т. д.

§ 200. Формальные грамматические средства слова

Как вы уже знаете, для существования любой единицы языка важны два плана — парадигматика и синтагматика. И формальные грамматические средства, которыми располагают русские слова, бывают парадигматическими и синтагматическими.

П а р а д и г м а т и ч е с к и е формально-грамматические признаки слова являются традиционным объектом изучения морфологии. Морфологическая **п а р а д и г м а** слова — это система всех грамматических разновидностей данного слова. Грамматическая разновидность слова, передающая определенное грамматическое значение, называется **с л о в о ф о р м о й**. Например, существительное *моряк* в речи бывает представлено разными словоформами: *моряка, моряком, моряков* и т. п., глагол *беспокоиться* — словоформами: *беспокоился, беспокоится, беспокойся, беспокоившийся, беспокоясь* и т. д.

Способность слова образовывать морфологическую парадигму называется **с л о в о и з м е н е н и е м**. У некоторых

слов словоизменение отсутствует: они всегда выступают в одном и том же виде, т. е. представлены одной и той же словоформой (таковы, например, служебные слова: *у, но, лишь*). У подобных слов нулевая парадигма. Но у большинства слов русского языка парадигма не нулевая. Так, морфологическая словоизменительная парадигма слова *туман* образуется словоформами: *туман, тумана, туману, туман, туманом, (о) тумане; туманы, туманов, туманам, туманы, туманами, (о) туманах*.

Различаются словоформы синтетические (простые) и аналитические (составные).

Синтетические словоформы состоят из основы слова и флексивных аффиксов — окончаний, словоизменительных суффиксов и постфиксов: *дом-ѐ* (нулевое окончание), *школ-а*, *быстр-ейш-ий* (словоизменительный суффикс превосходной степени и окончание), *чита-л-и* (словоизменительный суффикс -л и окончание -и), *бег-ущ-ий* (словоизменительный суффикс причастия и окончание). В одной синтетической словоформе может быть от одного до трех флексивных аффиксов; например, в глагольной словоформе *проверя-л'-и-сь* (Сочинения проверялись двумя экзаменаторами) грамматические значения выражены словоизменительным суффиксом прошедшего времени -л', окончанием -и- и словоизменительным постфиксом страдательного залога -сь.

В образовании аналитических словоформ участвуют вспомогательные слова, играющие ту же роль, что и словоизменительные аффиксы в структуре синтетических словоформ. Например, прибавлением форм будущего времени вспомогательного глагола *быть* к инфинитиву глаголов несовершенного вида (*читать, бежать* и др.) образуется аналитическая форма будущего времени: *буду читать, буду бежать*; прибавлением вспомогательного слова *бы* к форме прошедшего времени глагола образуется форма сослагательного наклонения: *читал бы, бежали бы*.

Иногда в морфологической парадигме слова имеются и синтетические, и аналитические словоформы: *сильнейший* и *самый сильный*, *теплее* и *более тёплый*. При словоизменении существительных (*брат, брата, брату...*), числительных (*три, трех, трем...*) и местоимений (*я, меня, мне...*) используются только синтетические словоформы. Для морфологических парадигм прилагательных (*новый, новее, самый новый*), глаголов (*строил, строю, буду строить, давайте строить*), наречий (*громко, громче всех*) и беслично-предикативных слов (*жаль, более всего жаль*) характерны как синтетические, так и аналитические словоформы.

Словоизменение всегда было основным объектом морфологического анализа, потому что окончания и словоизменятельные суффиксы в составе синтетических словоформ, вспомогательные слова в составе аналитических словоформ являются эффективными средствами выражения грамматических значений. Так, благодаря противопоставлению окончаний в словоформах *ученик* — *ученики*, *журнал* — *журналы* выражаются значения числа; в противопоставлении словоформ *решал* — *решаю* — *буду решать* выражаются временные значения. Флексивные аффиксы всех трех указанных выше типов, как и вспомогательные слова, относятся к парадигматическим средствам выражения грамматического значения слова (так как они участвуют в образовании словоизменятельной парадигмы слова).

Грамматические значения слов выражаются не только перечисленными парадигматическими формально-грамматическими средствами, но также и при помощи синтагматических средств, т. е. таких формальных показателей, которые проявляются в словосочетании. Например, в словосочетаниях *новая книга*, *новые книги* значение числа выражено не только окончаниями существительного, но также и окончаниями согласующегося с ним прилагательного. Здесь парадигматические и синтагматические средства выражения грамматических значений дополняют одно другое.

А в тех случаях, когда парадигматические средства выражения грамматического значения отсутствуют, единственным формальным средством обнаружения данного значения становится грамматическая синтагматика (сочетаемость) слова. Например, если существительное не имеет внешне различающихся окончаний, т. е. является «несклоняемым» (*пальто*, *ТЭЦ* и др.), грамматическое значение числа может быть выражено лишь «за пределами» самого существительного, в согласующихся формах прилагательного: *новое/новые пальто*, *мощная/мощные ТЭЦ*. Эти примеры показывают, что морфология как грамматическое учение о слове, реально функционирующем в речи, должна учитывать все средства выражения грамматических значений слова — как парадигматические, так и синтагматические.

Кроме отмеченных только что основных — парадигматических и синтагматических — формальных средств выражения грамматических значений в некоторых словах нередко имеются и дополнительные формальные показатели, сопутствующие основным средствам выражения грамматического значения:

1) чередования (или альтернации) фонем в основе: это могут быть чередования согласных в конце основы (*бегу — бежишь, люблю — любишь*) или же чередования гласных в середине основы (*протоптать — протаптывать*), включая чередование «беглой гласной» с нулем (*сон — сна, лев — льва, дорожки — дорожек*);

2) изменение состава суффиксов в конце основы: их наращение, усечение или чередование: *брат — братья (брат-я), крестьянин — крестьяне, давать — даю, танцевать — танцую (танц-уј-у)*;

3) супплетивизм (замена корневых морфем в разных словоформах одного и того же слова): *иду — шёл, человек — люди, ребенок — дети, плохой — хуже, маленький — меньше, я — меня, мы — нас, ты — тебя* и др.;

4) изменение места ударения: *дерево — деревья, былá — были*.

§ 201. Грамматические категории

Центральным понятием грамматики является понятие грамматической категории. Под грамматической категорией понимается системное противопоставление всех однородных грамматических значений, выражаемых формальными грамматическими средствами. Грамматические категории бывают морфологическими и синтаксическими.

Морфологическая категория представляет собой качественно иной объект грамматического анализа по сравнению с грамматическими значениями слова и грамматическими формальными средствами их выражения.

Морфологическая категория — это не только какое-то грамматическое значение или какой-то формально-грамматический показатель. Морфологическая категория представляет собой двухплановое явление — неразрывное единство грамматической семантики и ее формальных показателей.

В рамках морфологических категорий грамматические значения слова (как и грамматические формальные средства) изучаются не изолированно, а в противопоставлении всем другим однородным грамматическим значениям и всем формальным средствам выражения этих значений. Например, категорию глагольного вида составляют однородные значения совершенного и несовершенного вида (и все грамматические средства выражения этих значений), категорию глагольного лица составляют однородные значения

1-го, 2-го и 3-го лица в неразрывном единстве с их формальными показателями¹.

При анализе морфологических категорий особенно важно учитывать это единство смыслового и формального планов. Если какой-то из названных планов отсутствует, то нельзя рассматривать данное явление в качестве категории.

Например, противопоставление имен собственных нарицательным имеет под собой четкие семантические основания: именами нарицательными обозначаются классы однородных предметов (*город; студент*), а именами собственными называются индивидуальные предметы из того или иного класса однородных предметов (*Москва, Лондон; Василий, Николай*). Однако нет оснований считать это противопоставление значений морфологической категорией, так как оно не находит последовательного формального выражения. Дело в том, что использование прописных букв при написании имен собственных — это факт графики, а не грамматики (к тому же в начале предложения, а также в особых стилистических целях с прописной буквы могут писаться и имена нарицательные: *Честь, Родина, Революция*). Что касается формально-грамматических отличий имен собственных от нарицательных, то они слишком необязательны (основной же признак грамматических явлений — именно обязательность). Так, имена собственные обычно не изменяются по числам, но это касается далеко не всех слов данного класса (ср.: *Иван — Иваны, Наташа — Наташи, Сидоров — Сидоровы*). С другой стороны, далеко не все имена нарицательные способны изменяться по числам (ср. существительные *строительство, голубизна, сметана*, не имеющие форм множественного числа, и *провода, брюки, сливки*, не имеющие форм единственного числа). Итак, если какое-то значение не находит обязательного формально-грамматического выражения, оно не является основанием для установления морфологической категории.

Не является категорией и противопоставление глагольных спряжений — но уже совсем по иной причине: четкие формальные показатели (окончания) I и II спряжения не служат для выражения смысловых различий между глаголами разных спряжений (нельзя сказать, что для всех гла-

¹ Поэтому некорректны иногда встречающиеся выражения вроде: «категория несовершенного вида», «категория дательного падежа» (следует говорить: категория вида с противопоставлением совершенного и несовершенного вида; категория падежа, в рамках которой противопоставлены шесть основных падежей, и т. п.).

голов I спряжения характерно наличие какого-то значения, объединяющего все эти глаголы в один смысловой класс и отличающего все глаголы I спряжения от любого глагола II спряжения). Значит, хотя формальные отличия по типам спряжения очень важны для русской грамматики и всегда указываются при морфологическом разборе глагола, тем не менее в русском языке нет морфологической категории спряжения (как нет и морфологической категории склонения существительных). Типы спряжений и склонений образуют чисто формальные (а не формально-семантические, как в случае с морфологическими категориями) оппозиции.

Морфологические категории бывают словоизменительными и несловоизменительными.

Словоизменительные морфологические категории находят свое выражение в противопоставлении разных грамматических форм (слов форм) одного и того же слова. Например, категория лица глагола является словоизменительной, так как для ее обнаружения достаточно сравнить разные словоформы одного глагола: *иду, идёшь, идёт*.

Несловоизменительные морфологические категории находят свое выражение в противопоставлении целых слов по их грамматическим свойствам. С учетом значений, выражаемых несловоизменительными категориями, словарный состав языка можно разбить на грамматические классы (поэтому морфологические категории данного типа часто называются также классификационными или лексико-грамматическими). Несловоизменительными являются, например, категории рода и одушевленности/неодушевленности существительных: и род, и одушевленность/неодушевленность — это постоянные грамматические признаки существительного, по которым существительные не изменяются.

Основной морфологической категорией (причем категорией классификационного типа) является категория, находящая свое выражение в противопоставлении частей речи. Все остальные категории выделяются в рамках частей речи и являются частными морфологическими категориями по отношению к частям речи.

§ 202. Части речи

Морфологическая категория частей речи получает выражение в противопоставлении самых общих, основных грам-

матических классов слов, которые различаются общекатегориальными грамматическими значениями и специфическими для каждого класса частными морфологическими категориями, а также иными формальными признаками (особенностями словоизменения и грамматической сочетаемости со словами других частей речи).

Например, слова *конь* и *путь* относятся к одной части речи — имени существительному, так как обнаруживают:

1) одинаковое общекатегориальное (частеречное) значение — 'предметность';

2) одинаковую систему частных морфологических категорий — одушевленность/неодушевленность, род, число, падеж;

3) способность изменяться по категориям числа и падежа и, в отличие от прилагательных, неспособность изменяться по родам;

4) способность сочетаться с прилагательными, числительными, глаголами грамматически, подчиняя их себе (*новый путь, о двух конях, кони бегут*), и невозможность аналогичных сочетаний, например, с наречиями (*очень, весьма, бегом* и т. п.).

Распределение слов по частям речи устанавливается в морфологии, но важно не только для морфологии, но и при описании лексики, словообразования, синтаксиса. Поэтому в качестве дополнительных признаков, свидетельствующих о частеречной принадлежности того или иного слова, можно отметить особенности его синтаксического функционирования и словообразовательные свойства.

В частности, у слов *конь* и *путь* наблюдается одинаковое синтаксическое «поведение»: в предложении они могут быть подлежащим или дополнением: *Конь несет меня стрелой На поле открытом* (А. К. Толстой); *Рожденные в года глухие Пути не помнят своего* (А. Блок). Отмечаются и одинаковые словообразовательные свойства; так, от этих слов можно образовать однокоренные производные слова, например имена существительные: *конник, путник*. Напротив, слова *путь, попутный* и *путешествовать*, хотя они являются однокоренными и, следовательно, близки по лексическому значению, тем не менее относятся к разным частям речи, что легко доказывается, если сравнить эти слова по всем указанным выше признакам.

Являясь центральным звеном в системе морфологических категорий, части речи сами по себе представляют сложную упорядоченную систему. Эта система была детально изучена выдающимся русистом современности академиком

Виктором Владимировичем Виноградовым (1895–1969), который выделил четыре структурно-семантических типа слов:

- 1) самостоятельные части речи («слова-названия»);
- 2) связочные, служебные слова (которые он образно называл «частицами речи»);
- 3) модальные слова;
- 4) междометия¹.

С а м о с т о я т е л ь н ы е части речи служат для обозначения существующих в объективной действительности предметов, признаков, процессов, состояний и т. п. В современном русском языке противопоставлены семь самостоятельных частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, категория состояния (безлично-предикативные слова), наречие.

С л у ж е б н ы е части речи называют отношения, существующие между явлениями действительности. К служебным частям речи относятся частицы, предлоги и союзы. Противопоставление самостоятельных и служебных частей речи составляет основу категории частей речи.

Самостоятельным и служебным частям речи противопоставлены м о д а л ь н ы е слова (*кстати, вероятно, конечно, следовательно* и др.), которые выражают субъективное отношение говорящего к тому, о чем говорится; в предложении они являются вводными элементами.

Особое место в системе частей речи занимают м е ж д о м е т и я (*ах!, эй!, ура!, ох!, о-о...* и др.), которые выражают (но не называют прямо, подобно самостоятельным частям речи) эмоции говорящего.

§ 203. Части речи и лексико-грамматические разряды

Деление слов на части речи — это самая общая морфологическая классификация слов. Однако каждая из частей речи объединяет слова с несколько различными граммати-

¹ В. В. Виноградов полагал, что сам термин «части речи» может быть использован только по отношению к самостоятельным словам. Современная грамматическая наука при установлении системы частей речи, принимая за основу предложенную Виноградовым грамматическую классификацию слов, понимает термин «части речи» более широко, применяя его по отношению ко всем структурно-семантическим типам слов, включая служебные и модальные слова, а также междометия.

ческими свойствами. Например, для всех существительных характерен морфологический признак числа. Тем не менее одни существительные изменяются по числам, т. е. используются в разных предложениях то в единственном, то во множественном числе (*лампа — лампы, море — моря, скорость — скорости*), а другие же по числам не изменяются и всегда выступают или в форме единственного числа (*обучение, белизна, кефир*), или же в форме множественного числа (*ворота, проводы, сливки*). Наличие или отсутствие способности образовывать обе числовые формы зависит от лексического значения существительного. Таким образом, хотя очень важно различать лексические и грамматические значения слова, тем не менее грамматика и лексика, грамматические признаки слова и его лексическое значение тесно взаимодействуют, и это обстоятельство все активнее и последовательнее учитывается в современных морфологических исследованиях.

Определенная грамматическая неоднородность наблюдается не только у существительных, она проявляется и в других частях речи. Поэтому в рамках каждой из частей речи принято выделять группы слов, объединенных общностью типа лексического значения и теми или иными грамматическими признаками. Эти группы слов принято называть лексико-грамматическими разрядами.

Нужно сказать, что лексико-грамматические разряды (в отличие от грамматических классов слов, например частей речи или типов склонения, спряжения) не всегда четко противопоставлены друг другу в формальном отношении. Так, в рамках существительных по характеру значения четко выделяется лексико-грамматический разряд имен собирательных: *детвора, крестьянство, зверье, аппаратура, листва, пролетариат, финансы*, противопоставленный, например, лексико-грамматическим разрядам имен вещественных (*сахар, цемент, аспирин, чернила*) или отвлеченных (*уход, пение, нежность, хлопоты*). Однако формальные показатели разряда имен собирательных не всегда позволяют четко противопоставить его другим лексико-грамматическим разрядам существительных. Можно было бы, например, сказать, что собирательные существительные не изменяются по числам, но это же свойство характерно и для многих имен вещественных (*молоко, чернила*), и для ряда отвлеченных существительных (*пение, хлопоты*), и даже для некоторых конкретно-предметных существительных (*ножницы, джинсы*).

Есть, правда, у большинства собирательных существительных особые словообразовательные суффиксы, нехарактерные для других разрядов существительных: *-ур-* (*профессура, аппаратура*), *-й-* (*воронье, мужичье*) и т. п. Однако словообразовательные показатели не являются определяющими в морфологии, они учитываются при изучении грамматического поведения слова лишь как дополнительный, необязательный признак слова. К тому же многие собирательные существительные вообще не имеют никаких словообразовательных суффиксов (*сборд, джунгли*).

Нечеткость, необязательность формальной противопоставленности не позволяют рассматривать лексико-грамматические разряды как проявление какой-либо классификационной морфологической категории. И в то же время распределение слов по лексико-грамматическим разрядам очень важно для реализации морфологических категорий (ср., в частности, принципиально различное отношение лексико-грамматических разрядов качественных, относительных и притяжательных прилагательных к морфологическим категориям полноты/краткости и степеней сравнения). Поэтому морфологический анализ слова по традиции начинается с установления лексико-грамматического разряда, к которому относится это слово.

Классификация лексико-грамматических разрядов для всех основных частей речи может проводиться по нескольким различным признакам. Поэтому одно и то же слово обычно входит одновременно в несколько лексико-грамматических разрядов. Например, глагол *прочитать* входит в устанавливаемые по разным признакам лексико-грамматические разряды глаголов полнозначных, акциональных (обозначающих действие), предельных, переходных, невозвратных, личных.

При этом слово в разных своих лексических значениях может относиться к различным лексико-грамматическим разрядам. Например, многозначное слово *сосна* выступает в двух основных лексико-семантических и грамматических вариантах: *сосна*¹ 'вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками' — существительное конкретно-предметное, а *сосна*² 'древесина, используемая в качестве строительного и поделочного материала' (ср.: *книжные полки из сосны*) — существительное вещественное.

От принадлежности слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду напрямую зависит его грамматическое поведение. Например, конкретно-предметное существительное *сосна*¹ изменяется по числам: *На севере*

диком стоит одиноко На голой вершине сосна... (М. Лермонтов); *Иглы сосен и гулко и колко Устилают низкие пни...* (А. Ахматова). Напротив, вещественное существительное *сосна*² всегда используется только в единственном числе (вряд ли можно сказать: **книжные полки из сосен*, тем более **рамочка для фотографии из сосен*, хотя объективно для изготовления того или иного столярного изделия может быть использована древесина нескольких деревьев).

Итак, при морфологическом анализе многозначного слова всегда требуется очень тщательно учитывать, в каком значении (или, как часто говорят, в каком лексико-семантическом варианте) это слово употреблено.

§ 204. Принципы морфологического разбора слов

Морфологический разбор слова начинается с установления «начальной» (т. е. словарной) формы анализируемого слова и предполагает:

(I) определение части речи, к которой относится слово;

(II) выявление его постоянных морфологических признаков;

(III) характеристику переменных морфологических признаков слова (они есть не у всех, а только у изменяемых частей речи).

При морфологическом разборе следует иметь в виду, что в языке широко распространена грамматическая омонимия: казалось бы, одно и то же слово в разных предложениях может относиться к различным частям речи, проявлять совершенно разные морфологические свойства. Ср.: *Лебедь около плавает*, *Злого коршуна клюёт* (А. Пушкин) — *около* является наречием; *Около леса, как в мягкой постели*, *Выспаться можно — покой и простор* (Н. Некрасов) — *около* является предлогом; *Она написала отцу письмо, благодаря его за помощь* — здесь *благодаря* — деепричастие, одна из форм глагола *благодарить*; *Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки* (А. Чехов) — здесь *благодаря* является предлогом.

§ 205. Основные этапы изучения русской морфологии

В изучении морфологического строя русского языка можно условно выделить четыре этапа.

Первый этап (середина XVIII — первая половина XIX в.) связан прежде всего с именем М. В. Ломоносова, который в своей «Российской грамматике» впервые дал систематическое описание морфологии русского языка. Дело в том, что до Ломоносова предметом изучения был, как правило, церковно-славянский язык. Терминология, используемая Ломоносовым, очень близка к современной лингвистической терминологии.

Грамматика Ломоносова почти на столетие определила характер развития русской морфологической науки. Идеи Ломоносова развивались А. Х. Востоковым, В. Г. Белинским и другими отечественными языковедами. Именно в этот период русская морфологическая наука сформировалась как особая лингвистическая дисциплина.

Однако недостатком многих грамматических работ того времени было нечеткое разграничение категорий грамматики конкретного изучаемого (русского) языка и категорий логики (мышления), т. е. универсальных логических понятий, проявляющихся в разных, грамматически весьма далеких друг от друга языках.

Например, М. В. Ломоносов, характеризуя временную систему русского глагола, под влиянием универсально-логических представлений о структуре временных отношений и с учетом сведений о системе времен в ряде западноевропейских языков выделил в русском языке десять (!) глагольных времен, включая целых три формы «давнопрошедшего» времени (*тряхивал, брасывал; бывало тряс, бросал; бывало тряхивал, брасывал*) и др., что, конечно же, не отражало соотношения реальных грамматических форм русского глагола.

Огромное значение для разграничения универсально-логических и собственно грамматических категорий имели работы Ф. И. Буслаева, особенно его «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858). Указав на самостоятельность грамматики по отношению к логике, Буслаев, однако, не смог до конца выйти за рамки логического направления (за что его впоследствии резко критиковал А. А. Потебня).

Второй этап в изучении русской морфологии отмечен стремлением исключить смешение грамматики и логики, при этом одни ученые при анализе морфологических явлений больше внимания уделяли смысловой стороне этих явлений, другие — формальной стороне.

Существенный вклад в изучение грамматической семантики (значений глагольного вида, падежей имени суще-

ствительного и др.) внес выдающийся ученый, профессор Харьковского университета Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891). Идеи Потебни изложены в его основном труде «Из записок по русской грамматике» (т. 1–4, 1874–1968).

С именем академика Филиппа Федоровича Фортунатова (1848–1914), основателя Московской лингвистической школы, связано так называемое «формальное» направление в изучении грамматики. При анализе морфологических явлений ученые фортунатовской школы обращали пристальное внимание на формальные средства выражения грамматических значений и меньше стремились описать сами грамматические значения (хотя признавали их огромную важность для грамматики). Именно Ф. Ф. Фортунатовым были разграничены формы словоизменения и формы словообразования, что оказалось существенным для всего дальнейшего развития как морфологических, так и словообразовательных исследований.

Третий этап в развитии русской морфологической науки охватывает 20–40-е гг. XX столетия. Для многих ученых того времени становится ясно, что не следует изучать грамматические значения и их формальные средства выражения изолированно, как это нередко наблюдалось в трудах Потебни и Фортунатова (и особенно некоторых их учеников). Ставится задача объединения лучших достижений школ Потебни и Фортунатова, рассмотрения грамматических явлений как диалектического единства формы и содержания; в постановке такой задачи — историческое значение данного периода в изучении русской морфологии. Особенно важны в этом отношении грамматические труды академиков Льва Владимировича Щербы (1880–1944) и Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), а также таких ученых, как Александр Матвеевич Пешковский (1878–1933), Роман Осипович Якобсон, Виктор Владимирович Виноградов и другие. Именно тогда Виноградов точно определил морфологию как грамматическое учение о слове, анализирующее и форму, и семантику слова в его реальном функционировании (см. его исследование «Русский язык (грамматическое учение о слове)», впервые изданное в 1947 г. и переиздававшееся в 1972, 1968 и 2002 гг. Эта книга представляет собой наиболее авторитетный в грамматической науке обобщающий труд по русской морфологии).

Четвертый этап становления отечественной морфологической науки продолжается с начала 50-х гг. XX в.

по наши дни. Этот этап, органически связанный с предшествующим, отмечен и рядом специфических черт.

1. Благодаря исследованиям В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Е. А. Земской и других, показавших принципиальные отличия словообразования от морфологии, словообразование было выделено из состава морфологии в качестве особой лингвистической дисциплины; следовательно, был существенно уточнен предмет морфологии.

2. Исчерпывающим образом были описаны правила русского словоизменения (см.: *З а л з н я к* А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М., 1977).

3. Получены принципиально важные результаты в изучении морфологических категорий времени, вида, залога, падежа (труды Н. С. Пospelова, Ю. С. Маслова, А. А. Холодовича, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой и др.).

4. Впервые предпринято изучение русской морфологии на основе массовых опросов носителей русского языка (см.: *Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка* / Под ред. М. В. Панова. — М., 1968).

5. Успешно решается задача описания русской морфологии в новом, *функциональном* направлении — не от грамматических форм к выражаемым ими значениям, а от значения к форме. В рамках функциональной морфологии изучается, какими языковыми средствами может быть выражено то или иное грамматическое значение (например, значение времени, модальности и пр.); на необходимость таких исследований указывали еще Щерба и Виноградов. Функциональный анализ основных категорий русской морфологии проводится в многочисленных исследованиях петербургского лингвиста А. В. Бондарко, в частности в изданной под редакцией Бондарко шеститомной серии коллективных монографий «Теория функциональной грамматики» (Л./СПб., 1987–1996).

6. Наконец, именно в этот период предпринимаются успешные попытки ознакомления широкой общественности с достижениями отечественной грамматической науки. В частности, издаются академические грамматики русского языка, сочетающие точность научной интерпретации языковых явлений с общедоступностью изложения (см.: *Грамматика русского языка* / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. — М., 1952–1954. — Т. 1–2 (проблемам морфологии посвящена большая часть первого тома этого издания); *Грамматика современного русского литературного*

языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1970; Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980. — Т. 1-2 (этот труд отмечен в 1982 г. Государственной премией СССР; морфологический строй характеризуется в первом томе). Практически одновременно в Праге издается двухтомная чешская академическая грамматика русского языка, представляющая собой новаторское по существу и наиболее полное по объему описание русского языка, опубликованное за границей (Русская грамматика / Под ред. К. Горалека. — Praha, 1979).

На базе академических грамматик в Институте русского языка АН СССР была создана предназначенная для преподавателей русского языка «Краткая русская грамматика» (под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. — М., 1989; 2-е изд. — под названием «Русская грамматика». — М., 1990). В этот период издается также популярная энциклопедия «Русский язык» (1-е изд. / Под ред. Ф. П. Филина. — М., 1979; 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Ю. Н. Караулова. — М., 1997), а также публикуется для школьников «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)» (сост. М. В. Панов. — М., 1984) и лингвистический том Энциклопедии для детей (т. 10: Языкознание. Русский язык. — М., 1998).

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 206. Имя существительное как часть речи

Имя существительное — это часть речи, выражающая общекатегориальное значение предметности в частных грамматических категориях одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа.

Вопрос о частеречном значении предметности требует специального рассмотрения. Прежде всего, существительными обозначаются предметы в широком смысле, т. е. не только конкретные предметы окружающей действительности (*дерево, книга, стол*), их совокупности (*листва, джунгли*) или составные части (*ветка, стебель*), но и так называемые «одушевленные предметы» — живые существа (*конь, слон, человек, студент, Петров, Михаил*). Кроме того, существительные могут и не называть тех или иных предметов неживой или живой природы; словами данной части речи

могут обозначаться также действия и состояния в отвлечении от их производителей (*перевозка, отдых, изучение, познание*), свойства и количества в отвлечении от их носителей (*ширина, белизна, смелость, дюжина, сотня*). И тем не менее словам двух последних групп также присуще общекатегориальное значение предметности.

Для обнаружения значения предметности на практике используется подстановка в предложение, включающее существительное, местоименных слов *кто?* или *что?* с обобщенно-предметным значением, не осложненным дополнительными смысловыми оттенками (кроме значения неодушевленности или одушевленности). Ср.: *Отдых позволяет восстановить силы.* — *Ч т о позволяет восстановить силы?* То обстоятельство, что любое существительное, если использовать школьную терминологию, «отвечает на вопрос *к т о?* или *ч т о?*», свидетельствует о грамматической предметности даже таких существительных, лексическое значение которых никак не связано с названием предметов. Прием подстановки слов с обобщенно-предметным значением особенно помогает в тех случаях, когда необходимо отграничить имя существительное от других частей речи с близким лексическим значением: *белизна* (*ч т о?* — существительное) — *белый* (*к а к о й?* — прилагательное) — *белеть* (*ч т о д е л а т ь?* — глагол); ср. также: *сотня* — *сто*; *отдыхать* — *отдых*.

Итак, частеречное значение предметности — это отвлеченное грамматическое значение, свойственное всем без исключения существительным, наличие которого подтверждается экспериментально, методом подстановки обобщенно-предметных слов.

Средством выражения грамматической предметности являются морфологические категории существительных. Для русских существительных обычно выделяются три морфологические категории: род, число и падеж. В грамматических описаниях последних десятилетий в перечень морфологических категорий существительного обычно включается и одушевленность/неодушевленность¹.

Морфологические категории существительного взаимосвязаны и образуют строго упорядоченную систему.

¹ Такое решение было убедительно обосновано А. А. Зализняком в книге «Русское именное словоизменение» (М., 1967). См. также: Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970. — С. 321—322; Русская грамматика. — 2-е изд. — М., 1990. — С. 155—157.

Одушевленность/неодушевленность и род — это несловоизменяемые (классификационные) категории существительных: каждое слово входит в определенный грамматический класс существительных одушевленных или неодушевленных, мужского, женского или среднего рода. Эти категории относятся к числу постоянных морфологических признаков существительного.

Число и падеж, напротив, являются словоизменяемыми категориями существительного: одно и то же существительное может изменяться по числам (*дом — дома́, слон — слоны, книга — книги*) и падежам (*дом, дома́, дому, дом, домо́м, о доме*).

Общекатегориальное значение предметности и частные морфологические категории одушевленности/неодушевленности, рода, числа и падежа — это собственно морфологические признаки существительного, которые являются наиболее важными при рассмотрении имени существительного как части речи. Для полной характеристики данной части речи важно также учитывать (но, естественно, лишь в качестве дополнительных характеристик) и синтаксические, и словообразовательные свойства существительных.

В предложении существительное обычно бывает подлежащим или дополнением: *Их дочери Таню обнимают* (А. Пушкин). Одной из характерных синтаксических функций существительного является его использование в качестве именной части составного сказуемого: *Я — странник...* (Б. Ахмадулина). Очень часто существительные (особенно в сочетании с предлогами) используются и в качестве обстоятельства: *Вы сотни лет глядели на Восток...* (А. Блок). Наконец, существительные нередко являются в предложении определениями: *Гармонии стиха божественные тайны Не думай разгадать по книгам мудрецов* (А. Майков). Таким образом, существительное как часть речи располагает уникальными синтаксическими возможностями, которые не присущи более ни одной другой части речи, — выступать в случае необходимости в роли любого главного или второстепенного члена предложения.

Для словообразования существительных характерен целый ряд суффиксов, не используемых при образовании других частей речи: *-тель* (*строить* → *строитель*), *-щик* (*пилить* → *пильщик*), *-ник* (*школа* → *школьник*), *-ниѣ* (*петь* → *пение*), *-тиѣ* (*открыть* → *открытие*), *-ость* (*смелый* → *смелость*), *-ств* (*баловаться* → *баловство*) и др.

§ 207. Лексико-грамматические разряды имен существительных

По семантическим (а отчасти и формально-грамматическим) признакам существительные делятся на несколько лексико-грамматических разрядов.

Прежде всего выделяются существительные нарицательные и собственные.

Имена нарицательные служат обобщенными наименованиями однородных предметов: *гора, река, человек, планета, город, газета*. Имена собственные служат названиями единичных предметов, выделенных из ряда однородных: *Казбек, Эверест; Волга, Енисей; Владимир, Анна; Марс, Юпитер; Москва, Петербург; «Известия», «Гудок»*. Анализом имен собственных занимается специальная лингвистическая дисциплина — **ономастика**.

Граница между именами собственными и нарицательными подвижна. Имена собственные могут стать условным обозначением целого класса однородных предметов или лиц: *Молчалины блаженствуют на свете* (А. Грибоедов); *Кто стихами льет из лейки, кто кропит, набравши в рот — кудреватые Митрейки, мудреватые Кудрейки — кто их к черту разберет!* (В. Маяковский). Напротив, имена нарицательные часто становятся названиями единичных предметов: *собака Шарик, город Орел*.

В формально-грамматическом плане имена собственные отличаются от нарицательных тем, что обычно употребляются в форме какого-то одного числа — единственного: *Александр, Пушкин, Москва* — или множественного: *Жигули, Сокольники, Дарданеллы*. Для большинства имен нарицательных, напротив, характерно изменение по числам: *лес — лесá, гора — горы*. Однако это формальное различие не является четким и последовательным, потому что далеко не все имена нарицательные имеют обе числовые формы, ср.: *молоко, студенчество* (нарицательные существительные, употребляющиеся только в форме единственного числа), *сливки, финансы* (нарицательные существительные, не имеющие форм единственного числа). С другой стороны, от некоторых имен собственных при необходимости возможно образование формы множественного числа: *Вильгельм [Кюхельбекер] писал Пушкину и Грибоедову: «...любезные друзья и братья поэты Александры»* (Ю. Тынянов).

Нарицательные существительные бывают четырех типов: **конкретные, отвлеченные, вещественные и собирательные.**

Конкретные существительные (*карандаш, университет, студент*) — это лексико-грамматический разряд существительных, наиболее четко и полно раскрывающих грамматические свойства данной части речи. В рамках этого разряда можно установить более мелкие лексико-грамматические разряды.

Так, многие из конкретных существительных служат для обозначения предметов и образуют лексико-грамматический разряд **к о н к р е т н о - п р е д м е т н ы х** существительных: *книга, кирпич, дом*. Разновидностью конкретно-предметных имен являются **е д и н и ч н ы е** существительные (или сингулятивы), которые образованы с помощью суффиксов со значением единичности *-ик(а), -инк(а)* от вещественных существительных: *горошина, соломина, песчинка, снежинка*.

Другие конкретные существительные являются обозначениями **о д у ш е в л е н н ы х** предметов — животных (лексико-грамматический разряд **з о о б и м о в**: *медведь, кошка, кенгуру*) или людей (лексико-грамматический разряд **л и ч н ы х** существительных: *человек, стюардесса, воевода*). Наконец, некоторые конкретные существительные обозначают явления действительности (лексико-грамматический разряд **с о б ы т и й н ы х** существительных: *гроза, метель, революция*) и понятия, выработанные в ходе осмысления человеком окружающей действительности (**п о н я т и й н ы е** существительные: *слово, понятие, предложение, фонема*).

От иных видов нарицательных существительных конкретные существительные отличаются грамматической сочетаемостью с количественными числительными: *две грозы, двадцать пять столов, три медведя*, а также возможностью изменения по числам: *стол — столы, гроза — грозы*. Исключение составляют конкретно-предметные существительные типа *сани, брюки, очки* и личные существительные типа *ребята* 'молодые люди, парни' (разг.), *девчата*, которые не имеют форм единственного числа, а также обозначения уникальных явлений типа *небосвод, вселенная*, не имеющие форм множественного числа.

Отвлеченные существительные обозначают действие или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака: *бег, учёба, красота, глубина*. Слова этого лексико-грамматического разряда обычно образованы от глаголов (*проезжать* → *проезд*) или от прилагатель-

ных (*хитрый* → *хитрость*). Они не сочетаются с количественными числительными (невозможно сказать: **два бега*, **восемь смелостей*) и обычно не изменяются по числам, употребляясь или только в единственном числе (*изучение*), или только во множественном числе (*хлопоты*).

Вещественные существительные обозначают вещества (в широком смысле) — химические элементы и соединения, пищевые продукты, стройматериалы и т. п.: *водород, вода, лёд, железо, аспирин, бензин, пшеница, сливки, тёс, солома*.

Собирательные существительные обозначают совокупность однородных предметов или лиц как одно неделимое целое; для собирательных существительных характерны словообразовательные суффиксы *-ств(о)*, *-ств(а)*, *-й(о)*, *-ур(а)*, *-ат* и др.: *крестьянство, листва, трапье, профессура, пролетариат*.

Отвлеченные, вещественные и собирательные существительные (в отличие от конкретных) не вступают в сочетания с количественными числительными. Еще одним отличием существительных трех указанных лексико-грамматических разрядов от конкретных существительных является то, что противопоставление разных числовых форм одного и того же существительного встречается в разрядах отвлеченных, вещественных и собирательных существительных достаточно редко и связано с заметным изменением семантики формы множественного числа по сравнению с соответствующей формой единственного числа: *прелесть* — *прелести*, *вода* — *воды*, вплоть до фактического образования нового слова: *бег* 'быстрое движение человека или животного, резко отталкивающихся от земли движениями ног' — *бега* 'состязания, гонки упряжных рысистых лошадей (а иногда и некоторых других видов животных)'

§ 208. Грамматические разряды склоняемых и несклоняемых имен существительных

По грамматическим свойствам существительные делятся на склоняемые и несклоняемые. Это противопоставление крайне важно для проявления всех морфологических категорий существительных.

Большинство русских существительных — **склоняемые**: *стена, стол, студент, окно* и др.; словоизменитель-

ная парадигма таких существительных состоит из нескольких словоформ с разными окончаниями: *стол, стола, столу, столом* и т. д.

Несклоняемые существительные (*кофе, пальто, фортепиано* и др.) — сравнительно новое явление в русской морфологии. Они появляются в русском языке лишь в XIX в., первоначально путем заимствования из других языков. Однако в настоящее время имеются как заимствованные, так и исконно русские несклоняемые существительные, причем особенно много таких слов появилось в XX в. Следовательно, грамматическая система современного русского языка воспринимает несклоняемые существительные как вполне нормальное явление.

Исконно русскими несклоняемыми существительными являются:

- 1) аббревиатуры буквенного типа: *СП, АО, МГУ, МИРЭА*;
- 2) многие аббревиатуры звукового типа: *АЭС, ТЭЦ, АСУ*;
- 3) сложносокращенные слова типа: *завкафедрой, замдекана, комроты, управделами*;
- 4) фамилии на *-аго, -ово, -их/-ых*: *Живаго, Хитрово, Долгих, Черемных*;
- 5) женские фамилии типа: *Бегун, Мельник, Соловей*.

Среди заимствованных несклоняемых существительных различаются:

- 1) существительные нарицательные и собственные с основами на *-э/-е, -о, -и, -у/-ю*, а также на ударное *-а/-я*: *алоз, ателье, Гёте, пальто, Пуэрто-Рико, бигуди, леди, Миссисипи, кенгуру, интервью, буржуа, Дюма* (заимствованные имена и фамилии с безударным *-а* склоняются: *поэзия Петрарки, музыка Майбороды*);

- 2) относительно недавние заимствования — украинские фамилии с основами на *-ко, -енко*: *Рыбалко, Гречко, Макаренко, Ткаченко*;

- 3) женские имена и фамилии с основой на согласную: *Пиаф, Зегерс*;

- 4) слова *мадам, мисс, миссис, фрау, фрейлейн*.

В словоизменительной парадигме несклоняемых существительных нет формального противопоставления словоформ. Это обстоятельство по-разному трактуется современными учеными: одни из них по традиции и в полном соответствии с термином «несклоняемое существительное» утверждают, что эти существительные не изменяются, имеют нулевую морфологическую парадигму, представленную одной и той же словоформой, и это принципиально отличает их от склоняемых существительных. Другие ученые по-

лагают, что и слова типа *пальто, кофе* склоняются, только так, что все словоформы каждого из этих слов звучат одинаково, т. е. наблюдается полная грамматическая омонимия числовых и падежных форм (именно такой подход был поддержан академической грамматикой 1980 г.).

Как бы ни оценивать словоизменительную парадигму несклоняемых существительных, в функциональном плане для подобных существительных характерны те же категории, что и для склоняемых, — одушевленность/неодушевленность, род, число, падеж. Однако все эти категории выражены у таких существительных не парадигматически (не при помощи окончаний самого существительного — их или нет, или, согласно другой точке зрения, они в любой форме нулевые), а синтагматическими средствами — в словосочетании, окончаниями слов, которые грамматически зависят от данного существительного: *наш кофе, наше пальто, наша ГЭС* (грамматически выражена категория рода); *новое пальто, нового пальто, новому пальто* (в синтагматике выражен вполне определенный падеж) и т. д.

§ 209. Несловоизменительные категории имени существительного

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ

Одушевленность / неодушевленность — это несловоизменительная (т. е. классификационная) категория имен существительных, в соответствии с которой все существительные относятся к грамматическому классу одушевленных или же к грамматическому классу неодушевленных существительных.

Одушевленные и неодушевленные существительные обычно четко разграничиваются по характеру значения¹. Одушевленными существительными обозначаются живые существа: *человек, брат, Петр, слон, птица*, а неодушевленными существительными — не живые существа, а предметы неживой природы и растения, а также события, явления, качества, действия, состояния и т. п.: *камень, стол, автомобиль, дерево, буря, красота, отдых*.

Однако для грамматики важны прежде всего **формальные средства** выражения категории одушев-

¹ О некоторых исключениях будет сказано ниже.

ленности/неодушевленности, которые, как мы помним, бывают парадигматическими (окончания самого существительного) или же синтагматическими (окончания слов, согласующихся с существительным). Для несклоняемых существительных типа *конференсье, Дюма, кино, алиби* и т. п. данная грамматическая категория выражается только синтагматически, т. е. в грамматической сочетаемости подобных существительных. При этом наиболее отчетливо категория одушевленности/неодушевленности бывает формально выражена во множественном числе.

Основное правило, позволяющее отграничить любое одушевленное существительное от неодушевленного, может быть сформулировано с учетом следующего формально-грамматического признака: совпадает или не совпадает форма винительного падежа множественного числа существительного с формой родительного падежа.

У одушевленных существительных форма винительного падежа множественного числа всегда совпадает с формой родительного падежа. Все прочие существительные являются неодушевленными (т. е. у неодушевленных существительных форма винительного падежа множественного числа никогда не совпадает с формой родительного падежа — она совпадает с формой именительного падежа).

Эта закономерность относится как к самому существительному, так и к формам прилагательных или причастий, которые согласуются с существительным.

Одушевленные существительные:

В.п. мн.ч. = Р.п. мн.ч.

И. (Вот) красивые кони, утки,
животные

Р. (Нет) красивых коней, уток,
животных

В. (Вижу) красивых коней, уток,
животных

Неодушевленные существительные:

В.п. мн.ч. ≠ Р.п. мн.ч.
(В.п. мн.ч. = И.п. мн.ч.)

красивые столы, розы, окна

красивых столов, роз, окон

красивые столы, розы, окна

В форме единственного числа одушевленность/неодушевленность парадигматически, т. е. окончаниями самого существительного, бывает выражена далеко не у всех существительных, а только у существительных мужского рода 1-го склонения с нулевым окончанием в форме И. п. ед. ч. типа *студент, дом*, а также у существительных типа *часовой, выходной* (образованных способом субстантивации и

поэтому изменяющихся по образцу прилагательных): *знаю студента, часового* (В. = Р., одушевленные существительные), но *знаю дом, выходной* (В. ≠ Р., существительные неодушевленные).

У существительных мужского рода типа *дядя, юноша, воевода* (1-е склонение, слова с окончанием -а в форме И. п. ед. ч.), а также у несклоняемых существительных типа *крупье, атташе, кофе* одушевленность/неодушевленность выражена в форме единственного числа только синтагматически: *нет этого дяди, атташе; вижу этого дядю, атташе* (В. = Р., одушевленные существительные); ср.: *нет черного кофе, люблю черный кофе* (В. ≠ Р., неодушевленное существительное).

У существительных среднего и женского рода одушевленность/неодушевленность в форме единственного числа не выражена; ср. одинаковые падежные окончания у одушевленных и неодушевленных существительных: *люблю сестру и страну; вижу окно и существо*. Поэтому для определения грамматической одушевленности/неодушевленности таких существительных нужно рассматривать формы множественного числа: *вижу сестер, существ, овец, насекомых* (В. = Р., одушевленные существительные); *вижу страны, окна, книги, поля* (В. ≠ Р., неодушевленные существительные).

У неизменяемых существительных среднего и женского рода их одушевленность/неодушевленность проявляется в грамматической сочетаемости: *вижу новых крупье* (В. = Р., существительное одушевленное), но *вижу новые пальто* (В. ≠ Р., существительное неодушевленное).

Возникает вопрос: одушевленными или неодушевленными являются многочисленные вещественные, собирательные и отвлеченные существительные среднего и женского рода — такие, как *молоко, сметана, листва, бельё, братство, верность, изучение* и т. д., не имеющие форм множественного числа? Казалось бы, ответ простой: эти и подобные слова не обозначают живых существ, поэтому являются (по крайней мере, в плане своего значения) неодушевленными. Однако не следует забывать, что задача морфологического анализа — установление грамматических свойств слова. А в плане грамматики, как уже говорилось, существительные среднего и женского рода в единственном числе не проявляют признаков одушевленности/неодушевленности.

Существует мнение, что все существительные названного типа должны рассматриваться как не охарактеризованные

по признаку одушевленности/неодушевленности: они не являются ни одушевленными, ни неодушевленными. Однако в таком случае за рамками категории одушевленности/неодушевленности оказывается огромный пласт существительных (вспомним, насколько продуктивны типы образования существительных на *-ие*, *-ость* и др.). И семантика данных слов не поддерживает колебаний между одушевленностью и неодушевленностью (все вещественные и отвлеченные и большинство собирательных существительных никак не связаны с обозначением живых существ). Неслучайно все вещественные, собирательные и отвлеченные существительные мужского рода, не имеющие форм множественного числа, отчетливо проявляют в падежных формах единственного числа свою грамматическую неодушевленность (В. $\neq$ Р.): *вижу аспирин, сброд, слышу лай*.

Есть все основания признать слова типа *молоко, листья, изучение* существительными грамматически неодушевленными. Ход рассуждений здесь может быть таким: коль скоро у подобных слов нет форм множественного числа, то у них форма Р. п. мн. ч. никак не может совпасть с формой В. п. мн. ч.; если же В. п. мн. ч. $\neq$ Р. п. мн. ч., то слово, по определению, является неодушевленным. При таком подходе все без исключения русские существительные включаются в грамматические классы одушевленных и неодушевленных существительных.

Нужно иметь в виду, что не всегда грамматические признаки одушевленности/неодушевленности соответствуют номинативным (т. е. смысловым) свойствам имени. Так, например, некоторые существительные реально не обозначают живых существ, но по своим грамматическим признакам входят в разряд одушевленных. Такими существительными являются:

1) названия мифических существ типа *домовой, леший, водяной, гном, ведьма, русалка*;

2) слова *мертвец, покойник, утопленник* и т. п. (но не *труп*).

Напротив, существительные, обозначающие нерасчлененную (собирательную) совокупность живых существ, всегда являются грамматически неодушевленными. Хотя такие существительные могут отвечать на вопрос *кто?* (*Кто победил в битве под Полтавой? — Русские войска*), тем не менее форма В. п. никогда не совпадает у них с формой Р. п., что исключает возможность их рассмотрения как существительных одушевленных: *вести за собой народ, отряд, войска́, армии* и т. п.

Во всех случаях несоответствия грамматической и номинативной одушевленности/неодушевленности прежде всего устанавливаются собственно грамматические показатели слова (например, *покойник* — грамматически одушевленное существительное, а *народ* — неодушевленное), после чего следует отметить расхождения грамматических признаков слова и его семантики.

Довольно часто разные лексико-семантические варианты слова обнаруживают различные свойства по признаку одушевленности/неодушевленности. Так, некоторые существительные, обозначающие в основном своим значением живых существ и являющиеся в этом значении словами грамматически одушевленными (прежде всего это касается названий рыб: *килька, сардина, шпрота*), могут обозначать также и продукты питания, например консервы, приготовленные из данных представителей животного мира; в этом значении данные слова являются уже существительными неодушевленными: *есть кильки, сардины, шпроты* (В. ≠ Р.).

Особого внимания заслуживают существительные — названия фигур в некоторых играх: не обозначая живых существ, они тем не менее обнаруживают грамматические признаки одушевленных существительных. Такими свойствами обладает в речи биллиардистов существительное *шар* (ср.: *послать шара в лузу*; В. = Р.), в речи шахматистов — существительное *ферзь* (*отдать противнику ферзя*), у игроков в карточные игры — слова *туз, валет, козырь* (*бросить туза, дать козыря*, т. е. *козырную карту*). Следует, однако, обратить внимание на то, что во множественном числе многие из существительных данной группы обладают грамматическими показателями неодушевленности (В. ≠ Р.): *послать в лузу все шары* (не *всех шаров*), *открыть свои козыри* (не *козырей*) и т. п. Подобные примеры показывают, что числовые формы одного и того же слова иногда могут различаться по грамматической одушевленности/неодушевленности.

Еще одним примером того, как в разных грамматических формах слова может по-разному проявляться одушевленность/неодушевленность, служат конструкции типа *записаться в добровольцы, пойти в солдаты, избрать в депутаты, принять в сотрудники*. Здесь от одушевленных существительных типа *доброволец, солдат* и т. п. образуется особая форма винительного падежа множественного числа — по образцу неодушевленных существительных (ср. обычную форму винительного падежа множественного

числа тех же существительных: *видеть добровольцев, учить солдат, верить в депутатов*).

Слова *вирус, микроб, бактерия* и некоторые другие обладают вариантами грамматическими характеристиками с точки зрения одушевленности/неодушевленности: в речи одних носителей русского языка они являются одушевленными: *изучать вирусов, микробов, бактерий*, другие же говорящие считают их неодушевленными: *изучать вирусы, микробы, бактерии*. Наше «обыденное» языковое сознание как бы колеблется, следует ли относить этих мельчайших представителей живой природы к живым существам.

Обозначения игрушек (*кукла, матрёшка, неваляшка* и пр.) также характеризуются вариантными формами одушевленности/неодушевленности: они обнаруживают разные грамматические свойства, с одной стороны, в речи детей (для которых подобные слова, называющие некие игровые «подобия» живых существ, являются существительными безусловно одушевленными: *любить своих кукол, разбросать по полу матрёшек*), а с другой — например, в профессиональной речи производителей игрушек, где эти же существительные могут склоняться как неодушевленные (*производить куклы нового образца*).

КАТЕГОРИЯ РОДА

Род — это несловоизменяемая категория существительных, грамматически проявляющаяся в их способности сочетаться с определенными для каждой родовой класса формами согласуемых слов: *новый студент, новая студентка, новое письмо*.

В современном русском языке принято выделять три грамматических рода: мужской, женский и средний. Все существительные (кроме слов типа *сани, ворота, чернила*, не имеющих форм единственного числа) распределяются по родам¹.

¹ А. А. Зализняк с учетом того, что распределение по родам связано прежде всего с грамматической сочетаемостью существительного, высказал мнение, что и слова типа *сани, ворота* не выведены за рамки категории рода, составляя особый («четвертый») грамматический род, характеризующийся особым согласованием зависимых слов. Сравним конструкции с разными существительными в формах множественного числа: *студенты, каждый из которых...* (м. р.), *студентки, каждая из которых...* (ж. р.), *письма, каждое из которых...* (ср. р.), но *сани, каж-*

Грамматический род выражается не только в синтагматике, но и (правда, не всегда последовательно) в особенностях словоизменения существительных, а также в их словообразовании.

Так, все существительные с нулевым окончанием в форме именительного падежа и окончанием *-ом/-ем* в форме творительного падежа единственного числа — слова мужского рода; если же в форме творительного падежа окончание *-ью*, то существительное относится к женскому роду (ср.: *день, днём*, но *дань, данью*).

Существительные с окончанием *-а* (графически — и *-я*) в форме именительного падежа единственного числа относятся, как правило, к женскому роду: *страна, голова, книга, дыня, станция*. Однако исключение из этого правила составляют:

а) слова мужского рода типа *дядя, юноша*;

б) слова типа *нержа, Саша*, которые часто обнаруживают свойства существительных мужского рода, ср.: *наш Саша сказал*;

в) десять существительных среднего рода типа *бремя, время, знамя*.

О связи склонения существительного и его грамматического рода свидетельствуют и следующие факты. Если в форме именительного падежа единственного числа окончание *-о/-е*, то существительное относится к среднему роду. Но и эта закономерность не является обязательной, так как имеются слова мужского рода с такими же окончаниями: *домишко, домище, подмастерье* и др.

Таким образом, из двух возможных средств проявления морфологической категории рода — парадигматических, связанных со склонением слова, и синтагматических, связанных с его грамматической сочетаемостью, наиболее универсальными и эффективными являются именно синтагматические средства, дающие возможность определить грамматический род и в тех случаях, когда окончания самого существительного не позволяют решить вопрос о родовой принадлежности существительного: *новый путь* (м. р.) — *новая дань* (ж. р.); *папа приехал* (м. р.) — *мама приехала* (ж. р.); *это воскресенье* (ср. р.) — *этот подмастерье* (м. р.).

дме из которых...; один из домов, одна из книг, одно из яблок, но одни из ворот. Примеры показывают, что слова типа *сами* могут входить в такие же синтаксические конструкции, в какие входят и «обычные». распределяемые по трем родам, существительные, при этом не сливаются с ними, а образуют особый синтагматический класс, который условно можно назвать родовым.

В специальной литературе очень часто подчеркивается связь грамматического рода и словообразовательных характеристик существительного. Так, для словообразовательной структуры существительных мужского рода характерны суффиксы *-тель, -чик, -ик, -ун* и др.: *учитель, пулемётчик, столик, бегун*; для существительных женского рода — суффиксы *-ниц(а), -к(а), -й(а), -ш(а), -ость* и др.: *учительница, студентка, бегунья, генеральша, хитрость*; к среднему роду относятся слова с суффиксами *-ств(о), -ниж(е), -тиж(е)*: *учительство, пение, взятие*.

В то же время нельзя не заметить, что словообразовательные показатели рода не являются обязательными, т. е. их нельзя признать собственно грамматическими. Дело в том, что многие суффиксы субъективной оценки могут использоваться для образования существительных разных родов: *дяденька* (м. р.), *тетенька* (ж. р.); *столбище* (м. р.), *бревнище* (ср. р.), *ручища* (ж. р.). С другой стороны, существует большое количество непроединительных существительных типа *дом, стол, рука, мышь* и т. п., которые вообще не имеют никаких словообразовательных средств.

Таким образом, при определении грамматического рода следует опираться прежде всего на грамматические признаки существительного: на особенности его грамматической сочетаемости и (с известной осторожностью, помня о возможных исключениях) на сведения об особенностях его склонения.

Категория рода тесно связана с другими категориями существительного. Выше было показано, как важна для проявления категории рода словоизменительная категория числа: затруднительно определить родовую принадлежность слов, не имеющих форм единственного числа. Род непосредственно связан и с категорией одушевленности/неодушевленности. Особенно важна эта связь для реализации грамматического значения рода.

Из трех традиционно выделяемых грамматических родов средний род является в обычном употреблении незначимым. Что касается существительных мужского и женского рода, то их формально-грамматическое различие предназначено для выражения определенных значений: 'мужской биологический пол' и 'женский биологический пол'.

Из этого вовсе не следует, что любое существительное мужского рода непременно и в любом контексте несет информацию о мужском биологическом поле, а любое слово женского рода указывает на существо женского пола. Например, в начальных строках из стихотворения С. Есенина

«Русь» (*Потонула деревня в ухабинах, Заслонили избенки лесá*) употреблены неодушевленные существительные женского рода *деревня, ухабина, избенка* и существительное мужского рода *лес*, никак не связанные с выражением представлений о биологическом поле. Значит, грамматические показатели рода у данных слов являются «пустыми», семантически не нагруженными. Все дело в том, что лексическое значение каждого из перечисленных (и всех других) неодушевленных существительных не совместимо с представлением о биологическом поле, поэтому грамматическое значение родовых показателей в общей семантической структуре слов типа *деревня* или *лес* как бы «зачеркивается», аннулируется под влиянием семантики основы.

Однако нельзя сказать, что у неодушевленных существительных показатели рода в принципе незначимы — можно говорить лишь о временном «зачеркивании» грамматических значений под влиянием значения основы. Между тем существуют условия, при которых грамматическая семантика рода начинает проявляться и у неодушевленных существительных. Это наблюдается, например, в художественном тексте (басня, сказка, лирическая песня и т. п.). Так, в многочисленных русских народных песнях о *березке* речь идет именно о *ж е н с к о й* доле; вспомним также известную песню о *рябине* и ее желании «к *дубу* перебраться» или же многочисленные басни, где обыгрываются возможности показателей рода служить средством выражения грамматического значения «мужской биологический пол» или «женский биологический пол»¹.

О значимости родовых показателей у неодушевленных существительных свидетельствует и то, что в ситуации выбора имени для живого существа мы, называя существо мужского пола, непременно используем существительные мужского (а не женского или среднего) рода: *Шарик* (кличка собаки), *Вихрь* (так часто называют коня, особенно скакового) и т. п. Напротив, при наречении существ женского пола используются имена только женского грамматического рода: *Волна* (имя для лошади), *Эра* (распространенное в 30-е гг. XX в. женское имя) и т. д.

Наиболее легко и свободно различия по биологическому полу бывают выражены у одушевленных существительных.

¹ Таковы басни И. А. Крылова «Пруд и река», «Камень и червяк» (в последней *ч е р в я к* выступает арбитром в споре между *к а м н е м* и *д о ж д е м*, у которых типично мужские поведенческие роли), многие басни Ф. Кривина и других авторов.

При этом значения мужского и женского пола выражаются, как правило, лишь у существительных, входящих в родовую пару.

Родовой парой принято называть парное противопоставление существительных мужского и женского рода, имеющих одинаковое лексическое значение и различающихся лишь значением биологического пола: *мальчик — девочка, студент — студентка, петух — курица*. За пределами родовых пар грамматический род даже у одушевленных существительных обычно не имеет значения биологического пола: *человек, существо, дитя, комар, белка, куница*¹ (исключения составляют обозначения типично мужских или женских профессий и занятий: *боец, сталева, землекоп, каменотес; горничная, прачка* и др.).

С формальной точки зрения различаются родовые пары трех типов:

1) **супплетивные пары** (в которые входят слова с разными корневыми морфемами): *мужчина — женщина, дедушка — бабушка, баран — овца*;

2) **словообразовательные пары** (в них существительное женского рода обычно образовано с помощью определенного суффикса от существительного мужского рода²): *студент — студентка, лев — львица*;

3) **флективные пары** (входящие в такие пары существительные имеют общую основу и различаются лишь окончаниями, т. е. характером склонения): *раб — раба, супруг — супруга, Смирнов — Смирнова, Александр — Александра*³.

Между членами родовой пары могут устанавливаться разнообразные смысловые отношения.

¹ Как и у неодушевленных существительных, родовые показатели подобных слов могут «восстанавливать» присущее им грамматическое значение биологического пола в художественном тексте (ср. басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», «Лягушка и Вол» и др.). Это наблюдается также при использовании данных слов в ситуации подбора имен и кличек. Например, когда на заре советской космонавтики средства массовой информации сообщили, что на орбиту запущен космический аппарат с двумя собаками — *Белкой и Стрелкой*, то никто не сомневался, какого пола были подопытные животные.

² Случаи словообразовательной производности существительных мужского рода в подобных парах встречаются крайне редко: *коза — козёл*.

³ Флективные родовые пары нередко объединяются с суффиксальными, поскольку многие ученые рассматривают слова типа *супруга* в качестве производных с помощью нулевого словообразовательного суффикса от соответствующих слов мужского рода: *супруг → супруг-Ø(а)*.

Иногда существительное мужского рода обозначает конкретное существо мужского пола, а существительное женского рода — определенное существо женского пола: *мужчина — женщина, дедушка — бабушка, мальчик — девочка*.

Но чаще одно из слов родовой пары не только обозначает существо определенного пола, но является также и общим названием всех существ этого типа независимо от различий по полу. Например, в паре *студент — студентка* слово *студент* обозначает не только лицо мужского пола (*Восили студент и студентка*), но и любого представителя данной социальной группы (*Задача каждого студента — хорошо учиться*). В родовых парах, объединяющих личные существительные, такую роль может играть только слово мужского рода (*артист, преподаватель, музыкант* и т. п.). Если же слова, входящие в родовую пару, являются названиями животных, то в некоторых парах тип животных может обозначать слово как мужского рода (*лев — львица, заяц — зайчиха*; ср.: *В лесах Европы львы не живут, зато много зайцев*), так и женского рода (*кот — кошка, баран — овца*; ср.: *Кошка — домашнее животное; Овцы завезены в Австралию из Англии*).

Особого внимания заслуживают существительные так называемого *общего рода*, которые по значению соотносятся с лицами как мужского, так и женского пола, а в предложении проявляют свойства то мужского, то женского рода: *наш/наша Саша; страшный/страшная неряха; Седых знал/знала*. Следовательно, в отличие от обычных существительных слова общего рода относятся не к одному, а сразу к двум родам — мужскому и женскому, в контексте же всегда реализуются грамматические свойства какого-то определенного рода — мужского или женского.

В XX в., когда многие профессии и должности впервые оказались доступны женщинам, возникла ситуация появления нового пласта слов общего рода. В частности, некоторые слова мужского рода типа *врач, директор, профессор, декан* стали приобретать способность сочетаться с согласуемыми словами не только мужского, но и женского рода; в разговорной речи можно услышать: *врач сказала, директор фабрики распорядилась*.

Переход слов типа *врач, доктор, профессор* в разряд существительных общего рода не закончен: если выражения типа *врач сказала* допустимы в разговорной речи, то выражения типа *хорошая врач* являются просторечными, а их

употребление в формах косвенных падежей (вроде **увидел хорошую врача*) вообще исключено.

Нужно сказать, что во многих случаях язык избегал появления новых слов общего рода, используя словообразовательные средства. Так, профессия ткача до революции 1917 г. была профессией исключительно мужской, поэтому и слово *ткач* было словом мужского рода. Как только этой профессией овладели женщины, в русском литературном языке появилось отмеченное всеми толковыми словарями слово *ткачиха*, поэтому у слова *ткач* не могли появиться сочетания типа **наша ткач*, **ткач овладела техникой*.

Для некоторых существительных характерны родовые варианты: *жираф* и *жирафа*, *ботфорт* и *ботфорта*. При этом обычно только один родовой вариант стилистически нейтрален и рекомендуется литературной нормой, другие же варианты являются просторечными, устарелыми или же характерными лишь для профессиональной речи; ср.: *зал* (нейтр.) — *зала* (устар.) — *зало* (прост.); *желатин* (нейтр.) — *желатина* (проф.).

Особые затруднения могут возникнуть при определении рода несклоняемых существительных. Чтобы избежать этих затруднений, нужно запомнить несколько правил:

1. Род заимствованных одушевленных существительных прямо соотносится с биологическим полом называемого существа: *рефери* (м. р.); *мисс*, *леди* (ж. р.).

2. Заимствованные неодушевленные существительные, как правило, среднего рода: *кашине*, *пальто*, *портмоне* и др.; исключения: *кофе* (не только ср. р., но и, в речи старшего поколения, м. р.), *хинди*, *суахили* (названия языков — м. р.), *авеню* (ж. р.).

3. Род несклоняемых географических названий соотносится с родом соответствующего нарицательного существительного: *Торонто*, *Тбилиси* (обозначения городов — м. р.); *Онтарио* (название озера — ср. р.); *Миссисипи* (река — ж. р.).

4. Род несклоняемых аббревиатур обычно соответствует роду главного слова того словосочетания, которое положено в основу аббревиатуры: *МОК* (м. р.: *Международный олимпийский комитет*), *АТС* (ж. р.: *автоматическая телефонная станция*).

§ 210. Словоизменительные категории имени существительного

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Число — это словоизменительная категория существительных, при помощи которой благодаря противопоставлению соотносительных форм единственного и множественного числа выражаются грамматические значения единичности/множественности предметов: *конь — кони, поезд — поезда, весло — вёсла, тетрадь — тетради*.

Говоря о значении множественности как грамматическом значении форм множественного числа, нужно иметь в виду, что это обычно так называемая *расчлененная*, несобирательная множественность — каждый из множества предметов представлен как бы сам по себе, отдельно от других предметов. Смысловым оттенком расчлененности грамматические формы множественного числа отличаются по значению от собирательных существительных, служащих для называния нерасчлененного, собирательного (совокупного) множества предметов, которые представляют собой некую неделимую целостность. Ср.: *Не пылит дорога, не дрожат листы...* (М. Лермонтов). — *Из окон через листву сирени падал свет на белую дорожку* (В. Вересаев).

Основным средством формально-грамматического выражения морфологической категории числа являются окончания существительного: *дорога — дороги, окно — окна*.

Кроме того, если в тексте от существительного зависит согласуемая форма прилагательного, причастия, а также личная форма глагола, то форма числа существительного выражается и синтагматическими средствами, в словосочетании — числовыми окончаниями зависящих от данного существительного слов: *наша дорога — наши дороги; новый учебник — новые учебники; студент пишет — студенты пишут*. Для несклоняемых существительных синтагматический способ выражения числа является единственным: *красивое пальто висело — красивые пальто висели*.

Имеются и дополнительные способы выражения числовых значений:

1) чередование фонем в основе существительного: *сосед — соседи* (/д/||/д'/), *колено — колени* (/н/||/н'/), *чёрт — черти* (одновременно чередуются гласные /о/||/е/ и согласные /т/||/т'/);

2) усечение, наращение или чередование основообразовательных суффиксов в разных числовых формах существительного: *крестьянин — крестьяне, брат — братья (брат'-j-a), сын — сыновья (сын-овj-a), котёнок — котята, хозяин — хозяева;*

3) мена ударения: *о́зеро — озёра, окно́ — о́кна;*

4) супплетивизм (использование основ с разными корнями при образовании числовых форм одного слова): *ребёнок — дети, человек — люди.*

В реальном тексте обычно взаимодействуют сразу несколько средств выражения грамматического числа. Например: *В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нем, казались под ними малы, как жилища под деревьями в тропических странах* (И. Бунин). В этом предложении дважды употреблена форма множественного числа слова *дерево*: *деревья* (И. п.) и *деревьями* (Т. п.). Противопоставление числовых форм этого слова (*дерево — деревья*) выражено прежде всего окончаниями существительного (например, И. п. ед. ч.: -о, И. п. мн. ч.: -а), а также дополнительными средствами, характеризующими словоизменение данного слова: а) меной ударения (в формах ед. ч. ударение падает на первый слог, а в формах мн. ч. — на второй слог); б) наращением суффикса -j- в формах мн. ч.: *деревья (-j-a)*; в) чередованием последней согласной фонемы в корне по признаку твердости/мягкости: *дерево, дерева, дереву... — дерев'-j-a, дерев'-j-ев, дерев'-j-ами...* Кроме того, в приведенном отрывке из художественного текста число выражено и синтагматически, т. е. окончаниями зависящих от данного существительного слов: *деревья были велики* (ср. в ед. ч.: *дерево было велико*).

Далеко не все существительные имеют формы обоих чисел. Существительные, не имеющие форм множественного числа, — это слова *singularia tantum*, что в переводе с латинского означает 'только формы ед. ч.'. К числу существительных *singularia tantum* относятся:

многое отвлеченные существительные: *смех, тишина, перемирие;*

большинство вещественных существительных: *олово, молоко, горчица;*

собирательные существительные типа *листва, пролетариат, человечество;*

имена собственные: *Енисей, Крым, Зевс* и др. (к последней группе примыкают названия ряда спортивных и иных игр: *футбол, хоккей, преферанс*).

Существительные, не имеющие формы единственного числа, называются словами *pluralia tantum* ('только формы мн. ч.'). К ним относятся:

некоторые отвлеченные существительные: *поминки, переговоры, хлопоты*;

ряд вещественных существительных: *духи, сливки, чернила*;

собирательные существительные: *деньги, джунгли, финансы*;

многие имена собственные: *Альпы, Лужники, Мытищи*; сюда же примыкают и названия детских и спортивных игр: *казаки-разбойники, прятки, пятнашки, шахматы* и др.;

особую группу слов *pluralia tantum* составляют конкретные существительные: *брюки, джинсы, ворота, ножницы, сани* и др.

Сравнив существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum*, нетрудно заметить, что образованию соотносительных числовых форм в обоих случаях препятствует один и тот же фактор — особенности лексической семантики существительного, т. е. принадлежность имени к лексико-грамматическим разрядам существительных отвлеченных, вещественных, собирательных или собственных.

Конкретные же существительные обычно имеют обе числовые формы: *булка — булки, стол — столы, озеро — озёра*. Исключение составляют лишь немногочисленные слова *pluralia tantum* типа *брюки, сани*; эти существительные обозначают предметы, имеющие сложное, нередко парное строение (ср.: *брюки, ворота, очки, ножницы*); у многих из них некогда существовала форма единственного числа, которая с развитием языка была утрачена.

От некоторых существительных *singularia tantum* в профессиональном языке, в разговорной речи и языке поэзии иногда образуется, вопреки отмеченной выше закономерности, форма множественного числа. В таком случае она имеет некоторые семантические особенности по сравнению с формой множественного числа конкретных существительных.

Если форма множественного числа образуется от отвлеченных существительных, то она имеет более конкретное значение по сравнению с формой единственного числа и указывает на множество форм проявления отвлеченного понятия, обозначаемого основой данного слова; ср.: *мощность завода* (величина его производительной способности) — *мощности завода* (конкретные цеха, стан-

ки, складские помещения и пр., в которых реализуется мощностъ предприятия); *красота города* (его свойство) — *красоты города* (исторические памятники, скверы и т. п., т. е. все то, в чем проявляется красота данного города).

Если форма множественного числа образуется от **вещественных** существительных, то она указывает на множество **сортов** данного вещества: *продаются воды — минеральная и фруктовая* — или же на большие **массы** или **объемы** вещества: *пески пустыни, воды океана*.

Если форма множественного числа образуется от **имен собственных**, то она может указывать не только на расчлененное множество одноименных предметов: *«Запорожцы», Иваны*, но и на **собирательную** совокупность лиц, связанных родственными отношениями: *Строговы, Форсайты*, на определенный социально-психологический **тип** людей: *Чацкие, Маниловы, геростраты*.

Итак, образование формы множественного числа от отвлеченных, вещественных и собственных существительных нередко служит для передачи более сложных смысловых отношений, нежели простое указание на множественность предметов.

Хотя у каждой числовой формы есть свои собственные, присущие именно ей значения — ‘единичность’ как категориальное значение формы ед. ч. и ‘(расчлененная) множественность’ как категориальное значение формы мн. ч., в некоторых случаях — обычно в экспрессивной речи — вместо формы множественного числа используется форма единственного числа и наоборот. Случаи подобного переносного употребления числовых форм можно наблюдать, например, в следующих контекстах:

а) *Пусть все откроют учебник и выучат правило* — в предложениях такого типа форма единственного числа *учебник* указывает на реальную множественность предметов (это так называемое ‘единственное число дистрибутивное’, т. е. распределительное).

б) *Ягода в этом году обильная; Студент теперь знающий*. Единственное число, как видно из этих примеров, может иметь значение собирательной или обобщенной множественности.

Напротив, множественное число может быть использовано для передачи значения единичности, типичного для форм единственного числа. Таково множественное число ‘гиперболическое’, служащее для экспрессивного обозначения единичности предмета: *Соседка опять на курорты поеха-*

ла (прост.); Чему его только в институтах учили... (прост.); Наши депутаты опять по Парижам и Лондонам разъехались (из газет). Форма множественного числа, указывая на реальную единичность называемого существительным предмета, одновременно передает и негативное субъективно-оценочное значение, говорящий таким образом выражает свое отрицательное отношение к предмету речи — соседке, депутатам и т. д.

В древнерусском языке кроме форм единственного и множественного числа была особая форма *д в о й с т в е н н о г о* числа, указывающая на парное множество предметов. К XIII в. эта форма как равноправный элемент категории числа исчезла, тройное противопоставление ('единичность' — 'двойственность' — 'множественность') было заменено на бинарное противопоставление 'единичность' — 'множественность'. Однако в современном русском языке сохранились некоторые грамматические особенности, которые чисто формально напоминают об утраченном в ходе развития языка двойственном числе:

1) окончание *-а* в форме именительного падежа множественного числа слов мужского рода: *бока́, рога́, рукава́* (по происхождению это окончание формы двойственного числа);

2) окончание *-и* в форме именительного падежа множественного числа слов среднего рода: *очи, плечи, уши*;

3) особая по характеру ударения форма родительного падежа единственного числа (так называемая *счетная форма*), образуемая у некоторых существительных мужского рода, когда они сочетаются с количественными числительными *полтора, два, оба, три, четыре*: *полтора часа́* (ср. с обычной формой Р. п. того же слова: *половина часа́*), *два шага́* (ср.: *нет ша́га*), *три ряда́* (ср.: *вдоль ря́да*) и др.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Падеж — это словоизменительная категория существительных, выражающая то или иное отношение предмета, обозначаемого существительным, к другим предметам, а также к действиям, признакам.

В современном русском языке категория падежа образуется противопоставлением шести падежей: именительного (И.), родительного (Р.), дательного (Д.), винительного (В.), творительного (Т.) и предложного (П.).

Именительный падеж, представляющий собой основную, словарную форму имени, называется **прямым падежом**.

остальные падежи — косвенными. Именительный падеж никогда не употребляется с предлогом, предложный падеж никогда не выступает без предлога; остальные падежи употребляются как с предлогами, так и без них. У каждого косвенного падежа есть свой набор предлогов.

Один и тот же падеж в зависимости от контекста и от лексического значения существительного может выражать разные значения. Существуют четыре основных типа падежных значений:

1) **субъектное** значение, связанное с указанием на производителя действия (*студент учится, самолет летит*) или носителя признака (*дерево высокое, телевизор испорчен, отцу сорок лет*);

2) **объектное** значение, связанное с указанием на объект, т. е. на тот предмет, на который направлено действие или отношение (*строить дом, уважать учителя, руководить лабораторией*);

3) **обстоятельственное** (адвербиальное) значение, связанное с указанием на время, место, причину, образ действия и иные обстоятельства осуществления действия (*приехать вечером, идти через лес, расплакаться от огорчения, стоить рубль*);

4) **определятельное** (атрибутивное) — указание на признак предмета, в том числе и предикативный (*пиджак в клетку, мать-старушка, сын — студент, брат был рабочим*).

Падежные формы существительного с субъектным и объектным значением участвуют, обычно вместе с предикативными формами глагола, в формировании грамматической основы предложения: *Бушует снежная весна* (А. Блок); *Москва завалена арбузами* (А. Вознесенский); *Охотник увидел оленя*.

Если же падежная форма существительного (или предложно-падежная конструкция) имеет обстоятельственное или определятельное значение, то она обычно используется в другой функции — для уточнения, распространения, конкретизации синтаксической структуры предложения: *Ранним утром охотник увидел оленя редкой красоты*.

Почти каждый падеж способен выражать каждое из четырех указанных выше видов значений.

Именительный падеж имеет значения:

1) субъектное: *Учитель работает; Москва — столица;*

2) объектное: *Автомобиль собираются квалифицированными рабочими;*

3) определятельное: *город-герой; Москва — столица;*

4) обстоятельственные, которые реализуются обычно не на уровне предложения, а в связном тексте. Ср.: *Москва. Кремль* (в конце указа за подписью главы государства; формы И. п. указывают место создания государственного акта).

Косвенные падежи по своему употреблению делятся на приглагольные и приименные (винительный падеж бывает только приглагольным). Рассмотрим основные значения беспредложных косвенных падежей.

Родительный приглагольный имеет значения:

1) субъектное (при глаголе *быть* с отрицанием или его эквиваленте *нет*): *не было знаний, нет денег* (ср.: *знания были, деньги есть*);

2) объектное (при глаголах со значением лишения, удаления или же, напротив, приближения, достижения): *лишиться стипендии, избегать друзей; коснуться стены, достичь берега*; это же значение В. п. имеет также в конструкциях при всех переходных глаголах с отрицанием: *не иметь книг, не прочитать журнала*;

3) обстоятельное — ср. конструкции с «родительным даты»: *Это случилось третьего апреля*.

Родительный приименный имеет значения:

1) субъектное (при отглагольных существительных): *пение артиста, бег иноходца* (ср.: *артист поёт, иноходец бежит*);

2) объектное (также при отглагольных существительных): *охрана природы, строительство дома* (ср.: *охранять природу, строить дом*);

3) определительное: *крыша дома, человек большого ума*.

Дательный приглагольный имеет значения:

1) субъектное: *сыну 20 лет*; ср. также в безличных предложениях: *отцу не спится, студентам весело*;

2) объектное: *верить другу, помогать соседу*; разнообразно объектного значения является значение косвенного объекта, или адресата, — самое характерное значение этого падежа: *передать что-л. брату, написать матери*.

Дательный приименный часто имеет определительное значение: *памятник Пушкину*.

Винительный падеж имеет значения:

1) субъектное: *большого знобит; пассажиров автобуса мутило*;

2) объектное: *читать книгу, петь песню*;

3) обстоятельственное: *объездить всю Сибирь, читать целый день.*

Творительный приглагольный имеет значения:

1) субъектное: *Автомобили были собраны квалифицированными рабочими;*

2) объектное: *восхищаться героем, заведовать продовольственной базой, руководить факультетом;*

3) обстоятельственное: *ехать лесом, гулять вечерами, прославиться героизмом;*

4) определительное (предикативное): *Гагарин был первым в мире космонавтом.*

Творительный применный имеет значения:

1) субъектное: *открытие Америки Колумбом* (ср.: *Колумб открыл Америку*);

2) определительное: *Богатырь ты будешь с виду и как душой* (М. Лермонтов).

Таковы основные значения русских падежей, употребленных в конструкциях без предлогов. Если падежная форма употреблена в составе предложно-падежной конструкции, она анализируется вместе с предлогом и способна выражать те же значения, что и соответствующая беспредложная форма, ср.: *уважать друга* (В. п. имеет объектное значение) и *верить в друга* (конструкция «предлог в + форма В. п.» имеет то же самое объектное значение).

Предложный падеж употребляется лишь в составе предложно-падежных конструкций.

Предложный приглагольный падеж имеет следующие значения:

1) объектное (изъянительное): *говорить о науке, сознаваться в ошибке;*

2) обстоятельственное: *отдыхать на юге, читать при лампе;*

3) определительное: *Иванов состоял в помощниках* (ср.: *был помощником*); *Счастье — в любимой работе* (ср.: *Счастье — это любимая работа*).

Предложный применный обычно имеет определительное значение: *статья о науке; дом в деревне.*

§ 211. Типы склонения существительных

Один и тот же падеж у разных существительных бывает выражен разными окончаниями. Например, винительный падеж единственного числа слова *страна* выражен оконча-

нием -у: *страну*; у слова *студент* та же падежная форма выражена окончанием -а: *студента*, а у слова *степь* — нулевым окончанием: *степ'*(*ø*). Подобные различия наблюдаются и в других падежах.

Разряды существительных, имеющих одинаковые падежные окончания, называются типами склонения (или склонениями). Например, слова *страна*, *школа*, *книга*, *юноша* относятся к одному склонению, а слова *страна*, *студент*, *степь* — к разным склонениям. Тип склонения — это постоянный формально-грамматический признак существительного.

Наиболее последовательно разные склонения противопоставлены в единственном числе. В процессе развития русского языка формы множественного числа разных склонений унифицировались, поэтому в форме множественного числа у слов разных склонений нередко используются одинаковые падежные окончания:

И. юноши (1-е скл.)	шалаши (2-е скл.)	мыши (3-е скл.)
Р. юношей	шалашей	мышей

Особенно последовательно унифицированы падежные окончания в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа, где разные типы склонения вообще не противопоставлены одно другому:

Д. <i>странам, студентам, степям;</i>
Т. <i>странами, студентами, степями;</i>
П. (<i>o</i>) <i>странах, студентах, степях.</i>

Отсутствие четкого противопоставления склонений во множественном числе приводит к тому, что слова *pluralia tantum* типа *сани* не могут быть отнесены к какому-то определенному типу склонения; при морфологическом анализе тип склонения таких существительных не указывается.

Основу системы склонений существительных составляют три продуктивных склонения, которыми охвачено большинство русских существительных; новые существительные обычно включаются в один из этих типов склонения.

К 1-му склонению относятся существительные женского рода с окончанием -а/-я в форме именительного падежа единственного числа типа *страна*, *земля*, *армия*, немногочисленные существительные мужского рода типа *дядя*, *юноша* и слова общего рода типа *егоза*, *задира*, *забияка*.

И. страна	земля	армия	юноша	задира
Р. страны	земли	армии	юноши	задиры
Д. стране	земле	армии	юноше	задире
В. страну	землю	армию	юношу	задиру
Т. страной	землёй	армией	юношей	задирой
П. (о) стране	земле	армии	юноше	задире

В зависимости от характера основы (оканчивается она на твердую или мягкую фонему) выделяются твердая (типа *страна*) и мягкая (типа *земля, армия*) разновидности 1-го склонения. Необходимо отметить, что, хотя в написании окончаний твердой и мягкой разновидностей склонения наблюдаются различия, фонемный состав окончаний одинаков: И. *стран-а, земл'-а*; Т. *стран-ой, земл'-ой*.

В формах дательного и предложного падежей происходит смягчение основ твердой разновидности склонения: *стран'-е, трав'-е* (ср. с существительным мягкой разновидности того же склонения: *земл'-е*). В этих же падежных формах существительные мягкой разновидности склонения с основой на *-и/-* (типа *армия*) имеют окончание *-и*: *армии, революции*. Если перед *-и-* в конце основы нет фонемы */и/* (*гостья, бегунья, фья, заплата, статуя* и др.), то такие существительные по общему правилу имеют окончание *-е*: *гостье, фее*.

У слов типа *рука, нога, гречиха* (с основами на задненёбные */к/, /г/, /х/*) происходит смягчение основы в формах падежей дательного и предложного, но и родительного падежа: *рук'-и, ног'-и, гречих'-и* (ср. *земл'-и*).

В словах типа *юноша, лужа, роца* (с основами на твердые и мягкие шипящие */ш/, /ж/, /ш:'/*) характер основы при склонении не меняется, но написание окончаний соответствует образцам то твердой, то мягкой разновидности склонения. Например, в формах именительного и винительного падежей используются соответственно окончания *-а, -у*: *юноша, юношу* (ср. с твердой разновидностью склонения: *страна, страну*); в форме родительного падежа — окончание *-и*: *юноши* (как у слов мягкой разновидности склонения типа *земли*). В форме творительного падежа пишется ударное окончание *-ой*: *душой, межой, пращой* (по образцу твердой разновидности склонения) — или безударное *-ей*: *юношей, кожей, рощей* (как у слов мягкой разновидности). Этому же правилу подчиняется написание окончания творительного падежа слов с основами на */ц/*: *овцой, но улицей*.

У всех существительных 1-го склонения возможны варианты окончания формы творительного падежа: *-ой/-ей* и *-ою/-ею*. Основным окончанием является *-ой/-ей*, окончание же *-ою/-ею* воспринимается как книжное и в разговорной речи не употребляется, хотя достаточно широко используется в поэзии: *Скрылась за рекою белая луна* (С. Есенин).

Множественное число

И. страны	земли	армии	юноши	задиры
Р. стран	земель	армий	юношей	задир
Д. странам	землям	армиям	юношам	задирам
В. страны	земли	армии	юношей	задир
Т. странами	землями	армиями	юношами	задирами
П. (о) странах	землях	армиях	юношах	задирах

В форме именительного падежа у существительных твердой разновидности склонения (*страны*) окончание *-ы*, у слов мягкой разновидности (*земли, армии*), а также с основами на /к/, /г/, /х/, /ш/, /ж/, /ш:’/ (*руки, серьги, черемухи, юноши, лужи, рощи*) — окончание *-и*.

В форме родительного падежа обычно употребляется нулевое (*-ø*) окончание: *стран-ø, армий-ø, рук-ø*. При этом если на конце основы наблюдается сочетание согласных, то часто появляются «беглые» гласные: *земли — земель, каски — касок, нитки — ниток* (ср., однако, основы без «беглых» гласных: *банды — банд, волны — волн, парты — парт*). Для слов типа *статья, шалунья* (с основами на /j/, которой предшествует согласная фонема) важно место ударения: если в форме именительного падежа ударение падает на окончание, то перед *-j-* появляется «беглая» гласная *-е*: *статый — статей, скамый — скамей*; если же ударение падает на основу, то пишется «беглая» гласная *-и*: *бегу́нья — бегу́ний, шалу́нья — шалу́ний*.

У существительных с основой на сочетание согласного с /н’/ (типа *песни*) в форме родительного падежа множественного числа перед нулевым окончанием наблюдается не только появление «беглой» гласной, но и отверждение конечного согласного основы: *басен, вишен* (исключение: *барышень, боярышень, деревень, кухонь*). В словах же типа *героиня* (где нет сочетания согласных на конце основы) в форме родительного падежа множественного числа конечный согласный всегда мягкий: *героинь*.

У некоторых существительных форма родительного падежа образуется прибавлением окончания *-ей*: *дядей, пригоршней, распрей, саклей, тихоней, ходулей, юношей* и др.

У слова *свеча* употребительны две формы родительного падежа множественного числа: *свечей* и *свеч*. Вариантные формы родительного падежа возможны также для слов *межа*, *простыня* и др.: *меж* (нейтр.) и *межей* (разг.), *простыней* (нейтр.) и *простынь* (разг.).

Форма винительного падежа множественного числа в зависимости от одушевленности/неодушевленности существительного совпадает, как уже говорилось выше, с формой именительного или родительного падежа: *вижу земли* (у неодушевленных существительных В. п. мн. ч. = И. п.), но *вижу юношей* (у одушевленных существительных В. п. мн. ч. = Р. п.).

К 2-му склонению относятся существительные мужского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа: *стол-∅*, *конь-∅*, *гений-∅* (исключение: разносклоняемое существительное *путь-∅*), а также слова среднего и мужского рода с окончанием *-о(-ѐ)/-е* типа *сел-о*, *жнивѐ (жнивѣ-о)*, *пол-е*, *бытиѐ (бытиѣ-е)*.

Единственное число

И.	<i>стол</i>	<i>конь</i>	<i>гений</i>	<i>село</i>	<i>поле</i>	<i>бытие</i>
Р.	<i>стола</i>	<i>коня</i>	<i>геня</i>	<i>села</i>	<i>поля</i>	<i>бытия</i>
Д.	<i>столу</i>	<i>коню</i>	<i>гению</i>	<i>селу</i>	<i>полю</i>	<i>бытию</i>
В.	<i>стол</i>	<i>коня</i>	<i>геня</i>	<i>село</i>	<i>поле</i>	<i>бытие</i>
Т.	<i>столом</i>	<i>конѣм</i>	<i>гением</i>	<i>селом</i>	<i>полем</i>	<i>бытием</i>
П.	<i>(о) столе</i>	<i>коне</i>	<i>гении</i>	<i>селе</i>	<i>поле</i>	<i>бытии</i>

Как и в 1-м склонении, выделяются две разновидности 2-го склонения существительных — твердая: *стол*, *село* — и мягкая: *конь*, *гений*, *поле*.

Различия в склонении существительных мужского и среднего рода касаются лишь форм именительного и (отчасти) винительного падежей. Существительные среднего рода имеют в этих формах окончание *-о(-ѐ)/-е*: *село*, *жнивѐ*, *поле*. Слова мужского рода, как правило, имеют окончание *-о/-е* лишь после суффиксов субъективной оценки: *домишко*, *домище* (исключение: *подмастерье*); во всех остальных случаях у существительных мужского рода в форме именительного падежа ед. ч. — нулевое окончание: *дом-∅*, *конь-∅*, *гений-∅*.

Одушевленные и неодушевленные существительные мужского рода 2-го склонения имеют разные окончания в форме винительного падежа: *вижу коня* (В. = Р.), но *вижу стол* (В. = И.).

Некоторые существительные мужского рода наряду с формой родительного падежа, образуемой при помощи окончания *-а/-я*, располагают также дополнительной (п а р т и т и в н о й) формой родительного падежа, имеющей количественное значение (значение части целого). Партиитивная форма образуется присоединением окончания *-у/-ю*, ср.: *вкус чая* (выделена форма Р. п. слова *чай*) и *стакан чаю* (то же существительное употреблено в партиитивной форме); *белизна снега* и *намело снегу*. Партиитивную форму родительного падежа с окончанием *-у/-ю* могут иметь следующие существительные мужского рода:

1) вещественные: *йод, сахар, снег, творог, чай, шоколад, яд* (в том числе и уменьшительные: *сахарок, табачок, чаёк*, у которых в форме родительного падежа всегда окончание *-у* и невозможно окончание *-а*);

2) отвлеченные: *блеск, долг, крик, мороз, порядок, убыток, юмор*;

3) слова с собирательным значением: *народ, сброд* и др.

Партиитивная форма не является единственной дополнительной разновидностью формы родительного падежа. У пяти существительных мужского рода *ряд, час, шаг, шар, след* в сочетании с числительными *полтора, два, оба, три, четыре* используется особая с точки зрения ударения «с ч е т н а я» форма родительного падежа: *три ряда́, полтора часа́, четыре шага́* (ср. с обычной формой Р. п.: *нет часа́, шага́* и т. п.); счетная форма восходит к исчезнувшей форме двойственного числа.

Форма творительного падежа от названий населенных пунктов на *-ин, -ов* образуется по общему правилу при помощи окончания *-ом*: *городами Камышином и Ковровом*. При образовании формы творительного падежа от русских фамилий на *-ин, -ов* используется окончание *-ым*, а от иностранных фамилий — окончание *-ом*, ср.: *открытие сделано инженерами Камышиным и Ковровым*, но *теория выдвинута знаменитым английским ученым Дарвином*.

Существительные с основами на *-ий, -ий* в форме предложного падежа имеют окончание не *-е*, как прочие существительные 2-го склонения, а *-и*: *гений — о гении (гении-и), бытие — о бытии (бытии-и)*. У существительных среднего рода с основой на *-й(е)* (без предшествующего *-и*: *жизнь, раздолье*) в форме предложного падежа пишется по общему правилу окончание *-е*: *о житье, о раздолье* (исключение: существительное *забытье*, имеющее две формы предложного падежа — *о забытье, но в забыты*).

У некоторых существительных мужского рода различаются две разновидности формы предложного падежа — «и з ъ я с н и т е л ь н а я», которая образуется с окончанием *-е*: *о б е р е г е*, и «л о к а т и в н а я» («местная»), с ударным окончанием *-ѹ*: *на б е р е г ѹ*. К числу существительных, образующих указанные разновидности предложного падежа, относятся:

1) конкретные существительные: *берег, год, лес, луг, мозг, порт, сад, шкаф*;

2) отвлеченные существительные: *бой, пир, строй*;

3) вещественные существительные: *мед, чай* и др.

Множественное число

И. <i>стола</i>	<i>коня</i>	<i>геня</i>	<i>сѣла</i>	<i>поля</i>	<i>события</i>
Р. <i>столов</i>	<i>коней</i>	<i>гениев</i>	<i>сѣл</i>	<i>полей</i>	<i>событий</i>
Д. <i>столам</i>	<i>коня</i>	<i>гениям</i>	<i>сѣлам</i>	<i>полям</i>	<i>событиям</i>
В. <i>стола</i>	<i>коней</i>	<i>гениев</i>	<i>сѣла</i>	<i>поля</i>	<i>события</i>
Т. <i>столами</i>	<i>конями</i>	<i>гениями</i>	<i>сѣлами</i>	<i>полями</i>	<i>событиями</i>
П. (о) <i>столах</i>	<i>конях</i>	<i>гениях</i>	<i>сѣлах</i>	<i>полях</i>	<i>событиях</i>

Для образования формы именительного падежа используются окончания *-и/-ы, -а/-я, -е*.

При помощи окончания *-и/-ы* образуют форму именительного падежа многие существительные мужского рода: *стола, коня, геня*, а также часть существительных среднего рода: *яблока, плечи, колени*.

Окончание *-а/-я*, которое может быть как ударным, так и безударным, присуще большинству существительных среднего рода: *сѣла, местá*. Это же окончание используется и у некоторых существительных мужского рода:

1) ударное *-а/-я* для существительных *бока, глаза, луга, рукава, учителя* и др.; у многих таких существительных возможны варианты окончания: *тра́кторы* и *тракторá*, *догово́ры* (нейтр.) и *договорá* (разг.), *редáкторы* и *редакто́ра* (профес.);

2) ударное и безударное *-а/-я* для существительных, для которых в форме множественного числа в конце основы характерен основообразовательный суффикс *-ј-*: *брат — братья, друг — друзья, клин — клинья, муж — мужья, сук — сучья*;

3) безударное *-а* для существительных с чередованием или усечением аффиксов в основе: *гусёнок — гусята, чертёнок — чертенята; хозяин — хозяева*.

Окончание *-е* используется для образования формы именительного падежа у существительных мужского рода с усечением части основы в форме множественного числа:

молдаванин — *молдаване*, *крестьянин* — *крестьяне*, *боярин* — *бояре* и др., а также у слова *цыгáн* — *цыгане*.

Форма родительного падежа множественного числа образуется с помощью окончаний *-ов/-ев*, *-ей* и *-ø*. Окончание *-ов/-ев* используется:

1) у существительных мужского рода, относящихся к твердой разновидности склонения: *столов*, *отцов*, *колодцев*;

2) у существительных мужского рода, относящихся к мягкой разновидности склонения с основой на /j/: *боёв*, *каравеев*;

3) у существительных среднего рода на *-к(о)*, *-ик(о)*, *-ц(е)*: *озерков*, *плечиков*, *щупальцев* (разг. *щупалец*);

4) у слова *дерево*, образующего форму множественного числа с наращением *-j-* в основе: *деревьев*.

С окончанием *-ей* образуется форма родительного падежа:

1) у существительных мужского и среднего рода мягкой разновидности склонения (кроме тех, основа которых оканчивается на фонему /j/): *конь* — *коней*, *мяч* — *мячей*, *поле* — *полей*;

2) у существительных мужского рода с основами на /ж/, /ш/: *ножей*, *шалашей*.

Нулевое окончание используется при образовании формы родительного падежа множественного числа:

1) от существительных среднего рода твердой разновидности склонения: *озёр-ø*, *сёл-ø*, *слов-ø*;

2) от некоторых существительных мужского рода с усечением или чередованием суффиксов в основе форм единственного и множественного числа: *молдаванин* — *молдаван-ø*, *хозяин* — *хозяев-ø*, *гусёнок* — *гусят-ø*, *господин* — *господ-ø*;

3) от существительных мужского рода, у которых нет усечения или чередования суффиксов в основе при образовании формы множественного числа: *волос-ø*, *глаз-ø*, *грузин-ø*, *сапог-ø*, *солдат-ø* и др. Если на конце основы наблюдается стечение согласных, то появляется «беглая» гласная: *весло* — *вёсел-ø*, *окно* — *окон-ø*, *ребро* — *рёбер-ø*, *число* — *чисел-ø*.

К 3-му склонению относятся существительные женского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа: *стеня* (*стен'-ø*), *рожья*, *мышья*, *мать*. Твердая и мягкая разновидности этого склонения почти не различаются (расхождения в написании окончаний наблюдаются лишь в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа: *стеням*, *стенями*, *о степях*, но: *мышам*, *мышами*, *о мышах*).

Единственное число

И. <i>степь</i>	<i>мышь</i>	<i>мать</i>
Р. <i>степи</i>	<i>мышь</i>	<i>матери</i>
Д. <i>степи</i>	<i>мышь</i>	<i>матери</i>
В. <i>степь</i>	<i>мышь</i>	<i>мать</i>
Т. <i>степью</i>	<i>мышью</i>	<i>матерью</i>
П. (о) <i>степи</i>	<i>мышь</i>	<i>матери</i>

У существительных 3-го склонения в единственном числе весьма развита омонимия падежных форм: совпадают формы именительного и винительного падежей — *степь*; родительного, дательного и предложного падежей — *степи*.

В основах существительных *мать*, *дочь* формы косвенных падежей (кроме винительного) образуются с наращением в основе суффикса *-ер'*: Р., Д., П. *матери*, *дочери*, Т. *матерью*, *дочерью*.

У слов *бровь*, *кровь*, *даль*, *пыль*, *грудь*, *тень*, *степь*, *горсть* и др. при помощи ударения различаются две формы предложного падежа — «изъяснительная»: о *крóви*, о *стéпи* — и «местная»: на *крóви*, в *стéпи*.

Множественное число

И. <i>степи</i>	<i>мышь</i>	<i>матери</i>
Р. <i>степеней</i>	<i>мышей</i>	<i>матерей</i>
Д. <i>степеням</i>	<i>мышам</i>	<i>матерям</i>
В. <i>степи</i>	<i>мышей</i>	<i>матерей</i>
Т. <i>степенями</i>	<i>мышами</i>	<i>матерями</i>
П. (о) <i>степенях</i>	<i>мышам</i>	<i>матерях</i>

Форма именительного падежа множественного числа у всех существительных 3-го склонения образуется с окончанием *-и*, форма родительного падежа — с окончанием *-ей*.

Большинство существительных 3-го склонения образует форму творительного падежа множественного числа при помощи окончания *-ами/-ями*: *мышами*, *степенями*. Слова *дверь*, *дочь*, *лошадь* имеют окончания *-ами/-ями* и *-ми*: *дверями* и *дверьми*, *дочерьями* и *дочерьми*, *лошадьями* и *лошадьми*, при этом основным окончанием является *-ми*, а формы на *-ами* воспринимаются как разговорно-просторечные. В устойчивых выражениях *бить плетью*, *лечь костью* используется форма творительного падежа от слов *плеть*, *кость* только с окончанием *-ми*.

У слов *мать*, *дочь* во всех формах множественного числа наблюдается наращение в конце основы суффикса *-ер'*: *матери*, *матерей*...; *дочери*, *дочерей*...

Тремя продуктивными типами склонения охвачены далеко не все существительные. Имеются следующие дополнительные образцы склонения:

1. Разносклоняемые существительные — это прежде всего десять существительных среднего рода: *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*.

Они называются разносклоняемыми потому, что при их склонении используются окончания разных склонений:

И. *бремя* (как у существительных 1-го склонения, ср.: *земля*);

Р., Д., П. *бремени* (как у существительных 3-го склонения, ср.: *степи*);

Т. *бременем* (как у существительных 2-го склонения, ср.: *полям*).

Слова *бремя, вымя, пламя, темя* не имеют формы множественного числа. Остальные же слова этой группы образуют падежные формы множественного числа по образцу существительных среднего рода 2-го склонения: И. и В. *знамёна*, Р. *знамён*, Д. *знамёнам* и т. д. (ср.: *сёла, сёл, сёлам*).

Все разносклоняемые существительные рассматриваемого типа при образовании форм косвенных падежей единственного числа (кроме винительного) и в формах множественного числа характеризуются наращением в конце основы суффикса *-ен/-ён-* (*времени, времена, времён*). У слов *семя, стремя* в форме родительного падежа множественного числа основа имеет суффикс не *-ён-*, а *-ян-*: *семян, стремян* (ср.: *времён, знамён*).

Разносклоняемым является и существительное *путь* (м. р.), которое в целом изменяется подобно слову *степь*: И. *путь*, Р. *пути*, Д. *пути*, В. *путь*, П. (о) *пути*; исключение составляет форма творительного падежа единственного числа *путём* (образуемая окончанием *-ом*, графически *-ём* — как у слов 2-го склонения, ср.: *конём*).

Наконец, еще одно разносклоняемое существительное *дитя* (ср. р.) в современном русском языке активно используется лишь в формах именительного и винительного падежей: *Мать и дитя отдыхали; Медсестра успокоила дитя*. Однако это слово имеет и архаичные формы других косвенных падежей (кроме винительного), где основа содержит наращение *-ят-*: Р. и Д. *дитяти*, Т. *дитятею*, П. *о дитяти*. Форм множественного числа это существительное в настоящее время не имеет, так как падежные формы *дети, детей, детям, детьми*, (о) *детях*, ранее входившие в парадигму слова *дитя*, теперь являются супплетивными формами совсем другого слова — *ребенок (дети)*.

2. Существительные, образовавшиеся в результате субстантивации (типа *часовой, мороженое, столовая, командировочные*), образуют падежные формы по образцу склонения прилагательных.

3. Несклоняемые существительные, у которых наблюдается полная омонимия падежных словоформ (*новое пальто, нового пальто, новому пальто* и т. д.), образуют особое, так называемое «нулевое» склонение.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 212. Имя прилагательное как часть речи

Имя прилагательное — это часть речи, выражающая общекатегориальное значение признака предмета в форме грамматической зависимости от существительного: *хороший ученик, мысль интересна, беж был быстрым, лес стал зеленее, талантливейший из студентов, рубашка цвета хаки*.

Для большинства русских прилагательных грамматическая зависимость от существительного заключается в согласовании по грамматическим категориям существительного — по роду: *новый стол, новая школа, новое дело*; одушевленности/неодушевленности: *вижу хороший дом, но хорошего студента*; числу и падежу: *классный журнал — классные журналы; известный писатель, известного писателя, известному писателю*. Однако некоторые прилагательные, например несклоняемые прилагательные типа *беж, хаки, авиа, хинди*, лишены форм согласования и синтаксически подчиняются существительному на основе примыкания.

В предложении прилагательное бывает определением или именной частью составного именного сказуемого: *...Сквозь туман кремнистый путь блестит; ночь тиха* (М. Лермонтов).

§ 213. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных

Отвлеченное грамматическое значение признака предмета выступает в двух разновидностях: **качественный признак** (представляющий собой некое собственное качество данного предмета, не зависящее от свойств других пред-

метов) и относительный признак (выявляемый через отношение данного предмета к другому предмету, явлению и т.п.).

В числе относительных признаков предмета с помощью языковых средств особо выделяется отношение принадлежности предмета лицу (реже — животному), обычно называемое притяжательным отношением. Противопоставление качественных, относительных и притяжательных признаков предмета лежит в основе выделения трех лексико-грамматических разрядов прилагательных — качественных, относительных и притяжательных.

Качественные прилагательные обозначают качества предметов — размер: *большой, высокий, широкий*; форму и положение в пространстве: *прямой, отвесный*; цвет: *пунцовый, красный*; физические характеристики: *тёплый, кислый*; возрастные и физиологические характеристики: *молодой, больной, глухой*; интеллектуальные свойства и черты характера: *умный, весёлый, добрый* и др.

Отличительная черта качественного признака заключается в том, что он может менять свою силу (интенсивность), поэтому характеризует предмет в большей или меньшей степени; ср.: *красивый подарок — более красивый подарок — самый красивый подарок; сильный спортсмен — спортсмен стал сильнее — сильнейший из спортсменов.*

Для качественных прилагательных характерны следующие формальные признаки:

1) способность образовывать краткую форму: *весёлый — весел, храбрый — храбр*;

2) образование форм степеней сравнения: *белый — белее — белейший*;

3) сочетаемость с наречиями меры и степени: *очень умный, весьма хитрый*;

4) вхождение в антонимические пары: *холодный — горячий, больной — здоровый*; при этом антонимы легко образуются прибавлением приставки *не-*: *сладкий → несладкий*;

5) возможность образования прилагательных со значением субъективной эмоциональной оценки: *красивый → красивенький, глупый → преглупый, худой → худющий, здоровый → здоровенный*;

6) способность образовывать отвлеченные существительные: *синий → синева, добрый → доброта, нежный → нежность*;

7) способность образовывать качественные наречия: *веселый → весело, тихий → тихо.*

Не любое качественное прилагательное характеризуется всеми перечисленными признаками. Например, от слова *голубой* не образуется краткая форма; у слов *слепой*, *лысый* нет формы сравнительной степени. Но наличие хотя бы нескольких из перечисленных признаков позволяет считать данное прилагательное качественным, потому что ни один из этих признаков в современной русской языковой системе не характерен для относительных или притяжательных прилагательных.

Относительные прилагательные называют отношения предметов к элементам окружающей действительности — к предметам: *институтское общежитие* (т. е. 'общежитие при институте'); материалам: *нейлоновая куртка* (т. е. 'куртка из нейлона'); временным или пространственным ориентирам: *вчерашний посетитель* ('посетитель, который приходил вчера'), *сибирский хор* ('хор из Сибири'); действиям: *читальный зал* ('зал [в библиотеке], где можно читать [книги и периодику]'), *стиральный порошок* ('порошок, при помощи которого можно стирать [бельё]') и др.

Относительный признак, в отличие от качественного, не может менять свою интенсивность, поэтому и невозможны сочетания относительных прилагательных с наречиями меры и степени (нельзя сказать: **весьма читальный зал*, **очень нейлоновая куртка*). От таких прилагательных не образуются краткие формы, формы степеней сравнения, а также прилагательные со значением субъективной оценки. Они не имеют антонимов, не образуют существительных и наречий с качественным значением. У относительных прилагательных всегда производная основа (в отличие от качественных, которые, как правило, непроеизводны: *белый*, *хороший*, *тёплый*).

Притяжательные прилагательные характеризуются целым рядом формальных и семантических признаков, отграничивающих эту группу от других лексико-грамматических групп прилагательных. Если качественные и относительные прилагательные отвечают на вопрос *какой?*, то для притяжательных есть особое вопросительное слово *чей?*. С семантико-синтаксической точки зрения притяжательные прилагательные синонимичны конструкциям со значением обладания, принадлежности: *Петина книга* = *книга, которую имеет Петя* (*которая принадлежит Пете*); *лисий нора* = *нора, принадлежащая лисе*. Притяжательные прилагательные всегда производны от существительных, для них характерны особые словообразовательные

суффиксы *-ин/-ын-, -ов/-ев-, -ий(-ий-)*: *мамин, сестрицын, отцов, Игорев, лисий*. У притяжательных прилагательных также особая система склонения.

Граница между лексико-грамматическими группами прилагательных подвижна. Одно и то же прилагательное может в своем основном значении быть относительным, а в переносных — качественным или относительным, и наоборот.

Так, относительные прилагательные могут приобретать качественное значение; ср.: *каменный дом* 'сделанный из камня' (относительное значение) и *каменное сердце* 'безжалостное, жестокое', *каменное лицо* 'неподвижное'; два последних значения — качественные, что доказывается, в частности, возможностью образования форм степеней сравнения: *лицо становилось всё более каменным*. Ср. также: *золотые часы* ('сделанные из золота'; относительное значение) и *золотые руки* ('умелые'; качественное значение); *стальные пружины* ('из стали'; относительное значение) и *стальные нервы* ('крепкие'; качественное значение); *малиновый компот* ('из малины'; относительное значение) и *малиновый жилет* ('густо-красный с фиолетовым оттенком'), *малиновый звон* ('приятный, красивый, мягкий по тембру'); два последних значения прилагательного *малиновый* являются качественными.

Многие относительные прилагательные с суффиксом *-ск-* могут употребляться и в притяжательном значении (при этом важно иметь в виду, что они вовсе не переходят в лексико-грамматический разряд притяжательных прилагательных!). Ср.: *Пушкинские чтения* 'памяти Пушкина' (относительное значение) и *пушкинские стихи* 'принадлежащие перу Пушкина' (притяжательное значение); *толстовские настроения* 'как у Льва Толстого' (относительное значение) и *толстовские романы* 'принадлежащие перу Толстого' (притяжательное значение).

Качественные прилагательные в некоторых контекстах могут развивать дополнительные относительные значения; ср.: *глухой человек* (качественное значение) и *глухой звук* 'характеризующийся фонетической глухостью' (относительное значение); *скорый шаг* 'быстрый' (качественное значение) и *скорый поезд* 'отличающийся повышенной скоростью движения и небольшим количеством остановок в пути' (относительное значение).

Притяжательные прилагательные довольно часто используются в относительном значении; ср.: *лисыя нора* (притяжательное значение) и *лисыя шуба* 'из меха лисы' (относи-

тельное значение); *волчья лапа* (притяжательное значение) и *волчья стая* 'стая волков' (относительное значение).

Возможно также проявление у притяжательных прилагательных и качественного значения; ср.: *лисья нора* 'принадлежащая лисе' и *лисья хитрость* 'изощренная' (качественное значение); *медвежья берлога* и *медвежья* ('плохая') *услуга*; *куриные следы* и *куриные* ('глупые, недалекие') *мозги*.

§ 214. Грамматические классы склоняемых и несклоняемых имен прилагательных

По морфологическим свойствам можно выделить два грамматических класса — склоняемых и несклоняемых прилагательных.

Большинство прилагательных — **склоняемые**. Согласуясь с существительными, они изменяются по родам, числам и падежам, а в форме винительного падежа может быть выражена также одушевленность/неодушевленность: (*вижу*) *новый дом*, но *нового ученика*. Кроме того, от склоняемых качественных прилагательных могут образовываться формы степеней сравнения: *новый* — *новее* — *новейший*, а также краткая форма: *новый* — *нов*. Таким образом, склоняемость прилагательного предполагает его изменение по целому ряду морфологических категорий. Словоизменительная парадигма склоняемого прилагательного содержит несколько десятков словоформ.

Несклоняемые прилагательные не имеют словоизменительной парадигмы (или, в другой терминологии, у них «нулевая» парадигма), они всегда выступают в одной и той же форме: *беж, хаки, мини, авиа* и др.

Как и склоняемые прилагательные, они обозначают признак предмета и отвечают на вопрос *какой?* Но они не имеют флексий (в том числе и нулевых) и грамматическое значение признака предмета выражают в примыкании к существительному, подобно прилагательным в языках аналитического типа, например в английском (поэтому русские несклоняемые прилагательные часто называются также **аналитическими**).

Еще одним отличительным синтаксическим признаком склоняемых и несклоняемых прилагательных является позиция, которую они занимают в словосочетании. Склоняемые прилагательные в функции определения обычно предшествуют существительному: *почтовый конверт*, *русский язык*; несклоняемые же прилагательные обычно

употребляются после того существительного, от которого они грамматически и по смыслу зависят: *конверт авиа, язык хинди*.

По происхождению несклоняемые прилагательные могут быть как исконно русскими, так и заимствованными. Например, заимствованы некоторые прилагательные — названия цветов: *хаки* 'коричневый с зеленым оттенком', *беж* 'светло-коричневый с желтоватым или сероватым оттенком', *маренго* 'черный с серым отливом' — и языков: *коми, суахили, хинди*; несклоняемые прилагательные могут принадлежать и другим лексико-семантическим группам: *авиа, мини, миди* и др.

Нужно иметь в виду, что в нашей речи исконно русские, незаимствованные несклоняемые прилагательные, очевидно, встречаются гораздо чаще: *яблоко* (к а к о е?) *покраснее*, *песня* (к а к а я?) *повеселее* и т. д.

В словообразовательном отношении некоторые исконно русские несклоняемые прилагательные производны от других частей речи, чаще всего от наречий, реже от предлогов и числительных; ср. грамматические омонимы: *сварить яйцо всмятку* (к а к? — наречие) — *яйцо всмятку* (к а к о е? — прилагательное); *бежать наперегонки* (к а к? — наречие) — *бег наперегонки* (к а к о й? — прилагательное); *остановиться напротив дома* (слово *напротив* обозначает синтаксическое отношение и является предлогом) — *Он живет в доме напротив* (в к а к о м? — слово *напротив* является здесь прилагательным, ср.: *в соседнем доме*). Ср. также несклоняемые прилагательные, образованные от количественных числительных: *восемьдесят олимпиад* (с к о л ь к о? — числительное) — *олимпиада-восемьдесят* (к а к а я? — прилагательное); *два космонавта* (с к о л ь к о? — числительное) — *космонавт-два* (к а к о й? — прилагательное).

Иногда неизменяемые слова в сочетаниях типа *яйцо всмятку, бег наперегонки* рассматриваются как наречия. Это не вполне корректно, поскольку слова *всмятку, наперегонки* обозначают в подобных контекстах не признак действия, а признак предмета (напомним, что грамматическим значением предметности характеризуются и существительные типа *бег*). Поэтому было бы логично вслед за А. А. Шахматовым все слова с частеречным значением 'признак предмета' (включая и производные от наречий несклоняемые слова с определительным значением) характеризовать как прилагательные.

§ 215. Морфологические категории имен прилагательных

Для прилагательных современного русского языка характерна система из шести морфологических категорий. Это категории полноты/краткости, степеней сравнения, рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа.

Все перечисленные категории являются словоизменительными. При этом категории полноты/краткости и степеней сравнения являются такими категориями имен прилагательных, которые не отражают каких-то грамматических признаков существительного (это «собственные» категории прилагательного), тогда как категории рода, одушевленности/неодушевленности, числа и падежа прилагательных полностью зависят от соответствующих категорий существительных, так как прилагательные согласуются с существительными по указанным признакам.

КАТЕГОРИЯ ПОЛНОТЫ/КРАТКОСТИ

Эта категория реализуется только в разряде качественных прилагательных и образуется противопоставлением двух форм — полной и краткой — одного и того же прилагательного: *белый* — *бел*, *старый* — *стар* и т. п. Для образования краткой формы нужно прибавить к основе качественного прилагательного особые окончания — *-ø* (м. р.), *-а/-я* (ж. р.), *-о/-е* (ср. р.), *-ы/-и* (мн. ч.): *весёлый* — *весел(ø)*, *весела*, *весело*, *веселы*; *синий* — *синь(ø)*, *синя*, *сине*, *сини*.

Если на конце основы есть сочетание согласных с /н/ или /к/, то при образовании формы мужского рода единственного числа появляется «беглая» гласная: *тонкий* — *тонок*, *полный* — *полон*, *горький* — *горек*, *трудный* — *труден*. Перед другими согласными «беглая» гласная обычно не появляется: *быстр*, *смугл*, *толст* (исключение: *долог*, *кисел*, *остёр*, *светел*, *хитёр*). У прилагательных с основами на *-ени-* (*болезненный*, *искусственный*, *легкомысленный*, *многочисленный* и др.) в форме мужского рода происходит усечение *-н*: *болезнен* (ср.: *болезненна*, *болезненны*), *искусствен*. Для прилагательных *безнравственный*, *ответственный*, *своевременный*, *свойственный* и др. допустимы варианты: *ответствен* и *ответственен*, *свойствен* и *свойственен*, причем усеченная краткая форма мужского рода используется все чаще.

Большинство качественных прилагательных имеет обе формы — полную и краткую. Однако многие качественные прилагательные имеют только полную форму, от них невозможно образовать краткую форму. К числу подобных прилагательных относятся:

1) названия некоторых цветов: *коричневый, кофейный, кремовый*, а также мастей животных: *вороной, каурый, пегий* и др.;

2) слова с суффиксами субъективной оценки: *длиннющий, зелёнький, толстенный*;

3) слова с суффиксами *-ск-, -ов-/ев-, -н-* (по происхождению — из относительных прилагательных): *братский привет, товарищеская встреча, передовой работник, боевой парень, клязуное письмо*;

4) некоторые другие виды качественных прилагательных: *давний, порожний, прежний, борзой, чужой* и др.

От прилагательного *маленький* краткая форма образуется с усечением в основе суффикса *-еньк-*: *маленький* — *мал, мала, мало, малы*, а от прилагательного *большой* краткая форма образуется супплетивно: *большой* — *велик, велика, велико, велики*.

Только краткую форму имеют прилагательные *горазд, должен, рад, надобен, великоват, маловат, одинёхонек (одинёшенек), радёхонек (радёшенек)* и др.

В ряде случаев лексические значения полной и краткой форм расходятся настолько значительно, что можно говорить о чисто формальном сходстве разных прилагательных, одно из которых имеет только полную форму, а другое — только краткую; ср.: *видный учёный* 'известный' и *дом виден* 'доступен зрению'; *вольный ветер* 'свободный' и *он волен* ('имеет право') *поступить, как ему хочется*; *способный к математике* 'одаренный, обладающий способностями' и *способен на всё* 'может сделать всё что угодно'.

Краткая и полная формы прилагательного различаются своими морфологическими (словоизменительными), стилистическими, семантическими и синтаксическими особенностями.

В словоизменительном плане важно подчеркнуть, что краткая форма, в отличие от полной, не изменяется по падежам, хотя в древнерусском языке она тоже склонялась, и это отражено в ряде устойчивых выражений, дошедших до наших дней: *на босу ногу, от мала до велика, середь бела дня* и др.

Краткая форма прилагательного во многих случаях (ср.: *День был жарок*) воспринимается как несколько книжная.

поэтому в разговорной речи она нередко заменяется полной формой того же прилагательного: *День был жаркий*.

В большинстве случаев значения полной и краткой форм совпадают (ср.: *он сед* — *он седой*). Иногда же краткая форма по значению несколько отличается от полной:

1) краткая форма может обозначать временный признак предмета, а полная — его постоянный признак: *ребёнок болен* (теперь) — *ребёнок больной* (по природе); *девушка спокойна* (в данный момент) — *девушка спокойная* (всегда);

2) краткая форма может указывать на чрезмерность проявления признака: *мать стара* 'очень, слишком старая', *рубашка пестра* 'чрезмерно', *юбка узка*, *брюки коротки*, *пиджак мал*.

Однако эти номинативные различия не являются обязательными для всех прилагательных. При анализе смыслового соотношения полных и кратких форм прилагательных более существенными являются особенности грамматического значения, связанные с отличиями в синтаксическом употреблении полной и краткой форм одного и того же прилагательного. Именно эти обязательные смысловые отличия и позволяют говорить не просто о формальном соотношении словоформ типа *веселый* — *весел*, а о соотношении формально-смысловом, лежащем в основе особой морфологической категории имен прилагательных.

Для установления синтаксической значимости полных и кратких форм важно иметь в виду, что в предложении краткая форма всегда является именной частью составного именного сказуемого: *Ты сер, а я, приятель, сед* (И. Крылов); полная же форма может употребляться как для образования сказуемого, так и в функции определения: *День был жаркий/жарким*; *Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться...* (И. Крылов).

Различение полной и краткой форм используется в языковом механизме для указания на устанавливаемый говорящим смысловой «р а н г» признака предмета в ряду однородных признаков того же предмета, названных в данном предложении.

Так, в предложении *Учительский дом был красив* формой *красив* обозначен г л а в н ы й с точки зрения говорящего признак предмета, а формой *учительский* — в т о р о с т е п е н н ы й, менее значимый для смысловой организации данного предложения признак того же предмета. Именно поэтому прилагательное, называющее этот второстепенный признак, легко может быть устранено из предложения без разрушения общего характера синтаксической конструк-

ции: *Дом был красив*, тогда как без прилагательного, обозначающего главный признак в смысловой организации предложения, это предложение утрачивает свои основные свойства или даже разрушается как синтаксическая единица: *Учительский дом был...*

Как только говорящий захочет поменять смысловой ранг названных в предложении признаков предмета, он перестроит предложение, в чем ему поможет иное соотношение полных и кратких форм прилагательных: *Красивый дом был учительским*.

Итак, в противопоставлении полной и краткой форм прилагательного краткая форма всегда называет основной признак предмета из ряда указанных в данном предложении признаков. Полная же форма имеет более широкие возможности, поскольку может обозначить как дополнительный признак предмета (*Весёлая девочка была красива*), так и основной признак того же предмета (*Весёлая девочка была красивой / разг. красивая*). Подобный тип смыслового противопоставления (когда один член оппозиции несет вполне определенную информацию, а другой — менее определенную) очень часто встречается в грамматике (см., в частности, выше о смысловом соотношении членов родовой пары существительных типа *лев — львица, студент — студентка*; при характеристике смыслового противопоставления совершенного и несовершенного вида глагола мы вновь будем говорить об этом типе смысловой оппозиции).

КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ

Для качественных прилагательных характерна словозменительная категория степеней сравнения, образуемая формами положительной, сравнительной и превосходной степеней (сравнительная степень часто называется *компаративом*, а превосходная — *суперлативом*).

Положительная степень сама по себе не выражает значения сравнения (*высокий дом, красивая роща*), но она очень важна для данной категории, так как только при сравнении с положительной степенью реализуется грамматическое значение сравнительной и превосходной степеней.

Сравнительная степень показывает, что обозначаемый прилагательным признак характерен для данного предмета в большей степени, чем для другого: *Эта роща красивее, чем та; Наш дом выше вашего*. Кроме того, благодаря форме сравнительной степени мы можем сопоставлять проявление данного признака у одного и того же предмета в раз-

личные периоды его существования: *Сегодня эта рожа отчего-то красивее, чем обычно; Наш дом стал казаться еще выше.*

Превосходная степень показывает, что выражаемый прилагательным признак характерен для данного предмета в самой высокой степени по сравнению со всеми сопоставляемыми предметами: *красивейший из подарков, самый высокий дом в городе.*

Формы сравнительной и превосходной степеней могут быть как синтетическими, так и аналитическими.

Синтетическая (простая) форма сравнительной степени образуется путем прибавления к основе прилагательного словоизменительных суффиксов *-ее/-ей, -е:* *сильный — сильнее (разг. сильней), милый — милее, громкий — громче, дорогой — дороже, сухой — суше* (с чередованием согласных в основе). Значительно реже используется суффикс *-ше:* *старый — старше, ранний — раньше.* Если на конце основы прилагательного есть суффикс *-к-* или *-ок-*, то он часто при образовании простой формы компаратива усекается: *близкий — ближе, широкий — шире, далекий — дальше.*

Следует запомнить особенности образования простой формы сравнительной степени у некоторых прилагательных. От прилагательного *глубокий* компаратив образуется прибавлением к усеченной основе нерегулярного словоизменительного суффикса *-же:* *глубокий — глубже.* От прилагательных *хороший, плохой, маленький* образуются супpletивные формы компаратива: *лучше, хуже, меньше.*

Синтетическая форма компаратива образуется не от всех качественных прилагательных; ее нет у прилагательных с основой на */ш:/, /ж/:* *нищий, дюжий.* Иногда образованию формы компаратива препятствует значение прилагательного. Так, не образуют форму компаратива прилагательные с «абсолютным» качественным значением, не допускающим предположения о большей или меньшей степени проявления признака: *лысый, мёртвый, слепой* и т. п., а также прилагательные с семантикой субъективной оценки качества: *преогромный, тёмненький* и др.

Аналитическая (составная) форма сравнительной степени образуется при помощи вспомогательных слов *более, менее:* *более высокий, менее гордый.*

По значению аналитическая форма компаратива отличается от синтетической формы, так как может обозначать не только большую, но и меньшую степень интенсивности признака: *более красивый, менее красивый* (ср.: *красивее*).

И синтаксические функции у аналитической формы компаратива являются более широкими; если простая форма может быть только сказуемым, то составная форма бывает как сказуемым, так и определением: *Дом был выше, чем сарай; Дом был более высокий, чем сарай; Мы предпочли более удобные места.*

Аналитическая форма компаратива может быть образована практически от любого качественного прилагательного, однако является несколько книжной, и в разговорной речи предпочтение отдается синтетической форме компаратива.

Синтетическая (простая) форма превосходной степени образуется прибавлением словоизменятельных суффиксов *-ейш-*, *-айш-* (последний — только к основам, оканчивающимся на согласные фонемы /к/, /г/, /х/): *красивый — красивейший, умный — умнейший; тонкий — тончайший, строгий — строжайший, тихий — тишайший.*

Аналитическая (составная) форма суперлатива образуется практически от всех качественных прилагательных, причем несколькими способами:

1) прибавлением вспомогательного слова *самый* к форме положительной степени прилагательного: *самый добрый;*

2) прибавлением также к форме положительной степени прилагательного вспомогательных слов *наиболее, наименее*: *наиболее высокий, наименее сложный;*

3) прибавлением к синтетической форме компаратива вспомогательного слова *всего* (если предмет неодушевленный) или *всех* (если предмет одушевленный): *всего дороже сон, ребёнок был всех добрее.*

По значению и употреблению разные формы суперлатива отличаются одна от другой. Наиболее распространенной является аналитическая форма со служебным словом *самый*; эта форма употребляется в роли определения и именной части сказуемого: *Самый старательный ученик вышел к доске; Ученик был самым старательным в классе.* Формы типа *умнее всех (всего)* используются только как сказуемое. Формы со служебными словами *наиболее, наименее* являются самыми широкими по значению, так как обозначают не только высшую, но и низшую степень проявления признака; однако эти формы употребляются только в деловом и научном стилях.

Синтетические формы суперлатива (*умнейший, высочайший* и т. п.) кроме своего основного значения могут выражать и элативное значение, т. е. указывать не на самую высокую, а лишь на очень высокую степень проявления

признака: *милейший человек, кратчайшее расстояние*. Элативное значение реализуется в тех случаях, когда превосходная степень прилагательного используется не в сравнительной конструкции.

От грамматической категории степеней сравнения следует отличать словообразовательные «*степени качества*», которые также указывают на интенсивность проявления признака, однако никакого объективного сравнения предметов по этому признаку обычно не предполагается. Очень часто «*степени качества*» обозначают не действительную интенсивность признака, а ее субъективную оценку говорящим; ср.: *зелёный лес* и *лес зелёнький* — такие образования часто используются в разговорной речи, в народной поэзии.

«*Степени качества*» образуются:

1) прибавлением приставок *архи-, ультра-, сверх-, раз-, пре-, все-*: *архисовременный, ультраправый, сверхмощный, разлюбезный, превесёлый, всеильный*;

2) прибавлением суффиксов *-оват-/-еват-, -оньк-/-еньк-, -охоньк-/-ёшеньк-, -ущ-/-ющ-, -ени-*: *полноватый, синеватый, лёгонький, хитренький, целёхонький, здоровёшенький, длиннющий, здоровенный*;

3) повторением основ, часто с префиксацией во второй части: *милый-милый, хитрый-прехитрый, весёлый-развесёлый*.

В связи с обсуждением проблематики степеней качества как явления словообразования и их отграничения от собственно грамматических форм степеней сравнения требуют специального обсуждения две очень продуктивные группы производных прилагательных, которые нередко рассматриваются как варианты степеней сравнения.

1. Прежде всего, особого внимания требуют прилагательные типа *постарше, получше, поменьше* и т. п. Все они образованы от простой формы компаратива прибавлением приставки *по-*, имеющей значение неполноты проявления признака: *постарше* 'немного старше', *похуже* 'немного хуже' и т. п. Это значение является не грамматическим, а словообразовательным, которое характерно, как уже было показано выше, для производных прилагательных со значением степени качества (*синеватый, худенький* и др.). Поэтому, строго говоря, было бы неверно считать *постарше* вариантом компаратива прилагательного *старый*, тем более что приставки в русском языке не относятся к числу грамматических средств.

Прилагательные типа *постарше*, *подороже* и пр. — это производные в словообразовательном отношении, несклоняемые прилагательные, которые, в отличие от компаратива обычных прилагательных, могут быть не только частью составного именного сказуемого (*Ерши поменьше плотвы*), но и определением (*Рыбёшек поменьше рыбаки выпустили в речку, остальных же изжарили*). Однако в практической грамматике формы типа *старше* и *постарше* обычно рассматриваются как варианты формы компаратива.

2. Требуют специального внимания также прилагательные, образованные от простой формы суперлатива прибавлением словообразовательной приставки *наи-*: *наивысший*, *наилучший*. Эта приставка также имеет субъективно-оценочное значение (она служит для усиления интенсивности признака). С учетом того, что приставки в русском языке не являются средством образования грамматических форм слова, нет оснований считать прилагательные типа *наивысший* вариантом превосходной степени (наряду с *высший*).

Перед нами, как и в случае с прилагательными типа *постарше*, также явление словообразования, причем интересно, что исходным звеном словообразовательных отношений выступает в обоих случаях не словарная форма прилагательного, а одна из степеней сравнения¹.

Следовательно, прилагательные *повыше* и *наивысший* не являются морфологическими формами прилагательного *высокий*, а включаются в ряд субъективно-оценочных дериватов со значением степени качества исходного прилагательного (в этом ряду также прилагательные типа *высоченный*, *высоковатый*, *превысокий* и т. п.).

§ 216. Типы склонения имен прилагательных

Склоняемые прилагательные распределяются по трем типам адъективного склонения. К 1-му склонению относятся качественные и относительные прилагательные, к 2-му — притяжательные с суффиксом *-ий* (типа *лисий*), к 3-му — притяжательные с суффиксами *-ин* / *-ын*-, *-ов* / *-ев*- (типа *папин*, *сестрицын*, *отцов*, *Игорев*).

В зависимости от твердости/мягкости согласной фонемы в конце основы различаются твердая (*новый*) и мягкая (*си-*

¹ Степени сравнения могут выступать в роли производящего и при образовании других частей речи, например отадъективных глаголов: *уменьшать* ← *делать меньше* (*меньше*, как известно, супплетивная форма компаратива от прилагательного *маленький*).

ний) разновидности 1-го адъективного склонения.

Единственное число

И.	новый, новое	новая	сырой, сырое	сырая	синий, синее	синяя
Р.	нового	новой	сырого	сырой	синего	синей
Д.	новому	новой	сырого	сырой	синего	синей
В.	как И. или Р.	новую	как И. или Р.	сырую	как И. или Р.	синюю
Т.	новым	новой	сырым	сырой	синим	синей
П.	(о) новом	новой	сыром	сырой	синем	синей

В форме именительного падежа графически различаются ударные и безударные окончания мужского рода: *но́вый*, но *сыро́й*.

В формах косвенных падежей (кроме винительного) у прилагательных мужского и среднего рода падежные окончания одинаковые.

Форма винительного падежа зависит от рода и одушевленности существительного, с которым согласуется прилагательное. Форма винительного падежа прилагательного, согласующегося с существительным среднего рода, совпадает с формой именительного падежа: *сырое, новое, синее*. В женском роде прилагательное имеет окончание *-ую/-юю*: *сырую, новую, синюю*. У прилагательного, согласующегося с существительным мужского рода, форма винительного падежа совпадает с формой именительного падежа при неодушевленном существительном: *новый стол* — и с формой родительного падежа при одушевленном существительном: *нового ученика*.

У прилагательных с основами на /к/, /г/, /х/ типа *короткий, долгий, тихий* формы именительного и творительного (а в сочетании с неодушевленными существительными — и винительного) падежей мужского и среднего рода образуются по мягкой разновидности склонения: *тихий, тихим* (ср.: *синий, синим*). Остальные падежные формы мужского и среднего рода, а также все падежные формы женского рода указанных прилагательных образуются по твердой разновидности склонения: И. *тихая*; Р. *тихого, тихой* и т. д. (ср.: *новая, нового, новой*).

Множественное число

И.	новые	сырые	синие
Р.	новых	сырых	синих
Д.	новым	сырым	синим

В.	как И. или Р.		
Т.	новыми	сырыми	синими
П.	(о) новых	сырых	синих

Во множественном числе формы разных родов у прилагательного не различаются: *новые дома, школы, окна*. Слова с основами на /к/, /г/, /х/ склоняются по мягкой разновидности: *сухие, сухих* и т. п.

Форма винительного падежа множественного числа прилагательного зависит от одушевленности/неодушевленности существительного: *куплю новые учебники, вижу новых учителей*.

2-е адъективное склонение представлено прилагательными типа *лисий, медвежий*. Основа таких прилагательных «мягкая» (оканчивается на -j-), поэтому окончания в большинстве падежей тождественны окончаниям мягкой разновидности 1-го адъективного склонения: *лисj-его, лисj-ему, лисj-ими* (ср.: *син'-его, син'-ему, син'-ими*). Исключение составляет форма именительного падежа единственного и множественного числа (а также форма винительного падежа прилагательных, согласующихся с неодушевленными существительными); ср.:

1-е склонение

И. ед. ч. *син'-ий, син'-ее, син'-ая*
И. мн. ч. *син'-ие*

2-е склонение

лисиj-ѳ, лисj-е, лисj-а
лисj-и

Нетрудно заметить, что в указанных формах прилагательными используются окончания, подобные окончаниям существительных; ср.: *гениj-ѳ, бытиj-е, армиj-а, акциj-и*. Следовательно, прилагательные типа *лисий* при склонении объединяют в разных падежных формах то адъективные, то субстантивные флексии. Поэтому данное склонение нередко называют *с м е ш а н н ы м*.

Из сказанного следует, что -ий в прилагательных типа *лисий, медвежий* (в отличие от прилагательных типа *свежий, дюжий*) — это не окончание, а часть основы, суффикс со значением притяжательности. Этот суффикс выступает в виде -иj- в форме мужского рода единственного числа, в остальных формах он представлен в виде -j- (т. е. без «беглой» гласной -и-).

3-е адъективное склонение характерно для прилагательных с суффиксами -ин-/ын-, -ов-/ев- (типа *папин, сестрицын, отцов, Игорев*).

Единственное число

И.	<i>папин, папино</i>	<i>папина</i>	<i>отцов, отцово</i>	<i>отцова</i>
Р.	<i>папина</i>	<i>папиной</i>	<i>отцова</i>	<i>отцовой</i>
Д.	<i>папину</i>	<i>папиной</i>	<i>отцову</i>	<i>отцовой</i>
В.	как И. или Р.	<i>папину</i>	как И. или Р.	<i>отцову</i>
Т.	<i>папиным</i>	<i>папиной</i>	<i>отцовым</i>	<i>отцовой</i>
П.	(о) <i>папином</i>	<i>папиной</i>	<i>отцовом</i>	<i>отцовой</i>

3-е склонение также является **с м е ш а н н ы м**, так как имеет окончания, свойственные склонениям существительных и прилагательных: *папин, папина, папину* (ср.: *стол, стола, столу*), *папиным, о папином* (ср.: *новым, о новом*).

Прилагательные с безударными суффиксами *-ин/-ын* могут иметь в формах родительного и дательного падежей варианты окончания: *Катина* и *Катиного*, *Катину* и *Катиному*. Для прилагательных типа *отцов* такая вариативность исключена.

Во **м н о ж е с т в е н н о м** числе форма именительного падежа прилагательных 3-го адъективного склонения имеет окончание *-ы*: *папины, отцовы* (ср.: *столы*).

Формы косвенных падежей (кроме формы винительного падежа прилагательных, согласующихся с неодушевленными существительными) имеют окончания, совпадающие с окончаниями 1-го адъективного склонения: *отцовых, отцовым, отцовыми* (ср.: *новых, новым, новыми*).

Для всех трех адъективных склонений существует возможность образования формы творительного падежа женского рода при помощи вариантных окончаний *-ой/-ей* и *-ою/-ею*: *новой* и *новою, синей* и *синею, волчьей* и *волчьею, отцовой* и *отцовою*. При этом окончание *-ою/-ею* встречается в книжной и поэтической речи, в разговорной речи не употребляется, а в деловом и научном стилях вообще неприемлемо; окончание *-ой/-ей* стилистически нейтрально и употребляется во всех функциональных стилях русского языка.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 217. Имя числительное как часть речи

Имя числительное — это часть речи, выражающая общекатегориальное значение количества: *два, оба, пять, сорок, сорок три, сто, семеро*. Частеречное значение имен

числительных обнаруживается в том, что все числительные отвечают на вопрос *с к о л ь к о ?*

Грамматические признаки числительных как части речи таковы:

1) числительные изменяются по падежам (*два, двух, двум, двумя* и т. д.);

2) числительные не изменяются по числам (исключение составляет лишь слово *один*, по грамматическим свойствам приближающееся, как будет показано ниже, к прилагательным);

3) у числительных нет категории рода; исключение составляет числительные *полтора, два, оба*, которые, в отличие от всех других числительных, изменяются по родам, но у них противопоставлены не три, а только две родовые формы (женская: *полторы, две, обе* — и общая для мужского и среднего рода: *полтора, два, оба*); изменяется по родам и слово *один*, у которого различаются три родовые формы, как у прилагательных: *один* (м. р.), *одна* (ж. р.), *одно* (ср. р.);

4) у числительных нет категории одушевленности/неодушевленности (лишь числительные *два, оба, три, четыре* согласуются по одушевленности/неодушевленности с существительными мужского рода: *вижу три стола, но трёх слонов*);

5) сочетаясь с существительными, числительные в форме именительного (а при неодушевленных существительных — и в форме винительного) падежа у п р а в л я ю т существительными, требуя формы родительного падежа единственного или множественного числа: *два стола, пять деревьев* (форм единственного числа требуют только числительные *полтора, два, оба, три, четыре*: *полтора килограмма, оба брата, три яблока, четыре здания, два учебника*); в формах же косвенных падежей числительные с о г л а с у ю т с я с существительными в падеже: *двух столов, двум столам, о двух столах*. Сочетание числительного с существительным является неделимым членом предложения.

По составу числительные бывают *непроизводными* (или *простыми*): *два, десять* — и *производными*. В числе производных числительных нужно различать: *суффиксальные*: *двое (два-о-е), пятеро*; *сложные*: *пятьдесят, триста, шестьсот*; *составные*, состоящие из нескольких простых или сложных числительных: *двадцать пять, сто тридцать два с половиной*.

В последних академических грамматиках русского языка к группе производных с у ф ф и к с а л ь н ы х числительных отнесены и числительные типа *одиннадцать*, *двадцать*, *тридцать* (выделяются суффиксы *-надцать* и *-дцать*, по происхождению связанные с видоизмененной корневой морфемой *десять* → *дцать*).

В структуру составных числительных нередко включаются слова других частей речи, которые компенсируют отсутствие соответствующих числительных. Например, в составе числительного *две тысячи сто* использовано слово *тысяча*, которое не утратило грамматических признаков существительного: оно имеет несловоизменительные категории рода, одушевленности/неодушевленности, а также словоизменительную категорию числа. Но когда *тысяча* и подобные слова (*миллион*, *миллиард*; *четверть*, *половина*) входят в состав числительных, они утрачивают функциональную самостоятельность и не вычлениаются из структуры составного числительного. В структуру составных числительных могут включаться и служебные слова, например предлог *с*: *восемь с половиной*.

§ 218. Лексико-грамматические разряды имен числительных

В традиции школьного преподавания русского языка принято выделять два разряда числительных: количественные и порядковые. К о л и ч е с т в е н н ы е числительные обозначают количество и отвечают на вопрос *с к о л ь к о ?*: *пять*, *тридцать*. П о р я д к о в ы е числительные обозначают порядок перечисления предметов и отвечают на вопрос *к о т о р ы й ?*: *пятый*, *тридцатый*.

В научной грамматической литературе последнего времени слова типа *пять* и *пятый*, *сто* и *сотый*, как правило, грамматически разграничены, более того, отнесены к разным частям речи. Между количественными и порядковыми числительными существуют принципиальные отличия, поэтому в современных грамматических исследованиях к числительным как части речи относятся только те слова, которые школьная грамматика называет количественными числительными.

Дело в том, что все так называемые порядковые числительные по своим грамматическим свойствам сближаются не с именами числительными как особой частью речи, а

с именами прилагательными. Грамматические отличия слов типа *сто* и *сотый* таковы:

1) у этих слов разное общекатегориальное значение: слова типа *сто* обозначают количество, а *сотый* — признак предмета;

2) слова типа *сотый*, подобно прилагательным, изменяются по родам, числам и падежам (*сотый, сотая, сотое; сотого, сотой, сотому, сотой...*; *сотые, сотых* и т. п.); для слов типа *сто* характерна лишь категория падежа (*сто, ста*);

3) падежные окончания у слов типа *сотый* такие же, как у прилагательных; ср.: *пятый — ятый, второй — сырой* (1-е адъективное склонение); у слов типа *сто* особые системы склонения (см. об этом подробнее ниже);

4) в составных порядковых числительных типа *сто тридцать пятый* склоняется лишь последний компонент: *сто тридцать пятого, сто тридцать пятому* и т. д. (ср. склонение прилагательных типа *тёмно-красный*); в составных количественных числительных типа *сто тридцать пять* склоняются все компоненты: *ста тридцати пяти, (со) ста тридцатью пятью* и т. д.;

5) сочетание порядкового числительного с существительным (*второй стол*) не является единым членом предложения (в отличие от сочетаний типа *два стола*); в составе сочетаний типа *второй стол* можно выделить разные члены предложения, и порядковое числительное, подобно прилагательному, является либо определением (*седьмой день*), либо именной частью составного именного сказуемого (*день был седьмым*).

Следовательно, порядковые числительные, строго говоря, представляют собой особую разновидность относительных прилагательных, обозначая признак предмета через его отношение к порядку перечисления однородных предметов при счете.

Рассмотрим подробнее лексико-грамматические разряды, которые можно выделить в рамках количественных числительных (т.е. числительных как части речи).

Числительные могут обозначать целые или дробные числа, а также количество предметов как целостную, собирательную совокупность. В соответствии с этим принято разграничивать два лексико-грамматических разряда числительных — собственно количественные (*три, двадцать, двести сорок*) и собирательные (*пятеро, трое*).

Большинство числительных — количественные (в указанном выше узком понимании этого термина). Количе-

ственные числительные бывают простыми: *два, пять*; производными — обычно сложными: *пятьдесят, семьсот*, а также составными: *пятьсот сорок три*.

По характеру значения противопоставлены три группы количественных числительных: определенно-количественные, неопределенно-количественные и дробные.

О п р е д е л е н н о - к о л и ч е с т в е н н ы е числительные обозначают целые числа натурального ряда: *шесть (учебников), сто сорок (рублей)*.

Н е о п р е д е л е н н о - к о л и ч е с т в е н н ы м и числительными являются слова *много, немного, мало* (обычно трактуемые школьной грамматикой как наречия) и *сколько, несколько, столько, сколько-нибудь* и т. п. (относимые в школьных учебниках к местоимениям).

Ни по своему категориальному значению (указание на количество: отвечают на вопрос *с к о л ь к о ?*), ни по формальным особенностям неопределенные количественные числительные принципиально не противопоставлены именам числительным как части речи. Слова типа *сколько, столько* изменяются по падежам (*Сколько песен было спето; О скольких друзьях мы вспомнили в тот вечер*); у слов *много, немного, мало* употребляются только омонимичные формы именительного и винительного падежей (*На столе лежало немного яблок; Я взял немного яблок*).

От неопределенно-количественных числительных следует отличать совпадающие с ними по звучанию и лексическому (но не частеречному!) значению наречия; ср. грамматические омонимы: *У нас есть немного времени* (числительное). — *Мы немного устали* (наречие); *Возьми несколько яблок* (числительное). — *Задание несколько отличается от предыдущего* (наречие). При разграничении грамматических омонимов данного типа нужно помнить, что наречия, омонимичные неопределенно-количественным числительным, называют не количественный признак предмета, а уточняют характер действия (*немного опоздать*) или признака (*несколько навязчивый*).

Специального внимания требуют так называемые д р о б н ы е числительные: *пять с половиной, восемь с четвертью*. Это особая группа составных количественных числительных, обозначающих дробные величины. По грамматическим признакам дробные числительные не отличаются от составных количественных числительных; например, в сочетании с существительным они в формах именительного и винительного падежей управляют существительным (*пять с половиной часов*), в других же паде-

жах — согласуются с существительным (*о пяти с половиной часах*).

Не следует смешивать с дробными количественными числительными количественные словосочетания — описательные обозначения дробных величин типа *три и одна десятая, пять восьмых*:

1) дробные числительные не сочетаются с вещественными и собирательными существительными, а описательные количественные словосочетания сочетаются: *две трети молока, девять десятых студенчества*;

2) дробные числительные в косвенных падежах согласуются с существительными, а описательные количественные обороты всегда управляют формой родительного падежа существительного: *две трети суммы, к тридцати сотым процента* — и никогда не согласуются с существительным.

Собирательные числительные — это небольшой и непродуктивный лексико-грамматический разряд числительных с особым значением нерасчлененной, целостной совокупности предметов: *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*. Все они производны от соответствующих собственно количественных числительных: *два* → *двое*, *пять* → *пятеро*. Собирательные числительные употребляются в сочетаниях:

1) с существительными, обозначающими лиц мужского пола: *пятеро солдат, двое студентов* (нельзя сказать: «*трое девушек*», «*двое насекомых*», «*пятеро столов*»);

2) с существительными *люди, дети, ребята*: *двое молодых людей, пятеро детей, семеро ребят*;

3) с существительными, обозначающими детенышей животных: *пятеро котят, семеро козлят*;

4) с предметными существительными *pluralia tantum* типа *сани, ножницы*: *двое саней, трое ножниц* (если же количество предметов превышает десять, то употребляются особые, «счетные» слова в сочетании с количественными числительными: *двенадцать пар брюк, сорок штук ножниц*).

В отличие от собственно количественных числительных, которые всегда употребляются в сочетании с существительными (исключение составляют лишь специальные математические выражения типа *два плюс три*), собирательные числительные могут употребляться и без существительных, при этом всегда обозначают совокупность лиц: *Пятеро пришли с опозданием; Нас оставалось только трое*.

Не относятся ни к одному из разрядов числительного как части речи: а) слова *сотня, дюжина, десяток* и др. —

это существительные с опредмеченным количественным значением; б) слова *масса, тьма, капелька* и др. в количественном значении (*масса забот, капелька внимания*), которые являются существительными с неопределенно-количественным лексическим значением.

§ 219. Склонение имен числительных

Слово *один*, обнаруживающее ряд грамматических признаков, сближающих его с прилагательным как частью речи, при склонении использует окончания прилагательных разных типов: *один* (ср. *папин*), *одного*, *одному* (ср. *нового, новому*), *одним* (ср. *синим*).

У числительных *оба, два, три, четыре* особые падежные окончания:

И. <i>оба</i>	<i>обе</i>	<i>два, две</i>	<i>три</i>	<i>четыре</i>
Р. <i>обоих</i>	<i>обеих</i>	<i>двух</i>	<i>трёх</i>	<i>четырёх</i>
Д. <i>обоим</i>	<i>обеим</i>	<i>двум</i>	<i>трём</i>	<i>четырёх</i>
В.	как И. или Р.			
Т. <i>обоими</i>	<i>обеими</i>	<i>двумя</i>	<i>тремя</i>	<i>четырьмя</i>
П. (об) <i>обоих</i>	<i>обеих</i>	<i>двух</i>	<i>трёх</i>	<i>четырёх</i>

Числительные от *пяти* до *двадцати* и *тридцать* склоняются по 3-му субстантивному склонению (как *ночь*).

У числительных *сорок, девяносто, сто* формы винительного и именительного падежей совпадают, а во всех других падежах — окончание *-а*: *сорока́, девяноста, ста*.

У числительных от *пятидесяти* до *восемьдесят* и от *двухсот* до *девятист* склоняются обе части, т. е. внутри числительного как бы наблюдается еще одна флексия:

И. <i>пятьдесят</i> (<i>пят'-е-десят-е</i>)	<i>двести</i>	<i>триста</i>	<i>пятьсот</i> (<i>пят'-е-десят-е</i>)
Р. <i>пятидесяти</i>	<i>двухсот</i>	<i>трёхсот</i>	<i>пятисот</i>
Д. <i>пятидесяти</i>	<i>двумстам</i>	<i>трёмстам</i>	<i>пятистам</i>
В.	как И. или Р.		
Т. <i>пятиюдесятью</i>	<i>двумястами</i>	<i>тремястами</i>	<i>пятиюстами</i>
П. <i>пятидесяти</i>	<i>двухстах</i>	<i>трёхстах</i>	<i>пятистах</i>

У составных количественных числительных склоняются все компоненты: *пятьдесят два, пятидесяти двух, с пятиюдесятью двумя* и т. д. Исключение: дробные числительные типа *два с четвертью, восемь с по-*

ловиной, у которых последний компонент не изменяется: *о восьми с половиной, перед восьмью с половиной* и т. д.

С о б и р а т е л ь н ы е числительные используют падежные окончания 2-го адъективного склонения: *И. двое, пятеро* (ср.: *лисье, отцово*); в формах остальных падежей употребляются окончания множественного числа: *двоих, пятерых* (ср.: *лисьих, отцовых*); *двоим, пятерым* (ср.: *лисьим, отцовым*).

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 220. Особенности значения местоименных слов

Вопрос о выделении местоимений как особой части речи представляет собой одну из наиболее сложных проблем русской грамматики.

Сам термин «местоимения» указывает на то, что слова этого типа употребляются в высказывании и тексте в м е с т о и м е н (т. е. вместо существительных, прилагательных и числительных): *Каким-то холодом охватило вдруг Р а с к о л ь н и к о в а... Свидригайлов поднял голову, пристально посмотрел на него и вдруг расхохотался* (Ф. Достоевский); *Р о с с и я, нищая Р о с с и я, Мне избы серые твои [т. е. русские], Твои мне песни ветровые — Как слезы первые любви!* (А. Блок); *Жить не значит столько-то лет есть и пить* (В. Белинский).

По существующей традиции местоимения определяются как часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количества, но не называет их: *кто, ты, этот, некоторый, несколько*. Однако такое понимание местоимений не является в настоящее время общепринятым, так как при подобной характеристике данной части речи налицо заметные отступления от тех принципов, которыми руководствуется грамматическая наука при выделении всех остальных частей речи.

Для того чтобы обоснованно включить местоимения в систему частей речи, необходимо прежде всего разграничить два разных по своему содержанию понятия: 1) м е с т о и м е н н ы е с л о в а (слова с местоименным значением — местоимения в широком смысле) как определенный семантический класс слов, принадлежащих разным частям речи; 2) м е с т о и м е н и я (в узком смысле) как выделяемая на собственно грамматических основаниях особая часть речи.

Особенности значения местоименных слов связаны с тем, что эти слова выполняют три основные семантические функции, характерные именно для слов данного типа и несвойственные другим лексическим группам.

1. **Дейктическая**¹ функция местоименных слов связана с указанием на условия речевого акта. Благодаря ей то, о чем говорится, соотносится с условиями речевого акта и его участниками. Например, местоименное слово *я* означает 'говорящий', т. е. указывает на активного участника ситуации речевого общения; *ты* означает 'слушающий' (пассивный участник, или адресат, коммуникации); *ваш* — 'принадлежащий вам, т. е. слушающим', *этот* — 'находящийся вблизи от места осуществления речевого акта', *тот* — 'находящийся вдали' и т. п.

2. **Анафорическая**² функция местоименных слов выражается в смысловом соотнесении элементов данного высказывания с другими частями текста. Анафора имеет место там, где наблюдается отсылка к сказанному ранее.

Рассмотрим небольшой фрагмент из рассказа Е.Замятина «Мамай», в котором ночной город в послереволюционное время сравнивается с бушующим океаном: «По вечерам и по ночам — домов в Петербурге больше нет: есть шестиэтажные каменные корабли. Одиноким шестиэтажным миром несется корабль по каменным волнам среди *других* одиноких шестиэтажных миров; огнями бесчисленных кают сверкает корабль в разбунтовавшийся каменный океан улиц. И, конечно, в каютах не жильцы: *там* — пассажиры. По-корабельному просто *все* знакомы *друг с другом*, *все* — граждане осажденной ночным океаном шестиэтажной республики». Курсивом в этом фрагменте выделены местоимения, выполняющие анафорическую функцию, отсылающие читателя к предыдущим фрагментам текста: *среди других миров* (*другой* — 'не такой, о котором говорилось ранее'); *там пассажиры* — 'в том месте, о котором уже говорилось'; *все знакомы* — 'все те, о которых шла речь'; *друг с другом* — 'взаимно' (говорится о множестве лиц, упомянутых в предыдущих фрагментах текста).

¹ Термин *дейксис* произведен от греч. *deixis* 'указание'.

² Термин *анафора* соотносится с греч. *anaphorá* 'отнесение'; благодаря анафорическим отношениям между единицами текста в актуальный для данного высказывания смысл одной единицы входит отсылка к значению другой единицы.

3. К в а н т о р н а я¹ функция связана с указанием на тип предметной отнесенности (или р е ф е р е н ц и и) имени. Благодаря этой функции местоименные слова соотносятся с различными классами предметов и их признаков:

а) с классом предметов или признаков, о которых говорящий хотел бы получить информацию от слушающего: *кто?, какой?, сколько?*;

б) с классом неизвестных говорящему или слушающему (и поэтому неопределенных) предметов или признаков предмета: *кто-то, что-нибудь, какой-либо, сколько-то*;

в) с классом универсальных, всеобщих признаков, характеризующих любой предмет: *все, любой, всякий*;

г) с классом предметов и признаков, не включающих данный предмет или признак: *никто, некому, нисколько* и т. д.

Местоименные слова — замкнутая, непродуктивная лексическая группа; новые местоименные слова в русском языке не появляются. Однако местоименные значения могут развиваться у некоторых прилагательных, существительных, числительных (которые, однако, не переходят из-за этого в разряд местоимений, а остаются теми же частями речи, что и в обычном употреблении). Ср.: *данный вопрос* ('этот'), *известный просчёт* ('некоторый'), *определенный успех* ('какой-то'); *Смех — дело серьёзное* ('нечто серьёзное'); *Жил-был один человек* ('какой-то'); *Что мешает мне жить и действовать, как другие?.. Но едва успею я войти в определенное положение, остаться на известной точке, судьба так и сопрёт меня с неё долой...* (И. Тургенев).

§ 221. Функционально-семантические разряды местоименных слов

По характеру выполняемых семантических функций все местоименные слова можно разделить на восемь функционально-семантических разрядов.

1. Л и ч н ы е местоимения: *я, мы* (1-е л.) — указывают на говорящего; *ты, вы* (2-е л.) — указывают на слушающего; *он, она, оно, они* (3-е л.) — указывают на того (или на то), о ком/чем говорится. Местоимения 1-го и 2-го лица

¹ Название этой функции образовано от термина *квантор*, под которым в математической логике понимается логическая операция, позволяющая конкретизировать круг предметов, к которому относится то или иное выражение.

имеют дейктическую функцию и отсылают к участникам акта речи; местоимения 3-го лица называются иногда лично-указательными, они могут иметь не только дейктическую, но и анафорическую функцию: *Вон он идет* (дейксис, отсылка к ситуации речи: он означает 'не говорящий и не слушающий'); *Это Петя, он идет в кино* (анафора, отсылка к предыдущему фрагменту высказывания: он означает 'тот, о ком шла речь').

2. **Возвратное местоимение себя**, имеющее анафорическую функцию и указывающее на отношение названного в предложении производителя действия к самому себе: *Издревле сладостный союз поэтов меж собой связует* (А. Пушкин); *Везде Онегина душа себя невольно выражает* (А. Пушкин).

3. **Притяжательные местоимения**: *мой, твой, наш, ваш, свой; его, её, их* (три последних слова — несклоняемые: *вот его дом, вижу его дом, обрадоваться его дому*). Местоименные слова этой группы связаны с дейксисом — указывают на принадлежность чего-либо говорящему, слушающему или тому, о ком (или о чем) говорится.

4. **Указательные местоимения**: *этот, тот, такой, таков, столько*; устар. *экий, этакий, сей, оный*. Местоименные слова этого типа имеют общее значение указания на предметы, их качество или количество. В зависимости от ситуации речи они имеют либо дейктическую (*Это дерево ближе, чем то*), либо анафорическую функцию (*Дети разбежались, и это озадачило воспитателя*).

5. **Вопросительно-относительные местоимения**: *кто, что, какой, каков* (устар. *каковой*), *чей, который, сколько*. Они могут использоваться как слова, выражающие вопрос о предмете, его признаках, принадлежности или количестве (в этом, вопросительном, употреблении они выполняют кванторную функцию). Перечисленные выше местоимения могут употребляться и в функции союзных слов, соединяющих главную часть сложноподчиненного предложения с придаточной: *Кто не может взять лаской, тот не возьмет и строгостью* (А. Чехов); *О вы, которых ожидает отечество из недр своих!* (М. Ломоносов). Для указанного относительного употребления местоимений данного типа характерна анафорическая функция.

6. **Определительные местоимения**: *весь, всякий, каждый, сам, самый, любой, иной, другой; всяк, всяческий*. Они указывают на принадлежность характеризуемого предмета к обобщенному классу предметов (кванторная функция).

7. **Отрицательные местоимения:** *никто, ничто, никакой, ничей, некого, нечего* (последние два слова не имеют формы именительного падежа). Эти местоимения также выполняют кванторную функцию, выражая отрицание существования класса предметов, обладающих определенными признаками (*Никто в классе не был так готов к контрольной работе, как Саша*) или выполняющих определенные действия (*...Никакой слушатель не в состоянии выслушать всего, что он желал сказать.* — Г. Успенский).

8. **Неопределенные местоимения:** *некто, нечто, некоторый, некий, несколько*, а также местоимения, образованные от вопросительно-относительных местоимений при помощи словообразовательных элементов *кое-, -то, -либо, -нибудь*: *кто-то, кто-либо, какой-нибудь, сколько-нибудь, кое-кто* и др. Эти слова указывают на неизвестные, неопределенные предметы, признаки или количества. Местоимения этой группы также выполняют кванторную функцию.

§ 222. Грамматические классы местоименных слов

По своим грамматическим свойствам местоименные слова четко делятся на три класса.

1. **Предметно-личные местоимения** (местоименные существительные).

Их частеречное значение сближается с частеречным значением существительных, так как указывают на предмет (неодушевленный или одушевленный): *кто, что, я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, никто, ничто, некто, нечто, кто-то, кто-либо, кое-кто, кто-нибудь, что-то, что-либо, что-нибудь, кое-кто, все, то, это.*

В предложении эти местоимения выступают в роли тех же членов предложения, что и существительные, при этом чаще всего являются подлежащими или дополнениями: *Я вас любил...* (А. Пушкин).

2. **Признаковые местоимения** (местоименные прилагательные): *мой, твой, наш, ваш, его, её, их, свой, этот, тот, такой, таков, экий, этакый, сей, оный, какой, чей, который, каков, каковой, сам, самый, весь, всяк, всякий, всяческий, любой, иной, другой, некоторый, некий, какой-то, какой-либо, какой-нибудь, чей-либо, который-нибудь* и др.

Эти местоименные слова в грамматическом плане не противопоставлены прилагательным:

а) они имеют частеречное значение признака предмета, хотя и не называя этот признак прямо, но указывая именно на признак предмета; неслучайно все признаковые местоимения отвечают на вопрос *какой?*;

б) они согласуются с существительными в формах рода, числа, падежа и по одушевленности/неодушевленности: *мой дом, моя страна, мое отечество; такой город, такие города; вижу этот стол, но этого коня*;

в) в предложении признаковые местоимения являются определениями или именной частью составного именного сказуемого: *Это письмо — наше*.

3. **Количественные** местоимения (местоименные числительные): *сколько, столько, несколько, сколько-нибудь*. Как уже отмечалось (см. главу «Имя числительное»), эти слова по грамматическим свойствам не противопоставлены числительным.

Кроме указанных только что трех грамматических классов слов местоименные слова устанавливаются в рамках таких частей речи, как *наречия* (ср. местоименные наречия *где, куда, как, зачем* и т. п.), *безлично-предикативные слова* (ср.: *Каково ему сейчас?*) и даже *глаголы*: многие ученые (в частности, М. В. Панов) полагают, что используемые в практике грамматического анализа вопросительные обороты *что делать?* и *что сделать?* (ср.: *Петя — что делает? — рисует*) являются не чем иным, как составными местоименными глаголами.

§ 223. Проблема местоимений как особой части речи

Учитывая очевидную грамматическую неоднородность местоимений, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба и многие другие ученые пришли к выводу, что местоимения вообще не составляют особой части речи и должны быть распределены по другим частям речи — имени существительному, имени прилагательному и имени числительному.

Другие ученые продолжали относить все слова с дейктической, анафорической и кванторной семантическими функциями (кроме, естественно, местоименных наречий, глаголов и др.) к одной части речи — местоимению (А. А. Шахматов, Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев и др.; этот же взгляд отражен в «старой» академической «Грамматике русского языка» (1952–1954) и в школьных учебниках).

Представляет интерес также строго обоснованная в научном плане точка зрения акад. В. В. Виноградова. В отличие как от ученых, не считающих местоимения частью речи, так и от ученых, называющих местоимениями грамматически различные слова с местоименной семантикой, Виноградов утверждал, что в русском языке существует особая часть речи — местоимение, но к ней относятся далеко не все слова с местоименным значением, а лишь местоименные существительные (по терминологии Виноградова — предметно-личные местоимения).

Хотя предметно-личные местоимения имеют то же частеречное значение, что и существительные (предметность), по морфологическим свойствам они заметно отличаются от существительных.

1. У предметно-личных местоимений есть морфологическая категория лица, которой нет у существительных. Эта несловоизменятельная (классификационная) категория проявляется в сочетаемости местоименных существительных с личными формами глагола, т.е. выражена синтагматическими средствами. Ср. согласование глагольных форм с местоимениями по лицу: *я иду, мы идём* (1-е л.); *ты идёшь, вы идёте* (2-е л.); все остальные предметно-личные местоимения сочетаются с глагольными формами 3-го лица.

2. У существительных род часто выражен парадигматическими средствами — окончаниями самого существительного (*стол-Ø, стена, окно*), у предметно-личных местоимений — обычно только синтагматическими средствами, в формах согласуемых слов: *ты рассказал-Ø* (м. р.); *ты прочитала* (ж. р.); *кто пришел-Ø?* (м. р.); *что случилось?* (ср. р.). Исключения составляют местоимения *он, она, оно*, у которых род выражен окончаниями самих местоимений.

3. Число у существительных — словоизменятельная категория: когда существительное изменяется по числам (*стол — столы*), его лексическое значение не меняется. Что касается предметно-личных местоимений, то многие из них вообще не изменяются по числам: *кто, что, никто, нечто, всё* и др. — *singularia tantum*; *все* в значении 'все люди' — слово из разряда *pluralia tantum*.

Лишь для некоторых местоимений характерно противопоставление единственного и множественного числа: *я — мы; ты — вы; он, она, оно — они*. Однако и здесь соотношение единственного и множественного числа, как правило, иное, нежели в противопоставлениях типа *стол — столы*. Если *столы* означает 'много предметов, называемых сло-

вом стол', то мы не значит 'много я' (т. е. много говорящих в данный момент), а вы не значит 'много ты'.

Так, мы может в конкретных высказываниях обозначать: 'я + ты' (*Помнишь ли, мой друг по чаще, как в отрадной тишине Мы топили горе наше В чистом пенистом вине?* — А. Пушкин), 'я + вы' (*Товарищи! Мы выступаем завтра.* — А. Пушкин. Борис Годунов (самозванец обращается с призывом к своим сторонникам), 'я + он' (...*Встретил я Ивана Николаевича, и мы пошли вместе.* — Г. Успенский), 'я + ты + он' (*Все мы — и я, и ты, и дядя ... мы всех тревожим.* — М. Горький) и т. п., но отнюдь не 'я + я'. Поэтому многие ученые считают, что я и мы — это не формы одного слова, а разные слова с разным лексическим значением.

Аналогично соотносятся по значению и местоимения ты и вы: вы обозначает не только 'ты + ты', т. е. несколько адресатов одного сообщения (*Бог помочь вам, друзья мои...* — А. Пушкин), но и 'ты + он' (*Он богат, а ты бедна — пустое. Он богат за двух — чего ж вам боле.* — А. Пушкин), и 'ты + она', и 'ты + они', наконец, просто 'ты' с дополнительным оттенком вежливости (*А если я любила...* — *Вы?* — *спросил он, вглядываясь в ее бесстрастное лицо.* — И. Гончаров).

Местоимение они также не всегда обозначает множество однородных предметов: эта форма может значить не только 'он + он' или 'она + она', но также и 'он + она' (*Они любили друг друга так долго и нежно...* — М. Лермонтов).

Следовательно, даже в тех случаях, когда у местоимений есть числовое противопоставление, категория числа является не словоизменительной, а классификационной, объединяет разные по своему лексическому значению слова.

Что касается категории одушевленности/неодушевленности, то она у местоимений принципиально не отличается от одноименной категории существительных. Это классификационная категория, и каждое из предметно-личных местоимений относится или к классу одушевленных (В. = Р.: я, ты, он, кто), или к классу неодушевленных (В. ≠ Р.: что, это, всё в предметном значении и т. п.).

Словоизменительная категория падежа у местоимений также сопоставима с соответствующей категорией существительных. Отличия заключаются в следующем:

а) местоимения не образуют дополнительных падежных форм (партиитивной и счетной форм родительного падежа, местной формы предложного падежа), которые характерны для склонения некоторых разрядов существительных;

б) при склонении местоимений чрезвычайно развит супплетивизм (*я—меня—мне, ты—тебя—тобой, мы—нас*), в том числе и использование разных основ в беспредложном и предложном употреблении падежной формы: *его (j-ego) — у него (н'-его), ими (j-ими) — с ними (н'-ими)*.

Итак, предметно-личные местоимения, или местоименные существительные, характеризуются, в отличие от существительных, не четырьмя, а пятью морфологическими категориями, из них четыре категории (лицо, род, одушевленность/неодушевленность, число) — это категории несловоизменяемые, а падеж является единственной словоизменяющей категорией.

Такой системы морфологических категорий нет ни у одной части речи, в том числе и у имени существительного. Поэтому В. В. Виноградов и выделил местоименные существительные в качестве особой части речи, назвав ее местоимением (в узком смысле).

Что же касается других видов местоименных слов, то они, как полагал Виноградов, по своим грамматическим свойствам резко отличаются от предметно-личных местоимений и относятся либо к прилагательным (местоименные прилагательные *какой, чей, всякий* и др.), либо к числительным (неопределенно-количественные местоимения *сколько, несколько, столько* и др.).

Точка зрения Виноградова получила отражение в целом ряде авторитетных трудов, в том числе и в последней академической «Русской грамматике» (1980).

§ 224. Склонение местоименных слов

Местоименные прилагательные склоняются, как обычные прилагательные: *который* — как *старый*, *какой* — как *заводской*, *весь (вес'-ø)* — как *лисий (лисиj-ø)*.

Местоименные числительные *сколько, столько* склоняются по образцу собирательных числительных: *сколько* (ср. *пятеро*), *скольких* (ср. *троих*), *сколькими* (ср. *троими*).

Наиболее разнообразно склонение предметно-личных местоимений. Склонение личных местоимений *я, ты* и возвратного *себя* (не имеющего формы именительного падежа, так как оно всегда является дополнением) объединяет в разных падежных формах окончания разных субстантивных склонений:

И. я-ø	ты-ø	(ср.: стол-ø, конь-ø)
Р. меня	тебя	(ср.: стола, коня)

Д. <i>мне</i>	<i>тебе</i>	(ср.: <i>стране</i>)
В. <i>меня</i>	<i>тебя</i>	(ср.: <i>коня</i>)
Т. <i>мною</i>	<i>тебой</i>	(ср.: <i>страной</i>)
П. (обо) <i>мне</i>	(о) <i>тебе</i>	(ср.: о <i>столе, стране</i>)

У личных местоимений *мы, вы* словоизменительная парадигма такая: *И. мы, вы; Р. нас, вас; Д. нам, вам; В. нас, вас; Т. нами, вами; П. (о) нас, вас* (необходимо обратить внимание на уникальные окончания *-ас* в формах *Р., В. и П. падежей*).

Личные местоимения *он, она, оно, они*, вопросительные *кто, что*, неопределенные *кто-то, что-нибудь* и др., определительное *всё* в предметном значении (*За всё, за всё тебя благодарю я. — М. Лермонтов*), указательные *то, это* также в предметном значении (*То было раннею весной. — А. К. Толстой*) при образовании форм косвенных падежей используют окончания разных склонений прилагательных: *его* (ср. *синего*), *с ними* (ср. *с синими*), *кого* (ср. *морского*), *ту* (ср. *папину*). Лишь двум формам нет соответствия в склонении прилагательных: *её* — форма родительного и винительного падежей местоимения *она*; *кем, чем, тем, всем* — формы творительного падежа местоимений *кто, что, всё, то* (у прилагательных иное окончание; ср.: *синим, богатым*). Парадигмы склонения этих местоимений таковы:

И. <i>он, оно</i>	<i>она</i>	<i>они</i>	<i>кто</i>	<i>что</i>	<i>то</i>	<i>это</i>
Р. <i>его (него)</i>	<i>её (неё)</i>	<i>их (них)</i>	<i>кого</i>	<i>чего</i>	<i>того</i>	<i>этого</i>
Д. <i>ему (нему)</i>	<i>ей (ней)</i>	<i>им (ним)</i>	<i>кому</i>	<i>чему</i>	<i>тому</i>	<i>этому</i>
В. <i>его (него)</i>	<i>её (неё)</i>	<i>их (них)</i>	<i>кого</i>	<i>что</i>	<i>то</i>	<i>это</i>
Т. <i>им (ним)</i>	<i>ею (нею)</i>	<i>ими (ними)</i>	<i>кем</i>	<i>чем</i>	<i>тем</i>	<i>этим</i>
П. (о) <i>нём</i>	<i>ней</i>	<i>них</i>	<i>ком</i>	<i>чём</i>	<i>том</i>	<i>этом</i>

Местоимения *он, она, оно, они* образуют формы косвенных падежей от разных основ в зависимости от предложного или беспредложного употребления местоимения: *j-его, но у n'-его*.

Неопределенное местоимение *некто* имеет только форму именительного падежа, в предложении всегда является подлежащим или же частью сказуемого: *Пришёл некто; Это был некто в чёрном*. Местоимение *нечто* имеет формы только именительного и винительного падежей: *Произошло нечто важное; Мы слышали нечто интересное*.

Отрицательные местоимения *некого, нечего*, подобно возвратному *себя*, употребляются только в формах косвенных падежей.

§ 225. Глагол как часть речи

Глагол — одна из важнейших самостоятельных частей речи, выражающая общекатегориальное значение 'процессуальный (т. е. развивающийся во времени, динамический) признак предмета': *Обе женщины ждали, на этот раз вполне веруя обещанию Разумихина; и действительно, он успел притащить Зосимова* (Ф. Достоевский).

Частеречное значение процессуального признака предмета выражается в таких морфологических категориях глагола, как вид, предикативность/атрибутивность, личность/безличность, залог, наклонение, время, лицо.

По грамматическим свойствам глагол четко противопоставлен имени, и особенно центральной именной части речи — имени существительному. Прежде всего, в глагольной словоформе можно выделить не одну флексию, а несколько флективных аффиксов, служащих для выражения грамматических значений глагола. Помимо окончания обычно устанавливается также словоизменительный суффикс: *чита-л-и, бер-и-те*, а в формах страдательного залога глаголов несовершенного вида — и словоизменительный постфикс: *строи-л-а-сь*.

При словоизменении имен (при склонении) основа остается обычно неизменной: *дын'-а, дын'-и, дын'-е*. Если же обратиться к глагольной словоизменительной парадигме, то нельзя не заметить, что при глагольном словоизменении (называемом *с п р я ж е н и е м*) основа, как правило, меняет свой морфемный состав: *дыша-ть, дыш-у; рисова-ть, рису-у*; примеры глаголов с неизменной основой (типа *вез-ти, вез-у, вез, вез-и, вез-ущий, вез-ший, вез-я*) на общем фоне воспринимаются как исключение из правила.

Словоизменительная парадигма глагола неизмеримо сложнее парадигмы имени и включает целый ряд частных парадигм, различающихся по набору словоизменительных категорий и по особенностям функционирования (по характеру использования в речи). Разграничиваются три основных типа грамматических форм глагола: инфинитив, спрягаемые и неспрягаемые (атрибутивные) формы.

Инфинитив — это «словарная» форма глагола, не имеющая таких морфологических категорий, специфических именно для глагола, как наклонение и время; инфинитив не обладает также грамматическими признаками лица, числа

и рода. Отсутствие охарактеризованности (определенности) по названным категориям является основанием для того, чтобы называть инфинитив не определенной формой глагола. В инфинитиве проявляются лишь категории вида (несов. в. *писать* — сов. в. *написать*) и залога (действ. залог *умывать* — страд. залог *умываться*).

Отличительная особенность морфемной структуры инфинитива — словоизменятельный суффикс¹ *-ть* (*играть*, *бороться*); реже для образования формы инфинитива используются другие суффиксы: *-ти* (обычно этот суффикс — ударный: *идти*, *нести*); безударный суффикс *-ти* наблюдается лишь в производных глаголах с приставкой *вы-* типа *выйти*, *вынести*), *-о* (в глаголах с основами, оканчивающимися на заднеязычные фонемы /к/ и /г/, которые чередуются в корне с фонемой /ч/: *пеку*, *печешь* — *печь* (*печ-о*); *могу*, *можешь* — *мочь* (*моч-о*)).

Спрягаемые, или финитные (от лат. термина *verbum finitum* 'глагол, охарактеризованный по времени, лицу и числу'), формы. Этим формам помимо признаков вида и залога (несов.в. *читал* — сов. в. *прочитал*; действ. залог *читает* — страд. залог *читается*) свойственно изменение по наклонениям, временам, лицам, числам и родам: *читал*, *читала*, *читало*, *читали*; *читаю*, *читаешь*, *читает*, *читаем*, *читаете*, *читают*; *буду читать*, *читай*, *читал бы* и т. п. Спрягаемые формы наиболее отчетливо демонстрируют все основные грамматические свойства глагола как части речи, это центральное звено морфологической парадигмы русского глагола.

Атрибутивные (неспрягаемые) формы глагола представлены двумя разновидностями: причастиями и деепричастиями.

Причастия — это особые, объединяющие грамматические признаки глагола и имени, глагольные формы, которые изменяются по временам, залогам, родам, числам, падежам и по категории полноты/краткости: *читавший*, *читанный*, *читающий*, *читаемый*, *читаемая*, *читаемое*, *читаемые*, *читан*.

Деепричастия и называются неизменяемые формы глагола, имеющие ряд как наречных, так и собственно глагольных грамматических признаков: *читая*, *прочитав*.

Все перечисленные выше достаточно разнородные с грамматической точки зрения словоформы тем не менее объединяются в словоизменятельную парадигму одного глаго-

¹ Показатели инфинитива нередко называют также окончаниями.

ла благодаря наличию нескольких общих признаков, которые при определении границ глагольного слова более важны, чем частные грамматические различия между инфинитивом, спрягаемыми и атрибутивными формами глагола.

Во-первых, для всех форм одного глагола характерно тождество лексического значения (совпадение состава номинативных и экспрессивных смысловых элементов, передаваемых основой). Так, глагол *нести* передает и в инфинитиве, и в спрягаемых, и в атрибутивных формах одно и то же прямое номинативное значение 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать куда-нибудь'. Благодаря именно этому значению данное слово отличается от всех других глаголов, в том числе и близких по значению (*переносить*, *отнести* и др.).

Во-вторых, все формы одного глагольного слова обладают формальным тождеством основы, т.е. полным совпадением состава номинативно и экспрессивно значимых корневых и аффиксальных морфем: *нес-ти*, *нёс*, *нес-у*, *нес-и*, *нес-ущий*, *нес-я*. Что касается не имеющих собственного номинативного значения «тематических» глагольных суффиксов в конце основы, то их усечение (*дыша-ть* — *дыш-у*) или чередование (*продава-ть* — *продаж-у*) не сказывается на формальном тождестве основы, которое связано только с составом морфем, обладающих собственным номинативным или экспрессивным значением.

В-третьих, все словоформы, входящие в морфологическую парадигму одного глагола, обладают одинаковыми видовыми показателями. Так, любая форма глагола *нести* обладает признаками несовершенного вида, тогда как для всех словоформ глагола *принести* характерны свойства совершенного вида.

В-четвертых, все формы одного глагола, как бы они ни различались между собой по особенностям словоизменения, характеризуются тождеством грамматической синтагматики, т.е. способностью одинаково подчинять одни и те же морфологические классы слов и словоформ. Например, все словоформы глагола *петь* на основе синтаксической связи примыкания подчиняют себе качественные наречия способа совершения действия типа *весело*, *громко*, *тихо* и т.п.: *весело петь*, *весело пел*, *весело поющий*. Эти же словоформы могут одинаково управлять формой винительного падежа без предлога: *петь песни*, *пел песни*, *поющий песни*. Ср. с совершенно иной грамматической синтагматикой отглагольного имени: *весёлое пение песен* (при замене глагола на существительное признаковое слово со значением способа

совершения действия употреблено не в форме наречия, а в форме прилагательного, согласующегося с существительным в роде, числе и падеже; что касается управляемого существительного, то в последнем случае требуется не винительный, а родительный падеж).

Таким образом, есть все основания грамматически объединять в словоизменительную парадигму глагола инфинитив, спрягаемые и атрибутивные формы.

§ 226. Лексико-грамматические разряды глагола

Для описания грамматических свойств глагола важно различие следующих лексико-грамматических разрядов: глаголы полнознаменательные и неполнознаменательные, акциональные и неакциональные, переходные и непереходные, возвратные и невозвратные. В систему лексико-грамматических разрядов глагола включается также противопоставление глаголов по способам глагольного действия (и в первую очередь предельных и непредельных глаголов).

Одним из наиболее существенных признаков является роль глагола в построении предложения; по этому признаку противопоставлены полнознаменательные и неполнознаменательные глаголы.

Н е п о л н о з н а м е н а т е л ь н ы е глаголы называются также вспомогательными, поскольку они сами по себе не являются членами предложения. В рамках этого разряда Г. А. Золотовой противопоставлены: с в я з о ч н ы е глаголы, которые используются при формировании составного именного сказуемого (*быть, являться, становиться, делаться*); м о д а л ь н ы е глаголы (*хотеть, желать, мочь*); ф а з и с н ы е глаголы, обозначающие фазу совершения действия (*начать / начинать, продолжить / продолжать, закончить / заканчивать*); глаголы-к о м п е н с а т о р ы, которые восполняют в предложении недостающие грамматические смысловые элементы при синтаксической деривации (в приводимых ниже примерах разрядкой выделены члены словообразовательной пары, а жирным шрифтом — глаголы-компенсаторы): *В саду собирают яблоки* → *ведется сбор яблок*; *Спортсмены вынесли на стадион знамя* → *осуществили вынос знамени*; *Девушка красива* → *отличается красотой*.

П о л н о з н а м е н а т е л ь н ы е глаголы являются самостоятельными членами предложения: *О, если бы вы*

видели, как она страдает в борьбе с собою... но я ее знаю... еще несколько дней... и она погибнет! (М. Лермонтов). Частеречное глагольное значение процессуального признака предмета реализуется для полнознаменательных глаголов в нескольких типовых разновидностях, каждая из которых является основанием для выделения особых лексико-грамматических групп, или подразрядов: 'действие' (*работать, идти, петь*), 'состояние' (*лежать, спать*), 'процесс' (*расти, уменьшаться*), 'отношение' (*любить, принадлежать*), 'процессуальное свойство' (*крапива жжется; злая собака кусается; станок не работает, т.е. 'испорчен'*), 'бытие, или существование' (*существовать, быть 'существовать', иметься и т.п.*).

Глаголы со значением действия (*бежать, строить, исследовать, читать, женить, воевать*) называются *акциональными* (от лат. *actio* 'активность, действие, деятельность'), все остальные полнознаменательные глаголы относятся к разряду *неакциональных*. Различение акциональных и неакциональных глаголов важно, например, при изучении категории глагольного вида.

Способы глагольного действия (СГД) — это лексико-грамматические разряды глаголов, различающиеся между собой характером представления процессуального признака (акционального или неакционального).

Классификация СГД является многоплановой, одни СГД пересекаются с другими. Противопоставлены прежде всего СГД с собственно номинативными и с экспрессивными семантическими характеристиками. В рамках СГД первой группы особенно важно для функционирования глагола, особенно его видовой системы, разграничение предельных и непредельных глаголов.

Предельные глаголы обозначают действие, которое стремится к достижению своего внутреннего предела как определенной критической точки; по достижении предела действие прекращается, исчерпав себя: *Преподаватель весь урок читал наизусть стихи Есенина и прочитал их много; Из разбитой банки текла вода и через несколько минут вся вытекла*. При этом предельные глаголы несовершенного вида обозначают стремление к достижению предела, а глаголы совершенного вида — само достижение этого предела. Только предельные глаголы способны к образованию видовых пар: *делать — сделать, рассказать — рассказывать*.

Непредельные глаголы, неспособные выразить стремление к достижению предела в указанном смысле (*взлететь, веселиться, спать* и др.), не образуют видовых пар.

Следующим основанием классификации СГД является различие временных и количественных (кратных) СГД.

Временные СГД уточняют характер протекания действия во времени:

1) начинательный СГД содержит указание на начало действия: *запеть, пойти, возненавидеть, разгореться*;

2) окончательный СГД выражает значение завершения действия: *сделать, отмучиться, доест, прогреметь*;

3) ограничительный СГД связан с обозначением ограничения действия временными пределами: *поговорить, погостить, посидеть*;

4) длительно-ограничительный СГД выражает завершенность длительного действия: *пролежать, перезимовать*;

5) длительно-дистрибутивный СГД содержит указание на медленно протекающее, неторопливое действие: *раздумывать, разгуливать*.

Количественные (кратные) СГД:

1) однократный СГД называет одноразовое, обычно мгновенное действие: *прыгнуть, рубануть, сгруппировать, съездить*;

2) многократный СГД связан с обозначением действия, совершаемого много раз: *хаживать, говаривать, петь*;

3) распределительный (дистрибутивный) СГД выражает указание на действие, исходящее от многих субъектов или направленное на несколько объектов: *повыпрыгивать, перенумеровать, покусать*;

4) многократно-дистрибутивный СГД включает глаголы, указывающие на взаимное многократное действие многих субъектов: *переговариваться, пересмеиваться*.

Экспрессивные СГД выражают помимо номинативных значений также и субъективную оценку говорящим интенсивности действия:

1) глаголы уменьшительно-смягчительного СГД содержат в своем значении указание на небольшую интенсивность, умеренность действия: *приболеть, солгнуть, прилечь, подсесть, поугадать*;

2) длительно-смягчительный СГД связан с выражением длительности ослабленного (неинтенсивного) действия: *полеживать, прихварывать, подшучивать*;

3) прерывисто-смягчительный СГД имеет словообразовательное значение 'время от времени с небольшой интенсивностью совершать действие, названное производящим глаголом': *посвистывать, пошучивать*;

4) сопроводительно-смягчительный СГД выражает указание на действие, расцениваемое как побочное по отношению к другому действию: *подпевать, приговаривать*;

5) интенсивно-результативный СГД включает глаголы, объединяемые значением полноты и исчерпанности действия: *выскрести, дознаться, забаловать, избить, раскормить*;

6) интенсивно-кратный СГД связан с обозначением действий, совершаемых интенсивно и многократно: *нахлестывать, выплясывать*.

Независимо от отнесенности к рассмотренным выше лексико-грамматическим разрядам все глаголы делятся на переходные и непереходные, возвратные и невозвратные.

Переходность/непереходность — это грамматический признак глаголов, заключающийся в возможности или невозможности подчинения глаголом сильноуправляемой субстантивной беспредложной формы винительного падежа (а при глаголах с отрицанием — формы родительного падежа) с объектным значением: *любить молоко, не любить молока; написать монографию, не написать монографии*. Глаголы, характеризующиеся грамматической переходностью, образуют лексико-грамматический разряд **п е р е х о д н ы х** глаголов.

Все глаголы, не обладающие свойством переходности, составляют разряд **н е п е р е х о д н ы х** глаголов. К ним относятся и так называемые косвенно-переходные глаголы, при которых возможен объектный распространитель, выраженный не формой винительного или родительного падежа без предлога, а другими падежными формами или предложно-падежными конструкциями: *доверять другу, верить в друга, заведовать кафедрой, трудиться над диссертацией*.

Один и тот же глагол в разных своих значениях может характеризоваться то грамматической переходностью, то непереходностью; ср.: *Он пишет рассказы, переводит статьи с французского* (переходные глаголы). — *Он <...> славно пишет, переводит* (А. Грибоедов); в последнем примере глаголы *писать* 'заниматься литературной деятельностью, созданием литературных произведений' и *переводить* 'передавать текст, речь средствами другого языка' не предполагают объектного распространителя, являясь глаголами непереходными.

Переходность/непереходность глагола не только характеризует лексическое значение и грамматическую сочета-

емость глагола, но отражается также и в особенностях его словоизменения. Для переходных глаголов отмечается возможность образования форм страдательного залога: *Многoгpафия была написана известным ученым; книга, любимая многими*. Непереходные же глаголы являются однозалоговыми, страдательных форм не имеют.

Возвратность/невозвратность представляет собой еще одно основание для классификации лексико-грамматических разрядов глагола.

Возвратные глаголы — это непереходные глаголы, в состав основы которых входит несловоизменяемый постфикс *-ся*: *учиться, перезваниваться, наброситься*. Все остальные глаголы являются **невозвратными**: *учить, звонить, петь*.

Большинство возвратных глаголов образовано посредством постфикса *-ся* от соответствующих невозвратных глаголов: *готовить — готовиться, брать — браться*. Нередко в образовании возвратных глаголов участвуют наряду с постфиксами и приставки: *лечь — разлечься, читать — начитаться*. Лишь некоторые возвратные глаголы не имеют соответствующих невозвратных глаголов: *смеяться, улыбаться*.

Возвратный словообразовательный постфикс *-ся* может указывать на различные отношения действий к его субъекту или объекту. По характеру таких отношений в рамках лексико-грамматического разряда возвратных глаголов выделены следующие семантико-словообразовательные группы:

1) **собственно-возвратные** глаголы, указывающие совпадение субъекта и объекта действия: *одеваться* 'одевать себя', *бриться, мыться, причесываться* и др.; разновидностью этой группы являются так называемые **побочно-возвратные** глаголы типа *взяться, браться, цепляться (за руку); стукнуться, тереться, ушибиться (о дерево)*; этими глаголами называются действия с частичным совпадением субъекта и объекта, предполагающие конкретизацию той части субъекта, которая претерпевает воздействие: *держаться (за что), удариться (чем)*;

2) **косвенно-возвратные** глаголы, называющие действия, совершаемые субъектом в своих интересах: *строиться* 'строить для себя дом' (*К весне сосед начал строиться*), разг. *укладываться* 'укладывать свои вещи, обычно в дорогу', *убираться* 'убирать свое жилище' и др.;

3) **общевозвратные** глаголы, обозначающие безобъектное состояние субъекта: *беспокоиться, веселиться, радоваться, сердиться, тревожиться* и др.;

4) **взаимно-возвратные глаголы**, называющие взаимные действия нескольких субъектов, одновременно являющихся и объектами этих действий: *встречаться, мириться, обниматься, переговариваться, ссориться, целоваться* и др.;

5) **потенциально-активные возвратные глаголы** типа *бодаться, кусаться, царапаться*, называющие потенциальный активный признак субъекта: *крапива жжется* 'может причинить боль каждому, кто с ней соприкоснется';

6) **возвратные глаголы качественно-характеризующего «пассивного» значения**: *нити рвутся* 'их легко можно порвать', *стекло бьется*.

Словообразовательный постфикс *-ся* в любом своем значении является дополнительным формальным показателем непереходности глагола: *улыбаться, волноваться* и т. п. (возвратных переходных глаголов не бывает).

От возвратных глаголов как особого лексико-грамматического разряда слов необходимо отличать омонимичные им грамматические формы страдательного залога; ср.: *Гостиница строится* «*Стройинвестом*», где словоформа *строится* выражает значение страдательного залога и входит в парадигму невозвратного глагола *строить*.

Не являются возвратными и безличные формы невозвратных глаголов: *хочется* — это безличная форма невозвратного глагола *хотеть*, *работается* — аналогичная форма невозвратного глагола *работать*.

Каждый глагол может быть включен одновременно в несколько лексико-грамматических разрядов. Так, *поразговаривать* — это полнознаменательный, акциональный, непереходный и невозвратный предельный глагол ограничительного способа глагольного действия; *являться* 'быть' (*Москва является столицей России*) — глагол неполнознаменательный, связочный, неопределенный, непереходный, возвратный; ср.: *являться* 'приходить' (*Ты в свидениях мне являлся...* — А. Пушкин) — глагол полнознаменательный, акциональный, предельный, непереходный, возвратный.

§ 227. Система морфологических категорий глагола

Морфологические категории современного русского глагола образуют сложную систему.

Для глагола характерна только одна несловоизменяемая (классификационная) категория вида, которая взаимодействует с целым рядом словоизменяемых категорий: с собственно глагольными категориями предикативности/атрибутивности, личности/безличности, залога, наклонения и времени, а также с категориями лица, числа, рода (а для причастий — с категориями одушевленности и падежа), обеспечивающими синтаксическую связь глагольных словоформ в словосочетании и предложении с местоимением и существительными.

По характеру семантики различаются:

а) глагольные категории с номинативным содержанием, уточняющим смысловую структуру самого глагола (так, грамматическое значение совершенного или несовершенного вида конкретизирует значение процессуального признака, выражаемого основой глагола; ср. также значение категорий времени, наклонения);

б) глагольные категории с номинативным содержанием, дублирующим информацию, выражаемую именем, которому подчинена глагольная форма (например, форма женского рода глагольных форм в выражениях типа *мама пришла, пришедшая мама* несет информацию о 'женскости' не самого действия, а того субъекта, который осуществляет действие; ср. также значение категорий лица и числа, а в причастных формах — падежа);

в) глагольные формы не с номинативным, а интерпретационным содержанием (закон, предикативность/атрибутивность, личность/безличность).

Категории последнего типа обычно не приносят в семантическую структуру глагола никаких номинативных элементов значения, их назначение — участвовать в субъективной интерпретации говорящим значения целого высказывания. Так, конструкциями *Пушкин написал роман «Евгений Онегин»* и *Роман «Евгений Онегин» написан Пушкиным* передается информация об одной и той же ситуации внеязыковой действительности, субъектом ситуации является Пушкин, объектом его действия — роман «Евгений Онегин». Однако, употребляя конструкции с действительным (*написал*) или страдательным (*написан*) залогом одного и того же глагола, говорящий по-разному интерпретирует эту ситуацию внеязыковой действительности, создавая в первом случае высказывание о поэте, а во втором — о его произведении.

Интерпретационные категории до недавнего времени игнорировались грамматикой (ср. исключение проблематики

залога из школьного курса русского языка). Между тем они исключительно важны для построения высказывания.

КАТЕГОРИЯ ВИДА

Видом называется морфологическая несловоизменяемая категория глагола, выражающаяся в противопоставлении грамматических классов совершенного и несовершенного вида и служащая для обозначения различий в характере проявления процессуального признака. Любой русский глагол является глаголом совершенного или несовершенного вида, многие глаголы составляют видовые пары: *зажечь — зажигать, делать — сделать*.

Глагольный вид — одна из наиболее сложных категорий грамматики, изучаемая особой отраслью лингвистической науки — аспектологией (от лат. *aspectus* 'вид').

Грамматические формальные отличия глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида бывают как парадигматическими, так и синтагматическими. Различия в плане морфологической парадигматики таковы:

1) глаголы несовершенного вида имеют полную временную парадигму, у них есть формы прошедшего, настоящего и будущего времени: *читал, читаю, буду читать, читавший, читающий*; у глаголов же совершенного вида нет форм настоящего времени: *прочитал, прочитаю, прочитанный*;

2) форма будущего времени у глаголов несовершенного вида является составной (аналитической): *буду строить*, а у глаголов совершенного вида — простой (синтетической): *построю*.

Синтагматические отличия глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида сводятся к следующим особенностям грамматической сочетаемости:

1) инфинитивы глаголов совершенного вида никогда не сочетаются с лексико-грамматическим разрядом так называемых фазисных глаголов *начать/начинать, продолжить/продолжать, кончить/кончать*, указывающих на различные фазы осуществления процессуального признака; напротив, инфинитив любого глагола несовершенного вида без каких бы то ни было ограничений сочетается с фазисными глаголами (*начинаю говорить, кончу пересказывать* и т. п.);

2) в силу особенностей своего значения глаголы совершенного вида не сочетаются также со словами и оборотами ряда семантических групп:

а) показывающими неограниченную длительность действия или состояния: *без конца, долго, нескончаемо; месяцами, сутками, часами* и др.;

б) обозначающими регулярную повторяемость действия: *регулярно, периодически; ежедневно, ежевечерне; вечерами, каждый вечер, по вечерам* и др.;

в) имеющими модальные и негативно-оценочные значения: *бесполезно, бессмысленно, излишне, напрасно, не надо; не люблю, не привык; избегаю, разучился* и др.

Грамматическая противопоставленность глагольных видов подтверждается и методом подстановки вопросов: *любой глагол совершенного вида может быть замещен вопросительным оборотом («местоименным глаголом» с обобщенным процессуальным значением) что делать?, а глагол совершенного вида — оборотом что сделать?*

Итак, два грамматических класса русских глаголов — глаголы совершенного и несовершенного вида — отличаются друг от друга по целому ряду формальных показателей.

Семантика видового противопоставления сложна и многопланова. При ее описании учитываются как категориальные значения видов, свойственные всем глаголам того или иного видового класса, так и конкретные реализации этих категориальных значений (так называемые частные видовые значения).

Категориальные значения совершенного и несовершенного вида определяются различными учеными по-разному. Однако в последнее время основными семантическими признаками, составляющими суть грамматического значения русского глагольного вида, чаще всего называются 'целостность' и 'предельность' (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко).

Глаголы совершенного и несовершенного вида образуют по своему категориальному значению особую смысловую оппозицию, в которой сильным членом, несущим вполне определенную информацию, является совершенный вид, всегда указывающий на целостность (неделимость действия на фазы) действия и его предельность (достижение им своего внутреннего предела): *сказать, прочитать*. Слабый член оппозиции — глаголы несовершенного вида, поскольку они могут обозначать не только нецелостное действие, расчленяемое на отдельные фазы: *начал читать, кончил говорить*, но также и целостное, предельное действие: *Мы уже читали этот роман ('прочитали')*; *Вчера мы смотрели фильм «Титаник» ('посмотрели')*.

Категориальное грамматическое значение каждого из видов реализуется в предложении и тексте в частных видовых значениях, которые удобно рассматривать на фоне аспектуальных (видовых) ситуаций, выражаемых в том или ином высказывании. Понятие аспектуальной ситуации было введено А. В. Бондарко для обозначения общего аспектуального значения всего данного высказывания. Аспектуальная ситуация выражается различными компонентами высказывания, и прежде всего грамматическими показателями глагольного вида.

Принято разграничивать четыре основных типа аспектуальных ситуаций:

- 1) ситуация единичного конкретного действия;
- 2) ситуация повторяющегося действия;
- 3) ситуация постоянного процессуального признака¹;
- 4) ситуация обобщенного факта.

Глаголы несовершенного вида как обладающие более широкими смысловыми возможностями по сравнению с глаголами совершенного вида могут участвовать в отображении всех четырех возможных типов аспектуальных ситуаций. Наиболее употребительными частными видовыми значениями, характерными для глаголов несовершенного вида, являются два значения:

конкретно-процессное значение (связанное с передачей в высказывании аспектуальной ситуации единичного конкретного действия): *Глухарь времени. Выжидает* (В. Астафьев);

неограниченно-кратное значение (аспектуальная ситуация повторяющегося действия): *Он надевал байковый халат, садился на бортник сухого фонтана, беседовал с выдбравливающими* (С. Антонов).

Кроме того, при передаче других аспектуальных ситуаций нередко реализуются такие частные значения несовершенного вида:

постоянно-непрерывное (постоянно-процессное) значение несовершенного вида, характеризующее аспектуальную ситуацию постоянного процессуального признака: *Москва превосходит по занимаемой территории многие столицы мира*;

в высказываниях, обозначающих аспектуальную ситуацию констатации факта, когда внимание акцентируется лишь на наличии или отсутствии самого факта действия.

¹ В терминологии А. В. Бондарко — ситуация постоянного отношения.

реализовано общефактическое (или обобщенно-фактическое) значение несовершенного вида: — *Ты ходил в школу сегодня? — Да, ходил и учительницу истории видел.*

Глаголы совершенного вида имеют более четко очерченный круг частных видовых значений по сравнению с глаголами несовершенного вида и поэтому участвуют в передаче лишь двух аспектуальных ситуаций из четырех возможных:

1) при выражении аспектуальной ситуации единичного, неповторяющегося конкретного действия глагол совершенного вида обычно выражает конкретно-фактическое значение: *А другого писателя в спину пихнули прикладом при мне...* (Е. Евтушенко);

2) в предложениях, передающих аспектуальную ситуацию повторяющегося, обычного действия, глагол совершенного вида имеет обычно наглядно-примерное значение: *Легкий ветерок то просыпался, то утихал: подует вдруг прямо в лицо и как будто разыгрывается...* (И. Тургенев).

Одним из центральных понятий аспектологии является понятие видовой пары. Видовой парой называют противопоставление двух глаголов, тождественных по лексическому значению и различающихся лишь грамматическим значением совершенного/несовершенного вида: *решить — решать, писать — написать*. Способность входить в видовые пары свойственна, как было уже отмечено, лишь предельным глаголам.

Не всегда просто решить вопрос: составляют ли видовую пару те или иные глаголы с близким лексическим значением? Например, одни ученые полагают, что глаголы типа *толкать — толкнуть* образуют видовую пару, другие же утверждают, что глагол *толкнуть* имеет номинативное значение однократности действия, отсутствующее в глаголе *толкать* (при такой трактовке глаголы рассматриваемого типа не тождественны в плане их лексического значения, что автоматически не позволяет считать их видовой парой).

Ю. С. Масловым был предложен объективный и весьма эффективный критерий отграничения парных глаголов от непарных по виду. Этот критерий основывается на допущении, что члены видовой пары, в большинстве контекстов различающиеся по своему грамматическому значению, в некоторых позициях должны не различать (т. е. нейтрализовать) свои видовые значения.

Таким нейтрализующим контекстом для глаголов совершенного и несовершенного вида являются конструкции с так называемым «настоящим историческим» (*praesens historicum*), т. е. с глагольной формой настоящего времени, которая передает информацию о плане прошедшего, а не настоящего: *Иду я вчера по улице и вижу...*

Чтобы убедиться, являются ли два глагола (например, *делать* и *сделать*) парными по виду, необходимо построить конструкцию с «настоящим историческим» (используя, естественно, глагол несовершенного вида — только у него возможны формы настоящего времени: *И вот он делает вчера упражнения и видит...*).

Если полученная конструкция не только синонимична аналогичной конструкции с формой прошедшего времени несовершенного вида (*И вот он делал вчера упражнения и видел/увидел...*), но может также передавать смысл, обычно выражаемый конструкциями с формой прошедшего времени совершенного вида (*И вот он сделал вчера упражнения и увидел...*), то можно утверждать, что видовые значения глаголов совершенного и несовершенного вида в конструкции с «настоящим историческим» нейтрализованы. Это означает, что глаголы *делать* и *сделать* составляют видовую пару (в отличие, например, от парных противопоставлений типа *делать* — *выделать*, *делать* — *перделать* и т. п., которые не нейтрализуются в конструкциях с «настоящим историческим»). Нетрудно убедиться, что парными, согласно критерию Маслова, являются и глаголы типа *решать* — *решить*, *толкать* — *толкнуть* и др.

Различаются следующие структурные типы видовых пар:

с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е пары: *делать* → *сделать*, *продлить* → *продлевать*;

с у п л е т и в н ы е пары: *брать* — *взять*, *говорить* — *сказать*, *класть* — *положить*.

Наиболее частотны словообразовательные видовые пары.

Образование глаголов одного вида от глаголов другого вида с использованием словообразовательных средств называется **в и д о о б р а з о в а н и е м**. Видообразование бывает представлено двумя противоположными по сути словообразовательными процессами — перфективацией и имперфективацией.

П е р ф е к т и в а ц и я — это образование глаголов совершенного вида (часто называемых перфективными глаголами, отсюда и сам термин «перфективация») от глаго-

лов несовершенного вида. Средствами перфективации являются:

а) прибавление к неизменяемым глаголам несовершенного вида приставок: *делать* → *сделать*, *доделать*, *переделать*; *знать* → *узнать*, *вызнать*; иногда префиксация сопровождается одновременным прибавлением постфикса *-ся*: *знать* → разг. *дознаться* — или же суффикса *-и-*: *сажать* → *посадить*, *ронять* → *уронить*;

б) использование суффиксов *-ну-* и *-ану-*: *толкать* → *толкнуть*, *прыгать* → *прыгнуть*, *колоть* → *колоть*, *рубить* → *рубануть*.

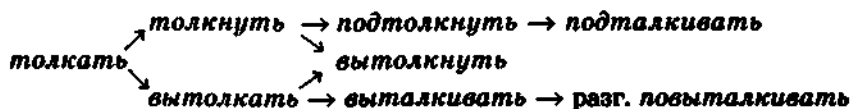
При перфективации производный глагол совершенного вида нередко отличается от производящего глагола несовершенного вида не только показателями вида, но и по своему лексическому значению; таковы, например, случаи *рубить* → *рубануть* (производный глагол отличается от производящего экспрессивностью и оттенком значения 'нежелательность результата действия'); *прыгать* → *попрыгать* (в значении производного глагола появляется лексический смысловой элемент 'непродолжительность действия', отсутствующий в семантике производящего глагола), *запрыгать* (появляется элемент лексического значения 'начинательность') и др. Во всех подобных случаях перфективация не приводит к появлению видовых пар.

Если же в результате перфективации производящий и производный глаголы тождественны по лексическому значению, то образуется видовая пара: *делать* → *сделать*, *прыгать* → *прыгнуть*. Это происходит, когда средствами видообразования служат так называемые «чистовидовые» приставки (*с-*, *на-* и ряд других — если они не имеют никакой другой функции, кроме изменения грамматического вида глагола), а также перфективирующий суффикс *-ну-*.

И м п е р ф е к т и в а ц и я — это образование глаголов несовершенного вида (называемых также имперфективными глаголами) от глаголов совершенного вида при помощи суффиксов: *-ива-/-ыва-* (*раскачать* → *раскачивать*, *отпароть* → *отпаривать*), *-а-* (*решить* → *решать*, *влезть* → *влезать*), *-ва-* (*запеть* → *запевать*, *открыть* → *открывать*). Префиксация при имперфективации никогда не используется.

Дополнительными формальными средствами имперфективации являются чередования: *удешевить* — *удешевлять*, *расколоть* — *раскалывать* — и мена ударения: *разр^езать* — *разре^зать*. В итоге имперфективации всегда образуются видовые пары.

Последовательное применение перфективации и имперфективации приводит к образованию видовых словообразовательных цепочек глаголов, обычно пересекающихся друг с другом:

В реальном функционировании глаголов нередко наблюдается конкуренция видов, т. е. использование парных глаголов совершенного и несовершенного вида в одном и том же контексте, когда видовые различия не сказываются на общем смысле высказывания. Конкуренция видов возможна при выражении следующих типов аспектуальных ситуаций:

1) глаголы совершенного вида, имеющие конкретно-фактическое значение, характерное для ситуации единичного, неповторяющегося конкретного действия (*Мы уже изучили это произведение*), могут конкурировать с глаголами совершенного вида в общефактическом значении, характерном для ситуации обобщенного факта (*Мы уже изучали это произведение*);

2) при выражении ситуации повторяющегося, обычного или типичного действия конкурируют глаголы несовершенного вида в неограниченно-кратном значении (ср.: *Он обычно приходил и садился у печки*) и совершенного вида в наглядно-примерном значении (ср. разг.: *Он обычно придет и сядет у печки*).

Для других значений названных аспектуальных ситуаций, а также для всех значений ситуации постоянного отношения: *Земля вращается вокруг Солнца* (при выражении которой используются только глаголы несовершенного вида) — конкуренция видов исключена.

Особенностью морфологического строя современного русского языка является существование и постоянное пополнение группы так называемых **двувидовых** глаголов типа *велеть, женить, казнить, обещать, атаковать, организовать, исследовать, содействовать*; в разных контекстах двувидовые глаголы обладают свойствами то совершенного, то несовершенного вида. Ср.: *В течение уже многих лет ученые исследуют этот вирус* (что делают? — несовершенный вид); *Ученые в ближайшие две недели исследуют данную информацию и сделают соответствующие выводы* (что сделают? — совершенный вид).

Однако контекст не всегда позволяет определить вид таких глаголов: *Крестьянин женил сына* (что делал? или что сделал?). Во избежание коммуникативных недоразумений в настоящее время активно используются словообразовательные способы создания видовых пар для одновидовых глаголов:

а) перфективация: *обещать* → *пообещать*, *женить* → разг. *поженить*; двувидовой глагол в пределах такой пары воспринимается и употребляется преимущественно как глагол несовершенного вида;

б) имперфективация: *атаковать* → *атаковывать*, *организовать* → *организовывать*; двувидовой глагол в подобной паре реализует преимущественно свойства совершенного вида.

Следует обратить внимание на некоторые особенности реализации категории вида и образования видовых пар в рамках одной из разновидностей акциональных глаголов, называемых глаголами движения.

Глаголы движения образуют особую лексико-семантическую группу глаголов, представленную восемнадцатью парами бесприставочных глаголов: *бежать* — *бегать*, *брести* — *бродить*, *везти* — *возить*, *вести* — *водить*, *гнать* — *гонять*, *гнаться* — *гоняться*, *ехать* — *ездить*, *идти* — *ходить*, *катить* — *катать*, *катиться* — *кататься*, *лезть* — *лазить*, *лететь* — *летать*, *нести* — *носить*, *нестись* — *носиться*, *плыть* — *плавать*, *ползти* — *ползать*, *тащить* — *таскать*, *тащиться* — *таскаться*; к числу глаголов движения относятся, естественно, также все приставочные и приставочно-суффиксальные производные от указанных глаголов: *бежать* → *выбежать*, разг. *повыбегать*; *катить* → *подкатить*, *подкатывать* и т. п.

В перечисленных парах оба бесприставочных глагола являются глаголами несовершенного вида (ср.: *бежать* — *бегать*), поэтому пара не является видовой, это парное лексико-семантическое соотношение однокоренных глаголов одного и того же вида. Глаголы движения в указанных парах противопоставлены или по семантическому признаку однонаправленности/неоднонаправленности действия: *бежать* — *бегать*, или же по признаку однократности/многократности действия: *тащить* — *таскать*.

В плане видообразования глаголы движения характеризуются целым рядом особенностей.

Бесприставочные глаголы движения (типа *бегать*) не образуют видовых пар, поскольку в результате перфектива-

ции (*бегать* — *забегать*, *бежать* — *добежать*) меняется не только вид, но и лексическое значение глагола.

Приставочные глаголы движения, напротив, способны образовывать видовые пары, причем различаются пары двух типов:

1) *принести* — *приносить*; такие видовые пары представляют собой результат параллельного образования дериватов от соотносительных по значению бесприставочных глаголов типа *нести* — *носить* при помощи одной и той же приставки (*нести* → *принести* и *носить* → *приносить*);

2) *заплыть* — *заплывать*; видовые пары такого типа являются результатом так называемой вторичной имперфективации приставочного глагола движения: сначала от глагола типа *плыть* при помощи префиксации образуется дериват типа *заплыть*, а уже затем от этого деривата путем имперфективации образуется его видовая пара: *заплывать*.

Завершая рассмотрение вопросов видообразования, следует подчеркнуть, что многие русские глаголы не имеют видовой пары и являются **о д н о в и д о в ы м и**: *стоять*, *спать* и др.

Так, **о д н о в и д о в ы м и** глаголами **н е с о в е р ш е н н о г о** вида (глаголами *imperfectiva tantum*) являются:

бытийные глаголы: *быть* 'иметься', *иметься*, *существовать*, *находиться*;

связочные и полусвязочные глаголы: *быть* 'являться', *являться*, *считаться*;

глаголы логического соотношения: *равняться*, *соответствовать*;

модальные глаголы: *хотеть*, *желать*, *мочь*;

глаголы принадлежности: *иметь*, *владеть*, *обладать*, *принадлежать*;

глаголы положения в пространстве: *стоять*, *сидеть*, *лежать*, *висеть*;

глаголы со значением физического и психического состояния: *спать*, *бодрствовать*, *страдать*, *гордиться*, *сердиться*;

глаголы интеллектуального и эмоционального отношения: *знать*, *предвидеть*, *интересоваться*, *любить*, *уважать*;

глаголы со значением рода занятий: *учительствовать*, *дирижировать*, *командовать*;

глаголы со значением проявления тех или иных свойств характера, внешности и т. п.: *умничать*, *горячиться*, *буйнить*, *кусаться*, *заикаться*, *хромать*;

глаголы неоднаправленного движения: *летать, плавать, бегать* и др.

Одновидовыми глаголами совершенного вида (глаголами perfectiva tantum) считаются, в частности:

дериваты с суффиксом *-ану-*, ср. разг. *махануть, толкануть*;

префиксально-(суффиксально-)постфиксальные глаголы типа *раскричаться, встрепнуться* и некоторые другие группы глаголов.

КАТЕГОРИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ/АТРИБУТИВНОСТИ

В противопоставлении спрягаемых и атрибутивных форм одного и того же глагола находит выражение словоизменяемая морфологическая категория предикативности/атрибутивности.

По своей семантике эта категория сближается с категорией полноты/краткости имен прилагательных. Благодаря категории предикативности/атрибутивности говорящий обозначает смысловой «ранг» процессуального признака предмета по сравнению с другими процессуальными признаками того же предмета, выраженными в каком-либо высказывании.

Словоформы глагола в соответствии с рассматриваемой категорией делятся на две группы.

К первой относятся все спрягаемые формы (*рассказал, расскажу, рассказал бы, расскажи* и т. п.), а также краткие причастия (*рассказан*). Эти словоформы указывают на то, что данный процессуальный признак является, по мнению говорящего, основным для предмета, о котором идет речь; неслучайно данные формы используются в роли главного члена предложения — сказуемого: *Пронизан солнцем лес насквозь. Лучи стоят столбами пыли* (Б. Пастернак).

Полные причастия и деепричастия объединяются в другую группу словоформ как средства выражения непредикативного, дополнительного процессуального признака предмета.

Различие смысловых рангов предикативных и атрибутивных форм глагола становится очевидным при их сравнении в одном контексте: *...Онегин, тайне усмехаясь, подходит к Ольге* (А. Пушкин). Здесь из двух действий, совершаемых одним и тем же субъектом (*Онегин усмехается; Онегин подходит к Ольге*), действие, названное спрягаемой формой *подходит*, осмысливается как главное, а дей-

ствие, выраженное атрибутивной формой *усмехаясь*, — как сопутствующее.

Иногда в противопоставлении предикативных и атрибутивных форм выражается не различие главного и второстепенного процессуального признаков одного предмета, а обозначение процессуальных признаков главного и дополнительного предметов речи в одном высказывании: *И зачем ты бежишь торопливо за промчавшейся тройкой во след?*.. (Н. Некрасов).

Грамматические отношения по смысловому рангу обозначаемого признака между разными формами глагола различны. Так, между предикативными формами глагола и деепричастиями устанавливается строгая равнозначная оппозиция: деепричастиями обозначается только дополнительный процессуальный признак, а предикативными формами (спрягаемыми формами глагола и краткими причастиями) — только основной процессуальный признак предмета: *И сердце то уже не отзовется на голос мой, ликуя и скорбя* (А. Ахматова).

Что касается полных причастий, то они находятся с предикативными формами в менее строгой оппозиции, поскольку могут выражать как атрибутивный, т. е. второстепенный, процессуальный признак предмета: *Развевающиеся волосы обрамляли ее лицо*, так и предикативный, т. е. главный, процессуальный признак предмета: *Волосы у нее были развевающимися на ветру*.

Инфинитив является формой, не охарактеризованной, т. е. не определенной, в плане категории предикативности/атрибутивности, поскольку он может обозначать и предикативный процессуальный признак: *Февраль! Достать чернил и плакать!*.. (Б. Пастернак), и непредикативный процессуальный признак: *Часто по ранним утрам я уходил на Каменку ловить рыбу* (К. Паустовский). Очевидно, категория предикативности/атрибутивности в инфинитиве нейтрализована. Нужно сказать, что точно так же инфинитив ведет себя и в отношении большинства других категорий (это, как известно, «неопределенная» форма не только с точки зрения предикативности/атрибутивности, но и в плане категорий наклонения, времени, лица, числа и рода).

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ/БЕЗЛИЧНОСТИ

Данная словоизменительная морфологическая категория глагола служит для указания на то, есть ли в предложении главный участник («протагонист») сообщения, называемый

именем в грамматической форме подлежащего. Как известно, функцией подлежащего как раз и является указание на первый смысловой ранг данного имени в ряду других имен в предложении, так как подлежащим обозначается «предмет речи».

Категория личности/безличности образуется формальным и смысловым противопоставлением двух видов спрягаемых глагольных форм: личных и безличных. Ср. соотносительные по смыслу конструкции с личными и безличными формами одного глагола: *Он не читает сегодня. — Ему сегодня не читается; Гость хочет уйти. — Гостю хочется уйти.*

В высказываниях с личными формами глаголов речь идет о действии или состоянии субъекта, доминирующая роль которого в данной ситуации подчеркнута тем, что субъектное значение выражено именительным падежом существительного или местоимения в функции подлежащего, указывающего на смысловой центр сообщения.

В высказываниях с безличными формами подлежащее отсутствует, что является грамматическим средством «понижения смыслового ранга» имени с субъектным значением. Субъект изображаемой в высказывании ситуации, выраженный косвенным падежом — обычно дательным, реже винительным (*Нам хочется уйти; Его мутит*), уже не воспринимается как самостоятельный деятель, совершающий осмысленные, целенаправленные действия. Высказывание *Ему не читается* означает, что существуют некоторые обстоятельства, которые оказывают решающее влияние на субъекта и мешают ему совершать необходимые действия должным образом.

В некоторых конструкциях с безличными глаголами понижение смыслового ранга субъекта доведено до логического конца, субъект — производитель действия или носитель состояния — в таких предложениях вообще исключается (*Смеркается; Светает*).

Каковы же грамматические отличия личных глагольных форм от безличных?

Л и ч н ы е глагольные формы — это «стандартные», типичные по своей сочетаемости и словоизменительным характеристикам формы глагола: они сочетаются с формой именительного падежа в функции подлежащего (*Студенты читают*), изменяются по всем словоизменительным глагольным категориям, в том числе по лицам (*читать — читаю, читаешь* и т. п.).

Б е з л и ч н ы е глагольные формы регулярно образуются от личных прибавлением словоизменительного постфикса -ся.

Они, как уже отмечалось, не сочетаются с именительным падежом в функции подлежащего. Безличные формы отличаются своеобразием словоизменения:

1) у этих форм нет противопоставления по лицам (отсюда и название форм);

2) словоизменительная парадигма отличается неполнотой: употребительны лишь некоторые формы, входящие в типовую морфологическую парадигму глагола, а именно формы: инфинитива (*Стало светать*; *Начнет холодать*), 3-го л. ед. ч. настоящего-будущего времени (*знобит, завьюжит, будет недоставать*), ср. р. прошедшего времени и сослагательного наклонения (*пуржило, следовало бы*).

Соотношение личных и безличных форм одного глагола весьма регулярно, однако нередко отмечаются и «дефекты» парадигмы по категории личности/безличности.

Глаголы с отсутствующими безличными формами называются глаголами *personalia tantum*. Таковыми являются глаголы некоторых лексико-грамматических разрядов:

связочные и полусвязочные глаголы типа *быть, являться, становиться*;

глаголы соотношения типа *превосходить, преобладать, включать, составлять*.

Не образуют безличных форм и переходные глаголы, обозначающие физическое, интеллектуальное, социальное действие, направленное на вполне определенный объект (*Рабочий рубит дрова; Ученый изучает грамматические свойства глагола; Директор открывает выставку*) и др.

Глаголы с отсутствующими личными формами называются глаголами *impersonalia tantum*. Они не образованы от личных форм, поэтому могут и не иметь постфикса *-ся* (*холодает, стóбит*). Выделяются несколько групп таких глаголов, никогда не сочетающихся с подлежащим и обозначающих:

различные физические состояния природы (*вьюжит, пуржит, светает, смеркается, холодает*);

физиологические состояния живых существ (*знобит, нездоровится, рвет, тошнит*);

те или иные модальные состояния и отношения (*надлежит, подобает, следует*);

меру наличия чего-либо: *недостает, хватает, не хватает*.

Итак, безличность как особый тип значения, исключительно важный для смысловой организации высказывания.

находит свое выражение в различных морфологических формах глагола. Центральным способом грамматического выражения личности/безличности является рассмотренная выше словоизменительная категория, образуемая противопоставлением личных и безличных форм одного глагола: *работает — работаетсЯ, читает — читаетсЯ, дышит — дышитсЯ*, а также несоотнесенных по личности/безличности глаголов *personalia tantum* (*является, включает*) и *impersonalia tantum* (*смеркается, знобит, недостает*).

Кроме того, спрягаемые формы некоторых личных глаголов допускают безличное употребление; ср.: *Пирожок с мясом вкусно пахнет* (личное употребление спрягаемой формы *пахнет*). — *На кухне пахнет пирожками* (безличное употребление той же формы); *Река шумит*. — *В ушах шумит*.

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Залогом называется глагольная морфологическая словоизменительная категория, выражающая в противопоставлении форм действительного и страдательного залога интерпретационное значение смыслового ранга имен, служащих для обозначения субъекта и объекта того процессуального признака, который назван глаголом.

Данное грамматическое значение залог выражает в тесном взаимодействии с субстантивной категорией падежа: *Автор подписал книги*. — *Книги были подписаны автором*. Как ясно из приведенных примеров, категория залога непосредственно связана с синтаксисом, поскольку залоговые формы глагола реализуются в активных и пассивных конструкциях предложения.

При установлении грамматического значения форм действительного и страдательного залога лучше отталкиваться от более строго определенной в смысловом отношении формы страдательного залога.

Страдательный залог указывает на то, что объект, а не субъект глагольного действия или отношения является смысловым центром данного высказывания; неслучайно именно объект выражен в виде подлежащего, т. е. субстантивной формой прямого — именительного — падежа, предназначенного для указания на главный предмет, обозначенный в данном высказывании: *Школа строится (построена) самими учащимися; Сын любим родителями*. Что касается субъекта, то он при глагольных формах страда-

тельного залога бывает выражен формой творительного падежа, указывающей на предмет второстепенного смыслового ранга в рамках данного высказывания (см. примеры выше), или же субъект вообще может быть не назван: *Школа строится (была построена) быстро*.

Таким образом, при помощи форм страдательного залога глагола говорящий имеет возможность подчеркнуть, что в смысловой структуре данного высказывания более важным, с точки зрения говорящего, является значение о б ъ е к т а, а не субъекта; именно объект является в таком высказывании смысловым центром. Это легко доказывается вопросами типа *О чем предложение «Школа строится учащимися» — о школе или об учащихся?* Ответ, очевидно, будет однозначным: *О школе*.

Д е й с т в и т е л ь н ы й залог указывает на то, что в данном высказывании смысловым центром не является о б ъ е к т. Позицию подлежащего в высказываниях с формой действительного залога замещает именительный падеж с субъектным значением (*Учащиеся строят школу; Родители любят ребёнка* — субъект выражен подлежащим, объект — дополнением).

Действительный залог используется также и в высказываниях, называющих безобъектное действие (*Учащиеся смеются*) или даже бессубъектное состояние (*На улице вечерет, смеркается*).

Все глагольные формы охарактеризованы по залогу. Большинство переходных глаголов свойственно соотношение форм обоих залогов (их называют д в у з а л о г о в ы м и глаголами). Например, у глагола *читать* ряд форм обладает признаками действительного залога: *читал, читает, читай, читавший, читающий, читая*, другие же формы относятся к страдательному залогу: *читается (Книга читается всеми), читанный, читаемый, читаясь*. Ср. также аналогичное соотношение форм глагола *одевать*: *одевает, одевающий, одеая* (действительный залог) и *одевается (Ребенок одевается матерью), одеваемый, одеаясь* (страдательный залог).

Все непереходные и безличные глаголы (типа *идти, заводить; знобить, нездоровиться*), а также некоторые переходные глаголы (типа *благодарить*) являются о д н о з а л о г о в ы м и д е й с т в и т е л ь н ы м и глаголами (*activa tantum*); они не образуют форм страдательного залога.

О д н о з а л о г о в ы х с т р а д а т е л ь н ы х глаголов (*passiva tantum*) грамматическая традиция обычно не вы-

делает, хотя в работах некоторых ученых к числу таких глаголов относятся глаголы *казаться, мерещиться, мнить-ся, нравиться, чудиться* и др., объект действия которых всегда назван формой именительного падежа, а субъект — формой косвенного падежа (правда, не творительного, а дательного): *Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы* (Н. Гоголь).

При образовании залоговых форм исходным является действительный залог, от которого образуются формы страдательного залога. При этом способ образования страдательного залога зависит от вида глагола и характера глагольной словоформы (спрягаемой или атрибутивной она является).

Спрягаемые формы страдательного залога глаголов несовершенного вида образуются от форм действительного залога прибавлением словоизменительного постфикса *-ся/-сь*: *Было время, когда воспевалась любовь к женщине...* (Н. Добролюбов) или — реже — аналитически, сочетанием спрягаемых форм вспомогательного глагола *быть* с кратким страдательным причастием: *Николай был уважаем, но нелюбим в обществе* (Л. Толстой); *Он был бит ими* (Л. Толстой). Спрягаемые формы страдательного залога переходных глаголов совершенного вида образуются в литературном языке только аналитически: *Кузьма не был вами допрошен* (А. Чехов), хотя в разговорной речи все чаще встречаются выражения типа *Книга прочиталась*, с простой формой страдательного залога.

Противопоставление действительных и страдательных причастий выражается прежде всего формообразовательными суффиксами *-ущ/-ющ-, -ащ/-ящ-, -вш-, -ш-* в действительном залоге (*ждуший, поющий, слушающий, говорящий, любивший, несший*) и *-ем-, -ом-, -им-, -нн-, -ени-, -т-* в страдательном залоге (*изучаемый, несомый, любимый, сыгранный, построенный, разбитый*). Иногда страдательные причастия могут образовываться и прибавлением к действительному причастию постфикса *-ся*: *одевавшийся матерью ребенок, разносившаяся по утрам почта*.

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

Наклонение — это морфологическая словоизменительная категория, характеризующая спрягаемые формы глагола и выражающая в противопоставлении изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений значение

реальности/ирреальности процессуального признака, обозначенного сказуемым, т. е. отношение процессуального признака к действительности.

И з ъ я в и т е л ь н о е наклонение (индикатив) указывает на реальность действия, состояния, отношения или процессуального свойства в прошлом, настоящем или будущем: *Ты ждал, ты звал... я был окован...* (А. Пушкин); *«Барин сам увидит, что плоха избушка, и велит дать лесу», — думает старушка* (Н. Некрасов); *Станок работает; Волга течет; Икс равняется единице; Музыка успокаивает.* Изменяемость по временам — отличительный формальный признак изъявительного наклонения.

Повелительное и сослагательное наклонения, в противоположность изъявительному, указывают на ирреальность процессуального признака предмета. При этом значение ирреальности преломляется в каждом из этих двух наклонений по-разному.

П о в е л и т е л ь н о е наклонение (или императив) — это такое «ирреальное» по своему категориальному значению глагольное наклонение, которое служит для выражения разных видов волеизъявления — приказ, просьба, побуждение к совместному действию и т. п.: *Работай лучше!; Пойдемте в кино!; Пусть всегда будет солнце!*

Ирреальность семантики императива связана с тем, что говорящий, отдавая приказ, высказывая просьбу или желание, отнюдь не уверен в исполнении своего волеизъявления: реализация действия, о котором идет речь, возможна, но вовсе не обязательна и зависит от того, как отреагирует на волеизъявление, высказанное говорящим, адресат речи.

Императив представляет собой упорядоченную систему предикативных глагольных форм. В центре этой системы — формы типа *иди, читай, несите, бросьте*. Они имеют грамматические характеристики 2-го лица единственного или множественного числа, синтагматически связаны с обращением: *Маша, неси тетрадь!* — или с личным местоимением 2-го лица: *Вы идите налево, а вы — прямо!*, т. е. указывают на адресата сообщения — слушающего, который и должен, по замыслу говорящего, стать субъектом предполагаемого действия.

Формальные приметы императивных форм такого рода — формообразовательные суффиксы¹ *-и-, -е-* (*веди, тронь*); еди-

¹ Показатели императива иногда называют также окончаниями.

ничность/множественность выражается противопоставлением окончаний *-ø* и *-те* (*веди, ведите; тронь, троньте*).

Помимо указанных императивных форм есть и иные формы, которые составляют грамматическую «периферию» русского императива. Не все ученые относят перечисляемые ниже формы к числу словоизменительных форм глагола, иногда они рассматриваются в числе описательных средств выражения волеизъявления в словосочетании или же (в случае с формами типа *Споем!*) как переносное употребление форм изъявительного наклонения.

К числу подобных бесспорных форм повелительного наклонения относятся:

1) аналитические формы «императива косвенного адресата» типа *пусть идет (идут)*, разг. *пускай напишет (напишут)*; такими формами выражается сложное, двойное побуждение: говорящий просит адресата, чтобы тот передал информацию о побуждении к действию третьему лицу;

2) формы «императива совместного действия», когда субъектом предполагаемого действия является не только слушающий, но и сам говорящий: *Пойдем в кино!; Выйдемте из класса; Давай напишем; Давайте скажем*; значение побуждения к совместному действию может быть выражено как простыми, так и составными формами.

Простые (синтаксические) формы императива совместного действия типа *выйдем!; споем!* омонимичны формам 1-го лица множественного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения; ср.: *Споем песню!* (императив совместного действия) — *Завтра мы дружно споем песню* (индикатив). Императивными формами типа *споем!; напишем!* обозначен, как правило, единичный адресат речи, с которым говорящий находится в дружеских (неофициальных) отношениях. Чтобы подчеркнуть, что адресатов — потенциальных исполнителей предполагаемого действия (кроме самого говорящего) несколько, или же если адресат один, но это лицо, с которым говорящий находится в официальных отношениях используются императивные формы с окончанием *-те*: *Дети, споемте еще раз!; Виктор Николаевич, выйдемте на минутку*.

Составные (аналитические) формы императива совместного действия образуются прибавлением к формам типа *выйдем, напишем* вспомогательного слова *давай (давайте)*: *Давай выйдем!; Давайте напишем!*;

3) книжные аналитические формы *Да возродится крестьянское хозяйство!; Да победит мир на земле!*, которые выражают не приказ или просьбу, а пожелание.

Императив не изменяется по временам, что связано с его общей ирреальной категориальной семантикой. Затруднено образование форм императива (особенно форм 2-го лица) от глаголов с лексическим значением произвольного действия или состояния: *видеть, слышать, мочь, хотеть, лихорадить, вечереть, смеркаться* и др.

Сослагательное наклонение выражает, как и императив, ирреальность процессуального признака. Формы этого наклонения представляют действие, состояние, отношение как возможное при определенных условиях.

Сослагательное наклонение образуется аналитически — прибавлением служебного слова *бы* к форме прошедшего времени: *читал бы, делал бы*, при этом форма прошедшего времени полностью утрачивает свое категориальное временное значение; ср.: *Я бы послушал музыку* — действие обращено в план будущего, а не прошлого.

Следовательно, подобно императиву, сослагательное наклонение не имеет форм времени. Однако, в отличие от повелительного наклонения, в единственном числе сослагательное наклонение характеризуется изменением по родам; во множественном же числе родовые формы нейтрализованы: *сказал бы, сказала бы, сказало бы, но сказали бы*.

Категориальное значение сослагательного наклонения реализуется в двух основных частных грамматических значениях:

а) 'предположительность': *А, быть может, год назад ты бы здесь изведal, воин, то, что наш изведal брат* (А. Твардовский);

б) 'условие, т. е. потенциальная предпосылка другого ирреального действия': *Если бы наша команда победила, на факультете было бы ликование*.

В особых контекстуальных условиях формы наклонений приобретают переносные значения, т. е. одна форма начинает употребляться вместо другой.

Так, индикатив в переносном употреблении может указывать на ирреальность действия, при этом бывают выражены следующие значения:

а) 'возможность действия' — изъявительное наклонение выступает в значении сослагательного: *He канатом он с Ермилом-то связан, бросил бы да пошел* (А. Островский), т. е. 'пошел бы';

б) 'побуждение к действию' — в таких контекстах изъявительное наклонение выступает в значении повелитель-

ного: *Полковник вызывает. Поехали* (К. Симонов); *Ты отведешь ее [собаку] к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал* (А. Чехов).

Переносные употребления императива:

а) императив в значении изъявительного наклонения: *Он возьми и кинь горсть тех семян на снег* (К. Паустовский); разг. *А он и закричи* — указание на неожиданное, обычно нежелательное внезапное действие, имевшее место в прошлом;

б) императив в значении сослагательного наклонения: *Начни партнеры мирные переговоры вовремя, исход конфликта мог бы быть иным* (газ.) — указание на действие, обуславливающее собою то, о чем сообщается в главной части предложения; ср.: *Если бы начали...*

Распространенным переносным употреблением сослагательного наклонения является его использование в значении повелительного наклонения: *...Вы бы поговорили с Александрой, она ведет себя отчаянно* (М. Горький); ср.: *Поговорите с Александрой...*

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

Словоизменительная категория времени выражает в противопоставлении форм настоящего, прошедшего и будущего времени отношение процессуального признака ко времени его осуществления.

В оппозиции трех временных форм настоящее время указывает на одновременность действия (состояния, отношения) с определенной точкой отсчета временных отношений: *Я иду*; формы прошедшего и будущего времени указывают соответственно на предшествование точке отсчета: *Я шел* — и на следование за ней: *Я буду идти*.

От характера этой точки отсчета временных планов зависит тип употребления форм времени: различается абсолютное и относительное употребление времен.

При абсолютном употреблении временных форм их значение ориентировано на момент речи, т. е. на время осуществления данного речевого акта. Ср.: *Он улыбался* — действие происходило до момента речи; *Бабушка вяжет чулок* — действие осуществляется в момент речи, одновременно с рассказом говорящего о происходящем.

Если выражаемое глагольной формой время ориентировано на иную точку отсчета временных планов (например, на время другого действия, также названного в данном контексте), то имеет место относительное употреб-

ление временной формы. Например: *Коля стоял возле дома, улыбался и думал, что там, во дворе, наверняка сидит Матвеевна, вяжет бесконечный чулок и заговаривает со всеми, кто проходит мимо* (Б. Васильев) — здесь формы настоящего времени *сидит, вяжет, заговаривает, проходит* выражают одновременность действий не с моментом речи, а с действиями и состояниями персонажа, обозначенными формами прошедшего времени (*стоял, улыбался, думал*).

Категория времени тесно связана с категориями вида и наклонения. Глаголы совершенного вида не имеют форм настоящего времени, а глаголы несовершенного вида — имеют (*говорит, говорящий*). Противопоставление временных форм осуществляется только в рамках изъявительного наклонения: *говорил, говорит, будет говорить* (но не повелительного или сослагательного!).

Н а с т о я щ е е время спрягаемых форм не имеет специальных формальных показателей, кроме совокупности личных окончаний: *-у, -м (иду, ем), -ешь, -ишь, -шь (идёшь, ходишь, ешь)* и т. д.; для причастных форм выделяются особые формообразовательные суффиксы настоящего времени действительного залога *-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-* (*идуший, поющий, дышащий, говорящий*) и настоящего времени страдательного залога *-ем-, -им-, -ом-* (*читаемый, любимый, устар. несомый*).

Категориальное значение настоящего времени характеризуется как «**настоящее актуальное**»; глагольная форма указывает на совпадение действия с моментом речи: — *Что вы делаете? — Читаем новую книгу.*

Настоящему актуальному противопоставлено «**настоящее неактуальное**», представленное несколькими разновидностями:

а) «**настоящее постоянное**» указывает на наличие действий или отношений, не связанных с временными ограничениями: *Среднерусская возвышенность находится в Восточной Европе;*

б) «**настоящее абстрактное**» служит для обозначения типичного, обычного, повторяющегося действия: *Девушки часто плачут беспричинно* (М. Горький);

в) «**настоящее изобразительное**» (или описательное) используется в художественных описаниях и не связано с моментом речи в обычном понимании, приобретая вневременное звучание: *Гляжу, как безумный, на черную шаль...* (А. Пушкин);

г) «настоящее комментирующее» употребляется в сценических ремарках и иных пояснениях, причем выражается одновременность действия не с моментом речи, а со временем существования описываемой ситуации: *Молчание. Подколесин опять начинает барабанить пальцами, наконец берется за шляпу и раскланивается* (Н. Гоголь; ремарка к пьесе «Женитьба»); *Белые начинают и выигрывают в три хода* (задание к шахматной задаче).

В особых контекстных условиях отмечаются переносные употребления настоящего времени:

а) настоящее время в значении будущего — настоящее намеченного или воображаемого действия: *Завтра я еду на дачу; Представь, ты вступишь завтра в институт — и твоя фамилия в списках поступивших!*;

б) настоящее время в значении прошедшего — «настоящее историческое» (*praesens historicum*): *Работаю я вчера в библиотеке и вдруг вижу...*

Прошедшее время обозначает отнесенность действия, состояния или отношения в план прошлого, т. е. представляет действие как предшествовавшее моменту речи или иной точке отсчета временных отношений: *Два дня спустя я встретил ее в многочисленной компании* (Ф. Достоевский); *Казалось, буря вёрсты крыла* (В. Маяковский); *Затосковал я и дядюшке пишу письмо* (М. Горький).

У спрягаемых форм прошедшего времени есть два грамматических показателя:

а) формообразовательный суффикс *-я/-я'* (*говорил, читали*), чередующийся с нулевым суффиксом прошедшего времени только у немногих глаголов непродуктивных классов в форме мужского рода единственного числа типа *нёс, нёк, высох*;

б) неизменяемость по лицам и изменяемость по родам, что связано с происхождением современной формы прошедшего времени из причастной формы; ср. формы прошедшего времени глагола *устать* — *устал, устала, устало, устали* и причастные формы, характерные для древнерусского языка: *усталъ, устала, устало, устали*.

Причастные формы прошедшего времени образуются с помощью суффиксов *-ви-*, *-ш-* (ср. действительные причастия типа *игравший, несший*), *-ни-*, *-ени-*, *-т-* (страдательные причастия типа *прочитанный, растворенный, согнутый*).

Категориальное значение формы прошедшего времени реализуется в ряде частных грамматических значений.

Для глаголов совершенного вида характерно перфектное и аористическое значения.

Перфектное значение наблюдается в контекстах типа *Алеша, ты озяб, ты в снегу был, хочешь чаю?* (Ф. Достоевский); глагольная форма обозначает действие, состоявшееся в прошлом. результат же этого действия важен для настоящего.

Аористическое значение связано с указанием на действие в прошлом, не связанное своим результатом с настоящим: *Поднялся я и пошел к Генке...* (В. Распутин).

Для глаголов несовершенного вида характерно прежде всего имперфективное значение — указание на незавершенность действия в прошлом: *Александр молчал* (И. Гончаров).

Отмечены также случаи переносного употребления форм прошедшего времени (преимущественно для глаголов совершенного вида):

а) прошедшее время в значении настоящего времени (имеется в виду абстрактное настоящее): *Такая птичка... понимает, что человек ее любит. Если напал на нее коршун, то куда, думаешь, бросается? Либо в селяку, либо прямо за пазуху...* (Г. Троепольский); ср.: *если нападает...*;

б) прошедшее время в значении будущего времени: *Бежать, бежать! Иначе я умер* (К. Федин); ср.: *я умру*.

Иногда в работах по русской грамматике устанавливается не одна, а несколько форм прошедшего времени. Так, можно встретить упоминания об особых формах прошедшего времени «мгновенного произвольного действия»: *А они приди и закричи; Она возьми да и запой* — или: *Дети — прыг в воду; Он — хлоп книгой по столу*. Очевидно, здесь нельзя говорить об особой морфологической форме; имеет место переносное употребление императива или же использование особых неизменяемых (аналитических) глаголов типа *скок, бряк*.

Нет в современном русском языке и форм «давнопрошедшего» времени (плюсквамперфекта): называемые иногда таким термином формы типа *хаживал, певал* являются не особыми формами глаголов *ходить, петь*, а обычными формами прошедшего времени от глаголов *хаживать, петь*, потенциально имеющих и другие морфологические формы (например, форму будущего времени: *будет хаживать*).

Будущее время характерно только для спрягаемых глагольных форм (причастия не имеют будущего времени).

Образование (а частично и значение) формы будущего времени зависит от вида глагола. Форма будущего времени глаголов несовершенного вида (*буду решать, будешь читать* и т. п.) противопоставлена синтетическим формам прошедшего и настоящего времени (*решал, решаю; читал, читаю*) как форма аналитическая, образованная сочетанием личных форм вспомогательного глагола *быть* с инфинитивом основного глагола. Форма будущего времени глаголов совершенного вида образуется синтетическим путем: *решу, прочитаю* — и противопоставлена только форме прошедшего времени (форм настоящего времени у глаголов совершенного вида, как известно, нет).

Основное значение будущего времени — отнесенность действия к плану будущего: *А ночью слышать буду я не голос яркий соловья...* (А. Пушкин); *Поговорим о бурных днях Кавказа...* (А. Пушкин). Кроме того, форма будущего времени глаголов совершенного вида может иметь переносное значение настоящего неактуального (абстрактного): *Придешь домой — там ты сидишь* (В. Высоцкий), т. е. 'каждый раз, когда я прихожу домой...'

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Словоизменительная категория лица характерна для глагольных форм настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, а также для повелительного наклонения; эта категория выражается в противопоставлении форм трех лиц: 1-го (*иду, хожу, ем; идем, ходим, едим*), 2-го (*идешь, ходишь, ешь; идете, ходите, едите*) и 3-го (*идет, ходит, ест; идут, ходят, едят*).

Личные формы глагола в предложении согласуются с соответствующими формами местоимений (*я иду, ты идешь...*). В сочетании с существительными всегда используются формы 3-го лица глагола: *Поезд идет; Дома будут строиться*; исключение составляет употребление императивных форм 2-го лица, сочетающихся с существительными в функции обращения: *Товарищ, верь...* (А. Пушкин).

Грамматическая информация личных форм глагола дополняет личное значение соответствующих именных форм. Формы 1-го лица указывают на то, что названный сказуемым предикативный признак характеризует говорящего: *я говорю, читаю*; 2-е лицо указывает на то, что предикативный признак характеризует слушающего: *ты говоришь, читаешь*; формы 3-го лица указывают на отнесенность предикативного признака к «предмету речи», не

являющемуся участником данного акта речи: *он читает, пишет.*

У личных форм глагола отмечаются также *п е р е н о с н ы е* значения.

Таково обобщенно-личное значение, которое могут иметь не только формы 2-го лица: *Разве всё запомнишь, что случилось с тобой год назад!* (Ю. Казаков), но также формы 1-го и 3-го лица: *Что имеем — не храним, потерявши — плачем* (пословица); *Чужую беду руками разведу* (пословица); *Цыплят по осени считают* (пословица).

Форма 3-го лица, употребленная вне сочетания с подлежащим, может иметь неопределенно-личное значение: *В дверь звонят; На улице весело кричат.*

Наконец, с формой 3-го лица единственного числа связано типичное проявление безличности: *На улице метет; Из форточки дует.*

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Для спрягаемых и причастных форм глагола характерна категория числа: *иду — идём, говорил — говорили, будет рассказывать — будут рассказывать, скажи — скажите, взял бы — взяли бы, читающий — читающие, разбит — разбиты* и т. п.

Глаголы согласуются в формах числа с существительными и местоимениями. При сочетании глагола с существительным числовая форма глагола лишь дублирует соответствующую грамматическую характеристику имени (*спортсмен бежит* 'единичность субъекта действия' — *спортсмены бегут* 'расчлененная множественность субъектов действия').

При согласовании глагола с местоимением *Вы* форма глагола во множественном числе может указывать не на множественность, а на единичность предмета: *Вы, Сергей Владимирович, могли бы закончить отчет к понедельнику?* ('единичность + вежливость').

КАТЕГОРИЯ РОДА

Категория грамматического рода проявляется в спрягаемых формах прошедшего времени изъявительного наклонения и в формах сослагательного наклонения, а также в причастиях (*стоял — стояла — стояло; был бы — была*

бы — было бы; играющий — играющая — играющее; принесён, принесена, принесено).

Глаголы согласуются в роде с существительными и местоимениями, дублируя грамматическую информацию о биологическом поле субъекта действия, которую потенциально может выразить при помощи своих родовых показателей имя (*мальчик пел* 'мужской биологический пол' — *девочка пела* 'женский биологический пол'). Особенности отмечаются лишь для финитных глагольных форм среднего рода, которые помимо указания на средний род существительного или местоимения могут выражать значение безличности действия: *вечерело, смеркалось бы*.

§ 228. Грамматическая специфика причастий и деепричастий как особых форм глагола

Причастные и деепричастные формы занимают особое место в морфологической парадигме русского глагола, поскольку они сочетают грамматические свойства глагола и других частей речи — соответственно прилагательных и наречий. На этом основании причастия иногда выводятся из глагольной парадигмы и включаются в состав прилагательных, а деепричастия — в состав наречий (к такому решению склонялся А. М. Пешковский) или же трактуются как самостоятельные части речи (см. исследования А. Н. Тихонова).

Но для большинства грамматистов наличие у причастий и деепричастий существенных глагольных признаков является решающим аргументом в пользу включения этих форм в состав глагольной лексики.

Причастием называется «гибридная», по В. В. Виноградову, форма глагола (типа *любящий, любимый*), обладающая признаками глагола и прилагательного.

Как глагол причастие проявляет себя благодаря категориям вида, залога и времени, лексико-грамматическим признакам переходности и возвратности; кроме того, причастие полностью сохраняет особенности глагольного управления; ср.: *любить детей* — *любящий детей, руководить заводом* — *руководящий заводом*.

Именными свойствами причастия являются его изменяемость по родам, числам, падежам по образцу прилагательных; наличие категории полноты/краткости; согласование с существительным; синтаксическая роль определения или именной части составного сказуемого.

Являясь атрибутивной формой глагола, полное причастие, подобно деепричастию, служит, как уже отмечалось выше, средством обозначения действия побочного, дополнительного по отношению к основному действию, названному предикативной формой глагола. Ср.: *Крестьянин работал и пел* — оба действия представлены как равноправные; *Работавший крестьянин пел* — центральное действие названо предикативной формой *пел*, а сопутствующее — причастной формой *работавший*; *Певший крестьянин работал* — центральное действие обозначено предикативной формой *работал*, а сопутствующее — причастной формой *певший*.

От одного и того же глагола может быть образовано несколько грамматических типов причастий: причастия действительные и страдательные (т. е. причастия действительного и страдательного залога), причастия настоящего и прошедшего времени. Количество причастных форм у того или иного глагола зависит от его грамматических характеристик — вида и переходности/непереходности:

1) от переходных глаголов несовершенного вида могут образовываться действительные и страдательные причастия прошедшего и настоящего времени: *читать* — *читающий, читавший, читаемый, читанный*;

2) от переходных глаголов совершенного вида образуются действительные и страдательные причастия только прошедшего времени: *прочитать* — *прочитавший, прочитанный*;

3) от непереходных глаголов несовершенного вида — только действительные причастия настоящего и прошедшего времени: *выходить* — *выходящий, выходивший*;

4) от непереходных глаголов совершенного вида — только действительные причастия прошедшего времени: *выйти* — *вышедший*.

Действительные причастия, соотносимые по значению с предикатом активных конструкций, ср.: *любящий сын* — *сын любит (родителей)*, образуются прибавлением:

а) к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-ущ/-ющ-, -ащ/-лящ-* (таковы причастия настоящего времени типа *берущий, дающий, слышащий, видящий*);

б) к основе прошедшего времени словоизменительных суффиксов *-вш-, -ш-* (таковы причастия прошедшего времени типа *бравший, несший*).

Страдательные причастия, соотносимые по значению с предикатом пассивных конструкций, ср.: *любимый*

матерью сын и сын любим матерью, образуются прибавлением:

а) к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-ем/-ом-, -им-* (причастия настоящего времени типа *читаемый*, устар. *несомый*; *любимый*);

б) к основе прошедшего времени — словоизменительных суффиксов *-ни-, -ени-, -т-* (причастия прошедшего времени типа *рисованный, принесенный, гнутый*).

Страдательные причастия могут выступать как в полной, так и в краткой форме: *привлеченный* — *привлечен*, различия между ними важны для указания смыслового ранга процессуального признака (см. выше: «Категория предикативности/атрибутивности»).

Наблюдается также сравнительно новая тенденция образования страдательных причастий прибавлением постфикса *-ся*: *хорошо продающиеся книги, носившаяся два года куртка* (такие причастия выступают только в полной форме).

Страдательные причастия с постфиксом *-ся* обычно являются менее употребительными залоговыми вариантами по сравнению с соответствующими суффиксальными формами (ср.: *читаемый* и *читающийся, читанный* и *читавшийся*). Однако иногда, при отсутствии суффиксальных форм страдательных причастий, постфиксальные страдательные причастия являются единственной возможной формой выражения залоговой корреляции на уровне причастия. Ср. невозможность образования суффиксального страдательного причастия настоящего времени от многих глаголов несовершенного вида типа *писать* при возможной постфиксальной форме: *пишущийся*; точно так же единственной формой страдательного причастия прошедшего времени от глагола несовершенного вида *выставлять* является *выставлявшийся* (*картины, выставлявшиеся художником на продажу*).

Система грамматических категорий причастий своеобразна. Отсутствуют в ней, например, специфические глагольные категории наклонения и лица.

Категория вида у причастий имеет ряд особенностей, прежде всего семантических: не все частные видовые значения, присущие спрягаемым формам глагола и инфинитиву, отмечаются при функционировании причастий (так, отсутствуют обобщенно-фактическое значение несовершенного вида и наглядно-примерное значение совершенного вида).

Категория залога формально обычно бывает выражена в причастиях не наличием/отсутствием постфикса -ся, а особыми словоизменительными суффиксами (см. выше об образовании действительных и страдательных причастий).

Категория времени представлена в причастиях только двумя формами — настоящего времени (она имеется только у причастий несовершенного вида: *приносящий, приносимый*) и прошедшего времени (характеризует причастия обоих видов: *приносивший; принесший, принесенный*).

Категории рода, одушевленности, числа и падежа идентичны соответствующим категориям прилагательных. Неслучайно все полные причастия относятся к 1-му адъективному склонению. Краткие причастия не склоняются по падежам, а лишь изменяются по родам и числам, как и краткие прилагательные: *любим, любима, любимо, любимы*.

Деепричастие — это непредикативная неизменяемая форма глагола, обозначающая действие (состояние, отношение) как сопутствующий признак другого действия (состояния, отношения): *А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы* (Н. Гоголь); *...Блестя на солнце, снег лежит...* (А. Пушкин).

В. В. Виноградов определял деепричастие как «гибридную» форму, объединяющую свойства глагола и наречия.

Глагольными признаками деепричастий являются: общекатегориальное значение процессуального признака и характерная лексическая семантика (обозначение действий, состояний, процессов и т. п.); морфологические категории вида и залога; глагольная грамматическая синтагматика; ср.: *быстро читать книгу и быстро читая книгу*.

Наречными грамматическими признаками деепричастий принято считать их неизменяемость (в том числе и по характерным для глагола категориям — по наклонениям, временам, лицам, числам и т. п.); синтаксическую связь примыкания к глаголу; название вторичного признака, т. е. признака процессуального признака.

В предложении деепричастие, подобно многим наречиям, выступает в роли обстоятельства, причем у сказуемого и деепричастной формы предполагается один и тот же субъект. Поэтому грамматически заведомо неправильными являются предложения типа «Подъезжая к <...> станции <...>, у меня слетела шляпа» (А. Чехов); ср. с грамматически корректным: *... я потерял шляпу*. Приведенная в качестве иллюстрации конструкция была использована Чехо-

вым в стилистических целях, для характеристики определенного уровня грамотности персонажа.

Образование деепричастий обусловлено видом глагола.

От глаголов несовершенного вида деепричастия образуются прибавлением:

а) к основе настоящего времени словоизменительных суффиксов *-а/-я*, реже — *-учи/-ючи* (*несут* — *неся*, *трещат* — *треща*, *идут* — *устар. идучи*, *жалеть* — *устар. и нар.-поэт. жалеючи*);

б) к основе инфинитива (или прошедшего времени) суффиксов *-а*, *-вши* (*есть* — *ев* и *евши*, *ехать* — *ехавши*).

Деепричастия совершенного вида образуются от основы инфинитива (прошедшего времени) прибавлением суффиксов *-а*, *-вши*, *-ши* (*разобрать* — *разобрав*, *рассмеяться* — *рассмеявшись*, *вытрясти* — *вытряси*).

Некоторые глаголы имеют вариантыные формы деепричастия: *идти* — *идя* и *устар. идучи*; *озябнуть* — *озябнув* и *устар. озябши*; *увидеть* — *увидя* и *увидев*.

Система грамматических категорий представлена у деепричастий в весьма редуцированном виде по сравнению с другими формами глагола. Вид — это единственная полноценная категория деепричастных форм. Любое деепричастие проявляет грамматические признаки совершенного или несовершенного вида. Однако для деепричастий характерны не все частные видовые значения, а только основные (обычно конкретно-фактическое для совершенного вида и конкретно-процессное для несовершенного).

Залоговые соответствия деепричастных форм типа *прочитывая* — *прочитываясь* наблюдаются в русской речи редко (деепричастие обычно выступает в форме действительного залога).

Противопоставления временных форм деепричастий типа *играя* — *игравши* нерегулярны и воспринимаются как пережиток предшествующих состояний глагольной системы.

§ 229. Глагольное словоизменение

Система глагольного словоизменения характеризуется большей сложностью по сравнению со словоизменением имен. Для каждого русского глагола необходимо установить его принадлежность: а) к словоизменительному классу и б) к типу спряжения.

Глагольные словозменительные (морфологические) классы — это традиционно устанавливаемые классы глаголов с учетом трех признаков:

1) характера модификации основы при словоизменении — учитывается прежде всего соотношение основ инфинитива и настоящего-будущего времени; ср., например: *чита(ть)* — *чита́(ют)* (соотношение *-а/-а́-*);

2) продуктивности/непродуктивности класса (т. е. пополняется или не пополняется тот или иной класс новой глагольной лексикой);

3) типа спряжения (различаются глаголы I и II спряжения; разноспрягаемые глаголы; глаголы особого спряжения).

Согласно В. В. Виноградову, система глагольных классов строится таким образом:

А. Продуктивные классы:

1) *играть* — *игра́ют*, *знать* — *зна́ют* (соотношение основ инфинитива и настоящего-будущего времени: *-а/-а́-*);

2) *синеть* — *сине́ют*, *зреть* — *зре́ют* (соотношение основ: *-е/-е́-*);

3) *реализовать* — *реализу́ют*, *ковать* — *ку́ют*, *горевать* — *гору́ют* (*-ова/-у́-* или *-ева/-у́-*);

4) *любить* — *люба́т*, *хвалить* — *хваля́т* (*-и/-и́-*);

5) *тянуть* — *тяну́т*, *пнуть* — *пну́т* (*-ну/-н́-*; ср. с глаголами 4-го непродуктивного класса).

Глаголы продуктивных классов (кроме 4-го) изменяются по I спряжению.

Б. Непродуктивные классы¹:

1) *искать* — *ищу́т* (I спряжение);

2) *ворчать* — *ворча́т* (II спряжение);

3) *блестеть* — *блестя́т*;

4) *мёрзнуть* — *мёрз*, *мёрзну́т*;

5) *нести* — *несу́т*;

6) *жечь* — *жгу́т*;

7) *вести* — *веду́т*;

8) *тереть* — *тру́т*;

9) *бить* — *бьют*;

10) *выть* — *вою́т*;

¹ От студентов требуется знание пяти продуктивных классов; что касается глаголов непродуктивного образования, то их нумерацию запоминать не следует; однако желательно пронаблюдать, чем отличаются глаголы непродуктивных классов от похожих на них в инфинитиве глаголов, принадлежащих продуктивным классам (ср.: *держать* и *держат*, *белеть* и *тереть*, *толкнуть* и *сохнуть* и т. п.).

- 11) *колоть* — *колют*;
- 12) *дуть* — *дуют*;
- 13) *жить* — *живут*;
- 14) *давать* — *дают*;
- 15) *деть* — *денут*;
- 16) *взять* — *возьмут*;
- 17) *живописать* — *живописуют*.

Вне классов находятся непродуктивные изолированные группы или даже единичные глаголы: *слать* — *шлют*, *быть* — *будут*, *дать* — *дадут*, *есть* — *едят*.

Типы спряжения. Термин «спряжение» иногда понимается широко — как глагольное словоизменение в целом, т. е. изменение глаголов по залогам, наклонениям, временам, лицам (в отличие от именного словоизменения — склонения). Но чаще под спряжением понимается изменение по л и ц а м глагольных форм настоящего-будущего времени.

Типом спряжения называется класс глаголов, имеющих одинаковые личные окончания.

В русском языке два основных типа спряжения:

I спряжение с окончаниями *-у* (графически *-у* и *-ю*), *-ишь* (графически *-ишь*, *-ёшь*), *-от* (графически *-ет*, *-ёт*), *-ом* (графически *-ем*, *-ём*), *-оте* (графически *-ете*, *-ёте*), *-ут* (графически также *-ут* и *-ют*): *иду*, *идёшь*, *идёт*, *идём*, *идёте*, *идут*;

II спряжение с окончаниями *-у* (графически также *-ю*), *-иш* (графически *-ишь*), *-ит*, *-иш*, *-ите*, *-ат* (графически также *-ят*): *кричу*, *кричишь*, *кричит*, *кричим*, *кричите*, *кричат*.

Глаголы *бежать*, *хотеть*, *читать* (а также их приставочные дериваты) являются разноспрягаемыми, они используют окончания обоих спряжений: *бегу*, *бежишь*, *бежит*, *бежим*, *бежите* (II спряжение), но *бегут* (I спряжение); *хочу*, *хочешь*, *хочет* (I спряжение), но *хотим*, *хотите*, *хотят* (II спряжение); *чту*, *чтишь*, *чит*, *читим*, *читите*, *чтят* (II спряжение) и *чтут* (I спряжение).

Глаголы *дать*, *есть* (и их приставочные дериваты, в том числе и те, что по значению уже не соотносятся с этимологическими производящими: *создать*, *надоесть* и др.) называются глаголами о с о б о г о (или архаическо-

го) спряжения, у них особая система окончаний в формах единственного числа и характерное именно для этих глаголов формальное соотношение основ единственного и множественного числа:

дать — *да-ж, да-шь, да-ст, дад-им, дад-ите, дад-ут;*
есть — *е-ж, е-шь, е-ст, ед-им, ед-ите, ед-ят.*

НАРЕЧИЕ

§ 230. Наречие как часть речи

Наречие — это часть речи, выражающая грамматическое общекатегориальное значение вторичного признака, т. е. признака действия, состояния или другого признака. Это частеречное значение выражается наречиями в форме их грамматической зависимости от слов, выражающих значение процессуального или непроцессуального признака: наречие подчинено на основе синтаксической связи примыкания глаголу: *говорить быстро и красиво*, прилагательному: *весьма приятный*, какому-либо другому наречию: *разговаривать крайне любезно*, а также особым словам, называющим состояния живых существ и окружающей среды: *ребенку очень весело*¹ (см. ниже: «Категория состояния»). В предложении наречия обычно бывают обстоятельствами.

Было бы не вполне корректно определять наречия как неизменяемые слова: хотя они не изменяются ни по родам, ни по числам, ни по падежам, ни по временам, тем не менее для некоторых наречий (качественных) характерна словоизменятельная морфологическая категория степеней сравнения: *весело — веселее — веселее всего*.

В словообразовательном плане наречия очень разнообразны; наряду с производными наречиями типа *где, очень, весьма* существует многочисленная группа производных наречий, образованных самыми разными способа-

¹ В некоторых пособиях отмечается, что наречия могут сочетаться также с существительными: *яйцо всмятку, глаза навыкате* и т. п. Однако в подобных сочетаниях наречие утрачивает категориальное значение признака действия, состояния или другого признака и начинает обозначать признак предмета; с синтаксической точки зрения слова типа *всмятку* являются в таких сочетаниях не обстоятельствами, а определениями. А. А. Шахматов отмечал, что в таких случаях происходит адъективация наречий (т. е. наречия переходят в разряд неизменяемых прилагательных).

ми от разных частей речи — от существительных: *вдаль, без спросу, шёпотом*; прилагательных: *весело, по-детски, в открытую*; числительных: *вдвоём, по трое*; глаголов: *нехотя, играючи* — и др. Процесс перехода различных частей речи в разряд наречий (называемый адвербиализацией) является весьма продуктивным.

§ 231. Лексико-грамматические разряды наречий

При установлении лексико-грамматических разрядов наречий учитываются два признака: 1) тип лексического значения наречия; 2) семантико-синтаксическая функция наречия в формировании значения предложения.

По первому признаку противопоставлены знаменательные и местоименные наречия.

Знаменательные наречия обладают номинативным значением, они называют тот или иной признак признака: *хорошо, очень, пешком, наизусть* и т. п.

Местоименные наречия *где, когда, куда, как* и др. не имеют номинативного значения, они не называют признак признака, а указывают на него. Эти наречия называются местоименными потому, что их значение сходно со значениями местоименных слов типа *кто, какой, сколько*; кроме того, многие местоименные наречия образованы от местоимений: *по-моему, затем, оттого* и др.

По второму признаку разграничиваются определительные и обстоятельственные наречия.

Определительные наречия уточняют качество и количество действия или признака, конкретизируют способ совершения действия: *много работать, очень быстро, читать по-польски*. Среди определительных наречий выделяются:

а) наречия меры и степени: *немного, очень, крайне, слишком, вдоволь*;

б) наречия способа действия: *вслух, басом, нараспев, пешком*, в том числе качественные наречия, образованные от качественных прилагательных: *красиво, весело* и др.

Наречия меры и степени синтаксически примыкают к глаголам, прилагательным, другим наречиям (а также к словам категории состояния); наречия способа действия примыкают только к глаголам.

Обстоятельные наречия примыкают только к глаголам. Они не уточняют характер действия, а ука-

зывают на обстоятельства его протекания. Необходимо различать следующие группы обстоятельственных наречий:

- а) наречия места: *слева, вперёд, домой*;
- б) наречия времени: *скоро, давно, вчера, ежедневно*;
- в) наречия причины: *сгоряча, поневоле, сослепу*;
- г) наречия следствия: *добела, досыта*;
- д) наречия цели: *нарочно, назло*;
- е) наречия совместности: *вдвоём, вместе* и др.

§ 232. Степени сравнения наречий

Как и у прилагательных, категория степеней сравнения наречий образуется противопоставлением трех форм: положительной, сравнительной и превосходной степени.

Формы степеней сравнения характерны только для качественных наречий (т. е. от таких определительных наречий способа действия, которые образованы от качественных прилагательных): *весело, красиво* и др. Образование форм степеней сравнения качественных наречий и прилагательных в целом сходно: *весёлый — веселее* и *весело — веселее*, *красивый — красивее всех* и *красиво — красивее всех*.

Сравнительная степень (или компаратив) образуется синтетически и аналитически.

Для образования синтетической (простой) формы компаратива следует после усечения наречного суффикса *-о* прибавить к основе наречия суффиксы *-ее, -ей, -е, -ше*: *красиво — красивее, сухо — суше, далеко — дальше*.

Аналитическая форма компаратива образуется прибавлением к форме положительной степени наречия вспомогательных слов *более, менее*: *более красиво, менее громко*. Такие формы воспринимаются как несколько книжные, в разговорной речи чаще употребляется синтетическая форма компаратива.

Превосходная степень (или суперлатив) обычно образуется аналитически: 1) прибавлением к форме положительной степени вспомогательных слов *наиболее, наименее*: *наиболее (наименее) громко*; 2) прибавлением к синтетической форме компаратива вспомогательных слов *всего, всех*: *красивее всех, смешнее всего*. Синтетическая форма суперлатива наречий (с суффиксами *-ейше, -айше*) в современном языке используется крайне редко, лишь в устойчивых оборотах, и воспринимается как архаичная: *покорнейше благодарю, нижайше кланяюсь*.

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ (безлично-предикативные слова)

§ 233. Категория состояния как часть речи

Категория состояния — это часть речи, выражающая общекатегориальное грамматическое значение состояния живых существ, природы, окружающей среды в грамматической форме главного компонента безличных конструкций (его предиката): *Вам надо уезжать; На улице пасмурно; В комнате тихо*. С учетом особенностей своего функционирования в безличном предложении слова категории состояния называются также **б е з л и ч н о - п р е д и к а т и в н ы м и** словами.

В школьной грамматике слова категории состояния рассматриваются как вид наречий. Действительно, безлично-предикативные слова часто омонимичны наречиям на *-о* (и соответствующим кратким формам прилагательных); ср.: *Платье было красиво* (прилагательное). — *Ученик рисовал красиво* (наречие). — *В комнате было красиво* (категория состояния).

Однако Л. В. Щерба и В. В. Виноградов показали, что эти совпадения являются чисто внешними, что категория состояния — это особая часть речи. Наречия имеют частеречное значение вторичного признака, т. е. признака действия или признака другого признака, а у безлично-предикативных слов — совсем иное частеречное значение: значение состояния.

Кроме того, в предложении наречия являются обычно обстоятельствами, а слова категории состояния — главным членом безличного предложения.

Наконец, у безлично-предикативных слов есть аналитические формы времени, образуемые при помощи вспомогательных и полувспомогательных глаголов *быть, становиться, делаться* (*Вчера было холодно, а завтра станет тепло*); у наречий категории времени нет и не может быть.

Всё это свидетельствует о грамматической противопоставленности наречий и слов категории состояния.

Категорию состояния образуют следующие группы безлично-предикативных слов:

1) слова на *-о*, соотносительные с качественными наречиями и краткими формами прилагательных: *весело, тихо, тепло, смешно* и др.;

2) слова *пора, лень, охота, грех* и др., которые соотносительны с существительными, однако в отличие от них обозначают не предмет, а состояние: *Нам пора уходить; Им охота читать*;

3) слова *надо, можно, стыдно, совестно, боязно, нельзя, жаль*, которые не находят соответствия в других частях речи современного русского языка.

§ 234. Лексико-грамматические разряды безлично-предикативных слов

По особенностям семантики и грамматического поведения можно выделить два разряда слов категории состояния — качественные и модальные.

К а ч е с т в е н н ы е безлично-предикативные слова обозначают состояние живых существ и окружающей среды:

а) эмоционально-психическое состояние человека: *грустно, весело, страшно*;

б) физическое или физиологическое состояние человека: *голодно, больно, дурно*;

в) физическое и метеорологическое состояние окружающей среды: *сухо, светло, пасмурно, уютно, пустынно* и др.

От качественных безлично-предикативных слов возможно образование форм степеней сравнения — компаратива: *уютнее; более (менее) темно* — и суперлатива: *страшнее всего*.

М о д а л ь н ы е безлично-предикативные слова выражают модальную оценку состояния субъекта, т. е. они имеют значение желания, готовности, необходимости, возможности произвести то или иное действие: *надо, нужно, можно, необходимо, невозможно, лень, охота* (разг.) и др.

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 235. Общая характеристика системы неизменяемых частей речи

В современном русском языке наряду с рассмотренными ранее семью изменяемыми самостоятельными частями речи, которые обладают более или менее развернутой словоизменительной парадигмой (включая наречия и слова категории состояния, многие из которых изменяются по сте-

пеням сравнения), выделяются также пять частей речи неизменяемых, с нулевой морфологической парадигмой. Это служебные слова (предлоги, союзы, частицы), модальные слова и междометия.

Для научных направлений, которые ставили перед собой задачу описания в рамках морфологии исключительно словоизменяемых характеристик слова (таковой была в России начала XX в. «формальная» школа Ф. Ф. Фортунатова), все неизменяемые слова не представляли специального интереса, их нередко объединяли в рамках одной части речи. Однако, если не сводить грамматические свойства слова к его флексии (против отождествления понятий грамматической формы слова и флексии энергично возражали Л. В. Щерба и В. В. Виноградов), все перечисленные классы неизменяемых слов обнаруживают существенные грамматические различия, образуя разные части речи.

Неизменяемые части речи относятся к разным по классификации В. В. Виноградова структурно-семантическим типам слов. Модальные слова и междометия сами по себе составляют особые структурно-семантические типы слов. Что касается предлогов, союзов и частиц, то они образуют структурно-семантический тип служебных частей речи. Именно с него удобнее всего начать рассмотрение системы неизменяемых частей речи русского языка.

§ 236. Предлог

Предлог — это служебная часть речи, используемая как средство синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другими словами в предложении и словосочетании: *дом у дороги, перейти через улицу, первый в классе, подойти к ним.*

По своему строению предлоги делятся на:

1) **непроизводные (или первообразные):** *в, без, к, на, при* и др.;

2) **производные (или непервообразные),** образованные от других частей речи (*навстречу, посредством, несмотря на*) или же путем сложения двух первообразных предлогов (*из-за, по-над* и др.).

По значению многие предлоги (особенно пространственные) соотносятся с соответствующими префиксами; ср.: *войти в лес, съехать с горы, подлезть под диван*; ср. также: *безголосый — без голоса, петь и при этом плясать — приплясывать.*

Подобно другим словам, предлоги бывают многозначными. Предлог *над*, например, имеет: 1) пространственное значение (*летать над рекой*); 2) объектное значение (*задуматься над вопросом*). Однозначны обычно производные предлоги (*благодаря* — только причинное значение).

Выражая идею отношения, предлоги по своему грамматическому значению сопоставимы с падежными окончаниями, поэтому выступают вместе с ними в едином функциональном комплексе, образуя целостную по значению предложно-падежную конструкцию. Неслучайно беспредложные падежные формы нередко выражают то же грамматическое значение, что и предложно-падежные конструкции. Ср.: *сказать другу* — *обратиться к другу* (разновидность объектного значения 'адресат'); *идти лесом* — *идти через лес* (пространственное значение).

Некоторые падежи (родительный, дательный, винительный, творительный) могут употребляться как с предлогами, так и без них (*крыша дома* и *уйти из своего дома*; *верить брату* и *подойти к брату*; *думать всю ночь* и *уйти в ночь*; *гордиться семьей* и *чувствовать ответственность перед семьей*). Особенно много предлогов сочетается с родительным падежом: *без, для, до, из, из-за, из-под, между, от, с, у*, а также более чем сто производных предлогов: *в виде, ввиду, в отличие от, в результате, по причине, под видом* и т. п.

Предложный падеж, как явствует уже из его названия, употребляется только с предлогами (*думать об институте, работать на заводе, сидеть на берегу, жить при царе*). Именительный падеж никогда не сочетается с предлогами.

Большинство предлогов сочетается только с одним каким-то падежом: *к* — с дательным, *без* — с родительным, *про* — с винительным и т. п. Отдельные предлоги сочетаются с несколькими падежами: *в* и *на* — с винительным и предложным падежами (*ехать в деревню* — *жить в деревне; сесть на диван* — *сидеть на диване*), *с* — с родительным, винительным и творительным падежами (*съехать с горы, быть ростом с гору, с этой горой шутики плохи*), *по* — с дательным, винительным и предложным падежами (*идти по дороге, войти в воду по колено, по истечении срока*) и т. д.

§ 237. Союз

Союзом называется служебная часть речи, которая используется как средство выражения синтаксической связи

между членами предложения, частями сложного предложения, компонентами текста.

По строению различаются союзы:

1) **непроизводные (первообразные):** *а, да, и, или, но;*

2) **производные (непервообразные):** *зато, почему, поскольку, причем* и т. д.

Многие из непервообразных союзов являются составными, с компонентами, которые отделены друг от друга частями предложения: *Кроме того, Михаил Семенович управлял машинами как военными, так и типа гражданского...* (М. Булгаков). Одни из составных союзов являются повторяющимися — в них повторяется один и тот же первообразный или непервообразный союзный компонент (*и ... и, ни ... ни, то ... то, то ли ... то ли*); другие составные союзы являются комбинацией разных союзных компонентов (*как ... так и, если ... то, не только ... но и*).

По значению и грамматическим функциям союзы делятся на два класса: **сочинительные** и **подчинительные**.

Сочинительные союзы образуют грамматический класс служебных слов, используемых для выражения сочинительных (однородных) отношений между частями предложения. В зависимости от характера значения выделяются несколько групп подчинительных союзов, основными из которых являются:

1) **соединительные:** *и, да* (в значении 'и'), а также повторяющиеся соединительные союзы: *и ... и, ни ... ни, как ... так и;*

2) **противительные:** *но, да* (в значении 'но'), *однако, а, зато;*

3) **разделительные:** *или, либо, то ... то, не то ... не то, то ли ... то ли;*

4) **присоединительные:** *причем, да и, также* и др.;

5) **пояснительные:** *а именно, то есть;*

6) **градационные:** *не только ... но и, не то чтобы ... а/но, не столько ... сколько.*

Подчинительные союзы — это грамматический класс служебных слов, используемых для выражения подчинительной связи между частями сложного предложения: *Не тревожься, что сказала правду* (И. Гончаров) — или, реже, между частями простого предложения: *Янтара — что песку там речного* (А. Пушкин).

По значению подчинительные союзы относятся к следующим группам:

1) **временные:** *когда, пока;*

2) причинные: *потому что, оттого что, так как, книжн. ибо*;

3) следствия: *так что, в результате чего*;

4) условные: *если, ежели, устар. коли, разг. раз, кабы*;

5) уступительные: *хотя, несмотря на то что*;

6) целевые: *чтобы, для того чтобы, с тем чтобы*;

7) сравнительные: *чем, как, словно, точно, будто*;

8) изъяснительные: *что, чтобы* (в значении 'что').

Более подробно семантика и функционирование союзов рассмотрены в разделе «Синтаксис».

§ 238. Частица

Частицами обычно называется служебная часть речи, передающая оттенки лексических и синтаксических значений, уточняющих и конкретизирующих значение слов и синтаксических конструкций.

Противопоставлены два грамматических класса частиц: частицы модальные и амодальные (т.е. немодальные).

М о д а л ь н ы е частицы приносят в предложение значения реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности, вопросительности/утвердительности и т.п. К частицам данного класса относятся:

1) модально-волевые: *бы* (Хлеба *бы!*), *ну* (Ну как не порадовать родному человечку!.. — А. Грибоедов), *дай, давай(те)* (Дай я скажу!; Давай выходи!), *уж* (Иди *уж!*), *пусть, пускай* (Пусть уходит), *же* (Иди *же*);

2) персуазивные (со значением достоверности/недостоверности): разг. *чай* 'вероятно', *ей-ей* 'непременно' (Он *чай* приедет скоро; Они *ей-ей* сделают всё, что полагается), *якобы* (Они *якобы* ничего не знают об этом);

3) авторизационные, информирующие о том, что источником передаваемой информации является не говорящий: *мол, де, дескать*;

4) вопросительные: *ли, разве, неужели*, разг. *небось* и др.;

5) отрицательные: *не* и *ни*;

6) эмоционально-оценочные: *тоже* (Тоже ученик!), *вот ещё, так-таки (и), куда как, где там* и др. (все они выражают негативно-оценочное отношение говорящего).

А м о д а л ь н ы е частицы также делятся на несколько функционально-семантических групп:

1) указательные: *вон, вот*;

2) выделительно-ограничительные: *хоть, только, лишь, всего (лишь), единственно, исключительно* и др.;

3) определительно-уточняющие: *чуть, чуть не, как раз, точь-в-точь, именно, почти, ровно, прямо, точно, подлинно, в точности*;

4) усилительно-подчеркивающие: *же (Как же нам поступить?), -то (Он-то знает, что говорит), уж, ведь, даже*.

Не являются частицами, т. е. служебными словами, следующие аффиксы в составе слов, нередко называемые частицами (что некорректно):

а) возвратный постфикс *-ся/-сь* в глагольных формах: *учился, смеялись*;

б) местоименные словообразовательные аффиксы — префикс *кое-* и постфиксы *-то, -либо, -нибудь*: *кое-кто, куда-либо, какой-нибудь*.

Некоторые самостоятельные части речи могут в составе предложения выступать вместо частиц. Подобные изменяемые слова, синонимичные частицам, также не следует называть частицами, а именно:

местоименное прилагательное *самый* в определительно-уточняющем значении (ср.: *в самый праздник — как раз в праздник, в самое сердце — точно в сердце*);

числительное с грамматическими признаками прилагательного *один* в выделительно-ограничительном значении (ср.: *тут живут одни медведи — только медведи*).

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 239. Модальные слова как часть речи

Модальными словами называется особая — не самостоятельная и не служебная — часть речи, общекатегориальное значение которой сводится к передаче разнообразных субъективно-модальных отношений говорящего к тому, о чем и как он говорит: *вероятно, кстати, во-первых* и др.

Модальные слова не изменяются. В предложении они не связаны с другими словами и словоформами, выполняют функцию вводных слов (пунктуационно и интонационно они непременно обособляются, чем отличаются от модальных частиц), нередко сами по себе составляют высказывание: — *Вы, разумеется, прочли последний роман Астафьева? — Конечно!*

Многие модальные слова пишутся не в одно слово (*может быть, как говорится* и т. п.), хотя это лишь дань орфографической традиции: по своим грамматическим и

акцентуационным свойствам показатели модальных отношений типа *может быть* являются цельнооформленными словами.

От модальных слов как части речи следует отличать вводные конструкции, выполняющие сходные функции в предложении, но состоящие из нескольких слов, которые в плане морфологии принадлежат разным частям речи. Ср.: *В этом году, как все говорят, будет много ягод.*

Лексико-грамматические разряды модальных слов устанавливаются с учетом их семантики и функционирования. Обычно разграничиваются:

1) показатели персуазивности, т.е. достоверности/недостоверности сообщаемого: *несомненно, конечно, безусловно, разумеется, вероятно, видимо, кажется, может быть* и др.;

2) показатели авторизации, связывающие достоверность информации с ее источником: *по слухам, как говорят* и др.;

3) показатели оценки содержания передаваемой информации: *к счастью, к сожалению* и др.;

4) метатекстовые модальные слова — показатели порядка изложения мыслей в тексте: *во-первых, кроме того, наконец* и др.; средства обобщения, уточнения или дополнения информации: *итак, словом, в частности, иначе говоря* и др.;

5) фатические модальные слова, служащие для установления оптимального речевого контакта говорящего со слушающим: *понимаешь, слышите, представьте, видите ли, знаете ли* и др.

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 240. Междометие как часть речи

Междометиями называется относительно непродуктивная часть речи, сама по себе составляющая, подобно модальным словам, особый структурно-семантический тип слов и выражающая (но не называющая) эмоции, например: *о!* как произвольное выражение восторга, *ах!* как выражение чувства страха и т. п.

Междометия не изменяются, не связаны синтаксически с другими словами. В речи междометия отделяются от других элементов текста паузами, при написании — обычно

запятой или восклицательным знаком: *Ах, поля мои, борозды милые...* (С. Есенин); — *А!* — *сказала тетушка и посмотрела пристально на Ивана Федоровича...* (Н. Гоголь).

Как только междометие начинает вступать в синтаксические связи с окружающими словами, оно сразу же переходит в другую часть речи; ср.: междометие *Марш!* 'команда для начала движения воинского подразделения' и образованный от него неспрягаемый глагол *марш* (*Марш спать!*; *Марш по домам!*).

Противопоставлены три лексико-грамматических разряда междометий:

1) **эмоциональные**, непосредственно передающие чувства говорящего: *а, ах, ай, ай-яй-яй, о, ого, ого-го, э, эге, жда, гм, фи, фу, тьфу; браво, боже, господи, батюшки* и др.;

2) **императивные**, передающие то или иное приказание или команду адресату: *айда, алло, марш, на, стоп, баста, ату*; целый ряд междометий этого типа используется при общении с домашними животными: *тпру, но, кис-кис* и др.;

3) **этикетные**, выражающие общепринятые формулы речевого этикета: *здравствуй, до свидания, спасибо, не стоит* и др.

Основу междометий как части речи составляют междометия эмоционального типа; именно они в полной мере выражают частеречное значение данного грамматического класса слов. Императивные междометия объединяют свойства междометия и глагола. Эмоциональность этикетных междометий обычно нейтрализована предсказуемостью их употребления в коммуникативных ситуациях определенных типов (в речевых актах приветствия, прощания, благодарности и пр.).

От междометий следует отличать **звукоподражания**. Это неизменяемые слова, воспроизводящие звуки, издаваемые живыми существами, механизмами или характерные для окружающей среды: *ха-ха-ха!, ква-ква, таратарак!* и т. п.

Звукоподражания не выражают эмоций и в предложении обычно не изолированы от других слов, выполняя функции того или иного члена предложения. Например: *...А девица — хи-хи-хи да ха-ха-ха!* (А. Пушкин) — звукоподражание здесь является сказуемым; *Но бестолковая кукушка, самолюбивая болтушка, одно куку свое твердит* (А. Пушкин) — звукоподражание выступает в роли допол-

нения. Ср. также в детской речи — о животном: *Хрю-хрю спит* — звукоподражание здесь служит подлежащим.

Особенность семантики звукоподражаний — звуковая мотивированность их значений. Тем не менее в разных языках звукоподражания, соответствующие одному и тому же значению, различны; ср.: рус. *гав-гав* — англ. *bow-wow* (*bow-wow*), рус. *ква-ква* — *твонк-твонк* в языке аборигенов Австралии.

Следовательно, звукоподражания — это особая часть лексического состава каждого конкретного языка, неслучайно они фиксируются словарями. В то же время они не составляют особой части речи, а являются специфическими «заменителями» существительных и глаголов. При этом одно и то же звукоподражание может выполнять функции то имени (ср. в детской речи: *Наша ав-ав убежала*), то глагола (*Собачка всё ав-ав да ав-ав, злится на кого-то*).

§ 241. Общая характеристика морфологического строя русского языка

Выше были рассмотрены самые важные особенности современной русской морфологии как одного из уровней в системе языка. Было представлено соотношение основных грамматических классов слов (частей речи) и выделяемых в рамках частей речи лексико-грамматических разрядов; для каждой из знаменательных частей речи была показана система морфологических категорий и выявлена система формально-грамматических средств, служащих целям выражения каждой из категорий.

Благодаря всей этой информации можно сделать вывод о самом характере морфологического строя современного русского языка.

Ученые обычно определяют русскую морфологию как систему синтетического (флективного) типа с развитыми — а в последнее время даже усиливающимися — чертами аналитизма. Что означают эти характеристики?

Наукой выделены два основных типа языков по отношению к словоизменению:

1) языки с и н т е т и ч е с к и е, в которых грамматические значения слова обычно выражаются флексиями, входящими в структуру этого слова (таков латинский язык, в значительной степени — немецкий);

2) языки а н а л и т и ч е с к и е (китайский, современный английский), где словоизменение отсутствует полно-

стью или же представлено в минимальном виде, а грамматические значения слова выражены обычно не самим словом, а с помощью окружения: служебными словами, порядком слов, сочетаемостью с другими словами и т. п.; так, в современном английском отсутствует падежная система у существительных, и синтаксические отношения существительных к другим словам, выражаемые в русском языке падежными окончаниями, в английском могут быть выражены только за пределами существительного, например предложения: *the book of the teacher* (ср. рус.: *книга учителя*), *to tell to the teacher* (ср.: *сказать учителю*), *to be delighted with the teacher* (ср.: *восхищаться учителем*).

Ясно, что русский язык, в основе своей с и н т е т и ч е с к и й (с развитым именным и глагольным словоизменением), в то же время обладает и многими а н а л и т и ч е с к и м и чертами:

а) обширен круг составных (т. е. аналитических) грамматических форм слов: *буду читать, пусть читает, давайте читать, давай прочитаем, читал бы, был прочитан; самый новый, новее всех, более новый*;

б) в рамках традиционно изменяемых частей речи растет круг неизменяемых слов, которые способны выражать свои грамматические значения только при помощи окружения: это несклоняемые существительные (*кино, МГУ, Живаго*), прилагательные (*авиа, беж*), числительные (*много, мало*), неспрягаемые глаголы (*прыг, скок*);

в) увеличивается число изменяемых слов, которые свои отдельные грамматические характеристики (род, вид и др.) могут выражать только при поддержке окружения: такковы новые слова общего рода типа *врач, директор*, новые двувидовые глаголы типа *газифицировать, пролонгировать* и т. п.

С учетом всего сказанного можно утверждать, что русский язык развивается в направлении к языкам аналитического строя (часто говорят так: постепенно приближается в грамматическом отношении к таким языкам, как английский).

Конечно, такие утверждения, в принципе верные, не следует понимать упрощенно и ожидать, что через год или через десять лет в русском языке существительные перестанут изменяться по падежам, как в английском или китайском. Речь идет лишь о т е н д е н ц и и языкового развития, а языки развиваются крайне медленно. Кстати, особенно стабильна, с трудом поддается изменениям именно морфологическая система языка.

На этом мы заканчиваем рассмотрение русского словоизменения, обсуждение основных вопросов, связанных с устройством, значением и употреблением в речи грамматических форм различных частей речи.

Давайте, однако, задумаемся, с какой целью мы изменяем слова, образуем те или иные грамматические формы? Очевидно, что вовсе не для того, чтобы продемонстрировать окружающим свои знания правил русской грамматики (об этих правилах в обычной речи мы даже не задумываемся!).

Так почему же изменяются слова? Потому, что этого требуют синтаксические единицы — словосочетания и предложения. В разных конструкциях одно и то же слово должно появиться в разных своих грамматических формах. Следовательно, мы должны перейти к устройству словосочетаний и предложений, в образовании которых участвуют различные грамматические формы разных частей речи. Эти вопросы рассматриваются в следующем разделе нашей книги.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971.

Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. — СПб., 1996.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. — М., 2002.

Бондарко А. В., Буланов Л. Л. Русский глагол. — Л., 1967.

Буланов Л. Л. Трудные вопросы морфологии. — М., 1976.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — 4-е изд. — М., 2001.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М., 1967.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 4-е изд. — М., 2003.

Голованов И. Г. Морфология современного русского языка. — М., 2007.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: В 2 т. — 2-е изд. — М., 2003.

Камынина А. А. Современный русский язык: Морфология. — 2-е изд. — М., 2010.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. — М., 2010.

Клобуков Е. В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: Введение в методику позиционного анализа. — М., 1986.

К л о б у к о в Е. В. Морфология // Современный русский литературный язык: Новое издание / Под ред. П. А. Леканта. — М., 2009.

К н я з е в Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. — М., 2007.

К у б р я к о в а Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения // Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М., 2004.

М а с л о в Ю. С. Очерки по аспектологии // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. — М., 2004.

М е л ь ч у к И. А. Курс общей морфологии. Т. II. — М.; Вена, 1998.

М и л о с л а в с к и й И. Г. Морфологические категории современного русского языка. — М., 1981.

П а н о в М. В. Позиционная морфология русского языка. — М., 1999.

П а н о в а Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. — М., 2010.

П е т р у х и н а Е. В. Русский глагол: Категории вида и времени в контексте современных лингвистических исследований. — М., 2009.

П л у н г я н В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. — 3-е изд. — М., 2009.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1980. — Т. I.

Русская грамматика / Под ред. К. Горалека. — Прага, 1979. — Т. 1.

Русский язык: энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1997.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. — М., 1968.

Современный русский язык: Морфология / Под ред. С. И. Богданова. — СПб., 2007.

Теория функциональной грамматики: [Серия коллективных монографий под общ. ред. А. В. Бондарко]: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987; Темпоральность. Модальность. — Л., 1990; Персональность. Залоговость. — СПб., 1991; Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива предложения. Определенность/неопределенность. — СПб., 1992; Качественность. Количественность. — СПб., 1996.

Ш а н с к и й Н. М., Т и х о н о в А. Н. Современный русский язык. Ч. II: Словообразование. Морфология. — М., 1981

Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.

Я н к о - Т р и н и ц к а я Н. А. Русская морфология. — 2-е изд. — М., 1989.

§ 242. Основные единицы синтаксиса

Мы перешли от одного раздела грамматики к другому: в морфологии рассматривали грамматические значения слова и его формы, выражающие эти значения; в синтаксисе будем иметь дело с употреблением форм слова в предложении, с их связями, отношениями, с собственными грамматическими значениями предложений.

Нужен другой взгляд, другая работа мысли. Необходимо видеть формы слова как инструмент образования предложения. Однако, изучая синтаксис, нельзя отрывать от морфологии, забывать ее. Настоящая жизнь слова, его форм проявляется в предложении: в предложение входит не слово целиком — со всеми его формами и значениями, а одна из его форм, один вариант — **с л о в о ф о р м а**.

Основные единицы синтаксиса — **с л о в о с о ч е т а н и е** и **п р е д л о ж е н и е**. Это единицы разного назначения, каждая из них имеет свои существенные признаки. Предложение оформляет высказывание, оно является главной единицей синтаксиса. Словосочетание — один из компонентов предложения, оно представляет собой вспомогательную единицу. В синтаксисе изучаются правила грамматического оформления предложения и словосочетания.

В речи предложения связаны друг с другом. Группа предложений, определенным образом связанных между собой в относительно завершенном отрезке текста, объединенном тематически и логически, образует так называемое сложное синтаксическое целое. Например:

Даша подъезжала к Евпатории после полудня. Незадолго до города, с дороги, пыльной белой лентой бегущей по ровной степи, мимо солончаков, ометов соломы, она увидела против солнца большой деревянный корабль. Он медленно двигался в полуверсте, по степи, среди полыни, сверху донизу покрытый черными, поставленными боком, парусами. Это было до того удивительно, что Даша ахнула. Сидевший рядом с ней в автомобиле армянин сказал, засмеявшись: «Сейчас море увидишь».

(А. Толстой)

В этом тексте — сложном синтаксическом целом — единое тематическое содержание (первая встреча Даши с морем), предложения связаны с помощью выделенных лексических единиц, а также глагольных форм времени и вида. Закономерности построения сложного синтаксического целого — предмет изучения синтаксиса текста.

Синтаксические средства русского языка, с помощью которых строятся предложения и словосочетания, разнообразны. Основными являются формы слов в их взаимодействии и служебные слова. Посредством словоизменительных показателей и служебных слов осуществляется синтаксическая связь слов в словосочетании и предложении. Например, в предложении *Сквозь тучу глядело на землю негреющее солнце* (М. Шолохов) слова связаны родовыми окончаниями (*солнце глядело, солнце негреющее*), а также падежными окончаниями в сочетании с предлогами (*глядело на землю, глядело сквозь тучу*). При построении предложения используются также интонация и порядок слов. Интонация (сообщения, вопроса, побуждения) не только средство грамматической организации предложения, но и показатель законченности высказывания. Порядок слов — это взаимное расположение их в составе словосочетания и предложения. В русском языке есть определенные правила взаимного расположения слов в разных видах их сочетаний. Так, грамматической нормой является расположение сказуемого после подлежащего; согласованное определение обычно ставится перед определяемым словом, а несогласованное — после него; отступление от этого правила используется в стилистических целях; ср.: *гений чистой красоты; пышное природы увяданье* (А. Пушкин). Порядок слов может быть формальным показателем синтаксической функции слова при отсутствии основных показателей: *искусство кино* — функция определения (ср.: *искусство живописи; театра*); *Жениться* — не лапоть надеть (поговорка) — функция подлежащего препозитивного инфинитива.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

§ 243. Признаки и состав словосочетания

Словосочетание имеет следующие признаки: а) наличие не менее двух самостоятельных слов; б) их смысловое един-

ство; в) их грамматическая связь: *чудное мгновенье, явилась передо мной*. Наиболее цельными по значению являются словосочетания, обозначающие предметы с их признаками (*майский полдень, бегущий олень, девичьи лица, дорога в лесу*).

Состав словосочетания. Словосочетание является двучленным. В нем имеется грамматически господствующий член (главная словоформа) и грамматически подчиненный член (зависимая словоформа). Так, в словосочетании *холмистый берег* главная словоформа — *берег*, зависимая — *холмистый*.

Минимальное словосочетание, включающее два самостоятельных (знаменательных) слова, называется **простым** (*встреча друзей, встреча с друзьями, дружеская встреча, встретил друзей*). **Сложные** словосочетания образуются при распространении простых (*встреча старых друзей, встретил брата и друга, написал письмо брату*). Сложное словосочетание может быть разделено на простые (*встреча друзей, старых друзей; встретил брата, встретил друга; написал брату, написал письмо*).

Простые и сложные словосочетания не употребляются в речи сами по себе, а только в составе предложения. Из предложения они могут быть выделены и проанализированы.

При определении состава словосочетания надо быть очень внимательным, надо иметь в виду, что слова одной части речи могут выступать в одном словосочетании в роли главного элемента, а в другом — в роли зависимого. Так, имя существительное или господствует, или подчиняется; ср.: *дом (к о г о? ч е й?) отца — отец (к о г о? ч е й?) солдата; дерево возле дома — дом возле дерева*. Имя прилагательное чаще выступает как зависимый от существительного член словосочетания (хотя обычно располагается перед ним), но может быть главным, а имя существительное — зависимым; ср.: *Какая-то красивая полная дама беседовала с военным в красной фуражке* (А. Чехов); *Океан, весь полный блеска, из постели виден мне* (К. Бальмонт) — *полная дама* (существительное плюс прилагательное); *полный блеска* (прилагательное плюс существительное); в первом случае прилагательное — зависимый член, во втором — главный.

§ 244. Отношения между членами словосочетания

В словосочетании проявляются три основных типа синтаксических отношений между господствующим и зависимым членами: атрибутивные (определятельные), объект-

ные, обстоятельственные. Содержание этих отношений зависит: а) от принадлежности господствующей словоформы к определенной части речи, б) от ее (словоформы) обобщенного значения (предмет, действие, качество, состояние), в) от формы зависимого члена. Установить тип отношений помогают смысловые вопросы (от господствующего к зависимому члену).

А т р и б у т и в н ы е (определятельные) **о т н о ш е н и я**: предмет (значение господствующего члена) — его признак (значение зависимого члена); этому содержанию соответствует вопрос *к а к о й?* — *молодой дуб, выразительное чтение, наш дом, летящий самолет, лодка с парусом.*

О б ъ е к т н ы е отношения: действие (значение господствующего члена) — его объект (значение зависимого члена); это содержание соответствует вопросам к косвенным падежам имени существительного — *люблю (к о г о?) брата, копаю (ч т о?) землю, размахивал (ч е м?) палкой, дотронулась (д о ч е г о?) до стекла, чтение (ч е г о?) книг, полный (ч е г о?) воды, играющий (в о ч т о?) в мяч.*

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е **о т н о ш е н и я**: действие, признак (значение господствующего члена) — его признак, характеристика (значение зависимого члена); это содержание соответствует вопросам к наречиям и к обстоятельствам разных разрядов — *поет (к а к?) красиво, устал (н а с к о л ь к о?) очень, сильный (н а с к о л ь к о?) в какой степени?) слишком, вернулся (к о г д а?) вчера, еду (к у д а?) в Москву, остановились (д л я ч е г о?) с какой целью?) отдохнуть, для отдыха, устал (п о ч е м у? о т ч е г о?) от ходьбы, влажный от росы и т. п.*

§ 245. Виды связи слов в словосочетании

Форма словосочетания — это связь образующих его словоформ. Подчинение одной словоформы другой (господствующей) выражается флексиями. Форма зависимого члена выбирается под влиянием господствующего; например, употребив существительное в форме *в дом*, необходимо поставить в такой же форме относящееся к нему прилагательное и пр. — *в дом родной, в мой дом*, а при форме *в доме* — *в родном доме, в моем доме* и т. п. При глаголе *войти* нужно употребить существительное в нужном падеже: *войти в дом, но поселиться в доме; выйти из дома* и пр.

Способ подчинения (выбора зависимой формы) называют в и д о м с в я з и; это согласование, управление, при-
мыкание.

Согласование — это уподобление форм рода, числа, падежа прилагательного формам господствующего существительного: *из темного леса, в темных лесах, к темному лесу*. Так же уподобляются имени существительному формы причастий, порядковых числительных, местоименных прилагательных: *спящая красавица, на первое место, в другую сторону, в моем доме*. Количественные числительные согласуются только в косвенных падежах (кроме винительного): *в двух шагах, из трех домов, с четырьмя деревьями* (рода и числа эти числительные не имеют!); *но один билет, в одно место, одной книгой, в одни руки, из одних саней* согласуются во всех падежах.

Аналогично согласуются зависимые словоформы с прилагательными и причастиями, перешедшими в существительные или употребленными в значении существительных: *лишняя запятая, лишнюю запятую; студенческая столовая, студенческой столовой; первые отдыхающие, первых отдыхающих; моя любимая, моей любимой; ваши родные, вашими родными; всё лишнее, всем лишним; первый встречный* и т. д.

С неизменяемыми словами, употребленными в значении существительного, согласуемые словоформы употребляют-
ся в среднем роде: *громовое ура, долгожданное завтра*; с помощью этих согласуемых словоформ обозначается и падеж: *громовым ура, долгожданного завтра*. Такое согласование является «условным», так как главные слова *ура, завтра* (междометие, наречие) рода и падежа не имеют. Не нужно путать с этими случаями согласование прилагательного и др. с несклоняемыми существительными (они имеют род!): *надежное метро, справочное бюро, прекрасная леди, моя Мери* и т. п.

По особым правилам согласуются зависимые прилагательные и др. с местоимениями-существительными, указывающими на лицо или предмет. Личные местоимения, кроме *он (она, оно)*, не имеют рода, поэтому в тех редких случаях, когда они являются главным членом словосочетания, форма рода прилагательного и др. выбирается в зависимости от пола лица, на которое указывают местоимения *я, ты*: *я весь, я вся; ты весь, ты вся; Ты вся вековая истома* (Н. Некрасов); *ты первый, я первая* и т. п. (см. также согласование сказуемого с подлежащим, выраженным личными местоимениями *я, ты*). Ср. особое согласование с *ты* и *вы* как формой

обращения: прилагательное и др. употребляется в среднем роде: *вежливое Вы, фамильярное ты*; например: *Пустое вы сердечным ты она, обмолвись, заменила и все счастливые мечты в душе влюбленной возбудила* (А. Пушкин).

Местоимения *кто, что* и все производные от них — *ни-кто, ничто, некто, нечто, кто-то, что-то* и др. не имеют рода. Согласование с ними прилагательных и др. по роду является условным: с *кто* и др. они употребляются в мужском роде, а с *что* и др. — в среднем: *кто первый, что важное, нечто необыкновенное*, например: *Кто-то тайный тихим светом наполнил мои глаза* (С. Есенин).

Надо иметь в виду, что не все формы прилагательного связываются в словосочетании с главной словоформой существительного по способу согласования. Форма сравнительной степени качественных прилагательных (простая) не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам. Как зависимый член словосочетания с существительным она связывается по способу **п р и м ы к а н и я**: *Налымов взял комнату подешевле* (А. Н. Толстой) — в словосочетании *комнату подешевле* связь — **п р и м ы к а н и е**.

Управление — выбор падежной формы имени существительного (или местоимения) под влиянием грамматической формы или семантики господствующего члена: *любила музыку, склонный к размышлениям, жажда славы, мечты о подвигах*. Так, некоторые разряды или формы глагола употребляются только с определенными падежами зависимых существительных: переходные — с винительным падежом без предлога (*написал повесть, вскопали грядку, решает задачу*); страдательные — с творительным падежом (*смываются дождем, наполнены водой, любимый всеми*). Имена существительные с семантикой отношения требуют дательного падежа с предлогом *к* (*любовь к отечеству, презрение к подхалимству, внимание к детям, уважение к старикам, отвращение к лентяям*). Такую обязательную связь называют **сильным управлением**. **Слабое управление** допускает употребление разных падежей (*жили — в лесу, возле озера, недалеко от поселка, рядом с рекой*).

При одной и той же господствующей словоформе могут быть употреблены и сильноуправляемая и слабоуправляемая падежные словоформы существительного: *Только удары лошадиных копыт о камни еще несколько мгновений нарушали мертвую тишину летней уральской ночи* (Д. Мамин-Сибиряк) — в словосочетании *нарушали мертвую тишину* сильное управление, в словосочетании *несколько мгновений*

вений *нарушали* слабое управление — эта зависимая словоформа является для глагола *нарушали* (тишину) необязательной.

Влияние главного члена на выбор формы зависимого существительного может быть минимальным или даже вовсе не проявляться: *дом у дороги, девочка с косичками*. Сама зависимая словоформа (особенно с предлогом) выбирается по свойственному ей значению — состояния, пространства, времени, причины и т. п.: *И обоим рисуется белая, тихая ночь в лесу* (А. Куприн); *Но этот первый рассказ в поезде запомнился мне особенно резко* (К. Паустовский); *Стол с фруктами уже готов* (А. Чехов); *В приемную вошел человек в ватнике* (К. Паустовский) — в словосочетаниях *ночь в лесу, рассказ в поезде, стол с фруктами, человек в ватнике* управляемые предложно-падежные словоформы не мотивируются главным членом, а выбираются по значению.

Зависимым членом словосочетания может быть несклоняемое существительное: *станция метро, едет в депо, надела пальто, поставят трюмо* и пр. Такие существительные не изменяются по падежам (не склоняются), но имеют значение того или иного определенного падежа (в указанных словосочетаниях: *метро* — род. п., *в депо* — вин. п., *пальто* — вин. п., *трюмо* — вин. п.). Поэтому их связь с господствующей словоформой — управление. *С людьми в дороге надо сжиться, / Чтоб стали как свои тебе / Впервые встреченные лица / Твоих соседей по купе* (А. Твардовский) — в словосочетании *соседей по купе* связь — управление, падеж дательный; ср.: *соседи по дому, соседи по квартире*. Падеж несклоняемых существительных выражается также согласуемыми с ними словами: *восхищались Московским метро, работал в трамвайном депо*.

Примыкание — это зависимость неизменяемых слов; она не выражена формами. Цельность словосочетания создается порядком слов и интонацией. Примыкают (как правило, к глагольным формам или к прилагательным) наречия, деепричастия, инфинитив (*говорил громко, шел спотыкаясь, очень горячий, необыкновенно быстро, приехала учиться, приказано ждать, боязнь ошибиться*).

§ 246. Типы словосочетаний

Тип словосочетания определяется тем, какой частью речи является господствующий член. От этого зависит и выбор

подчиненной словоформы, и содержание отношений, и вид грамматической связи.

Основными типами словосочетаний в русском языке являются глагольные, именные, наречные.

1. Глагольные словосочетания являются самыми разнообразными и самыми употребительными. В них выражаются отношения между действием и его «участниками» (объектные) или разнообразные характеристики действия (обстоятельственные). Эти значения и грамматическая связь одинаково проявляются в глагольных словосочетаниях, в которых господствующим членом являются различные формы глагола: *говорить громко, говорят громко, говорившие громко, говоря громко; всматриваться в лица, всматриваются в лица, всматривающийся в лица, всматриваясь в лица* и т. д.

2. Именные словосочетания имеют несколько разновидностей — по выражению господствующего члена разными частями речи.

Словосочетания с именем существительным (субстантивные) в основном имеют определительное содержание («предмет — признак»): *майский день, бегущий олень, изба рыбака, час пик, прибывший поезд, моя улица, кофе по-турецки*. В словосочетаниях с отвлеченными существительными могут быть выражены отношения объектные, пространственные, причинные и т. п.: *разговор с фининспектором о поэзии, встреча на Эльбе, опоздание из-за мороза* (но: *веселый разговор, памятная встреча, непредвиденное опоздание* — определительные).

3. Словосочетания с прилагательными (адъективные) в основном выражают качественную или количественную характеристику признака (*по-детски наивный, очень любопытный*), другие обстоятельственные значения (*всегда веселый, годный для работы, румяный от мороза*), а также объектные (*полный до краев, бедная влагой*).

4. О словосочетаниях с числительными (количественными) мы уже говорили (см. § 218). Особенность их в том, что господствующим членом числительное является только в форме именительного и винительного падежей (*пять городов, трое друзей*), в других падежных формах числительные являются подчиненными.

5. Словосочетания с местоимениями очень малочисленны (*кто-то тайный; каждый из ребят, некоторые из жителей*).

6. Наречные словосочетания тоже редки (наречию более «привычно» зависимое положение — при глаголе).

Наречие в качестве господствующего члена сочетается с существительным или с другим наречием (*далеко от города, незаметно для глаза, очень громко*).

Господствующий член определяет и вид связи: глагол управляет падежными формами, имя существительное требует согласования и т. д.

При синтаксическом разборе не нужно смешивать значение словосочетания (функцию зависимого члена) и форму (способ связи). Первое определяется с помощью вопроса, а для определения способа (вида) связи вопрос не требуется — он даже может помешать: *идем* (к у д а?) *в лес* — обстоятельство места, связь — управление; *идем* (к у д а?) *вперед* — обстоятельство места, связь — примыкание. Например: *Оркестром грянул гром* (К. Вальмонт) — *грянул оркестром* — обстоятельство образа действия, связь — управление; *Всю темную осеннюю ночь ровно и сильно дул ветер* (В. Шукшин) — в словосочетаниях *дул сильно, дул ровно* обстоятельство образа действия, связь — примыкание; в словосочетании *дул всю ночь* обстоятельство времени (количественное), связь — управление (винительный падеж).

§ 247. Правила построения словосочетаний

Построение словосочетаний, выбор формы подчиненного слова бывают обусловлены различными факторами: грамматическими свойствами главного слова, его семантикой, его словообразовательными связями, его морфологическим составом и лексическими особенностями. Форма подчиненного слова может совершенно не зависеть от лексико-грамматических особенностей главного слова, и ее выбор бывает продиктован необходимостью выразить различные отношения между членами словосочетания.

В связи с этим может быть выделено четыре вида правил построения словосочетаний: 1) грамматически обусловленные, 2) семантически обусловленные, 3) лексически связанные, 4) определяемые задачей сообщения.

1. В грамматически обусловленных словосочетаниях подчиненное слово ставится в той форме, которой требуют грамматические особенности главного слова. Так, согласуемые слова (прилагательные, местоимения-прилагательные, порядковые числительные, причастия) принимают ту же форму рода, числа и падежа, какую имеет главное слово (*вечерний костюм, на вечерней заре, в вечер-*

нем платье, к вечерним занятиям). При переходных глаголах управляемые слова ставятся в форме винительного падежа без предлога: *Этот человек в н у ш а л чувство доверия то и дело поглядывавшим на него саперам той неумовимой печатью военной опытности, которая лежала на всем его поведении* (К. Симонов).

2. В семантически обусловленных словосочетаниях главные слова, относящиеся к определенной семантической группе, требуют постановки подчиненных слов в определенной форме. Например, существительные, обозначающие эмоциональное отношение, требуют постановки подчиненных существительных в дательном падеже с предлогом *к*: *любовь к Родине, ненависть к врагу, отвращение ко лжи, нежность к сыну, неприязнь к хвостуну* и т. п. Например: *Но это не заглушало чувства ж а л о с т и к сыну, обиды за него и недовольства собою* (М. Горький); *...Но у меня о т в р а щ е н и е к бумаге и к чернилам* (А. Толстой). Такой же формы подчиненного слова требуют существительные со значением волеизъявления, стремления, склонности: *воля к жизни, стремление к свободе, жадность к работе, склонность к размышлениям* и т. п. Например: *С ранних лет начал он оказывать н а к л о н н о с т ь к ваянию* (И. Тургенев); *В них сосредоточена и горит добрая, человеколюбивая в о л я к жизни* (М. Горький); *И Алексей и жена его заразились смешной ж а д н о с т ью к ненужным вещам* (М. Горький).

3. В лексически связанных словосочетаниях главное слово обладает недостаточно определенным и четким лексическим значением, которое раскрывается и конкретизируется с помощью подчиненного слова, имеющего строго определенную форму. Такое построение часто наблюдается в глагольных словосочетаниях: *опираться на знания, добиваться улучшения, исходить из предположения, начать подготовку, взяться за изучение* и т. д. Например: *Наш народ стремился придать культурным связям с заграницей возможно больший размах* (М. Шолохов); *Мне кажется, что такая переписка способствовала бы взаимному духовному обогащению и познанию* (М. Шолохов).

4. В словосочетаниях, о п р е д е л я е м ы х з а д а ч е й с о о б щ е н и я, форма подчиненного члена зависит от синтаксических отношений, а само главное слово ни грамматически, ни лексически не обуславливает подчиненной формы. Так, слово *дорога* само по себе не определяет падежной формы подчиненного существительного. Для выражения различных отношений с другими словами (временных, про-

странственных, определительных, количественных и т. п.) могут быть использованы нужные предлоги и определенные падежные формы: *дорога к лесу, дорога через лес, дорога вокруг леса, дорога в лесу, дорога после дождя, дорога в пыли, дорога из камня, дорога в пять километров* и т. д. Например: *Шофер затормозил у домика на окраине* (К. Симонов); *И обоим рисуется белая, тихая ночь в лесу* (А. Куприн); *Он шагал по комнате, присматриваясь к человеку у двери* (М. Горький).

Словосочетания этого вида больше других зависят от конкретного содержания предложения, они рождаются в предложении из конкретной потребности выразить определенные отношения. Поэтому вне предложения они выглядят наиболее искусственно, странно и подчас неубедительно. Этот вид словосочетаний представляется неопределенным и расплывчатым на фоне грамматически обусловленных, семантически обусловленных и лексически связанных словосочетаний, форма которых вытекает из самой языковой сущности господствующего слова, а в речи они лишь наполняются конкретным содержанием.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 248. Предложение — основная единица синтаксиса

Предложение — главное средство выражения и сообщения мысли. Его функция в языке — коммуникативная, т. е. функция сообщения. Эта функция не может быть выполнена ни словом, ни фразеологизмом (эквивалентом слова), ни словосочетанием — они являются названиями предметов, признаков, действий.

В каждом предложении проявляются черты — как индивидуальные, отдельные, так и общие. Индивидуальные — это лексический состав предложения, его конкретное содержание; общие — грамматическая форма предложения, его структура, используемая во множестве конкретных предложений независимо от их содержания. Например, предложения *Солнце осветило землю; Студент сдал экзамен; Течение унесло лодку* имеют одинаковую грамматическую форму.

Предметом синтаксиса являются грамматическая форма предложения, его структура, способы выражения основ-

ных элементов логической формы мысли, передачи коммуникативной установки, но не его конкретное содержание. Однако изучение грамматической формы, структурных типов предложения опирается на анализ конкретных предложений. Каждый пример-предложение — это одновременно и конкретное предложение с индивидуальным содержанием, и образец определенного типа предложения (*В конце октября сильно похолодало* — образец односоставного безличного предложения).

Предложение называет ситуацию, событие. Специфическими признаками предложения, отличающими его от других единиц языка, в том числе и от словосочетания, являются предикативность и интонация сообщения.

§ 249. Предикативность

Предикативность — это отнесенность содержащегося в предложении высказывания к действительности, устанавливаемая и выражаемая говорящим. Предикативность проявляется и раскрывается в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Каждая из них имеет свое содержание и средства выражения; в любом предложении они имеют то или иное проявление.

Модальность — это оценка высказывания с точки зрения реальности/ирреальности.

Реальность — соответствие действительности, выраженное синтаксическими средствами: *Наступил рассвет; Скоро наступит рассвет; Рассвет; Брат принес книгу; Брат принесет книгу.*

Ирреальность — несоответствие действительности, представление высказывания как желаемого, требуемого, устанавливаемого (предполагаемого) говорящим: *Скорей бы наступил рассвет; Брат, принеси книгу; Книгу!; Скоро наступит рассвет?; Брат принес книгу?; Когда брат принесет книгу?*

Значение реальности/ирреальности в предложении опирается на глагольные формы наклонения (в их основном употреблении): в формах изъявительного наклонения выражается реальность, в формах повелительного и сослагательного наклонений — ирреальность. Модальная оценка передается также интонацией. Так, вопросительная интонация выражает ирреальность независимо от формы наклонения: *Хочешь, я расскажу тебе песню? (М. Горький); А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водо-*

сточных труб? (В. Маяковский). Значение ирреальности может быть выражено частицей *бы* и при отсутствии глагола: *Сейчас бы в сани с ногами* (В. Маяковский); *Скорее бы рассвет!*

Наряду со значением реальности/ирреальности, которое называют объективно-модальным, в предложении с помощью вводных компонентов (*конечно, бесспорно; может быть, вероятно, пожалуй* и др.) могут быть выражены субъективно-модальные значения уверенности или предположительности: *Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь ты еще немного в твоей стихии* (М. Горький).

2. **Время** — это соотносительность высказывания с моментом речи. С помощью глагольных форм времени оно может быть обозначено конкретно — как предшествующее моменту речи, совпадающее с ним или последующее: *Волны шумели; Волны шумят; Волны будут шуметь*. Синтаксическое время может проявляться в виде вневременности, т. е. без определенного соотношения с моментом речи: *Лежачего не бьют* (пословица). В предложениях, построенных без глагола, обычно выражается значение настоящего времени: *Кавказ подо мною* (А. Пушкин); *Поздняя осень* (Н. Некрасов).

3. **Лицо** — это отнесенность высказывания к говорящему. Она проявляется либо в непосредственном приписывании действия, признака говорящему, собеседнику или третьему лицу: *Я славно пожил!.. Я знаю счастье!* (М. Горький); *О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью...* (М. Горький), либо в сопоставлении субъекта, деятеля с говорящим: *Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в паденье!..* (М. Горький). Средствами выражения синтаксического лица являются личные формы глаголов, личные местоимения и конструктивные особенности предложения (например, выражение подлежащего существительным является показателем 3-го синтаксического лица: *А волны моря с печальным ревом о камень бились* (М. Горький).

Помимо конкретного значения одного из трех лиц синтаксическое лицо может иметь значение неопределенное или обобщенное: *В саду поют; От добра добра не ищут*. В различных видах простого предложения наблюдаются разные значения и показатели синтаксического лица.

Значения модальности, времени и лица в комплексе и передают отнесенность высказывания к действительности, т. е. предикативность.

§ 250. Интонация

Интонация предложения имеет замкнутую структуру — начало, развитие, завершение. Без этих элементов интонации построить реальное предложение невозможно. Так, в сложном предложении *Катятся ядра, свищут пули, нависли холодные штыки* (А. Пушкин) три предикативные части; однако, если воспроизвести любую из них с той интонацией, которая присуща ей в составе сложного, они не образуют самостоятельных предложений. Напротив, даже формально незавершенная конструкция, произнесенная с интонацией сообщения, функционирует как законченное предложение: *Сегодня вечером*, например, может быть воспринято как неполная реплика диалога (— *Когда ты едешь? — Сегодня вечером*).

Интонация — сложное фонетическое явление. Она связана с линейным характером предложения, т. е. с последовательным произнесением составляющих его словоформ. Линейное расположение словоформ и их произношение соответствуют их синтаксической и семантической роли в предложении. В структуру интонации входят основные акустические показатели: сила голоса (динамика), высота тона (мелодика), а также темп речи, наличие, место и длительность пауз, тембровая окраска голоса (подробнее см. в разделе «Фонетика»). Интонацию конкретного предложения составляет совокупность изменений (модуляций) силы, высоты, темпа и тембра. Однако каждая из этих сторон может быть проанализирована и отдельно. В этом случае говорят о динамической структуре, мелодической структуре предложения и пр. Например, в предложении *Так вот в чем прелесть полетов в небо!* (М. Горький) с наибольшей силой (громко) произносится *вот*, дальше громкость убывает, наибольшая высота тона на слове *прелесть* (мелодическая вершина), мелодика восходяще-нисходящая; темп речи, медленный в начале, убыстряется к концу предложения; пауза после слова *прелесть* незначительная; тембровая окраска характеризуется повышенными тонами, передающими эмоциональное отношение — удивление, иронию.

§ 251. Состав предложения

Предложение составляют не словоформы как таковые, а члены предложения. Член предложения — это знаменательное слово, фразеологизм, или сочетание знаменательного

слова со служебным, или неделимое словосочетание, находящиеся в отношениях «определяемое — определяющее» с другим словом, и пр. Например: *В половине десятого раздался звонок* (А. Толстой) — один из членов предложения выражен словосочетанием *в половине десятого*, два других — знаменательными словами. Важным элементом грамматической организации предложения является наличие главных членов. Их основные свойства: непосредственное участие в выражении предикативности; независимое положение в предложении, господствующее по отношению к поясняющим их словам. Так, главные члены предложения *раздался звонок* выражают реальную модальность, прошедшее время, 3-е синтаксическое лицо, им подчинен поясняющий член *в половине десятого*. Главные члены являются основой структуры предложения, его предикативным ядром. Предложение может состоять только из главных членов.

Поясняющие члены предложения, подчиненные главным, называются второстепенными; вместе с главными они участвуют в выражении высказывания: *Неподвижно перед крыльцом висели прозрачные ветви плакучих берез* (А. Толстой).

§ 252. Актуальное членение предложения

Актуальное (или коммуникативное) членение предложения (имеющее иную природу, нежели грамматическое) осуществляется в процессе речи, в определенной ситуации общения, с учетом связи данного предложения с другими. В конкретном предложении выделяются тема — часть, содержащая известное, основу высказывания, и рема — часть, несущая новое, содержащая суть высказывания о теме (для обозначения их также употребляются термины «данное» — «новое», «основа» — «ядро» и др.).

Актуальное членение предложения осуществляется в речи с помощью порядка слов и интонации, причем интонация является главным показателем. Обычно тема произносится с повышением тона и отделяется от ремы паузой: *Даша и Телегин | приехали сегодня в два часа дня* (А. Толстой) — выделена рема. При прямом («объективном») порядке слов тема предшествует реме: *В глубокой песчаной яме | светилось маленькое озеро* (К. Паустовский). При обратном, инверсивном («субъективном») порядке слов рема располагается перед темой: *Не мужицкое это дело | — носиться в*

тачанках по степи меж горящими хуторами (А. Толстой). Предложения с инверсией экспрессивны; этому способствует интонационное выделение, акцентирование ремы.

Актуальное членение предложения зависит от ситуации, от коммуникативной установки говорящего, т. е. от того, что он хочет сообщить, выделить в высказывании, как бы отвечая на вопрос. Поэтому одно предложение может члениться по-разному. Варианты членения различаются местом паузы и мелодической вершины. Например, предложение *Солдаты уезжают на крышах вагонов* (А. Толстой) может иметь актуальное членение: *Солдаты | уезжают на крышах вагонов* (что делают солдаты?) или *Солдаты уезжают | на крышах вагонов* (как уезжают солдаты?).

Предложение может быть нерасчлененным, т. е. содержать лишь рему. Это зависит не столько от состава предложения (не могут быть расчленены однословные предложения типа *Рассвет; Морозило; Народу-то!*), сколько от ситуации. Нерасчлененные предложения несут целостную информацию, как бы отвечая на вопрос что случилось: *Кричали грачи над гнездами* (А. Толстой).

Грамматическое и актуальное членение предложения не зависят одно от другого, тема и рема не совпадают с определенными членами предложения. Тема может быть представлена подлежащим или его группой, рема — сказуемым или его группой: *Широкие окна зимнего сада | были ярко освещены* (А. Толстой). Очень часто тема выражается второстепенным членом обстоятельственного или объектного типа, а рема — предикативным ядром предложения (главными членами или их составами): *В тишине дома | резко затрещал звонок* (А. Толстой); *В толпе | даже крикнули после этих слов* (А. Толстой). Реже в качестве темы выступает предикативное ядро предложения, ремы — второстепенный член, а также в качестве темы — сказуемое (его группа), ремы — подлежащее (его группа): *Решение пришло, | на первый взгляд, сумасбродное. В нем была повинна | радуга* (К. Паустовский).

Актуальным членением обусловлен нормальный порядок расположения главных членов предложения. Подлежащее (тема) располагается перед сказуемым. В нерасчлененном предикативном ядре (реме) сказуемое находится в препозиции. Местоположение второстепенных членов также определяется преимущественно актуальным членением предложения; ср.: *Часы в столовой | гулко пробили десять.* — *В столовой | постукивали стенные часы* (А. Толстой).

§ 253. Классификация предложений по функциям

Предложение — сложная единица языка; при классификации учитываются разные стороны предложения. За основу классификации по структурно-семантическому принципу берутся факты как означаемой, так и означающей сторон — семантики (грамматические значения) и структуры (показатели этих значений). В той или иной классификации может выдвигаться на первый план одна из сторон.

По функции, по целенаправленности заключенного в них высказывания предложения делятся на повествовательные, вопросительные, побудительные. Они служат для передачи соответственно трех основных форм мысли — суждения: *А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...* (М. Горький), вопроса: *А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края?* (М. Горький); побуждения: *А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся* (М. Горький). Каждый тип характеризуется соответствующей структурой интонации и набором формальных показателей — глагольных форм, служебных слов и пр. Предложения каждого из трех функциональных типов могут быть эмоционально окрашенными — с использованием средств интонации, а возможно, и частиц, т. е. восклицательными: *Безумство храбрых — вот мудрость жизни!* (М. Горький).

§ 254. Повествовательные предложения

В повествовательном предложении выражается сообщение. Оно может представлять собой описание: *Всадник сидел в седле ловко и небрежно* (М. Горький); *В Карантине во всех домах было очень чисто, а в садиках пахло нагретыми листьями помидоров и полынью* (К. Паустовский); повествование о действиях, событиях: *Старик покойно и бодро шагал с камня на камень и скоро пропал среди них. Еще немного позвучали его шаги, а потом и они пропали* (М. Горький); сообщение о желании или намерении совершить действие: *«Вот иду, — сказал Семен, — дочке телеграмму давать»* (К. Паустовский); *Я не так еще сыграл бы* (А. Твардовский).

Повествовательные предложения могут иметь разнообразное строение интонации, но для них характерно понижение тона в конце предложения. Понижение бывает особенно заметно, когда в середине предложения на каком-либо слове голос значительно повышается: *Далеко в балке ↑ жалобно закричал стреноженный конь ↓* (К. Паустовский). Заметного понижения тона не наблюдается в однословных предложениях, например в безличных или номинативных, однако в этом случае голос не должен повышаться: *Темнеет; Тишина*. В распространенных номинативных предложениях голос плавно понижается от начала предложения к концу: *Глушь родного леса* (А. Блок).

§ 255. Побудительные предложения

Побудительное предложение выражает волеизъявление, побуждение к действию. Оно адресовано собеседнику или третьему лицу. Объектом побуждения могут быть несколько (или множество) лиц: *Цветите, юные, и здоровейте телом* (С. Есенин). Не являются побудительными предложения, в которых волеизъявление выражается как желание или намерение самого говорящего совершить действие: *«Хорошо бы нам найти карася!» — говорил иногда сильным баском Нелюбов* (А. Куприн); *Но, бестрепетно в лицо глядя всякой правде, я замолвил бы словцо за любовь, представьте* (А. Твардовский).

Побуждение имеет разную степень категоричности. В зависимости от этого различаются виды побуждения: **п р и к а з а н и е**: *А ну, прочь с дороги! Сторонись! К стенкам!* (М. Шолохов); **п р о сь б а**: *«Рассказывайте»*, — напоминаю я тихонько (М. Горький); **с о в е т**: *Иди ты, брат, на соль! Там всегда найдешь работу* (М. Горький); **р а з р е ш е н и е** или **с о г л а с и е**: *«Знаешь что, — сказал водитель, — ну, сыграй ты, шут с тобой»* (А. Твардовский); **п р и з ы в**: *Пролетарии! Стройтесь к последней схватке! Рабы! Разгибайте спины и колени!* (В. Маяковский).

Эти формы побуждения, в свою очередь, могут иметь оттенки повеления — резкого, категорического или мягкого, что достигается с помощью интонации, а также междометий, частиц и пр.: *Ушла бы ты с дороги, девочка! Да уж перестань плакать-то! Пойди домой да и скажи все, как было* (М. Горький).

Побуждение выражается различными средствами. Побудительным предложениям свойственны интонация побуж-

дения (повышение тона, усиление голоса), а также специальные грамматические формы слов.

1. В побудительных предложениях используются формы повелительного наклонения глагола:

1) формы 2-го лица единственного и множественного числа: *Скажи маме, что я очень благодарю ее, очень!* (М. Горький); *«Не бойтесь, он не кусается»*, — сказала девочка и вся засияла (К. Паустовский); эти формы могут употребляться с частицей *-ка*, обычно смягчающей повеление: *Сбегайте-ка за ней. Мигом!* (К. Паустовский);

2) аналитические формы 3-го лица с частицами *пусть*, *да*: *«Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо! Разрешаю тебе — живи!»* (М. Горький); *Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое...* (К. Чуковский);

3) форма 1-го лица множественного числа, выражающая приглашение совместно с говорящим совершить действие: *Пойдем, поэт, взорим, вспоем у мира в сером хламе* (В. Маяковский); аффикс *-те* создает форму вежливости: *Холодно... Пойдемте домой* (А. Куприн).

2. Со значением побуждения употребляются формы изъявительного и сослагательного наклонения, а также инфинитив:

1) форма прошедшего времени изъявительного наклонения, обычно выражающая приказ: *Он поглядел на меня и неожиданно крикнул: «Пошел прочь с телеги!»* (М. Горький); *Садитесь в лодку. Поехали* (К. Паустовский);

2) форма сослагательного наклонения со значением просьбы, совета: *А ты бы, Ванятка, попллсая* (М. Горький); *«Вы бы хоть придержали пароход на одну минуточку», — шутливо сказал Саше Лавров* (К. Паустовский);

3) инфинитив — обычно для выражения резкого приказа, категорического запрета: *«Молчать!» — взвизгнул дед* (М. Горький); *Хозяин! Позвать сюда хозяина!* (А. Куприн); *А вы — стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать...* (Н. Гоголь); с помощью инфинитива выражается предупреждение: *Веселей кружитесь, дамы! На носки не наступать!* (А. Твардовский); инфинитив с частицей *бы* выражает совет: *Вам бы, ребята, на медведей сходить* (М. Горький).

3. Побудительные предложения могут строиться без глагола — из наречий или форм косвенных падежей существительного, обозначающих направление движения, объект действия и пр.:

1) в предложении выражается призыв или приказание двигаться куда-либо: *Она тихо, но грозно повторила:*

«В угол!» (М. Горький); *Баймакова... стоя на крыльце, крикнула: «Наталья — домой!»* (М. Горький); *Взвод! За Родину! Вперед!* (А. Твардовский);

2) предложение выражает требование подать, доставить или сделать что-либо: *Мастер взглянул на меня из-под очков мутными глазами и грубо сказал Ивану: «Дрос!»* (М. Горький); *«Ключи от амбара!» — потребовал Андрей* (М. Шолохов).

4. Побуждение может быть выражено о п и с а т е л ь н о, без помощи специальных форм слов:

1) значение побуждения вкладывается в формы изъявительного наклонения будущего времени: *«Ты не уйдешь больше из дома дальше вот этого дуба!» — сказала мать* (М. Горький); *Бойцы, из кузова на землю! Здесь останетесь* (К. Симонов);

2) побуждение выражается в форме вопроса: *Споем и мы, Ваня? Как думаешь?* (К. Паустовский).

§ 256. Вопросительные предложения

Вопросительное предложение служит для выражения вопроса, обращенного к собеседнику. С помощью вопроса говорящий стремится получить новые сведения о чем-либо, подтверждение или отрицание какого-либо предположения. Вопросительное предложение имеет свою грамматическую форму, которая представлена интонацией, вопросительными словами, вопросительными частицами, а на письме обозначается вопросительным знаком.

Для вопросительной интонации характерно более или менее значительное повышение тона в конце предложения, что особенно заметно при сопоставлении с повествовательными; ср.: *Брат приехал. — Брат приехал? Мне придется вернуться. — Мне придется вернуться?* Существенной чертой вопросительной интонации является повышение тона на слове, в котором заключена суть вопроса, выделение этого слова; ср.: *Отец придет ↑ этим поездом? — Отец придет этим ↑ поездом? — Отец ↑ придет этим поездом?*

Не всякое предложение, вопросительное по форме, включает в себе вопрос. Поэтому вопросительные предложения по целенаправленности высказывания делятся на собственно вопросительные предложения и на предложения, не заключающие вопроса, но имеющие вопросительную форму, которые, в свою очередь, могут быть разделены на четыре группы: вопросительно-

риторические, вопросительно-побудительные, вопросительно-отрицательные, вопросительно-утвердительные.

1. В собственно вопросительных предложениях заключается вопрос, обращенный к собеседнику и требующий ответа, предполагающий ответ. С помощью вопроса говорящий стремится узнать что-то неизвестное. По способу выражения вопроса можно разделить эти предложения на неместоименные и местоименные:

1) **н е м е с т о и м е н н ы е** вопросительные предложения предполагают утвердительный или отрицательный ответ, который наиболее кратко выражается нечленными словами-предложениями *Да* и *Нет*. Говорящий, задавая вопрос, ждет лишь подтверждения или отрицания чего-то предполагаемого: *Охотник при слабом свете заката прочел записку моего приятеля и сказал: — Вы писатель? — Да (К. Паустовский); — Это каменный уголь? — обратился я к провожатому. — Нет (А. Серафимович).* Вопросительное значение выражается главным образом интонацией, причем выделяется слово (или группа слов), в котором заключена суть вопроса: *Улыбаясь, она спросила: — Вы очень любили ее? — Да (М. Горький); — Вы Куприна читали? — спросил редактор. — Читал (К. Паустовский).* Выделяемое слово может быть вынесено в начало или в конец предложения с целью подчеркнуть его значение: *— Сильно я изменился с тех пор? — Сильно (А. Чехов); Так, ты, Федотка Демидыч, выходит дело — щербатый? (М. Шолохов).* Кроме интонации могут быть использованы вопросительные частицы *ли, разве, неужели (неужто, ужели, ужель)*. Частица *ли* имеет «чистое» значение вопросительности: *— Да еще звали ли? — недоверчиво спросил Серпилин. — Звали, звали, — рассмеялся Максимов (К. Симонов).* Частицы *разве, неужели* кроме вопросительного значения выражают удивление, сомнение и пр., внося в предложение оттенок неуверенности в положительном ответе: *— Э... позвольте! Да разве я должен влюбиться в вас? — Да, дерзкий человек! (М. Горький);*

2) **м е с т о и м е н н ы е** вопросительные предложения требуют развернутого ответа. Они включают в себя вопросительные слова — местоимения и местоименные наречия: *что, кто, какой, чей, который, сколько, где, куда, откуда, когда, почему, зачем* и др. В ответе должны содержаться новые сведения о предметах, признаках, обстоятельствах: *Мальчики немного посидели неподвижно и снова толкнули друг друга. — Вы откуда взялись? — С выселок. — С каких выселок? — С Жуковских. Это в лесу. — Сколько же у вас*

дворов на выселках? — Два двора и есть. — А куда вы идете? — Да к вам (К. Паустовский).

2. Вопросительно-риторические предложения не предполагают и не требуют ответа. В них выражаются различные чувства и переживания говорящего — раздумье, сомнение, грусть, сожаление, печаль, радость, гнев и т. п.: *Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни? Что день грядущий мне готовит?* (А. Пушкин); *Работать? Для чего? Чтобы быть сытым?* <...> *Человек — выше сытости!*.. (М. Горький). Вопросительно-риторические предложения встречаются главным образом в художественных произведениях и создают эмоционально окрашенный, взволнованный тон повествования.

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 257. Классификация предложений по структуре

Классификация предложений русского языка по структуре является ступенчатой: на первом этапе противопоставляются наиболее общие типы, каждый из которых, в свою очередь, представлен определенной системой подтипов и разновидностей. Основное противопоставление в структурной классификации — простое и сложное предложения. Простое предложение имеет одно предикативное ядро: *Наш котелок тихо закипает* (М. Горький); *В городе стреляли. Ходили с флагами* (А. Толстой); сложное — два и более: *Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень* (М. Горький). В простом предложении может быть несколько подлежащих и сказуемых, но они составляют одно предикативное ядро: *Сегодня молодые и старые веселились и пели*.

В основу первичного, главного деления простого предложения на грамматические типы должно быть положено различие в способе выражения предикативности — общего грамматического признака предложения. Выражение предикативности в простом предложении связывается с наличием отношений определяемого — определяющего (носитель признака — признак) или с утверждением независимого признака, бытия предмета. Внешним показателем различий в структуре простого предложения является наличие одного или двух главных членов.

Основными структурными типами простого предложения в русском языке являются **д в у с о с т а в н ы е** (с двумя

главными членами: независимым — подлежащим и зависимым — сказуемым) и односоставные (с одним независимым главным членом).

ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 258. Выражение предикативности в двусоставном предложении

В двусоставных предложениях предикативность выражается с помощью двух главных членов — подлежащего и сказуемого. Они составляют не только основу грамматической формы предложения, но и его структурный минимум (*Весна наступила; Брат — учитель; Цветок оказался без запаха; Сын был не в духе* и т. п.). Подлежащее и сказуемое — соотносительные понятия: они предполагают друг друга, выделяются одно относительно другого.

§ 259. Подлежащее. Типы подлежащих

Подлежащее является определяемым главным членом, сказуемое — определяющим. Для русского языка характерны две основные формы подлежащего — номинативное и инфинитивное.

Н о м и н а т и в н о е подлежащее имеет предметное значение. В предложениях с номинативным подлежащим выражаются отношения «предмет — признак» (*Лес зеленеет; Лес зелен; Яблони были в цвету*). Морфологическим эталоном подлежащего является номинатив — имя существительное в именительном падеже.

И н ф и н и т и в н о е подлежащее обозначает независимый признак — потенциальное действие: *Отступить — значит погибнуть; Учиться — это нелегкое дело* и т. п.

§ 260. Номинативное подлежащее

Все разнообразные формы номинативного подлежащего в той или иной степени уподобляются имени существительному в именительном падеже — им свойственны предметное значение и независимая форма. Структурными разновидностями номинативного подлежащего являются отдельное знаменательное слово и словосочетание. Показатель

грамматической независимости обеих разновидностей подлежащего — именительный падеж. Однако в позиции подлежащего могут находиться и единицы, которые непосредственно не подводятся под указанные рубрики:

а) слова, лишенные предметного (и вообще номинативного) значения, которые употребляются в позиции подлежащего только в специальных текстах (лингвистических): *Ну — междометие; В является предлогом* и т. п.;

б) имена в косвенных падежах, занимающие позицию подлежащего в лингвистическом тексте: *Брату — дополнение; Синих является формой родительного падежа* и т. п.;

в) фразеологизмы с предметным значением в именительном падеже — семантические эквиваленты номинатива: *Начинался пир горой, любимое бабушкино удовольствие* (М. Горький); *А вот, как сегодня, завернет весенний ветер, — и лезет в голову неудобь сказуемое* (А. Толстой);

г) предикативные единицы (предложения), которые занимают позицию подлежащего по отношению к данному сказуемому, благодаря чему их содержание приобретает предметно-номинативный характер, а сами предложения как бы частично субстантивируются (вследствие чего, например, могут иметь при себе условно согласованное определение): *«Не забывай себя, не волнуйся, умеренно трудись!» — было его девизом* (И. Тургенев).

Подлежащее — отдельное слово

Предметное значение и грамматическая независимость подлежащего выражаются одной словоформой. Идеальными возможностями выражения подлежащего обладает имя существительное в именительном падеже. Синтаксическая функция номинатива определяется морфологическими свойствами словоформы, которые не подвергаются в предложении никаким функциональным изменениям. Независимость подлежащего имеет морфологический показатель: *Молчание было довольно продолжительным* (Л. Толстой); *Проходят день и ночь. Наступает мутное и сухое утро* (А. Куприн).

Аналогичным образом предметное значение подлежащего и его независимое положение выражаются с помощью местоимений-существительных; например: *Я землю эту люблю* (В. Маяковский); *Кто, волны, вас остановил?* (А. Пушкин). Однако предметное значение подлежащего предстает здесь благодаря семантико-грамматическим свойствам местоимений как предметно-указательное.

Слова других частей речи выступают в роли номинативного подлежащего только как субстантивированные, т. е. выражающие несвойственное им предметное значение, причем преобразуются и их отдельные морфологические свойства. Субстантивация проявляется в самом факте употребления слова в позиции подлежащего: *В темноте бородастый обо что-то споткнулся, вполголоса выругался* (М. Шолохов).

Наибольшими возможностями субстантивации обладают те слова, которые соприкасаются с обозначением предметности, т. е. прилагательные и под., поскольку прилагательное «может указывать на носителя признаков и в этом смысле обозначать его» (А. А. Потебня).

Субстантивация указанных категорий слов меняет их грамматические свойства: значение качества, свойства и т. п. преобразуется в предметное значение, из определяющих по своей морфологической природе слова превращаются в определяемые, категория рода приобретает самостоятельный характер, именительный падеж — средство согласования, грамматического подчинения существительному становится показателем грамматической независимости слова в предложении: *Домашние Настю к себе не требовали* (Н. Лесков); *Перед восходом солнца к бригадной будке подъехал верховой* (М. Шолохов).

Предметное значение субстантивированных слов проявляется более отчетливо и подчеркивается при наличии согласованного определения: *В с е живое спряталось от зноя* (А. Чехов); *В с е написанное казалось беспомощным* (К. Паустовский).

Крайне общее предметно-указательное значение имеет местоимение *это* в роли подлежащего: *Человек-товарищ изображается в таком ослепительном освещении, что его уже совсем не видишь; человека-врага принято изображать одноцветно черным и почти всегда дураком. Не думаю, чтоб это было правильно* (М. Горький).

В роли подлежащего субстантивируются и несклоняемые, неизменяемые слова. Показателем грамматической независимости подлежащего в этом случае является, естественно, не падежная форма, а сама неизменяемость слова: *Неслось со всех сторон ау!*; *Спасибо дорожке платы* и т. п. При этом в слове происходит заметный семантический сдвиг. Так, *ау!* здесь имеет значение 'возглас', 'зов', *спасибо* — 'благодарность', 'доброе слово' (ср.: *Надоели мне ваши ахи, охи* — 'восторги', 'жалобы', 'стоны'). Резко изменяются и грамматические свойства неизменяемых слов: в позиции

подлежащего они получают возможность сочетаться с согласованным определением. Определение (в форме именительного падежа, среднего рода) подчеркивает как предметное значение подлежащего, так и его грамматическую независимость: *Настало и роковое «послезавтра»* (Д. Мамин-Сибиряк).

Таким образом, субстантивированные изменяемые и неизменяемые слова в функции подлежащего равняются на морфологический образец — имя существительное в именительном падеже. Все разновидности подлежащего-слова совмещают в одной словоформе предметное значение и показатель грамматической независимости.

Подлежащее — словосочетание

Номинативное подлежащее может быть выражено некоторыми именными словосочетаниями в форме именительного падежа. В функции подлежащего выступают те словосочетания, главное слово которых не имеет предметного значения (числительное, местоимение-прилагательное и др.) или семантически ослаблено и не может выразить конкретное вещественное содержание подлежащего; эту недостаточность возмещает семантика зависимого слова.

В словосочетании, выполняющем функцию подлежащего, предметное значение и грамматическая независимость выражены разными словоформами. Причины такого раздельного выражения элементов грамматической формы подлежащего и синтаксической неделимости словосочетания могут быть различными. Данная разновидность номинативного подлежащего представлена неделимыми словосочетаниями определенных функционально-структурных разновидностей.

Синтаксически неделимые словосочетания обладают следующими свойствами: а) имеют закрепленную в языке типовую форму, которая представлена определенными частями речи, определенными словоформами в качестве главного и зависимого компонентов; б) выражают частное грамматическое значение; в) реализуются строго определенным набором моделей, свободно наполняемых в речи конкретным лексическим материалом.

1. В словосочетаниях с количественным значением главный компонент представлен количественным числительным в именительном падеже или его эквивалентом, а зависимый компонент — существительным в родительном падеже или его эквивалентом.

Главный компонент словосочетания обозначает количество (число, объем), зависимый — предмет. Зависимый компонент выражает предметное значение подлежащего, с помощью его лексического значения передается вещественное содержание подлежащего: *Три старика тихо беседовали* (К. Паустовский).

Словосочетания со значением количества строятся по нескольким продуктивным моделям, которые различаются выражением главного компонента:

а) количественные числительные — наиболее продуктивная модель; лексическое наполнение ее не имеет никаких ограничений: *На станции служило одиннадцать человек* (М. Горький); *На столике горели две восковые свечи* (К. Паустовский);

б) собирательные числительные: *К берегу подошло трое мальчиков* (К. Паустовский);

в) местоименные числительные *сколько, столько, несколько, много, мало*: *На полустанке жило несколько человек* (А. Чехов); *В колеях неезженной дороги росло много грибов* (К. Паустовский);

г) количественные существительные, образованные от количественных числительных: *десяток, сотня* и т. п., а также *половина*: *Десятки лет прошло с тех пор* (В. Гиляровский); *Десятки шустрых синиц слетались на стол и склевывали крошки* (К. Паустовский); *Половина неба затянулась красным дымом* (К. Паустовский);

д) существительные *множество, большинство, меньшинство, ряд*: *В песке копошилось множество воробьев* (М. Шолохов);

е) существительные, имеющие значение количества, объема, меры, совокупности: *куча, толпа, ватага, стая, вереница* и т. п.: *На логосте куча народа стояла* (Н. Лесков); *Сзади наплывали новые груды листьев* (К. Паустовский); *Рядом с пароходом бежала стая дельфинов* (А. Куприн); *Утром наплывали вереницы плотных белых облаков* (К. Паустовский).

2. В словосочетаниях со значением избирательности главным компонентом является местоимение или числительное в именительном падеже, а зависимый компонент представлен существительным в родительном падеже множественного числа с предлогом *из*. Словосочетания имеют собственное типовое значение, в них выражаются отношения избирательности: главный компонент в той или иной степени ограничивает круг (число, объем, состав и пр.) предметов, обозначенных зависи-

мым компонентом (*каждый из нас, кто-то из пассажиров, некоторые из присутствующих, двое из студентов и др.*): *Смертью праведной и честной пали многие из них* (А. Твардовский); *Кто-то из пассажиров сидел рядом с Еленой* (А. Куприн); *Каждый из них по-своему убивал время* (М. Шолохов).

Отсутствие в главном компоненте категориального значения предметности (в том числе в вопросительных *кто, что*, отрицательных *никто, ничто*, неопределенных *кто-то, что-то* и др., имеющих общее предметно-указательное местоименное значение) делает невозможным выполнение соответствующими словами — в составе словосочетания рассматриваемого типа — функции подлежащего самостоятелно. Зато в структуре подлежащего-словосочетания главный компонент выражает грамматические значения, которые не могут быть переданы подлежащим-словом (существительным в именительном падеже).

3. Словосочетания со значением совместности состоят из двух существительных: главный компонент в именительном падеже, зависимый — в творительном с предлогом *с*. Оба слова являются полнозначными; лексическая знаменательность их в составе словосочетания и предложения не ослабляется и не меняется: *Дед с Ваней добрались до Почтовой улицы как раз вовремя* (К. Паустовский).

Синтаксическая нечленимость этого вида словосочетаний отличается от рассмотренных выше. Самостоятельность предметного (категориального) и лексического значений обоих слов не способствует функциональной цельности словосочетания, а, скорее, препятствует ей, фактор нечленимости только один — наличие показателя независимости (именительный падеж) лишь в главном слове. Поэтому синтаксическая нечленимость подлежащего подкрепляется также внешним показателем — формой множественного числа сказуемого: *Мама с Галей шли, готовясь к отъезду* (К. Паустовский). При отсутствии этого внешнего показателя словосочетание синтаксически членится: зависимое слово выполняет объектную функцию (*Мама с Галей шла*).

4. Словосочетания с фазисным значением формируются на основе существительных *начало, середина, конец*. Лексическое содержание этих слов неопределенно, оно конкретизируется с помощью зависимых существительных (в родительном падеже), обозначающих отрезки времени: *Была середина марта* (А. Куприн); *Стоял конец сентября* (К. Паустовский).

5. Причиной неделимости словосочетаний с метафорическим значением является их своеобразная семантическая структура: главное слово в пределах словосочетания не является самостоятельным названием предмета; полнотой номинативности обладает зависимое слово. Лишь все словосочетание в целом представляет собой название предмета или явления: *Шапка русских кудрей колыхалась на его большой голове* (М. Горький). В словосочетании *шапка кудрей* главное слово не имеет прямого значения и поэтому не может выполнять функцию подлежащего. Название предмета заключено в зависимом слове. Словосочетание в целом является названием предмета с элементом его образной характеристики. Слова, входящие в словосочетания, сохраняют свою семантическую самостоятельность, отдельность; словосочетания строятся по свободной модели на основе существительных с метафорическим значением: *Голову красиво окружает венчик седых кудрей* (М. Горький); *Шатры черных ив нависают над головой* (К. Паустовский); *Из труб по утрам строевым лесом высятся прямые оранжевые стволы дыма* (М. Шолохов).

6. Словосочетания с неопределенным значением строятся по модели «неопределенное местоимение (образованное от основ *кто, что*) с согласуемыми словами» — прилагательными, причастиями, местоимениями-прилагательными (редко): *Что-то неприятное и жалкое было во всем его облике* (М. Шолохов); *Кто-то тайный тихим светом наполнил мои глаза* (С. Есенин).

§ 261. Инфинитивное подлежащее

Предложения с инфинитивным подлежащим имеют существенные особенности в выражении грамматической формы главных членов и грамматической связи между ними. Во-первых, инфинитив в позиции подлежащего не получает предметного значения, не субстантивируется, в то время как все «заместители» существительного субстантивируются и получают возможность сочетаться с согласованными определениями. Во-вторых, при инфинитивном подлежащем не может употребляться глагольное сказуемое, инфинитив в позиции подлежащего не может обозначать деятеля, производителя действия.

Инфинитив в функции подлежащего сохраняет присущее ему значение действия, представленного вне протекания

ния во времени, — потенциального. Инфинитив обозначает независимый признак (действие), характеристика которого заключена в сказуемом.

Грамматическая независимость инфинитивного подлежащего опирается на неизменяемость словоформы инфинитива и реализуется в его позиции относительно сказуемого: *Создавать счастье — это высокий труд* (К. Паустовский); *Жить в старинных особняках с прабабушкиной мебелью мило, но неудобно* (А. Толстой).

Структурные разновидности инфинитивного подлежащего

В русском языке имеются две структурные разновидности инфинитивного подлежащего — собственно инфинитивное и составное.

Собственно инфинитивное подлежащее проявляется в следующих вариантах:

а) в инфинитиве полнозначного глагола: *Видеть Степана было для нее потребностью* (Н. Лесков); *Ожидать — это тоже предчувствие счастья* (К. Паустовский);

б) в форме инфинитива глагольного фразеологизма: *Наложить на себя руки — страшный грех* (Д. Мамин-Сибиряк);

в) в форме инфинитива описательного глагольно-именного оборота: *Великое дело — принять твердое решение* (К. Симонов).

Составное (инфинитивно-именное) подлежащее является двухкомпонентным. Каждому компоненту присущи свои функции. Инфинитивный компонент указывает на самостоятельный, независимый характер заключенного в подлежащем признака и выражает независимое положение подлежащего в предложении. Именной компонент называет признак: *Эта важность! Быть супругом вовсе не трудно* (А. Чехов).

Глагольный компонент составного подлежащего выполняет служебные функции. Сам он не может выступать в роли самостоятельного подлежащего, так как представлен формой инфинитива глаголов-связок, т. е. глаголов с грамматизованным лексическим значением.

Именной компонент составного подлежащего, имеющий форму творительного падежа, выражает значение признака (не действия!) и его вещественное содержание. Форма творительного падежа является показателем грамматических отношений именного и инфинитивного (вспомогательного)

компонентов: *Быть нелюбимой и несчастной — как это интересно!* (А. Чехов); *Ведь быть изгнанным из когорты покупателей — истинное несчастье* (из газет).

§ 262. Сказуемое. Типы сказуемых

Второй главный член двусоставного предложения — сказуемое — грамматически подчинен подлежащему. Сказуемое имеет вещественное и грамматическое значение. Вещественным значением является название действия признака, состояния и пр.: *Снег растаял; Мальчик был весел; Я в восторге; День будет теплым; Письмо оказалось от брата; Марс — планета*. Грамматическое значение — время и наклонение, а также лицо.

Основные структурные типы сказуемого в русском языке выделяются с учетом способа выражения вещественного и грамматического значений, а именно: выражаются они совместно, в одной словоформе, или раздельно. Основные типы сказуемого — простое и составное. В простом сказуемом вещественное (конкретное) и грамматическое (абстрактное) значения выражены одной словоформой или лексикализированным сочетанием слов. В составном сказуемом вещественное и грамматическое значения выражаются раздельно, в двух компонентах.

ПРОСТОЕ СКАЗУЕМОЕ

Грамматические значения наклонения и времени могут быть выражены только спрягаемыми формами глагола. Простое сказуемое — глагольное. Оно выражается спрягаемыми формами полнозначного глагола, глагольного фразеологизма или описательного глагольно-именного оборота: *Снегопад всё усиливался* (В. Солоухин); *День как будто дремал* (К. Паустовский); *Ваша ложь во все девять лет стоит у меня поперек горла* (А. Чехов); *Первые недели плавания принесли разочарование* (К. Паустовский).

В простом сказуемом могут употребляться глагольные формы одного наклонения или времени в значении другого. Так, в предложении *Да, душа моя, Тургенев писал, а я вот теперь за него кашу расхлебывай* (А. Чехов) повелительное наклонение в значении изъявительного создает добавочный оттенок долженствования, вынужденности; в предложении *В эту-то Дуняшу и влюбись Аким!* (И. Тургенев) — оттенок неожиданности действия.

Непродуктивные формы не имеют четких показателей наклонения, времени и грамматического подчинения подлежащему — это несогласуемые формы: а) усеченные глагольные формы *бац, хватъ, прыг, толк* и т. п.: *Подруга каждая тут тихо толк подругу, и шепчут все друг другу* (И. Крылов); б) инфинитив в значении изъявительного наклонения: *Татьяна ах, а он реветь* (А. Пушкин).

О с л о ж н е н н ы е ф о р м ы строятся на базе основных с помощью грамматических средств, выражающих дополнительные значения. Добавочными являются модально-экспрессивные оттенки полноты, длительности, интенсивности действия, которые не меняют лексического значения глагола. Дополнительные значения вносятся частицами или грамматическими повторами: *Можно было и совсем не при-трагиваться, но рука так и тянулась сама* (С. Залыгин); *Родион Потапыч живя жил на своей шахте и домой выходил очень редко* (Д. Мамин-Сибиряк); *Сама дрожмя дрожит старуха* (Н. Лесков).

СОСТАВНОЕ СКАЗУЕМОЕ

Составное сказуемое имеет аналитическое строение: признак назван в основном компоненте, грамматическая зависимость сказуемого от подлежащего, грамматические значения наклонения и времени выражаются с помощью вспомогательного компонента сказуемого: *Мы начали спорить; Брат был весел*. Таким образом, функции двух компонентов составного сказуемого четко разделены. В основном компоненте отсутствуют показатели наклонения и времени (*спорить, весел*). Вспомогательный компонент представляет собой спрягаемый глагол или имеет в своем составе спрягаемую глагольную форму; он является морфологической опорой предикативного значения.

Основной компонент составного сказуемого выражается или инфинитивом (обозначает активный признак — действие), или именными формами (обозначает пассивный признак — качество, свойство, состояние и пр.). Соответственно выделяются два подтипа составного сказуемого — составное глагольное и составное именное.

Составное глагольное сказуемое

О с н о в н о й компонент составного глагольного сказуемого представлен формой инфинитива полнозначного глагола, глагольного фразеологизма или описательного глаголь-

но-именного оборота: *Через два часа небо на востоке начало наливаться чистой и слабой синевой* (К. Паустовский); *Зинаида Федоровна все еще продолжала в волнении ходить по гостиной* (А. Чехов); *Я не шучу вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума* (Н. Гоголь).

Формы составного глагольного сказуемого различаются выражением вспомогательного компонента.

Вспомогательный компонент лексически неполнозначен. В составе сказуемого он выражает не действие, а оценку основного действия, обозначенного инфинитивом: *Братья продолжали говорить; Я хочу отдохнуть*. Вспомогательный компонент составного глагольного сказуемого выражает не только грамматические значения наклонения, времени, лица, но и добавочные значения — фазисные или модальные.

1) **Фазисное** значение выражается спрягаемыми глаголами, указывающими на начало, продолжение или конец действия (*начать, продолжать, кончить, перестать, прекратить, бросить* и др.). Эти глаголы обозначают этапы, фазы, периоды действия, названного основным компонентом. Инфинитив основного компонента употребляется только в форме несовершенного вида, поэтому видовое значение составного глагольного сказуемого создается вспомогательным глаголом (*перестал — переставал видеть*): *Перед грозой рыба переставала клевать* (К. Паустовский); *Между тем княжна Мери перестала петь* (М. Лермонтов). Глагол *продолжать* употребляется в составном сказуемом только в форме несовершенного вида: *Я продолжал переписываться с отцом* (В. Гиляровский).

2) **Модальное** значение выражается спрягаемыми вспомогательными глаголами (*мочь, хотеть, готовиться, стремиться* и др.), глагольными фразеологизмами или описательными глагольно-именными оборотами (*зататься целью, гореть желанием, иметь честь, иметь намерение, дать обещание, иметь привычку* и пр.), а также аналитическими сочетаниями кратких прилагательных, причастий, существительных, наречий со спрягаемыми формами связок (*был — должен, готов, способен, вынужден, мастер, в состоянии* и пр.): *Я привык смотреть на таких людей как на заурядных и обыденных* (М. Горький); *Он как будто задался целью напугать, удивить и рассмешить почтеннейшую публику* (А. Куприн); *Ты должна была любить его преданно, всем духом* (А. Толстой); *Прохор не в силах улыбнуться* (В. Шишков); *Ведь и ты не прочь бы присоединиться к их компании* (Д. Мамин-Сибиряк). Во вспомога-

тельном компоненте сказуемого выражаются следующие модальные значения: долженствование — *Я должен уехать немедленно*; возможность — *Коля не мог бы рассказать этот сон* (К. Паустовский); волеизъявление — *Я решил расправиться со шпионом единолично и немедленно* (М. Горький); *Завтра она захочет вознаградить меня* (М. Лермонтов); субъективно-эмоциональная оценка — *Софья Николаевна по своей пылкой и страстной природе не любила откладывать дела в долгий ящик* (С. Аксаков); оценка общности действия — *Так с детства Кипренский привык мечтать* (К. Паустовский).

Составное глагольное сказуемое может иметь осложненные формы, в которых выражаются два грамматических значения фазисного или модального типа. В этом случае вспомогательный компонент содержит два глагола или соответствующих сочетания — один в спрягаемой форме, другой в инфинитиве: *Шубин хотел начать работать* (И. Тургенев); *Я не должна смеять говорить вам об этом* (И. Тургенев).

Нужно подчеркнуть, что не любое сочетание спрягаемого глагола и инфинитива представляет собой составное глагольное сказуемое. Так, не является сказуемым сочетание спрягаемого глагола с объектным инфинитивом: *Я попросил брата закрыть окно* — действие, обозначенное в инфинитиве, относится к другому субъекту (попросил я, а закроеет брат), инфинитив выполняет функцию дополнения при простом глагольном сказуемом; не входит в составное глагольное сказуемое целевой инфинитив при глаголах движения (*Мы поехали отдохнуть*), он является обстоятельством при простом глагольном сказуемом.

Составное именное сказуемое

Основной именной компонент выражает только вещественное содержание сказуемого, а вспомогательный (связки) — только грамматические значения. Связка представляет собой спрягаемую форму неполнозначного глагола. Ее лексическое значение грамматизируется, т. е. используется для выражения грамматических значений, а формы, их флексии передают значения наклонения, времени, а также выражают зависимость сказуемого от подлежащего: *День был солнечный* (был — «идеальная», формальная связка).

С в я з к а характеризует отношения субъекта и признака как фактически существующие (значение констатации) — связки *быть, являться, оставаться* и др.: *Взгляд его*

остался наивен и чист, как у мечтательного мальчика (К. Паустовский); как возникающие — становиться, стать, делаться и др.: Брат становился непонятней (М. Горький); как мнимые, вероятные, кажущиеся — связки казаться, представляться и др.: После Ялты с ее пышной набережной Алушта показалась мне скучной (К. Паустовский).

Грамматизация лексического значения в составе сказуемого, т.е. приспособление его для выражения модальности, отличает связки от полнозначных глаголов, выполняющих функцию простого глагольного сказуемого; ср.: Казбек был в тумане (К. Паустовский). — На столе был самовар, давно холодный (А. Чехов).

Основной компонент — именная часть сказуемого — может быть представлен словом или словосочетанием. Именная часть может выражаться предикативными формами — это краткие качественные прилагательные, краткие причастия, полные прилагательные, существительные и другие имена в именительном или творительном падеже. Форма падежа, ее выбор зависят от связки. При нулевой форме настоящего времени связки быть может употреблен только именительный падеж: Сосна — дерево; Я студент; Ночь темная; Улица — моя, дома — мои (В. Маяковский). С формами прошедшего и будущего времени этой связки употребляется и именительный, и творительный падеж (ср.: Отец мой был слесарь. — Отец мой был слесарем; День был солнечный. — День был солнечным). Со всеми другими связками в современном русском языке употребляется только творительный падеж: Комната с портретом Гарибальди покажется слабо освещенной каютой, затерянной в океане непроглядной ночи (К. Паустовский).

Все другие предложные и предложно-падежные формы являются непредикативными. В роли именной части сказуемого могут быть употреблены, в частности, разнообразные предложно-падежные формы существительных. Они сохраняют те значения, которые сложились в словосочетании, где данные формы выполняют атрибутивную функцию (ср.: лодка без паруса — Лодка оказалась без паруса; дом с мезонином — Дом был с мезонином и т. п.); Низкая и узкая комната была без окон (Д. Мамин-Сибиряк); Книжки у Васеньки были с картинками (К. Бальмонт). В современном русском языке расширяется употребление в сказуемом таких предложно-падежных форм: Стрельба была по невидимой цели (А. Толстой); Первые мои записи были о лесах (К. Паустовский).

Некоторые предложно-падежные формы выражают состояние: это предложный падеж с предлогом *в*, а также устойчивые предложно-падежные сочетания со значением состояния: *Арапов был в восторге* (А. Куприн); *Я был как в тумане* (К. Паустовский); *Весь город был на ногах* (К. Паустовский); *Пьер находился в смущении и нерешительности* (Л. Толстой).

Наконец, основной компонент может быть выражен неизменяемыми словами — наречием или инфинитивом. Однако большинству наречий эта функция несвойственна, поэтому в составе именного сказуемого употребляется только небольшая группа наречий со значением состояния (*начеку, навеселе, наготове, нараспашку, всмятку, навывахе* и др.): *С тех пор при встречах с Федей я был настороже* (К. Паустовский).

Инфинитив в составном именном сказуемом имеет о ц е н о ч н о е значение благодаря соотношению с подлежащим, имеющим абстрактную семантику — ‘назначения’ (*цель, задача, назначение* и пр.) или ‘деятельности’ (*дело, занятие, работа* и пр.; например: *Дело художника — рождать радость* (К. Паустовский)).

Словосочетания в роли основного компонента функционально нечленимы: главное слово не обладает полнотой вещественного содержания, оно лишь выражает отношение к связке, а зависимое заключает вещественное значение сказуемого — название предикативного признака (*Петя — веселый мальчик*). Употребляются словосочетания различного состава и формы (*Мужчина был высокого роста; Девочка была с голубыми глазами; Комната оказалась с тремя окнами* и др.). Продуктивными являются формы сказуемого, основной компонент которого содержит сочетание существительного и прилагательного, причем существительное обозначает родовое понятие по отношению к видовому, названному в подлежащем: *Заплатин был рассудительный человек* (Д. Мамин-Сибиряк).

О с л о ж н е н н ы е формы составного именного сказуемого строятся на базе основных и отличаются от них добавочными грамматическими значениями. Связка осложняется спрягаемыми формами фазисных или модальных глаголов. Фазисные глаголы указывают на начало, продолжение или прекращение обладания признаком: *Под конец мечта дойти до линии фронта начала казаться им несбыточной* (К. Симонов); *Вообще Лоскутов для Привалова продолжал оставаться загадкой* (Д. Мамин-Сибиряк).

Модальные глаголы, а также краткие прилагательные с модальным значением вносят в именное сказуемое добавочное значение оценки обладания признаком: *Издевательство над чужими страданиями не должно быть прощасно* (А. Чехов); *Я боюсь, господа, быть непонятым* (А. Толстой); *Девушки, видя такое обоготворение, старались и быть более или менее богинями* (Л. Толстой). Сказуемое может быть осложнено двумя модальными глаголами с различным значением: *После этого всякий может надеяться быть моим зятем* (И. Тургенев). В осложненной форме сказуемого собственно связка употребляется в форме инфинитива; она не выражает грамматических значений времени и наклонения, они передаются спрягаемым осложняющим глаголом.

§ 263. Связь главных членов предложения

Связь подлежащего и сказуемого двусоставного предложения называется предикативной связью. Активная роль в выражении предикативной связи принадлежит сказуемому. Показателями предикативной связи являются формы слов, специальные служебные слова — частицы-связки, а также порядок слов и интонация. Основной показатель — те словоизменительные формы сказуемого, которые так или иначе мотивируются подлежащим.

По наличию или отсутствию основного показателя все двусоставные предложения могут быть разделены на две структурные разновидности — предложения с формально выраженной предикативной связью и предложения с формально не выраженной предикативной связью.

1. В предложениях с формально выраженной предикативной связью сказуемое представлено спрягаемой формой глагола или включает ее в качестве вспомогательного компонента. Употребление конкретной глагольной формы, ее выбор мотивированы формой или семантикой подлежащего. Мотивированность формы сказуемого по традиции называют согласованием, хотя эта связь отличается от согласования в структуре словосочетания.

Выбор форм определяется разными факторами, в соответствии с которыми различаются согласование грамматическое, условное и семантическое.

Грамматическое согласование сказуемого с подлежащим возможно только при наличии однотипных категорий в словоформах, представляющих оба главных члена.

Имя и спрягаемый глагол имеют одну общую категорию — число. Поэтому грамматическое согласование сказуемого с подлежащим наиболее последовательно проявляется в формах числа; ср.: *Дорога строится.* — *Дороги строятся;* *Книга была написана.* — *Книги были написаны;* *День стал короче.* — *Дни стали короче.* Глагол в форме прошедшего времени или сослагательного наклонения уподобляется номинативному подлежащему в роде (ед. ч.); ср.: *Наступил день.* — *Наступила ночь.* — *Наступило утро.* Таким образом, грамматическое согласование сказуемого с подлежащим проявляется в форме числа или числа и рода: *Заросли свисают над водой темными арками* (К. Паустовский); *Грезит ночь. Уснули люди* (С. Есенин); *В отворенные окна глядела светлая летняя ночь* (Л. Толстой); *Мы втроем сошли с террасы* (Л. Толстой).

Условное согласование имеет место при подлежащем, выраженном неизменяемыми словами или словами, не имеющими форм числа и рода. Условность согласования заключается в том, что форма числа (рода) сказуемого мотивируется не уподоблением аналогичной форме подлежащего, а определяется отсутствием этих форм у подлежащего. С неизменяемыми словами сказуемое условно согласуется в форме единственного числа, а в прошедшем времени и в сослагательном наклонении — в форме среднего рода: *Наступило долгожданное завтра;* *Грянуло дружное ура;* *Подведет тебя это авось.* С местоимением *кто*, не имеющим числа и рода, и с производными от него сказуемое условно согласуется в форме единственного числа, а в прошедшем времени и в сослагательном наклонении — в форме мужского рода; с местоимением *что* и производными — в формах единственного числа и среднего рода: *В эту минуту кто-то шевельнулся за кустом* (М. Лермонтов); *Но никто под окрик журавлиный не разлюбил отчие поля* (С. Есенин); *Что-то как бы оборвалось в сердце Оленина* (Л. Толстой). С количественными числительными сказуемое условно согласуется в форме единственного числа, в прошедшем времени и в сослагательном наклонении — в форме среднего рода: *Пять не делится на два.* Такое же согласование может иметь место и при подлежащем, представленном сочетанием числительного и существительного: *На станции служило одиннадцать человек* (М. Горький). Аналогично согласуется сказуемое с подлежащим — сочетанием собирательного числительного или количественного местоимения («неопределенного числительного») с существительным: *В зале было много народу* (А. Куприн); *Уж*

много карет проехало по этой дороге (М. Лермонтов); *А со мной трое мальчишек все-таки влезло* (К. Паустовский). Такие же условно согласуемые формы имеет связка в составном именном сказуемом при инфинитивном подлежащем: *Не спать ночью — значит каждую минуту сознавать себя ненормальным* (А. Чехов); *Видеть реку означало близкую дорогу* (А. Куприн).

Семантическое согласование заключается в мотивированности формы сказуемого семантикой подлежащего, а не его морфологическими категориями и формами. Примером семантического согласования является употребление сказуемого в форме множественного числа при подлежащем, представленном сочетанием числительного и существительного: *В это время из боковой улицы выехали на площадь два всадника* (Л. Толстой); *У подошвы скалы в кустах были привязаны три лошади* (М. Лермонтов). Семантически обусловлена форма множественного числа сказуемого при подлежащем — словосочетании со значением совместности: *Княгиня с дочерью явились из последних* (М. Лермонтов). Семантикой подлежащего мотивируется форма рода в сказуемом при местоимениях *я, ты*: *Я не спала всю эту ночь* (М. Лермонтов), а также при существительных мужского рода, обозначающих лица женского пола: *Врач продолжала прием больных*.

К семантическому согласованию можно отнести употребление глагольных форм 1-2-го лица при местоимениях *я—мы, ты—вы* и 3-го лица при местоимениях *он (она, оно) — они*, а также при подлежащем — имени существительном (*Я уже не сплю; Ты много читаешь; Ярко светит луна*).

Местоимения личные *я, ты* и т. д. представляют собой разные слова, а не формы лица. Словоизменительные личные формы глагола избираются в соответствии с лексическим значением личных местоимений, указывающих на говорящего, собеседника и т. д.

Разные виды согласования могут проявляться в одном предложении: *Я не спала* — грамматическое согласование в числе и семантическое согласование в роде. В отдельных случаях наблюдается колебание в согласовании в результате противоборства разных факторов. Так, с подлежащим, которое представлено количественно-именным словосочетанием, сказуемое может быть согласовано условно в форме единственного числа или семантически в форме множественного (*На столе лежало три яблока — лежали три яблока*), обе формы допустимы. Форма множественного числа предпочтительна, если в подлежащем названы

лица, а форма единственного — если в подлежащем названы предметы.

Согласование составного именного сказуемого может быть осложнено тем, что в формальном выражении связи с подлежащим участвует кроме связки именная часть. Имена прилагательные и подобные им слова согласуются в формах числа и рода: *Дорога была устлана шуршавшими листьями* (Л. Толстой); *Ты по-собачьи дьявольски красив* (С. Есенин). При выражении именной части сказуемого существительным, род которого не совпадает с родом подлежащего, связка согласуется с подлежащим: *Домик у Фигуры был обыкновенная малороссийская мазанка* (Н. Лесков); исключения редки: *Описанная фигура был Голован* (Н. Лесков).

Различные факторы определяют согласование сказуемого с «формой вежливости» *вы*. Глагол согласуется грамматически в форме множественного числа: *Любимая! Меня вы не любили* (С. Есенин). Аналогично согласуются краткие прилагательные и причастия: *Вы были правы предо мной* (А. Пушкин). Полные формы имени прилагательного, причастия, местоимения-прилагательные семантически согласуются в числе (единственное!) и в роде: *Вы нежная и удивительная* (И. Ильф и Е. Петров); *Я знаю: вы не та* (С. Есенин).

2. В предложениях с формально не выраженной предикативной связью главных членов сказуемое не имеет собственных материальных показателей этой связи. Во-первых, к таким предложениям относятся конструкции с несогласуемыми формами простого глагольного сказуемого — усеченными глаголами *бац*, *толк* и т. п., инфинитивом в значении изъявительного наклонения; во-вторых, это предложения тождества с нулевой формой связки: *Труд — лучшее лекарство для меня* (Д. Мамин-Сибиряк); *Единственный выход из положения — затопить суда в фаратере* (С. Сергеев-Ценский); *Бестолкового учить — только себя трудить* (поговорка); в-третьих, такого рода связь проявляется между инфинитивным подлежащим и сказуемым — словом категории состояния с нулевой формой связки: *Жалеть людей — это тяжело* (М. Горький).

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 264. Типы односоставных предложений

Грамматической основой односоставных предложений является один главный член, с помощью которого выража-

ется предикативность. Различия в форме главного члена служат основой для выделения типов односоставных предложений.

В современном русском языке существуют два основных типа односоставных предложений — глагольные и именные. В глагольных односоставных предложениях утверждается независимый признак (действие): *В саду пели; Вам придется подождать; Быть грозе великой* и т. п. В именных (субстантивных) односоставных предложениях утверждается или отрицается бытие предмета: *Полночь; Опять зима; Снегу-то!; Ни деревца.*

Глагольные формы по своей морфологической природе тяготеют к зависимому положению, к выражению признака, приписываемого субъекту. Поэтому постановка их в независимую позицию требует особых конструктивных условий: сама структура предложения определяет независимое положение глагольной формы. Так, словоформа *спали*, взятая отдельно, представляется зависимой и как бы предопределяет согласование с господствующей именной словоформой, однако в предложении *В доме уже спали* глагол занимает независимую позицию.

В глагольных односоставных предложениях в роли главного члена могут выступать все основные спрягаемые формы и инфинитив. В именных предложениях употребляется в позиции главного члена лишь существительное (или субстантивированное слово) в именительном или родительном падеже.

Главный член в глагольных предложениях своими морфологическими формами выражает грамматические категории модальности и времени, а также лица. В именных односоставных предложениях отсутствует возможность морфологического выражения предикативных категорий и они раскрываются с помощью конструктивных и интонационных показателей.

§ 265. Глагольные односоставные предложения

В глагольных односоставных предложениях различные глагольные формы употребляются как независимые. Общее свойство всех глагольных односоставных предложений — бессубъектность. Соотносительность субъекта и признака не представлена; действие, обозначенное в главном члене, оформляется как независимое (ср.: *В доме уже все спали. — В доме уже спали*).

В главном члене глагольного односоставного предложения посредством формальных показателей глагола (включая нулевую форму связки *быть*) выражаются модальные значения реальности — ирреальности, синтаксического времени и лица.

§ 266. Определенно-личные предложения

В определенно-личных предложениях выражается действие (признак), соотношенное с определенным деятелем (носителем признака), который, однако, словесно не обозначен. Указание на конкретного деятеля содержится в формах глаголов 1—2-го лица, а также повелительного наклонения, которые выступают в роли главного члена предложения (или входят в состав главного члена в качестве вспомогательного компонента): *Стар, ужасно стар Париж. Особенно люблю его в сырые деньки* (А. Толстой); *Прощайте. А на меня не сердитесь* (К. Паустовский); *Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую* (С. Есенин).

Возможность независимого употребления указанных глагольных форм обусловлена способностью их формальных показателей обозначать конкретного деятеля. Глагольные формы, не имеющие таких однозначных показателей, не могут употребляться в определенно-личных предложениях — это формы 3-го лица ед. и мн. ч., прошедшего времени и сослагательного наклонения, инфинитив. Если эти формы обозначают действие конкретного деятеля, то последний должен быть назван в подлежащем; предложение в этом случае имеет двусоставную структуру, в том числе и в неполном варианте — при пропуске подлежащего: *Я слышал твой выстрел, встал и оделся. Хотел уже туда бежать, но вижу — ты идешь* (М. Шолохов) — во втором двусоставном неполном предложении пропущено подлежащее *я*; третье (*вижу*) определенно-личное односоставное предложение полное.

Формы главного члена определенно-личных предложений имеют большую грамматическую нагрузку: кроме указания на синтаксическое лицо они выражают модальность и время (ср. связочно-именные *буду жив, будь молод*).

§ 267. Неопределенно-личные предложения

Основным значением неопределенно-личных предложений является выражение независимого действия, деятель

словесно не обозначен и грамматически представлен как неопределенный.

Главный член неопределенно-личных предложений выражает действие, его отнесенность к неопределенному деятелю и к моменту речи посредством глагольных форм 3-го лица ед. или мн. ч. прошедшего времени: *Впереди опять останавливаются* (А. Куприн); *Я солгал, и довольно гадко солгал. Меня вывели на свежую воду, уличили, пристыдили* (И. Тургенев); *Город и людей как будто подменили* (К. Паустовский).

Одним из показателей независимости глагола в неопределенно-личных предложениях является его положение относительно второстепенных членов, препозиция второстепенных членов по отношению к главному: *Зайца вылечили* (К. Паустовский); *Ламп еще не зажигали* (А. Толстой).

Если в предложении есть обстоятельство и дополнение, то первое занимает препозицию и подчеркивает независимость главного члена, а дополнение может располагаться либо перед глаголом, либо после него: *В гостиную втащили большую мерзлую елку* (А. Толстой); *В местечке Торжок полк разбили по сотням* (М. Шолохов).

Во всех случаях неопределенно-личные предложения представлены конструкцией, в которой позиция субъекта занята.

Некоторые второстепенные члены своим содержанием могут косвенно «намекать» на субъект (*В семье его баловали* — ср.: *Семья его баловала*), однако это не только не ослабляет неопределенно-личное значение, а, наоборот, усиливает, подчеркивает его. Такой член предложения называется лишь «сферой субъекта», а не сам субъект, так что общее грамматическое значение неопределенности деятеля, выражаемое главным членом, подчеркивается лексико-грамматическими средствами.

§ 268. Обобщенно-личные предложения

В этом виде предложений действие приписывается обобщенному деятелю. Независимое действие утверждается как вневременное, т. е. конкретно не соотношенное с моментом речи. Эти значения выражаются в личных глагольных формах 2-го лица ед. ч., 3-го лица мн. ч., 2-го лица повелительного наклонения: *Из щеп похлебки не сваришь* (пословица); *Околицей прямо не ездят* (пословица); *Умей ошибиться, умей и поправиться* (пословица); *Не будь грамотен, будь памятен* (пословица); *Не милостивому мил не будешь* (пословица).

Данные формы имеют также модальные значения:

1) глагол 2-го лица без *не* — значение долженствования: *Найдешь келью и под елью* (пословица);

2) глагол 2-го лица с *не* — значение невозможности: *Прежде веку не помрешь* (пословица); *Спасибо в карман не положишь* (пословица);

3) глагол повелительного наклонения без *не* — значение долженствования: *Ешь с голоду, а люби смолodu* (пословица);

4) глагол повелительного наклонения с *не* — значение нецелесообразности (с оттенком предостережения): *Без счастья и в лес по грибы не ходи* (пословица); *Не всякому слуху верь* (пословица);

5) глагол 3-го лица множественного числа без *не* — значение долженствования (с оттенком целесообразности): *Старших и в Орде почитают* (пословица);

6) глагол 3-го лица множественного числа с *не* — значение нецелесообразности: *Огонь маслом не тушат* (пословица); *От добра добра не ищут* (пословица); *О семейном в кабаках не кричат* (М. Горький).

§ 269. Безличные предложения

Общим значением безличных предложений является утверждение независимого действия, не соотнесенного с деятелем.

Содержание главного члена безличных предложений составляют: а) обозначение независимого признака — действия, состояния, б) выражение несоотнесенности действия с деятелем, в) синтаксическое время. Показатель данных значений — форма безличности: 3-е лицо ед. числа, прош. времени, ср. рода.

Главный член, подобно сказуемому, имеет или простую, или составную (аналитическую) форму.

1) В виде простого главного члена выступают:

а) безличный глагол: *Старику не везло* (К. Паустовский); *Кому-то еще не сидится дома в такую пору* (В. Соловухин);

б) личный глагол в безличной форме: *Лужи во дворе морщило и рябило от дождя* (А. Куприн); *Так меня холодом и обдало* (Л. Толстой); *Бывает хуже, с рук сойдет* (А. Грибоедов);

в) бытийный глагол *быть* с частицей *не* входит в парадигму временных форм с безличным глагольным словом

нет — не было, не будет: *Кругом не было ни души* (К. Паустовский); *Хозяев уже не было* (Л. Толстой).

2) При аналитическом способе вещественное и грамматическое значения главного члена выражены раздельно, в двух компонентах:

а) инфинитив с безличной глагольной формой вспомогательного компонента: *Один раз пришлось спуститься глубоко вниз на круглую поляну* (А. Толстой); *Завтра ранним утром профессору надлежало ехать на пароходе* (А. Куприн); *Мне посчастливилось несколько раз быть в Дрезденской галерее* (К. Паустовский); *Мне по должности полагается быть догадливым* (М. Шолохов); *Следует также зарубить себе на носу, что неудача на литературном поприще в тысячу раз лучше удачи* (А. Чехов); *Аркадий Иванович не жаловался никогда, это правда, но зато Никите все время приходилось держать ухо востро* (А. Толстой); *Начало быстро светать* (К. Паустовский); *У Картошина начало пусто звенеть в голове* (А. Толстой);

б) слово категории состояния в сочетании со связочным компонентом (в том числе с нулевой формой со значением настоящего времени изъявительного наклонения): *А в степи было холодно, темно и мрачно* (М. Горький); *Если бы всегда было так тихо и важно на душе!* (А. Толстой); *Обломову стало немного неловко от собственного промаха* (И. Гончаров); *В комнатах старательно прибрано* (А. Чехов); *В тесной хате было жарко натоплено* (М. Шолохов);

в) главный член состоит из трех компонентов: инфинитива, связочного компонента и группы слов категории состояния с модальным значением (*нельзя, можно, надо, охота, должно, жаль, время, пора, грех* и др.): *В залах нельзя было протискаться* (А. Толстой); *Мне должно было стрелять первому* (А. Пушкин); *Нельзя жить вдали от молодости* (К. Паустовский).

Таким образом, значение безличных предложений получает различное структурное выражение. Однако во всех структурных вариантах имеется общий элемент — форма безличности с одинаковыми показателями. Это в высшей степени типизированная форма, о чем свидетельствует наличие в системе ее показателей нулевого элемента — нулевой формы связки *быть*.

§ 270. Инфинитивные предложения

В инфинитивных предложениях выражается независимое действие, не соотнесенное с деятелем: *Как бы это со-*

брать свои мысли и привести их в полную ясность? (К. Паустовский). В этом они сходны с безличными. Однако в безличных предложениях независимое действие представлено как процесс, протекающий во времени, а в инфинитивных — только как желательное, возможное, неизбежное и т. д., т. е. потенциальное, оно не выражено как процесс, а лишь названо. Эта особенность инфинитивных предложений обусловлена природой главного члена — инфинитива. Инфинитивным предложениям свойственна вне-временность, отсутствие форм времени; этим они отличаются от безличных: *Молодости не воротить*; *Сетью нагого не прикрыть* (пословица).

Главный член инфинитивных предложений имеет две структурные разновидности — полнозначный инфинитив или аналитическое сочетание инфинитива связочного глагола с именем: *Дочке в город уезжать* (А. Твардовский); *Не всем казакам в атаманах быть* (пословица).

Выражение модальности в инфинитивных предложениях коренным образом отличается от выражения ее в других односоставных глагольных предложениях отсутствием формы наклонения. Потенциальность действия препятствует выражению «чистой» реальности — ирреальности. Оба эти значения сопровождаются частными модальными значениями. Отсутствие в составе главного члена частицы *бы* склоняет модальное значение в сторону реальности, а употребление данной частицы — в сторону ирреальности.

В предложениях без частицы *бы* выражаются модальные значения: а) долженствования: — *Ну, вот и мостик!* — сказал Огнев. — *Тут вам поворачивать назад* (А. Чехов); б) неизбежности: *Быть в дороге какой-нибудь беде, не иначе* (М. Шолохов); в) невозможности (с участием частицы *не*): *С совестью не разминуться* (пословица); г) волеизъявления: *Там поставить кровать, рукомойник и прочее* (Н. Гоголь).

В предложениях с частицей *бы* выражаются: а) желательность: *Ну, мне бы уснуть, устал я в дороге* (М. Горький); б) целесообразности: *Вам бы гуманитарные науки преподавать, а не стрелять из пушек* (К. Паустовский); в) опасения, предостережения: — *Как бы нам в яму не угодить*, — сказал старик (А. Толстой).

Можно также говорить о выражении в инфинитивных предложениях потенциального деятеля. Дательный потенциального деятеля представляет собой обязательный компонент модели инфинитивного предложения. Незамещенность его позиции тоже значима. Может выражаться зна-

чение определенного или неопределенного лица: а) *Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать?* (Н. Гоголь); б) — *Боровое?* — спросил я. — *Нет. До Борового еще шагать и шагать* (К. Паустовский). При отсутствии в конситуации указаний на определенное или неопределенное лицо формируется обобщенно-личное значение, выражается соотносительность потенциального действия с обобщенным деятелем: *К рассвету в лесу без лыж не пройти* (А. Беляев); *На булате ни написать, ни стереть* (пословица).

§ 271. Именные (субстантивные) односоставные предложения

Субстантивные предложения являются принципиально безглагольными, т. е. не только не содержат ни «физических» глагольных форм, ни нулевых форм, но и не предполагают пропуска глагола. В их семантике нет значений действия, процесса, признака. Они имеют бытийное значение, которое выражается не лексически, а синтаксически (ср.: *Была зима; Есть книги*). Бытийное значение свойственно главному члену предложения — номинативу (существительному в форме именительного падежа): *Зима* — или генитиву (существительному в независимом родительном падеже, с количественным значением): *Книг-то!* Этим формам существительного соответствуют два структурно-семантических вида предложений — номинативные и генитивные.

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В номинативных предложениях выражается бытие предмета в настоящем времени. Как бытийное значение, так и указание на совпадение бытия с моментом речи проявляются в главном члене, независимо от наличия или отсутствия в предложении других членов. Показателем времени является значимое отсутствие глагола, морфологического показателя не имеет и модальность — она выражается интонацией: *Зима; Зима!* — значение реальности; *Зима?* — значение ирреальности. Частицей *бы* выражается ирреальное значение желательности: *Скорее бы зима!* Главный член не содержит указания на лицо, но по семантике предложение соотносено с 3-м лицом (бытие предмета, не являющегося участником общения).

Кроме указанных основных значений главный член номинативных предложений может содержать добавочные оттенки, выражаемые интонацией, частицами, — иначе говоря, может иметь структурные варианты. Например: *Сосна. Две березки* — основная форма главного члена с общим бытийным значением и расширенным настоящим временем; *Сосна! Две березки!* — вариант с добавочным оттенком непосредственного восприятия бытия, совпадающего с моментом речи; *Вот сосна. Вон две березки* — вариант с указательно-ограничительным оттенком и с конкретным настоящим временем, не выходящим «за пределы» момента речи; *Вот и сосна. Вот и две березки* — вариант с добавочным оттенком обнаружения, достижения и с указанием на временной предел — совпадение обнаруживаемого бытия с моментом речи; *Что за сосна! Какие две березки!* (а также с частицами *вот так, вот это, ну и, ай да* и др.) — вариант с эмоционально-экспрессивной оценкой предмета. Таким образом, в речи номинативные предложения употребляются либо с основной формой главного члена, либо в одном из вариантов: *Мелколесье. Степь и дали. Свет луны во все концы* (С. Есенин); *Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность* (С. Есенин); «*Вот он и крест. Вот и дорога*», — громко проговорил ямщик (А. Толстой).

Главный член номинативного предложения может быть распространен второстепенными, которые вместе с ним образуют словосочетание: *Начало июля. Полная луна* (В. Вересаев); *По окнам вспыхивает свет. Час мирный. Славный вечер* (А. Твардовский). От распространенного номинативного предложения с определением нужно отличать двусоставное с нулевой формой связки *быть*, когда сказуемое обычно стоит после подлежащего: *Воздух прозрачный и синий* (С. Есенин).

Спорным остается вопрос о наличии в номинативном предложении таких второстепенных членов, которые имеют обстоятельственное или объектное значение и не образуют словосочетания с главным членом: *В доме тишина; Сегодня экзамен; У меня радость* и т. п. Форма этих членов предложения не мотивируется, не управляется главным членом — номинативом. Это служило поводом усматривать в таких предложениях пропуск сказуемого, к которому якобы относятся данные члены. Однако характеристика данных предложений как двусоставных неполных основана на «подразумевании» сказуемого. В действительности же значение бытия, наличия выражено в них

номинативом. Эти предложения являются номинативными односоставными с второстепенными членами приисповного типа, которые имеют самостоятельное значение (пространственное, временное, субъектное и пр.). Эти члены как в двусоставных, так и в односоставных предложениях не являются зависимыми компонентами словосочетания; они поясняют предикативную основу в целом (ср.: *В доме топились печи; В доме стало тепло; Сегодня я весел; У меня сын — студент*).

ГЕНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

По основным значениям бытийности и настоящего времени, выражаемым в главном члене, генитивные предложения сходны с номинативными. Однако родительный количественный (квантитативный) вносит в них добавочное значение избытка, а восклицательная интонация — экспрессивно-эмоциональную оценку: *«Добра-то, добра!» — сказал Яков (А. Чехов)*.

Можно предполагать, что эти конструкции сложились под влиянием количественно-именных типа *Много добра; Сколько добра!*, однако в современном языке они представляют собой самостоятельную продуктивную модель, по которой могут быть построены конкретные предложения с неограниченным лексическим наполнением. Может быть использовано любое существительное, соотносимое с понятием количества или меры. Для подчеркивания значения избытка, большого количества или меры могут служить частица *-то*, а также повтор: *Смеху-то, смеху!* (А. Чехов); ср.: *Что смеху-то!* (А. Островский). Генитивные предложения могут быть распространенными: *Книг разных!* (разг.); *Ума, ума у вас, дядюшка!* (А. Островский).

§ 272. Нечленимые предложения

Основным структурным типом простого предложения — двусоставным и односоставным — в русском языке противопоставлены так называемые нечленимые предложения: — *А от чаю все-таки не откажешься? — Да, пожалуй* (А. Островский); *Самгин сказал: — Ты, кажется, сочувствовала этой реформе? — Нет* (М. Горький). Эти предложения лишены грамматической формы; в них не выделяются члены предложения — ни главные, ни второстепенные. Нечленимые предложения не содержат и не допускают в сво-

ем составе спрягаемых форм глагола и поэтому не имеют конкретных модально-временных значений.

По функции нечленимые предложения соотносятся с повествовательными, вопросительными, побудительными: — *Я вас с собой возьму.* — *Хорошо-с* (А. Островский); — *Потом ты съездишь и привезешь ее к себе. Ладно?* — *Хорошо* (А. Чехов); *Цыц, ты! Она тебе больше не слуга* (М. Горький). При этом вопросительные по форме нечленимые предложения могут иметь повествовательно-утвердительно-вопросительное значение: — *Заблудились?* — *переспросил Григорий.* — *А то как же?* — *с искренним удивлением ответил Кудинов* (М. Шолохов).

Однако нечленимые предложения не содержат конкретного высказывания. Их содержание сводится к выражению согласия/несогласия с каким-либо высказыванием (чаще всего — другого лица) или эмоциональной реакции на него, а также волеизъявления. Поэтому коммуникативная значимость нечленимых предложений проявляется, как правило, только на фоне соответствующих предложений, составляющих речевой контекст: — *Это ветка сирени?* — *Кажется... да,* — *небрежно отвечала она* (И. Гончаров).

Абстрактная семантика нечленимых предложений и их неопределенный модально-временной план обуславливаются лексико-грамматической природой используемых слов. В нечленимых предложениях употребляются:

1) частицы *да, нет*, в наиболее четком виде выражающие согласие/несогласие (это их единственная функция): — *Значит, ты к нам надолго?* — *Нет* (А. Островский);

2) модальные слова и модальные частицы *конечно, вероятно, пожалуй* и др.: — *Но вы представляете, сколько стоит организация дела?* — *О, разумеется* (А. Толстой);

3) междометия *ну!, цыц!, батюшки!* и др.: — *Да разве кругом нас люди живут?* — *Батюшки! Да кто же, по-твоему?* (А. Островский);

4) фразеологизмы со значением согласия/несогласия, волеизъявления, модальной или эмоциональной оценки (как бы не так!, еще бы!, держи карман шире!, то-то и оно! и др.): — *А ты разве усидел бы всегда? Никуда бы не поехал?* — *Ни за что!* (И. Гончаров); — *Не хотите ли у меня поколоть дрова?* — *Извольте, поколю* (А. Чехов); — *А то сестру жал!* Какова бы ей здесь жизнь была — *и представить страшно.* — *Уж само собой* (А. Островский); — *А ведь мне за него отвечать придется!* — *То-то вот оно и есть!* (А. Чехов).

Слова всех перечисленных разрядов характеризуются неизменяемостью. Они не могут входить в словосочетания. Поэтому нечленимые предложения не могут быть распространены: объем предложения совпадает со словом или фразеологизмом. Эта особенность нечленимых предложений подчеркивается другим названием их — *слова-предложения*. Объем слова-предложения может быть увеличен только за счет частиц, обычно с усилительным значением: — *Григорий! Ты как? Не раздумал? Может, поедem? — Нет уж* (М. Шолохов).

Нечленимые предложения очень употребительны в речи. Выражение согласия (подтверждения) или несогласия (отрицания) является одним из важнейших моментов общения. Эти значения в чистом виде выражаются словами-предложениями *Да* и *Нет*.

Кроме того, согласие выражается модальными словами-предложениями, включающими значения уверенности или предположительности: — *Соскучилась? — спросила она, взглянув на дочь. — Конечно* (А. Чехов); — *А я к вам, — сказал Лаптев. — Иду потолковать с вашим батюшкой. Он дома? — Вероятно, — ответила она* (А. Чехов); — *Недели через две поеду за границу. Поезжай и ты... — Хорошо, пожалуй, — решил Обломов* (И. Гончаров). Выражение согласия—несогласия с помощью фразеологизмов дополняется эмоционально-экспрессивными оттенками: — *Любуетесь морем? — Еще бы! — ответил Лавров* (К. Паустовский).

§ 273. Полные и неполные предложения

Состав необходимых членов предложения определен его структурой: в двусоставных предложениях — два главных члена, в односоставных — один, некоторые из второстепенных членов тоже обязательны: прямое дополнение при переходном глаголе, дополнение в творительном падеже в страдательном обороте (*Небо заволокло облаками*) и др. Пропуск главных или обязательных второстепенных членов возможен в том случае, если они названы в контексте, в соседних предложениях: *Я решил остаться здесь ночевать. Сходил в лес, набрал сухих дров и развел костер* (А. Серафимович). Во втором предложении пропущено подлежащее *я*; это предложение двусоставное неполное. Пропущенный член в неполном предложении может быть восстановлен, тогда предложение становится полным (*Я сходил в лес...*). Могут быть

(в диалоге) пропущены оба главных члена: — *Что это ты мне даешь? — Деньги* (А. Островский); ср.: *Я даю деньги*. Полное и неполное — это варианты одного предложения.

Характеризуя при разборе простое предложение как полное или неполное, мы отвечаем на вопрос: все ли требуемые структурой члены предложения «на месте»?

Отсутствие подлежащего в односоставных глагольных предложениях и сказуемого в номинативных не является признаком их грамматической неполноты. Это полные односоставные предложения: *А я хочу сказать, что люди в наше время разучились любить. Не вижу настоящей любви. Да и в мое время не видел* (А. Куприн) — первое предложение сложное, обе части представляют полные двусоставные предложения; второе предложение односоставное определенно-личное полное; третье — двусоставное неполное (пропущено подлежащее я).

СТРУКТУРА РАСПРОСТРАНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 274. Второстепенные члены

Простое предложение различается по составу членов предложения: выделяются нераспространенные и распространенные предложения.

Нераспространенные предложения (двусоставные и односоставные) представлены только главными членами. Главные члены являются основой выражения предикативного значения, т. е. модальности, времени и лица. Одновременно главные члены сами по себе достаточны для выражения определенного содержания предложения. Они содержат информацию о предметах действительности, об их признаках. Таким образом, нераспространенное двусоставное или односоставное предложение является минимальным структурным типом простого предложения в русском языке.

Распространителями предикативной основы являются второстепенные члены. Распространенное простое предложение содержит хотя бы один второстепенный член (*Мальчик рисует солнце; Мне уснуть бы; Вдруг звонок!*), максимальное же число их не ограничено.

Второстепенный член — это понятие, связанное с грамматической стороной предложения, а не с его содержанием. Второстепенные члены могут быть коммуникативно более важными, более значимыми, чем главные (*Отец остался в городе; Экзамен состоится завтра и т. д.*). Синтаксиче-

ская сущность второстепенного члена заключается в том, что он подчинен главным членам, зависит от них, определяет их и тем самым распространяет предикативную основу предложения.

§ 275. Функции второстепенных членов предложения

Известно, что компонентами структуры предложения являются не слова как таковые в той или иной форме, а члены предложения. Они могут быть представлены либо отдельным словом, либо сочетанием слов.

Второстепенные члены как распространители предложения выполняют две функции: во-первых, они поясняют, распространяют те или иные отдельные слова, во-вторых, поясняют, распространяют предикативную основу предложения в целом. Эти функции соответственно можно назвать присловной и приосновной, а выполняющие их члены — присловными и приосновными второстепенными членами предложения.

П р и с л о в н ы е второстепенные члены входят в словосочетание с определяемым словом, синтаксически связаны с ним по способу согласования, управления или примыкания. Например, в предложении *Чиновники уныло шагали на опостылевшую службу* (А. Серафимович) выделены присловные второстепенные члены.

П р и о с н о в н ы е второстепенные члены (в научной литературе их обозначают также термином «детерминанты», или «детерминирующие второстепенные члены») не входят в словосочетание, их форма не мотивирована главными членами. Они поясняют не отдельные члены предикативной основы, а всю основу в целом. Например, в предложении *Кадетом я писал стихи* (А. Куприн) приосновный член соотнесен с содержанием всей предикативной основы, формально не подчинен ни подлежащему, ни сказуемому. В структуру простого предложения могут одновременно входить присловные и приосновные второстепенные члены: *Еще ребенком он поражал учителей своим светлым, бойким умом* (Д. Мамин-Сибиряк) — в этом предложении *еще ребенком* — приосновный второстепенный член, все остальные второстепенные члены являются присловными.

В структуре простого предложения второстепенные члены могут распространять как главные члены непосредствен-

но, так и другие второстепенные члены. Например, в предложении *Немногочисленные посетители вяло бродили по дорожкам* (В. Вересаев) второстепенные члены непосредственно подчинены главным, а в предложении *Окно из комнаты Федина выходило на террасу над морем* (К. Паустовский) с подлежащим связано непосредственно определение *из комнаты*, которому, в свою очередь, подчинено определение *Федина*; со сказуемым — обстоятельство места *на террасу*, распространенное несогласованным определением *над морем*. Могут быть, в свою очередь, распространены и второстепенные члены, относящиеся к второстепенным членам: *Сигнальные фонари мерно колебались в воде около береговых утесов* (К. Паустовский). Таким образом, по уровню связи следует различать второстепенные члены, так сказать, «первой степени», т. е. непосредственно подчиненные главным, а также «второй степени» и т. д.

При определении степени подчиненности второстепенных членов необходимо учитывать, что они могут быть выражены словосочетанием, синтаксически или функционально целостным, неделимым. Например, в предложении *Каждую осень я провожу на Прорве в палатке по многу суток* (К. Паустовский) обстоятельства *каждую осень* и *по многу суток* выражены неделимыми словосочетаниями, поэтому все второстепенные члены — первой степени, т. е. непосредственно подчинены главным.

§ 276. Классификация второстепенных членов

В практике преподавания русского языка закрепился принцип классификации второстепенных членов, учитывающий как содержательную, так и формальную их сторону. Основы этого принципа были заложены еще Ф. И. Буслаевым, который рассматривал второстепенные члены «в двояком отношении: 1) по синтаксическому употреблению и 2) по значению».

Данный принцип в современном толковании предполагает классификацию второстепенных членов на основе их синтаксических отношений и синтаксических связей с поясняемым членом предложения. По установившейся традиции выделяются следующие типы второстепенных членов: **определение, приложение, дополнение, обстоятельства**.

В характеристике этих типов второстепенных членов должны быть учтены основные положения учения о сло-

восочетании. Особенно важны принципы и приемы определения синтаксических отношений, выражаемых второстепенными членами, или, иначе говоря, устанавливающих между поясняемым и второстепенным членами как компонентами словосочетания, употребляемого при построении предложения.

При описании второстепенных членов основное внимание уделяется анализу общего (категориального) значения второстепенного члена, а также частных значений, в которых оно реализуется в конкретном предложении, — значений, непосредственно связанных с определенными формальными способами их выражения. Центральным пунктом данной системы является противопоставление «морфологизованных — неморфологизованных» второстепенных членов.

Морфологизованные второстепенные члены представлены такими частями речи, такими словоформами, грамматическое значение которых адекватно категориальному значению данного члена предложения.

Неморфологизованные второстепенные члены представлены такими частями речи, такими словоформами, грамматическое значение которых неадекватно общему значению того или иного второстепенного члена, они совпадают лишь частично: при этом в качестве второстепенного члена используется ограниченный круг словоформ данной части речи.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Второстепенный член определение выражает общее значение признака, которое реализуется в многообразных частных значениях. В составе предложения определение выполняет преимущественно присловную функцию. Оно может быть подчинено любому члену предложения, выраженному именем существительным или субстантивированным словом. Между определением и определяемым словом устанавливаются атрибутивные отношения.

Способы выражения определения многообразны.

Морфологизованные определения представлены теми категориями слов, которым значение признака присуще как обобщенное значение части речи или крупного класса слов в пределах части речи: прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, местоименными прилагательными. Это согласуемые классы слов. Данную разновидность определений называют согласован-

ными: *Последняя память о лете исчезла* (К. Паустовский); *Вопли начальника ребенка надоели наконец нестерпимо* (А. Толстой); *Но этот первый рассказ в поезде запомнился мне особенно резко* (К. Паустовский); *Под обрывом на широкой, едва видимой реке горели красные и желтые сторожевые огни* (А. Толстой).

Неморфологизованные определения представлены теми разрядами слов, теми словоформами, для которых значение признака не является характерным — в этих определениях признак проявляется в виде различных характеристик предмета (определяемого) через отношения его к другим предметам. Такие определения преимущественно выражаются различными падежными и предложно-падежными формами существительных. Малопродуктивным средством является наречие: *Я утверждаю: смешно кормить слонов яйцами всмятку!* (М. Горький).

Зависимость неморфологизованных определений от определяемого слова проявляется в виде управления или приыкания, поэтому их называют несогласованными.

Конкретные формы и значения неморфологизованных определений многочисленны и разнообразны.

В качестве несогласованных определений употребляются все косвенные падежи существительного без предлога или с различными предлогами.

Выражаемые ими значения складываются из значений падежей, предлогов с учетом обобщенной семантики определяемого и определяющего имени, а при анализе конкретных форм — и содержания высказывания (контекст предложения).

Важность этих критериев удобно показать на употреблении родительного беспредложного.

При определяемом существительном с конкретно-предметным значением эта форма определения выражает принадлежность лицу или предмету: *Никита особенно отметил лицо землекопа Тихона Вялова, скуластое, в рыжевато-густой шерсти...* (М. Горький); *Даже листья из не шевелились* (К. Паустовский); *За стеной избы по ночам шумел соседский сад* (К. Паустовский).

При существительном со значением процесса, качества данная форма определения выражает отношение к субъекту: *Не было слышно даже пересвистывания птиц* (К. Паустовский); *Сладковатый запах водяных лилий смешан с запахом смолы* (К. Паустовский).

Однако и при конкретных и при отвлеченных существительных указанная форма определения в контексте предло-

жения может получать значение сравнения, уподобления: *Рассказывая, Дмитрий с удовольствием извозчика пил чай* (М. Горький); *Он был вдвое старше меня, но обладал опытом юного пуделя* (М. Горький).

Предложно-падежные формы неморфологизованных определений еще более многообразны по значению, более сложны и трудны для анализа: соотношение семантики и формы определяемого и определения дополняется значением предлога. Среди этих форм определения можно указать ряд продуктивных.

1. Определение в форме творительного падежа с предлогом *с* выражает характеристику предмета по наличию у него (в нем, при нем) другого предмета как существенной детали, как выделительного признака: *Пролетка остановилась около дома с мезонином* (К. Паустовский); *Редкие холмы с колеями дорог пропадали в тумане* (А. Толстой); *Стол с фруктами уже готов* (А. Чехов).

2. Определение в форме предложного падежа с предлогом *в* выражает характеристику поверхности предмета — 'покрытый чем-либо', 'одетый во что-то': *В прихожую вошел человек в ватнике* (К. Паустовский).

3. Определение, представленное различными предложно-падежными пространственными словоформами, выражает характеристику предмета по местоположению, по истоку или направлению движения предмета: *Стена против окошка скуп оштукатурена грязноватой известью* (М. Горький); *Дверь на крыльцо была отворена* (А. Толстой); *Свет проникал в темноту из окна над дверью* (И. Бунин); *Ветер с Ладоги пересчитывал редкие огни флотилии* (К. Паустовский); *Сестра показала нам дорогу в лазарет* (К. Паустовский).

Определения в предложно-падежных формах сохраняют и различные другие обстоятельственные оттенки (времени, причины и т. д.): *Дивный давно привык к моим уходам на рассвете* (К. Паустовский).

Таким образом, неморфологизованные определения более разнообразны по значению и по форме, чем морфологизованные. Благодаря им существенно расширяются возможности выражения различных характеристик предметов в составе конкретных предложений. Два вида определений не только хорошо дополняют друг друга, но и во многих случаях выступают как синонимы, могут заменять друг друга: *Дорога шла по просеке в сосновом лесу* (К. Паустовский) — ср.: *лесная просека*; *Над оврагом сияло голубое небо мая* (М. Горький) — ср.: *майское небо*.

Второстепенный член приложение включает в себе второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным: *студент-филолог*. Приложение выступает только в аппозитивных словосочетаниях. Подчиненный член этих словосочетаний — приложение — не только называет тот же предмет, который обозначен главным словом, но и поясняет само это слово.

Подчинение приложения определяемому слову формально не выражается. Говорить о согласовании приложения с определяемым словом нет оснований. Во-первых, в аппозитивных словосочетаниях может не совпадать род или число существительных (*женщина-космонавт, совхоз «Бронницы»* и т. д.). Во-вторых, существительное по своим грамматическим свойствам не принадлежит к согласуемым словам. В-третьих, приложение может иметь наряду с другими и форму именительного падежа, а именительный падеж существительного по своей природе не призван выражать зависимость. Связь приложения с определяемым словом лучше было бы называть не согласованием, а аппозицией.

В традициях школьной грамматики принято было причислять приложение к числу определений, считать его разновидностью определения. Однако для этого нет серьезных оснований. Значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в роли приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным содержанием: *Но и в светлый день победы вспомним, братцы, за беседой про солдата-сироту* (А. Твардовский); *В окна беззаботно входил черноморский бродяга-ветер* (К. Паустовский). Приложения *бродяга, сирота* и под., хотя и близки по семантике к качественным прилагательным, обладают категориальным значением предметности, они более самостоятельны, автономны в сравнении с соответствующими определениями-прилагательными. Совпадение приложения в падежной форме с определяемым словом исключает возможность выражения признака через посредство другого предмета, как это имеет место в несогласованных определениях.

Значение приложения своеобразно. Предметно-номинативный план сочетается в нем с элементами характеристики, оценки, уточнения, добавления по отношению к определяемому слову.

В аппозитивном сочетании двух нарицательных существительных функцию приложения выполняет

то, которое обладает качественно-оценочным значением (ср.: *бродяга-ветер, солдат-сирота*) или относится к определяемому, как вид к роду: *И речушка — неглубокий родниковый ручеек — шевелит травой-осокой у его разутых ног* (А. Твардовский); *К нему нередко приезжали таинственные люди, они все держались, как актеры-трагики, которым случайно пришлось играть роли простаков* (М. Горький).

В аппозитивных сочетаниях нарицательного и собственного имен правила установления синтаксической функции их сформулированы с учетом характера собственного имени, роли его в обозначении предмета наряду с именем нарицательным.

Личные имена людей являются основными наименованиями, они играют роль определяемого члена; нарицательные имена дают характеристику лица по полу, возрасту, профессии, роду занятий, социальному положению и т. д. и являются приложениями: *Андрей Васильевич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы* (А. Чехов).

Другие собственные имена (названия городов, рек, кораблей, газет и т. д., клички животных) в сочетании с нарицательными выполняют функции приложения и выражают уточнение, пояснение, выделение: *Иногда в порт забредали уличные торговцы, и Карцев — секретарь морской газеты «Маяк» — удивлялся, слушая их диковинные выкрики* (К. Паустовский); *Вечером в порт вошел английский пароход «Песнь Оссиана»* (К. Паустовский); *Однажды черный кот Степан сидел, как всегда, на крыльце и, не торопясь, умывался* (К. Паустовский).

ДОПОЛНЕНИЕ

Второстепенный член дополнение выражает значение объекта, которое реализуется в разнообразных частных значениях. Дополнение поясняет глагол в различных его формах, включая неспрягаемые, отдельные семантические группы качественных прилагательных, а также отвлеченные существительные, образованные от глаголов или от прилагательных. Иначе говоря, дополнение может употребляться только при словах, обозначающих или действие, или признак, направленный на объект либо ограниченный объектом.

С учетом принадлежности поясняемого слова к той или иной части речи различаются дополнения приглагольные и приименные.

Приглагольные дополнения подчинены глаголу любой формы, а также глагольному фразеологизму и описательному глагольно-именному обороту: *На дачах людские голоса заменило шуршание ящериц* (К. Паустовский); *И теплым ароматом сохнувшего сена несло из степи* (К. Паустовский); *А в конце улицы, загроможденной тучами, тускло догорала мрачно-багровая полоса осеннего заката* (А. Толстой).

Применные дополнения подчинены отглагольным существительным (присубстантивные) или качественным прилагательным (приадективные): *Его голос, резкий, полный иронии и презрения к товарищу, гулко носился по лесу* (М. Горький); *Потом наступила пытка тишиной и молчанием* (М. Горький).

С учетом средств выражения следует различать дополнения морфологизованные и неморфологизованные. Первые представлены косвенными падежами существительных и субстантивированных слов (примеры см. выше), вторые — инфинитивом (который, как известно, не подвергается субстантивации): *Природа учит нас понимать прекрасное* (К. Паустовский). Инфинитив выражает объектные отношения, замещает имя, требуемое главенствующим глаголом или именем (ср.: *учит пониманию*). Неморфологизованные дополнения непродуктивны.

Морфологизованные дополнения различаются по значению, по форме, по степени зависимости от поясняемого слова. С учетом этих факторов принято разделять дополнения на прямые и косвенные.

Прямое дополнение употребляется при переходных глаголах и обозначает предмет, на который непосредственно («прямо») направлено действие и (или) который полностью охвачен действием. Прямое дополнение выражается только винительным падежом без предлога (при отрицании — родительным падежом). Взаимосвязь прямого дополнения с поясняемым глаголом является тесной, ибо глагол без дополнения в полной мере не реализует своего значения и в предложении употреблен быть не может: *Ключ старуха долго шарит, лезет с печки, сало жарит и, страдая до конца, разбивает два яйца* (А. Твардовский). Глаголы *шарит*, *жарит*, *разбивает* здесь нуждаются в дополнении, в пояснении, они мотивируют форму винительного падежа существительных.

Косвенное дополнение может быть представлено формой любого другого косвенного падежа существительного с предлогом или без предлога, а также винитель-

ным падежом с предлогом. Выбор форм мотивируется в разной степени, обусловленность их зависит от семантики глагола, а также от его словообразовательной структуры. Некоторые глаголы требуют только определенных форм дополнения: *Кому же придет в голову актрису грамматики учить?* (А. Островский). Другие допускают варьирование форм и даже могут употребляться без дополнения. Так, в предложении *Потом солнце прикасается краем к земле и лениво уходит в нее или за нее* (М. Горький) глагол *прикасается* требует постановки дополнения в строго определенной форме, глагол же *уходит* допускает варианты (*в нее или за нее*), а может быть употреблен и без дополнения.

Как уже говорилось, косвенные дополнения разнообразны по значению. Частные значения определяются формами падежа, предлогами, а также семантикой поясняемых глаголов. Из частных значений отметим наиболее существенные:

а) предмета как «точки приложения» действия: *вглядываться в лицо, прикасается к земле* (ср. значение полноты охвата объекта действием в прямом дополнении: *оглядывать, разглядывать лицо; смешал семена, листья* и т. д.);

б) адресата действия (дательный падеж): *Лизе вошло в душу выражение глаз Андрея Павловича* (В. Вересаев);

в) орудия действия (творительный падеж): *накрыть платком*.

Аналогичные значения имеют приименные дополнения (ср.: *писать брату — письмо брату, опираться на собственные силы — опора на собственные силы, ударить ногой — удар ногой* и т. п.). Однако в присубстантивных дополнениях содержатся оттенки определительного значения, их можно называть или присубстантивными дополнениями, или несогласованными определениями.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Данный тип второстепенных членов очень разнообразен и разнороден по значению и по форме. Обстоятельственные второстепенные члены характеризуют действие или признак со стороны их качества, количества или различных условий проявления их.

Обстоятельства, как и определение, дополнение, могут быть морфологизованными и неморфологизованными. Первые представлены качественными, количественными и обстоятельственными наречиями, вторые — предложно-падежными и падежными формами существи-

тельных, а также деепричастием, инфинитивом. Однако деление на морфологизованные и неморфологизованные обстоятельства не совпадает с делением на продуктивные и непродуктивные. Скорее можно говорить о меньшей продуктивности обстоятельств, выраженных наречиями, ибо число их относительно стабильно и некоторые группы не пополняются новыми словами. Напротив, падежные и особенно предложно-падежные формы существительных очень активны в функции обстоятельств. Тем не менее наречия, для которых обстоятельственная функция является основной, продолжают оставаться морфологическим эталоном этого члена предложения.

Деление обстоятельств на морфологизованные и неморфологизованные не исчерпывает их системы. Не менее существенна классификация обстоятельств по значению. Она в значительной мере опирается на семантические разряды наречий. В основу определения семантики каждого разряда могут быть положены наречия-местоимения (вопросительные и утвердительные). Однако отдельные разряды не имеют образца-наречия. В русском языке можно выделить следующие разряды обстоятельств: а) качества и образа действия (как? — *так*); б) количества, меры и степени (насколько? — *настолько*); в) времени (когда? — *тогда*); г) места (где? — *там, здесь*; куда? — *туда*; откуда? — *оттуда*); д) причины (почему? — *потому*); е) цели (зачем? — *затем*); ж) условия; з) уступки (последние два разряда не имеют образцов — местоименных наречий). Для полноты характеристики обстоятельств необходимо указать способы выражения указанных разрядов:

а) обстоятельства качества и образа действия выражаются наречиями, деепричастиями, предложно-падежными формами существительных, среди которых можно выделить творительный падеж отвлеченных существительных с предлогом *с*: *Отец ходил с трудом, тяжело раскачивая вялое тело* (М. Горький); *Некоторое время мы шли молча* (В. Солоухин); *Город жил на авось* (К. Паустовский);

б) обстоятельства количества, меры и степени выражаются наречиями *дважды, очень, много, весьма* и т. п., а также предложно-падежными формами существительного, из которых наиболее характерен родительный падеж с предлогом *до*: *Ввиду приближения зимнего времени довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным* (В. Арсеньев);

в) обстоятельства в р е м е н и выражаются наречиями, предложно-падежными формами, а также словосочетаниями: *Фабрика гудела всю ночь* (К. Паустовский); *С утра перед окнами повисла желтоватая пелена* (А. Толстой); *По уходе Саши доктор долго глядел на канделябр* (А. Чехов); *Во время дождя кое-где протекала крыша* (К. Паустовский); *Перед вечером прошел недолгий дождь* (И. Бунин); *После слез Катя забылась* (А. Толстой); *Только к закату мы вышли на берег озера* (К. Паустовский); *Зимами волки подходили к самому озеру и жили в стогах* (К. Паустовский);

г) обстоятельства м е с т а со значением месторасположения или направления движения выражаются соответствующими наречиями и падежными формами существительных с пространственными предлогами *в, на, к, от, вдоль, около, над, перед* и др.: *Дача находилась недалеко от станции в большом парке* (А. Чехов); *В гостях, на улице и дома я вижу тонкий профиль твой* (А. Блок); *Я шел вдоль насыпи* (А. Чехов);

д) обстоятельства п р и ч и н ы представлены немногими наречиями, а также предложно-падежными формами (предлоги *от, из, из-за, с, за* и др.): *От мороза побелели деревья, лошади, бороды* (А. Чехов);

е) обстоятельства ц е л и выражаются единичными наречиями (*назло, нарочно, затем* и др.), существительными с предлогами *для, на*, а также инфинитивом: *Дочь присутствовала в столовой для украшения стола* (А. Куприн); *На станции Зима мы сошли пообедать* (В. Вересаев);

ж) обстоятельства у с л о в и я выражаются сочетаниями существительных (главным образом отвлеченных) с предлогами *при, без*, а также *в случае*: *При таком морозе и бедность вдвое, и вор хитрее, и злодей лютее* (А. Чехов); *Без знания психологии нельзя быть учителем* (А. Чехов);

з) обстоятельства у с т у п к и выражаются существительными с предлогами *вопреки, несмотря на, невзирая на*: *Весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение* (А. Чехов).

§ 277. Переходные явления в области второстепенных членов

Из характеристики типов второстепенных членов видно, что все они обладают специфическими чертами и достаточно четко противопоставлены друг другу по значению, по форме, способам выражения. Однако есть и сходные поло-

жения. Во-первых, все второстепенные члены могут быть представлены формами косвенных падежей существительного с предлогами или без предлогов. Во-вторых, при словах одного лексико-грамматического разряда могут быть употреблены второстепенные члены разных типов: при глаголах — дополнения и обстоятельства, при отглагольных существительных — определение и дополнение.

В ряде случаев вопрос может быть решен однозначно.

1. При существительных с конкретно-предметным значением не может быть дополнений, следовательно, зависимое существительное — несогласованное определение: *Короткая ночь весны заметно таяла* (М. Горький).

2. При отглагольном существительном тип второстепенного члена определяется характером выражаемых отношений: зависимое существительное с атрибутивным (в частности, субъектным) значением является определением, а с объектным — дополнением. Так, в предложении *Увлечение мальчика ловкостью артиста возвышалось до благоговейного чувства* (М. Горький) *мальчика* — определение, *ловкостью* — дополнение.

3. Словоформы с пространственным значением при именах существительных конкретных являются определениями: *Церковь в Кижях я увидел на закате* (К. Паустовский).

Вместе с тем имеются сложные переходные случаи, когда в члене предложения объективно совмещаются свойства двух типов второстепенных членов. Наиболее ярко это проявляется в употреблении обстоятельственных по значению словоформ (пространственных, временных, причинных и т. п.) при отглагольных существительных. Предметное значение определяемого слова обуславливает атрибутивный характер отношений (характеристики предмета), но зависимые словоформы не утрачивают своих обстоятельственных значений: *Первая поездка на Волгу была неудачна* (К. Паустовский); *Он отбыл пять лет ссылки в Кемь и снова учился в университете* (М. Горький). Такой переходный второстепенный член с «двойным» значением можно было бы назвать обстоятельственным определением.

Совмещение в одной словоформе значений разных членов предложения — это синкретизм. Источником синкретизма является способ выражения. Так, предложно-падежные и падежные формы существительных сохраняют обстоятельственные оттенки значения в позиции несогласованного определения или косвенного дополнения, объектные оттенки — в позиции обстоятельства или несогласованного определения: *Мы сели покурить на ска-*

мейку над рекой (К. Паустовский). Словоформам *на скамейку, над рекой* свойствен синкретизм значения: первая совмещает объектное и пространственное значения, вторая — определительное и пространственное. Синкретизм (или, напротив, однозначность) зависит от связи с определяемой словоформой, от позиции по отношению к ней. Так, указанные словоформы при изменении позиции реализуют только одно значение; ср.: *Над рекой мы сели на скамейку покурить* — приосновное обстоятельство места и косвенное дополнение. Позиция словоформы может быть решающей для связи словоформы с определяемым словом и соответственно для ее значения; ср.: 1) *Я вспоминаю дом в лесу*; 2) *Я вспоминаю в лесу дом*; 3) *В лесу я вспоминаю дом* — синкретическое несогласованное определение с пространственным значением (1), присловное обстоятельство (2), приосновное обстоятельство, или пространственный детерминант (3).

Характер грамматической связи словоформы также может быть источником синкретизма. Словоформы с двойным подчинением, с двойной грамматической связью имеют и сложную «двойную» семантику: *Раз Владимир Семеныч, вернувшись со службы домой, застал сестру плачущей* (А. Чехов); *Было бы ошибкой назвать такую женщину рассудочной и холодной* (М. Горький). Словоформы прилагательных *рассудочной, холодной*, причастия *плачущей* имеют двойную грамматическую связь: формы рода и числа определяются согласованием с существительным, падеж — управлением глагола. Синтаксическое значение словоформ — предикативное определение.

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 278. Однородные члены

Простое предложение, как распространенное, так и нераспространенное, может быть осложнено однородными членами. Однородные члены синтаксически равноправны по отношению друг к другу, в то же время они все подчинены какому-либо члену предложения либо им подчинен какой-нибудь член: *Заблестели на листьях орешника капли не то росы, не то вчерашнего дождя* (К. Паустовский); *Слышались голоса, храп коней, лязг котелков и чайников, взбульк воды, свисты, шорохи* (В. Шишков). В первом предложении однородные определения подчинены подлежаще-

му капли, во втором однородные подлежащие подчиняют себе сказуемое слышались.

Ряд однородных членов — это сочинительное сочетание слов, в котором ни одно не является главным, господствующим. Предложение может быть осложнено однородным рядом главных членов или второстепенных членов: *И все это — и фонари, и голые деревья, и дома, и небо — отражалось в асфальте* (А. Толстой) — ряд однородных подлежащих; *Облака то наплывали на луну, то разлетались* (В. Шишков) — ряд однородных сказуемых; *От станций, от паровозов, от вагонов валил густой пар* (К. Паустовский) — ряд однородных дополнений; *Жалобный плач слышался то за окном, то над крышей, то в печке* (А. Чехов) — ряд однородных обстоятельств. В предложении могут употребляться одновременно несколько рядов однородных членов — главных или второстепенных: *Было душно, сухо, неряшливо, шумно, тесно и сильно пахло не то новой клеенкой, не то жженой пробкой, не то щенком* (С. Сергеев-Ценский) — ряд однородных главных членов безличного предложения и ряд однородных дополнений.

Условия однородности

Однородность членов предложения — это синтаксическое явление, которое не вытекает непосредственно ни из морфологических условий, ни из семантических, хотя и зависит от них. Так, однородными могут быть члены, представленные или одинаковыми словоформами, или разными; ср.: *Огонь то вспыхивал, то ослабевал от сгоравших в ламповом стекле зеленых мошек* (К. Паустовский); *Таня говорила долго и с большим чувством* (А. Чехов).

Синтаксическими условиями однородности ряда членов предложения являются: а) связь с одним и тем же членом как подчиненным или господствующим; б) однотипность синтаксической функции; в) отсутствие между самими членами ряда отношений зависимости.

Ряд членов одного типа не является однородным, если они поясняют (или их поясняют) разные слова: *Лаевский то садился у стола, то опять отходил к окну; он то тушил свечу, то опять зажигал ее* (А. Чехов) — однородными являются сказуемые *садился, отходил* по отношению к подлежащему *Лаевский*, а также *тушил, зажигал* по отношению к подлежащему *он*, однако все четыре глагола-сказуемых не составляют однородного ряда.

Ряд членов, связанных с одним и тем же словом, как правило, могут быть однородными только при условии, что они выполняют однотипную функцию, т. е. принадлежат к одному разряду членов предложения (подлежащие, дополнения и пр.). Так, в предложении *Лошадь дважды ударила копытом по мягкой земле* (М. Горький) члены *дважды* и *копытом* не являются однородными, поскольку первый — обстоятельство, а второй — дополнение.

При наличии первых двух условий члены ряда могут быть неоднородными, если они поясняют не только господствующий по отношению к ним член, но и друг друга. Это наблюдается при уточнении: *Вид у него был томный, замученный, и говорил он еле-еле, чуть дыша, как умирающий* (А. Чехов). В этом предложении все обстоятельства, включая сравнительный оборот (все одного разряда — образа действия), относятся к глаголу *говорил*, однако не являются однородными, ибо отношения между ними не сочинительные, а отношения уточнения. Каждое из них поясняет глагол (*говорил еле-еле, говорил чуть дыша, говорил, как умирающий*), но, кроме того, второе обстоятельство уточняет значение первого, а сравнительный оборот семантически связан с первым, и со вторым.

Наконец, при наличии всех синтаксических условий однородность предполагает однотипность, логическую одноплановость семантических отношений всех членов ряда и каждого из них к господствующему или зависимому члену. Так, дополнения в однородном ряду должны иметь значения одного плана; ряд дополнений с различными значениями, хотя и поясняющих одно слово, не является однородным. В приведенном выше примере *Лошадь дважды ударила копытом по мягкой земле* (М. Горький) дополнения неоднородные, так как первое имеет значение орудия действия, а второе — объекта, частично охваченного действием. Однородные обстоятельства при наличии всех других условий должны принадлежать к одному разряду.

Семантико-синтаксическое условие необходимо и для однородных определений. Ряд согласованных определений при одном существительном не является однородным, если они поясняют предмет в разных отношениях, определяют с разных сторон: *Цвел шиповник — спутник светлых июньских ночей. В чистом меркнувшем небе реактивный самолет тянул свой белый быстрый след* (К. Паустовский). Если же определения поясняют существительное в одном семантическом плане, они являются однородными и на письме отделяются запятыми: *Однажды летом я взял*

ружье, припасы и сплавился верст на двести вниз по таежной речке, в самые глухие, трущобные места (В. Шихов); *Толстый слой серой, холодной скуки висел над городом* (М. Горький). В этих предложениях значение однородных определений может быть подведено под общее понятие: *самые глухие, трущобные* — «недоступные»; *серой, холодной* — «угнетающей».

Средства выражения однородности

Средствами выражения однородности в русском языке являются интонация, союзы, формы слов.

Основная особенность интонации однородности — это отделение членов ряда друг от друга, невозможность произнесения их как целостных речевых отрезков. Этому способствуют паузы между членами, а также наличие фразового ударения на каждом из них и равномерные повышения тона. Эти черты интонации однородности проявляются как при употреблении союзов, так и при бессоюзном соединении членов ряда; без союзов они выступают более рельефно: *Стояли чудесные дни, ослепительно яркие, знойные, безветренные — благостные дни* (Ф. Гладков). Однако с помощью одной только интонации трудно передать характер отношений между членами однородного ряда, особенно если иметь в виду письменную форму речи. Более четкими показателями отношений являются сочинительные союзы: соединительные, противительные, разделительные.

1. **Соединительные союзы** указывают на простое перечисление однородных членов, которые соединяются в ряд как равноценные: *и, да, также, как ... так и, не только ... но и*. Основной союз *и*, стилистически нейтральный, выражает «чистое» соединение, перечисление: *И была у меня в этой гостинице мимолетная и интересная встреча* (К. Паустовский). Другие союзы вносят те или иные стилистические и семантические оттенки: *да* — просторечности, *также* — присоединения, *как ... так и* — совместности, *не только ... но и* — допустимости: *Я непрерывно искал все нового как во внутренней актерской работе, так и в режиссерском деле* (К. Станюкович); *Хвоя хороша не только от мышей, но и от зайцев* (В. Солоухин).

2. **Противительные союзы** указывают на несовместимость членов однородного ряда, их противоречие друг другу. К противительным относятся союзы *но, а, зато, однако, да*. Все они выражают те или иные оттенки противительных отношений: *но и не* — а — противопоставление, несов-

местимость, зато — возмещение: *Это — не правда, а — смерть. Правда — в деле, в действии* (М. Горький); *Лошадь хотя с трудом, но покорно шла иноходью* (Л. Толстой).

3. Разделительные союзы указывают на избирательность или чередуемость членов однородного ряда. К разделительным относятся союзы *или, либо, то ... то, не то ... не то, то ли ... то ли*. Они выражают различные виды или оттенки разделительного значения: *или, либо* — альтернативность, *то ... то* — чередование, *не то ... не то, то ли ... то ли* — неразличимость: *Губы то ли от черники, то ль от холода черны...* (А. Твардовский); *Сейчас ей хотелось плакать не то от горя, не то от счастья* (К. Симонов).

Союзы и интонация являются основными средствами выражения однородности. Дополнительным показателем является форма самих однородных членов. В сочетании с основными средствами одинаковые формы членов сочинительного ряда подчеркивают их независимость друг от друга и единообразное отношение к поясняемому или поясняющему члену. В частности, повторение предлога в сочинительном ряду подчеркивает однородность их; в то же время и пропуск повторяющегося предлога является добавочным показателем однородности: *Лошади просыпались от каждого шороха, от крика перепела, от гудка буксирного парохода* (К. Паустовский); *И вот к прелести ночного костра, к горьковатому запаху дыма, треску сучьев, перебегающую огня и пушистому белому пеплу присоединяется еще и знание завтрашней погоды* (К. Паустовский).

В выражении однородности в качестве добавочных могут выступать также контекстуальные лексические показатели — повторы или антонимические пары и пр. При этом они могут взаимодействовать с союзами таким образом, что корректируют их значение и выражают вместе с ними несвойственные этим союзам значения. Так, в предложении *Но ведь и купец — когда торгует, а когда и в кулак свистит* (А. Толстой) лексический повтор наречия *когда* в сочетании с противительным союзом *а* выражает разделительные отношения (ср.: *Купец то торгует, то в кулак свистит*).

К средствам выражения однородности не следует причислять знаки препинания: они служат для обозначения на письме синтаксического и смыслового членения текста и, следовательно, передают с большей или меньшей степенью условности интонацию.

Обобщающее слово в предложении открывает или замыкает ряд однородных членов: *Еще никогда и*

к т о — ни человек, ни зверь, ни птица — не сумел уловить момента, когда солнце появляется (А. Куприн); Небо, горизонты, день, тонкоструйное море — все синее (М. Шолохов); Было тепло, легко, все радовало — и воздух, и небо, и белые облака, и весенний простор (И. Бунин).

Обобщающее слово представляет собой общее и родовое понятие, под которое подводятся понятия, обозначаемые однородными членами. В качестве обобщающих слов употребляются местоимения и местоименные наречия, а также имена существительные, обозначающие родовые понятия. Однородные члены поясняют, уточняют, раскрывают содержание обобщающих слов: *Вот уже золотой огонь пронизал все: и небо, и воздух, и землю (А. Куприн); И по меже, и по рву под межою — всюду пестрели цветы (И. Бунин); Три молодых дерева растут перед дверью пещеры — липа, береза и клен (М. Горький).*

§ 279. Обособленные члены

Структура простого распространенного предложения, содержащего то или иное число второстепенных членов, может быть еще более осложнена путем обособления одного или нескольких из них.

Обособление — это принадлежность простого предложения, несмотря на некоторое сходство обособленных членов с предикативными частями сложного предложения. А. М. Пешковский, который первым подробно описал обособление, находил в обособленных членах сходство (подобие) с придаточными предложениями «в отношении мелодии и ритма». Например, в предложении *В скалах, заросших оранжевыми лилиями, гнездились дикие голуби (К. Паустовский)* обособленный член содержит добавочное высказывание, которое могло бы быть оформлено и в виде придаточного (ср.: *В скалах, которые заросли оранжевыми лилиями...*). Однако обособленные члены, какими бы распространенными по составу и развернутыми по содержанию они ни были, не имеют собственного грамматического ядра, не обладают предикативностью.

Сущность обособления

Обособление — это намеренное ритмико-интонационное и смысловое вычленение в составе предложения слова или группы слов. Обособляемый член к тому же имеет и ослаб-

ленную синтаксическую связь с другими членами: *Внизу, в прихожей, часы пробили шесть* (К. Паустовский) — ср.: *Часы в прихожей пробили шесть.*

Цель обособления — выражение с помощью выделяемого члена добавочного сообщения по поводу одного из слов или всего предложения. На письме обособленный член выделяется знаками препинания.

Средствами обособления являются изменения высоты тона, ритм, паузы, а также изменение расположения членов, в частности вынесение обособляемого второстепенного члена в абсолютное начало и в конец предложения. Знаки препинания не являются средствами обособления, а лишь передают его в письменной форме речи.

Обособленные члены выполняют по отношению к предложению или к отдельным словам разнообразные функции. Основными из них можно считать следующие:

а) выражение добавочного высказывания: *Над бухтами стоял безмолвный штиль, затянутый вечерним дымом* (К. Паустовский); *Крупные капли дождя разбивались о землю, превращаясь в пыль и мельчайшие брызги* (В. Солоухин);

б) пояснение, уточнение: *Но тут была еще и другая, своя маленькая тайна — тайна безымянного озера* (В. Солоухин); *Вдали налево, в углу садового вала, чернел ельник* (И. Бунин);

в) выделение, ограничение: *На пристани никого не было, кроме сторожа с фонарем* (К. Паустовский);

г) присоединение: *Минутами я был близок к обмороку — от счастья* (К. Станиславский);

д) сравнение, уподобление: *Больше недели шли холодные, как в октябре, дожди* (В. Шишков); *Я в деревне скучал, как щенок взаперти* (И. Тургенев).

Условия обособления

Обособленные второстепенные члены очень разнообразны по значению, по способу связи с определяемым словом, по объему и местоположению. Также неоднородны и многочисленны условия обособления второстепенных членов. Выделим в первую очередь общие, а наряду с ними — частные и дополнительные условия: три общих условия: а) возможность смыслового выделения, отделения от поясняемого слова; б) объем члена предложения — более одного знаменательного слова; в) необычное расположение относительно определяемого слова.

Первое общее условие предполагает отсутствие тесных семантических связей обособляемого члена с определяемым. Его лишены компоненты фразеологических единиц вроде *дать согласие, иметь вид независимый, произвести впечатление* и т. д., синтаксически неделимых словосочетаний *два бойца, любой из нас, один из мальчиков* и т. п., а также слова с большой степенью зависимости. Так, в предложении *Во всех этих людях, несмотря на их внешнее различие, Самгин почувствовал нечто единое и раздражающее* (М. Горький) возможностью смыслового выделения не располагают *нечто* (тесная зависимость от глагола *почувствовал*, сильное управление), а также *единое и раздражающее*, которые тесно спаяны с неопределенным местоимением в силу его неполнозначности. С другой стороны, возможностью смыслового выделения обладает распространенное обстоятельство уступки *несмотря на их внешнее различие*.

Второе общее условие не только означает увеличение смысловой емкости члена предложения, но также способствует ослаблению связи обособляемого члена с господствующим по отношению к нему: *Ветер, все еще сильный, дул теперь с востока* (А. Толстой) — ср.: *Сильный ветер дул теперь с востока*.

Третье общее условие заключается в перемещении члена предложения с обычного, соответствующего норме, места по отношению к определяемому слову на необычное, а в некоторых случаях — в отрыве от определяемого слова: *Изредка в этом дыму мертво блестело море, похожее на ртуть* (К. Паустовский) — ср.: *...блестело похожее на ртуть море; За кормой, вся в пене, быстро мчится река* (М. Горький) — ср.: *...быстро мчится река вся в пене*.

Частными условиями обособления являются такие свойства определяемого или зависимого члена, наличие которых само по себе достаточно для обособления, если даже отсутствуют общие условия. Примерами частных условий являются, во-первых, глагольная форма деепричастие, при наличии которой второстепенный член обособляется в любом объеме и при любом положении, во-вторых, принадлежность определяемого слова к разряду личных местоимений: *Трамвай летел, позванивая, к самому морю* (А. Толстой); *Легкий, быстрый на ногу, очень веселый, он был на два года моложе Татьяны* (М. Горький).

Общие условия обособления (кроме случаев наличия частных условий) должны быть представлены в полном наборе; при отсутствии хотя бы одного из них член предложения не обособляется, например в случае препозиции прича-

стного оборота: *Неяркое пламя со свистом и хлопанием горевших в печке сырых дров освещало нежилую, наверное уже давно брошенную хозяевами избу* (К. Симонов).

Дополнительным условием обособления обстоятельств является уточняющий характер значения обособляемого члена относительно другого: *Здесь, в спальне, царил мертвый покой* (А. Чехов).

Дополнительным условием обособления распространенного препозитивного определения может быть оттенок причинного, условного или другого значения, придаваемый этому члену в предложении: *Над нами кружилось облако комаров, но, закрытые сетками, наши головы были неуязвимы* (В. Шишков).

Соотношение общих и дополнительных условий является различным в обособленных конструкциях разных типов второстепенных членов.

ОВОСОБЛЕННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Обособленные определения являются продуктивным приемом осложнения простого предложения. Благодаря обособлению выражаемый ими признак актуализируется, а все содержание обособленного члена приобретает характер дополнительного «микровысказывания» о предмете, который обозначен определяемым существительным.

В соответствии с общими условиями обособляются определения, представленные прилагательными или причастиями с пояснительными словами и стоящие в постпозиции к определяемому, а также несогласованные распространенные определения, вынесенные в препозицию или отделенные от определяемого слова другими членами: *Запах белой гвоздики, нагретой солнцем, наполнял вагоны* (К. Паустовский); *По обеим сторонам камина стоят фикусы, нищенски бедные листьями* (М. Горький).

При отсутствии одного (или двух) из общих условий обособление определений может быть вызвано дополнительными условиями.

1. Обособляются любые формы (и в любом положении) определений при личном местоимении: *Ничем не управляемый изнутри, я был бессилен перед большими трагическими задачами* (К. Станиславский).

2. Обособляются одиночные согласованные постпозитивные определения, а также несогласованные постпозитивные (обычное положение их), если перед определяемым словом есть другое определение: *Из спальни веда куда-то еще*

одна дверь, тоже затворенная (А. Чехов); Эта комната, окнами на запад и на север, занимала чуть ли не половину всего дома (И. Бунин).

3. Обособляются препозитивные распространенные определения при наличии добавочного обстоятельственного оттенка (причины, условия, уступки): *Весь захваченный почтительным восхищением перед этой великолепной живой постройкой, профессор комкает в кулаке рыжий утюг своей бороды (А. Куприн).*

4. Обособляются постпозитивные согласованные одиночные определения, если они представляют однородный ряд: *А среди дня и река и леса играли множеством солнечных пятен — золотых, синих, зеленых и радужных (К. Паустовский).*

5. На обособление определений при отсутствии общих условий может оказывать влияние соседство других обособленных определений: *Пришел Макаров, в черном строгом костюме, стройный, седой, с нахмуренными бровями (М. Горький)* — обособление постпозитивных несогласованных определений обусловлено соседством с ними обособленных определений *стройный, седой.*

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

В соответствии с общими условиями обособляются распространенные постпозитивные приложения: *Особенно пронзительно, настойчиво и особенно не в лад хору пел городской голова Воропонов, сын тележника (М. Горький).* Обособляются приложения в любой позиции, если они поясняют личные местоимения: *Он даже снился мне иногда, этот рояль (К. Паустовский).*

Если общие условия представлены неполно, обособление приложений может происходить при наличии дополнительных условий, аналогичных только что отмеченным выше для определений: присутствие определения перед определяемым словом, добавочный обстоятельственный оттенок значения и пр. Обособляются также одиночные постпозитивные приложения, если они имеют уточняющее значение: *Один из сыновей, Миша, заведует опытной ихтиологической станцией на озере Великом (К. Паустовский).*

ОБОСОБЛЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Обособление обстоятельств определяется в первую очередь общими условиями. Однако немалое значение имеют

частные и дополнительные условия. С учетом различных условий можно выделить три группы обособленных обстоятельств.

1. Обособленные деепричастия. Обстоятельственная функция является основной для деепричастия. Различные взаимоотношения деепричастий с глаголом создают оттенки времени, условия, уступки, причины, цели. Деепричастие, выполняя функцию обстоятельства, как правило, не утрачивает значения процесса, что является основой добавочного высказывания. Эта особенность деепричастия как специфической глагольной формы сама по себе является условием обособления независимо от наличия пояснительных слов и от местоположения: *Мать остановилась, задыхаясь, приложила руки к груди* (М. Горький); *Вернувшись в гостиницу, Лопатин лег в постель* (К. Симонов); *Зайцы, спасаясь от лыжников, путали сложные петли* (К. Паустовский).

Единственной причиной необособления служит утрата значения действия. Она наблюдается, во-первых, во фразеологических единицах, имеющих застывшую форму деепричастного оборота, но обозначающих признак действия: *Своим делом он занимался спустя рукава, потому что больница все еще строилась* (Д. Мамин-Сибиряк); *Мы сломя голову неслись по глубоким ухабам и выбоинам* (А. Серафимович). Во-вторых, не обособляются одиночные деепричастия со значением качественной характеристики действия, близкие к качественным наречиям: *Яков Артамонов шел не торопясь, сунув руки в карманы, держа под мышкой тяжелую палку* (М. Горький) — ср.: *шел неторопливо*.

2. Обособленные распространенные обстоятельства. Распространенные обстоятельства при необычном расположении относительно определяемого слова обособляются. Это наблюдается в позиции перед сказуемым, в начале или в конце предложения, а также в случае дистантного (разъединенного другими словами) расположения относительно главного члена. Обособляются обстоятельства со значениями причины, условия, уступки, времени: *Вот мы свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей* (М. Лермонтов); *Пароход стал двигаться осторожнее, из боязни наткнуться на мель* (А. Куприн). Для обособленных обстоятельств данной группы характерно употребление отвлеченных существительных, которые служат ядром добавочного сообщения (см.: *хлопоты, боязнь*). Показателями соответствующих обстоятельственных значений служат предлоги:

причинные *от, из, за, из-за, ввиду, благодаря* и др.; условные *при, в случае*, уступительные *вопреки, несмотря на*; временные *по, после* и т. п.

3. Уточняющие обстоятельства. Выделение этого вида обстоятельств вызывается совершенно иными условиями. Два обстоятельства одного разряда, поясняющих одно и то же слово, по отношению друг к другу не равноправны. Одно из них непосредственно поясняет господствующий член, а другое связано с этим членом через посредство первого обстоятельства и уточняет его значение: *Коврин приехал к Песоцким вечером, в десятом часу* (А. Чехов). Обстоятельство времени *в десятом часу* поясняет, уточняет другое обстоятельство — *вечером*. В то же время оба они определяют сказуемое-глагол *приехал*: *приехал вечером, приехал в десятом часу*.

Нужно подчеркнуть, что само по себе наличие двух обстоятельств одинакового разряда не предопределяет обособления одного из них. Только значение уточнения, реализуемое говорящим намеренно, обуславливает выделение: *На другой день, часу в первом, Литвинов отправился к Осининым* (И. Тургенев). В этом контексте два обстоятельства могли бы составлять единую обстоятельственную группу без отношений уточнения (*на другой день часу в первом*).

Уточнение обычно заключается в том, что обособленное обстоятельство сужает, ограничивает объем понятия, обозначенного уточняемым членом: *Там, в вышине, уже светило летнее солнце* (К. Паустовский); *Направо, прямо изпод колес тележки, бежал вниз обрыв* (В. Вересаев).

ОБОСОБЛЕННЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ

Дополнение по своей сущности является второстепенным членом, очень тесно связанным семантически с поясняемым глаголом, т. е. оно не обладает первым из общих условий обособления (возможность смыслового выделения). Те конструкции, которые в грамматике принято называть обособленными дополнениями, представляют собой ограничительно-выделительные обороты с различными значениями — объектным, субъектным или даже обстоятельным: *Я купил все, кроме тетради; Вернулись все, кроме Пети; Бываю здесь всегда, кроме субботы; Не бывал нигде, кроме Москвы*. С дополнением эти конструкции сходны лишь по форме — существительное в косвенных падежах.

Условием обособления является ограничительно-выделительное значение оборота, которое представляет собой

основу добавочного высказывания (ср.: *Прибежали все, включая соседа. — Прибежали все, в том числе прибежал сосед*). Указанное значение выражается с помощью предлогов *кроме, помимо, вместо, включая, исключая, наряду с* и др.: *Русские литераторы-дворяне, за исключением всеведавшего Александра Пушкина, не обратили внимания на фольклор, крайне богатый драматическим материалом* (М. Горький).

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ

Специфика этого вида обособленных конструкций проявляется как в значении, так и в оформлении.

Сравнение как специфическое значение оборота настолько сильно и ярко, что перекрывает свойственные тем или иным членам значения признака, обстоятельства. Тем самым затрудняется отнесение сравнительного оборота к определенному типу второстепенных членов. Более целесообразно видеть в нем в первую очередь именно сравнительный оборот как особое синтаксическое явление — оборот со значением признака предмета, признака действия и др.: *Черные, как смола, тени легли на траву* (А. Толстой); *Даже в больших городах в это время становится тихо, как в поле* (К. Паустовский).

Формальными показателями сравнительного оборота являются сравнительные союзы *как, будто, словно, как будто, точно* и т. п.: *Сзади, точно исполинский костер, горел лесной склад* (А. Куприн); *Но вдруг обледенелые деревья вспыхивали желтым огнем, и часто, будто молотом по железной палубе, начинали бить зенитки* (К. Паустовский). При сравнительных формах качественных прилагательных и наречий употребляется оборот с союзом *чем*: *Надо понять — изучение людей труднее, чем изучение книг, написанных о людях* (М. Горький).

Кроме союзов сравнительный оборот может оформляться с помощью предлогов *вроде, наподобие, подобно*, имеющих сравнительное значение: *Собор был на южный образец, и в нем, наподобие католических церквей, была устроена дубовая резная кафедра* (А. Куприн).

§ 280. Вводные компоненты

В оформлении высказывания участвуют не только члены предложения — главные и второстепенные, — образуя-

щие его структуру. Говорящий не только включает в высказывание определенное информативное содержание, но и выражает свое отношение к нему. Для этого используются вводные компоненты.

Вводные компоненты употребляются в составе предложения, занимают в нем то или иное место, имеют особое произношение, но они грамматически не связаны со словоформами — членами предложения, сами членами предложения не являются; на письме выделяются запятыми: *Должно быть, за пеленой облаков взошла луна* (К. Паустовский) — вводный компонент *должно быть* отделен от предложения паузой, не имеет грамматических отношений ни с одной словоформой, не входит в словосочетание, т. е. не имеет грамматической связи. Его значение — предположение — относится ко всему предложению. Говорящий выражает сомнение, неуверенность в истинности содержания. Без вводного компонента это высказывание имеет общее значение реальности: *За пеленой облаков взошла луна*. Как видим, и употребление вводного компонента, и его отсутствие передают определенное отношение к содержанию предложения.

Вводные компоненты не называют предметы, действия, признаки и не указывают на них, т. е. не имеют конкретного значения. Они содержат обобщенную оценку высказывания, их значение является грамматическим.

Говорящий оценивает содержание высказывания с разных сторон. Этому соответствуют грамматические значения вводных компонентов.

Вводные компоненты выражают:

а) достоверность — вероятность (*конечно, несомненно, бесспорно, без всякого сомнения, я уверен и т. д.; вероятно, видимо, может быть, кажется, должно быть, пожалуй, наверное, мне кажется и т. д.*): *Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения* (Н. Гоголь); *Очевидно, общение с детьми развивает в человеке многие добрые свойства* (К. Паустовский);

б) эмоциональное отношение (к счастью, к удивлению моему, на твое несчастье и т. д.): *Я, к сожалению, должен добавить, что в этом же году Павла не стало* (И. Тургенев); *К счастью, тайна так и осталась тайной* (И. Бунин);

в) авторство, источник информации (*по моему, по твоему, по мнению кого-либо, по слухам, как рассказал кто-либо и т. д.*): *По словам Дмитрия Сергеевича, почти каждое растение содержит в себе или целебные, или смертонос-*

ные соки (К. Паустовский); *На спектакле я все-таки ходил так, как, по моему мнению, должен был ходить настоящий, порядочный индеец* (М. Горький);

г) степень обычности, «нормальности» сообщаемого (по обыкновению, как обычно, по привычке, как водится, как правило, как всегда, как иногда бывает, случается и т. д.): *С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась* (И. Бунин);

д) побуждение собеседника быть внимательным, верить информации, обратить внимание на манеру высказывания или на его отдельные слова, выражения и пр. (согласитесь, видите ли, поверьте, понимаете; по правде сказать, откровенно говоря, короче говоря, как говорится и т. д.): *Да, я герой... А он мне дает комические роли. Нелепо же, согласитесь!* (М. Горький); *У себя дома, в конторе Борис Борисыч сильно скучал и не находил, как говорится, места* (Д. Мамин-Сибиряк);

е) разнообразные отношения между частями высказывания или текста — последовательности, противопоставления, добавления, следствия, обобщения, итога и пр. (во-первых, во-вторых, в-третьих и т. д.; однако, наоборот, напротив и т. д.; кстати, кроме того, а главное и т. д.; следовательно, значит, стало быть; вообще, таким образом, итак, в общем); *Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля, за два коротких часа поля, леса и сады заморозила стужа* (К. Паустовский). Вводные компоненты с этим значением близки по функции к союзам.

§ 281. Обращение

При употреблении предложения в речи говорящий может назвать собеседника, адресата, привлечь или оживить его внимание, а также выделить того, к кому именно он обращается. Для этого используется обращение: — *Кондуктор!* — крикнул сердитый голос. — *Почему не даете билетов?* (К. Паустовский).

Обращение имеет специальную форму — существительное в им. падеже, имя лица, нарицательное или собственное. Эта словоформа не входит в состав предложения, не является членом предложения.

Обращение имеет собственную интонацию — звательную — и отделяется от предложения паузами; на письме выделяется или отделяется запятыми или восклицательным знаком.

Часто обращение выражается специальными «звательными» словами — *братец, папаша, мамаша, дочка, сынок* (не «родственное» значение), *дружище, соколик* и т. п.: *Братцы! Я ноги промочил!* (М. Горький); — *Папаша,* — *сказал он композитору,* — *пойдемте в столовую пообедать* (К. Паустовский). Такое обращение имеет фамильярный оттенок.

В составе обращения могут быть употреблены прилагательные или причастия, которые выражают эмоциональное отношение к лицу, — *дорогой, милый, уважаемый, любимый* и пр.; они же могут быть использованы в качестве обращения самостоятельно, без имени существительного: *Дорогая, сядем рядом, Поглядим в глаза друг другу* (С. Есенин).

Форма обращения используется в олицетворении. Оно представляет собой имя существительное в им. падеже, обозначающее предмет (не лицо!), которому адресуется высказывание говорящий: *Шуми, шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан* (А. Пушкин). Олицетворение используется в художественной речи как средство выразительности, эмоциональности.

По форме с обращением совпадает и м е н и т е л ь н ы й т е м ы. Имя существительное в им. падеже называет предмет, о котором пойдет речь в предложении: *Ах, господи, история!.. Кто знает ее? Она еще не написана, нет!* (М. Горький). Эта словоформа не входит в состав предложения, отделена от него паузой, на письме — точкой или восклицательным знаком. Именительный темы выделяет предмет высказывания, привлекает к нему внимание; он может называть лицо и не лицо. От обращения отличается не только функцией, но и грамматическим значением лица в составе предложения: при обращении (и олицетворении) в предложении есть указание на 2-е лицо, при именительном темы — на 3-е лицо: *И как ты, мать моя, с таким злым-нем жила?* (М. Горький) — обращение; *Труд! Все сейчас было полно им вокруг* (К. Паустовский) — им. темы.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 282. Понятие сложного предложения

Сложное предложение представляет собой структурное, смысловое и интонационное объединение предикативных единиц, грамматически аналогичных простому предложению. Сложное предложение имеет собственное граммати-

ческое значение и грамматическую форму, собственные структурные показатели.

Грамматическое значение сложного предложения — это синтаксические отношения между его частями. Нет особой предикативности сложного предложения — она оформлена в каждой предикативной части, где выражены модальность, время, лицо: *Что-то начало мне мерещиться, как если бы ночью снился сон, от которого остались одни обрывки* (В. Солоухин) — во всех частях оформлено временное значение (в первой — прошедшее, во второй и третьей — временная неопределенность), модальное значение (соответственно реальное и ирреальное). Однако эти значения в структуре сложного предложения взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга; возникают особые значения — относительное время, условная модальность (*Было б поле, найдем и сошку* — пословица) и т. п.

В русском языке сложное предложение располагает набором средств, с помощью которых соединяются части и выражаются отношения между ними: интонацией, союзами (см. *как если бы*) и союзными словами (см. *от которого*), а также соотношением глагольных форм (см. *было б — найдем*), указательных слов: *Что мне не нужно, без того я обойдусь* (С. Сергеев-Ценский). Эти показатели создают форму сложного предложения.

Сложные предложения разделяются на два структурных типа: сложные союзные и сложные бессоюзные.

СОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Они разделяются на два подтипа — сложносочиненные и сложноподчиненные.

Структура этих предложений определяется количеством предикативных частей и их строением, а грамматическая форма представлена союзными средствами: союзами, союзными словами, указательными словами *тот, такой, таков, там, тогда* и др.

Семантика союзных средств, а также их соотносительность (*такой — какой, тот — кто, туда — куда, столько — сколько, так — что, такой — будто, так — чтобы* и т. д.) оформляют отношения между предикативными частями.

§ 283. Сложносочиненные предложения

Сложносочиненное предложение выражает значение грамматической равнозначности. Основным показателем

этого значения, а также средством связи частей в целое и выражения отношений является сочинительный союз. Он создает грамматическую форму сложносочиненного предложения, поэтому не принадлежит ни одной из предикативных частей: *Все небо заволокло облаками, и стал накрапывать редкий, мелкий дождь* (А. Чехов). Значение равнозначности может подчеркиваться с помощью общих членов: *А вечером была для всех елка и все дружно встречали Новый год* (А. Гайдар).

Общее значение грамматической равнозначности, аналогичности проявляется в сложносочиненном предложении в виде определенных семантико-грамматических отношений. Они опираются на семантику сочинительных союзов. Дополнительными факторами, формирующими эти отношения, являются: координация форм вида, наклонения, времени глаголов или связок; лексико-семантические отношения синонимии и антонимии; лексические элементы с общеуказательным значением *потом, поэтому, из-за этого, для этого, при этом, вследствие этого* и т. п., а также *метаслова* *время от времени, иногда, одновременно, по временам, с тех пор, в это время, до сих пор* и т. д.: *Я уехал тогда от брата рано утром, и с тех пор для меня стало невыносимо бывать в городе* (А. Чехов).

Основными видами семантико-грамматических значений сложносочиненных предложений являются соединительные, противительные, разделительные, соответствующие семантике сочинительных союзов. В них, в свою очередь, следует различать более узкие значения.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Значение однородности выражается в перечислении однотипных событий, ситуаций и оформляется соединительными союзами. Основной союз *и* имеет общее соединительное значение: *Горели фонари, и над домами стояла луна* (А. Серафимович). Оно может дополняться оттенком результата, следствия: *Подпочвенная вода лежит очень глубоко, и колодцы к лету пересыхают* (К. Паустовский). *Ни, ни* употребляется при отрицании, усиливает его.

Градационные союзы *как — так и, не только — но (и)* подчеркивают обязательный характер соединения, усиливают значение сходства, аналогичности: *Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него* (А. Герцен).

Соединительные отношения устанавливаются на фоне одновременности — разновременности, опирающейся на со-

отношение видо-временных форм глаголов или связок: *Простор комнаты пустынен, и сумрак ее холоден* (М. Горький) — одновременность; *Лес окончился, и рота вошла в деревеньку* (А. Толстой) — последовательность.

Общим основанием значения одновременности являются формы несовершенного вида в обеих частях сложного предложения, а разновременности — совершенного вида. Эти значения подчеркиваются или корректируются лексическими показателями: *В эту ночь в саду шелестел дождь, и потом несколько дней держалось ненастье* (С. Никитин) — значение последовательности выражено лексически (*потом*), несмотря на формы несовершенного вида.

Употребление разных форм вида затемняет временные отношения, они уточняются с помощью «полуслужебных» лексических элементов *еще, уже, вдруг, опять, наконец*: *В лесах становилось все сумрачнее, все тише, и наконец пошел густой снег* (К. Паустовский) — последовательность; *Бушевала метель, и небо еще не прояснилось* (А. Толстой) — одновременность.

Основной союз *и* выражает соединительные отношения «в чистом виде», все оттенки вносятся добавочными показателями: *На земле жилось нелегко, и поэтому я очень полюбил небо* (М. Горький) — оттенок следствия.

Употребление других соединительных союзов ограничено. Союзы *тоже и также* наряду с основным значением соединения вносят оттенки отождествления и присоединения: *Дочь училась дома и росла хорошо, мальчик тоже учился недурно* (Л. Толстой). Следует обратить внимание на то, что эти союзы стоят не на «положенном» им месте, т. е. не между соединяемыми предикативными частями, а внутри второй части, поэтому их часто не замечают и определяют сложносочиненное предложение как бессоюзное.

Союз *да* по значению аналогичен основному соединительному союзу *и*, но отличается сниженной стилистической окраской: *У церкви сиротливо мерцал одинокий фонарь, да еще здание школы светилось огнями* (В. Шишков).

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В них выражаются отношения противоположности, несовместимости; их грамматическая форма создается союзами *а, но, да, однако, же, зато*; главными являются *а* с сопоставительной семантикой и *но* со значением противопоставления; все другие имеют ограниченное употребление из-за стилистических (*да* — архаичность, разговор-

ность; *однако, же* — книжность) или семантических оттенков.

Противоположность может подчеркиваться посредством частиц, лексических повторов с отрицанием, антонимической лексикой и пр.: *По хутору зажглись редкие огни, а Натальи все не было* (М. Шолохов); *Свечи еще горели, но уже сквозь шторы пробивался утренний свет* (А. Чехов); *Степь давно осталась позади, а впереди уже высились местные горы* (Д. Мамин-Сибиряк); *Разрушено уже почти все, но взамен не создано еще ничего* (А. Чехов).

Общее значение противоположности проявляется в двух видах отношений: сопоставления и противопоставления.

С о п о с т а в л е н и е выражается союзами *а, же*. Они указывают на различие признаков, действий, отнесенных к разным лицам или предметам, а также различия пространственные, временные и пр.: *После обеда Женя читала, лежа в глубоком кресле, а я сидел на нижней ступени террасы* (А. Чехов).

Основным является союз *а; же* употребляется ограничительно, этот союз располагается не между предикативными частями, а внутри второй части, после слова, в котором выражено основание сопоставления: *Учение и обед делали дни очень интересными, вечера же проходили скучновато* (А. Чехов).

П р о т и в о п о с т а в л е н и е выражается союзами *но, однако, зато, да, а, только*. Они указывают на противоположность содержания второй части ожидаемому из смысла первой части, т. е. на их несовместимость. Основным является союз *но* («чистое» противопоставление); все другие имеют те или иные отличия и ограничения: *однако* тяготеет к книжному стилю, *да* — к разговорному; *зато* вносит оттенок «возмещения», а *только* выражает частичное, неполное противопоставление: *Тучи сделались как бы тоньше и прозрачней, но все небо было обложено ими* (М. Горький); *Яркая роскошь южной природы не трогала старика, но зато многое восхищало Сергея, бывшего здесь впервые* (А. Куприн); *Хороша русская удаля, да немногим она к лицу* (И. Тургенев); *Потом стало тихо, только доносились звуки со двора* (А. Чехов). Во всех случаях может быть употреблен союз *но* как носитель семантики противопоставления.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В сложносочиненных разделительных предложениях выражаются отношения **в з а и м о и с к л ю ч е н и я**, альтер-

нативы, выбора. Семантика разделительных союзов неоднородна.

Либо, или выражают собственно альтернативу, выбор, употребляются и как одиночные, и как повторяющиеся: *Только изредка прошумят и стихнут старые вербы, или прогудит высоко над домом неизвестно чей самолет* (К. Паустовский); *Мы беседовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своем, или же она играла мне на рояле* (А. Чехов).

Отношения чередования выражаются союзом *то ... то*, который употребляется только как повторяющийся: *То истиной дышит в ней все, то все в ней притворно и ложно* (М. Лермонтов).

Союзы *то ли ... то ли*, *не то ... не то* выражают отношения различия: *Не то я сам за эти три года утратил мою способность уживаться с людьми, не то люди стали за это время более пройдохами* (М. Горький).

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложносочиненные присоединительные предложения сочетают в себе значение грамматической равнозначности и добавочности: первая часть семантически завершена, автономна, а вторая оформляет высказывание «по поводу» первой: *В лесу было весело, да и привык уж к такой жизни Елеска* (Д. Мамин-Сибиряк).

Показателями присоединения являются как специальные присоединительные союзы: *да и, причем, притом, к тому же, а то, а не то, не то* и др., так и собственно сочинительные, иногда в сочетании с лексическими единицами присоединительной семантики: *и притом, но, тоже, также, зато* и др.: *Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно* (А. Чехов); *Луга за Волгой окрасились в бурый цвет, в городе тоже все краски поблекли* (М. Горький); значение добавления выражается вместе с соединительным, противительным и пр.

Включение присоединительных предложений в сложносочиненные не совсем бесспорно, так как они не проявляют в полной мере значения равнозначности, аналогичности. Присоединяемая часть в некотором отношении поясняет первую: *Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда* (А. Чехов).

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Как мы видели, минимальный состав сложносочиненного предложения определяется содержанием отношений между его частями. Одни отношения обуславливают закрытую структуру — сопоставление, противопоставление, альтернативу (две части); другие — открытую — перечисление, чередование, неразличение (любое число частей). В обоих случаях имеют место элементарные сложносочиненные предложения.

Если сочинение оформляется союзами разной семантики, т. е. выражаются различные по содержанию отношения, и при этом число предикативных единиц больше двух, то мы имеем дело с усложненной структурой: *Шел дождь, и от сильного ветра шумели деревья, но в потемках не было видно ни дождя, ни деревьев* (А. Чехов); *Еще не пели петухи, а собаки уже перестали брехать, и в избе с краю села сквозь щели ставней желтел свет* (А. Толстой) — соединение и противопоставление.

§ 284. Сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненное предложение состоит из двух предикативных частей — неравнозначных; это его элементарная структура. Связь частей и выражение отношений между ними осуществляются с помощью подчинительных союзов и союзных слов. Они принадлежат форме зависимого предложения, которое в русской грамматике обозначается термином «придаточное»: *Когда мы вышли с вокзала, синеватый свет уже брезжил над Феодосией* (К. Паустовский); *Мальчик осторожно прошел между камнями, где мелькали змеи* (А. Серафимович). Союз или союзное слово является важнейшим структурным компонентом сложноподчиненного предложения, показателем его грамматической формы.

Элементом структуры сложноподчиненного предложения и его значения является то, какую функцию выполняет придаточная часть относительно главной — **при слов н у ю** (определяет одну словоформу в главном) или **при о с н о в н у ю** (поясняет весь состав главного). По этому признаку выделяются два типа сложноподчиненного предложения — нерасчлененные (одночленные) и расчлененные (двучленные): *От мысли, что он отравился, его бросило и*

в холод, и в жар (А. Чехов); *Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбегать на охоту* (В. Арсеньев).

Характеристика сложноподчиненного предложения включает и его содержательную сторону, и формальную; обе учитываются в классификации.

В русской синтаксической науке и в школьной практике разрабатывались и применялись различные принципы классификации сложноподчиненных предложений. В них или отдавалось предпочтение одной из сторон — содержательной, формальной, или по возможности учитывались обе.

По преимуществу семантическую (логику-семантическую) классификацию разработал более ста лет назад Ф. И. Буслаев. Основной ее принцип — уподобление придаточного предложения члену предложения по семантике: предикативная единица функционально отождествлялась с членом предложения: *Я узнал, что приезжает брат.* — *Я узнал о приезде брата.* Соответственно придаточным были даны наименования подлежащих, определительных, дополнительных и т. д.

А. М. Пешковский, напротив, считал необходимым выделять не типы придаточных, а группы союзов — изъяснительных (*что, как, будто, чтобы* и др.), временных (*когда, пока, едва, только* и др.), сравнительных (*как, словно, точно, будто* и др.) и т. д. Эта классификация не получила широкого применения.

Наконец, структурно-семантический принцип классификации (его разрабатывали В. А. Богородицкий, Н. С. Поспелов, Л. Ю. Максимов и др.) учитывает и строение сложноподчиненного предложения (одночленное, двучленное), и значение придаточного относительно главного; значительное место отводится описанию союзов и союзных слов.

§ 285. Нерасчлененные сложноподчиненные предложения

В этом типе предложений придаточные являются присловными. Они поясняют определенные словоформы в составе главного и имеют формальную связь с ними. Эти словоформы называются контактными словами. Морфологическая природа контактных слов, особенности словоизменения, семантики определяют их сочетаемость.

Известно, что имя существительное как часть речи определяется согласуемыми словами (прилагательными в ши-

роком смысле), а глагол сочетается с управляемыми словами (существительным, местоимением-существительным). Эта сочетаемость имени существительного и глагола может быть реализована в сложноподчиненном предложении: *Правый берег поднимался высокой кручей, на которой красовался густой сосновый бор* (Д. Мамин-Сибиряк) — ср.: *высокая круча — круча, которая...* (на которой, которую и т. д.); *Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клена в саду* (К. Паустовский) — ср.: *увидел птицу, увидел сидящую на ветке птицу, увидел птицу, севшую на ветку в саду.*

В качестве контактных слов используются и указательные местоименные слова *тот* (*та, то, те*), *такой* (*такая, такое, такие*), *таков* (*такова, таково, таковы*), *так, там, туда, тогда*. Все они имеют не только общую указательную семантику, но и указывают на известное из ситуации, контекста. В составе сложноподчиненного предложения эта семантика и представляет собой указание на обязательность пояснения. Само пояснение оформляется с помощью относительных местоимений (наречий), т. е. союзных слов: *Сражение выиграет тот, кто твердо решил его выиграть* (Л. Толстой); *Морская профессия еще и сейчас совсем не так безопасна, как принято думать* (К. Паустовский).

По структуре нерасчлененные сложноподчиненные предложения разделяются на три вида: 1) местоименно-соотносительные, 2) субстантивно-атрибутивные (термины Н. С. Поспелова), 3) изъяснительные (термин В. А. Богородицкого и Н. С. Поспелова). Они формируются различными типами контактных слов, от чего зависит и выбор союзных средств.

МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Контактное слово (указательное местоименное слово) выполняет одновременно несколько функций.

Во-первых, оно организует смысловое единство сложного предложения, поскольку придаточное предложение наполняет конкретным содержанием данное местоимение.

Во-вторых, указательное слово является связывающим компонентом вместе с союзным словом или союзом: *то — что, тот — кто, такой — какой, тот — который, столько — сколько, настолько — насколько, там — где, так — как, тогда — когда* и т. п., а также: *так — что, такой — что, так — будто* и др.: *Что позабудет сделать человек, то наверстает за него природа* (И. Брод-

ский); *Барина в Толстом было как раз столько, сколько нужно для холопов* (М. Горький); *Там, где в прошлом году была рожь, теперь лежал в рядах скошенный овес* (А. Чехов); *Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою* (Н. Гоголь); *Я только тот люблю цветок, который врос корнями в землю* (С. Есенин).

В-третьих, хотя местоименное слово обладает неполной знаменательностью, оно является членом предложения. Придаточное предложение, которое поясняет указательное слово, как бы дублирует его функцию.

Формальная и семантическая связь между главным и придаточным предложениями является наиболее тесной из всех видов нерасчлененных сложноподчиненных предложений; обе предикативные части семантически не автономны.

Семантика отношений также определяется наличием указательного местоимения — это отношения п о я с н е н и я. Однако сама по себе форма придаточного предложения недостаточна, чтобы судить о его виде: употребляемые союзные слова (*что, кто, который, где, сколько, почему* и т. д.) могут быть употреблены и в других видах нерасчлененных сложноподчиненных предложений. Пояснительное значение возникает только в сочетании с указательным словом; это значение определяется вопросом а и м е н н о ?

Поясняя указательное слово как член предложения, придаточное как бы дублирует его функцию: *Все то, чего коснется человек, озарено его душой живою* (А. Ахматова). Поэтому определение вида придаточного можно детализировать: пояснительно-подлежащее, пояснительно-определятельное и т. д.: *Кто боится и избегает любви, тот не свободен* (А. Чехов); *Случилось то, чего я не ожидал* (С. Никитин); *Все в доме было таким, каким Потапов хотел его видеть* (К. Паустовский).

Пояснительное значение имеет придаточное и в тех предложениях, в которых на месте указательного местоимения употреблено слово *весь*: *Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну нам же самим* (А. Чехов); *Давно соznался я во всем, что вы хотели* (А. Пушкин).

При м е с т о и м е н н о - с о ю з н о й связи пояснительное значение дополняется оттенком следствия. Этот оттенок вытекает из семантической специфики указательных слов (интенсивность признака, указание на высокую меру, степень, количество): *Нескошенные луга так душисты, что с непривычки туманится и тяжелеет голова* (К. Паустовский); *В душу мою вторгся такой ураган радости, что я*

чуть было не задохнулся (А. Куприн). Содержание отношений зависит и от семантики союзов: с *что* значение реального следствия, а со сравнительными союзами — ирреального следствия на основе предполагаемого сходства: *Кусок осеннего неба за окном был таким струящимся и синим, будто снаружи еще сияло лето* (К. Паустовский); *И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон* (А. Чехов).

Значение степени и следствия возникает именно в сложном предложении как результат взаимодействия семантики указательного слова и семантики союза: *Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей* (И. Бунин) — здесь придаточное образа действия и степени.

СУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структура этих предложений определяется присловной связью придаточного со словоформой существительного, которая может выполнять любую синтаксическую функцию в главном предложении и занимает в нем любое место: *К явлениям, которых я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь им* (А. Чехов); *Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранной* (И. Гончаров); *Я вошла вчера в зеленый рай, где покой для тела и души под шатром тенистых тополей* (А. Ахматова); *Смыли весны горький пепел очагов, что грели нас* (А. Твардовский).

Присловная связь придаточного с контактным словом оформляется союзными словами, причем изменяемые союзные слова согласуются с контактным существительным в числе, в роде: *Мелкое болотистое озеро, по берегу которого мы пробирались, еще белело меж деревьев* (И. Бунин); связь неизменяемых союзных слов с контактным существительным выражена слабо: *Место, где можно было сойтись, это был лес, куда бабы ходили с мешками за травой для коров* (Л. Толстой). Падежная форма изменяемых союзных слов мотивируется их связями в придаточном, где они выполняют функцию членов предложения; см.: *по берегу которого* (род. п.) — несогласованное определение; второстепенными членами обстоятельственного типа являются в придаточном союзные слова — местоименные наречия; см.: *сойтись где, ходили куда* — обстоятельства места.

Именно присловная связь контактного существительного и союзного слова оформляет атрибутивные отношения,

на основании которых придаточное трактуется как **о п р е д е л и т е л ь н о е**.

Придаточные определительные соединяются с контактными словами — существительными — посредством союзных слов *который, какой, чей; когда, где, куда, откуда; что*. Союзы в этом виде предложений не употребляются. Обычно придаточное следует непосредственно за контактными словом: *Маленький дом, где я живу в Мещоре, заслуживает описания* (К. Паустовский). *Который* — основное союзное слово. Оно имеет общепредельное значение; *какой* имеет выделительно-уподобительное значение; *чей* — притяжательное; *когда* соединяется с существительным временной семантики; *где, куда, откуда* — с существительными, обозначающими пространство: *Бывают дни, когда жизнь представляется нам особенно ясной и слаженной* (К. Паустовский); *И Таня входит в дом пустой, где жил недавно наш герой* (А. Пушкин); *Особенная тишина, какой никогда не бывает в городе, не давала спать* (К. Паустовский).

Особое место среди союзных слов занимает *что*. Во-первых, оно имеет не предметно-указательное, а признаковое значение. Во-вторых, оно в данной функции употребляется только в форме им. п. В-третьих, определительные придаточные предложения с *что* стилистически отмечены как архаичные или имеющие характер народно-поэтический: *И за той большой страдой не забудемте, ребята, вспомним к счету про солдата, что остался сиротой* (А. Твардовский); *что* выступает как заменитель основного союзного определительного слова *который* (ср.: *про солдата, который...*).

Положение союзного слова *который* как основного подтверждается тем, что все другие союзные слова могут быть им заменены (*дом, в котором; тишина, которой* и т. п.).

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Структура этих сложных предложений определяется сочетаемостью контактных слов. Контактные слова представлены не только глагольными формами (*говорит, спрашивает, думает, слышит, уверяет, просит* и пр.), но и существительными (*мысль, слух, уверение, просьба, известие* и пр.), а также предикативами (*известно, понятно, приятно; уверен, рад, удивлен* и пр.).

Термин «изъяснительные» уже утратил свое первоначальное содержание — «изъяснение», «говорение», «рассуждение» (т. е. речь — мысль). Теперь он обозначает семантическую

сферу, которую можно определить как контакт человека с окружающим миром людей, вещей, событий и пр.: речь, мысль, чувство, волеизъявление, восприятие, оценка, отношение.

В составе сложноподчиненного предложения сочетаемость контактных слов «изъяснительной» семантики реализуется с помощью придаточного предложения: *Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень* (А. Пушкин); *Вдруг распространился слух, что барин возвращается* (И. Тургенев); *Вы сами знаете давно, что вас любить немудрено* (А. Пушкин).

Семантика отношений придаточного с контактным словом определяется, с одной стороны, сочетаемостью этого слова, с другой — союзными средствами; выражаются отношения субъектные или объектные. На этом основании принято различать изъяснительно-субъектные и изъяснительно-объектные предложения. По давней традиции (от Ф. И. Буслаева) и учитывая возвращение этих терминов в школьный курс русского языка (В. В. Бабайцева), можно говорить в первой разновидности о придаточном подлежащем, во второй — о придаточном дополнителе.

Придаточное подлежащее имеет субъектное значение по отношению к контактному слову, которое употреблено в главном предложении без подлежащего (*красиво, приятно, хорошо* и пр.; придаточное соединяется с ним союзом *что*, иногда другими союзами — *когда, если*: *Как хорошо, что есть в мире луна и шесть Вами зажженных свеч* (А. Ахматова); *Известно, что слоны в диковинку у нас* (И. Крылов).

Придаточное дополнительное имеет объектное значение относительно контактного слова, т. е. как бы заменяет, замещает соответствующее дополнение при нем: *Гром и прыжки дали заметить, что бричка въехала на мостовую* (Н. Гоголь) — ср.: *заметить въезд на мостовую*; ср. также: *Из Сечи пришла весть, что татары во время отлучки казаков ограбили в ней все* (Н. Гоголь) — *весть об ограблении*.

Объектное значение придаточного выражается союзами *что, как, будто, чтобы, ли*. Выбор союзов определяется особенностями их семантики. Основной союз *что* стилистически нейтрален; союзы *что* и *будто* по-разному оценивают объектные отношения: *что* указывает на их реальность, а *будто* — на сомнительность, предположительность: *На-*

полеону казалось только, что все дело происходило по воле его (Л. Толстой) — ср.: казалось, будто...; О нем ходят слухи, будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно (И. Тургенев) — ср.: слухи, что...

Союзы *что* и *как* тоже различаются в употреблении; при глаголах и предикативах восприятия (*слышать, видеть, вспоминать; слышно, видно* и др.) *что* просто указывает на воспринимаемое, а *как* — на его непосредственность: Было слышно, что вдали по улице быстро идут люди (М. Горький); Григорий по вечерам слышал, как Астаховы играли песни (М. Шолохов).

Союз *чтобы* указывает на ирреальность отношений; контактное слово имеет значение желания, требования, стремления и пр.: Ты же, Епиходов, смотри, чтоб все было в порядке (А. Чехов).

Придаточное дополнительное соединяется с контактным словом и союзными словами: Никто не знал, чем окончится заседание конференции (А. Толстой); Я вам хочу рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы (А. Чехов); Я спросила у кукушки, сколько лет я проживу (А. Ахматова). Используются все относительные местоимения и местоименные наречия, имеющиеся в современном русском языке, т. е. любое из них.

Специальным средством акцентирования субъектных и объектных отношений является местоименный элемент *то* при контактном слове (*думаю, что — думаю о том, что* и т. п.): И разве диво то, что с другом не мог расстаться я вполне? (А. Твардовский). Этот элемент бывает факультативным, т. е. может быть устранен; но в определенных условиях он обязателен, например: при отрицании и противопоставлении (*думал не о том, что ... а о том, что*), при сочетании с частицами (*чувствовал лишь то, что...*). Наконец, *то* необходим как посредник, когда прямая связь невозможна: У нас женщины тем и сохраняют красоту, что никогда ничего не думают (А. Островский). Не смешивать с местоименно-соотносительными конструкциями: Кто боится и избегает любви, тот не свободен (А. Чехов).

§ 286. Расчлененные сложноподчиненные предложения

Главный структурный признак этих предложений — соотношение предикативных частей (главного предложения и

придаточного предложения) в целом; присловной связи между ними нет и быть не может.

Важной чертой структуры предложений данного типа является употребление только одного союзного средства — подчинительных союзов. Все союзы специализированы для выражения определенных отношений между частями. Употребление одного союза в разных значениях практически невозможно; зато можно говорить об о м о н и м и и союзов: как (сравнение) и как (время); если (условие) и если (сопоставление).

Виды расчлененных сложноподчиненных предложений, по русской грамматической традиции, обозначаются через названия придаточных.

ПРИДАТОЧНЫЕ ВРЕМЕННЫЕ

Придаточные временные соединяются с главным предложением при помощи союзов, которые оформляют временные отношения двух событий, положений. Сами по себе придаточные не имеют временной семантики: *Когда Резцов проснулся, был вечер* (В. Вересаев) — ср.: *Резцов проснулся, когда был вечер*; соотношение событий по времени одинаковое (ср.: *Резцов проснулся вечером*).

Употребление временных придаточных позволяет выразить совпадение событий во времени (полное или частичное) или их разновременность, следование одного за другим. Основной союз *когда* не указывает на одновременность или разновременность, эти значения опираются только на видо-временные формы: первое — на несов. вид, второе — на сов. вид: *Когда торопишься, дорога всегда кажется длиннее* (Д. Мамин-Сибиряк); *Когда приехала Марина, Самгин встретил ее с радостью* (М. Горький).

В современном русском языке сложилась система временных союзов, которые специализируются для выражения одновременности — *в то время когда, в то время как, пока* и др.; предшествования — *прежде чем, перед тем как, пока не* и др., в том числе непосредственного предшествования — *чуть, едва, только, чуть только* и др.; следования — *после того как*: *Борис заметил взволнованное лицо Аракчеева, в то время как государь пошел с Балашевым* (Л. Толстой); *Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро!* (А. Чехов); *Только что Балашев начал говорить, как удивление выразилось на лице государя* (Л. Толстой); *Как только наставало утро, пение дверей раздавалось по всему дому* (Н. Гоголь); *Покамест слуги уп-*

равлялись и возились, господин отправился в общую залу (Н. Гоголь).

Временные отношения могут подчеркиваться обобщенно-наречными словами *уже, еще*: *Когда мальчик принес Ване завтрак, он застал его еще плачущим* (К. Паустовский); *Пока старик растоплял печь, уже рассветало* (Д. Мамин-Сибиряк).

Дополнительным показателем значения последовательности («быстрого следования») являются специальные глаголы с временной семантикой в составе главного предложения: *не успел ... как; стоит — стоило ... как; Стоило мне закинуть удочки, как тотчас из балки появлялись босые мальчишки* (К. Паустовский).

Временные отношения могут быть осложнены условными и причинными: *Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны!* (А. Чехов); *Пока есть жизнь, есть и счастье* (Л. Толстой).

Группа временных союзов является самой многочисленной среди подчинительных; она продолжает пополняться. Это вызвано необходимостью обозначать не только общие значения одновременности и разновременности, но и детали их (частичное совпадение, непосредственное предшествование, быстрое следование и пр.). Для этого используются старые союзы (*пока, прежде чем, чуть, едва, только, перед тем как, после того как* и др.) и создаются новые. Это, главным образом, составные союзы на основе слов *время, пора*, указательных местоимений и старых союзов *когда, как, пока*. Важную роль играют предлоги, которые и выполняют функцию детализации (*до, в, перед, после, во время* и пр.). Составные образования *до тех пор пока, в то время когда (как), с тех пор как, до того времени как* и т. п. еще не утратили подвижности и вариативности, но значение их детальное, точное, и это обуславливает их употребительность в различных стилях речи, но преимущественно в книжных.

ПРИДАТОЧНЫЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ

Придаточные сопоставительные присоединяются союзами *в то время как, между тем как, если — то, тогда как*: Слово «страсть» *заключает в себе понятие более чувственное, тогда как слово «пафос» заключает в себе понятие более нравственное* (В. Белинский); *Если раньше мне били в морду, то теперь вся в крови душа* (С. Есенин).

Части такого сложного предложения семантически равноправны, форма придаточного лишь отмечается союзом;

сами же отношения близки к сочинительным, выражаемым при помощи союзов *а, же*. Сопоставляются предметы по их признакам (*страсть — чувственное, пафос — нравственное*); сопоставление опирается на антонимические отношения: *раньше — теперь*.

Союзы являются подчинительными, и они оформляют сложноподчиненное предложение. Надо подчеркнуть, что союз *если — то* нужно рассматривать как *о м о н и м* условного *если (то)*, причем в сопоставительном *то* является облигаторным, обязательным элементом, а в условном — факультативным.

ПРИДАТОЧНЫЕ УСЛОВНЫЕ

Придаточные условные присоединяются к главной части посредством союза *если (то)*, а также стилистически окрашенных *ежели, коли, раз*; в условном значении может употребляться союз *когда*. В главной части могут располагаться соотносительные слова *в случае, при условии*, которые проявляют тенденцию слиться с *если* в составной союз. В придаточной части оформляется значение условия, в главной — результата: *Если же пьеса плоха, то никакая игра не сделает ее хорошею* (А. Чехов); *Плох базар, коли хлеба купить не на что* (пословица); *Когда два человека ссорятся — всегда оба виноваты* (Л. Толстой); *Когда деньги говорят, тогда правда молчит* (пословица); *Если все носят такое платье, так я хоть умри, а надевай* (А. Островский); *то, так* подчеркивают результат; с этой же целью в главном предложении могут быть употреблены наречия *обязательно, непременно, всегда* и др.

С условными сложноподчиненными предложениями не нужно смешивать бессоюзные сложные, в которых отношения обусловленности выражаются посредством взаимодействия формы сослагательного наклонения с формой повелительного или изъявительного: *Шепотки волосков лиса не пожалей, остался б хвост у ней* (И. Крылов); *Была бы кутерьма, а люди найдутся* (М. Булгаков).

ПРИДАТОЧНЫЕ ПРИЧИННЫЕ

Придаточные причинные соединяются с главной частью посредством союзов *потому (оттого) что, так как (то)*, а также *ибо*. Придаточное оформляет значение причины, основания, мотива, а главное — следствия: *А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Гексом молча*

ли тоже (А. Гайдар); В городе Павел не видел звезд, потому что мешали фонари (А. Серафимович); Феня была счастлива оттого, что доставила мне хоть немного успокоения (К. Паустовский).

Составной союз потому что может разделяться, потому располагается в главной части и совмещает союзную функцию (выражение причинно-следственных отношений) с указательной. При разделении союза значение причины может быть акцентировано, выделено: Мы не любим пафоса, очевидно, потому, что не умеем его выражать (К. Паустовский); Не сошел Николка с ума в этот момент лишь потому, что у него на это не было времени (М. Булгаков). Первый компонент составного союза может иметь варианты ввиду того (что), вследствие того (что), в силу того (что), благодаря тому (что). Эти формы составного причинного союза имеют стилистическую окраску книжности (потому что — союз нейтральный): Благодаря тому, что лето очень жаркое и сухое, понадобилось поливать каждое дерево (А. Чехов).

Для выражения причины, основания может также использоваться разговорный союз раз (то, значит): Раз дождя нет, значит, можно идти дальше (В. Арсеньев).

Если требуется придать значению причины добавочные оттенки, используются специальные (и ограниченные в употреблении) союзы: тем более что — «дополнительный аргумент»; благо — «особо благоприятный повод»: Я решил зайти на могилу Борисова-Мусатова сейчас, благо она была недалеко от пристани (К. Паустовский).

ПРИДАТОЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ

Придаточные следственные оформляют значение следствия, результата, вывода, в то время как в главной части выражены причина, основание. Придаточное присоединяется ко всему главному посредством союза так что и всегда располагается в постпозиции: Павлин уронил хлеб в воду, так что нам предстояло лечь с голодным желудком (Д. Мамин-Сибиряк).

Не нужно смешивать сложноподчиненное предложение с придаточным следственным и предложения с придаточным присоединительным, где значение следствия выражается предложно-падежными формами союзного слова что и оформляется внутри придаточного (в силу чего, вследствие чего): Мальчик выдавался блестящими способностями и огромным самолюбием, вследствие чего он был первым и

по наукам, и по фронту и верховой езде (Л. Толстой) — придаточное присоединительное.

Отличать нужно также и присоединительные предложения с наречиями *потому, поэтому*, когда сложное предложение имеет форму сочинительную или бессоюзную: *Был промежуток между скачками, и поэтому ничто не мешало разговору* (Л. Толстой); ср.: *Был промежуток между скачками, вследствие чего ничто не мешало разговору* — придаточное присоединительное; *Был промежуток между скачками, так что ничто не мешало разговору* — придаточное следственное.

ПРИДАТОЧНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ

Придаточное предложение обозначает цель, мотив, объясняющий содержание главной части; присоединяется посредством союза *чтобы*, архаичного *дабы*, а также составных с *тем чтобы*, *для того чтобы*, с той целью *чтобы*, причем первая часть составного союза может располагаться в главном предложении и выделять целевое значение: *Чтобы Дуняшка не видела ее слез, Ильинична отвернулась к стене и закрыла лицо платком* (М. Шолохов); *Андрей должен был часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутнице* (Н. Гоголь).

При выражении целевых отношений в семантике главного предложения акцентируется намеренность, воля, если даже само по себе это предложение называет «обычное» действие или состояние; ср.: *Чтобы волосы не падали на лицо, Никита повязал их веткой березы* (М. Горький); *Стеклянная дверь на балкон была закрыта, чтобы из сада не несло жаром* (А. Толстой). Ведущая роль в выражении этой семантики принадлежит целевому союзу *чтобы*.

ПРИДАТОЧНЫЕ УСТУПИТЕЛЬНЫЕ

Уступительные отношения имеют сложный характер. Для их объяснения говорят, что придаточное предложение обозначает обратное условие или что в главном выражено противоположное следствие.

Действительно, придаточное предложение называет ситуацию, событие, вопреки которым осуществляется другое событие, т. е. они противоположны; ср.: *Тихон Петрович сидел на палубе, хотя на воде было холодно* (К. Паустовский). — *На воде было холодно, но Тихон Петрович сидел*

на палубе. Однако в сложносочиненном противительном предложении выражена только противоположность, а в сложноподчиненном уступительном эта семантика осложнена значением преодоления.

Придаточные уступительные соединяются со всей главной частью при помощи союзов *хотя, несмотря на то что, даром что*, а также местоименно-союзных сочетаний *сколько ни, как ни*: *Я первый раз попал в этот городок, хотя услышал о нем впервые двадцать лет назад* (В. Солоухин); *Несмотря на то что ветер, хотя еще легкий, свободно носился над морем, тучи были неподвижны и точно думали какую-то серую скучную думу* (М. Горький).

Наличие семантики противопоставления может иметь специальный показатель — противительный союз *но, однако, а*: *Хоть он глядел нельзя прилежней, но и следов Татьяны прежней не мог Онегин обрести* (А. Пушкин); *Как ни хорошо в июне, а осень придет* (М. Пришвин).

Уступительное значение может выражаться не только указанными выше союзными средствами, но и нетипичными, переосмысленными, например сочетанием союза *если* с частицей *даже*, а также частицей *пусть* (*пускай*) в функции уступительного союза: *Бремя любви тяжело, если даже несут его двое* (С. Маршак); *Пускай ты умер, но в сердце смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером* (М. Горький).

ПРИДАТОЧНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ

Существо сравнительных отношений в сложном предложении — это выражение сходства двух событий, ситуаций — реального или предполагаемого: *Подобно тому как нетерпеливый юноша ждет часа свидания, я ожидал часа ночи* (М. Булгаков); *Даже странно, совсем не поднимается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем* (Н. Гоголь); *Наступило прохладное лето, словно новая жизнь началась* (А. Ахматова).

Придаточные сравнительные предложения присоединяются к главному посредством союзов *как, будто, точно, словно* и др.; имеются и составные союзы *подобно тому как, вроде того как, наподобие того как*, которые могут расчленяться: *Ветер скупно кропил дождевыми каплями, будто милостыню сыпал на черные ладони земли* (М. Шолохов); *Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидеть младшую свою сестру землянику* (М. Пришвин); *Острова Капри совсем не было видно, точно его никогда и*

не существовало на свете (И. Бунин); Как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова (С. Есенин).

§ 287. Сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными

Это особый вид сложноподчиненного предложения, который не относится ни к одному из основных типов — ни к нерасчлененным, ни к расчлененным. С одной стороны, он имеет признак расчлененности — придаточное предложение относится ко всему главному, поясняет весь его состав, с другой — имеет союзное средство, не характерное для расчлененной структуры. Придаточные присоединительные связаны с главной частью посредством союзного слова *что* в различных формах, а также наречий. Содержание придаточного оформляется как добавочное, как замечание по поводу сказанного в главной части.

Формы союзного слова — падежные, предложно-падежные (*в чем, с чего, вопреки чему, из-за чего, вследствие чего* и пр.), а также производные (*отчего, почему*) — выражают различные значения придаточного относительно главного: субъектные, объектные, уступительные, причинно-следственные и пр.: *Росси имел право говорить просто и умел делать это — что так редко у актеров (К. Станиславский); Гусь взял в клюв другую веревочку и потянул, отчего тотчас же раздался оглушительный выстрел (А. Чехов); Эта гостиница называлась «Суша и море», о чем возвещала деревянная вывеска (А. Грин).*

§ 288. Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными

Термином «сложноподчиненное предложение» следует, строго говоря, обозначать только двухкомпонентное, т. е. состоящее из главного и придаточного; подчинительная связь реализуется один раз; используется одно союзное средство — союз или союзное слово. Это элементарное сложноподчиненное предложение.

Термин «сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными» обозначает особый вид сложного предложения — усложненного, в котором подчинительная связь реализуется более одного раза: *Но барыни, нам не внимая, сиделись на извозчиков и уезжали, — из чего вы видите.*

что нам с Яшкой совсем не везло (М. Горький) — здесь реализована расчлененная и нерасчлененная подчинительная структура, использованы разные союзные средства — союзное слово *что* (*из чего*) и союз *что*; *Самгин чувствовал, что это на него упала мягкая тяжесть, приплюснув к земле так, что подогнулись колени* (М. Горький) — дважды реализована нерасчлененная подчинительная структура (изъяснительная и местоименно-союзная), два раза, в разных значениях, употреблен союз *что*.

Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными включают конструкцию элементарного сложноподчиненного предложения, форма которого в них повторяется многократно. Каждое придаточное поясняет ту или иную предикативную часть, связывается с ней посредством союза или союзного слова, а также других средств. Собственно главной, независимой является только одна предикативная единица; ср.: *Если бы не духота и не спертый запах ржаного хлеба, укропа и лозы, от которого захватывало дыхание, то тут, под соломенной крышей, отлично было бы прятаться от гостей* (А. Чехов) — условное придаточное подчиняет себе определительное и является главным по отношению к нему, а независимое главное располагается в конце сложного предложения.

Разнообразие сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными создается не количеством частей, а способом их связи. Последовательное подчинение — это такая связь, когда главной части подчиняется придаточная (первая степень), а каждая последующая придаточная соединяется с предыдущей (вторая степень и т. д.): *Часто осенью я пристально следил за опадающими листьями, чтобы поймать ту незаметную долю секунды, когда лист отделяется от ветки и начинает падать на землю* (К. Паустовский).

При соподчинении одному главному подчиняются все придаточные; при этом они могут быть либо неоднородными: *Пока Шамохин говорил, я заметил, что русский язык и русская обстановка доставляли ему большое удовольствие* (А. Чехов), либо однородными, соединенными с главным предложением подчинительной, а между собою сочинительной связью: *Казалось, настало время, когда каждая минута словно вечность и не надо ждать иной* (А. Толстой); *Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец молчит, потупя очи долу* (А. Пушкин). Показателем однородности придаточных является не только их сочинительная

связь, но и бессоюзное перечисление; при этом подчинительный союз или союзное слово может не повторяться.

Наиболее сложной является структура сложноподчиненного предложения с несколькими придаточными при реализации сразу обоих видов связи: *Я совершенно уверен, что у этого лорда есть что-то очень смешное, чего он стыдится, что тайно мучает его и отчего он так злобно пишет свои книги* (М. Горький).

§ 289. Бессоюзные сложные предложения

Это один из двух основных структурных типов сложного предложения в русском языке; выделяется по формальному критерию.

Бессоюзие — это не просто отсутствие союза; это мобилизация других средств связи — интонации, соотношения глагольных форм вида и времени в предикативных частях, лексических показателей и пр.; это использование строения простого предложения как структурного фактора в сложном: *Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду* (К. Паустовский) — связь предикативных частей и выражение отношений между ними выполняется посредством интонации перечисления, соотношения видо-временных форм (последовательность), а также параллельности строения частей. Ср.: *Травой зарастают могилы — давностью зарастает боль* (М. Шолохов) — отношения сопоставления передаются интонацией (на ее структуру указывает знак тире), параллельностью строения частей и лексическим повтором (глагол *зарастает* в разных значениях, но в одной форме).

В сложном бессоюзном предложении выражаются общие для русской синтаксической системы отношения равнозначности — неравнозначности, которые в другом типе сложного предложения — союзном — передаются сочинительными и подчинительными союзами: *Розовато-лиловые тона песков тускнели, (и) пустыня темнела* (В. Вересаев); *(Если) В рубле копейки нет, так и не полон рубль* (пословица); *Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами (оттого что) — с лесных полей пригнали коров* (К. Паустовский).

Однако возможность вставки союза не означает, что бессоюзное сложное предложение нужно относить к сложносочиненным или сложноподчиненным, тем более что далеко не всегда эта вставка допустима.

Отношения равнозначности передаются в виде перечисления или сопоставления; ср.: *Застучал дятел по елке, заклевал дрозд по рябине* (М. Пришвин); *Тревожна ночь осеннею порою — рассвет еще тревожней и шумней* (И. Бунин).

При перечислении и число предикативных частей не ограничено; отношения оформляются с помощью интонации (равномерное повышение тона к концу каждой части, одинаковое положение фразового ударения), соотношения глагольных форм, параллельности строения частей; на письме эти показатели подкрепляются употреблением запятой: *Шел дождь, падал снег, трещал мороз, выла и посыпывала метель* (М. Горький); *Посинел во дворе дым вьюги, выше крыши намело сугробы, завалило ворота и калитку* (И. Бунин). При перечислении значение равнозначности подкрепляется однотипным строением предикативных частей: *Густая роса лежала на измятой траве, с липовых листьев падали тяжелые капли* (А. Толстой); *Плотно заперты ворота, вечер черен, ветер тих* (А. Ахматова).

Как и в сложносочиненном предложении с отношениями перечисления, при употреблении форм совершенного вида к значению последования действий, событий могут добавляться оттенки результата, следствия: *Тучи начало сносить, показалась луна* (А. Толстой).

Сопоставление выражается в двух частях: в интонации противопоставления — большая разница между частями по высоте тона. Отношения сопоставления подкрепляются употреблением антонимичной лексики или контрастом утверждения/отрицания; основной знак — тире: *На дворе палил летний зной — в доме было прохладно* (И. Бунин); *Половина двора в тени, половина озарена* (И. Бунин); *Душа моя убита, осталось убить тело* (А. Островский); *Все кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали* (И. Тургенев).

Отношения неравнозначности проявляются в том, что одна часть поясняет другую в том или ином отношении. Наиболее характерны отношения пояснительные, условные, причинно-следственные.

Пояснение затрагивает семантику первой части целиком или отдельных слов (глаголов, местоимений); отношения передаются особой «предупредительной» интонацией; типичный знак — двоеточие: *Так, не ошиблись вы: три кллада в сей жизни были мне отрада* (А. Пушкин); *Этот голос всегда означал только одно: другим людям нужна*

твоя немедленная, безотлагательная помощь (В. Солоухин).

Условные отношения выражаются интонацией: контраст частей по высоте тона, очень высокая мелодическая вершина в первой части; знак — тире: *Напролом идут — волос не жалеют* (пословица).

Причинные отношения — основание во второй части — опираются на интонацию (аналогичная пояснительной); основной знак — двоеточие, возможно тире: *Только днем в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг* (К. Паустовский); *Но в эту комнату я ходил редко и неохотно: мне там отчего-то дыхание сдавливало* (И. Тургенев); *Лишь по одному Степану Астахову никто не плакал — некому было* (М. Шолохов).

Особый вид отношений представляют присоединительные; для них характерна добавочность, части автономны, имеют завершенную семантику и структуру. Этот вид бессоюзных сложных предложений занимает в их системе особое место: как правило, они не допускают «вставку» ни сочинительного, ни подчинительного союза. Пунктуация этих предложений определяется двумя правилами: точка с запятой подчеркивает самостоятельность, автономность первой части, а двоеточие — незавершенность, необходимость развития сообщения: *Военное время тянулось долго; казалось, не будет ему конца* (К. Паустовский); *Литвинов вошел в свою комнату: письмо на столе бросилось ему в глаза* (И. Тургенев).

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ УСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Сложные предложения с бессоюзной связью имеют гибкую структуру. Она может оформлять как определенные виды отношений (перечисление, пояснение, обусловленность и др.), так и различные их комбинации. При этом интонация включает разные элементы, разные фрагменты, соответствующие передаваемым отношениям. Количество предикативных частей в усложненном предложении более двух, число разных видов отношений не менее двух.

Комбинирование отношений разнообразно, но, как правило, в одном предложении передаются два различных вида отношений, им соответствует пунктуация (по правилам для бессоюзной связи): *И маршалы зова не слышат: иные погибли в бою, другие ему изменили и продали шпагу свою* (М. Лермонтов) — отношения причины и сопоставительные;

*Грустно, Нина: путь мой скучен, дремля смолкнул мой
ямщик, колокольчик однозвучен, туманен лунный лик*
(А. Пушкин) — отношения причины и перечисления.

§ 290. Сложные многочленные предложения

Этим условным термином обозначаются разнообразные конструкции, имеющие два общих признака: 1) число предикативных частей больше двух, 2) разные виды связи. Этими признаками они отличаются не только от элементарных сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных сложных предложений, но и от усложненных: *Дверь в сенцы была отворена, но чувствовалось, что дом пуст* (И. Бунин) — сочинение и подчинение; *И в пыли, рябой от пота, фронтовой смеялся люд: хорошо идет пехота, раз колеса отстают* (А. Твардовский) — бессоюзие и подчинение; *Пьеру все были рады; все желали видеть его, и все расспрашивали его про то, что он видел* (Л. Толстой) — бессоюзие, сочинение и подчинение.

При комбинировании различных видов связи в многочленном предложении один является главным: *Грохот и треск неся с окружающих гор; задымились лесные опушки, и нельзя было понять, как это еще жив здесь хоть один человек* (А. Толстой) — бессоюзие. С учетом этого сложное многочленное предложение характеризуется по главной связи: *Вы говорите про то, что считается существующим, а я говорю про то, что есть* (Л. Толстой) — сложносочиненное с подчинением.

Конечно, такая общая схематичная характеристика не исчерпывает анализа сложного многочленного предложения, который должен включать и установление видов отношений при сочинении, подчинении, бессоюзии, и определение средств связи, и указание видов придаточных предложений.

§ 291. Монологическая и диалогическая речь

Для ситуации речевого общения обязательны два участника — говорящий и адресат. По характеру их участия различается два вида речевой деятельности — монологическая и диалогическая.

В монологической речи активным является только говорящий; адресат может не принимать непосредственного участия в речевом акте: он, как говорится, может быть отделен, отстранен в пространстве или во времени. Его реак-

ция на речь говорящего не предусмотрена этой формой речи, например:

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталем загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Еще все спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шепотом — боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжелые утки. Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костер горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце — солнце бесконечного летнего дня.

Так мы живем в палатке на лесных озерах по нескольку дней. Наши руки пахнут дымом и брусникой — этот запах не исчезает неделями. Мы спим по два часа в сутки и почти не знаем усталости. Должно быть, два-три часа сна в лесах стоят многих часов сна в духоте городских домов, в спертom воздухе асфальтовых улиц.

(К. Паустовский)

В монологе говорящий является распорядителем языковых средств, их выбором, соединением. Как правило, в тексте преобладают повествовательные предложения, не предполагаются вопросы и ответы.

В диалогической речи активно участвуют и говорящий, и адресат, причем они меняются ролями. При этом один говорящий может пользоваться речевым материалом другого, строя свою реплику с опорой на речь второго участника, который в этот момент является адресатом, например:

- Медаль по этому случаю получил.
- За что?
- За спасение утопшего.

(А. Серафимович)

§ 292. Способы передачи чужой речи

Когда говорящий в процессе речевой деятельности производит текст, может возникнуть потребность передать чужую речь, включить ее содержание в информацию.

Чужая речь — это речь другого лица по отношению к говорящему. Состоявшаяся ранее чужая речь может быть передана говорящим лицом по-разному, различными спо-

собами. С помощью делиберативного объекта в простом предложении передается тема чужой речи: *Отец рассказывал мне о своей поездке в Ленинград*. Посредством объектного инфинитива в осложненном простом предложении выражается общее содержание чужой речи — волеизъявление: *Я просила его быть аккуратным* (В. Вересаев).

Дословная, буквальная передача чужой речи — п р я м а я р е ч ь: *«Где же твоя мама?» — спросил Потапов девочку* (К. Паустовский). Максимально полная передача содержания чужой речи, но без сохранения ее формы и стиля достигается с помощью косвенной речи: *Потапов спросил девочку, где ее мама*.

Прямая речь — особое синтаксическое образование, способ дословной передачи чужой речи. Она состоит из двух частей — ввода и чужой речи, — которые различаются по функции и по стилю: *Кто-то сказал: «Многие одержимы страстью писать книги, но редкие стыдятся их потом»* (М. Горький).

Конструкция прямой речи не представляет сложного предложения, не имеет четких грамматических показателей. Скрепляющим элементом являются вводящие глаголы со значением речи-мысли, при которых позицию делиберативного объекта замещает чужая речь (ср.: *сказал правду, произнес речь* и пр.).

Конструктивно прямая речь различается взаимным расположением ввода и чужой речи: *Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил: «Что же нам с ним делать?» — «Выдрать», — сказал я. «Не поможет», — сказал Ленька. — У него с детства характер такой»* (К. Паустовский).

Пунктуация прямой речи отражает это различие частей: они отделяются двоеточием или тире, чужая речь выделяется кавычками (или тире).

Прямая речь имеет сложную пунктуацию. Главная ее задача — по-разному обозначить слова автора и чужую речь. Постановка знаков зависит от взаимного расположения двух частей: 1) если слова автора стоят впереди, то после них ставится двоеточие, чужая речь заключается в кавычки: *Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил: «Что же нам с ним делать?»*; 2) если впереди стоит чужая речь, то она заключается в кавычки, а после нее ставится тире; чужая речь завершается одним из знаков конца предложения (вопросительный или восклицательный знак), а повествовательное простое предложение чужой речи отделяется от следующих слов автора запятой и тире: *«Про телку это я вам выдумал», — сказал мальчик после долгого молчания* (К. Па-

устовский); 3) если слова автора находятся в середине и прерывают предложение чужой речи, то они выделяются с двух сторон запятой и тире, а вторая часть чужой речи пишется со строчной буквы; если предложение чужой речи не разрывается, то после него ставится вопросительный или восклицательный знак или запятая, слова автора выделяются тире и после них ставится точка, а вторая часть чужой речи пишется с прописной буквы: *«Меня зовут Аркадий Николаевич Кирсанов, — проговорил Аркадий, — и я ничем не занимаюсь»* (И. Тургенев); *«Иван Андреич! — позвал кто-то из соседней комнаты. — Вы дома?»* (А. Чехов).

Косвенная речь — это способ передачи чужой речи от лица говорящего, автора. В отличие от прямой речи здесь чужая речь меняется, из нее устраняются все слова и формы, которые указывают на лицо-автора этой речи и на лицо-адресата (собеседника). Ср.: *«Где же твоя мама?» — спросил Потапов девочку* (К. Паустовский). — *Потапов спросил девочку, где ее мама*; в прямой речи местоимение *твоя* указывает на адресата, в косвенной речи оно заменяется местоимением *ее* (девочки).

Косвенная речь имеет форму сложноподчиненного предложения, в котором слова автора (ввод) представляют главное предложение, а чужая речь передана в виде придаточного. Это изъяснительное предложение с придаточным дополнительным.

Перестройка прямой речи в косвенную делается по определенным правилам: 1) форма 1-го лица глагола заменяется на 3-е лицо; 2) личные местоимения 1-го и 2-го лица, а также притяжательные *мой, твой* заменяются местоимением 3-го лица (или употребляется имя существительное); 3) если чужая речь представляет собой побудительное предложение, то форма повелительного наклонения заменяется формой сослагательного наклонения (с союзом *чтобы*); 4) если чужая речь — вопросительное предложение, то местоимение (или наречие) вопросительное становится относительным, т. е. употребляется как союзное слово (*Потапов спросил девочку, где ее мама*), а при отсутствии вопросительных местоимений или наречий в косвенную речь вводится ли в качестве подчинительного союза (*Я спросил брата: «Ты принес книгу?» — Я спросил брата, принес ли он книгу*). Например: *«Шесть часов сижу здесь», — объявил Мамаев, взглянув на золотые часы* (М. Горький). — *Мамаев объявил, что сидит здесь шесть часов; «А снасть-то где?» — вдруг спросил Гаврила, беспокойно оглядывая лодку* (М. Горький). — *Гаврила вдруг спросил, где снасть*. При

замене прямой речи косвенной речью «сглаживается» стиль чужой речи: изменяется порядок слов, опускаются частицы эмоционального значения (например, *же, -то* в приведенных выше текстах), междометия, а также обращения, вводные слова: *«Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу»* (А. Пушкин) — ср.: *Комендантша сказала, что отправит Машу; «А как вы попали ночью в лес, наша спасительница?» — шутливо спросил Зуев* (К. Паустовский) — ср.: *Зуев шутливо спросил, как она попала ночью в лес* (в косвенной речи оказывается «не-*нужным*» шутливо, которое в тексте связано с шутливым обращением *наша спасительница*).

Замена прямой речи косвенной речью невозможна, если чужая речь представляет собой эмоциональное восклицательное предложение: *Старик шел и, спотыкаясь о травы, повторял: «Какой аромат, граждане, какой упоительный аромат!»* (К. Паустовский); *«Что скалишь зубы-то?» — с яростью захрипел Захар* (И. Гончаров); во втором примере перестройке в косвенную речь препятствует также глагол *захрипел*: косвенная речь строится только с глаголами говорения (это значение должно быть основным, прямым).

§ 293. Диалогическое единство

Диалогическое единство — это структурно-смысловая общность, текст двух или более участников речи. Оно обеспечивается наличием одной темы, согласием или несогласием собеседников. По структуре диалогическое единство представляет собой последовательность взаимосвязанных реплик, они объединяются не только накоплением информации по данной теме, но и мотивированностью форм, сцеплением, опорой на предыдущую или последующую (реплики), например:

- Ты что это мешок-то надел, аль в дорогу собрался?
- На богомолье.
- Час добрый! Куда?
- В пустынь.
- Один?
- Нет, нас много, и крестница твоя.

(А. Островский)

Связь реплик осуществляется либо в виде цепочки взаимосвязанных словоформ, либо через параллельность, однотипность строения, например:

- Кто тут? — спросил я.
- Человек... с палкой!..
- Палка и у меня есть...
- А спички есть?
- И спички.
- Вот хорошо!

(М. Горький)

§ 294. Синтаксическое строение текста

Все средства языка, все единицы языка используются в речи. Результатом речевой деятельности является текст. Он состоит из высказываний, оформленных в виде предложений. Минимальный текст — одно высказывание.

Текст представляет собой целое; образующие его предложения связаны между собой. Цельность текста имеет две стороны — содержательную и формальную. Цельность содержания заключается в обозначении связанных между собой событий или в повествовании о таких положениях, ситуациях, которые составляют единую картину, например:

Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старейшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями. Народ с криком бросился их поднимать, и дело не обошлось без увечья.

(А. Пушкин)

В широком, отодвинувшем горы ущелье русская деревня, неизвестно как сюда занесенная. По дну извилисто поблескивает речонка. Хаты. Скот. По одному склону желтеет жнивье, пшеницу сеют.

(А. Серафимович)

Формально предложения связаны в составе текста с помощью различных средств: а) союзов; б) вводных компонентов — *во-первых, во-вторых* и т. д., *значит, однако* и др.; в) местоимений — личных *он, она, оно, они*, указательных *этот, тот* и др. и местоименных наречий *там, туда, оттуда, отсюда, тогда* и др.; г) лексических повторов, например:

Итак, Марья Андреевна сидела у окна и смотрела на улицу. Трудно было бы сказать, о чем она думала и в состоянии ли она вообще о чем-нибудь думать. Впрочем, этим никто не заинтересо-

вался. Поднималась она раньше всех в доме и этим досаждала прислуге. Потом шла к заутрене и досаждала дворнику; потом приходила из церкви прямо к чаю и досаждала решительно всем, потому что всякому до себя, а эта старуха только мешается. Одним словом, в богатом доме ей не было места, и она это чувствовала. Чуть кто подойдет — она сейчас же поднимется и перейдет на другое место.

(Д. Мамин-Сибиряк)

§ 295. Сложное синтаксическое целое

Вопрос о сущности сложного синтаксического целого, его статусе является спорным. Можно встретить даже утверждение, что сложное синтаксическое целое (ССЦ) является единицей языка. Однако это положение серьезно не аргументировано, да и вряд ли можно найти серьезные аргументы. ССЦ не имеет ни собственного грамматического значения, ни четко выраженной грамматической формы. Оно выделяется из текста.

Сложное синтаксическое целое — компонент текста, представляющий собой ряд высказываний, которые объединены темой и имеют структурные показатели связи, например:

Оленин на вид казался совсем другим человеком. Вместо истасканного ночной жизнью желтоватого лица — на щеках, на лбу, за ушами был красный, здоровый загар. Вместо чистого, нового черного фрака была белая, грязная, с широкими складками черкесска и оружие. Вместо свежих крахмальных воротничков — красный ворот канаусового бешмета, который стягивал загорелую шею. Он был одет по-черкесски, но плохо, всякий узнал бы в нем русского, а не джигита. Все было так, да не так. Несмотря на то, вся наружность его дышала здоровьем, веселостью и самодовольством.

(Л. Толстой)

Несомненными чертами ССЦ являются и тематическое единство, и выражение отношений равнозначности/неравнозначности в их частных разновидностях между предложениями, и наличие средств связи. В сложном синтаксическом целом более или менее отчетливо выделяются такие элементы композиции смысла, как зачин, развитие до кульминационного момента (или противоречия) и концовка. В указанном тексте темой является «изменение внешнего вида Оленина в станице»; зачин представлен первым предложением, по отношению к которому последу-

ющие высказывания являются пояснительными; к о м п о н е н т ы о п и с а н и я (развитие темы) представляют собой четкие детали, оформленные предложениями однотипной структуры, с отношениями аналогичности; п р о т и в о р е ч и е представлено ключевым высказыванием *Все было так, да не так*; к о н ц о в к а — последнее высказывание — представляет вывод (включая самооценку «самодовольство»). Структура данного синтаксического целого создана элементами параллельной и цепной связи; показателями последней служат: лексическое дублирование (*Оленьки — он*), родо-видовые и видовые лексические отношения (*вид — скулы, усы, борода, щеки, лоб, уши; фрак — черкеска*), обобщающие слова (*всё, всякий, то, вся*), служебные слова (*вместо, несмотря на*). ССЦ не имеет определенной количественной характеристики (размера, числа предложений и пр.), его четкие границы не всегда можно установить в тексте.

Показателями связи и одновременно показателями динамики развития событий являются глагольные видо-временные формы. Вместе с лексическими средствами связи и союзами они оформляют единство ССЦ.

§ 296. Период

Это сложное синтаксическое и ритмико-интонационное образование. Основная черта его структуры — наличие двух частей, обычно неравных по объему (первая значительно превосходит вторую); они имеют различную мелодику и ритм. Первая произносится более высоким тоном, с сильным возрастанием к паузе; темп убыстренный; как правило, она делится на ритмические отрезки. Вторая часть, после паузы, произносится с резким понижением тона; ритм замедляется. Ритмичность подчеркивается параллельностью строения компонентов первой части, повторением предложений, лексическими повторами. Иными словами, период — это не столько синтаксическая, сколько ритмическая стилистическая фигура, например:

Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрушки и тонкие стеклянные игрушки, // но зато такой елки в Москве, конечно, не было ни у кого.

(А. Гайдар)

Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами — //
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

(А. Пушкин)

Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово.

(Н. Гоголь)

Как видим, по синтаксической структуре период разнообразен; он может иметь форму сложного предложения (одного из типов или смешанного строения), или распространенного, осложненного простого, или текста, состоящего из ряда предложений.

§ 297. Пунктуация

Пунктуация как раздел науки о языке, как система научных знаний имеет свой предмет, свои задачи.

Пунктуация — система знаков препинания и правил их употребления, необходимый компонент письменной формы речи. Пунктуация имеет обязательный и общественный характер; значение и употребление знаков препинания определяются нормой, одинаковой для пишущего и читающего. Текст, написанный без знаков препинания (и без прописных букв!), читается в три — пять раз медленнее, чем текст оформленный. С помощью пунктуации передается членение текста, его целенаправленность, структура и основные особенности интонации, например:

Далеко над морем блеснула молния и послышались глухие раскаты грома.

— Как душно перед грозой! — сказал фон Корен. — Бьюсь об заклад, что ты уже был у Лаевского и плакал у него на груди.

— Зачем я к нему пойду? — ответил доктор, смутившись. — Вот еще!

(А. Чехов)

Принципы русской пунктуации — это основы современных пунктуационных правил, определяющих

использование знаков препинания. Надо помнить, что назначение знаков препинания — помогать перенести на письмо звучащую речь таким образом, чтобы ее можно было понять, воспроизвести однозначно, без вариантов. Задача очень сложная. Знаки отражают смысловое и структурное членение речи, а также ее ритмико-интонационное строение.

Вряд ли можно построить все правила на одном принципе — смысловом, формальном или интонационном. Например, стремление отразить все структурные компоненты интонации очень осложнило бы пунктуацию; пришлось бы отмечать знаками все паузы: *Мой отец // был бедный крестьянин. Над лесом // взошла луна. Дед попросил Ваню // нарубить и принести дрова.* Отсутствие знаков в таких положениях не затрудняет чтение текстов, воспроизведение их интонации. Не отражается знаками с полной последовательностью и формальное строение предложения, например однородные сочинительные ряды при одиночном *и*: *Приметы связаны со всем: с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью звездного света* (К. Паустовский).

Современная пунктуация опирается и на смысл, и на структуру, и на ритмико-интонационное членение в их взаимодействии.

Знаки препинания — это графические (письменные) знаки, нужные для того, чтобы расчленить текст на предложения, передать на письме особенности строения предложений и их интонацию. Правила постановки знаков препинания нужны для того, чтобы пишущий и читающий одинаково понимали строение и смысл текста.

Русские знаки препинания включают: 1) точку, вопросительный знак, восклицательный знак — это знаки конца предложения; 2) запятую, тире, двоеточие, точку с запятой — это знаки разделения частей предложения; 3) скобки, кавычки («двойные» знаки) выделяют отдельные слова или части предложения, для этого же употребляются запятая и тире как парные знаки; если выделяемая конструкция стоит в начале или в конце предложения, то употребляется одна запятая или тире: *Я в деревне скучал, как щенок взаперти* (И. Тургенев); *Кроме рек, в Мещерском крае много каналов* (К. Паустовский); — *Эй, а ты куда, мамаша?* — *А туда ж, — домой, сынок* (А. Твардовский); 4) особый знак — многоточие, он «смысловой»; может ставиться в конце предложения для указания на особую значимость сказанного или в середине для передачи сбивчивой, затрудненной или взволнованной речи: — *Что такое ужин? Про-*

за. Вот луна, звезды... (А. Островский); — Отец, не кричи. Я тоже скажу... ну, да! Ты прав... Но твоя правда узка нам... Ну да! Вы... вы! Как же... вы образовались... а я дурак! А вы... (М. Горький).

Особое, сложное значение передают сочетания знаков. Так, употребление вопросительного и восклицательного знаков вместе оформляет риторический вопрос (т. е. усиленное утверждение или отрицание) с эмоциональной окраской: *Кто же из нас не думал там о войне?! Конечно, все думали* (К. Симонов); *Негодяй и вор, одним словом. И за такого человека выходить замуж? Жить с ним?! Удивляюсь!* (А. Чехов).

Соединение разных значений может достигаться сочетанием запятой и тире как е д и н ы м знаком (чаще они могут ставиться рядом, каждый по своему правилу, например тире в бессоюзном сложном предложении после запятой, не передающей обособления): *Над лесом небо прояснилось, — бледное солнце пролилось на серые колокольни Белоомута* (К. Паустовский) — грамматическая однородность, перечисление передается запятой, а с помощью тире подчеркивается значение следствия — результата; ср.:

Ты, брат, — это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец,
Я скажу тебе короче
И понятней: ты — боец.

(А. Твардовский)

Тире употреблено по правилу «тире между подлежащим и сказуемым (перед частицей — связкой *это*)», а запятыми выделено обращение.

Варианты употребления знаков препинания предусмотрены пунктуационными правилами. Если допускается постановка разных знаков, то обычно один из них является основным, т. е. ему предоставляется преимущество. Так, вставные конструкции выделяются, как правило, скобками: *Через несколько дней мы четверо (не считая всевидящих и всездущих мальчишек) так сдружились, что почти всюду ходили вчетвером* (К. Паустовский). Допускается выделение вставки с помощью двух тире: *А в середине мая была гроза и такой ливень, что по улице — она была не ровная, а покатая — бурно катилась целая река желтой воды* (С. Сергеев-Ценский). Для скобок данное употребление является основным, а для тире — одним из многих и второстепенным.

б) подчеркивает отсутствие грамматической связи между стоящими рядом словоформами, не составляющими словосочетания (в этом месте ставится тире):

В этом крике — жажда бури.

(М. Горький)

За городом —
поле.

В полях —
деревеньки.

В деревнях — крестьяне.

Бороды
веники.

(В. Маяковский)

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Прежде всего они выполняют общую функцию русской пунктуации, т. е. передают грамматическое и смысловое членение текста. Одна из общих задач пунктуации — участие в передаче на письме интонации предложения. Эта задача особенно важна для художественного текста. Чтение («воспроизводство») его требует особенно выразительной интонации. По этому поводу писатель Константин Паустовский высказался очень образно и точно: «Знаки препинания — это как нотные знаки». Поэтому автор художественного текста — прозаик, поэт и особенно драматург — должен учитывать возможность правильного «прочтения» знаков.

Особенной смысловой емкостью и выразительностью обладают двоеточие и тире, которые авторы порой употребляют одно вместо другого, желая усилить какой-либо оттенок смысла: *Теркин знал, что в этой схватке он слабей: не те харчи* (А. Твардовский) — двоеточие отвечает правилу: передает значение мотивации, причины; *Пускай толпа растопчет мой венец: Венец певца, венец терновый* (М. Лермонтов) — двоеточие употреблено вместо («правильного») тире и подчеркивает пояснительное значение. Тире употребляют вместо запятой для передачи (и чтения) паузы; эта особенность интонации привлекает внимание, усиливает значение следствия, противопоставления:

Послушайте!

Ведь если звезды

зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?

«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»

(В. Маяковский)

Наконец, тире используется как чисто «авторский» знак, который обозначает и заставляет воспроизвести паузу (по общим правилам, знака в этом месте не должно быть никакого). Так подчеркивается значительность сказанного, в особенности части высказывания после тире: *«Закона — нет. Есть — команда. Налево кругом марш! И — ступай!»* (М. Горький).

Многообразные функции изобразительности, выразительности выполняет в художественном тексте многоточие. Чаще всего этот знак оформляет речь взволнованную или затрудненную. Он употребляется и тогда, когда говорящий останавливается, подбирая слово (или слова): [Татьяна] *Тебе нужно согласиться, что с этим рабочим ты вела себя... довольно бестолково* (М. Горький).

С помощью многоточия оформляются прерванные высказывания, а также передается косноязычная речь: [Хлеstackов] *Да какое вы имеете право? Да как вы смеете? Да вот я... Я служу в Петербурге.* (Водрится.) *Я, я, я...* (Н. Гоголь).

Пунктуация авторская — это постановка знаков, не предусмотренных правилами (не путать с факульта т и в н ы м и знаками!). Автор вкладывает в эти знаки свое содержание, решает свои изобразительные задачи: *Я сам все знаю! Я — видел небо...* (М. Горький) — здесь тире передает паузу, с помощью которой говорящий («Я» — Уж) подчеркивает значительность сказанного и собственную «значительность». Ср.:

Огонь
пулеметный
площадь остриг.
Набережные —
пусты.
(В. Маяковский)

Авторские знаки не являются произвольными и «пустыми», они передают какой-либо добавочный смысл. Чаще

всего в качестве авторских знаков используются тире и многоточие. Тире обычно подчеркивает противопоставление и выделение второй (после знака) части:

Рожденный ползать — летать не может!..

(М. Горький)

Многоточие может употребляться аналогично, но чаще всего оно передает речь сбивчивую, взволнованную или затрудненную, «корявую»: [Барон] *Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... кофе! — со сливками... да!* (М. Горький).

Для художника слова авторский знак не только знак добавочного смысла, но и настроения, чувства — радостного или горестного, например:

Луг — болото — поле — поле,
Над речонкой ивы.
Сладко дышится на воле!
Все цветы красивы!

(К. Вальмонт)

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний // Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. — 4-е изд., испр. — М., 2010.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — 3-е изд. — М., 2004.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. — М., 1979.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. — М., 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О ЯЗЫКЕ	4
§ 1. Предмет и разделы языкознания	4
Язык как система	6
§ 2. Знаковый характер языка	6
§ 3. Системный характер языка	10
§ 4. Язык и другие знаковые системы	16
§ 5. Средства общения у животных	18
§ 6. Отличие языка от других знаковых систем	22
§ 7. Структура языка	24
§ 8. Синтагматические и парадигматические отношения в языке	28
§ 9. Взаимоотношение языка и мышления	30
Речь	36
§ 10. Язык и речь	36
§ 11. Реализация функций языка в речи	37
§ 12. Речь и мышление	38
§ 13. Внутренняя речь	40
§ 14. Внешняя речь	42
§ 15. Речь устная и письменная	43
§ 16. Монолог и диалог	44
§ 17. Текст — продукт речевого действия	45
§ 18. Анализ речевого действия	47
§ 19. Докоммуникативный этап	48
§ 20. Коммуникативный и посткоммуникативный этапы	51
§ 21. Возникновение и развитие речи у ребенка	53
§ 22. Факторы речевого развития человека	55
§ 23. Периодизация речевого развития человека	58
Дошкольный возраст	58
Школьный возраст	59
Зрелость	60
§ 24. Билингвизм	61
§ 25. Важнейшие тенденции развития речи	63
Лексика	63
Грамматический строй речи	64
Возникновение, развитие и функционирование языка	67
§ 26. Возникновение языка	67
§ 27. Синхрония и диахрония в языке	70
§ 28. Генеалогическая классификация языков	72
Индоевропейская семья	74
Финно-угорская (угро-финская) семья	79

Тюркская семья	80
Монгольская семья	80
Семито-хамитская семья	80
Кавказские языки	80
§ 29. Типологическая (морфологическая) классификация языков	81
Изолирующие (или аморфные) языки	82
Агглютинативные языки	83
Флективные языки	85
Инкорпорирующие (или полисинтетические) языки	87
§ 30. Внешние факторы развития языков	89
§ 31. Внутренние факторы развития языков	93
§ 32. Язык и общество	96
§ 33. Язык и культура	97
§ 34. Функции языка	100
§ 35. Языки международного общения	102
§ 36. Связь языкознания с другими науками	104
Литература	107

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 37. Русский язык — национальный язык русского народа	109
§ 38. Значение русского языка как средства межнационального и международного общения	110
§ 39. Русские писатели о богатстве и выразительности русского языка	110
Общепародный язык и его разновидности	111
§ 40. Русский литературный язык	113
Книжная разновидность литературного языка	114
Разговорная разновидность литературного языка	120
§ 41. Язык художественной литературы	121
§ 42. Территориальные диалекты русского языка	122
§ 43. Просторечие	124
§ 44. Социальные и профессиональные жаргоны (арго)	126
Культура речи	129
Литература	130

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И

ЛЕКСИКОЛОГИЯ	131
§ 45. Слово как объект лингвистического изучения	131
Лексическая семантика	131
§ 46. Предмет лексической семантики	131
§ 47. Слово как единица языка	132
§ 48. Лексическое значение слова и понятие	133

§ 49. Лексическое и грамматическое значение слова	135
§ 50. Денотативное и сигнификативное значение слова	136
§ 51. Родо-видовые отношения между словами	136
§ 52. Мотивированность (внутренняя форма) слова. Слова мотивированные и немотивированные	137
§ 53. Коннотация слова	139
§ 54. Предикатная и непредикатная лексика. Актанты и сирконстанты	140
§ 55. Структура лексического значения	143
§ 56. Дифференциальные и интегральные смысловые компоненты (семы)	145
§ 57. Части лексического значения в их соотношении друг с другом	147
Пресуппозиция и ассерция	147
Модальная рамка	149
Типы лексических значений	150
§ 58. Многозначность слова	150
§ 59. Прямое и переносные значения слова	151
§ 60. Метафора	153
§ 61. Метонимия	153
§ 62. Актуальное, узуальное и потенциальное значения слова	155
§ 63. Перформативы	158
§ 64. Свободные и несвободные значения слова	159
§ 65. Сочетаемостные возможности слова	161
§ 66. Омонимы	162
Типы омонимов	162
Разграничение омонимии и многозначности	163
Пути возникновения омонимов	164
§ 67. Паронимы	165
§ 68. Синонимы	166
Типы синонимов	166
Пути возникновения синонимов	169
Использование синонимов в речи	171
§ 69. Конверсивы	172
Типы конверсивов	174
§ 70. Антонимы	176
Типы антонимов	177
Внутрисловная антонимия (энантисемия)	179
Антонимы и многозначность слова	181
Использование антонимов в речи	182
§ 71. Ономастика. Антропонимика. Топонимика	185
Лексикология	188
§ 72. Предмет лексикологии	188

Лексика русского языка с точки зрения ее происхождения	188
§ 73. Исконно русская лексика	189
§ 74. Иноязычные слова	191
§ 75. Причины и условия лексического заимствования	192
§ 76. Старославянизмы в русском языке	195
§ 77. Заимствования из других языков	196
§ 78. Заимствование иноязычной лексики русским языком XX в.	198
§ 79. Типы иноязычных слов	200
§ 80. Фонетические и морфологические признаки заимствованных слов	202
§ 81. Кальки	203
§ 82. Использование иноязычной лексики в речи	205
Лексика русского языка с точки зрения ее активного и пассивного запаса	206
§ 83. Активный и пассивный словарь	206
§ 84. Устаревшие слова: историзмы и архаизмы	206
§ 85. Неологизмы	210
Лексика русского языка с точки зрения сферы ее употребления	213
§ 86. Общепотребительная (общеупотребительная) лексика ...	213
§ 87. Диалектная лексика	214
§ 88. Профессиональная и специальная лексика	216
§ 89. Жаргонная лексика	218
Лексика русского языка с точки зрения экспрессивной окраски и функционально-стилистической принадлежности	220
§ 90. Стилистическая окраска слова	220
§ 91. Стилистически нейтральная лексика	222
§ 92. Книжная лексика	222
§ 93. Сниженная лексика	223
Исторические изменения словарного состава русского языка	225
§ 94. Изменения в структуре и значениях слов	225
§ 95. Изменение лексики как системы	228
§ 96. Изменения в лексике русского языка XX в. ...	231
Этимология	235
Литература	236
ФРАЗЕОЛОГИЯ	237
§ 97. Фразеологические единицы, их основные признаки	237
§ 98. Основные типы фразеологических единиц	239

§ 99. Источники русской фразеологии	241
§ 100. Национально-культурная специфика фразеологизмов	243
§ 101. Стилистическая дифференциация фразеологизмов	244
§ 102. Особенности использования фразеологизмов в речи	245
§ 103. Крылатые слова. Пословицы и поговорки	246
Литература	247
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	247
Энциклопедические и лингвистические словари	247
§ 104. Типы лингвистических словарей русского языка	250
§ 105. Толковые словари, принципы их составления	251
§ 106. Характеристика основных толковых сло- варей русского языка	257
§ 107. Словари синонимов, антонимов, омонимов	267
§ 108. Фразеологические словари и словари крыла- тых слов	271
§ 109. Этимологические и исторические словари	273
§ 110. Словари иностранных слов	275
§ 111. Орфоэпические и орфографические словари ...	277
§ 112. Словари правильности русской речи и трудностей русского языка	279
§ 113. Диалектные словари	280
§ 114. Другие типы словарей	282
Литература	287
ФОНЕТИКА	288
§ 115. Предмет фонетики	288
§ 116. Артикуляционная фонетика	289
Артикуляционная характеристика звуков речи. Рече- вой аппарат	289
Методы артикуляционных исследований	291
§ 117. Акустическая фонетика	292
Акустические свойства звуков речи	292
Методы акустических исследований	295
§ 118. Перцептивная фонетика	297
Факторы, влияющие на восприятие речи	297
Перцептивные эталоны	299
Методы перцептивных исследований	300
Звуковой символизм	301
§ 119. Фонетическая транскрипция	303
§ 120. Сегментные и суперсегментные единицы	305
Звуки русского языка	307

§ 121. Гласные и согласные звуки	307
§ 122. Классификация гласных звуков	308
§ 123. Классификация согласных звуков	311
Слог	317
§ 124. Теории слога. Слоговые и неслоговые звуки	318
§ 125. Слогораздел	321
Ударение	323
§ 126. Фонетическая природа ударения	323
§ 127. Место ударения в слове	325
Неподвижное и подвижное формообразовательное ударение	326
Неподвижное и подвижное словообразовательное ударение	329
§ 128. Клитики	331
§ 129. Слабое ударение	332
§ 130. Побочное ударение	332
§ 131. Фразовое и синтагменное ударение и акцент- ное выделение	333
Интонация	335
§ 132. Тональные средства интонации	335
§ 133. Тембровые и количественно-динамические средства интонации	338
§ 134. Функции интонации	339
Фонология	340
§ 135. Звуки речи и звуки языка	340
§ 136. Фонема	341
§ 137. Позиционные чередования	346
§ 138. Нейтрализация фонем	349
§ 139. Сильные и слабые позиции	351
§ 140. Дифференциальные и интегральные призна- ки фонем и звуков	353
§ 141. Архифонема	355
§ 142. Гиперфонема	355
§ 143. Московская и Петербургская (Ленинград- ская) фонологические школы	356
Фонетические чередования	360
§ 144. Чередования гласных звуков	360
Ударные гласные	360
Безударные гласные	362
§ 145. Чередования согласных звуков	365
Чередование звонких и глухих согласных	365
Чередование твердых и мягких согласных	366
Чередование согласных по месту и способу образо- вания	366

Чередование долгих и кратких согласных	367
Чередование согласных с нулем звука	368
Фонологическая система русского литературного	
языка	368
§ 146. Состав гласных фонем	368
§ 147. Состав согласных фонем	370
§ 148. Подсистема гласных фонем	374
§ 149. Подсистема согласных фонем	375
§ 150. Фонетическая и фонематическая тран- скрипция	378
Исторические изменения в фонетике	379
§ 151. Фонетические процессы	379
§ 152. Исторические чередования как результат фонетических изменений	384
Исторические чередования как результат изменения гласных	384
Исторические чередования согласных	387
§ 153. Фонетические законы	388
ОРФОЭПИЯ	391
§ 154. Понятие орфоэпии	391
§ 155. Орфоэпические нормы в области гласных	394
§ 156. Орфоэпические нормы в области согласных ...	396
§ 157. Орфоэпические нормы отдельных граммати- ческих форм	399
§ 158. Орфоэпические нормы заимствованных слов ...	401
§ 159. Орфоэпические нормы в области ударения	402
§ 160. Русское литературное произношение в его историческом развитии	408
Литература	411
ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ	413
Основные этапы развития письма	413
§ 161. Значение письма в истории развития общества	413
§ 162. Предметные послания как средства пере- дачи сообщений	414
§ 163. Этапы развития начертательного письма	416
Графика	421
§ 164. Графика и алфавиты	421
§ 165. Греческий алфавит	421
§ 166. Латиница	423
§ 167. Кириллица	424
§ 168. Алфавиты языков народов России	426
Современная русская графика	427
§ 169. Современный русский алфавит	427

§ 170. Фонематический принцип графики	429
§ 171. Позиционный принцип русской графики	429
§ 172. Обозначение на письме фонемы /j/	430
§ 173. Обозначение на письме твердости и мягкости согласных	431
§ 174. Гласные буквы после шипящих и ц	432
§ 175. Значения букв	432
Орфография	434
§ 176. Орфограмма	435
§ 177. Передача буквами фонемного состава слова ...	437
§ 178. Слитные, раздельные и дефисные написания	444
§ 179. Употребление прописных и строчных букв ..	446
§ 180. Перенос части слова на другую строку	448
§ 181. Графические сокращения	449
§ 182. Из истории русской орфографии	450
Литература	452
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	453
§ 183. Предмет словообразования. Разделы словообразования	453
Морфемика	454
§ 184. Морфема и ее признаки. Морфема и морф	454
§ 185. Типология морфем в современном русском языке	456
§ 186. Свободные и связанные корни	464
§ 187. Основа слова. Типы основ	466
§ 188. Членимость слова. Степени членимости основ	468
§ 189. Исторические изменения в морфемном составе слова	470
§ 190. Принципы морфемного анализа	475
Дериватология	478
§ 191. Производное слово. Признаки производного слова	478
§ 192. Функции производных слов	482
§ 193. Понятие о способе словообразования. Классификация способов словообразования	484
§ 194. Аффиксальные способы словообразования	487
§ 195. Безаффиксные способы словообразования ...	491
§ 196. Комплексные единицы словообразования ...	494
§ 197. Активные процессы в современном русском словообразовании	497
Литература	502

МОРФОЛОГИЯ	503
Введение	503
§ 198. Морфология как раздел грамматики	503
§ 199. Грамматическое значение слова	507
§ 200. Формальные грамматические средства слова	509
§ 201. Грамматические категории	512
§ 202. Части речи	514
§ 203. Части речи и лексико-грамматические разряды	516
§ 204. Принципы морфологического разбора слов	519
§ 205. Основные этапы изучения русской морфологии	519
Самостоятельные части речи	523
Имя существительное	523
§ 206. Имя существительное как часть речи	523
§ 207. Лексико-грамматические разряды имен существительных	526
§ 208. Грамматические разряды склоняемых и несклоняемых имен существительных	528
§ 209. Несловозменительные категории имени существительного	530
Категория одушевленности/неодушевленности	530
Категория рода	535
§ 210. Словоизменительные категории имени существительного	542
Категория числа	542
Категория падежа	546
§ 211. Типы склонения существительных	549
Имя прилагательное	559
§ 212. Имя прилагательное как часть речи	559
§ 213. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных	559
§ 214. Грамматические классы склоняемых и несклоняемых имен прилагательных	563
§ 215. Морфологические категории имен прилагательных	565
Категория полноты/краткости	565
Категория степеней сравнения	568
§ 216. Типы склонения имен прилагательных	572
Имя числительное	575
§ 217. Имя числительное как часть речи	575
§ 218. Лексико-грамматические разряды имен числительных	577
§ 219. Склонение имен числительных	581
Местоимение	582
§ 220. Особенности значения местоименных слов	582

§ 221. Функционально-семантические разряды местоименных слов	584
§ 222. Грамматические классы местоименных слов	586
§ 223. Проблема местоимений как особой части речи	587
§ 224. Склонение местоименных слов	590
Глагол	592
§ 225. Глагол как часть речи	592
§ 226. Лексико-грамматические разряды глагола ...	595
§ 227. Система морфологических категорий глагола	600
Категория вида	602
Категория предикативности/атрибутивности	611
Категория личности/безличности	612
Категория залога	615
Категория наклонения	617
Категория времени	621
Категория лица	625
Категория числа	626
Категория рода	626
§ 228. Грамматическая специфика причастий и деепричастий как особых форм глагола	627
§ 229. Глагольное словоизменение	631
Наречие	634
§ 230. Наречие как часть речи	634
§ 231. Лексико-грамматические разряды наречий ...	635
§ 232. Степени сравнения наречий	636
Категория состояния (безлично-предикативные слова)	637
§ 233. Категория состояния как часть речи	637
§ 234. Лексико-грамматические разряды безлично-предикативных слов	638
Служебные части речи	638
§ 235. Общая характеристика системы неизменяемых частей речи	638
§ 236. Предлог	639
§ 237. Союз	640
§ 238. Частица	642
Модальные слова	643
§ 239. Модальные слова как часть речи	643
Междометия	644
§ 240. Междометие как часть речи	644
§ 241. Общая характеристика морфологического строя русского языка	646
Литература	648
СИНТАКСИС	650
§ 242. Основные единицы синтаксиса	650

Словосочетание	651
§ 243. Признаки и состав словосочетания	651
§ 244. Отношения между членами словосочетания	652
§ 245. Виды связи слов в словосочетании	653
§ 246. Типы словосочетаний	656
§ 247. Правила построения словосочетаний	658
Предложение	660
§ 248. Предложение — основная единица синтаксиса	660
§ 249. Предикативность	661
§ 250. Интонация	663
§ 251. Состав предложения	663
§ 252. Актуальное членение предложения	664
Типы предложений	666
§ 253. Классификация предложений по функции	666
§ 254. Повествовательные предложения	666
§ 255. Побудительные предложения	667
§ 256. Вопросительные предложения	669
Структура предложения	671
§ 257. Классификация предложений по структуре	671
Двусоставные предложения	672
§ 258. Выражение предикативности в двусоставном предложении	672
§ 259. Подлежащее. Типы подлежащих	672
§ 260. Номинативное подлежащее	672
§ 261. Инфинитивное подлежащее	678
§ 262. Сказуемое. Типы сказуемых	680
Простое сказуемое	680
Составное сказуемое	681
§ 263. Связь главных членов предложения	686
Односоставные предложения	689
§ 264. Типы односоставных предложений	689
§ 265. Глагольные односоставные предложения	690
§ 266. Определенно-личные предложения	691
§ 267. Неопределенно-личные предложения	691
§ 268. Обобщенно-личные предложения	692
§ 269. Безличные предложения	693
§ 270. Инфинитивные предложения	694
§ 271. Именные (субстантивные) односоставные предложения	696
Номинативные предложения	696
Генитивные предложения	698
§ 272. Нечленимые предложения	698
§ 273. Полные и неполные предложения	700
Структура распространенного предложения	701
§ 274. Второстепенные члены	701

§ 275. Функции второстепенных членов предложения	702
§ 276. Классификация второстепенных членов	703
Определение	704
Приложение	707
Дополнение	708
Обстоятельство	710
§ 277. Переходные явления в области второстепенных членов	712
Осложнение простого предложения	714
§ 278. Однородные члены	714
§ 279. Обособленные члены	719
Обособленные определения	722
Обособленные приложения	723
Обособленные обстоятельства	723
Обособленные дополнения	725
Сравнительные обороты	726
§ 280. Вводные компоненты	726
§ 281. Обращение	728
Сложное предложение	729
§ 282. Понятие сложного предложения	729
Союзные сложные предложения	730
§ 283. Сложносочиненные предложения	730
Сложносочиненные соединительные предложения	731
Сложносочиненные противительные предложения	732
Сложносочиненные разделительные предложения	733
Сложносочиненные присоединительные предложения	734
Сложносочиненные предложения усложненной структуры	735
§ 284. Сложноподчиненное предложение	735
§ 285. Нерасчлененные сложноподчиненные предложения	736
Местоименно-соотносительные предложения	737
Субстантивно-атрибутивные предложения	739
Изъяснительные предложения	740
§ 286. Расчлененные сложноподчиненные предложения	742
Придаточные временные	743
Придаточные сопоставительные	744
Придаточные условные	745
Придаточные причинные	745
Придаточные следственные	746
Придаточные целевые	747
Придаточные уступительные	747
Придаточные сравнительные	748

§ 287. Сложноподчиненные предложения с придаточными присоединительными	749
§ 288. Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными	749
§ 289. Бессоюзные сложные предложения	751
Бессоюзные сложные предложения усложненной структуры	753
§ 290. Сложные многочленные предложения	754
§ 291. Монологическая и диалогическая речь	754
§ 292. Способы передачи чужой речи	755
§ 293. Диалогическое единство	758
§ 294. Синтаксическое строение текста	759
§ 295. Сложное синтаксическое целое	760
§ 296. Период	761
§ 297. Пунктуация	762
Знаки препинания в художественном тексте	766
Литература	768

Учебное издание

**Касаткин Леонид Леонидович,
Клобуков Евгений Васильевич,
Крысин Леонид Петрович и др.**

Русский язык

Под редакцией Л.Л.Касаткина

Учебник

Редактор М.А.Злобина

Компьютерная верстка: Г.Ю.Никитина

Корректоры В.Н.Рейбекель, Е.В.Кудрашова

Изд. № 104116015. Подписано в печать 31.05.2011. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 49,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5964.

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 266.
Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, я/я 48.
Тел./факс: (495) 648-06-07, 616-00-29.
Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 14964 от 21.12.2010.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page — www.tverprk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverprk.ru.